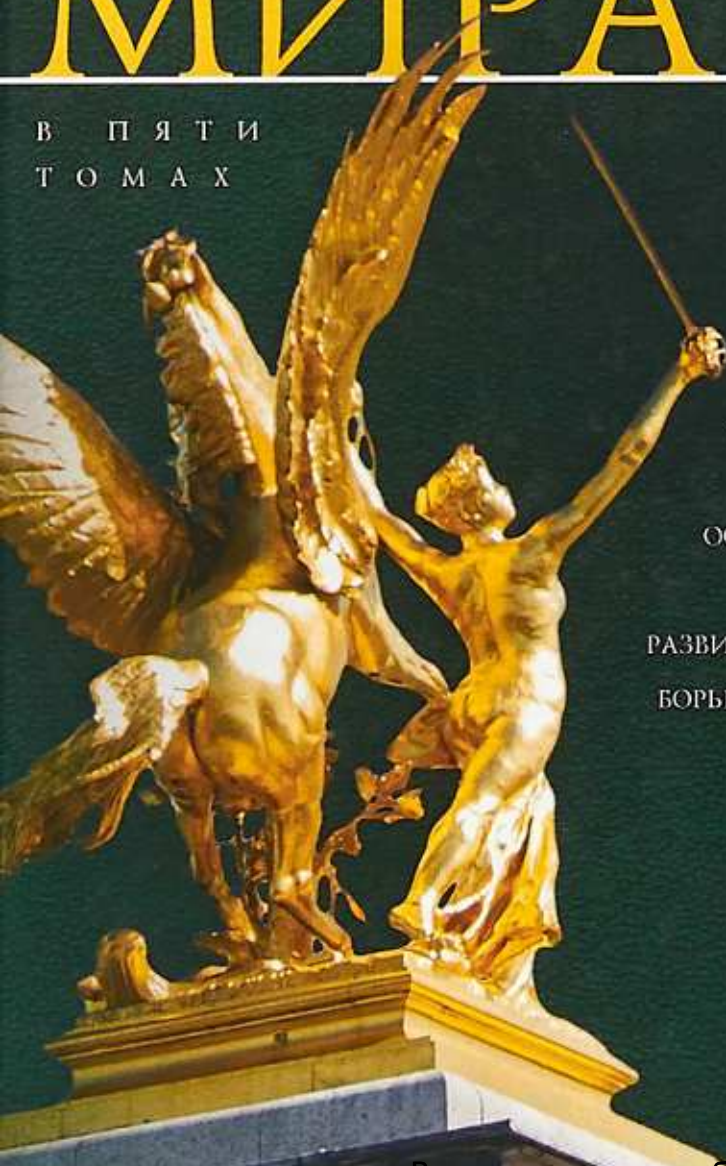

Узнайте стоимость написания на заказ студенческих и аспирантских работ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МИРА

ТОМ 3

В ПЯТИ
ТОМАХ

АНГЛИЯ: КОЛОНИАЛЬНЫЙ
ИМПЕРИАЛИЗМ.

ГЕРМАНИЯ: ЮНКЕРСКИЙ
КАПИТАЛИЗМ.

ФРАНЦИЯ: РОСТОВЩИЧЕСКИЙ
ИМПЕРИАЛИЗМ.

ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРИАЛИЗМА
США И ЯПОНИИ.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ.

БОРЬБА ВЕДУЩИХ ЭКОНОМИК МИРА
ЗА РЫНКИ СБЫТА НАКАНУНЕ

ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/учебники.shtml>

А Л Е Т Е Й Я

НАПИСАНИЕ на ЗАКАЗ:

1. Дипломы, курсовые, рефераты...
2. Диссертации и научные работы.

Тематика любая: ИСТОРИЯ, экономика, техника, право, менеджмент, финансы, биология...

УЧЕБНИКИ, ДИПЛОМЫ, ДИССЕРТАЦИИ:

полные тексты в электронной библиотеке

www.учебники.информ2000.рф.

Экономическая история мира

В 5 томах

Под общей редакцией
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
доктора экономических наук, профессора *М.В. Конотопова*

3-е издание,
дополненное и доработанное

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/учебники.shtml>

Редакционный совет:

М.В. Конотопов, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ
(председатель),

О.Т. Богомолов, акад. РАН,

Ю.Ф. Воробьев, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ,

Б.В. Гусев, член-корр. РАН, засл. деят. науки РФ,

В.Г. Егоров, д.и.н., д.э.н., профессор (зам председателя),

Б.Е. Ланин, д.э.н., проф.,

В.А. Мартынов, акад. РАН,

П.П. Пилипенко, д.э.н., проф.,

М.А. Сокольников (ответственный секретарь),

С.И. Сметанин, д.и.н., проф., засл. деят. науки РФ,

Ю.А. Сулимов, к.э.н., доц. (зам. председателя),

В.П. Федоров, член-кор. РАН,

Н.П. Шмелев, акад. РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Том 3

**Англия: колониальный империализм.
Германия: юнкерский капитализм.
Франция: ростовщический империализм.
Особенности империализма США и Японии.
Развитие капитализма в России.
Борьба ведущих экономик мира за рынки
сбыта накануне Первой мировой войны**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2018

УДК 338(091)+330.8
ББК 63.3(0)-2+65.02
Э 400

Авторский коллектив:

И. И. Агапова, к.э.н., проф. (10)
А. В. Аникин, д.э.н., проф., засл.деят.науки РФ (15, 19)
В. Г. Егоров, д.и.н., д.э.н., проф. (14, 17, 20, 21)
М. В. Конотопов, д.э.н., проф., засл.деят.науки РФ
(2, 3, 4, 5, 6, 7, 11, 12, 16, 22, 23, 24, 25, 26)
Б. Е. Ланин, д.э.н., проф. (1)
Н. А. Лебедев, д.э.н., проф. (13)
С. И. Сметанин, д.и.н., проф., засл.деят.науки РФ
(2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 16, 22, 23, 24, 25, 26)
Ю. А. Сулимов, к.э.н., доц. (18)

Э400 Экономическая история мира: в 5 т. / под общ. ред. М. В. Конотопова. – 3-е изд., доп. и дораб. – СПб.: Алетейя, 2018. – Т. 3. Англия: колониальный империализм. Германия: юнкерский капитализм. Франция: ростовщический империализм. Особенности империализма США и Японии. Развитие капитализма в России. Борьба ведущих экономик мира за рынки сбыта накануне Первой мировой войны. – 538 с.

ISBN 978-5-907030-04-6

Издание впервые объединяет историю развития мирового хозяйства и историю экономической мысли, включая философские концепции классиков экономической науки и экономические взгляды знаменитых философов. Будет незаменимо при подготовке к экзаменам кандидатского минимума по истории и философии экономики.

УДК 338(091)+330.8

ББК 63.3(0)-2+65.02

ISBN 978-5-907030-04-6

9 785907 030046

© Коллектив авторов, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

1. КАРЛ МАРКС — 1. ВЕЛИКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ И ПРОРОК

Для наиболее передовых в экономическом отношении европейских стран XIX век стал временем прогресса промышленного капитализма. На историческую арену выходит рабочий класс, что порождает новые теоретические идеи в области не только рыночной организации хозяйства, но и социальной структуры общества, их дальнейшей эволюции и перспектив. Классическая политэкономия, выделив материальное производство в качестве решающей сферы создания и приумножения богатства народов и возвеличив человеческий труд как его ключевой фактор, все еще продолжала оставаться реальным фундаментом достаточно различных течений и школ, пытающихся оценить экономическую среду обитания людей и проникнуть в тайны рыночного обмена.

В Европе это время было отмечено появлением такой крупной фигуры в общественной науке, как выдающийся немецкий ученый Карл Маркс – создатель всеобъемлющей экономической теории капитализма, оказавшей (без какого бы то ни было преувеличения) воздействие на последующее развитие ряда стран и, особенно, России.

Ближайшие сподвижники К. Маркса (и прежде всего его друг и соратник Фридрих Энгельс) назвали написанный им главный труд, «Капитал», «политической экономией пролетариата», «библией рабочего класса», ибо в этом энциклопедическом сочинении капитализм, а равно и вся рыночная система экономики объявлялись лишь исторически преходящим общественным строем, на смену которому должны закономерно прийти социализм и коммунизм. Экономическое учение К. Маркса, опирающееся на ряд постулатов классической теории (и прежде всего – на трудовую теорию стоимости), было провозглашено его сторонниками подлинно научным и единственно верным, тогда как все прочие попытки объяснения капитализма в теоретическом плане считались псевдонаучными (буржуазными, вульгарными или ревизионистскими). Широкую известность уже в XX в. приобрело афористичное высказывание В. И. Ленина: «Учение К. Маркса всесильно, потому что оно верно».

Однако в настоящее время, когда почти все (за редчайшим исключением) страны, строившие еще в недавнем прошлом «светлое коммунистическое

будущее», на практике перешли к формированию рыночных механизмов хозяйствования, требуется существенная корректировка основных концепций К. Маркса, разработанных во второй половине XIX в. И речь здесь, разумеется, должна идти не об исторической устарелости «основоположника научного коммунизма, учителя и вождя международного пролетариата и трудящихся всего мира» (ведь именно так громогласно характеризовался К. Маркс в советской литературе), хотя, конечно, любая экономическая теория всегда выступает продуктом определенного времени и вряд ли вправе претендовать на открытие абсолютных и вечных истин.

Между тем, даже при очевидной невозможности признания сегодня за всеми идеями К. Маркса единственно верного объяснения закономерностей развития капитализма и рынка необходимо подчеркнуть, что он прочно занял свое особое место в истории мировой экономической мысли, что его имя и труды не должны быть преданы забвению.

Известный американский профессор, лауреат Нобелевской премии по экономике В. В. Леонтьев уверенно заявляет: «Значение Маркса для современной экономической теории заключается в том, что его работы – это неистощимый источник прямых, непосредственных наблюдений действительности». Еще больший интерес представляют рассуждения одного из ведущих историков экономической науки, английского профессора М. Блауга, содержащиеся в его фундаментальном труде «Экономическая мысль в ретроспективе»: «В своей ипостаси экономиста Маркс продолжает жить и все еще актуален... Он подвергался переоценке, пересматривался, опровергался, его хоронили тысячекратно, но он сопротивляется всякий раз, когда его пытаются отослать в интеллектуальное прошлое. Хорошо это или плохо, но его идеи стали составной частью того мира представлений, в рамках которого мы все мыслим. Сейчас никто не ратует за А. Смита или Д. Рикардо, но по-прежнему поднимается кровавое давление, как только Маркс становится предметом исследования... Что бы ни думали о конечной обоснованности марксизма, надо иметь довольно слабые умственные способности, чтобы не увлечься героической попыткой Маркса дать обобщенное и систематизированное толкование «законов движения» капитализма».

А в предисловии к многократно переизданному учебнику по современной экономической теории американские профессора П. Самуэльсон (тоже лауреат Нобелевской премии) и У. Нордхаус без каких-либо сомнений относят К. Маркса к числу «интеллектуальных гигантов», возвышающихся на многовековом пути развития экономической науки.

Однако до выяснения основных положений экономической теории К. Маркса уместно совершить хотя бы небольшой экскурс в его биографию.

1.1. Жизненный путь ученого

К Маркс родился 5 мая 1818 г. в старинном городке Трире, одном из окружающих центров Рейнской провинции, которая относилась тогда к экономически наиболее развитой части Германии. Его отец Генрих Маркс был широко образованным человеком, занимавшим должность адвоката при высшем апелляционном суде. Взгляды юного К. Маркса формировались под сильным влиянием либеральных идей эпохи Просвещения: немецких философов Г. Лейбница и Г. Лессинга, английского Дж. Локка и французских Ж.-Ж. Руссо и Вольтера, а также других прогрессивных мыслителей, чьи книги находились в домашней библиотеке Г. Маркса. Позднее К. Маркс напишет об отце, что он «выделялся как своей личной безупречностью, так и своими юридическими талантами». До конца жизни К. Маркс сохранил глубокое уважение к памяти отца, фотографию которого завещал похоронить вместе с собой.

Получив хорошее воспитание в дружной многодетной семье (у Карла было три брата и пять сестер), Маркс в 1835 г. окончил трирскую королевскую гимназию. В его выпускном сочинении «Размышления юноши при выборе профессии» была высказана одна немаловажная мысль: «Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком».

После гимназии К. Маркс изучает юриспруденцию в Боннском и Берлинском университетах, но начинает серьезно увлекаться философией (особенно диалектической логикой великого немецкого ученого Гегеля) и завершает свое высшее образование написанием диссертации на звание доктора философии, посвященной мыслителям-материалистам Древней Греции Демокриту и Эпикуру. Уже на этом этапе он превращается в убежденного атеиста и решительно выступает против подчинения философии религиозным интересам. Упрочению атеистических и материалистических взглядов К. Маркса способствует и его большой интерес к известному немецкому философу Л. Фейербаху, выпустившему в 1841 г. свой знаменитый труд «Сущность христианства».

С 1842 г. начинается активная литературно-публицистическая деятельность К. Маркса. Сначала она развернулась в Кельне в большой ежедневной «Рейнской газете», где он работал ее сотрудником и редактором, а затем, после запрещения этой оппозиционной газеты за острые выпады против монархии, за подрыв доверия к государственной власти (К. Маркс, например, сравнивал прусское государство с «судном, полным глупцов», плывущем

навстречу своей неминуемой гибели), в Париже в новом журнале «Немецко-французский ежегодник».

Знаменательным для всей последующей личной (но одновременно и творческой) жизни К. Маркса стал май 1843 г., когда он вступил в брак (это произошло в маленьком городке Крейцнахе) с давно и горячо любимой им подругой детства Женни фон Вестфален, дочерью тайного правительственного советника, представителя аристократического рода, чей старший сын займет в будущем должность прусского министра. Прекрасно образованная, обаятельная Женни, считавшаяся многими первой красавицей Трира и «царицей балов», отдала без колебаний свою руку и сердце молодому человеку, которого ожидала впереди трудная судьба революционного мыслителя. И в дальнейшем, пройдя вместе с ним этот нелегкий жизненный путь (она скончалась в 1881 г., за год с небольшим до его смерти), Женни всегда оставалась верным другом и помощником К. Маркса, первой слушательницей его многочисленных сочинений, заботливой супругой и матерью четверых детей (трех дочерей и рано умершего сына). Дочь Элеонора напишет позднее трогательные воспоминания о родителях, относящиеся ко времени ухода из жизни ее матери: «Никогда не забуду я то утро, когда отец почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели, – это были любящая девушка и влюбленный юноша, вступающие вместе в жизнь, а не надломленный болезнью старик и умирающая старая женщина, навеки прощавшиеся друг с другом».

Другим знаменательным событием в жизни К. Маркса оказалось его знакомство с Фридрихом Энгельсом, которое можно отнести к зиме 1844 г., когда в первом выпуске «Немецко-французского ежегодника» вместе с публикациями самого К. Маркса увидели свет талантливые статьи молодого Ф. Энгельса – «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии». Это было начало поистине великой дружбы двух ученых, отдавших свои недюжинные творческие способности теоретическому обоснованию революционного переустройства мира.

Практически невозможно кратко описать все этапы жизненного пути и идейных исканий К. Маркса, да в этом и нет особой необходимости, так как за последнее столетие ему было посвящено огромное число исследований. Правда, нельзя не отметить, что в работах многих советских авторов нередко содержалось (разумеется, наряду с многочисленными объективными оценками) достаточно тенденциозное рассмотрение взглядов К. Маркса, во-первых, с сугубо классовых позиций и, во-вторых, с целью безапелляционного доказательства реального осуществления и воплощения именно в нашей стране после 1917 г. всех его заветов, касающихся общества будущего. В поэтически сжатой форме эти мысли некогда образно выразил В. Маяковский:

знаю,
Марксу
 виделось
 видение Кремля
и коммуны флаг
 над красною Москвой.

Подобные «видения» вряд ли стоило приписывать К. Марксу, который, действительно, предсказав необходимость грядущей диктатуры пролетариата и коммунизма с распределением благ «по потребностям», в то же время в последние годы жизни, наблюдая оживление ряда левых радикальных течений, высказывал серьезные опасения, связанные с возможностями построения не столько научного, сколько «казарменного социализма», и отказывался, выражаясь опять-таки его собственными словами, выписывать «рецепты для харчевни будущего».

Отмечая основные вехи в биографии мыслителя, важно особо выделить 1848 г., когда увидел свет знаменитый «Манифест Коммунистической партии» (программа Союза коммунистов). Этому произведению, написанному К. Марксом вместе с Ф. Энгельсом в яркой публицистической форме, предшествовал ряд работ самого К. Маркса, где уже излагались ключевые социально-экономические проблемы развития капитализма (к ним следует в первую очередь отнести «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и «Нищету философии»). Что же касается «Манифеста», то именно здесь с предельной четкостью были изложены идеи о создании объективных предпосылок предстоящей гибели капитализма, о рабочем классе как могильщике исторически обреченного строя, о коммунистической революции, которая должна навсегда покончить с эксплуатацией наемного труда, со всеми видами социального порабощения и паразитического существования одних людей за счет других, с национальным гнетом и кровавыми войнами. «Манифест» заканчивался словами: «Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В дальнейшем этот документ убежденные сторонники марксизма восторженно назовут «решающим шагом в превращении социализма из утопии в науку». Однако сегодня, с учетом накопленного за полтора столетия богатейшего исторического опыта, возникают вполне определенные сомнения в реальном факте такого превращения. Иными словами, здесь уместно поставить вопрос: а стал ли провозглашенный в «Манифесте» социализм подлинной наукой, не сохранил ли он в себе очевидные элементы утопизма (пусть и су-

щественно обновленного), элементы по-настоящему красивой и благородной мечты о грядущем идеальном состоянии общественного устройства?

Чтобы ответить на этот вопрос, как раз и следует сказать, что развернутое обоснование исторического крушения капитализма содержится в таких написанных уже после 1848 г. экономических произведениях К. Маркса, как «Наемный труд и капитал» (1849 г.), рукопись «Введение» (1857 г.), «К критике политической экономии» (1859 г.) и, наконец, главный труд – «Капитал», первый том которого увидел свет в 1867 г.

Что же касается обстоятельств личной жизни К. Маркса, то в конце августа 1849 г., после поражения буржуазно-демократической революции в Европе, его выслали за революционную деятельность из Парижа, и он переехал в Лондон, где и работал, не считая некоторых непродолжительных выездов, до своей смерти в 1883 г. Именно там, в политической эмиграции, К. Маркс в течение трех десятилетий создает фундаментальную экономическую теорию, которую он так и не успел полностью завершить во всех задуманных им аспектах. Последующие тома «Капитала» были опубликованы уже после его ухода из жизни: II (1885 г.) и III (1894 г.) подготовил к печати и издал под своей редакцией Ф. Энгельс, а IV (1904–1910 гг.) впервые вышел под редакцией К. Каутского.

И здесь хотелось бы обратить внимание еще на одну небезынтесную «деталь». Несмотря на всю ясность изложенных в «Манифесте» идей, из чего подавляющее большинство друзей и соратников К. Маркса делали вывод о необходимости перехода к непосредственной борьбе за победу социализма в Европе, за победу пролетариата, сам создатель этих четко «прописанных» путей революционного обновления мира целиком и полностью погружается в дальнейшее исследование экономических проблем капитализма, в многолетнюю титаническую работу по написанию «Капитала», сочинения сугубо теоретического и, как известно, достаточно сложного для чтения. Случайно или нет, но после появления I тома «Капитала» в «ближайшем круге» ученого возникло определенное недоумение, выражавшееся нередко в простом вопросе: а для чего все это было нужно (к числу усомнившихся в важности подобного труда относился, например, даже Вильгельм Либкнехт). Огорченный подобным непониманием К. Маркс откровенно делился своей обидой в письмах, адресованных Ф. Энгельсу. Хотя совершенно очевидно, что именно «Капитал» (а отнюдь не «Манифест Коммунистической партии») определил в конечном счете важное место К. Маркса в истории мировой экономической мысли.

К. Маркс скончался 14 марта 1883 г. и был похоронен в Лондоне на Хайгетском кладбище. В траурном обращении русских социалистов, написанном П. Л. Лавровым, говорилось: «Смерть Карла Маркса пробудит скорбь у всех,

сумевших понять его мысли и оценить его влияние на нашу эпоху». Ф. Энгельс, выступая на могиле друга, произнес проникновенные слова: «Правительства – и самодержавные и республиканские – высылали его, буржуа – и консервативные и ультрадемократические – наперебой осыпали его клеветой и проклятиями. Он сметал все это, как паутину, со своего пути, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке, от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг».

Тем не менее, пытаюсь охарактеризовать сложную личность К. Маркса, вся жизнь которого, несомненно, прошла в постоянной борьбе, в подорвавшей его здоровье напряженной теоретической работе, не всегда уместно предаваться лишь благостному почитанию и умилению. Да, он стал великим человеком, о чем мечтал еще в юности. Известный русский историк экономической мысли В.В. Святловский в своем большом труде «Очерки по истории политической экономии», изданном в 1910 г., отдает К. Марксу дань искреннего уважения. «В литературных произведениях Маркса, – пишет он, – особенно поражает его изумительная эрудиция не только в сфере экономических наук, но и в других областях. Он знал русский язык и был знаком с русской литературой, читал Пушкина, Гоголя и Щедрина. Мысли Маркса отличались трезвостью, силою анализа». Однако, опираясь на многочисленные воспоминания людей, близко знавших К. Маркса, автор обращает внимание и на негативные черты его характера: «В его отношениях ко многим людям слышалось неудержимое презрение, сарказм его был поистине беспощаден... Вражда, ненависть к угнетателям как бы заменяла в его душе любовь к угнетенным... Прудон, Бакунин, Бланки, Герцен подвергались его нападкам не только за свои воззрения, но и за свои личные качества, делавшие их совершенно чуждыми Марксу. Особенно тяжелой для многих была та черта его характера, которая заставляла подозревать в нем человека с деспотическими наклонностями».

Другой крупный русский ученый, профессор М. И. Туган-Барановский в книге «Очерки из новейшей истории политической экономии» (1903 г.) делает набросок портрета К. Маркса хотя и иными, но в чем-то похожими по своему смыслу словами: «В лице Маркса мы имеем перед собой удивительно цельную, законченную фигуру, как бы вылитую из бронзы. Что-то мощное, непоколебимое и безгранично самоуверенное, но в то же время угловатое, жесткое, резкое сквозит во всякой черте его характерного нравственного облика. Видно, что перед вами человек, привыкший царить над умами людей и не допускающий ни минуты сомнения в своем праве на это. Его умственное

руководство превращалось в железную диктатуру, которой должен был подчиняться каждый, поддерживавший с ним духовное общение».

И, наконец, завершая описание личности К. Маркса, можно вспомнить его ответы в так называемой «Исповеди», записанной в семейном альбоме. На вопрос: «Ваша отличительная черта» он ответит: «Единство цели», «Ваше представление о счастье» – «Борьба», «Ваш любимый цвет» – «Красный», «Ваше любимое изречение» – «Ничто человеческое мне не чуждо» и «Ваш любимый девиз» – «Все подвергай сомнению».

К. Маркс целеустремленно подверг сомнению и отверг многое и многих в политической экономии, существовавшей до него и при нем. Не столь удивительно, что и последующая экономическая теория, опирающаяся не только на «символы веры», но и на конкретную эволюцию социально-экономических процессов, позволила себе усомниться в ряде его ключевых концепций и футурологических предвидений.

По причине очевидной невозможности охвата в рамках краткого очерка огромного числа разработанных К. Марксом теоретических положений остановимся на выяснении лишь некоторых наиболее существенных экономических идей, содержащихся в главном труде ученого – «Капитал».

1.2. Эта загадочная, неуловимая стоимость

«**К**апитал» К. Маркса имеет важный смысловой подзаголовок – «Критика политической экономии». Здесь действительно представлена развернутая критика буржуазной политической экономии, которая, получив название «классической», дала некогда теоретическое обоснование становления и закономерностей развития рыночной (капиталистической) системы хозяйства. К. Маркс с классовых позиций осуществил принципиальную переоценку научного характера этой экономической теории, о чем прямо и написал в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала»: «Поскольку политическая экономия является буржуазной, т.е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически переходящую ступень развития, а наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях». При этом нельзя не видеть, что порой критика отдельных представителей классической политэкономии была не просто резкой, но и откровенно уничижительной. Так, по поводу взглядов английского экономиста Джона Стюарта Милля он саркастически заметил:

«На плоской равнине всякая кочка кажется холмом; плоскость современной буржуазной мысли лучше всего измеряется калибром ее «великих мыслителей».

В «Капитале» содержится анатомия классического капитализма, который представлял собой лишь исторически первую форму существования рыночной системы экономики, тогда как сама эта система (вопреки утверждениям К. Маркса) оказалась в будущем достаточно жизнеспособной, т.е. способной не просто к выживанию, но и к значительному прогрессу (особенно во второй половине XX в.) с помощью собственной трансформации. Таким образом, если капитализм, детально проанализированный в «Капитале», действительно доказал свой исторически преходящий характер (и здесь К. Маркс был, конечно, прав), то этого нельзя сказать о рыночной системе экономики в целом. Все ее дальнейшее, хотя и противоречивое развитие продолжает и сегодня оставаться объектом изучения экономической науки, оригинальный вклад в которую, бесспорно, внес К. Маркс.

Хорошо известно, что в откровенно пропагандистском варианте марксизма капитализм многократно характеризовался в качестве одряхлевшего, умирающего строя, разъедаемого постоянно углубляющимися и неразрешимыми противоречиями, строя, породившего в лице пролетариата собственного могильщика и обреченного на неминуемую гибель. Уместно, например, вспомнить, как в советской литературной критике, казалось бы далекой от политэкономических проблем, образ Егора Булычева из талантливой пьесы М. Горького примитивно трактовался как символический образ капиталиста, пораженного прогрессирующей неизлечимой болезнью и умирающего от нее на фоне растущего рабочего движения.

В отличие от подобных упрощений К. Маркс в ходе изучения капитализма выступил отнюдь не в роли патологоанатома, исследующего приготовленный к захоронению «труп». Экономические формы не в статике, а в динамике, законы развития, т.е. постоянного движения от одних состояний к другим, с опорой на диалектическую логику – вот что прежде всего интересовало К. Маркса как ученого. Поэтому он и начинает свой фундаментальный анализ капитализма с точки зрения его генетического происхождения, с анализа товарного производства и товара, который он образно сравнил с «экономической клеточкой» буржуазного общества. «Предметом моего исследования. – напишет К. Маркс в предисловии к первому тому «Капитала», – является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена».

При изучении капиталистических, т.е. рыночных, отношений как раз и следовало проникнуть в тайну рыночного обмена. В чем же заключалось раскрытие этой тайны, предложенное К. Марксом?

Не отрицая, что политэкономия продолжает оставаться наукой о богатстве, он уже в самом начале первой главы «Капитала», имеющей название «Товар», определит богатство обществ в условиях рыночной экономики в качестве «огромного скопления товаров», а отдельный товар как «элементарную форму этого богатства».

Однако нельзя не заметить, что ведь и в современной теории рыночной экономики именно товарная форма всех произведенных продуктов (и вещей, и услуг) остается той «клеточкой», из которой вырастает многоклеточная экономическая организация общества.

Поскольку же рынок есть в своей первооснове процесс обмена, для которого собственно и производятся товары, постольку здесь и требует решения проблема стоимости самого товара.

Отправным пунктом экономической теории К. Маркса выступает трудовая теория стоимости, уходящая своими корнями в классическую политэкономию.

К. Маркс обосновал понятие стоимости в качестве воплощенного в товаре (овеществленного, или, точнее, – объективированного) человеческого труда, который является ее субстанцией.

Существовавшая со времен французского экономиста Ж. Б. Сея многофакторная модель производства, объединяющая три фактора – труд, землю и капитал, была отвергнута К. Марксом как ненаучная (отсюда и Сей, по его классификации, оказался исключенным из классиков и попал в число вульгарных экономистов). В отличие от нее производительные силы общества (а именно этим термином К. Маркс предпочел заменить понятие факторов производства) включали в себя, с одной стороны, живой труд (т.е. трудящихся людей), а с другой – средства производства, являющиеся накопленным, или «мертвым», трудом, т.е. капиталом, находящимся в частной собственности капиталистов. Таким образом, все было сведено исключительно к трудовому фактору как единственному созидателю материального богатства.

Два ключевых свойства любого товара (во-первых, способность удовлетворять человеческие потребности, т.е. потребительная стоимость, и, во-вторых, способность обмениваться на другие товары или деньги в определенных пропорциях, т.е. меновая стоимость) К. Маркс впервые в экономической науке выводил из двойственного характера самого труда, который выступает одновременно в конкретной и абстрактной формах (именно эту двойственность труда, наряду с теорией прибавочной стоимости, Ф. Энгельс отнес к одному из наиболее значимых открытий К. Маркса). В результате получалось, что человеческий труд в своей конкретной форме наделяет товар потребительной стоимостью, или полезностью, а в своей абстрактной форме (как общее расходование рабочей силы вне ее конкретных, специализиро-

ванных проявлений) создает стоимость, представляющую собой объективную основу меновой стоимости.

Общий же вывод заключался в том, что товары должны обмениваться на рынке в соответствии с их стоимостью, цена товара становится денежной формой этой внутренней (трудовой) стоимости, а стоимость измеряется продолжительностью труда, его временем (правда, не индивидуальным, а так называемым «общественно необходимым»).

Описанная теоретическая модель стоимости в своем абстрактно-логическом виде выглядела достаточно презентативно.

Однако ее применение на практике, т.е. непосредственно в условиях рыночного ценообразования, сталкивалось с большими трудностями. Дело в том, что стоимость как таковая могла реально обнаружиться лишь в процессе обмена (кстати, К. Маркс обратил на это серьезное внимание), т.е. там, где она «срачивается» с формой определенной цены.

Многие экономисты считали в то время основой рыночной цены издержки производства, хотя и не сводили их исключительно к затратам труда, включая сюда расходы, связанные с использованием других факторов производства. Что же касается самой стоимости, то они нередко воспринимали ее в качестве какой-то «мистической» величины. Такое восприятие резко усилилось после выхода в свет третьего тома «Капитала», где у К. Маркса появилась категория «цена производства», складывающаяся из суммы издержек производства и «средней прибыли». Несмотря на то, что выравнивание различных норм прибыли в среднюю есть практически (или даже совсем) недоказуемая гипотеза, здесь важно обратить особое внимание на тот факт, что «цена производства» трактовалась в качестве «превращенной» формы опять-таки самой стоимости. С помощью условных цифровых показателей доказывалось количественное равенство суммы всех стоимостей, с одной стороны, и суммы цен – с другой. Но размещение подобным образом стоимости и цены на разных чашах весов означало неосуществимую, по сути, попытку отделения танцора от танца во время его выступления на сцене.

На самом же деле полный набор доказательств, используемых К. Марксом в его теории стоимости товара, был необходим в конечном счете для обоснования теории прибавочной стоимости, для раскрытия тайны капиталистической эксплуатации.

Вооруженный гегелевской диалектической логикой и увлеченный его знаменитой триадой (тезис – антитезис – синтез), К. Маркс осуществил в своем анализе последовательное восхождение по ступеням трех экономических категорий: товар – деньги – капитал. На первом этапе этого восхождения (от товара к деньгам) как раз и была разработана оригинальная теория денег.

Раскрыв товарное происхождение денег с помощью развития форм стоимости, К. Маркс доказал, что деньги – это особый товар, всеобщий эквивалент обмениваемых товаров, всеобщее воплощение их стоимости (разумеется, трудовой). Причем подобной внутренней стоимостью (овеществленным человеческим трудом) могли обладать лишь так называемые «полноценные деньги», т. е. прежде всего – золото. «Стоимость железа, холста, пшеницы и т. д., – отмечал К. Маркс, – существует, хотя и невидимо, в самих этих вещах; она выражается в их равенстве с золотом, в их отношении к золоту...» Между прочим, все это соответствовало реальным системам денежного обращения в передовых странах XIX столетия, когда у денег было и золотое обеспечение, и золотое содержание. С развитием классического (промышленного) капитализма исключительно золото (сначала вместе с серебром) утвердило некогда свою монополию в качестве денежного товара в мировом масштабе.

Дальнейшая же эволюция денег во второй половине XX в. (особенно в связи с уходом золота от выполнения им роли денег, т. е. с его «демонетизацией», и чрезвычайно широким распространением безналичных форм денежных расчетов) явилась отражением принципиальных изменений в общих экономических условиях их функционирования в качестве универсального средства обмена.

Современные деньги, которые сменили свое золотое обеспечение на товарное и начали ускоренно принимать форму так называемых «электронных» денег, а отсюда и современные национальные системы денежного обращения, равно как и международные валютные системы, уже достаточно трудно (хотя такие попытки все еще продолжаются) описать и объяснить только на основе теории денег К. Маркса. Однако и в этом случае проведенное им исследование денег нельзя полностью отослать в «интеллектуальное прошлое».

Достаточно сказать, что и предложенный К. Марксом развернутый анализ товарного происхождения денег, и аргументированное обоснование законов денежного обращения, т. е. определения их количества, необходимого для обслуживания товарного обращения (пусть и проведенное с позиции стоимостной природы денежного товара) продолжают сегодня находиться в арсенале экономической науки.

Что же касается превращения денег в капитал, то и здесь, при всех особенностях исследования этого превращения, ни один современный экономист не стал бы возражать против известного теоретического положения К. Маркса: «Каждый новый капитал при своем первом появлении на сцене, т. е. на товарном рынке, рынке труда или денежном рынке, неизменно является в виде денег, – денег, которые путем определенных процессов должны превратиться в капитал».

1.3. Теория капитала: классовый подход к анатомии рыночной системы экономики

В экономическом учении К. Маркса, опирающемся на трудовую теорию стоимости и развитие ее форм, классический капитализм получил развернутую (и добавим – фундаментальную) характеристику в качестве системы эксплуатации наемного труда, которая, несомненно, была признаком определенной исторической стадии эволюции рыночных отношений.

Между тем рыночная экономика, превратившись в ходе столетия в смешанную, регулируемую и, наконец, социально ориентированную систему, уже далеко не соответствует многим выводам К. Маркса.

Однако и в настоящее время представляется достаточно важным дать хотя бы тезисное освещение марксистского понимания эксплуатации труда по двум причинам: во-первых, в связи с его очевидной альтернативностью по отношению к современным подходам и, во-вторых в целях своеобразного теоретического предостережения от возможного сползания недостроенной рыночной экономики России либо в олигархический, либо просто в грабительский капитализм далекого прошлого.

По теории К. Маркса, капитализм начинается с того момента, когда специфическим рыночным товаром становится не труд, а рабочая сила человека. Под рабочей силой понимается способность человека к труду, и именно эту способность и покупает у рабочего капиталист, т. е. собственник средств производства.

Рабочая сила как товар имеет два свойства: потребительную стоимость (полезность) и стоимость. Причем потребительная стоимость этого товара заключается в способности наемного рабочего создавать живым трудом новую стоимость, превышающую количественно саму стоимость рабочей силы. Стоимость же рабочей силы равна стоимости средств существования, необходимых рабочему для воспроизводства (восстановления) способности к труду.

Новая (или вновь созданная) стоимость, таким образом, складывается из двух частей: стоимости рабочей силы (стоимости необходимого продукта) и прибавочной стоимости, а весь рабочий день делится при капитализме на два периода – необходимое рабочее время, в течение которого рабочий создает стоимость, равную по величине стоимости его рабочей силы, и прибавочное рабочее время, когда создается прибавочная стоимость, целиком и полностью присваиваемая капиталистом.

Что же касается используемых в процессе труда средств производства, то их стоимость лишь переносится на готовый продукт с помощью конкретного

труда рабочего. Средства производства (этот «мертвый», или накопленный, труд) не создают никакой новой стоимости, источником которой продолжает оставаться лишь живой труд наемных рабочих.

Из двойственного характера человеческого труда и отсюда двух свойств товара К. Маркс делал вывод о двойственности самого процесса капиталистического (товарного) производства, представляющего собой, с одной стороны, обычный процесс конкретного труда, сориентированного на изготовление какой-либо полезной вещи, а с другой – «процесс созидания стоимости», в рамках которого должен возникнуть ее излишек по сравнению с первоначальными вложениями денег в производство. Поэтому, как отмечает К. Маркс, у капиталиста присутствуют заботы двоякого рода: «Во-первых, он хочет произвести потребительную стоимость, обладающую меновой стоимостью, предмет, предназначенный для продажи, т. е. товар. И, во-вторых, он хочет произвести товар, стоимость которого больше суммы стоимости товаров, необходимых для его производства, больше суммы стоимости средств производства и рабочей силы, на которые он авансировал на товарном рынке свои наличные деньги. Он хочет произвести не только потребительную стоимость, но и товар, не только потребительную стоимость, но и стоимость, и не только стоимость, но и прибавочную стоимость».

К. Маркс отверг представления о капитале как о совокупности вещественных средств производства, объяснив, что они превращаются в капитал лишь при определенных исторических условиях, т. е. когда становятся частной собственностью капиталиста и одновременно средством эксплуатации наемного труда. Он определил капитал как «самовозрастающую стоимость», или «стоимость, приносящую прибавочную стоимость». В капитале была обнаружена не вещь, а экономическое отношение между людьми, между эксплуататорами и эксплуатируемыми (капиталистами и рабочим классом). По теории К. Маркса, капитал превратился в главное производственное отношение капиталистической (рыночной) системы экономики. При этом он был разделен на две части: постоянный, вкладываемый в средства производства, и переменный, затрачиваемый на покупку рабочей силы (т. е. на заработную плату рабочих) и «самовозрастающий» за счет производства прибавочной стоимости.

Заработную плату К. Маркс называет «превращенной формой стоимости рабочей силы», т. е., проще говоря, заработная плата наемного рабочего есть денежное выражение стоимости его рабочей силы.

В подобной модели производства наемный рабочий лишь одну часть рабочего дня работает на себя (необходимое время), получая за это время заработную плату, а другую – безвозмездно на капиталиста (прибавочное время). В течение же всего рабочего дня он переносит своим конкретным трудом стоимость средств производства на готовый продукт.

Так выглядит в общих чертах процесс эксплуатации наемного труда капиталом, в ходе которого капиталист всегда оплачивает рабочему в форме заработной платы не весь труд, а лишь некоторую его часть. Отсюда и сама степень эксплуатации определяется как частное от деления прибавочной стоимости на стоимость рабочей силы, или (что то же самое) от деления прибавочного рабочего времени на необходимое. Присвоенная капиталистом прибавочная стоимость приобретает на рынке форму прибыли, и тогда еще одним способом установления степени эксплуатации может быть деление массы прибыли на величину выплаченной рабочим заработной платы.

К. Маркс, по существу, отрицал возможность существования в условиях капитализма, во-первых, реального рынка труда и, во-вторых, заработной платы в качестве реальной цены труда, т. е. формы его более или менее эквивалентной оплаты.

Покупка капиталистом на рынке специфического товара «рабочая сила» (а не труда) и выплата рабочему соответствующей заработной платы именно за этот товар (а не за весь труд) – таким предстает механизм эксплуатации наемного труда в марксистской теории. Отсюда следует, что система наемного труда как таковая обязательно должна обладать внутренней эксплуататорской природой. Поэтому отнюдь не случайно в нашей стране, приступившей после Октября 1917 г. к строительству социализма, но сохранившей систему найма работников, для полного устранения (хотя бы на словах) эксплуатации декларативно провозгласили нетоварную природу рабочей силы.

Что же касается капитализма, который был объектом исследования у К. Маркса, то он действительно отличался и низким жизненным уровнем трудящихся, и отсутствием их социальной защищенности, и безудержным стремлением многих капиталистов к личной наживе, когда рыночный обмен уступал место «корыстному обману», а безвозмездное присвоение чужого труда (т. е. эксплуатация) путем недоплаты за трудовую услугу работников получило широкое распространение.

Однако все это еще не означает, что только марксистская теория прибавочной стоимости служит единственно верным и подлинно научным объяснением многочисленных негативных сторон классического капитализма, в том числе низкой цены труда, абсолютного и относительного обнищания рабочего класса.

Сегодня нельзя не видеть, что в высокоразвитых странах широким слоям трудящегося населения уже обеспечен достаточно высокий жизненный уровень, и, следовательно, ортодоксальное, прямое отождествление рыночной системы наемного труда с его эксплуатацией становится недопустимым, т. е., по сути, – ненаучным.

При таком отождествлении определенная часть населения России, реально обедневшая в ходе реформирования экономики, может вообще не захотеть идти дальше к нормальному и якобы всегда эксплуататорскому рынку и предпочтет ему возврат в «светлое» прошлое, где ни рабочая сила, ни труд не рассматривались в качестве товара, а заработная плата – в качестве конкурентной цены труда.

Между тем факторы неполной оплаты трудовой услуги наемного работника, несомненно, существовали и в системе централизованно планируемого социализма, встречаются они и в условиях современных рыночных отношений, не говоря о парадоксальных случаях полной невыплаты денежного вознаграждения за труд, все еще наблюдающихся, к сожалению, в переходной экономике России. И здесь реальным барьером на пути ущемления экономических интересов трудящихся может и должна стать социально ориентированная политика правового государства, социальная ответственность самого бизнеса и активные действия общественных (прежде всего, профсоюзных) организаций.

Далее остается добавить, что К. Маркс рассматривал развитие капитализма с точки зрения процесса воспроизводства капитала: на микроэкономическом уровне – как индивидуального, а на макроэкономическом – как общественного. Причем на обоих уровнях в первооснове возрастания капитала и усиления его мощи лежала опять-таки прибавочная стоимость. «У капитала, – подчеркивал К. Маркс, – одно-единственное жизненное стремление – стремление возрастать, создавать прибавочную стоимость, впитывать своей постоянной частью, средствами производства, возможно большую массу прибавочного труда. Капитал – это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает».

Предложенные К. Марксом схемы воспроизводства общественного капитала явились, по существу, первыми макроэкономическими моделями функционирования сложившейся к тому времени рыночной системы экономики. Несмотря на то, что в этих схемах национальный доход страны представлял собой (в соответствии с теорией прибавочной стоимости) сумму необходимого и прибавочного продуктов, т. е., иными словами, сумму годового фонда зарплаты рабочих и основных превращенных форм прибавочной стоимости (промышленной и торговой прибыли, ссудного процента и земельной ренты), в них уже содержалось большое число рациональных моментов, которые позднее найдут отражение в макроэкономических концепциях различных теоретиков, не считавших себя последователями К. Маркса.

В ходе исследования капиталистического воспроизводства К. Маркс одним из первых в экономической науке обратил внимание на свойственную

ему цикличность – эту объективную форму развития рыночной экономики, которая представляет собой волнообразные движения хозяйственной конъюнктуры (деловой активности) путем чередования ее подъемов и спадов, выступая, как сказали бы современные экономисты, одной из главных форм нарушения макроэкономического равновесия. «Как небесные тела, – образно замечал он, – однажды начавшие определенное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно вовлечено в движение попеременного расширения и сокращения, постоянно повторяет это движение».

Насколько бы далеко ни продвинулась сегодня теория, изучающая экономические колебания в масштабах как отдельных стран, так и всемирного хозяйства, она продолжает выяснять различные причины этих пульсаций рынка, одной из которых (причем едва ли не самой главной) является научно-технический прогресс. В связи с этим необходимо особо подчеркнуть, что именно К. Маркс увидел непосредственную причину периодичности экономических кризисов в процессе обновления основного капитала, обусловленного, в свою очередь, средней продолжительностью жизни его наиболее активного элемента – промышленного оборудования. Этот процесс обновления, порождаемый прогрессом науки и техники, он назвал «материальной основой» экономического цикла.

В общетеоретическом плане К. Маркс рассматривал кризисы при капитализме как результат временного и частичного разрешения его основного противоречия – противоречия между растущим общественным характером производства и частной формой присвоения его результатов (т. е. частной собственностью), считая, что полностью данное противоречие может быть разрешено только при смене капитализма социализмом, опирающимся исключительно на общественную собственность на средства производства.

Именно основное противоречие капитализма, предельно четко сформулированное в «Капитале», стало теоретическим фундаментом того главного предвидения (можно даже сказать – пророчества), в соответствии с которым капиталистический способ производства ожидал неизбежный крах: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

Так звучал революционный вывод К. Маркса, сделанный им в известной 24 главе I тома «Капитала».

Несмотря на то, что в XX в. ряд стран во главе с Советским Союзом вступили на путь строительства социализма и коммунизма, вооруженные идеей

«экспроприации экспроприаторов», и прошли по нему, при всех трудностях, достаточно большое время, этот долгосрочный исторический эксперимент не стал маяком на магистральном направлении движения человечества.

Отсюда вытекает, что предвидение К. Маркса о подобном варианте гибели капитализма не сбылось. Однако даже этот факт сам по себе не умаляет заслуг К. Маркса как великого мыслителя.

Будущее оказалось в конечном счете за рыночной системой экономики, которая обнаружила способность к внутренней трансформации, к существенной изменчивости ключевых принципов своего функционирования.

Экономика рыночного типа продолжает в целом динамично развиваться. В ней зримо усиливаются процессы обобществления и социализации, об объективном и необходимом возникновении которых писал К. Маркс полтора века тому назад.

Современные национальные модели рыночной экономики при отсутствии единого эталона отличаются большим многообразием: от «социалистического королевства» Швеции и «социального рыночного хозяйства» ФРГ до «рыночного социализма» Китая. И хотя «час капиталистической частной собственности» все еще не пробил, здесь реально расширяется коллективно-частная (корпоративная) собственность, происходят определенная диффузия собственности и демократизация капитала, возрастает социальная ответственность бизнеса и общая социальная ориентация экономики.

Не случайно в Западной Европе, начиная с 60–70-х г. XX в., наблюдается своеобразная реанимация идей «Капитала» путем их интеграции в неоклассические теории совокупного спроса и в кейнсианство в ходе разработки долгосрочных прогнозов развития рыночной системы, анализа процессов накопления капитала, распределения экономических благ и взаимодействия различных социальных слоев общества.

Даже при характеристике некоторых выводов К. Маркса в качестве ошибочных или утопических необходимо признать масштабность его теоретических достижений и привлекательность идей, среди которых далеко не в последнюю очередь следует назвать убежденность в объективной необходимости постоянной эволюции экономических систем.

2. АНГЛИЯ. 2. «КОЛОНИАЛЬНЫЙ» ИМПЕРИАЛИЗМ

2.1. Британская империя

Начнем с терминологической оговорки. «Правильное», официальное название этой страны – Великобритания. Англия – сравнительно небольшая часть Великобритании, ее первоначальное ядро, к которому присоединялись остальные части королевства. Но в России принято чаще называть это государство Англией, поэтому и мы, говоря об Англии, будем иметь в виду государство в целом.

Уже к 70-м гг. XIX в. Англия захватила больше колоний, чем остальные страны. В последней трети этого столетия она увеличила свои владения, присоединив огромные территории в Африке. Основными событиями завершения раздела Африки были Англо-бурская война и фашодский инцидент, о котором упоминалось выше. Одновременно с захватами в Африке Англия присоединяла к империи последние незанятые клочки суши: Бирму, Борнео, острова в Тихом океане. С начала XX в. колониальная экспансия резко ослабла по той простой причине, что уже нечего было захватывать: мир был поделен.

Территория английских владений к 1914 г. была в 100 раз больше территории самой Великобритании, и англичане с гордостью говорили, что над Британской империей никогда не заходит солнце. К концу XIX в. население Англии составляло 38 млн человек, уступая Германии (50 млн) и США (63 млн), но население всей Британской империи превышало 380 млн.

К власти в Англии периодически приходили то кабинеты консерваторов (тори), то либералов (виги), но они в равной степени были «империалистами», т. е. сторонниками сохранения и расширения колониальной империи.

Основу их колониальных устремлений наиболее четко выразил Сесиль Родс, «практик» колониальных захватов, по имени которого была названа колония Родезия в Южной Африке. «Империя есть вопрос желудка, – говорил он. – Если вы не хотите гражданской войны, вы должны быть империалистами» [2, с. 54]. Иными словами, чтобы поддерживать социальный мир в Великобритании, не допуская социальных взрывов, надо жить за счет колоний.

Единодушие в этом вопросе определялось, в частности, тем, что по своему социальному составу тори и виги существенно сблизились. В состав

консерваторов теперь входили не только лендлорды, но и представители крупной, в том числе промышленной, буржуазии. Министром колоний в кабинете консерваторов 1895–1905 гг. был «выскачка» Чемберлен, бывший фабрикант обуви и пуговиц, политическая карьера которого началась с организации строительства дешевого жилья для рабочих. Таким же сторонником колониализма был и один из лидеров либеральной партии Ллойд Джордж, который родился в семье учителя, а в начале XX в. провел целый ряд социальных реформ.

Огромные доходы от колониальной империи не только поддерживали сравнительно высокий уровень жизни низов населения, но и обеспечивали дополнительным вариантом самоопределения: отчаявшийся человек всегда мог эмигрировать в колонии, где, по общему представлению, было легко разбогатеть. К тому же колонии – это экзотика и романтика. Этот романтический идеал воспевали крупнейшие английские писатели: Киплинг, Конрад, Стивенсон.

А между тем в Британской империи усиливались центробежные тенденции. Стремлению задержать экономическое развитие колоний, сохранить их как источники сырья и рынки сбыта для английской промышленности противостоял вывоз капитала. Вкладывать капитал в колониях было выгоднее, чем в Англии, потому что там было дешевое сырье и дешевая рабочая сила. Зачем было везти из Индии хлопок в необработанном виде, если можно было наладить его обработку на месте?

Чтобы вывозить сырье из глубины страны к морским портам, чтобы перебрасывать солдат в опасные для колониальной администрации места, надо было строить железные дороги, а строительство железных дорог всегда вызывает развитие по соседству угольной и металлургической промышленности. Капиталовложений требовало и производство сырья – джута, хлопка, кокосового масла и т. д. Скупка этого сырья у местного населения сменяется налаживанием интенсивного плантационного хозяйства.

К тому же английские колонии делились на переселенческие и непереселенческие. Переселенческие находились в сравнительно умеренном климате – в Северной Америке, Австралии, Южной Африке. Именно туда устремлялась основная масса переселенцев из Англии и других стран Европы, составив здесь основную, наиболее активную часть населения, тогда как туземное население было оттеснено на второй план. Это не обязательно сопровождалось истреблением местного населения. Численность охотничьих индейских племен Канады или занимавшихся собирательством и охотой аборигенов Австралии была невелика: сам способ производства не допускал значительного роста населения по отношению к территории. Непереселенчес-

кими назывались колонии, где преобладало коренное местное население, такие как Индия или страны экваториальной Африки.

Естественно, центробежные процессы, о которых идет речь, происходили наиболее интенсивно в переселенческих колониях. Там развивалась своя экономика, своя буржуазия. Ограничивать ее действия, не допуская экономического развития, опасно: образование США на базе английских колоний было достаточным уроком. Поэтому английское правительство вынуждено идти на уступки: предоставлять права самоуправления, права доминионов, допуская самостоятельное независимое развитие экономики.

Доминионами стали Канада (1867 г.), Австралия (1901 г.), Южно-Африканский Союз (1910 г.), Новая Зеландия (1907 г.). Это теперь были вполне самостоятельные государства, связанные с Англией лишь номинально, символически. В 1907 г. на имперской конференции было принято решение, что доминионы – суверенные и равные державы, а Великобритания – лишь «первая среди равных». Когда встал вопрос о подготовке к надвигавшейся мировой войне, доминионы согласились действовать на стороне Англии, только Канада и Австралия заявили, что их участие в этой подготовке выразится в создании собственного военного флота.

2.2. Потеря промышленного лидерства

Колонии обеспечивали Англии огромные преимущества перед другими странами. Но именно эти преимущества затормозили рост английской экономики. Каким образом?

Английская промышленность оказалась в привилегированном положении. Она имела в колониях монопольные источники сырья и рынки сбыта. Английские промышленники имели гарантированные прибыли, и поэтому у них не было стимула к совершенствованию своих предприятий. Колониальные рынки и без этого поглощали их продукцию. А между тем оборудование английских заводов к началу XX в. уже устарело: ведь они строились раньше, чем заводы Германии и США. Достаточно сказать, что основой английской энергетики оставались паровые двигатели, тогда как в Германии и США решающие позиции завоевывала уже электроэнергетика.

Чтобы преодолеть техническое отставание от стран «молодого капитализма», была необходима реконструкция промышленности. Но это требовало огромных капиталовложений, а наиболее выгодным употреблением капитала был вывоз его в колонии. Поэтому новые капиталы, которые накапливались в Англии, преимущественно уходили в колонии, а не вкладывались в свою промышленность.

Главным рынком сбыта английской промышленности были колонии, но ведь колонии – рынок сбыта в основном для потребительских товаров, для продукции легкой промышленности. Поэтому и ведущую роль в Англии сохраняет легкая промышленность, тогда как в Германии и США на первый план выступает машиностроение. Особенно отставало в Англии развитие новых отраслей промышленности – электротехнической и химической.

Эти обстоятельства и привели к потере Англией промышленного лидерства. Она перестала быть «фабрикой мира». Если в середине XIX в. Англия давала половину мировой промышленной продукции, то к 1914 г. ее удельный вес в мировом промышленном производстве сократился до 14%. Если мировое промышленное производство за период с 1870 по 1913 г. выросло в 5 раз, то английское – только в 2 раза. Выплавка чугуна в Англии за это время выросла на 71%, тогда как в Германии – в 13,8 раза, а в США – в 18,2 раза. По объему промышленного производства Англия теперь отходит на 3-е место в мире, ее обгоняют США и Германия.

Замедленно в Англии происходит и концентрация производства, и образование монополий. Образование монополий тормозила и традиционная фритредерская политика. Объединившись в монополию, британские промышленники не могли контролировать рынок и устанавливать монопольные цены, потому что покупатели перешли бы в этом случае на более дешевую импортную продукцию. Тем более невозможно было установить монополию для продажи товара на внешнем рынке.

Правда, в Англии, как и в других странах, к концу XIX в. успешно шел процесс акционирования, и семейные фирмы сменялись акционерными компаниями. Но если в США, например, первые тресты возникли в новых отраслях – автомобильной, электротехнической, нефтяной, то в Англии первые монополии, возникшие в 90-х г. XIX в., – это трест Коута по производству ниток, обойный, ситцепечатный, щелочной тресты. Эти монополии явно не охватывали ведущие отрасли промышленности.

Правда, мощные монополии возникли в военной и судостроительной промышленности, которые находились под особым покровительством государства и выполняли государственные заказы. Важнейшие из них – «Армстронг» и «Виккерс», которые потом слились в один трест «Виккерс».

Но особенно бедственно отразились последствия колониальной имперской политики на сельском хозяйстве Англии. Историк Дж. Тревельян упадок земледелия даже назвал «важнейшим событием» Англии конца XIX в. [9, с. 551].

Дешевые сельскохозяйственные продукты шли из колоний, и это дополнялось притоком дешевого хлеба из Америки. Новые сельскохозяйственные машины позволяли фермерам Среднего Запада США снимать урожай с

огромного пространства нетронутых земель прерий, а железные дороги и пароходы дешево доставляли американскую пшеницу в Англию. Технический уровень английского земледелия оставался очень высоким, но массовое производство зерна дешевыми способами оказывалось эффективней дорогостоящих методов обработки земли в Англии.

В конце 60-х г. XIX в. квартал пшеницы в Англии стоил 50 шиллингов, а в начале XX в. – 25 шиллингов. Приток дешевого хлеба действовал в основном именно на Англию, потому что другие страны Европы отгораживались от него высокими таможенными барьерами. В Англии же, кроме общего господства фритредерской политики, была еще свежа память о «голодных сороковых годах», когда повышение пошлин на зерно сделало хлеб слишком дорогим для простых людей.

Английские фермеры не могли конкурировать с дешевым импортным продовольствием, ведь они должны были отдавать часть доходов еще в качестве арендной платы лендлордам. Правда, арендная плата понизилась почти в два раза, но это не спасало. К тому же приходилось существенно повышать плату сельскохозяйственным рабочим, которые тянулись к городской жизни. Положение промышленного рабочего было более надежным: батрак был нужен фермеру лишь на время полевых работ. В город уходили не только батраки, но и дети фермеров в это время часто бросали сельское хозяйство, надеясь найти счастье в городе. И фермеры разорялись. Накануне мировой войны сельским хозяйством занималось лишь 8% населения Англии.

В первую очередь сократились посевы зерновых. Посевные площади под пшеницей в Англии с 1870 по 1913 г. уменьшились почти в два раза. Бывшие поля отводились теперь под охотничьи угодья, площадки для игры в гольф, парки. По словам писателя Хаггарда, «некоторые местности в Англии опустели теперь, как южноафриканская степь». И свой хлеб теперь обеспечивал только пятую часть потребления.

Несколько дольше держалось животноводство, потому что мясо – скоропортящийся продукт, и его нельзя везти через океаны, а особенно – через тропические воды. Но в конце XIX в. появились пароходы-рефрижераторы, и Англия была засыпана дешевым мороженым мясом из колоний.

В результате английское сельское хозяйство сохранило значение только в качестве пригородного. Оно поставляло в города свежие овощи и продукты животноводства. 2/3 потребляемой сельскохозяйственной продукции теперь поступало из-за океанов.

Упадок сельского хозяйства не означал разорения лендлордов. Лендлорд оставался «сельским джентльменом», но основную часть доходов получал теперь не от сельского имения, а из других источников. Проспект акционерного общества производил благоприятное впечатление, если во главе прав-

ления стоял член палаты лордов. В отличие от фермеров лендлорды были образованными, хорошо информированными в области экономики людьми и своевременно вкладывали накопленные капиталы в наиболее перспективные отрасли хозяйства. Лендлорд жил в столице – Париже, Монте-Карло, Швейцарии, – а в имение являлся лишь отдохнуть от светской жизни и поохотиться. «А как часто бывало, хлеб сеяли лишь с тем, чтобы разводить куропаток», – писал современник [3, с. 265].

Особенно остро аграрный кризис проявлялся в Ирландии, где основную часть населения составляли мелкие арендаторы, живущие на грани постоянной нищеты. К тому же лендлордами здесь были часто англичане, представители страны, под властью которой находилась Ирландия. Они, как правило, почти не появлялись в своих ирландских владениях, а в Ирландии действовали их управляющие. Ирландия была очагом непрекращавшихся социальных выступлений, где экономические требования сочетались с политическими – с требованиями самоуправления Ирландии, гомруля. Формы этой борьбы были разнообразными. Именно там проявилась такая форма протеста, как бойкот, по имени управляющего капитана Бойкота, отличавшегося особенно жестокими методами эксплуатации арендаторов. Рабочие и прислуга покинули его, торговцы прекратили поставку ему продуктов, окружающие его игнорировали. Бойкот был вынужден покинуть имение.

Чтобы не доводить дело до открытого восстания Ирландии против Англии, правительство было вынуждено провести там земельную реформу 1903 г. Земля выкупалась государством у лендлордов и продавалась крестьянам-арендаторам в рассрочку на 68 лет. Ежегодные выкупные платежи были даже меньше прежней арендной платы, а лендлордам было заплачено за землю больше рыночной стоимости этой земли. Разница покрывалась за счет государственного бюджета. Реформа шла успешно, и к 1913 г. из 19 млн акров пахотной земли в Ирландии 11 млн было уже в руках крестьян. Процесс передачи земли крестьянам сдерживал только недостаток денег в государственном бюджете.

Но земельная реформа не могла остановить движение за гомруль Ирландии. В 1905 г. это движение возглавила партия Шинн Фейн. Парламент несколько раз отклонял билль о гомруле, а когда его принятие стало неизбежным, жители Ольстера, наиболее экономически развитой северо-восточной части Ирландии, потребовали исключить этот район из состава Ирландии, оставив его как часть Великобритании. Причиной этого был не только относительно высокий экономический уровень, но и уровень жизни: здешнее протестантское население было настроено против католицизма, господствовавшего в остальной части Ирландии. В 1914 г. здесь стали формироваться вооруженные отряды для борьбы за отделение от Ирландии, причем с по-

мощью Германии, противника Англии в надвигавшейся войне. В Ольстер из Англии были двинуты войска, чтобы навести порядок, но результатом стал «офицерский бунт»: офицеры английской армии отказались подчиниться своему правительству и действовать против ольстерцев. Ирландия получила самоуправление со своим парламентом и правительством, но наиболее развитая ее часть, Ольстер, осталась в составе Великобритании.

2.3. Фрипредерство и протекционизм

Теряя позиции в промышленном и сельскохозяйственном производстве, Англия оставалась «ладычицей морей». В 1885 г. Британии принадлежала треть морских судов мира, в том числе 4/5 всех морских паровых судов [9, с. 567]. Если до этого британские клипперы были наивысшим достижением парусного судоходства, то теперь на морях господствовали британские паровые суда. Накануне мировой войны Англии принадлежала половина мирового торгового флота по тоннажу судов.

Англия сохранила лидирующее положение и в мировой торговле. В 70-х гг. XIX в. на ее долю приходилось свыше 60% мирового товарооборота.

Экспорт Англии с 1870 по 1913 г. вырос в 2,6 раза – с 199,6 до 525,3 млн фунтов стерлингов, а импорт – в 3,5 раза – с 259 до 659 млн фунтов стерлингов, 70% экспорта составляли готовые товары, 74% импорта – сырье и продовольствие. В 1900 г. в страны Британской империи ввозилось товаров на 102 млн фунтов стерлингов, в остальные страны – на 252 млн. Внутриимперский товарооборот не достигал и половины торговли с остальным миром [3, с. 313].

Нетрудно заметить, что торговый баланс Англии был пассивным. Англия больше ввозила чужих товаров, чем продавала своих. Однако платежный баланс был активным: доходы от вывоза капитала, т. е. от капитала, вложенного в хозяйство других стран (и прежде всего – английских колоний), намного перекрывали пассивность торгового баланса.

Англия занимала первое место в мире по экспорту капитала. В 1906–1912 гг. в английское хозяйство ежегодно вкладывалось 39 млн фунтов стерлингов, а вывозилось 152 млн. С 1870 по 1913 г. экспорт капитала вырос более чем в три раза – с 51,2 до 160,5 млн фунтов стерлингов. За последние 30 лет XIX в. национальный доход Англии вырос в два раза, а доход с зарубежных инвестиций – в 9 раз. В 1912 г. прибыль на вывезенный капитал составила 176 млн фунтов стерлингов, а внешняя торговля дала только 33 млн. Складывалось такое положение, что Англия могла и не иметь своего хозяйства,

поскольку на нее работало хозяйство других стран, и прежде всего, конечно, стран Британской империи.

Но это было опасно. С потерей промышленного лидерства фритредерская политика теряла прежнее значение. Раньше она позволяла английским промышленным товарам завоевывать мировые рынки, а теперь германские и американские товары не только вытесняли Англию с мировых рынков, но и в самой Англии успешно конкурировали с английскими товарами. Англичан теперь даже призывали бойкотировать германские товары.

Идеологом восстановления протекционизма, но на новом уровне, выступил Чемберлен. Он предложил окружить забором из высоких пошлин всю Британскую империю, создав привилегированный рынок для сбыта английских товаров. Он писал в 1903 г.: «Что вы предпочитаете: торговать с представителями своей нации или жертвовать этой торговлей, поддерживая торговлю с вашими конкурентами и соперниками?» [3, с. 256]. Но до мировой войны идея и такого протекционизма не получила общей поддержки по трем причинам.

Во-первых, фритредерская политика обеспечивала дешевизну продовольствия и товаров народного потребления. Введение импортных пошлин неизбежно вызвало бы рост цен и недовольство низов населения.

Во-вторых, как уже сказано, торговля со странами Британской империи не достигала и половины торгового оборота с остальным миром, поэтому введение протекционистских пошлин грозило огромными убытками тем, кто был занят в этой торговле.

В-третьих, доминионы, обладавшие уже достаточной самостоятельностью, предпочитали дорогим английским изделиям более дешевые товары из других стран и не склонны были жертвовать своими интересами ради процветания метрополии.

2.4. Социальные реформы

Огромные доходы за счет колониальной империи, экспорта капитала в сочетании с тем обстоятельством, что свыше ста лет Англия не вела крупных войн, обеспечили «викторианское процветание» (по имени королевы Виктории). Положение низов населения стало относительно благополучным. Благодаря фритредерской политике в стране было изобилие дешевого продовольствия и предметов потребления. Обычным для простых людей стало проведение праздничных дней на морском побережье в отдаленных бухтах и рыбацких деревушках.

В 1891 г. было введено бесплатное начальное образование. Расходы государства на народное образование с 1870 по 1895 г. увеличились в семь раз. Закон 1902 г. сделал доступным для широких слоев населения и среднее образование. Если прежде поступить в университет могли только выпускники привилегированных аристократических школ, то теперь с ними успешно конкурировали выпускники государственных учебных заведений. Жизнь становилась интересней. Чтение, спорт, велосипедные прогулки, осмотр достопримечательностей стали обычным делом.

Поскольку уже к началу 70-х гг. рабочие имели свое представительство в парламенте, правящие партии стараются привлечь их на свою сторону, и в стране начинается полоса социальных реформ, основным инициатором которых был Ллойд Джордж, стремившийся сделать либеральную партию партией социальных реформ. В 1906–1909 гг. для рабочих устанавливается выдача пособий по безработице, бесплатное лечение, пенсии по старости. За выполнением этих законов должны были следить государственные инспекторы, которые, таким образом, регулировали отношения между рабочими и предпринимателями. Это означало усиление государственного контроля над экономикой.

Социальные реформы проводились и в сельском хозяйстве. В 1907 г. коронные земли стали делить на мелкие участки и от имени государства сдавать крестьянам в аренду. Согласно закону 1908 г. часть земель лендлордов принудительно выкупалась государством и также сдавалась мелким держателям в аренду. Принцип принудительного отчуждения земель в Ирландии был, таким образом, частично распространен и на Великобританию. Через столетие после уничтожения крестьянства власти Англии пытались восстановить это исчезнувшее сословие. В экономическом отношении это, конечно, означало определенный регресс. Но в условиях, когда основная часть сельскохозяйственных продуктов поступала извне, а лендлорды все более сливались с крупной буржуазией и доходы от земельных владений для них отошли на второй план, подобная мера способствовала установлению социальной гармонии и укрепляла идеалы викторианского процветания.

Вершиной этих преобразований стал «революционный» бюджет Ллойда Джорджа 1909 г., который перекладывал основную тяжесть налогов на лендлордов и владельцев крупных капиталов, на богатейшую верхушку страны.

Дело в том, что социальные реформы потребовали больших расходов. Только затраты на пенсии рабочим в 1911 г. должны были превысить 12 млн фунтов стерлингов. Огромных расходов потребовало и перевооружение армии и флота в преддверии надвигающейся войны. Дредноуты стоили дорого. Морской бюджет вырос с 27,7 млн фунтов стерлингов в 1895 г. до 42,8 млн в 1905 г., а военно-сухопутный – с 19,5 до 33,6 млн. Покрыть эти расходы

за счет рядовых тружеников и мелких предпринимателей было явно невозможно, поэтому их основная тяжесть легла на плечи богатейших людей, и в первую очередь – крупнейших землевладельцев. Особенно неприятным для лендлордов был налог на передачу владений по наследству.

Бюджет прошел через палату общин, но палата лордов его отвергла. Один из лордов, Мильнер, призывал своих коллег «отвергнуть бюджет – и к черту последствия!». «Лорды отвергли бюджет и сами пошли к черту», – ответил на это впоследствии Ллойд Джордж [8, с. 76].

Бюджет ущемлял лишь небольшую кучку богатейших людей и соответствовал интересам подавляющей части населения, поэтому сопротивление лордов было обречено на неудачу. Негодование общества позволило поставить вопрос о самом существовании палаты лордов, архаичного средневекового учреждения, в котором люди заседали лишь по праву рождения и могли отвергнуть любой прогрессивный закон. Следствием стала реформа парламента 1911 г. Согласно новому закону финансовые вопросы, в том числе и утверждение бюджета, вообще изымались из ведения лордов, а остальные законы входили в силу без утверждения палатой лордов, если палата общин принимала их в течение трех сессий.

Социальные реформы стали возможны благодаря активной поддержке тред-юнионов и одновременно расширяли их возможности и права. Тред-юнионы стали активной силой в политической жизни Англии. Результатом стало рождение в 1905 г. лейбористской партии, самой уважаемой рабочей партии того времени. Вступая в тред-юнион, человек автоматически становился членом этой партии. Кроме этого коллективного членства существовало и индивидуальное – для людей, которые не состояли в тред-юнионах, но стремились сделать политическую карьеру, опираясь на мощь профсоюзов.

2.5. Военная экономика Великобритании

Внешнеполитические отношения Англии конца XIX в. принято называть политикой «блестящей изоляции», т. е. отказа от стабильного союза с другими странами. Продолжая традиционную тактику «разделяй и властвуй», английские государственные деятели надеялись извлечь выгоды для своей страны, подогревая соперничество континентальных держав. В случае войны эти державы должны были ослабить друг друга, что, естественно, повысило бы вес Англии в европейских делах.

На континенте в это время складывались две противостоящие коалиции: тройственный союз Германии, Австрии и Италии и двойственный – Фран-

ции и России. У России и Франции были давние противоречия с Германией и Австрией. Ведь совсем недавно Германия отобрала у Франции Эльзас и Лотарингию, а поглощаемые австро-германским блоком славянские народы на Балканах видели в России своего защитника.

А у Великобритании главные противоречия были не с Германией, а с Францией и Россией. Кульминацией борьбы за раздел Африки стал фашодский инцидент, когда дело чуть не дошло до военного столкновения между Англией и Францией. В юго-восточной Азии яблоком раздора между Францией и Англией стал Сиам, которым стремились овладеть обе державы. С Россией острые противоречия у Англии были на Ближнем Востоке, особенно в Персии и Афганистане, где английские хлопчатобумажные ткани вытеснялись российскими, а казахи разъезды возбуждали опасения, что Россия вот-вот захватит эти страны: российская граница была рядом, и России не надо было через моря и океаны доставлять сюда свои войска.

Но «блестящая изоляция» была опасной: блоки могли объединиться для разрешения своих противоречий за счет огромных колониальных владений Англии. Надо было примыкать к какому-то из них. Среди правящих кругов Великобритании сначала многие считали потенциальным союзником Германию, с которой у Англии не было существенных колониальных противоречий. Но Германия была главным конкурентом Англии на континенте, и промышленные товары Германии грозили захватить даже британский рынок. Стать младшим партнером индустриальной Германии в случае ее победы – такая перспектива Англию не устраивала. К тому же победа Германии, обделенной при разделе колоний, была очень опасна для Британской империи.

И Англия начинает улаживать отношения с Францией и Россией. В 1904 г. были окончательно разграничены между Англией и Францией сферы влияния в Африке. В 1907 г. урегулированы спорные притязания Англии и России в Персии и Афганистане. В этом же году британское правительство заявило, что не возражает против контроля России над проливами в Черном море. Правда, Англия отдавала то, что ей не принадлежало. Во время войны проливы оказались под контролем немцев, и немецкие броненосцы прорвались в Черное море. Но так или иначе, противоречия были урегулированы, и Англия присоединилась к франко-российскому блоку. Так сложилась «сердечная Антанты» – тройственный союз против Германии.

Впрочем, это не означало полного отказа от прежней тактики ослабления конкурентов в войне между ними. Англия не предполагала принимать существенное участие в сухопутных операциях: ведь у нее не было сухопутных границ с противниками Антанты, а превосходство флота делало явно нереальной возможность германского десанта на Британские острова. Поэтому Англия была особенно обеспокоена германской программой военно-

морского вооружения. В противовес этой программе в Англии стали строить дредноуты, но Германия тоже стала строить дредноуты, и Британии пришлось перейти от принципа «тройного превосходства» к «двойному превосходству».

И все же в первые месяцы войны Англия практического участия в ней не принимала, предполагая «отсидеться», пока дерутся континентальные конкуренты. Лишь вступление германских войск в Бельгию, неприкосновенность которой была гарантирована международными договорами, заставила Англию объявить о своем вступлении в войну.

Но и после этого участие в сухопутных военных операциях оставалось очень ограниченным. Главным вкладом в действия союзников должно было стать обеспечение морской экономической блокады Германии. Но и в этом действия Англии были весьма непоследовательными. Более того, английские капиталисты во время войны продолжали торговать с Германией через нейтральные государства, снабжая ее хлопком, каучуком и другими видами стратегического сырья.

Более успешной оказалась германская блокада самой Англии. Германские субмарины и легкие крейсера топили транспорты, которые шли в Англию с грузом сырья и продовольствия. Хлеба в Великобритании стало не хватать. В 1917 г. здесь была введена система нормированного распределения продовольствия по карточкам. Если прежде продовольствие ввозилось в основном из-за океанов, то теперь его надо было производить дома. Посевы пшеницы к концу войны в Англии выросли на 40% по сравнению с довоенными, а ее сбор – на 58%.

Л и т е р а т у р а

1. *Брентано Л.* История развития народного хозяйства Англии. М.; Л., 1930. Т. 3.
2. *Всемирная история.* М., 1960. Т. 7.
3. *Галеви Э.* История Англии в эпоху империализма. М., 1937. Т. 1.
4. *Ерофеев Н. А.* Очерки истории Англии 1815–1917 гг. М., 1959.
5. *Кертман Л. Е.* География, история и культура Англии. М., 1983.
6. *Мортон А. Л.* История Англии. М., 1950.
7. *Ольшанский В. Т.* Экономическая история Англии. М., 1984.
8. *Тарле Е. В.* Европа в эпоху империализма // Соч. Т. 5. М., 1958.
9. *Тревельян Дж.* Социальная история Англии. М., 1959.

3. ГЕРМАНИЯ. 3. ЮНКЕРСКИЙ БУРЖУАЗНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

3.1. Юнкера и буржуазия

Германский империализм принято называть «юнкерски-буржуазным», потому что, несмотря на развитие капиталистической экономики, государство оставалось в руках юнкеров-помещиков. Из юнкеров по традиции состоял государственный аппарат. Из юнкеров состоял офицерский состав армии. Человек, не имевший дворянского звания, не мог сделать военной карьеры. Нужно учитывать к тому же, что в Германии положение офицера, военного, считалось особенно престижным. Юнкера занимали сильные позиции и в экономике страны. Они сохраняли господствующее положение в сельском хозяйстве, а в период грюндерства, скупая акции промышленных компаний, заняли прочные позиции и в промышленности.

Переход от феодализма к капитализму обычно завершается буржуазной революцией, ликвидирующей прежний государственный аппарат, обеспечивавший господство сословия феодалов. Создается новое государство, основанное на демократических принципах, которое стоит на страже интересов буржуазии. Ликвидируются при этом и сословные привилегии дворян.

В Германии этого не произошло. Во главе страны стоял прусский король, который одновременно был императором Германии. Он распоряжался вооруженными силами, утверждал законы, созывал и распускал рейхстаг. Его помощник, министр – президент Пруссии, являлся одновременно канцлером Германии, единственным общегерманским министром, который отчитывался не перед рейхстагом, а перед императором. В сущности, эти два человека, возглавлявших сословие юнкеров, и определяли политику Германии.

Почему же буржуазия не сломала эту государственную машину, обеспечивавшую господство юнкеров, не создала новое, демократическое государство, тем более что в Германии был сильный рабочий класс, на который обычно опирается буржуазия в ходе демократических революционных преобразований?

Иногда у буржуазии возникали противоречия с юнкерами, особенно по вопросу о таможенных тарифах. Но в основном у буржуазии и юнкеров были общие цели. Германскую буржуазию обделили при разделе колоний, и она теперь стремилась к переделу мира. Для такого передела была нужна мощная

военная машина, которая была в руках юнкеров, машина, которая уже доказала свое превосходство в ходе франко-прусской войны. Не стоило ее ломать, чтобы создавать новую. А военные приготовления, военные программы способствовали развитию промышленности. И юнкерское государство заботилось о развитии буржуазной экономики, развитии промышленности, без чего оно не могло осуществить свои агрессивные притязания.

3.2. Успехи промышленности. Монополии. Социалисты

За период с 1870 по 1913 г. мировое промышленное производство выросло в 5,26 раза, германское – в 5,7 раза. Развиваясь опережающими темпами, германская промышленность обогнала английскую и французскую и к началу мировой войны вышла на первое место в Европе и второе место в мире. Впереди, как и прежде, шла тяжелая промышленность. За этот период тяжелая промышленность увеличила производство в 9 раз, а легкая – только в 4 раза. Выплавка стали в Германии за этот же период выросла в 92 раза, тогда как в Англии – в 38,5 раза. Германская металлургия вышла на первое место в Европе. На первое место в мире Германия вышла по вывозу машин.

Особенно высокими темпами в Германии развивались новые отрасли. На первое место в мире вышла германская химическая промышленность. Германия стала монополистом по производству анилиновых красителей, и Англия даже в годы войны была вынуждена ввозить германские краски через нейтральные государства. Первое место в мире занимала германская электротехническая промышленность. Германия производила половину электротехнических товаров мира, и отсюда в другие страны вывозились динамо-машины, трамваи, электролампочки. Но особую роль здесь играла военная промышленность, которая тоже занимала первое место в мире.

Стимулом этого бурного развития промышленности послужили объединение Германии и победа в войне с Францией в 1871 г. Снятие внутренних таможенных барьеров объединило страну в единый рынок и резко увеличило возможности сбыта промышленной продукции. Германия захватила Эльзас и Лотарингию с богатыми залежами железной руды. Правда, здешние фосфористые руды до этого почти не использовались, но открытие Томаса по обесфосфориванию руды в 70-х гг. сделало здешние запасы главной сырьевой базой германской металлургии и послужило толчком для ее ускоренного развития. Кроме того, Германия получила с Франции огромную контрибуцию в 5 млрд франков. Эта контрибуция была в значительной степени использована для развития промышленности.

Все это дополнительно ускорило темпы роста страны «молодого капитализма». Новые германские заводы, оборудованные новейшей техникой, и до этого имели существенные преимущества перед промышленностью стран «старого капитализма».

Каждые десять лет германская промышленность испытывала экономический кризис (1873, 1883, 1892, 1900 гг.), но эти кризисы стимулировали модернизацию промышленности, выводя из строя отсталые, слабые предприятия.

Важным фактором совершенствования производства были достижения науки и техники. Достаточно перечислить крупнейших ученых мира, которые в это время совершали свои открытия в Германии: А. Эйнштейн, который в 1900 г. опубликовал свою работу о теории относительности; М. Планк, заложивший в это время начало квантовой физики; Герц, доказавший существование электромагнитных волн; Рентген, открывший лучи, названные позже его именем. Правда, эти фундаментальные научные открытия, как правило, не находили прямого приложения в производстве, но служили отражением общих успехов германской науки.

Поскольку предприятия тяжелой промышленности, особенно новых отраслей, получивших преимущественное развитие в

Германии, не могли быть мелкими, Германия вышла на первое место в Европе по концентрации производства. Высокая концентрация облегчала образование монополий, и в начале XX в. Германия становится классической страной монополий.

Первые монополии, в форме картелей и синдикатов, объединявших не производство, а только сбыт продукции, возникли в XIX в. Наиболее известные из них – организованные в 90-х гг. Рейнско-Вестфальский угольный синдикат и Синдикат чугунолитейных предприятий. Синдицирование продолжалось и в начале XX в. В 1904 г. был основан Стальной синдикат, а в 1910 г. – Железный синдикат.

Как и в других странах, монополизация наиболее интенсивно происходила в новых отраслях. Именно в них рождаются первые тресты. В электротехнической промышленности возникли корпорации, сохранившиеся до настоящего времени: «Сименс – Гальске» и «Всеобщее электрическое общество» (АЭГ – Альгемайне Электрише Гезельшафт). Два концерна возникли и в химической промышленности.

Среди германских монополий особое место занимал военный концерн Круппа. Созданный при участии государства и действовавший по государственной программе, он стал государством в государстве. В состав концерна входили не только военные предприятия, но и шахты, металлургические и машиностроительные заводы. Поскольку артиллерийские заводы строились

тогда, когда еще были недостаточно развиты другие отрасли промышленности, фирма строилась по феодальному принципу – на «самообслуживании»: крупновские пушки готовились из крупновской стали на крупновских станках.

Прямым следствием сочетания этого принципа самообеспечения и полугосударственного характера концерна была рабочая политика Круппа. Рабочие концерна жили в благоустроенных поселках с школами, библиотеками, больницами, обеспечивались значительными пенсиями по старости. Цель такой благотворительности была двойной: во-первых, добиться, чтобы рабочие поддерживали гонку вооружений, милитаризацию Германии, во-вторых, ослабить рабочие организации и социальные выступления рабочих, которые могли быть особенно опасными в условиях войны.

С ростом промышленности стремительно увеличивалась доля городского населения, значительную часть которого составляли рабочие. Если в 70-х гг. XIX в. горожане составляли треть германского населения, то в 1910 г. – около 60%. По расчетам Зомбарта, на рубеже нового столетия из 56 млн населения Германии 4–5% приходилось на долю буржуазии, 67,5% – на долю пролетариата. [2, с. 355]. Высокая концентрация промышленности облегчала образование рабочих организаций. Этому способствовало и то обстоятельство, что, согласно имперской конституции, принятой при объединении Германии, избирательным правом обладали все мужчины с 25-летнего возраста, независимо от сословной и классовой принадлежности.

В 1875 г. была основана Социалистическая рабочая партия. К 1914 г. число ее членов достигло 1 млн, а в связанных с ней профсоюзах состояло 2,5 млн человек. В 1877 г. социалистам принадлежало 12 мест в рейхстаге, а под конец социалисты составляли уже свыше четверти депутатов.

Неудивительно, что рейхстаг последовательно отклонял законы против рабочего движения и социалистов. В 1890 г. был отвергнут «Исключительный закон» против социалистов, который запрещал социалистические организации и органы рабочей печати. В 1895 г. был отклонен «каторжный закон», который грозил каторгой за покушение на свержение существующего строя. В 1899 г. был отвергнут антизабастовочный закон, который предусматривал меры по защите штрейкбрехеров. В том же году рейхстагом был принят закон о профсоюзах, который не позволял закрывать профсоюзные организации и даже препятствовать их деятельности. И все это происходило в стране, которую принято считать самой реакционной европейской страной того времени.

Под давлением социалистов и профсоюзов в 80–90-х гг. в Германии принимаются прогрессивные рабочие законы: запрещается детский труд, ограничивается рабочий день, вводится страхование от безработицы и пенсии по старости.

В соответствии с ускоренным ростом промышленности ускоренно росла и внешняя торговля. За период с 1880 по 1913 г. экспорт Германии вырос в 3,4 раза, импорт – в 3,8 раза. Для сравнения: экспорт Англии за это время увеличился лишь в 2,3 раза, Франции – в 2 раза, экспорт США – в 2,8 раза. В 1913 г. на долю Германии приходилось 13% мировой торговли.

Но именно в сфере внешней торговли к концу XIX в. возникли противоречия между двумя господствующими классами – юнкерами и промышленной буржуазией.

3.3. Сельское хозяйство. «Сплочение» юнкеров и буржуазии

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Германии по-прежнему определялось «прусским путем». В конце XIX в. 2/3 сельских хозяев Германии владели участками земли меньше гектара, и их владения составляли только 5,6% сельскохозяйственных угодий. В сущности, это были сельскохозяйственные рабочие с землей. Мелкие хозяйства не могли прокормить владельцев, но позволяли платить им пониженную заработную плату. Такие работники были привязаны к своим хозяйствам и не могли кочевать в поисках более высокого заработка. Их прожиточный минимум складывался из суммы заработка и дохода от натурального хозяйства.

54,4% сельскохозяйственных угодий в Германии принадлежало юнкерам и крупным фермерам, каждый из которых имел свыше 20 га земли. На базе этих хозяйств и происходил агротехнический прогресс.

За период с 1870 по 1912 г. урожайность зерновых здесь выросла на 33–50%. В пять с лишним раз увеличились сборы картофеля и сахарной свеклы. поголовье свиней с 1872 по 1912 г. выросло с 7 до 22 млн голов. И все же сельское хозяйство Германии не могло обеспечить растущую промышленность продовольствием и сырьем, поэтому Германия была вынуждена ввозить сырье и продовольствие из-за границы.

Естественно, промышленники были заинтересованы в протекционистских пошлинах, закрывающих германский рынок от чужих промышленных товаров. И протекционизм стал успешно проводиться с 70-х гг. Но промышленники были заинтересованы и в притоке дешевого хлеба из России. Дешевый хлеб позволял понизить уровень заработной платы. Но юнкера совсем не хотели, чтобы импорт дешевого хлеба понизил цены на продовольствие и сокращал их доходы. Наибольшей остроты столкновения аграриев и промышленников достигли в 90-х гг., когда юнкера стали в оппозицию правительству по этому вопросу. «Господа! Оппозиция прусских дворян против

короля – это же бессмыслица!» – удивлялся Вильгельм II [2, с. 376]. Чтобы сохранить мир, в 1897 г. промышленники согласились с введением протекционистских пошлин на сельскохозяйственные продукты.

Это соглашение о таможенных пошлинах стало одним из проявлений политики «сплочения» господствующих классов, которую германское правительство проводило в предвидении будущей войны. Особенно активно это «сплочение» стало действовать в период усиления колониальных захватов и реализации военно-морской программы Тирпица. Эту активизацию агрессивной внешней политики проводило правительство, которое было в руках юнкеров. Но в колониях нуждались не столько юнкера, сколько буржуазия, и гонка вооружений обеспечивала выгодные военные заказы тоже буржуазии. Поэтому буржуазия активно поддерживала действия правительства, хоть правительственный аппарат по своему составу не был буржуазным.

3.4. Колониальные захваты

Германским капиталам было уже тесно в Германии. Образуется излишек капитала, который не находит применения внутри страны, и Германия начинает вывозить капитал. К концу XIX в. германские капиталовложения за границей составляли 15 млрд марок – в три раза меньше английских и в полтора раза меньше французских. К началу мировой войны германские внешние капиталовложения выросли до 35 млрд, но они и теперь были вдвое меньше английских и составляли 2/3 от французских. Из Франции вывозилось до 75% накопленных капиталов и только 25% вкладывалось в хозяйство Франции, а из Германии вывозилось только 20% накопленных капиталов. Немецкие капиталы на мировых рынках сталкивались с конкуренцией английских и французских, уже ранее занявших сильные позиции. Правда, в другие страны Европы Германия вывозила больше капиталов, чем Англия, но это лишь подчеркивало узость сферы приложения капиталов за пределами Европы. Германии были нужны колонии.

Правда, Германия имела колонии главным образом в Африке. Территория германских колоний накануне мировой войны составляла 3 млн квадратных километров, а их население – 12,3 млн человек. Но английские колониальные владения были в 10 раз больше – 30 млн кв. км, а их население – даже в 32 раза больше – 377 млн человек. Германия опоздала к разделу колоний. По выражению Е. Тарле, ей достались лишь «остатки и обрывки».

На рубеже XX столетия канцлер Бюлов говорил в рейхстаге: «Мы не потерпим, чтобы какой-нибудь чужеземный Юпитер говорил нам: «Что делать,

мир уже поделен». Стоять пассивно в стороне, как это мы часто делали раньше, мечтательно уклоняться, в то время как другие делят между собой сладкий пирог, мы не можем и не хотим». Германия предпринимает несколько колониальных авантюр, захватывая уже почти занятые другими колонии. Каждый раз мир висит на волоске. Об одном из таких событий Марк Твен писал: «Германия присмотрела добрый кусок Центральной Африки, где уже развевался английский флаг и всюду были разбросаны английские миссии и английские фактории, но, правда, были упущены некоторые формальности – отсутствовали дощечки с надписями «На траву не ступать», «Постоянным вход воспрещен» и т. д.; поэтому она вошла туда с холодной, спокойной улыбкой, сама расставила дощечки и без лишних разговоров выгнала оттуда англичан... Конечно, это была беспримерная наглость, однако Англии пришлось с ней примириться».

Колониальные захваты Германии начинались обычно с того, что частная компания приобретала определенную территорию, затем возникал конфликт с местным населением или колониальными властями других стран, у берегов появлялась германская эскадра и устанавливался германский протекторат, обычно охватывавший и соседние земли.

В 1883 г. немецкий коммерсант Людериц купил у местного вождя в Юго-Западной Африке небольшую часть побережья. Но администрация английской Капской колонии считала эту землю зоной своего влияния. Людериц попросил у Бисмарка защиту. Владения Людерица были объявлены протекторатом Германии, а немецкие корабли подняли германские флаги на всем побережье Юго-Западной Африки далеко за пределами владений Людерица.

Два немецких банкира объявили своей собственностью часть Новой Гвинеи. Там тоже появились германские военные корабли и был установлен германский протекторат. Убийство двух миссионеров в Китае послужило предлогом для захвата бухты Цзяо-Чжоу (Кьяо-Чао) и острова Циндао.

Но чем меньше оставалось таких спорных «обрывков», тем труднее давались Германии колониальные захваты. Знаменитый «прыжок пантеры» не оправдался. Марокко было зоной интересов Франции. В 1911 г. германская канонерка «Пантера» была направлена в марокканский порт Агадир под предлогом защиты интересов находившихся там германских предпринимателей. Но на этот раз пришлось отступить, потому что английское правительство заявило о готовности всеми средствами поддержать французские притязания на Марокко.

Малые размеры германских колониальных владений не уменьшали масштабов жестокостей колониализма. Когда в Юго-Западной Африке восстали племена гереро и готтентотов, их подавление вылилось в такое мето-

дичное истребление всего населения (из 200 тыс. готтентотов осталось лишь 50–60 тыс.), что даже рейхстаг взбунтовался и в 1906 г. был распущен канцлером.

3.5. Подготовка к войне

Раскол Европы на две враждующие коалиции произошел отнюдь не сразу. Бисмарк видел главного противника во Франции. Было очевидно, что захват Эльзаса и Лотарингии и огромная контрибуция чреваты реваншем. Франция не успокоится, пока не нанесет ответного удара. И Бисмарк, который больше всего боялся войны на два фронта, стремился не допустить союза Франции с Россией, укреплять дружбу с восточным соседом. Не случайно именно Берлин был центром размещения российских внешних займов. По свидетельству одного из его приближенных, канцлер стремился восстановить Россию против Франции, «как страны Коммуны и красных вообще» [2, с. 404].

Плодом его усилий стал союз трех императоров – российского, австрийского и германского – заключенный в 1873 г. Поскольку между двумя участниками этого союза, Россией и Австрией, были противоречия на Балканах, Бисмарк мог выступать в качестве арбитра между ними.

И все же конечным итогом политики «железного канцлера» стало заключение тройственного союза Германии, Австрии и Италии в 1882 г.: к этому времени уже стали очевидными контуры будущей Антанты, и надо было собирать силы для противостояния ей.

Бисмарк не мог ужиться с новым кайзером Вильгельмом II в 1890 г. подал в отставку. Внешнеполитические действия нового кайзера были сумбурными и вносили сумятицу в европейские дела, ускоряя развязывание войны. С одной стороны, он стремился нейтрализовать Россию, повернув ее активность на Восток. В 1895 г. в послании Николаю II он писал, что «для России великой задачей будущего является дело цивилизации Азиатского материка и защиты Европы от вторжения великой желтой расы» [2, с. 435]. С другой стороны, в 1898 г. в Палестине он объявил себя покровителем всех мусульман. Это высказывание было связано со строительством Багдадской железной дороги, которое затрагивало интересы как Англии, так и России.

Но кульминацией стала военно-морская программа Тирпица 1900 г., которая намечала построить за восемь лет второй по величине в мире военный флот. Главное было не в том, что этот флот должен был стать вторым по величине, а в том, что флот «владычицы морей» Англии сразу терял прежнее

превосходство: построенные до этого корабли Англии оказывались морально устаревшими по своим техническим характеристикам. И было совершенно очевидно, что эта сила направлена именно против Англии: с Францией и Россией у Германии были сухопутные границы, и для войны с ними надо было укреплять сухопутные вооруженные силы.

3.6. Военная экономика

Бисмарк больше всего боялся войны на два фронта. Но к 1906 г. германский генеральный штаб разработал план Шлиффена, план войны на два фронта. Согласно этому плану германская армия должна была сначала нанести удар по Франции, стремительно разгромить ее вооруженные силы, а затем всю мощь направить против России. А так как на границах Франции находились сильные укрепления, которые было невозможно преодолеть одним броском, этот решающий удар намечалось нанести через территорию нейтральной Бельгии, во фланг французских войск. Этот план и был приведен в исполнение, только одним ударом Францию разгромить не удалось, а на Восточном фронте Германия завязла в длительной позиционной войне. Бисмарк был прав: война на два фронта оказалась губительной для Германии.

Военно-морская программа Тирпица ослабила превосходство британского флота, но не ликвидировала его. К тому же в этой войне решающую роль играли не морские сражения, в которых могло проявиться техническое превосходство новых германских кораблей, а морская блокада, действия против мирных транспортов, доставляющих противнику хозяйственные грузы. Такой транспорт был беззащитен даже против устаревшего миноносца.

Перед войной Германия ввозила значительную часть продовольствия из России, но теперь этот источник закрылся. Морские порты были блокированы британским флотом, сосредоточенным у берегов Германии. Правда, Германия тоже топила морские суда, которые шли в Англию, но перекрыть все пути, ведущие в страны Антанты с востока и запада, она была не в состоянии. Германии не хватало собственного продовольствия. Началась «голодная блокада».

В 1915 г. была введена хлебная норма – 225 г муки в день на человека, а в 1916 г. – карточки на масло, мясо, картофель. Урожай зерна 1916 г. не обеспечивал даже этих голодных норм, поэтому в 1917 г. хлебная норма была сокращена до 170 г. В 1916 г. сбор картофеля упал вдвое. Картофель стали заменять брюквой, и голодная зима 1916/17 гг. получила название «брюквенной зимы».

Блокировался подвоз не только продовольствия, но и сырья, в том числе и сырья для военной промышленности. При Военном министерстве был создан «Военно-сырьевой отдел», который ввел реквизиции сырья на военные нужды. У населения забиралась металлическая утварь, посуда и даже дверные ручки. Естественно, это не могло спасти положения, и с 1916 г. началось падение промышленного производства, которое стало одним из факторов поражения Германии.

Во время войны главным покупателем и заказчиком промышленной продукции стало государство. В этих условиях роль государственной власти в экономике многократно увеличилась. В Германии был создан централизованный государственный аппарат управления хозяйством, который стал прообразом государственной системы управления экономикой в гитлеровской Германии.

В 1916 г. при правительстве было учреждено Военное управление, которому была подчинена вся промышленность. Оно распределяло военные заказы, сырье и топливо, проводило принудительное синдицирование. Главную роль в этом органе играли не столько чиновники, сколько представители ведущих монополий. В помощь «Военному управлению» были созданы «военные комитеты» в ведущих отраслях промышленности.

Введение карточной системы означало отказ от рыночного ценообразования, переход к государственному распределению. Сельскохозяйственная продукция теперь строго учитывалась и, кроме минимума, необходимого для самих крестьян, ее надлежало сдавать государству по твердым ценам.

В 1916 г. Законом «О вспомогательной службе Отечеству» была введена обязательная трудовая повинность для всех мужчин, не состоявших на военной службе.

Л и т е р а т у р а

1. Всемирная история. М., 1960. Т. 7.
2. Германская история в Новое и Новейшее время. М., 1970. Т. 1.
3. *Зомбарт В.* Народное хозяйство Германии в XIX и начале XX в. М., 1934.
4. История Европы. М., 2000. Т. 5.
5. *Кучинский Ю.* Очерки истории германского империализма. М., 1952. Т. 1.
6. *Кулгбакин В. Д.* Очерки новейшей истории Германии. М., 1962.
7. *Лукин Н. М.* Очерки по новейшей истории Германии. 1900–1914. Л., М., 1925.
8. *Норден А.* Уроки германской истории. М., 1948.
9. *Тарле Е. В.* Европа в эпоху империализма // Соч. Т. 5. М., 1958.
10. Экономическая история капиталистических стран. М., 1986.

4. ФРАНЦИЯ. 4. РОСТОВЩИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

4.1. Отставание промышленности

По темпам развития промышленности Франция в этот период отставала от США и Германии. Если мировое промышленное производство с 1870 по 1913 г. выросло в 5,3 раза, то французское – в 2,9 раза. Уже к 1880 г. по объему промышленного производства Франция отошла на четвертое место в мире. За весь период ее доля в мировой промышленности сократилась с 10 до 6%. В 1913 г. в США был выплавлен 31 млн т стали, в Германии – 18 млн, а во Франции – только 5 млн. Выплавка стали в этот период была определяющим показателем развития промышленности.

Одной из причин отставания было поражение Франции во Франко-прусской войне. Франция должна была заплатить Германии контрибуцию в млрд франков. Для уплаты этой контрибуции правительство выпустило заем в 2 млрд франков. Подписка покрыла эту сумму в течение 6 часов. Тогда был выпущен второй заем – в 3 млрд франков. Подпиской на заем за короткий срок были собраны 42 млрд франков.

Но контрибуция составила только часть ущерба. К этому добавилась аннексия Эльзаса и Лотарингии и опустошение оккупированных районов. Общий ущерб от войны достиг 26 млрд франков.

Франция относилась к числу стран «старого» капитализма: ее производственные мощности к концу XIX в. уже морально устарели, да и просто изнашивались и требовали обновления. Для этого требовались массовые инвестиции, для которых теперь не хватало денег.

Другой причиной отставания было то, что французская промышленность по-прежнему специализировалась на производстве предметов роскоши, модных товаров. Франция диктовала моду, и, несмотря на высокие цены, модные изделия Франции были вне конкуренции. Аристократы, да и просто богатые люди всех стран считали для себя обязательным носить одежду парижских портных, покупать французскую мебель. Но эти изделия тем и ценились, что изготовлялись индивидуально, с большой затратой ручного квалифицированного труда. Это не было массовое производство, поэтому техническое совершенствование и укрупнение подобных предприятий оказывались почти невозможными. В конце XIX в. 94% промышленных

предприятий Франции имели меньше 10 рабочих, т. е. это были предприятия кустарного, докапиталистического уровня. А среди капиталистических, относительно крупных предприятий преобладали мануфактуры.

Была еще и третья причина замедленных темпов развития промышленности – то обстоятельство, что Франция стала международным банкиром, мировым ростовщиком. Здесь было выгоднее и проще вкладывать деньги в облигации иностранных займов, в ценные бумаги, чем в свою промышленность. Типичной фигурой средних слоев здесь был рантье, а не предприниматель. 75% накопленных во Франции капиталов вывозилось из страны, и только 25% вкладывалось в хозяйство Франции.

И все же во Франции ускоренно развивались новые отрасли тяжелой промышленности – электроэнергетика, производство автомобилей и самолетов. По производству автомобилей и самолетов в начале XX в. Франция занимала второе место в мире, по мощности электростанций – первое место в Европе. Такой фактор, как техническая отсталость и износ фондов, здесь не действовал, потому что эти отрасли только еще создавались.

Раздробленность промышленности, мелкие размеры предприятий тормозили образование промышленных монополий. Но господствующая роль банковского капитала ускоряла процесс акционирования. К тому же в массовых отраслях концентрация производства шла довольно высокими темпами. Так, в металлургии число промышленных предприятий сократилось с 4,6 тыс. в 1892 г. до 2,2 тыс. в 1913 г., в бумажной и полиграфической – с 3,3 тыс. до 1 тыс.

Поэтому уже в 70–80 гг. возникают первые монополии, преимущественно в форме трестов и синдикатов: металлургический синдикат (1876 г.), сахарный картель (1883 г.), керосиновый (1885 г.).

Господство монополий устанавливается в начале XX в. Теперь картель «Комите де Форж» объединял 250 металлургических компаний, которые давали 3/4 чугуна и стали в стране. В химической промышленности господствовали компании «Сен-Гобен» и «Кюльман».

Особых успехов достигла военная промышленность. Франция одной из первых стала изготавливать военные самолеты, скорострельные пушки, пулеметы. Основную часть французского оружия производил концерн Шнейдера, одна из крупнейших военных монополий мира.

4.2. Парцеллярное крестьянство

Франция по-прежнему оставалась преимущественно аграрной страной. В 1876 г. сельские жители составляли 68% населения, в 1911 г. – 56%. В этом году непосредственно в сельском хозяйстве было занято 40% активного населения, тогда как в промышленности – только 36% [5, с. 517].

И по-прежнему главной фигурой в сельском хозяйстве оставался мелкий парцеллярный крестьянин. К началу мировой войны 40% сельских хозяев Франции имели участки земли меньше одного гектара. Такой участок не мог обеспечить жизни семьи крестьянина, и крестьянин был вынужден искать дополнительный заработок на стороне.

Вместе с мелким крестьянским землевладением буржуазная революция закрепила и традиционную общинную чересполосность, при которой надел крестьянина состоял из мелких участков в разных полях. По данным переписи 1892 г., в среднем на хозяйство приходилось до 30 таких крошечных участков земли. Некоторые историки парцеллами называют именно такие участки [9, с. 389].

Следствием парцеллярности был замедленный рост населения. Чтобы не дробить и без того маленькое хозяйство, французский крестьянин старался не иметь много детей. Если население Германии с 1870 по 1913 г. выросло на 64%, Англии – на 60%, то население Франции за это время выросло только на 8%.

Ипотечная задолженность крестьян в начале XX в. составляла 15 млрд франков; это была огромная сумма, сопоставимая с ущербом от поражения в 1871 г. Лишь 4% сельских собственников не находились в кабале у ростовщиков.

Все это тормозило развитие сельского хозяйства Франции. По урожайности основных земледельческих культур она занимала 11–17-е места в мире. Например, по урожайности пшеницы накануне мировой войны Франция находилась на 10-м месте в Европе. В результате плохого урожая 1878 г. резко увеличился ввоз дешевой пшеницы из США. Цены на хлеб упали. Но только в 1885 г. были введены высокие пошлины на импорт зерна.

Страдала даже такая традиционная для Франции отрасль, как виноградарство и виноделие. Площадь виноградников сократилась с 2,4 млн га в 1875 г. до 1,5 млн га в 1913 г., а производство вина – с 83,8 до 44,3 млн гектолитров [9, с. 339].

Не лучше было и с животноводством, которое здесь, впрочем, играло второстепенную роль. Так, поголовье овец уменьшилось с 29 млн в 1860 г. до 16 млн в 1913 г.

Натуральный характер крестьянского хозяйства дополнительно тормозил развитие промышленности, сужая внутренний рынок сбыта промышленных товаров.

4.3. Банки и экспорт капитала

Отставая от других европейских стран по развитию промышленности и сельского хозяйства, Франция лидировала по развитию банковской системы, по концентрации финансового капитала. Анатоль Франс писал: «После того, как Франция освободилась от власти королей, императоров... она подпала под власть финансовых компаний, завладевших богатствами страны» [5, с. 520].

Во главе банковской системы стоял по-прежнему Французский акционерный банк, под контролем которого находилось не только хозяйство страны, но и государственные дела. Акционеры этого банка составляли верхушку финансовой олигархии. Это были банкиры и руководители монополий. Клемансо, правление которого отличалось крайней жесткостью и усилением государственной власти, на вопрос, кто правит Францией, отвечал: «Члены правления Французского банка» [5, с. 521].

Среди остальных банков на первые места выдвинулись три крупнейших: «Лионский кредит», «Генеральное общество» («Сосьете женераль») и «Национальная учетная контора». Совокупный капитал этих трех банков увеличился с 427 млн франков в 1907 г. до 5 млрд 250 млн в 1909 г. [5, с. 520], т. е. в 12 с лишним раз, что на порядок превышало рост промышленности и сельского хозяйства.

Это значило, что процветание французских банков базировалось не на развитии хозяйства страны. Как уже сказано, накануне мировой войны только четверть накопленных капиталов вкладывалась в хозяйство Франции, а три четверти уходили за границу [7, с. 259]. С 1870 по 1914 г. промышленное производство Франции выросло в 3 раза, а вывоз капитала – в 6 раз. Доходы от вывоза капитала были больше доходов от своего хозяйства.

Франция все же вывозила капиталов меньше, чем Англия, но не Англию, а Францию этого времени принято называть международным банкиром, мировым ростовщиком. Почему? Потому что Англия вывозила капитал преимущественно в производительной форме: англичане ехали в колонии и вкладывали там свои капиталы. Из Франции же капитал вывозился в основном в ростовщической форме: французские банкиры давали займы другим государствам. В частности, 80% займов русского правительства было сделано

во Франции. А в колонии направлялась лишь десятая часть вывозимых из Франции капиталов.

Следует, впрочем, оговориться, что до 90-х гг. XIX в. значительная часть капиталов вывозилась и в производительной форме. Французские капиталы вкладывались в угольную промышленность Донбасса, металлургические заводы Юга России, в железные дороги Испании, в строительство Суэцкого и Панамского каналов. Строительство Панамского канала сопровождалось таким массовым разорением мелких акционеров и такими масштабами подкупа членов правительства и парламентариев, что слово «панамы» стало нарицательным для обозначения финансовых скандалов. Но к началу XX в. вывоз капиталов в чисто ростовщической форме займов начинает все более преобладать.

В 1908 г. во французское хозяйство было вложено 9,5 млрд франков, а в иностранные ценные бумаги – 104,4 млрд. Вложение денег в облигации и другие ценные бумаги обеспечивало беззаботное положение рантье. Рантье становится типичной фигурой французского общества. К началу мировой войны здесь насчитывалось 2 млн рантье. Ценные бумаги особенно охотно приобретали представители средних слоев населения, усиливая мелкобуржуазный характер французского общества.

4.4. Колонии

К началу мировой войны по величине колониальной империи Франция занимала второе место в мире после Англии. Территория французских колоний составляла 10,6 млн кв. км – в 21 раз больше территории самой Франции, а население колоний, 55,5 млн человек, – в полтора раза превышало население метрополии. Подавляющая часть этих колоний была захвачена в 80–90-х гг. XIX в.

Ее основные колониальные владения находились в Северной и Западной Африке, чему способствовало географическое положение Франции: если английские колонии были за океанами от метрополии, то французам, чтобы добраться до Африки, было достаточно пересечь «домашнее» Средиземное море. Неудивительно, что Алжир стал французской колонией уже в 1830 г.

Колониальные захваты Франции, страны демократических и даже революционных традиций, особенно часто проводились под прикрытием «цивилизаторской» миссии. Как писала одна из оппозиционных газет, «Браза повез в Африку десять человек учителей французского языка и правописания; для охраны каждого учителя пришлось присоединить еще по одной не-

большой батарее, а для охраны десяти батарей – 10 эскадронов кавалерии» [6, с. 248].

Цивилизаторская маскировка не смягчала жестокости колониальных войн. Можно было ожидать, что международный банкир Франция будет действовать преимущественно через финансовую сферу, путем закабаления местных властителей, или через частные компании, на защиту которых затем выдвигались государственные вооруженные силы. Но именно так действовали английские и германские колониалисты, а Франция преимущественно практиковала прямые вооруженные захваты.

Например, для захвата Туниса были направлены три французских дивизии, а французский флот вошел в гавань Бизерты. Тунисскому бею указали, что в обозе есть другой бей, более покладистый, и в 1881 г. бей был вынужден подписать договор о протекторате. Следует заметить, что к захвату Туниса Францию подталкивало английское правительство, чтобы отвлечь ее от других направлений экспансии, более опасных для Англии. Лорд Солсбери говорил французскому представителю: «Как долго будете вы терпеть Карфаген в руках варваров?» [3, с. 78].

Королева гавасов на Мадагаскаре не находилась в долгу у французских банкиров. Французские военные отряды, высадившись на острове, обстреляли дворец королевы, после чего она в 1895 г. подписала акт о протекторате.

В Африке Франция стремилась захватить все северное побережье между Гибралтарским проливом и Суэцким каналом, расширить и объединить владения в Западной Африке и соединить их железной дорогой с североафриканскими владениями. Но для выполнения этой задачи надо было потеснить Англию, и до поры до времени основные противоречия в Африке были между Францией и Англией. В 1898 г. фашодский инцидент привел к разграничению сфер влияния этих двух держав. В сущности, уже тогда были заложены основы будущей Антанты, а «прыжок Пантеры» продемонстрировал уже сложившийся союз Англии и Франции против Германии.

К началу XX в. закончилось оформление колониальных владений Франции и на Дальнем Востоке. В их состав вошли Лаос, Вьетнам, Камбоджа и Тонкин.

4.5. Монархисты, республиканцы, социалисты

Мелкобуржуазный состав населения Франции (парцеллярное крестьянство, мелкие промышленные заведения, обширная прослойка мелких рвантъе) наложил отпечаток и на политическую жизнь страны. Здесь

было несколько монархических, несколько социалистических партий, а либеральные республиканские течения поражали пестротой и многообразием.

Парижская коммуна напугала французское общество, в результате чего произошел откат к реакции. Франция первой половины 70-х гг. – «республика без республиканцев» – без республиканских учреждений и конституции. Подавляющее большинство в Национальном собрании составили монархисты, целью которых была реставрация монархии. Но и они не были едины. Каждая из трех фракций монархистов (легитимисты, орлеанисты и бонапартисты) имела своего кандидата на престол. Только в 1873 г. они сошлись на единой кандидатуре – графе Шамборе, который должен был стать королем под именем Генриха V. Но Шамбор заявил, что он не желает стать «королем революции» и отказаться от белого знамени Бурбонов в пользу трехцветного знамени французской революции. Возвращение же к знамени Бурбонов было явно неприемлемо для французского общества.

К тому же Национальное собрание не было уверено, что оно должно стать учредительным: оно было созвано лишь для преодоления последствий страшного поражения в войне. «Собрание, избранное в нынешних печальных обстоятельствах, – писала газета «Univers», – не может стать Учредительным собранием» [4, с. 71].

Лишь в 1875 г. большинством в один голос собрание фактически признало Францию республикой. В новой конституции слово «республика» упоминалось лишь в статье о выборах президента. В ней не было вообще указания на форму государственной власти, не было ни декларации прав, ни провозглашения республиканских принципов.

К 1879 г. угроза реставрации монархии была ликвидирована. «Марсельеза» стала государственным гимном, а 14 июля, день взятия Бастилии, был объявлен национальным праздником.

Но и в среде республиканцев не было единства. Радикальные республиканцы называли умеренных «оппортунистами», потому что те тянули с обещанными социальными реформами, откладывая их до «подходящего» (opportun) времени. В 80-х гг. начинаются лишь некоторые демократические и социальные преобразования: разрешаются запрещенные до этого профсоюзы, вводится всеобщее бесплатное начальное образование, издается реформа об отделении школы от церкви, объявляются свобода собраний и печати.

В 1872 г. во Франции был издан закон о тюремном заключении за пропаганду социалистических идей. В тоталитарной

Германии социалистическая партия возникла в 1863 г., в демократической Франции – в 1880 г. Эта социалистическая рабочая партия сразу же раскололась на несколько течений, и в 90-х гг. существовало пять социалистических партий, не считая примыкавших к ним анархистов. В 1881 г. в рейхстаге со-

циалистам принадлежало 13 мест, во французской Палате депутатов – только два места. И только в 1914 г. 132 социалиста в парламенте составляли 22% от общего числа депутатов.

До 90-х гг. во Франции практически не было рабочего законодательства и социального страхования. Только в 1900 г. здесь был издан закон об ограничении рабочего дня 11 часами, а в 1906 г. установлен законом еженедельный выходной день.

Одной из причин этого была дробность профсоюзного движения. Здесь было два вида профсоюзов: синдикаты, которые объединяли рабочих по профессионально-отраслевому принципу, и биржи труда, которые действовали независимо от синдикатов в городах и регионах. Лишь в 1902 г. эти два вида профсоюзных организаций объединились во Всеобщую конфедерацию труда.

Эта дробность социалистических и рабочих организаций объяснялась особенностью экономики Франции, дробностью, многообразием слоев населения. Четкое разделение основной массы населения на индустриальный пролетариат и индустриальную буржуазию ускоряет консолидацию этих двух групп. Но во Франции оставался значительный слой мелкого крестьянства, сохранялся большой сектор мелкого полуремесленного производства, в котором отношения между предпринимателями и работниками были совсем иными, чем на фабриках. Интересы банкиров не совпадали с интересами промышленной буржуазии. Особыми были интересы значительной прослойки рантье. Все это и определяло особенности политической жизни французского общества.

4.6. Франция в мировой войне

Франция, в отличие от Англии и Германии, не была одним из лидеров в гонке морских вооружений, но накануне войны здесь были самые высокие военные расходы и самые высокие налоги в расчете на душу населения.

В первые же месяцы войны, обойдя французские укрепления через Бельгию, немецкая армия нанесла сокрушительное поражение, оккупировав 10 департаментов, где выплавлялось свыше 60% французской стали и было сосредоточено 60% металлообрабатывающей промышленности. Немецкие войска уже подходили к Парижу.

Францию от конечного разгрома спасла Россия. Русское наступление началось еще до того, как были сосредоточены необходимые для этого войска.

Спешная переброска немецких войск на Восточный фронт остановила немецкое наступление.

К концу войны посевы зерновых во Франции сократились до 67% от довоенного уровня, а сборы основных продовольственных культур снизились на 30–50%. Внешний долг Франции вырос до 5,4 млрд долл.

Л и т е р а т у р а

1. *Антюхина-Москвиченко В. И.* Третья республика во Франции. М., 1986.
2. Всемирная история. М., 1960. Т. 7.
3. *Дармиштедтер П.* История раздела Африки. М.; Л., 1925.
4. *Зеваэс А. А.* История третьей республики. М.; Л., 1930.
5. История Франции. Т. 2. М., 1973.
6. История XIX века / Под ред. *Лависсаи Рамбо*. Т. 8. М., 1939.
7. *Кареев И. И.* Очерки социально-экономической истории Западной Европы в Новейшее время. Пг., 1923.
8. *Потемкин Ф. В.* Промышленная революция во Франции. М., 1971. Т. 2.
9. Экономическая история капиталистических стран. М., 1962.
10. Экономическая история капиталистических стран. М., 1985.

5. ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРИАЛИЗМА США

Если мировое промышленное производство с 1870 по 1913 г. выросло в пять раз, то промышленное производство США – в 8,6 раза. *США выходят на 1-е место в мире по промышленному производству.*

В американской промышленности в это время происходят структурные изменения: прежде ведущее место занимала легкая промышленность, теперь на 1-е место выдвигается тяжелая. Решающую роль в этом сыграли новые отрасли: электротехническая, нефтяная, резиновая, алюминиевая, автомобильная. Развитие этих отраслей было связано с достижениями науки и техники. Американская промышленность все еще испытывала недостаток рабочих, поэтому изобретательство, новая техника получили здесь особенно благоприятную почву.

В результате серии изобретений Эдисона в области электротехники в 80-х гг. XIX в. рождается знаменитая фирма Эдисона, которая в дальнейшем перерастает в крупнейшую электротехническую корпорацию «Дженерал электрик». Электротехническая промышленность становится одной из ведущих отраслей промышленности в США.

Изобретение двигателя внутреннего сгорания было использовано предпринимателем Генри Фордом для организации серийного производства автомобилей. Фирма Форда за короткое время становится монополией – Концерном Форда, а автомобильная промышленность США сразу занимает 1-е место в мире. В Англии в начале XX в. еще существовал закон, по которому перед каждым автомобилем должен был идти человек с красным флагом для охраны пешеходов. В США в это время было уже около 100 000 автомобилей.

Одной из первых монополий США стал основанный Рокфеллером нефтяной трест «Стандард Ойл», который уже в 1880 г. перерабатывал свыше 90% всей американской нефти.

Рокфеллеру удалось договориться с железнодорожными компаниями о пониженной плате за перевозку грузов своего треста, что значительно облегчило ему конкуренцию с соперниками. А когда конкурирующие компании, чтобы спасти положение, стали сооружать трубопроводы, Рокфеллер нанимал головорезов, чтобы разрушать эти трубопроводы. Через некоторое время трест Рокфеллеров проникает в другие страны, организуя добычу и переработку нефти в Мексике, Венесуэле, Румынии.

Морганы, согласно семейным преданиям, были наследниками знаменитого корсара. В начале XX в. они основали «Стальной трест», который занял господствующее положение в черной металлургии США. Он контролировал 75% запасов железной руды США и выпускал половину металлургической продукции.

Тресты появились и в других отраслях промышленности, возникли «короли» вагонов, мясных консервов и т. д. В начале XX в. они уже давали 40% промышленной продукции страны.

Монополии взвинчивали цены на продукцию, разоряли мелких промышленников, а все это восстанавливало против них общественное мнение страны.

Традиционной для Америки была доктрина спонтанного развития хозяйства: экономическое развитие есть свободная борьба сил, от которой государство должно стоять в стороне. Теперь же эта традиционная точка зрения встречала сильных противников, которые считали, что «непременным условием человеческого прогресса» являются государственные законы, которые должны ограничивать предпринимательскую деятельность, не допускать монополий.

Под давлением общественного мнения в 1890 г. был принят «антитрестовский» закон Шермана. Законом запрещались объединения, стеснявшие свободу конкуренции, т. е. формально запрещались монополии. Однако закон Шермана был бессилён именно против трестов. Он предусматривал меры против «сговора» нескольких фирм на рынке, т. е. был направлен против монополий низшего порядка – картелей и синдикатов, а когда эти фирмы сливались в одну, т. е. возникал трест, закон не усматривал здесь сговора, да и не мог вмешиваться во внутренние дела фирм.

После закона Шермана усиленное распространение получает новая форма монополий – холдинг-компании. Холдинг – это общество, которое держит портфель акций разных фирм, получает дивиденды и распределяет их между пайщиками. Естественно, как предприятие-акционер, холдинг-компания посылает в эти фирмы своих директоров, контролирует их деятельность. Но перед лицом закона холдинг – не монополия: общество владеет только акциями и в качестве акционера, безусловно, имеет право контролировать те фирмы, в которые вложены ее капиталы.

Неожиданностью было то, что от закона Шермана стали страдать профсоюзы. По формальному смыслу закона профсоюз – это объединение рабочих, направленное против конкуренции на рынке труда, рынке продажи рабочей силы.

Параллельно с концентрацией промышленности и образованием монополий идут концентрация банков и образование финансовых групп. К началу

Первой мировой войны во главе двух крупнейших в Америке банков стояли уже знакомые нам капиталисты Морган и Рокфеллер, и их банки контролировали третью часть национальных богатств страны. В подчинении банков находились промышленные монополии и целые отрасли промышленности.

В состав финансовой группы Морганов входили «Стальной трест», компания «Дженерал электрик», Пульмановская компания по производству вагонов, 21 железная дорога, три страховых компании и т. д. Финансовая группа Рокфеллера была более узкой по составу – сюда входили в основном нефтяные корпорации.

Продолжало в этот период успешно развиваться и сельскохозяйственное производство. США выдвинулись на 1-е место в мире по производству и экспорту зерна, стали основным поставщиком сельскохозяйственных продуктов для Европы. Но развивалось это хозяйство неодинаково в разных районах страны.

Главный промышленный район США – промышленный Север – был одновременно районом наиболее развитого сельского хозяйства. Здесь производилось 60% сельскохозяйственной продукции страны. Города и промышленные центры здесь предъявляли повышенный спрос на продукты питания, поэтому сельское хозяйство оказывалось очень доходным, а свободных земель уже не было, поэтому увеличивать производство можно было только путем интенсификации, т. е. повышением технического уровня и увеличением продукции с той же площади.

На бывшем рабовладельческом Юге основная часть земли осталась в собственности прежних крупных землевладельцев. Они, как правило, сдавали землю мелким арендаторам, причем нередко применялись примитивные формы аренды типа издольщины, когда арендатор должен был отдавать владельцу земли часть урожая. Естественно, технический уровень сельского хозяйства здесь был значительно ниже.

На Дальнем Западе еще продолжалась колонизация. Край был сравнительно малонаселенным, и сельское хозяйство было преимущественно экстенсивным: поскольку земли было много, фермеры не старались получить максимум продукции с площади, а увеличивали производство за счет расширения площадей.

Таким образом, не вся еще территория страны была полностью хозяйственно освоена. Продолжался процесс внутренней колонизации страны. Поэтому вывоз капитала из США был небольшим, преобладал ввоз. Если американские капиталовложения за границей к началу Первой мировой войны составляли около 3 млрд долл., то иностранные капиталовложения в США – около 6 млрд. А это значит, что США еще не очень нуждались в колониях. Тем не менее, в соответствии с общей тенденцией, в конце XIX в. США начи-

нают колониальную экспансию. Однако колониальная политика США имела особенности, отличавшие ее от колониальной экспансии европейских стран.

Во-первых, слаборазвитые страны, потенциальные колонии, находились рядом, на своем континенте, не надо было ехать за океан. И США берут на вооружение доктрину – «Америка для американцев». Вначале эта доктрина была лозунгом борьбы народов Латинской Америки против европейского колониализма. Под этим лозунгом эти народы освобождались от колониальной зависимости. Потом, когда европейских колоний в Америке почти не осталось, смысл доктрины изменился. США, опираясь на нее, не допускали проникновения европейских капиталов в страны Латинской Америки, резервируя их для своей колониальной деятельности.

Во-вторых, колониальная экспансия США с самого начала приобрела черты неоколониализма. США не объявляют страны Латинской Америки своими колониями. Формально они остаются суверенными государствами. Но, пользуясь экономической слабостью этих стран, капиталисты США ввозят туда свои капиталы и эксплуатируют национальные богатства. Если же правительство той или иной страны пытается выйти из-под контроля янки, США, пользуясь своим влиянием, организуют государственный переворот. Так была устроена, например, «революция» в Панаме ради захвата Панамского канала.

В-третьих, в странах Старого Света США пропагандируют принцип «открытых дверей», т. е. равных возможностей для капиталистов всех стран. США – против колониализма, они за соревнование капиталов в слаборазвитых государствах. И это позволяет им проникать в слаборазвитые страны Азии.

Л и т е р а т у р а

1. Громыко А. Л. Внешняя политика США: уроки и действительность 60–70-х гг. М., 1978.
2. Джинчарадзе В. З. Экономическая история США. М., 1973.
3. Ефимов А. В. Очерки истории США: от открытия Америки до окончания гражданской войны. М., 1958.
4. Журкин В. В. США и международный политический кризис. М., 1975.
5. Кокошин А. А. США в системе международных отношений 80-х годов: гегемонизм во внешней политике Вашингтона. М., 1984.
6. Энтов Р. М. Государственный кредит США в период империализма. М., 1967.
7. Яковлев А. Н. От Трумэна до Рейгана: доктрины и реальности ядерного века. М., 1984.

6. ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРИАЛИЗМА ЯПОНИИ

Япония вступила на путь капитализма тогда, когда мир уже переходил к империализму. Поэтому японский капитализм родился сразу в империалистической форме, приобретал черты империализма. Империализм здесь возник до завершения промышленного переворота, при сохранении многих пережитков азиатского способа производства. Поэтому японский империализм принято относить к типу военно-феодалного.

В чем проявились особенности японского империализма как военно-феодалного?

Во-первых, в особой форме монополий – дзайбацу. Это были не совсем монополии, потому что они возникли не в ходе конкурентной борьбы и концентрации производства, а при раздаче государственных предприятий в частные руки. Люди, имевшие хорошие связи, могли захватить целую группу предприятий. Вот такая группа предприятий в одних руках и называлась дзайбацу.

Это были не совсем монополии, потому что они ничем не владели. Это были в основном конгломераты, состоящие из предприятий разных отраслей.

Первое место среди дзайбацу занимала компания Мицуи. В ее состав входили банк, текстильные, горные, торговые предприятия. На втором по значению месте находилась компания Мицубиси. В ее состав входили судостроительные и судостроительные предприятия, угольные шахты.

Во-вторых, Япония начинает колониальную экспансию, когда сама еще находится в положении полукolonии, когда экономически колонии ей были не нужны. Промышленный переворот еще не закончился, и экспортировала Япония, как уже сказано, в основном сельскохозяйственную продукцию, которую не везут в колонии.

Но у власти в Японии находились самураи – военно-феодалная каста. Самурайское правительство испытывало давление со стороны массы разоренных при капитализации пенсий самураев, которые предполагали, что лишь война может поправить и укрепить их положение. Иначе говоря, Японии были нужны не рынки сбыта и источники сырья, а война и новые земли.

Япония не стала колонией. Неравноправные договоры, которые ставили Японию в положение полукolonии, были аннулированы в 90-х гг. Японию

спасло соперничество держав на Дальнем Востоке. Объектом соперничества была не маленькая Япония, а большой Китай, но Япония была важной стратегической позицией на подступах к Китаю, и каждая из держав не могла допустить, чтобы эту позицию занял соперник. Используя это обстоятельство, Япония не только избежала участи колонии, но и сама постаралась участвовать в разделе Китая.

Уже в 90-х гг. в результате войны с Китаем она отбирает у него Тайвань, Пескадорские острова и подчиняет своему влиянию Корею. В результате Русско-японской войны 1904–1905 гг. она получает Квантунскую область с Порт-Артуром, половину Сахалина, а еще через два года заключает с царским правительством договор о разделе Маньчжурии на сферы влияния.

Л и т е р а т у р а

1. Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1953.
2. Симония Н. А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
3. Сметанин С. И. Развитие капитализма в Японии. М., 1993.
4. Эйдус Х. Т. Очерки новой и новейшей истории Японии. М., 1955.
5. Япония: экономика, политика, история. М., 1989.

7. ИМПЕРИАЛИЗМ И СОВРЕМЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО

В последней трети XIX в. мировое хозяйство начинает переходить на стадию империализма, т. е. в этом хозяйстве происходят изменения, которые делают это хозяйство уже не вполне соответствующим традиционным представлениям о капитализме.

Решающий фактор развития буржуазной экономики – рынок сбыта, возможность продать продукцию. Именно это обстоятельство и послужило основой перехода к империализму.

В каждой индустриальной стране в конкурентной борьбе за рынок сбыта сильные фирмы разоряют слабые, захватывая их рынки, их покупателей. Таким образом идет процесс концентрации производства, сосредоточения производства на все более мощных и крупных фирмах.

А если в своей стране рынок уже заполнен товарами, то существуют рынки за границей, существуют слаборазвитые страны, где своя промышленность еще недостаточно развита. Можно вывозить продукцию в эти страны и продавать ее там. Правда, для этого надо подчинить эти страны, сделать их своими колониями, потому что если они останутся суверенными государствами, то смогут защитить свои рынки от вторжения чужих товаров высокими протекционистскими пошлинами. И индустриальные державы захватывают все новые и новые колонии, создавая колониальные империи.

Именно из понятия «колониальная империя» и возник термин «империализм»: империалистами в Англии называли сторонников колониальных захватов.

Но оба эти процесса со временем приходят к логическому концу. Процесс концентрации производства приводит к образованию монополий, т. е. таких крупных фирм и объединений, которые производят уже основную массу какой-то продукции в данной стране. Им уже не с кем конкурировать. А колониальные рынки сбыта уже поделены между индустриальными державами. Момент, когда оба эти процесса – концентрации производства и раздела колоний – приходят к логическому концу, и есть момент наступления империализма.

Кульминацией борьбы за колонии стал раздел Африки. К концу 80-х гг. XIX в. колониальные рынки на других континентах были уже в основном разделены между индустриальными державами, а в Африке европейцы пока владели только небольшими участками океанского побережья – опорными базами для вывоза слоновой кости и рабов. Внутренние земли Африки оста-

вались для европейцев белым пятном. Туда пробирались лишь отдельные путешественники, купцы, миссионеры. Они, в сущности, вели разведку для будущих колониальных захватов.

В конце 70-х гг. положение резко изменяется. Все крупные капиталистические державы бросают в Африку вооруженные силы и начинают двигаться от своих опорных баз на побережье в глубь континента, присоединяя все новые территории. Марк Твен говорил по этому поводу: «Вся эта банда так хладнокровно поделила Африку вдоль и поперек, словно купила ее, заплатив сполна».

Англичане двигались, главным образом, с двух сторон: с севера, где их опорой был Суэцкий канал, и с юга, где английскую экспансию направляли месторождения золота и алмазов. Эти месторождения были обнаружены в южноафриканской Бурской республике. Предлогом для захвата этой республики стало жестокое отношение буров к туземцам, чего будто бы даже у соседей не могла терпеть гуманная английская администрация.

Военные экспедиции разных государств постоянно сталкивались, и министрам иностранных дел приходилось улаживать отношения. Солсбери, английский министр иностранных дел, по этому поводу говорил, что «Африка создана в наказание министрам иностранных дел».

За два десятилетия вся Африка была разделена. В 1898 г. на последнем незанятом клочке земли, у крепости Фашода в Судане, встретились английский и французский отряды, отправленные для занятия этой территории. Англичане сюда пришли с севера, они стремились соединить свои северные владения с южными, а французы – с запада, они хотели соединить свои западные владения с восточными. Но эти пути пересекались.

В маленькой крепости стояли два отряда, развеивались английский и французский флаги, а командиры вежливо разговаривали. Один настаивал, чтобы другой удалился, а другой отвечал, что уйдет лишь тогда, когда ему прикажет его правительство.

Последний кусок «ничейной» земли был разделен между Англией и Францией. Раздел был неравным. В руки Англии попала Нигерия – страна золота, марганца и олова, а французы получили большой кусок пустыни Сахары (через Сахару французы собирались строить железную дорогу, соединяющую их западные колонии с северными). Журналисты иронизировали: «Французы получили больше квадратных миль земли, но в стране с сыпучей, даже очень сыпучей почвой» [1, с. 38]. Правда, потом здесь обнаружили нефть. С этого момента мир был поделен между несколькими индустриальными державами.

Но это не означало прекращения соперничества, которое в конечном итоге привело к Первой мировой войне. Новый узел противоречий возник

на Ближнем Востоке. Германия начала строить железную дорогу Берлин – Белград – Багдад. Эта дорога была направлена от германской столицы к сердцу британских владений на Востоке – к Индии. Но если немцы ведут туда дорогу, значит они собираются прибрать к рукам эти английские владения. По этой дороге напрямиком, дешево можно вывозить туда германские товары, а можно также в короткий срок перебросить солдат (Англии же надо везти их морем вокруг Европы). Англия пытается затормозить строительство дороги или повернуть ее в другую сторону – к границам России. Но немцы в этом вопросе не идут на уступки. Возникает конфликт.

Новый конфликт – снова в Африке. У Англии там были группы колоний на севере, юге, востоке и западе. Она мечтала соединить эти колонии, построить железную дорогу, которая пересекала бы Африку в форме креста – «зажарить Африку на кресте из железнодорожных рельсов». Но из этого ничего не получалось, потому что центр этого креста занимала колония Германии. У Германии был свой план трансафриканской дороги – с востока на запад, но осуществлению этого проекта мешали английские и бельгийские владения.

Дело шло к развязыванию мировой войны, а поскольку предполагалось, что это будет война за колонии, за заморские земли, особое значение приобрело военно-морское соперничество.

С конца XIX в. Германия приступает к строительству мощного военно-морского флота. Естественно, что немецкие корабли, которые закладывались в эти годы, оказались более совершенными, чем английские, построенные десятки лет назад.

Это обстоятельство крайне обеспокоило английское адмиралтейство. Ведь Англия до этого придерживалась принципа «тройного превосходства», т. е. правила иметь флот в три раза больше, чем у любого другого государства. Теперь от этого принципа пришлось отказаться: устаревшие суда пришлось списать, а построить новый флот, в три раза превышающий германский, Англия была уже не в состоянии. Был установлен новый принцип «двойного превосходства», а чтобы компенсировать проигрыш, англичане решили построить невиданные до этого корабли. В 1905 г. был заложен первый дредноут. Его постройка была окутана тайной, и все страны приостановили военно-морское строительство, ожидая, что же выйдет из английских верфей. «Вместо двух установок тяжелых орудий на носу и на корме оно имело 10 двенадцатидюймовых орудий в пяти башнях. Оно развивало скорость на два узла больше своих предшественников и было самым безобразным, неуклюжим чудовищем, которое когда-либо бороздило голубые волны океана», – так описывал появившийся дредноут английский писатель [7, с. 81].

Германия спешно принялась тоже строить дредноуты, но по их количеству не смогла догнать Англию. Зато она обогнала ее по миноносцам, подво-

дным лодкам и сухопутному вооружению. Дело в том, что дредноуты были чудовищно дороги, и поэтому на строительство каждого такого корабля приходилось испрашивать согласие рейхстага, а миноносцы и подводные лодки можно было строить, ни перед кем не отчитываясь.

Но можно ли считать империалистическим современное мировое хозяйство и прежде всего – хозяйство передовых индустриальных стран? Один из признаков империализма – колониальные империи. Но они распались после Второй мировой войны. Колоний больше нет. Другой признак империализма – монополии. Но современные корпорации уже не являются монополиями в прежнем смысле этого слова – они не монополизуют производство какого-то товара. Это стало невозможно в условиях экономической интеграции, когда национальные рынки все более сливаются в единый мировой рынок.

К тому же в настоящее время идет интенсивный процесс диверсификации – перехода от монополий к многоотраслевым корпорациям – конгломератам. В современных условиях, условиях научно-технической революции, когда увеличилась неравномерность развития отраслей промышленности и на первый план выступают структурные кризисы, стало рискованно иметь в составе корпорации какую-то одну отрасль. Гораздо надежней опираться на несколько отраслей, с тем чтобы мобильно перебрасывать ресурсы в те отрасли, для которых складывается наиболее благоприятная конъюнктура.

Но если нет монополий и нет колоний, то современное мировое хозяйство уже не соответствует определению империализма.

Более того, оно не соответствует и традиционному определению капитализма. Капитализм предполагает наличие частной собственности на средства производства, т. е. частное предпринимательство, и рыночных отношений (тогда как социализм – общественной собственности на средства производства и планового хозяйства).

Но частная собственность стала превращаться в общественную без всякой революции уже в XIX в. при переходе к империализму, когда началось массовое акционирование промышленности. В сущности, акционерная корпорация – это уже не частная собственность. В советской экономической науке было принято считать кооперативную собственность не просто общественной, но даже общественной социалистической собственностью. Однако если в кооперативе сотни и тысячи пайщиков, то в современной акционерной корпорации – миллионы акционеров, причем роль главных акционеров играют банки, а у банков – свои акционеры. И если мы считаем кооперативную собственность разновидностью общественной, то тем более должны признать общественной собственностью акционерного общества. Акционер – не предприниматель, а рантье. Делами акционерной корпорации

руководят специалисты: директора, менеджеры, управляющие – носители мозгов, а не капитала, в сущности, наемные служащие.

Капитализм – это рыночная экономика, социализм – плановая. Но во всех индустриальных странах теперь ведется планирование, государственное регулирование хозяйства. Действуют плановые органы (например, Управление экономического планирования в Японии, Министерство хозяйства в Германии), разрабатываются перспективные программы экономического развития, государство забирает в бюджет значительную часть валового национального продукта и, расходуя эти средства, направляет развитие страны в соответствии с разработанными программами.

Да и сам капитал, т. е. средства, вложенные в заводы, в техническое оборудование, перестал играть главную роль. Как принято говорить на Западе, на смену «твердому товару» (промышленному оборудованию, технике) на первый план выходит «мягкий товар», т. е. мозги, умение рационально использовать это оборудование. В подтверждение этого обычно приводится такой пример. Если все техническое оборудование из современной индустриальной страны перебросить в страну отсталую, например в одну из стран Центральной Африки, то через 10–15 лет оно превратится в груды лома из-за недостатка квалифицированных специалистов, а население передовой страны за этот срок сумеет не только восстановить прежний потенциал, но и существенно обновить свой основной капитал, снова выйдя в число передовых.

Таким образом, если мы можем считать хозяйство индустриальных стран до Второй мировой войны империалистическим, то состояние этого хозяйства после войны уже не соответствует определениям ни империализма, ни даже капитализма.

А начался этот процесс перерастания мировой экономики в современное состояние уже на переходе к империализму, когда началось массовое акционирование, когда промышленному капиталу стало уже тесно в рамках одного государства.

Л и т е р а т у р а

1. *Дармитедтер П.* История раздела Африки. М.; Л., 1925.
2. История дипломатии. М., 1963. Т. 2.
3. История XIX века / Под ред. *Лависсаи Рамбо*. М., 1939. Т. 7–8.
4. *Лемонн Э.* Очерк истории англо-французских отношений. М., 1923.
5. *Могилевич А. А., Айрапетян М. Э.* На путях к мировой войне. Л., 1940.
6. *Мун П. Т.* Империализм и мировая политика. М.; Л., 1928.
7. *Ньюбольд У.* Как Европа вооружалась к войне. М., 1923.

8. ЭКОНОМИКА ИНДИИ 8. В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Индия была «жемчужиной британской короны», т.е. главной колонией Великобритании, где колониальные порядки и колониальная эксплуатация проявлялись наиболее отчетливо. Поэтому именно Индия может служить образцом колониального хозяйства вообще.

В условиях колониального хозяйства происходило разложение остатков «восточной» экономики и развитие капитализма, а это порождало такие особенности, как компраторская буржуазия, «управляющие агентства» и многое другое. Развитие капитализма порождало здесь и особые формы национально-освободительной борьбы, которая привела к освобождению Индии от колониальной зависимости в середине XX столетия.

Все это требует выделить колониальный период экономической истории Индии с середины XVIII до середины XX в. в самостоятельный раздел.

8.1. Завоевание Индии

В отличие от испанских конкистадоров три Ост-Индских компании, голландская, французская и британская, были созданы не для территориальных захватов, а для торговли, причем пока не столько европейские товары везли на Восток, сколько восточные – в Европу. Экзотические восточные товары пользовались повышенным спросом в Европе. Из Индии везли тонкие цветные хлопчатобумажные ткани, европейские модницы щеголяли в кашемировых шالях. Даже европейские железные изделия не очень пока ценились на Востоке, наоборот, из Голконда в Европу везли высококачественную сталь. Ост-Индские компании богатели, приобретая все большую самостоятельность.

Для торговли создавались опорные пункты по берегам и даже основывались новые города. Англичане построили города Калькутту и Бомбей. В эти города стекалось торгово-ремесленное население. Торговое – потому что англичане нуждались в посредничестве местных купцов, ремесленное – потому что здесь было легче продать свои изделия на экспорт

Территориальные захваты в Индии начала не английская, а французская Ост-Индская компания, которая стала формировать части из индийских солдат – сипаев. В условиях частых военных столкновений между княжествами Южной Индии компания принимала «под защиту» одного из князей, направляла туда обученное по европейски сипайское войско, после чего княжество оказывалось в зависимости от компании.

Соперничество английской и французской Ост-Индских компаний в 50-х гг. XVIII в. переросло в открытую войну, причем эта война велась преимущественно тоже войсками сипаев. Завершилась она в годы европейской Семилетней войны победой англичан. Теперь уже ничто не препятствовало открытой экспансии англичан в Индии.

Завоевание Индии облегчало то обстоятельство, что держава Великих Моголов практически распалась на мелкие княжества, часть которых к тому же перешла в подчинение к афганскому шаху. Среди княжеств набирало силу государство маратхов, которое уже подчинило соседей и могло стать основой нового объединения Индии. Держава Великих Моголов съезжилась до небольшой территории вокруг Дели. К. Маркс писал: «Верховная власть Великого Могола была свергнута его наместниками. Могущество наместников было сломлено маратхами. Могущество маратхов было сломлено афганцами. И пока все воевали против всех, нагрянул британец и сумел покорить их всех» [К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, с. 224].

Приняв сторону одного из претендентов на престол нава-ба, правителя Бенгалии, англичане в битве при Плесси разгромили бенгальское войско и захватили Бенгалию. Конечно, претендент получил лишь номинальную власть. В дальнейшем, используя свою традиционную тактику «разделяй и властвуй», Ост-Индская компания подчиняет другие княжества, в войне 1803–1826 гг. побеждает маратхов, а в 1803 г. захватывает Дели. Теперь вся Индия принадлежала англичанам.

8.2. Заминдари и райятвари

Одним из главных источников доходов английской администрации в Индии стали налоги с населения. Принято говорить, что англичане ввели две формы сбора налогов с земли – заминдари и райятвари. Это не совсем верно. Английская администрация использовала уже существовавшие формы, приспособив их к своим потребностям.

В государстве Великих Моголов заминдарами называли банкиров, которым на откуп сдавался сбор налогов с определенной территории. Земли,

с которых они собирали налог, считались государственными, но слабевшее государство уже было не в состоянии содержать собственную администрацию по сбору налогов. Сдавать этот сбор на откуп было проще. Практически такой заминдар становился господином на выделенной ему территории.

Именно эту форму англичане приняли за основу, объявив заминдаров собственниками земли, с которой те собирали налоги. В сущности, эти земли передавались в феодальную собственность, только до 90% собираемой ренты заминдары должны были передавать государству в форме налога.

Заминдарами теперь становились и джагирдары и иктадары, владения которых превращались из условной в полную наследственную собственность, а также чиновники, успевшие при моголах захватить значительные владения из государственных земель.

Сущность преобразования сводилась к тому, что прежние формы условного землевладения превращались в частную собственность на землю по английскому образцу.

Однако даже к началу XX в. крупным землевладельцам – заминдарам принадлежало только 20% всей обрабатываемой земли в Индии.

Система райятвари (от слов райят – крестьянин, райя – крестьянство) преобладала в Южной Индии. Крестьяне-общинники объявлялись собственниками земли и должны были сами платить налоги государству, т.е. английской администрации. Общинное землевладение в Индии к этому времени уже перерастало в частную крестьянскую собственность. Введение системы райятвари лишь завершило этот процесс.

Тем не менее общинный уклад жизни сохранился. Когда мы говорим, что свыше 80% населения Индии было занято в сельском хозяйстве, то следует учитывать, что в это число попадали и деревенские общинные ремесленники, которые обеспечивали всем необходимым население своей деревни. Они производили основную часть ремесленных изделий в стране. Община не нуждалась в городе. Английский чиновник Чарльз Меткаф писал в 1830 г.: «Сельские общины – это маленькие республики, имеющие почти все, что им необходимо, внутри себя, и почти не зависящие от внешних сношений» [7, с. 323].

Но община не могла спасти от аграрного перенаселения. По мере естественного прироста численности жителей деревни земельные участки дробились, и всем уже не хватало земли. А за пределами общины крестьянин мог получить землю только на условиях кабальной аренды, у заминдара.

С приходом англичан увеличивалась доля сырьевых экспортных культур, которые уже определяли специализацию отдельных районов. Бенгалия специализировалась на производстве джута и сахарного тростника, в Гуджарате и Агре росло производство индиго, Махараштра давала хлопок, Ассам –

чай. Зерновые и прочие продовольственные культуры оттеснялись на задний план, и в Индии стало не хватать хлеба. Англичане были вынуждены ввозить сюда зерно.

Но импортное продовольствие, конечно, было доступно далеко не всем, и в Индии учащаются голодные годы. По официальным данным только за последнюю четверть XIX в. здесь погибло от голода 15 млн человек. Средняя продолжительность жизни индийца составляла всего 23–24 года.

Вымирали от голода целые районы. В 1789 г. генерал-губернатор Индии лорд Корнуолис сообщал в Лондон: «Я имею все основания утверждать, что треть территорий Компании в Индостане сейчас превратилась в джунгли, населенные дикими зверями» [7, с. 16].

8.3. Источник сырья и рынок сбыта

То положение, что колонии являлись источником сырья и рынком сбыта для промышленности метрополии, в полной мере относилось к Индии. Правда, первое время Ост-Индская компания не столько ввозила английские товары, сколько вывозила индийские: промышленный переворот в Англии еще не закончился, и английская продукция еще не могла конкурировать с индийскими тканями. Наоборот, в это время индийские ткани везли в Англию, где они пользовались высоким спросом. За три года (1766–1768) в Бенгалию было ввезено товаров на 600 тыс. фунтов стерлингов, вывезено – на 6,3 млн. Но основную часть своих доходов компания получала от вывоза опиума в Китай.

Но английские промышленники от такой торговли ничего не получали. Торговая монополия Ост-Индской компании препятствовала превращению Индии в рынок сбыта английских товаров. Если индийские изделия можно было скупать намного дешевле, чем они продавались в Англии, то продукцию английских промышленников скупать за бесценок было нельзя. По требованию промышленной буржуазии в 1813 г. торговая монополия Ост-Индской компании была отменена, после чего в Индию хлынул поток дешевой фабричной продукции.

С 1814 по 1835 г. ввоз хлопчатобумажных тканей в Индию вырос в 6 раз – с 818 тыс. до 5 млн ярдов. Соответственно увеличивался и вывоз хлопка: с 6,6 млн фунтов в 1800 г. до 41,5 млн в 1835 г., т.е. в шесть с лишним раз. Дошло до того, что к концу XIX в. 60% потребляемых в Индии хлопчатобумажных тканей стали составлять импортные. Это в стране, которая еще недавно была главным поставщиком этих тканей на мировой рынок!

Подобное положение поддерживалось запретительными мерами. Индийским купцам внешнеторговые операции запрещались. Они могли только служить торговыми посредниками, обслуживая торговлю англичан. Был запрещен вывоз в Англию шелка и ситцев. В 1813 г. пошлины на вывоз в Англию индийских хлопчатобумажных изделий достигли 81%, а на некоторые готовые изделия – даже до 400%, тогда как пошлины на английские товары, вывозимые в Индию, составляли 2,5%. Введенная в начале XX в. система имперских преференций отрезала Индию от мирового рынка, оставив для торговли только один канал – между Англией и Индией.

8.4. Развитие промышленности

Приток дешевой фабричной продукции разорял ремесленников. Генерал-губернатор Индии лорд Бентинг писал в 1834 г.: «бедствию этому едва ли найдется аналогия в истории торговли. Равнины Индии усеяны костями хлопкоткачей» [7, с. 318].

Нужно учитывать, что основная масса населения Индии, крестьяне, не покупали изделий городских ремесленников. Потребности крестьян удовлетворяли свои общинные ремесленники, да и сами крестьяне сочетали земледелие с ткачеством. Городские ткачи обслуживали лишь горожан, а с приходом Ост-Индской компании стали работать на экспорт. И когда экспорт хлопчатобумажных тканей сменился их импортом, они оказались без работы.

И все же ремесло в Индии оказалось очень живучим. Оно продолжало существовать даже после рождения фабричной промышленности. В 1901 г. на хлопчатобумажных фабриках было занято 173 тыс. рабочих, а в ручном ткачестве – 3,3 млн. В 1931 г. на фабриках работало 395 тыс., а ткачей-ремесленников насчитывалось 2,1 млн.

Чем объяснялась эта живучесть? Безвыходным положением ремесленника, который был вынужден конкурировать с фабрикой, довольствуясь нищенским заработком, на грани голода. Если в Англии разорявшиеся ремесленники шли рабочими на фабрики, то в Индии замедленный рост промышленности не мог поглотить избыточное население.

Развитие фабричного производства внесло лишь одно изменение: ткачи, в том числе деревенские, теперь готовили ткани из фабричной пряжи, становясь придатком к фабрике.

Колониальная политика империалистических держав имела одно существенное противоречие. Чтобы сохранить колонии как рынки сбыта и источ-

ники сырья, там подавлялось местное производство готовых изделий. Но для вывоза сырья необходима его первичная обработка. И в портовых городах создаются соответствующие предприятия. А когда сырье готово к употреблению, трудно воздержаться от использования дешевой рабочей силы для изготовления готовой продукции из этого сырья. Ведь не будет же запрещать колониальная администрация бизнес «своих» капиталистов из метрополии. При этом новые предприятия создаются на фабрично-заводском уровне, уровне метрополии.

Для вывоза сырья из глубины страны строятся железные дороги. Но железнодорожное строительство – мощный стимул для развития тяжелой промышленности: нельзя же везти уголь для паровозов из метрополии, да и доставлять оттуда рельсы слишком накладно.

Таким образом, метрополия «выплескивает» часть своей промышленности в колонию, а после этого остановить дальнейшее развитие этой промышленности уже оказывается невозможно.

Отсюда вытекали и главные особенности развития промышленности в Индии, которые Индия разделяла с другими колониями.

Во-первых, здесь не было мануфактурной стадии. Промышленность была «привнесена» из Англии сразу на фабричном уровне.

Во-вторых, в качестве основателей фабрично-заводской промышленности выступал английский и компрадорский капитал. Англичане в Индии не могли обойтись без посредничества индийских купцов, которые, конечно, лучше знали местные обычаи и порядки, которые скупали сырье в глубине страны и доставляли его в портовые города, а также перепродавали в Индии английские товары. Естественно, они получали прибыль от этих посреднических операций и вкладывали часть этой прибыли в промышленность, основывая фабрики, тем более, что они уже были знакомы с этим делом. Как правило, они не прекращали при этом и торговую деятельность, используя промышленность лишь как дополнение к своему основному занятию.

Развитие фабрично-заводской промышленности Индии началось во второй половине XIX в. Первая хлопчатобумажная фабрика была основана в Бомбее в 1851 г. Она принадлежала индийскому предпринимателю. В 1895 г. в Бомбее действовало уже 70 хлопчатобумажных фабрик, и лишь 14 из них принадлежали англичанам. В 1913 г. на 272 хлопчатобумажных фабриках было занято 253 тыс. рабочих. К моменту провозглашения независимости Индии национальному капиталу принадлежало 79% хлопчатобумажной промышленности.

В 1854 г. была пущена в ход первая джутовая фабрика. Джутовое производство было объявлено монополией англичан. Индийские предпринимате-

ли сюда не допускались. И даже ко времени провозглашения независимости лишь 11% джутовой промышленности находилось в руках индийцев.

Сравнительно быстро развивались пищевая, цементная, сахарная, бумажная и другие отрасли легкой промышленности, в которых преобладал индийский капитал.

В 1848 г. в Индии развернулось строительство железных дорог, а к началу XX в. их длина достигла 25 тыс. миль. Железные дороги были полностью в руках англичан.

В начале XX в. на ведущее место в национальной индийской промышленности выдвинулась корпорация Тата. Тата сколотил миллионное состояние на торговле опиумом и военных поставках. В 1910 г. он построил в Индии первую гидроэлектростанцию. В 1911 г. начал действовать металлургический комбинат Тата, ставший основой развития тяжелой промышленности Индии. Комбинат был рассчитан на поставки для строительства железных дорог, но не получил ожидаемых железнодорожных заказов: английская администрация старалась ограничить рост индийской корпорации. Позже в рамках корпорации Тата были построены еще две гидроэлектростанции, а так же основан «Тата индастриэл банк» для долгосрочного кредитования индийской промышленности.

Англичане продолжали тормозить развитие промышленности и в начале XX в. Устав крупнейшего в Индии английского Имперского банка запрещал предоставлять ссуды на капитальные расходы индийских предприятий. Ограничивалось строительство и английских предприятий в Индии. Здесь было запрещено строить паровозы, автомобили и, конечно, самолеты.

К 1911 г. на долю промышленности приходилось менее 1% всех английских капиталовложений в Индии. И все же самим индийцам принадлежала лишь треть акционерного капитала промышленности.

Во второй половине XIX в. возник новый инструмент колониального хозяйства – управляющие агентства. Без посредничества управляющего агентства английский капиталист не мог основать в Индии промышленное предприятие. Инвесторы – англичане, как правило, жили не в Индии, а в Англии, не знали ни языка, ни местных обычаев и порядков. У них были только деньги, которые они хотели вложить в индийскую промышленность и получать повышенные прибыли за счет дешевой рабочей силы.

Управляющее агентство, связанное с крупнейшими английскими машиностроительными фирмами и колониальной администрацией, принимало на себя обязательство построить предприятие, доставить из Англии новейшее оборудование и квалифицированных специалистов, налаживало получение сырья и сбыт продукции, обеспечивало необходимый кредит. В результате, по словам одного из специалистов, директора таких предприятий – «это про-

сто марионетки, они не проявляют интереса ни к чему, кроме подписывания балансов» [6, с. 117].

Таким образом, управляющие агентства, в сущности, стали колониальными финансовыми группами, в подчинении которых находилась основная часть английской промышленности в Индии. Естественно, все это не распространялось на индийское национальное предпринимательство.

Действия колониальных властей по сдерживанию роста индийской промышленности были успешными. В 1901 г. на фабриках, шахтах, железных дорогах и даже плантациях был занят всего 1% населения страны. Характеризуя состояние промышленности Индии накануне Первой мировой войны, индийский экономист Н. Сафра писал: «Исключая металлургию, в стране не было организованной промышленности по производству средств производства. Даже для изготовления текстильных изделий, производства сахара и тем более производства текстильного и пищевого оборудования приходилось ввозить машины и химикалии из-за границы» [5, с. 32].

Положение не улучшилось даже в годы Первой, а потом Второй мировой войны. П. Датт писал в 1946 г.: «В разгар войны, когда враг был у ее границ, Индия со всеми ее ресурсами не могла выпустить ни единого мотора или самолета» [5, с. 34].

Ко времени получения независимости промышленность давала только 7% национального дохода. Производительность труда в индийской промышленности была в 8 раз ниже, чем в американской.

8.5. Борьба за независимость. Сатьяграха

Было и еще одно противоречие в колониальной политике. Чтобы управлять колонией, требовалось привлекать индийцев к себе на службу в качестве чиновников. Чтобы эксплуатировать богатства страны, вывозить сырье и ввозить промышленные товары, надо было делиться прибылью с компрадорами. Эти люди приобщаются к английской культуре, отправляют детей учиться в Англию, а вместе с европейской культурой перенимают и принципы европейской демократии. Среди этой прослойки зреет патриотический протест против колониальной эксплуатации своей страны.

В 1835 г. в Индии была проведена реформа образования: были созданы средние школы с европейской программой обучения и даже три университета: Калькуттский, Мадрасский и Бомбейский. Автор реформы Маколей писал: «Нечего пытаться просветить народные массы. Но мы должны приложить все усилия, чтобы создать прослойку, которая могла бы служить по-

средником между англичанами и миллионами индийцев, подвластных англичанам, прослойку – индийскую по крови и цвету кожи, но английскую по вкусам, морали и складу ума» [3, т. 6, с. 300].

Просчет заключался в том, что человек образованный острее чувствовал несправедливость колониальных порядков, а индеец не мог стать патриотом Англии. И именно в этой среде рождаются патриотические движения «свадеш» и «сварадж».

Движение «свадеш», что значит «свое», «отечественное», добивалось развития индийской промышленности в противовес английской, вплоть до бойкота английских товаров. Странники этого движения, в частности, оказывали содействие развитию корпорации Тата. Движение «Сварадж» («Свое правление») добивалось самоуправления Индии, перевода ее в статус доминиона, а наиболее радикальные сторонники – даже независимости страны.

В 1885 г. эти два движения были оформлены в партию «Индийский Национальный Конгресс». Это не был конгресс в обычном смысле слова, как съезд участников. Члены Конгресса периодически собирались на съезды, выбирали центральные органы, т. е. это была действительно оформленная партия.

Первоначально состав партии был немногочисленным. Она состояла наполовину из лиц «свободных профессий», т.е. интеллигенции, наполовину – из промышленников, торговцев и даже заминдаров. Со временем партия становится массовой и в 1921 г. насчитывала уже 10 млн членов.

Первоначально Конгресс выдвигал требования национального равноправия и самоуправления. Признанным вождем партии стал Махатма Ганди. Его называли Махатмой, что в переводе означает «Великая душа», потому что он стал не просто лидером Конгресса, а душой индийского народа, непрекаемым авторитетом для всего населения Индии.

Согласно его учению можно было добиться независимости Индии методом «сатьяграхи» – гражданского неповиновения и ненасилия. Сатьяграха означала отказ занимать государственные должности, выполнять предписания колониальных властей, платить налоги. В период сатьяграхи все директивы вице-короля Индии оставались простыми бумажками.

При этом не только вооруженная борьба, но и все насильственные действия исключались. Теория ненасилия исходила из некоторых положений индуизма (Ганди был глубоко верующим индуистом), но имела и рациональную основу. Всякое вооруженное выступление против властей будет неизбежно подавлено, после чего усилятся репрессии и произойдет ужесточение режима. Английской администрации легче бороться с открытыми выступле-

ниями, с попытками вооруженного сопротивления, чем с всенародным бойкотом.

Когда в 1921 г. в Бомбее была организована торжественная встреча принца Уэльского, в которой приняла участие группа высокопоставленных индийцев, эти индийские участники встречи были поколочены разъяренной толпой. Ганди пригрозил прекратить сатьяграху. Волнения тотчас прекратились, а принца Уэльского встречали опустевшие улицы городов. Английскую администрацию испугали не волнения, а их мгновенное прекращение, дисциплинированность индийцев.

Но и на ненасильственные действия власти отвечали репрессиями. Последователей Ганди сажали в тюрьмы. Сам он неоднократно тоже сидел в тюрьме. Гандисты это рассматривали как подвиг самопожертвования. Ганди считал, что сделать такой подвиг нормой поведения – значит победить

Это становилось нормой не только для интеллигенции. Когда крестьяне округа Бардоли отказались платить повышенный налог, власти стали забирать за долги скот, имущество, урожай. Но крестьяне округа не брались за вилы, встречая действия властей с молчаливым достоинством.

Проповедь ненасилия распространялась и на войну, как на способ решения международных конфликтов. В период Второй мировой войны Ганди призвал бойкотировать и срывать все военные приготовления, хотя над Индией уже нависла опасность японской оккупации.

Но Ганди не считал Англию врагом Индии. Он писал: «Я хочу быть не подданным империи, а гражданином содружества наций» [4, с. 199]. Как известно, эта идея была воплощена после войны в преобразование Британской империи в «Британское содружество наций».

Крайние формы приобрело движение «свадеши». От машин Ганди призывал вернуться к ручной прялке, и ручное ткачество стало непременным условием для приема в члены Конгресса. Ручная прялка стала символом движения.

Он призывал конгрессистов «познать искусство и красоту самоотречения и добровольной бедности [4, с. 227]. Всю одежду Ганди составляла «кхадди» – кусок домотканой материи, обернутой вокруг тела, и «топи» – шапочка из той же ткани. В одежде ему стали подражать и члены Конгресса.

Все это казалось бы чудачеством, но европейская одежда, еще недавно бывшая символом высокого положения, теперь перестала быть престижной. Теперь приличным считалось носить домотканую одежду, и даже члены учрежденных англичанами местных представительных органов не отличались одеждой от простых крестьян.

Ганди был индуистом, но добивался дружбы между индуистами и мусульманами и активно выступал против притеснений мусульман. Англия же,

верная своей политике «разделяй и властвуй», старалась расколоть индийское общество по религиозному принципу, создав в 1906 г. «Всеиндийскую мусульманскую лигу» и «Великий союз индусов. Вынужденные уйти из Индии в 1947 г., колониальные власти раскололи страну на два самостоятельных государства, выделив из Индии мусульманский Пакистан и спровоцировав массовое переселение индуистов из Пакистана и мусульман в Пакистан.

И вот теперь, когда цель Ганди была достигнута, в 1948 г. он был убит террористом из индуистской экстремистской организации «Хинду махасабха».

Тем временем при содействии Ганди выдвинулся новый лидер Национального Конгресса – Джавахарлал Неру. Возглавив Национальный комитет по планированию, он разработал план индустриализации Индии после обретения независимости, который должен был привести «к созданию некоторых основ социалистического строя» [8, с. 434]. Кроме развития промышленности, планом намечалось поставить под государственный контроль финансово-кредитные учреждения, национализировать землю, рудники, реки и леса, а на пустующих землях приступить к созданию коллективных хозяйств. Некоторые положения этой программы были реализованы, когда Неру стал главой правительства независимой Индии.

* * *

В чем заключались основные экономические преобразования колониальных властей в Индии?

В аграрном секторе таким преобразованием стала ликвидация остатков «азиатских» форм землевладения. Введение систем заминдари и райятвари колониальные власти превратили в частную собственность и общинные наделы крестьян, и условное пользование государственной землей представителями верхушки общества. В сущности, это было установление частной собственности на землю, близкое и понятное англичанам.

Превращение колонии в источник сырья и рынок сбыта произошло не сразу. Ост-Индская компания получала доходы от торговли опиумом, от перепродажи индийских готовых изделий в Англию и лишь в последнюю очередь – от продажи английских товаров в Индию. До промышленного переворота везти в Индию английские хлопчатобумажные ткани не имело смысла: там свои ткани ручной выделки были лучше и дешевле. Лишь в результате промышленного переворота английской промышленности потребовались рынок сбыта и источник сырья. Произошел переворот в методах колониальной эксплуатации, который знаменовала ликвидация торговой монополии Ост-Индской компании. Для Индии это означало разорение мелкого ручного производства.

Развитие крупной промышленности Индии началось сразу с фабрики, минуя мануфактурную стадию. Фабричная промышленность была «привнесена сюда из Англии, а не выросла из местного ручного производства. Дешевизна труда заставляла английских предпринимателей действовать вопреки политике ограничения местной промышленности, а неизбежные в колониях компрადоры перенимали опыт и накапливали капиталы для основания своих предприятий.

И все же ограничительная политика действовала, и к моменту получения независимости Индия пришла аграрной страной с очень слабо развитой промышленностью.

Эта же ограничительная политика была и причиной «живучести» мелкого ремесленного производства. Разорвавшихся ремесленников Англии поглощала растущая фабричная промышленность. Здесь этого выхода не было. Ремесленники продолжали трудиться, ведя нищенское существование.

То обстоятельство, что англичане, желающие вложить свои капиталы в индийскую промышленность, чтобы использовать преимущества дешевого труда, жили в Англии и не знали индийских условий, породило особую форму колониальной эксплуатации – управляющие агентства. Инвеститор лишь предоставлял капитал, а агентство строило предприятие, обеспечивало снабжение и сбыт.

Особенности колониальной эксплуатации породили здесь и особые, иногда парадоксальные формы национально-освободительной борьбы: призыв Ганди вернуться к ручной прялке, к ремесленному производству, пропаганда бедности и самоотречения, проповедь «ненасильственного» бойкота колониальных властей.

Л и т е р а т у р а

1. *Баршу де Паноэн*. Индия под английским владычеством. М., 1848–1849. Т. 1–2.
2. *Бэшем А.* Чудо, которым была Индия. М., 1977.
3. *Всемирная история*. М., 1958–1960. Т. V–VII.
4. *Горев В. В.* Махатма Ганди. М., 1984.
5. *Кондратьев В. А.* Промышленность Индии. М., 1963.
6. *Левковский А. М.* Особенности развития капитализма в Индии. М., 1963.
7. *Неру Д.* Открытие Индии. М., 1955.
8. *Новая история Индии*. М., 1961.
9. *Павлов В. М.* Формирование индийской буржуазии. М., 1958.
10. *Синха Н. К., Банерджи А. Ч.* История Индии. М., 1954.

9. ЭКОНОМИКА ЦИНСКОГО КИТАЯ

Последний период истории монархического государства в Китае, период династии Цин, имеет четко выраженные особенности, которые позволяют рассматривать этот период истории Китая как самостоятельный этап развития.

Во-первых, династия Цин – не китайская, а манчжурская. Китай находился под властью «варваров» – манчжур.

Во-вторых, в этот период Китай переходит под власть других «варваров», становится полуколонией империалистических держав.

В-третьих, экономика Китая в этот период окончательно утрачивает основные черты «азиатского способа производства» с остатками наделной системы и переходит к формированию капиталистических отношений.

9.1. Манчжурское завоевание

Племена манчжур при династии Мин считались провинцией Китая. Они переняли у Китая основы государственности и образовали монархическое государство во главе с династией Цин.

От Китая манчжур отделяла Великая китайская стена, но она не оказалась для них существенным препятствием. В 1636–1643 гг. манчжурское войско трижды преодолевало эту стену и вторгалось во внутренние районы Китая.

Когда в Китае началось очередное крестьянское восстание, повстанцы заняли Пекин и последний император династии Цин покончил самоубийством, генерал У Сань-гуй открыл проход в Великой стене манчжурскому войску, чтобы оно подавило восстание.

В 1644 г. манчжуры овладели Пекином и провозгласили династию Цин в Китае. Центрами сопротивления манчжурам были города. В ходе завоевания они обращались в развалины, деревни сжигались, были истреблены десятки миллионов людей. В 1623 г. Китай насчитывал 51,6 млн жителей, в 1660 г. – 19 млн – почти втрое меньше.

В донесениях сообщалось, что «на протяжении тысячи ли поселения уничтожены, не встретишь ни живого человека, ни человеческого жилья» [4, с. 166]. Посевная площадь страны сократилась в три раза.

Это создавало трудности в сборе налогов. С мест сообщали: «Народа не осталось, все земли заброшены, ... собрать больше налогов с этих запустевших земель просто невозможно» [6, с. 513]. Чтобы увеличить поступления в казну, манчжуры стали раздавать опустевшие земли крестьянам, и доля крестьян – собственников земли повысилась.

Завоевание Китая завершилось в 1664 г. Но армия манчжур не ограничилась Китаем. Они распространили власть династии Цин на соседние страны. Китаю были подчинены Тибет и Внутренняя Монголия. Вассальную зависимость от Китая признали Корея, Аннам, Бирма, Тайланд и Непал. Владения китайских императоров – богдыханов теперь действительно заслуживали название империи. История повторялась, воинственные кочевники легко побеждали мирных земледельцев.

В знак покорности манчжурам теперь все китайцы были обязаны выбривать часть головы и носить косу. Нарушителям этого правила отрубали голову.

Манчжурское завоевание было тяжелым ударом и по культуре Китая. Произведения о доманчжурском Китае не просто запрещались. За написание «Истории Минской династии» ее автор Чжуан Тин-лун и его родственники – более 70 человек – были казнены.

Правитель Китая теперь назывался богдыханом. Смешанные браки между манчжурами и китайцами запрещались. Манчжурам запрещалось заниматься ремеслом и торговлей. Кроме высших начальников, занимавших государственные посты, они считались воинами «Восьмизнаменного» манчжурского войска, в которое китайцы не допускались. Не допускались китайцы и к высшим государственным должностям. Они могли занимать лишь низшие ступени иерархической лестницы, быть исполнителями воли манчжур, потому что без опыта китайских чиновников управлять страной было невозможно.

Пришлось использовать и старую китайскую структуру управления. Исполнительная власть состояла из шести ведомств: чинов, налогов, государственных работ, обрядов, военного и судебного. Территория страны по-прежнему делилась на провинции и округа, а основу составляли, как и прежде, крестьянские «стодворки» и «десятидворки». Были восстановлены, но только для китайцев, экзамены для занятия государственных должностей.

9.2. Сельское хозяйство и город

Даже в XIX в. свыше 90% населения Китая было занято в сельском хозяйстве. На жителя страны приходилось 2 му, т.е. 0,125 га пахотной земли. Это означало аграрное перенаселение, тем более, что численность населения здесь росла быстрее, чем площадь пахотной земли. За XIX в. численность населения выросла на 40%, а посевная площадь – лишь на 14%.

Дело усугублялось тем обстоятельством, что по мере увеличения внешней торговли в земледелии увеличивалась доля экспортных культур – чая, шелка-сырца, сои. А продовольствия стало не хватать, и в Китай, традиционную страну риса, в начале XX в. увеличивался импорт риса и пшеницы.

В отличие от Европы здесь не было феодалов, т.е. дворян, главной привилегией которых было право владеть землей с крестьянами. В советской исторической литературе было принято крупных землевладельцев Китая называть феодалами или помещиками, но это не соответствует их действительному статусу. Здесь не было дворянства вообще. Землей мог владеть любой, кто мог ее купить – богатый горожанин, чиновник, сельский ростовщик. Эту землю владелец обычно сдавал в аренду крестьянам.

Свободная купля-продажа земли, в том числе крестьянской, означала, что общины больше не было. Землю можно было продать, купить, заложить, отобрать за долг. Крестьяне этого времени были не общинниками, а мелкими собственниками земли.

Манчжуры в Китае захватили лучшие земли, особенно земли вдоль важных дорог и рек. Значительную часть земли заняли «Восьмизнаменные» войска: на каждого воина выделялось 36 му земли, на командира – до 300-му. Эти земли считались собственностью «знамени», т.е. не подлежали отчуждению. Поскольку манчжурским воинам не полагалось заниматься земледельческим трудом, эта земля обрабатывалась китайскими крестьянами.

Огромные земельные владения захватили богдыхан, его родственники и представители манчжурской знати. Только в личном владении богдыхана к концу XIX в. находилось 300 имений. Крупные владения захватывали и саяновники. Одному из них, например, принадлежало 2,5 млн му земли, т.е. 156 тыс га.

Территория Манчжурии была объявлена доменом богдыхана. Здесь подавляющая часть земли не использовалась, но китайцам было запрещено туда переселяться.

Манчжуры сохранили владения и прежних земельных собственников. К концу XVIII в. крупным землевладельцам в Китае принадлежало 50–60% земли. Преобладали имения размером от нескольких сот до тысячи му. Эти

крупные землевладельцы, как манчжуры, так и китайцы, своего хозяйства обычно не вели, а сдавали землю мелкими участками в аренду крестьянам. Арендатор отдавал владельцу земли 50–70% урожая, делать обязательные «подарки» к праздникам, отдавать дочерей в услужение или в гарем. В 1912 г. 51% крестьян составляли арендаторы и полуарендаторы, 49% – крестьяне-собственники. Крестьяне-собственники составляли почти половину сельского населения. К тому же и полуарендаторы имели небольшие участки собственной земли.

Но в XVIII–XIX вв. появились «новые» землевладельцы, которые вместо сдачи земли в аренду сами вели хозяйство на этой земле с использованием наемного труда. Это были в основном торговцы и промышленники, которые становились землевладельцами, покупая землю. По мере роста арендной платы часть крестьян выбывала из числа арендаторов. Эти крестьяне и шли в работники к «новым» хозяевам земли.

Для экономии на заработной плате их можно было нанимать лишь на время сезонных полевых работ, использовать более высокую технику. Если крестьяне-собственники и арендаторы не имели рабочего скота и обрабатывали землю мотыгами, то у «новых» рабочий скот был и использовались пахотные орудия.

Крестьяне были обязаны платить государству налог и выполнять трудовую повинность. Налог исчислялся в переводе на рис, но все чаще платился деньгами. В XVIII в. этот налог с крестьян составлял 3/4 доходов казны. Каждый крестьянин был обязан 30 дней в год выполнять различные работы на строительстве, перевозках, приведении в порядок оросительных систем.

Поскольку крестьяне кроме налогов должны были выполнять государственную трудовую повинность, очевидно, верховным собственником их земли считалось государство? Система получалась чрезвычайно сложной: земли «восьмизнаменного» войска и богдыхана, земли манчжурской знати, наконец, земли крестьян-собственников.

Очевидно, все же не все перечисленные категории официально имели статус казенных, потому что в 1812 г. по расчетам китайских историков казенные владения охватывали только 10% пахотной земли. 90% обрабатываемой земли принадлежало китайским собственникам.

Поскольку общинные отношения были разрушены и земля стала объектом купли-продажи, развивалось ростовщичество, ускорялось разорение крестьян. Миллионы разоренных крестьян становились пауперами, бродягами. Но поскольку, в отличие, например, от Англии, промышленность не поглощала их в качестве наемных рабочих, они из крестьян-собственников становились или арендаторами, или чернорабочими – кули – и пополняли

ряды повстанческих отрядов. Весь период династии Цин в стране почти не прекращались массовые восстания.

С приходом манчжур повысилась роль городов как административных центров. Здесь располагалась манчжурская знать, чиновники, военные гарнизоны. Поскольку манчжуры не вели своего хозяйства, им нечего было делать в деревне. А в связи с близостью к власти в городах особенно строго регламентировались все стороны жизни.

Как и в сельской местности, горожане принудительно объединялись в «десятидворки» («пай»). Каждые десять «пай» составляли «цзя», каждые десять «цзя» – «пао». Возглавлявшие эти подразделения старосты подчинялись властям и несли ответственность за действия горожан. «Если одна семья совершит проступок, девять других семей привлекаются за соучастие», – гласила надпись на сохранившейся каменной стеле [4, с. 171].

Особое место в городской жизни занимали монастыри, в которых, как правило, сочетались буддизм, даосизм и даже конфуцианство. В монастырях собирались сходки купцов и ремесленников, проводились экзамены на ученые степени и должности. Монастыри были местами увеселений и светских развлечений. В монастырях находились книжные рынки, гостиницы. За их стенами укрывалось население в случае опасности.

Основная масса ремесленных изделий производилась не в городах, а в крестьянских промыслах: в крестьянском хозяйстве традиционно земледелие сочеталось с ремеслом, причем ремесленные изделия производились на продажу. Например, вокруг городов Сучжоу, Ханчжоу, Нанкина крестьяне не только выращивали тутовые деревья, но и занимались шелкоткачеством; вокруг Шанхая и Сунцзяня половину полей занимал хлопчатник, и крестьяне готовили хлопчатобумажную пряжу и ткани. Промысловые села назывались «чжень». В некоторых районах производство тканей на рынок давало 50–70% доходов крестьянской семьи.

Во второй половине XVIIIв. деревенские ткачи в основном перерабатывали уже не продукцию своего хозяйства, а сырье, купленное или полученное от скупщика тканей. Даже после того как в Китай хлынул поток импортных фабричных тканей, эти ткани в основном использовались лишь верхушкой китайского общества. Народ использовал преимущественно кустарную продукцию, причем деревенские ткачи теперь перерабатывали дешевую фабричную пряжу.

Торгово-ремесленные объединения – «ханы» в городах имели свои уставы, выборных старшин, у них были свои знамена празднества, но, в отличие от европейских цехов, они не участвовали в городском управлении, находились под контролем властей и выполняли фискальные функции. Часть

ремесленной продукции принудительно закупалась государством по крайне низким ценам.

Другой особенностью ханов было то, что отделение торговли от ремесла здесь затянулось до XX в. – они оставались торгово-ремесленными объединениями. Для китайского ремесла была характерна дробность операций, причем каждой операции соответствовал свой цех. Например, в производстве фарфора были цеха (ханы) формовщиков, живописцев, обжига изделий. Из цеха в цех полуфабрикаты продавались. Естественно, это тормозило совершенствование производства.

В городах, наряду с ханами, действовали крупные государственные мастерские, в основном по выплавке металла, производству оружия, судостроительные верфи.

Во второй половине XIX в. увеличивалось производство продукции на экспорт, особенно шелка и фарфора. Начинали выделяться крупные мастерские, иногда даже приобретающие форму мануфактур, причем основателями таких мануфактур становились не столько купцы и ремесленники, сколько чиновники, управлявшие казенным производством. Мануфактура здесь первоначально зародилась в государственном секторе.

9.3. Манчжуры и китайские чиновники

В результате манчжурского завоевания в Китае сложилась противоречивая социальная структура. Во главе стоял богдыхан, считавшийся верховным владыкой не только Китая, но и всего мира. Его резиденцией был «Запретный город» – комплекс дворцов и хозяйственных построек, куда простой смертный мог попасть только по специальному разрешению. Весь обслуживающий персонал «Запретного города», все его население состояло из евнухов. Пользуясь близостью к богдыхану, евнухи могли влиять на его решения и стали могущественной силой. Получая приношения от добивавшихся аудиенции у богдыхана, некоторые из них становились богачами. О реальной роли евнухов свидетельствует тот факт, что когда государством отправлялась разведывательно-торговая морская экспедиция, во главе ее ставился евнух.

Высший аристократический слой общества теперь составляли манчжуры, которым принадлежали все решающие посты в управлении страной. Им запрещалось заниматься ремеслом и торговлей, которые манчжуры считали занятиями унижительными. Манчжуры могли быть только военными или высшими чиновниками. Они же были и крупнейшими землевладельцами.

Их владения входили в состав государственного земельного фонда и налогами не облагались.

В состав привилегированной манчжурской верхушки входили и «восьмизнаменные» войска. Как уже сказано, военным запрещалось заниматься производительным трудом, а военные действия почти прекратились. Даже военные поселения вдоль границ теперь составлялись не из манчжур, а из китайских военных, не имевших привилегий. И манчжурские войска превратились в паразитический слой бездельников. Боеспособность манчжурского войска падала.

Низший слой правящей группы составили китайские чиновники. Манчжурская аристократия, занимавшая высшие государственные должности, не имела достаточных знаний для управления огромной страной, тем более, что схема государственной власти была заимствована у прежнего Китая. Поэтому практические вопросы управления остались в ведении прежних китайских чиновников.

В отличие от манчжур они не были наследственной аристократией. Династия Цин сохранила для них обязательные экзамены для вступления в должность, причем по результатам экзамена присваивалось ученое звание. Китайские чиновники считались одновременно учеными – «женьши», составляли слой интеллигенции. Именно они были в Китае писателями, поэтами, историками.

Чтобы сдать экзамены, следовало старательно учиться. В семьях, претендующих на государственную должность, учеба мальчиков начиналась с малых лет, и уже в семь лет ребенок становился грамотным, умел читать и писать. Считалось, что сдать экзамены и стать женьши мог любой. В действительности на положение женьши мог претендовать сравнительно узкий круг богатых семей.

Гражданские чиновники были настроены против военных, не только потому, что война в Китае традиционно считалась не доблестью, а бедствием, но и потому, что военные чины могли получать только манчжуры, причем без всяких экзаменов.

9.4. Конфуцианство и тайные общества

Если в политическом отношении господствующей группой были манчжуры, то идеологически господствовали чиновники-интеллигенты. Их влияние определялось тем обстоятельством, что именно они были выразителями идей конфуцианства.

Манчжуры были шаманистами, но они не пытались распространить свою языческую религию на Китай. Они поддерживали все существующие здесь религии: буддизм, даосизм, проникавшие сюда мусульманство и христианство. Все церкви были объявлены государственными, сосуществовали даже в одних и тех же монастырях, где поочередно проводились службы буддизма и даосизма.

Но господствующее положение в идеологии Цинского государства занимало конфуцианство, которое обосновывало авторитарный характер власти подчинения младших старшим. Семейные отношения переносились на государство.

В исторической литературе конфуцианство нередко рассматривается как одна из религий. Но конфуцианство не было религией. Это было философско-этическое учение, в котором не было места богу. «На небесах нет человека, который имел бы право судить наши грехи» [9, с. 398], – говорили конфуцианцы. Даже веру в богов они считали признаком интеллектуального убожества.

Вся система учебы и экзаменов была основана на конфуцианстве, поэтому естественно, что чиновники-ученые были конфуцианцами, т. е. атеистами. Высшей сущностью для них был не бог, а нравственный закон.

Таким образом, конфуцианство стало идеологической основой сближения манчжурской династии и правящей верхушки китайского общества. Но оно было чуждо низам населения, продолжавшим борьбу против манчжур. Здесь господствовали буддизм и даосизм, и борьба против пришельцев велась под знаменами этих религий.

Эту борьбу возглавляли тайные религиозные общества. Знаменитая «Триада», центром которой был не менее знаменитый монастырь Шаолинь, первоначально возникла в борьбе против манчжур. Как европейские масоны, члены этих обществ узнавали друг друга по особым знакам.

Борьба против манчжур дополнялась социальными лозунгами, лозунгами равенства, возвращения принципов надельной системы. А потом, в период вторжения новых иноземцев и превращения Китая в полуколонию, эти же тайные общества возглавили борьбу против колонизаторов. Весь период правления династии Цин – почти непрерывные восстания низов населения, крестьянские войны.

Под руководством именно «Триады» («Саньхэхой») происходило Тайпинское восстание 1851–1864 гг., которое продолжалось 14 лет. Оно получило название Тайпинского, потому что целью восставших было создание «Небесного государства великого благоденствия» («Тайпин Тяньго»). Тайпины захватили почти всю восточную часть Китая, основав свое государство со столицей Нанкин, переименованной в Тяньцзинь.

Основой «Небесного государства» стала система патриархальных военизированных общин со строго регламентированным укладом жизни. Земля делилась поровну, по количеству едоков. В «Законе о земле» было сказано: «Если есть земля, ее обрабатывают совместно; если есть пища, ее совместно едят; есть платье – его совместно носят; есть деньги – их совместно расходуют» [2, с. 52]. Каждые 25 семей составляли лян (взвод) во главе с командиром, который возглавлял и гражданскую власть. Государство устанавливало, сколько семья должна иметь свиней и кур, тутовых деревьев. Если первоначально восстание было направлено против власти манчжур, то затем на первый план выступила утопическая идея создания нового общественного строя. Любопытно, что один из руководителей восстания Хун Сюцюань выступал с проповедью христианства, в котором он видел идеи равенства.

Во главе восстания ихетуаней 1894–1904 гг. стояло буддийское тайное общество «Белого лотоса» с его ответвлением «Ихэцюань» («Кулак, поднятый во имя справедливости и мира»), по названию последнего в европейской литературе оно получило название «боксерского». Это восстание было направлено против порабощения Китая империалистическими державами.

Поскольку действия повстанцев были направлены на защиту государственного суверенитета, императрица Цы-си объявила их патриотическими и сама объявила войну иностранцам. Восстание было подавлено иностранными войсками.

Итак, главной особенностью народных восстаний в Китае было то, что их возглавляли тайные общества на религиозной основе.

9.5. Политика изоляции и опиумные войны

В основе взаимоотношений Китая с остальным миром лежала концепция Китая как Среднего государства и остального мира как варварской периферии. «Варвары» считались данниками богдыхана, которых следовало «перевоспитывать», поднимая на высший, китайский уровень цивилизации. Именно это и определяло политику изоляции Китая от внешнего мира, которую проводило правительство богдыхана с начала XVIII в. В условиях, когда на Западе уже развивалась капиталистическая экономика, влияние Запада могло подорвать основы существующих в Китае порядков, подорвать претензии богдыханов на мировое господство. Когда иностранные миссии, например английская миссия Маккартни в 1792 г., проникали в Китай, официально объявлялось, что это «приносители дани». На предложение английского правительства о расширении торговли Маккартни получил следующий

ответ: «Вы, о государь, живете далеко за пределами многих морей и, тем не менее, движимый смиренным желанием приобщиться к благам нашей цивилизации, послали миссию, почтительно доставившую нам ваше послание. Великие подвиги нашей династии проникли во все страны Поднебесной, и государи всех наций посылают нам свои ценные дары. Мы имеем абсолютно все. Я не придаю цены странным или хитро сделанным предметам и не нуждаюсь в изделиях вашей страны... Трепеща, повинуйтесь и не выказывайте небрежности» [2, с. 30].

Китайцам было запрещено посещать другие страны, поэтому не допускалось даже строительство морских судов. Если все же китаец оказывался за границей, то по возвращении его ждала смертная казнь. Въезд иностранцев в Китай тоже был запрещен. Иностранным судам разрешалось заходить только в три специально выделенных гавани. Торговать с иностранцами разрешалось только полугосударственной гильдии «Гунхан», которая действовала под строгим надзором властей. Такая изоляция действительно защищала Китай от иностранного влияния, но тем самым она тормозила экономическое развитие страны и послужила одной из причин ее закабаления, превращения в полуколонию.

Начало колониальному закабалению Китая положили опиумные войны. Китайские товары, особенно фарфор и шелк, пользовались хорошим спросом в Европе, а европейские товары в Китае не находили сбыта: продовольствие и предметы обихода здесь были свои, а технологическая продукция европейской промышленности пока была не нужна. Поэтому торговля Англии с Китаем имела пассивный баланс, который приходилось покрывать серебром. Для покрытия баланса Англия начинает ввозить опиум, в основном из Бенгалии. К концу 30-х гг. XIX в. ввоз опиума достиг 40 тыс. ящиков в год (ящик – 60 кг опиума). Правительство Китая запрещало ввоз опиума, но местные власти за взятки позволяли нарушать это запрещение.

В 1838 г. уполномоченный правительства Лин Цзэсюй конфисковал у английских торговцев наличный запас опиума. В ответ на это Англия в 1840 г. объявила Китаю войну, продолжавшуюся до 1842 г. Английские десантные части были вооружены по последнему слову военной техники, вооружение китайской армии состояло из луков, стрел и устаревших фитильных ружей. Тем не менее английские войска встретили отчаянное сопротивление. Полторы тысячи защитников Чженьцзяна погибли до последнего человека. Английские войска захватили Сянган (Гонконг), а затем – и Шанхай. По Нанкинскому договору 1842 г. Гонконг переходил во владение Англии, Китай должен был уплатить Англии контрибуцию в 12 млн долларов и разрешить беспрепятственный ввоз опиума. Портовые города теперь не только были открыты для иностранцев, но там были разрешены сеттльменты – кварталы,

подлежащие юрисдикции победителей, в сущности, кусочки иностранной территории на китайской земле. Такие же права в Китае получили Франция и США. Китаю было запрещено поднимать пошлины на иностранные товары выше 5% их цены.

В результате резко увеличился ввоз не только опиума, но и дешевых фабричных товаров из индустриальных стран, особенно шерстяных и хлопчатобумажных тканей, затормозив переход от ремесленного производства к капиталистической промышленности. Теперь уже торговля Китая с Европой имела пассивный баланс, и поток серебра устремился в обратном направлении. Медные деньги, которыми народ платил налоги, становились все дешевле по отношению к серебру.

Единицей внутреннего денежного обращения в Китае XVIII в. была медная монета – чох. Налоги же рассчитывались в лянх – серебряной весовой единице. Расчеты с иностранцами, конечно, тоже производились в лянх. Медные чохи иностранцами не принимались. В 1830 г. лян серебра составляли 3 тыс. чохов, в 1851 г. – 4,7 тыс. Таким образом, налоги с населения выросли почти в пять раз.

Но этим дело не кончилось. В 1856–1860 гг. последовала вторая опиумная война, в ходе которой англичане разграбили и сожгли Летний дворец императоров и заняли Пекин. Теперь иностранцы получили право неограниченной торговли по всей территории Китая. Право на ввоз опиума было дополнено правом на вывоз дешевой рабочей силы – китайских кули.

В 1884–1885 гг. последовала французско-китайская война. Видя слабость Китая, Франция ввела свои вооруженные силы во Вьетнам, отторгнув его от Китая и превратив в свою колонию. И даже Япония, которая сама находилась в положении полуколонии индустриальных стран, в 1894–1895 гг. нанесла удар по Китаю, потопив почти весь китайский флот, отобрав у Китая Тайвань и фактически подчинив себе Корею.

Как уже сказано, восстание ихетуаней было направлено против порабощения Китая иностранцами. Ихетуани убили германского представителя и осадили иностранные консульства. Снова последовала интервенция, и западные державы вынудили Пекин заключить договор, который запрещал правительству содержать войска в центральном районе Китая, покупать оружие, а иностранные державы получили право держать в Китае свои войска.

Тем временем происходил раздел Китая на сферы влияния. Англия претендовала на юг Китая и бассейн Янцзы, Франция – на юго-западную часть страны, примыкающую к Вьетнаму, Германия – на провинцию Шаньдун. Россия получила в аренду Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и начала строительство КВЖД.

К концу XIX в. в Китае действовало свыше ста иностранных фирм, из которых 2/3 принадлежало англичанам. На Англию приходилось 2/3 китайского импорта и больше половины экспорта. Главное место в импорте занимали опиум и ткани, причем тканей теперь ввозилось в 10 раз больше, чем вывозилось. В 1899 г. опиум составлял 13% китайского импорта, а ткани – 39%. В экспорте сократилась доля чая, который теперь шел в Европу из Цейлона и Индии, резко уменьшилась доля кустарных изделий. За первое десятилетие XX в. иностранные капиталовложения в Китае выросли почти вдвое – с 800 до 1500 млн долларов.

Иностранные займы делались под таможенные сборы – и таможенная система была передана в руки иностранцев. Под контролем иностранцев находились почти все железные дороги.

Но в промышленности иностранные инвестиции были довольно скромными.

9.6. Начало промышленного переворота

905 млн населения Китая было занято в сельском хозяйстве, поэтому мы не можем говорить об индустриализации страны. Речь может идти лишь о рождении фабрично-заводской промышленности, т.е. о начале промышленного переворота.

Промышленный переворот в Китае начался в 70–80 гг. XIX в., когда мировое хозяйство уже переходило на стадию империализма. Его существенной особенностью было преобладание компрадорского и бюрократического капитала.

В первой половине XIX в. промышленность Китая переходила на стадию мануфактурного производства. Действовали относительно крупные хлопчатобумажные, шелкоткацкие, фарфоровые предприятия. Например, в окрестностях Гуанчжоу насчитывалось 2500 прядильных и ткацких заведений, на которых было занято 50 тыс. рабочих, в среднем по 20 рабочих на предприятие.

В 60–70-х гг. в портовых городах возникают предприятия иностранцев по переработке сырья для экспорта. Конечно, на этих предприятиях использовалась техника, которая соответствовала достигнутому в Европе фабрично-заводскому уровню. При иностранных фирмах рождалась компрадорская буржуазия, которая, конечно, лучше знала китайские условия и служила посредником между иностранцами и китайским хозяйством. Однако компрадоры, «прислужники иностранного капитала», со временем, накопив капитал и

набравшись опыта у иностранцев, иногда и сами становились основателями промышленных предприятий.

На новый технический уровень переходили также огромные государственные предприятия, особенно военные и судостроительные. Одним из них был Ханьпинский комбинат в Ханьяне, где готовились рельсы, вагоны, оружие. Связанные с казенным производством чиновники нередко основывали собственные предприятия. В качестве предпринимателей выступали сановники, губернаторы, используя казенные доходы. Так рождался бюрократический капитал, связанный с государственной властью. Капиталистическая промышленность росла «сверху», а не рождалась «снизу», из среды ремесленников и торговцев, из «ханей».

В 80-х гг. XIX в. было основано всего 28 предприятий национального капитала, причем все они находились в Шанхае. В 90-х гг. действовало уже 92 предприятия, а в первое десятилетие XX в. – 386. В середине 90-х гг. на частных китайских предприятиях было занято 27 тысяч рабочих, в среднем по 360 рабочих на предприятие, т.е. это были довольно крупные фабрики и заводы.

Всего за период с 1872 по 1912 г. возникло 520 промышленных предприятий фабричного уровня, на которых было занято 650 тыс. рабочих. Но даже в 1913 г. 70% хлопка перерабатывалось на предприятиях, не достигших фабричного уровня, предприятиях с ручным трудом.

9.7. От «самоусиления» – к Синьхайской революции

Цепь поражений Китая и капитуляция цинского правительства перед странами Запада, конечно, не могли оставить китайское общество равнодушным. В стране начинается движение за реформы, за преодоление экономической отсталости. В этом движении выделяются два направления – реформаторское и революционно-демократическое.

Целью реформаторского движения было преодоление экономической отсталости при сохранении прежнего государственного строя, «европеизация» Китая. Но поскольку коренное преобразование экономики было невозможно при сохранении прежних порядков, целью революционно-демократического движения стало и преобразование государственного строя.

Реформаторское движение началось с политики «самоусиления» – создания мощной военной промышленности, использования европейского опыта организации хозяйства. С 1861 по 1894 г. было введено в строй 19 казенных военных предприятий, на которых было занято 10 тыс. рабочих. В срочном

порядке переводились европейские учебники, представители правящей элиты направляли детей на учебу в Европу.

Преобразования «европеизаторов» часто не учитывали особенностей социально-экономического строя Китая. Была поставлена задача механизации сельского хозяйства, но при этом не учитывалось, что в Китае крупные землевладельцы не вели своего хозяйства, а нищие арендаторы не могли покупать и использовать машины.

В 1895 г. 1200 съехавшихся на государственные экзамены представителей всех провинций страны приняли «коллективный меморандум» с требованием радикальных реформ по содействию развитию промышленности, ограничению иностранного капитала, введения конституции и учреждения парламента.

В столице была организована «Ассоциация усиления государства» во главе с Кан Ювэем, которая стала штабом движения за реформы. Результатом ее деятельности стали «сто дней реформ» в 1898 г. В эти дни было издано свыше 60 указов в области образования, железнодорожного строительства, реорганизации вооруженных сил – указов, которые создавали условия для капиталистического развития Китая.

Несмотря на то, что эти реформы не затрагивали существующего строя, в этом же году императрица Цыси отменила их, а руководители реформаторов были казнены. Правда, Кан Ювэю удалось скрыться за границу.

Но в том же 1895 г., что и «Ассоциация усиления государства», возник «Союз возрождения Китая» во главе с Сун Ятсеном, объединивший представителей интеллигенции и национальной буржуазии. Целью этой организации стало свержение династии Цин и учреждение республики.

В своей «Декларации» Сун Ятсен писал: «Те, кого мы ныне называем манчжурами, восходят к восточным варварским династиям... После изгнания манчжуров наше национальное государство возродится» [4, с. 234].

В основу декларации были положены три принципа: национализм, демократия и народное благоденствие. Национализм означал свержение династии Цин, демократия – установление республики, народное благоденствие – национализацию земли и уравнительное землепользование.

В 1911 г. началась Синхайская революция (названная так по названию года лунного календаря). В 1912 г. династия Цин отреклась от престола. В этом же году был основан Гоминдан («Национальная партия») во главе с Сун Ятсеном. Но в результате власть захватил генерал Юань Шикай, установив реакционную диктатуру.

* * *

Таким образом, надельная система, главное проявление «азиатского способа» в Китае, осталась в прошлом. Лишь во время народных восстаний делались попытки ее восстановить, и ее реставрация служила лозунгом повстанцев. Земля стала товаром, объектом купли-продажи. Если в Европе еще сохранялись остатки феодального землевладения (немецкие юнкера и английские лендлорды), то в Китае, где не было наследственного дворянства, «помещиками» становились те, кто землю мог купить или захватить, а в положении эксплуатируемых оказывались арендаторы этой земли.

Позиции государства в экономике определялись государственной трудовой повинностью крестьянства, существованием крупных государственных предприятий. Господствующим слоем населения здесь были не крупные землевладельцы, не «помещики», а государственные служащие, чиновники. Они составляли господствующий слой не только потому, что управляли страной. Их идеология, идеология конфуцианства, была государственной и противостояла буддизму и даосизму народных масс. Поэтому народные восстания в Китае происходили под знаменами этих религий.

Особенностью первых шагов промышленного переворота, рождения капиталистической промышленности были «бюрократический» и компрадорский капитал, что определялось остатками господствующей позиции государства в экономике и превращением Китая в полуколонию.

Ускорили закабаление Китая империалистическими державами претензия богдыханов на мировое господство и политика изоляции страны от внешнего мира. Попытки «догнать» индустриальные страны, «европеизировать» экономику начались слишком поздно и были прерваны опиумными войнами. Лишь соперничество империалистических держав не позволило включить Китай в состав Британской империи.

Л и т е р а т у р а

1. Бокшанин А. А., Непомнин О. Е. Лики Срединного царства. М., 2002.
2. Ефимов Г. В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951.
3. Захаров И. Поземельная собственность в Китае // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Б.м., 1853. Т. 2.
4. История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
5. Мясников В. С. Империя Цин и русское государство в XVII в. М., 1980.
6. Очерки по истории Китая / Под ред. Шан Юэ. М., 1959.
7. Симоновская Л. В., Эренбург Г. Б., Юрьев М. Ф. Очерки истории Китая. М., 1956.
8. Фан Вэнь-лан. Новая история Китая. М., 1955. Т. 1.
9. Фитцджеральд Ч. П. История Китая. М., 2005.

10. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

10.1. Австрийская экономическая школа

Теория предельной полезности как теория ценообразования

Одним из основных постулатов классической политической экономии является положение, что в основе стоимости и цены товаров лежат затраты труда (или в другом варианте – издержки производства). Но одновременно продолжала существовать идея, идущая еще от Аристотеля, что меновая стоимость и цена товара определяются интенсивностью желаний вступающих в обмен лиц; «звездный час» этой идеи относится к периоду 70–80-х гг. XIX в. Этот период вошел в историю экономической мысли под названием «маржиналистской революции».

Термин «маржиналистская революция» используется, когда говорят о независимом открытии в 70-х гг. XIX в. К. Менгером (австрийцем), С. Джевансом (англичанином) и Л. Вальрасом (швейцарцем) принципа снижающейся предельной полезности. Суть этого принципа, или закона, всем вам хорошо известна: полезность, которую приносит каждая последующая единица данного товара (именно ее называют предельной полезностью, а сам термин закрепился и остался в науке навсегда благодаря Ф. Визеру) меньше полезности предыдущей единицы товара.

Анализ предельных приращений полезностей товаров и означал переход в экономической науке к анализу предельных величин, анализу дифференциальных уравнений и производных. Но если бы появился только новый метод исследований, вряд ли можно было бы с полным правом говорить о происшедшей революции. Что гораздо существеннее, изменился сам предмет исследований.

Со времен А. Смита основными направлениями исследований в экономической науке были вопросы обеспечения роста общественного богатства, анализ роли различных факторов производства в этом процессе. Можно с полным основанием сказать, что классическая политическая экономия исследовала процессы экономики на макроуровне, особое внимание уделяя проблемам экономического роста, т. е. экономической динамики.

Маржиналистская же революция ознаменовала собой переход экономических исследований с макроэкономического уровня на микроэкономический. Центральными вопросами экономической науки стали вопросы исследования поведения экономических субъектов (потребителя и фирмы) в условиях ограниченных ресурсов. Экономика впервые стала наукой, которая изучает взаимосвязь между *данными* целями и *данными* ограниченными средствами. Сутью экономической науки стал поиск условий, при которых производственные услуги распределяются с оптимальным результатом между конкурирующими целями. Это вопросы экономической эффективности, и как раз предельный анализ обслуживает данный принцип. Следует добавить, что экономическая модель, которая является предметом маржиналистского анализа, является статичной, т. е. такой, где проблемам экономического роста места нет.

Но нас в первую очередь интересует связь новых подходов, которые провозгласила маржиналистская революция, с концепцией ценообразования. Наиболее полно этот вопрос разработан представителями «австрийской школы», к анализу взглядов которых мы и обратимся.

Как мы знаем, со времен Аристотеля экономисты выделяли в товаре две стороны: потребительную стоимость (или полезность) и меновую стоимость (способность товара в определенных пропорциях обмениваться на другой товар). В качестве основы, определяющей пропорции обмена (цен товаров), у основоположников политической экономии (Смита и Рикардо) выступал труд. Полезность же, рассматриваемая как объективная способность вещи удовлетворять какие-либо человеческие потребности, представлялась лишь условием осуществления обмена.

Представители же «австрийской школы» не только ввели в экономическую науку понятие субъективной полезности (ценности), но и выдвинули ее в качестве основы ценообразования. Чтобы лучше понять логику их рассуждений, следует уточнить разницу между объективной и субъективной полезностью. Первая представляет собой способность (в принципе!) служить для человеческого благополучия. Субъективная же полезность, или ценность, представляет собой значимость *данной* вещи для благополучия (жизненного наслаждения) *данного* человека. Следовательно, может иметь место ситуация, когда вещь обладает полезностью, но не обладает ценностью*. Для образования ценности необходимо, чтобы с полезностью соединялась редкость, но редкость не абсолютная, а лишь относительная, т. е. по сравнению с размерами существующей потребности в вещах данного рода. И значит, ценностью блага обладают в том случае, если их не хватает для удовлетворения соответ-

* Как, например, песок в пустыне или вода у источника.

ствующих потребностей, в противном случае материальные блага ценности не имеют*.

Первым из представителей «австрийской школы» это положение развил К. Менгер (1840–1921), профессор политической экономии Венского университета. Он отстаивал точку зрения, что анализ цены должен быть сведен к анализу индивидуальных оценок**. Пытаясь разрешить парадокс А. Смита о воде и алмазе (именно объяснить, почему алмаз так дорог, а вода дешева, не прибегая к трудовой теории стоимости), Менгер сформулировал принцип снижающейся полезности. Согласно этому принципу стоимость (ценность) какого-либо блага определяется той наименьшей полезностью, которой обладает последняя единица запаса. При этом при определении ценности материальных благ должна браться за основу не шкала видов потребностей, а шкала конкретных потребностей данного конкретного человека.

Для иллюстрации этого положения уместно привести таблицу, которая так и называется «Таблица Менгера». В этой таблице вертикальные ряды, отмеченные римскими цифрами, обозначают различные виды потребностей и их значение в нисходящем порядке: I – представляет собой самый важный вид потребности, например в пище; V – вид потребностей средней важности, например потребность в спиртных напитках; X – самый маловажный вид потребностей. Цифры же в пределах каждого вертикального ряда (арабские цифры) иллюстрируют уменьшение настоятельности данной потребности по мере ее насыщения в порядке убывания от 10 к 1***.

Из таблицы видно, что конкретная потребность более важного вида может оказаться стоящей ниже отдельных конкретных потребностей менее важного вида. К примеру, восьмая единица первого вида потребностей будет представлять меньшую ценность или меньшую значимость для благополучия субъекта, чем первая единица седьмого вида потребностей. Уменьшение же ценности благ по мере увеличения их количества представители австрийской школы связывали с «глубоко укоренившимся свойством человеческой

* Блага, которые предлагаются на рынке в меньшем количестве, чем требуется по потребностям населения, называются экономическими благами. Те же, которые имеются в большем количестве, чем потребность в них, называются неэкономическими (в современной терминологии – свободными благами).

** Данный подход характеризует всех представителей австрийской школы, которые основу социально-экономических явлений искали в индивидуальной психологии.

*** Как видим, представители австрийской школы в анализе потребностей выделяют два понятия: разнообразие потребностей и напряженность по-требностей в пределах одного какого-либо вида. Различные потребности можно расположить по степени возрастания или убывания их важности для благосостояния субъекта; с другой стороны, «напряженность» потребности определенного вида зависит от степени ее насыщения: чем более она удовлетворена, тем менее настоятельна.

натуры», когда одного и того же рода ощущения, повторяясь беспрерывно, начинают доставлять нам все меньше и меньше удовольствия, и наконец, удовольствие это превращается даже в свою противоположность – отвращение. Таким образом, в теории ценности австрийской школы, она может представлять и отрицательную величину. Здесь мы видим формулировку закона убывающей предельной полезности.

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
10									
9	9								
8	8	8							
7	7	7	7						
6	6	6	6	6					
5	5	5	5	5	5				
4	4	4	4	4	4	4			
3	3	3	3	3	3	3	3		
2	2	2	2	2	2	2	2	2	
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Но как связано это положение с концепцией ценообразования? Самым непосредственным образом. Ценность (цена) вещи измеряется величиной предельной полезности данной вещи, полезностью последней единицы запаса блага, удовлетворяющей наименее важную потребность. Для иллюстрации уместно привести пример с Робинзоном*, у которого имеется в запасе пять мешков зерна, из которых первый нужен для того, чтобы не умереть с голоду, второй – для сохранения здоровья, третий – на откорм птицы, четвертый – на приготовление спиртных напитков, пятый – на содержание попугая. Чем определяется ценность одного (*любого*) мешка зерна? Согласно взглядам представителей австрийской школы, полезностью последнего мешка, который удовлетворяет наименьшую насущную потребность. Эта предельная единица (полезность) и определяет действительную ценность предыдущих единиц. Предельная полезность, в свою очередь, зависит от количества благ и интенсивности потребления индивида.

Таким образом, ценность зависит от степени полезности и степени редкости. *Первая* определяет высший пункт, до которого предельная полезность может подняться **в крайнем случае**; *вторая* – до какого именно пункта предельная полезность **действительно** поднимается в конкретном случае.

* Пример заимствован у другого представителя австрийской школы – Е. Бем-Баверка.

Другими словами, высота предельной полезности определяется двумя факторами: субъективными (потребности) и объективными (количеством благ), которые в рамках рассуждений представителей австрийской школы остаются раз и навсегда данными.

Однако все рассуждения о субъективной ценности не могут нам объяснить механизм рыночного ценообразования, где, несмотря на все многообразие субъективных оценок, существует единая цена на товар. Попытку разрешить это противоречие предпринял самый яркий представитель австрийской школы **Е. Бем-Баверк (1851–1919)**, введя понятие объективной ценности, под которой он понимает меновые пропорции (цены), которые формируются в ходе конкуренции на рынке*. Процесс ценообразования, по Бем-Баверку, легче всего объяснить, используя его уже ставший хрестоматийным пример с конным рынком.

Итак, на рынке сталкиваются покупатели и продавцы, имеющие субъективные оценки относительно того, насколько лошадь полезна именно ему.

Покупатели	Субъективные оценки	Продавцы	Субъективные оценки
1-й	300 флоринов	1-й	100 флоринов
2-й	280 флоринов	2-й	110 флоринов
3-й	260 флоринов	3-й	150 флоринов
4-й	240 флоринов	4-й	170 флоринов
5-й	220 флоринов	5-й	200 флоринов
6-й	210 флоринов	6-й	215 флоринов
7-й	200 флоринов	7-й	250 флоринов
8-й	180 флоринов	8-й	260 флоринов
9-й	170 флоринов		
10-й	150 флоринов		

Оценки покупателей – это максимальные цены, которые они могли бы уплатить за лошадь, а оценки продавцов – это минимальные цены, которые они согласны были бы получить за своих лошадей. При этом Бем-Баверк вводит еще одно условие: сделки должны быть выгодны как покупателям, так и продавцам. Поэтому никто из них не станет покупать (или продавать) лошадь по цене, равной его собственной оценке. Другими словами, никто не

* К слову сказать, разделял субъективную и объективную ценность вещи такой известный представитель школы физиократов, как А. Тюрго. Под субъективной ценностью он понимал оценку вещи ее владельцем, под объективной – оценку, которая устанавливается на рынке в зависимости от спроса и предложения.

будет менять полезность на равную полезность*. Каким же образом в этих условиях будет устанавливаться цена на лошадь?

Предположим, вслед за Бем-Баверком, что торги начнутся с объявления своей цены покупателями – 130 флоринов. Такая цена выгодна всем покупателям. Но она явно не устраивает продавцов: лишь первые двое готовы продать лошадей по данной цене. Налицо дисбаланс спроса и предложения, поэтому между покупателями разгорается соперничество в повышении цены, которое неизбежно приведет к устранению с рынка отдельных покупателей и возвращению продавцов. В результате этого процесса, предположим, цена установилась на уровне чуть больше 200 флоринов, и в итоге на рынке остается шесть покупателей и пять продавцов. Круг сузился, но спрос пока еще больше предложения. Цена растет дальше, и при цене 210 флоринов шестой покупатель уйдет с рынка. Спрос равен предложению. Но продавцы, в естественном стремлении получить как можно большую выгоду, увеличивают цену, придерживая лошадей. Цена поднимается, но как только она превысит 215 флоринов, на рынке появляется шестой продавец, и равновесие опять нарушается. Итак, цена известна. Она установилась в пределах от 210 до 215 флоринов включительно. При этой цене спрос на лошадей и их предложение уравниваются.

Следовательно, по Бем-Баверку, рыночная цена будет колебаться в пределах максимальной и минимальной цены в результате столкновения на рынках субъективных оценок продавцов и покупателей. При этом уровень рыночной цены не может быть выше оценки первого исключенного продавца (верхняя граница цены) и ниже оценки первого исключенного покупателя (нижняя граница цены), поскольку в противном случае достигнутое равновесие нарушается.

Данная схема ценообразования интересна уже тем, что полностью игнорирует не только роль труда, но в ней даже отсутствует понятие «издержки производства». Единственной фигурой экономической системы становится потребитель. (Как потребитель в этой схеме рассматривается и продавец, который при рыночной цене меньшей, чем его субъективная оценка, сам предъявит спрос на свою продукцию. В нашем примере – уведет свою лошадь с рынка.)

Первое, что обращает на себя внимание в теории ценности австрийской школы – абсолютная неэластичность предложения. Теория строится на предположении, что запас благ представляет собой фиксированную ве-

* А первым, кто показал, что на рынке не происходит обмена равных ценностей на равные, был французский экономист Кондильяк. Он отметил, что каждая сторона отдает то, в чем не нуждается, а получает то, в чем нуждается; отдает меньше, а получает больше, и потому для объяснения обмена принцип эквивалентности является излишним.

личину. Действительно, в этих условиях ценность того или иного товара (блага) зависит исключительно от спроса, который изменяется в зависимости от предельной полезности данных благ. Это означает, что принцип предельной полезности, разработанный представителями австрийской школы, применим к анализу индивидуального потребления в натуральном, изолированном хозяйстве (так называемый принцип робинзонады). И если даже взять модель рыночного хозяйства Бем-Баверка (пример конного рынка), то и она не работает по отношению к продавцу, который помещен в реальные условия развитого товарного производства. Продавец (собственник товара и производитель его) может руководствоваться при определении цены принципом предельной полезности, сбывая на рынке лишь излишки благ. Следовательно, продавец должен вести натуральное хозяйство. Однако в развитой рыночной экономике типичным становится массовое производство на рынок, причем внутри хозяйства производимые им продукты не потребляются совсем, а потому типичным становится полное отсутствие основанных на полезности оценок благ со стороны производящих их хозяйств.

И второе: сам механизм уравнивания предельной полезности в процессе обмена происходит при предположении имеющейся цены и данных доходах потребителя. Это означает, что сами субъективные оценки обусловлены уровнем цены и величиной дохода и вне системы цен нет количественного определения полезности. На столь явные недостатки теории предельной полезности как теории, претендующей на объяснение процесса образования ценности (стоимости), обращали внимание как критики, так и последователи данной теории.

Рассматривая теорию предельной полезности, было бы несправедливо обойти молчанием человека, который сформулировал закон предельной полезности значительно раньше, чем представители австрийской школы, но идеи которого остались незамеченными. Это был немецкий экономист Г. Госсен, который в 1854 г. опубликовал работу «Развитие законов общественного обмена и вытекающих отсюда правил человеческой деятельности», где попытался сформулировать законы рационального потребления индивидуумом ограниченного количества благ, которые в дальнейшем получили название первого и второго закона Госсена.

Суть первого закона Госсена: величина удовлетворения от каждой дополнительной единицы данного блага в одном непрерывном акте потребления неуклонно снижается и при насыщении равна нулю. Это не что иное, как закон убывающей предельной полезности. По мнению Госсена, каждое удовольствие представляет собой математически определенную величину, убывающую по мере того, как продолжается удовольствие. Это допущение

позволило ему предположить, что существуют вполне определенные моменты, когда человек должен прервать одно удовольствие и перейти к другому. Формулировка правила, на основании которого определяются эти моменты, получила в экономической науке название второго закона Госсена.

Суть второго закона *Госсена*: максимальное удовлетворение потребностей при ограниченном количестве доступных благ достигается тогда, когда потребление каждого блага останавливается в точке, где интенсивность удовольствия (полезность) выравнивается, становится одинаковой для всех. Другими словами, чтобы получить максимальную полезность от потребления заданного набора благ за определенный период времени, необходимо потребить их в таких количествах, при которых предельная полезность всех потребляемых благ была бы равна одной и той же величине. Различные удовольствия, согласно этому закону, должны прерываться в такие моменты времени, чтобы в результате оказались равны последние, бесконечно малые частицы всех удовольствий*.

Один из вариантов формулировки этого закона выглядит следующим образом: «Для того, чтобы добиться в жизни максимума наслаждения, человек должен распределять свое время и силы при достижении различного рода наслаждений таким образом, чтобы ценность предельного атома каждого получаемого наслаждения равнялась бы усталости, которую он испытал в последний момент затраты своей энергии»**.

Рассматривая условия денежного хозяйства и обозначив предельную полезность как MU , а цену товара как P , суть второго закона Госсена можно выразить следующим уравнением:

$$\begin{array}{cccc} MU \text{ товара } 1 & MU \text{ товара } 2 & MU \text{ товара } n & MU \text{ денежная единица дохода} \\ P \text{ товара } 1 & P \text{ товара } 2 & P \text{ товара } n & \end{array}$$

Этот закон можно интерпретировать как закон равных предельных полезностей на одну денежную единицу дохода. Потребление каждого товара продолжается до того момента, пока предельная полезность на денежную единицу дохода (предположим, рубль), истраченный на него, становится в

* Можно так изобразить человека, живущего согласно второму закону Госсена. В течение первого получаса человек пьет хорошее вино. В определенный момент он прекращает этот процесс и начинает наслаждаться музыкой. Через 15 минут, когда последняя частица удовольствия от вина совпадает с последней частицей удовольствия от музыки, он перестает слушать музыку и посвящает время разговору с приятной собеседницей и т. д. Нереалистичность предпосылок Госсена заключается уже в том, что в действительности время, посвященное удовлетворению какой-либо определенной потребности, вовсе не посвящено исключительно именно этой потребности.

** Цит. по: Всемирная история экономической мысли: В 6 т. М., 1989. Т. 3. С. 156.

точности равной предельной полезности на рубль, израсходованный на любой другой товар.

И хотя теория потребления Госсена представляется не очень удачной абстракцией, законы Госсена легли в основу микроэкономической теории последующего столетия, а методология максимизации полезности, предложенная им, вошла в экономическую науку в качестве классической логики принятия решений.

Теория издержек производства

Согласно представлениям австрийской школы единственным фактором, определяющим пропорции обмена товаров и, соответственно, цену, является их предельная полезность. Отсюда следовал логический вывод, что производительные (капитальные) блага ценности не имеют, так как прямо не удовлетворяют человеческие потребности, т. е. не обладают непосредственной полезностью.

Но совершенно очевидно, что в реальной экономике производительные блага ценность имеют и их цены формируют собой издержки производства. Как же решается проблема издержек производства в рамках представлений австрийской школы?

В экономической науке теория издержек производства, как и теория стоимости, существует в двух вариантах: теории объективных и субъективных издержек. Признание объективного характера издержек характерно для классической школы, где цены факторов производства выводились из так называемых естественных норм вознаграждения, а их уровни определялись отдельными теориями. Земельная рента определялась как дифференциальный излишек сверх предельных издержек возделывания земли, заработная плата – долгосрочными издержками средств существования рабочего, а прибыль представляла собой остаточную величину. В рамках классической школы не ставилась под сомнение реальность издержек производства. Но не случайно австрийскую школу называют субъективно-психологической школой. Она объявила, что реальные издержки не более чем древнее заблуждение, а один из представителей австрийской школы – **Ф. Визер** (1851–1926) разработал субъективную теорию издержек. Исходными посылками данной теории являются два положения.

Первое положение гласит, что производительные блага представляют собой будущее, потенциальные блага, ценность их носит производный характер и зависит от ценности конечного продукта, приносящего непосредственное удовлетворение. Следовательно, не издержки производства прида-

ют ценность продуктам, а, наоборот, издержки производства приобретают ценность от своих продуктов, подобно тому, как Луна светит отраженным светом Солнца (по образному выражению Бем-Баверка).

Получалось, согласно взглядам представителей австрийской школы, что потребительские блага сами наделяют ценностью те производственные ресурсы или факторы, которые участвуют в их изготовлении. Блага первого порядка (потребительские товары) сообщают ценность благам более высоких порядков, которые нужны, чтобы могли появиться на свет те самые первоочередные блага. В этой идее и заключается знаменитая «теория вменения» австрийской школы.

Второе положение сводится к утверждению, что предложение представляет собой обратную сторону спроса – спроса тех, кто обладает товаром. При достаточно низких ценах производители сами предъявляют спрос на свою продукцию. В нашем примере с конным рынком, если рыночная цена будет ниже оценки полезности лошади конкретным продавцом, он уведет ее с рынка, так как полезность ее в своем хозяйстве оценивает выше.

Отсюда следует, что предложение обусловлено не реальными издержками, а издержками отказа от других направлений использования, включая использование самим производителем. Другими словами, издержки представляют собой не что иное, как необходимую плату за отвлечение ресурсов от других вариантов использования.

Можно с полным основанием считать Визера автором «концепции альтернативных затрат», которая представила как спрос, так и предложение зависящими от полезности, сведя все издержки к отказу от полезности. В данной теории издержки – не более чем форма, в которой индивиду сообщается о «желанности» обладания вещью каким-либо другим человеком*.

Но каков механизм формирования ценности производительных благ? Выделив наименьшую предельную полезность из суммы потребительских благ, которые созданы определенным производственным благом, Визер назвал ее предельным продуктом. Используя данное понятие, Визер сформулировал закон: предельная полезность предельного продукта обуславливает цену производительного блага, которое пошло на его изготовление, и соответствующую часть издержек производства, которые определяют пре-

* Следует отметить, что понятия «альтернативные затраты» или «альтернативные издержки» предполагают наличие конкуренции. Только в этих условиях издержки отражают ценность альтернативного и наилучшего из возможных способов употребления ресурсов. И само понятие альтернативных издержек имеет смысл только в тех случаях, когда имеются ограниченные запасы тех или иных ресурсов. Если какое-то благо доступно без ограничения, альтернативные возможности перестают регулировать употребление этого блага; избыточность благ означает отсутствие конкуренции за обладание ими.

дельные полезности других, непредельных потребительских продуктов, произведенных из указанного блага (так называемый закон Визера). Довольно тяжеловесная конструкция, которая потребовала введение такого понятия, как «предельная полезность предельного потребительского блага».

Но этим сложности не исчерпывались. Ведь на самом деле в создании предметов потребления участвует совокупность производительных благ (труд, капитал, земля). Представители австрийской школы оказались перед необходимостью разрешить довольно трудный вопрос: какая часть ценности предметов потребления должна быть отнесена (вменена) на счет того или иного производительного блага. И хотя их теория и не является законченной, подход к проблеме представляется достаточно определенным.

Признается, что для получения «хозяйственной пользы» требуется совместное действие нескольких материальных благ, при этом если недостает одного из них, цель не может быть достигнута в полной мере. Такие материальные блага Менгер назвал комплиментарными (взаимно дополняющими друг друга). Совокупная ценность данной группы материальных благ определяется величиной предельной пользы, которую могут принести все эти материальные блага при совместном использовании. Если, например, три материальные блага – А, Б и С – составляют комплиментарную группу и если предельная польза, которую могут принести данные материальные блага при совместном использовании, составляет 100 единиц, то и ценность всех трех материальных благ вместе тоже будет равна 100. Однако в реальной жизни обычна ситуация, когда отдельные члены комплиментарной группы сохраняют способность приносить известную пользу вне совместного использования. Предположим, беря наш пример, что благо А, взятое отдельно, может дать предельную пользу – 10, В – 20, С – 30 единиц.

Следовательно, суммарная предельная польза в случае раздельного использования составит 60 единиц. Возникает вопрос: какому фактору приписать «излишек» предельной полезности, возникающий при совместном использовании благ.

Представители австрийской школы, в частности Бем-Баверк, считают, что данный излишек полезности должен приходиться на долю самых труднозамещаемых благ. Бем-Баверк подтверждает правильность своей гипотезы ссылкой на то, что именно в практической жизни из общей суммы дохода вычитаются прежде всего издержки производства, которые представляют собой расходы на способные замещаться производственные блага (наемный труд, сырье, оборудование). Чистый же доход относят за счет не могущих замещаться членов комплиментарной группы (земля, фабрики, предпринимательские способности).

Это положение представляет собой своеобразное соединение концепции Ж. Б. Сэя о трех факторах производства с теорией предельной полезности. Но если даже принять эту позицию, то остается открытым вопрос о механизме четкой количественной определенности доли каждого фактора в цене продукта. У представителей австрийской школы ответа на этот вопрос нет.

Заканчивая вопрос о теории издержек «австрийской школы», следует сказать, что при всех ее несовершенствах многие положения вошли в современную экономическую теорию. В частности, это положение о том, что ценность средств производства носит производный характер, которое вошло в современный курс в качестве положения о производном характере спроса на факторы производства, зависящего от спроса на конечную продукцию, и, конечно, концепции альтернативных затрат.

Теория процента Бем-Баверка

Поскольку любая экономическая теория достаточно логична и закончена, не стоит удивляться, что концепция альтернативных издержек присутствует и в теории капитала и процента, разработанной одним из самых ярких представителей австрийской школы Бем-Баверком. Эту проблему он рассматривает в работе «Капитал и прибыль» (1879).

Теория процента как субъективной категории в зачаточном виде присутствует и у упоминавшегося выше английского экономиста Сениора, который рассматривает процент как плату за «воздержание» капиталиста, и у Дж. С. Милля. Но стройность и законченность эта теория приобрела именно у Бем-Баверка, который объяснил процент, используя общий для австрийской школы принцип «убывающей предельной полезности» и концепцию альтернативных затрат. Теорию процента Бем-Баверка иногда называют «психологической теорией процента».

Что же является источником процента? Процент, по Бем-Баверку, возникает из-за отказа от текущего дохода в пользу будущего. В обществе всегда есть люди, готовые заплатить за удовольствие иметь деньги сегодня. Возможность иметь доход сегодня, а не в будущем, получает свою оценку, которая и есть норма процента.

Но почему люди готовы платить за обладание благами сегодня? Причина этого, по мнению Бем-Баверка, коренится в недооценке людьми будущего, проистекающей из-за недостаточно развитого воображения, скоротечности жизни и неуверенности в завтрашнем дне. В результате этого появляется избыточный спрос на потребительский кредит, что приводит к положительной

норме процента. Тем самым происхождение процента связывается Бем-Баверком с фактором времени.

Но оценивает текущие блага выше будущих не только потребитель, но и собственник денежного капитала. Причина в том, что последний предполагает возрастание в перспективе данного блага, а следовательно, уменьшение предельной полезности его в будущем по сравнению с настоящим*. Кстати, это объясняет, почему в динамично развивающейся экономике (что предполагает рост доходов населения) норма процента всегда будет положительной. Люди максимизируют полезность на протяжении всей жизни, и тогда в условиях растущего дохода прирост текущего потребления даст больше пользы, чем прирост потребления в будущем.

Таким образом, у Бем-Баверка вся проблема сведена к цене времени. Здесь мы видим неожиданное сходство со взглядами Ф. Аквинского, который рассматривал процент как плату за время, предоставляемое кредитором заемщику.

Однако как время, так и «ожидание» капиталиста не могут сами по себе быть источником ценности, как не может быть источником созревания плодов дерева наше сидение под ним. В лучшем случае это может рассматриваться как условие, но отнюдь не как причина. Признать, что источником всех форм дохода, в том числе и процента, является неоплаченный труд рабочих, как это сделал Маркс, Бем-Баверк не может и потому предлагает довольно оригинальное решение проблемы.

Согласно логике Бем-Баверка «труд является благом будущего», так как он создает продукт по истечении определенного времени. Следовательно, рабочий, в теории Бем-Баверка, предстает владельцем «будущего блага», а предприниматель, нанявший рабочего, дает ему «настоящее благо» в форме заработной платы. Таков процесс обмена благами между рабочими и предпринимателями. Блага, созданные трудом по истечении времени, из-за более низкой оценки будущих благ по сравнению с настоящим по ценности превысят размер выплаченного вознаграждения за труд. Это превышение и составит процент, или прибыль. По мнению Бем-Баверка, добровольный характер обмена отражает равноценность и справедливость отношений работодателя и рабочего.

Как видим, у Бем-Баверка весь капитал представлен в виде средств существования, авансируемых рабочим, и рынок капиталов он рассматривает как рынок авансов, на котором сегодняшний доход обменивается на будущий. Ставка же процента выражает условия, на которых индивидам доступны эти альтернативы. Таким образом, норма процента определяется при обмене

* Исходя из закона убывающей предельной полезности.

труда на предметы потребления. Рабочие недооценивают будущее, так как не могут долго ждать плодов своего труда, и потому результаты чистой производительности капитала присваиваются его собственником.

Следует отметить, что Бем-Баверк не смог дать четкого ответа на вопрос, кто должен определять разницу в ценности настоящих благ и благ будущих. Необходимо было найти сколько-нибудь объективный фактор-оценку, поскольку для этой роли не годились субъективные оценки ни рабочего, ни капиталиста. Поэтому Бем-Баверк включает в теорию процента идею о косвенных («окольных» в его терминологии) методах ведения производства, подразумевая под ними удлинение периода производства на основании использования капиталоемких процессов. Данное удлинение обосновано известным количеством звеньев производства промежуточного характера, что имеет место до момента создания блага. Если, например, Робинзон Крузо, рассуждает Бем-Баверк, использует часть времени на изготовление орудий труда в ущерб сбору необходимых продуктов питания, то его запас потребительских благ уменьшится. Однако в будущем более совершенные орудия труда позволят Робинзону значительно увеличить запас благ по сравнению с настоящим. В этом выражается чистая продуктивность, или производительность, капитала. И значит, роль капитала в производстве заключается в том, что он дает возможность использовать более продуктивные «окольные» методы производства, которые, однако, требуют и больших затрат времени.

Бем-Баверк выдвинул положение, что величина процента определяется удлинением периодов производства отдельных благ в результате развития косвенных методов производства. Таким образом, величина процента определяется чистой производительностью капитала, т. е. его способностью приносить определенный избыток продукта сверх затрат по его применению, где процент как раз и измеряет дополнительный прирост и служит показателем чистой производительности капитала. При этом техническое превосходство сегодняшних благ над будущими заключается, по мнению Бем-Баверка, в том, что сегодняшние блага, вкладываемые в «окольное» производство, позволяют получить больше продукта в будущем, чем то же самое количество благ, вложенных в будущем в непосредственное производство.

Надо сказать, что это слабое место его теории, поскольку сами инвестиции ограничиваются временем, в течение которого мы согласны ждать, прежде чем начнем получать отдачу. И хотя в теории Бем-Баверка процент выступает и как награда за ожидание, и как показатель чистой производительности капитала, в итоге все опять-таки сводится к положительной норме временного предпочтения.

Идеи австрийской школы получили широкое распространение и, как увидим в дальнейшем, вошли составной частью во многие экономические те-

Реабилитируя непроизводительный труд, Маршалл настаивает, что нет различия между производительным и непроизводительным трудом, между трудом торговца и столяра: торговец перемещает материю так, чтобы она была пригодной к употреблению, столяр делает то же. Таким образом, оба производят полезности.

Нетрудно предположить, что в основе теоретических построений Маршалла лежит закон насыщаемых потребностей, или закон убывающей предельной полезности*. Он формулирует его следующим образом: «Общая полезность для человека (совокупность приносимого удовольствия или иной выгоды) возрастает с каждым приращением блага, но не с такой скоростью, с какой увеличивается этот запас»**. Этот закон лег в основу его концепции ценообразования, пожалуй, самой знаменитой части экономического учения Маршалла. Но положение, что цена товара определяется исключительно его предельной полезностью, уже было сформулировано представителями «австрийской школы». В чем же новизна подхода Маршалла?

Маршалл разработал теорию цены, в которой попытался примирить концепцию ценообразования «классической» и «австрийской» школ. Как известно, в классической политической экономии имело место положение о естественной и рыночной цене товара, где последняя объяснялась временным отклонением от естественной цены товара под воздействием различных случайных обстоятельств. Естественная же цена определялась издержками производства и измерялась, вместе с естественной нормой, ценой каждой из ее составных частей. По мнению представителей классической политической экономии, естественная цена как бы представляла собою центральную цену, к которой постоянно тяготеют цены всех товаров, и эта цена в долгосрочном периоде определялась издержками производства.

Маршалл же разработал теорию цены, которая представляла собой симбиоз издержек производства, предельной полезности, спроса и предложения. Именно Маршалл ввел в экономическую теорию понятия «цена спроса» и «цена предложения».

Цена спроса, по Маршаллу, определяется полезностью товара, при этом самую полезность он рассматривает как максимальную цену, которую готов уплатить за товар покупатель. Иными словами, функция спроса на товар за-

* Доказано, что Маршалл пришел к идеям предельного анализа самостоятельно и одновременно с Джемсом, Менгером и Вальрасом, и к 1870 г. основные принципы его теории уже были разработаны. Издание же его труда только в 1890 г. объясняется тем, что он не спешил публиковать свои взгляды, поскольку хотел выстроить целостную систему экономической теории, в которой новые подходы и понятия органически соединялись бы с тем ценным, что дала науке классическая политическая экономия.

** Экономическая теория. Хрестоматия. М., 1995. С. 127.

висит от предельной полезности, а цена спроса не что иное, как денежная оценка желания. Как видим, в отличие от «австрийской школы» Маршалл связывает категорию предельной полезности только с функцией спроса.

Разрабатывая проблему спроса, Маршалл ввел понятие «эластичности спроса». Под эластичностью спроса он понимает функциональную зависимость спроса от изменения цены. Маршалл определяет эластичность как соотношение между изменением имеющегося запаса товаров и изменением цены. Спрос на товар является эластичным, если он изменяется в большей степени, чем цена данного товара. Если же изменение спроса на товар происходит в меньшей степени, чем изменение цены, спрос будет неэластичным. Анализируя различные степени эластичности, Маршалл вводит понятие высокой эластичности, низкой эластичности, единичной эластичности, указывая, что эластичность велика для высоких цен и сходит на нет при уровне полного насыщения.

Следует отметить, что понятие «эластичность» в дальнейшем стало применяться не только в разработке проблем цены и спроса, но и при анализе соотношения цены и предложения товара, процента и предложения капитала, заработной платы и предложения труда, а также при анализе эффективности ценовой политики фирмы*.

В анализе понятия «цена предложения» Маршалл стоит на позиции, что последняя определяется исключительно издержками. Однако, в отличие от классической политической экономии, издержки у Маршалла определяются не реальными затратами, а суммой страданий, которые вызываются трудом и воздержанием от непроизводительного потребления капитала. Данная позиция основана на взглядах английского экономиста Сениора, о котором мы уже говорили выше. Опираясь на нее, Маршалл отмечает, что и рабочий, и предприниматель приносят жертвы в процессе производства. Жертвой со стороны рабочего являются субъективные отрицательные эмоции, связанные с трудовыми усилиями; жертвой работодателя – отсроченные удовольствия от личного потребления или необходимость их ожидания.

Акцент на психологическом обосновании издержек производства станет более понятен, если учесть, что это утверждение оппозиционно по отношению к Марксу, который считал источником прибыли и процента неоплачен-

* Так, если эластичность спроса на товар меньше единицы, то цену товара можно повысить (в пределах данного участка кривой спроса), не опасаясь существенного снижения объема продаж и выручая этим дополнительную прибыль. Если же эластичность спроса больше единицы, то небольшое снижение цены может значительно увеличить объем продаж, так что убыток от снижения цены будет перекрыт ростом дохода от увеличения массы продаваемого товара. В случае, если эластичность спроса равна единице, то ни снижение, ни повышение цены не окажет влияния на сбыт данного товара.

ный труд рабочих. Маршалл этого и не скрывает, когда пишет, что любая попытка отстаивать посылку, что процент есть неоплаченный труд, молча подразумевает, что оказываемые капиталом услуги являются даровым благом. И если допустить, что товар является только продуктом труда, а не труда и ожидания, то мы неизбежно придем к логическому выводу, что процент и вознаграждение за ожидание не имеют оправданий.

Из приведенных выше рассуждений Маршалл делает вывод, что цена предложения должна обеспечить компенсацию всех отрицательных ощущений: *заработная плата* – компенсацию за усталость, *процент* – компенсацию за ожидание, *предпринимательский доход* – плата за риск. В этом суть методологического подхода Маршалла к определению издержек. При данном подходе, хотя кривая возрастающих цен предложения и определяется ростом издержек, последние представляют собой субъективные переживания производителей.

В то же время, рассматривая механизм динамики издержек на уровне фирмы, Маршалл ставит их в зависимость от изменения объемов производства. Он рассматривает три возможных модели динамики издержек. *Первая модель* рассматривает отрасли, где предельные издержки (соответственно, цена предложения) не зависят от объема выпускаемой продукции. В этих отраслях действует закон постоянной отдачи, или закон постоянной производительности. *Вторая модель* рассматривает отрасли, в которых с увеличением объема производства предельные издержки производства единицы продукции снижаются. Здесь действует закон возрастающей отдачи, или закон возрастающей производительности. И, наконец, *третья модель* рассматривает отрасли, где по мере их расширения наблюдается рост предельных издержек и, соответственно, цен предложения. В данном случае действует закон убывающей отдачи, или убывающей производительности. Во втором и третьем варианте Маршалл цену предложения фирм связывает с объемом производства продукции и определяет предельными издержками производства.

Таким образом, в теорию цены включается не только психологическая концепция издержек производства, но и значительно более важное в практическом плане положение о зависимости цены предложения от объемов производства.

Сделав теоретический анализ «цены спроса» и «цены предложения», Маршалл подходит к определению цены равновесия, которая представляет собой точку пересечения кривых спроса и предложения (динамика спроса определяется убывающей предельной полезностью, а динамика предложения – возрастающими издержками производства). В рамках маршаллианского анализа снимается вопрос о том, что является конечным основанием

цен – полезность или издержки. Оба фактора одинаково значимы, и спор по этому поводу аналогичен, по выражению Маршалла, спору о том, «разрезает ли кусок бумаги верхнее или нижнее лезвие ножниц».

Тем не менее, если вводить в анализ цены равновесия фактор времени (а Маршалл был первый, кто это сделал) и анализировать ситуацию мгновенного, краткосрочного и долгосрочного равновесия то воздействие спроса и предложения на цену равновесия не будет одинаковым. Маршалл подробно проанализировал эти ситуации, придя к выводу, что в условиях мгновенного равновесия на цену оказывает исключительное влияние спрос, в условиях же долгосрочного равновесия цена регулируется издержками. Иными словами, чем короче рассматриваемый период, тем больше надлежит учитывать в анализе влияние спроса на цену, а чем этот период продолжительнее, тем большее влияние на цену оказывают издержки.

Анализируя ситуацию мгновенного и краткосрочного равновесия, Маршалл делает вывод, что в этих условиях приоритет получает спрос, потому что предложение в большей степени инерционно и не успевает за колебаниями первого. Это понятно, поскольку для изменения предложения требуется время для создания дополнительных производственных мощностей. На данном временном отрезке повышение спроса ведет к росту цен. Предприниматель в этих условиях получает временный дополнительный доход («квазиренд», по определению Маршалла), который представляет собой разницу между новой, более высокой ценой товара и издержками производства. Однако квазиренд носит временный характер, поскольку высокий дополнительный доход привлекает новых товаропроизводителей, в силу чего предложение увеличивается, цена падает и в долгосрочном периоде квазиренда исчезает.

Следует отметить, что в «Принципах политической экономии» Маршалл анализирует стихийное регулирование цен в условиях свободной конкуренции. Однако уже в период написания работы происходило быстрое развитие производственных монополий, и автор, естественно, не мог обойти вниманием проблему монополии и ее влияния на процессы ценообразования.

В данном вопросе Маршалл опирался на теоретическое наследие французского экономиста *А. Курно (1801–1877)*, который еще в 1838 г. в работе «Исследование математических принципов богатства» исследовал проблему установления цен в условиях монополий. Курно с помощью математической модели рассмотрел ценообразование для случая, когда одна фирма концентрирует производство и предложение какого-либо товара и показал, что подобная фирма устанавливает цену значительно выше той, которая, при тех же условиях производства, установилась бы при наличии конкурентов. Превышение монопольной цены над конкурентной Курно объяснил тем, что

повышение первой цены встречает только единственное ограничение в виде спроса, в то время как повышение второй цены имеет и другое ограничение в виде политики цен конкурентов.

Маршалл также допускает, что монополия будет ограничивать объем производства товара, ища такой объем при определенном уровне цены, который обеспечит ей максимальное расхождение между валовой выручкой и валовыми издержками*. Монополист потеряет весь свой монопольный доход, если будет производить такое большое количество, при котором его цена предложения будет равняться цене спроса; количество, которое обеспечит максимальный монопольный доход, всегда значительно меньше этого. Однако Маршалл рассматривает монополию как частный случай на общем фоне неограниченной конкуренции, закономерности ценообразования в условиях которой остаются господствующими. Другими словами, теория Маршалла – это теория цен в конкурентных условиях.

Говоря о других аспектах теории ценообразования Маршалла, важно упомянуть о термине «рента потребителя», который Маршалл ввел в свою теорию спроса. Эта рента представляет собой избыток общей полезности покупаемых товаров над фактически заплаченной за них суммой денег, т. е. разницей между тем, что готовы заплатить покупатели, и фактической ценой товара. Маршалл определил этот род потребительского излишка как «...излишек сверх цены, уплачиваемый потребителем в действительности, который он скорее уплатит, чем останется без данной вещи». Маршалл приводит следующий пример: коробок спичек стоит 1 пенс, но для курильщика он столь дорог, что за удовольствие закурить немедленно он готов заплатить значительно дороже. Разница между тем, что готов заплатить курильщик за спички, и тем пенсом, который он действительно платит, и есть, по мнению Маршалла, выигрыш, или рента потребителя.

Маршалл формулирует не только закон убывающей предельной полезности, но и закон убывающей предельной производительности, рассматривая его в качестве теории спроса на факторы производства, в частности утверждая, что заработная плата имеет тенденцию быть равной чистому продукту труда**. В то же время, отдавая дань классической политической экономии, он пишет, что одновременно заработной плате присуща тенденция нахо-

*

** Маршалл и здесь выступает последователем А. Курно, который, записав валовую выручку как произведение объема спроса на цену товара, где спрос является в свою очередь функцией цены, дифференцирует эту функцию и ищет ее максимум, исходя из предположения, что всякий товаропроизводитель, являясь «экономическим человеком», стремится максимизировать свой доход. Отсюда путем преобразований Курно находит цену, соответствующую максимуму валовой выручки.

даться в тесном, хотя и весьма сложном соотношении с издержками воспроизводства, обучения и содержания производительных работников.

Что касается предложения труда, то здесь Маршалл разделяет концепцию У. Джевонса (1835–1882), которого считают основоположником английского варианта теории предельной полезности*. Суть концепции Джевонса в том, что человеческие усилия обладают положительной ценностью, и труд будет предлагаться до тех пор, пока человек ощущает превышение удовлетворенности над неудовлетворенностью. Именно тяготы труда, по мнению как Джевонса, так и Маршалла, управляют предложением производственных усилий.

Интересно отметить, что Маршалл распространяет действие второго закона Госсена на процесс производства, где распределение инвестиций между альтернативными возможностями он рассматривает как иллюстрацию равенства отношений предельных полезностей к ценам.

В целом работа Маршалла внесла значительный вклад не только в разработку теории цены равновесия, но также в исследование теории процента, прибыли и ренты. В частности, прибыль Маршалл приписывает четвертому фактору производства – организации, и включает ее в нормальную цену предложения, в отличие от квазиаренды. В теории процента он рассматривает его со стороны спроса и предложения капитала, где ставка процента со стороны предложения капитала зависит от предпочтения настоящих благ будущим, а со стороны спроса на капитал – от его производительности**.

* Более подробно этот вопрос разработан Дж. Кларком.

** В этом вопросе взгляды Маршалла формируются под значительным влиянием теории процента Бем-Баверка.

11. КРИЗИС ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Кризис феодально-крепостнической системы – это прогрессивный по своему направлению процесс перехода от феодально-крепостнической системы к капитализму в России. В недрах феодально-крепостнического хозяйства рождается капиталистическое, но свободному развитию капиталистических отношений препятствует феодальная оболочка, крепостническая система. Происходит борьба между во многом уже капиталистическим содержанием экономики и феодально-крепостнической формой, которая кончается победой капитализма.

Крепостное право в России было отменено в феврале 1861 г. Но это совсем не значит, что, подписывая манифест, царь отменил феодализм и ввел капитализм. Крепостное право было лишь главной надстройкой феодализма, а не всем феодализмом. К моменту реформы в стране существовала уже довольно развитая капиталистическая экономика.

Но если бы дело исчерпывалось прогрессивным поступательным движением, слово «кризис» было бы неуместным. Кризисом было столкновение двух систем. Тормозя развитие буржуазных элементов в хозяйстве, феодальная оболочка тормозила развитие всего хозяйства страны.

11.1. Кризис феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве

В чем заключался кризис феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве? В том, что активная часть помещиков втягивается в рыночные отношения и старается превратить свои имения в крупные товарные, т. е. капиталистические хозяйства. Такие помещики, в сущности, выступают как предприниматели, но их предпринимательской деятельности препятствует феодально-крепостническая система. Как это происходит?

1. С 20-х гг. XIX в. в России растут сельскохозяйственные общества, появляется обширная агрономическая литература. Все новое в сельском хозяйстве, что возникает за границей, в России обсуждается и пропагандируется. Здесь испытываются все новинки европейской сельскохозяйственной техники. В ряде городов проводятся сельскохозяйственные выставки.

Некоторые помещики вводят научные севообороты, разводят породистый скот, устраивают в имениях мастерские по изготовлению машин. В тамбовском имении помещика Гагарина действовала паровая машина, которая молотила, веяла и сортировала по 200 копен пшеницы в день.

Но новая техника оставалась делом энтузиастов и модной темой разговоров. Один помещик писал: «Если весь хлеб обмолотится с осени, то что же будут делать крестьяне и их жены зимой? Молотильная машина стоит денег, требует ремонта и содержания лошадей, а работа крестьян ничего не стоит.» Именно то обстоятельство, что труд крепостных ничего не стоил помещику, и делало невыгодным применение машин.

2. Сельское хозяйство из натурального, каким ему положено быть при «чистом» феодализме, становится все более товарным. В середине XIX в. товарность земледелия достигла 18%.

Но рост товарности означал увеличение ренты. При натуральном хозяйстве рента была ограничена естественными пределами потребления феодала и его челяди. А для продажи требовалось больше продукции: теперь дополнительная продукция давала деньги, и помещики настолько увеличивают эксплуатацию крестьян, что выводят ее за рамки феодализма.

На черноземном Юге барщина иногда увеличивается настолько, что не оставляет крестьянину времени для работы в своем хозяйстве. Тогда помещик переводит крестьян на «месячину», т. е. принимает на себя их содержание, выдавая ежемесячно продовольствие. Поскольку крестьянин в этом случае уже не ведет своего хозяйства, такая эксплуатация уже не может считаться феодальной: Это уродливая, смешанная полуфеодалная – полукапиталистическая форма.

В нечерноземной полосе; где преобладал оброк, помещики его тоже увеличивали. За первую половину XIX в. средний размер оброка вырос в 2–3 раза. Такой рост крестьянское хозяйство обеспечить не могло. И теперь все чаще крестьяне занимались промыслами, нанимались на промышленные предприятия, и оброк платили не столько из доходов от сельского хозяйства, сколько из неземледельческого заработка. Но вычет из промышленного заработка не может считаться феодальной рентой.

Однако такое усиление эксплуатации крестьян феодальными методами не давало помещикам нужного экономического эффекта. Крепостной труд на барщине имел низкую производительность. Как писал один помещик, на барщине «крестьянин выходит на работу как можно позже, работает как можно меньше и отдыхает как можно больше».

«Барщина, – писал другой помещик, – отнимающая возможность у бедного выйти из бедности, у зажиточного разбогатеть, у человека, одаренного

каким-либо талантом – развить этот талант, действует на всех крестьян подобно медленному яду, убивающему тело и душу».

По подсчетам статистиков того времени, наемный труд в сельском хозяйстве был в 6 раз производительнее крепостного.

Оброк тоже не стимулировал развития сельского хозяйства. Крестьянин знал, что с увеличением его доходов помещик увеличит оброк и дополнительный доход будет снимать оброком.

В старых центрах крепостного хозяйства посевные площади уже не растут, запашка не увеличивается. Ее рост почти прекратился в начале XIX в. Не увеличивается и урожайность. В середине XIX в. средний урожай по европейской части России составлял «сам-3,6». Учащаются неурожайные годы. Статистик Словцов насчитывал для первой половины XIX в. 39 неурожайных лет.

В результате помещики все чаще закладывали свои земли, жалуясь на разорение. Перед ликвидацией крепостного права было заложено уже 66% помещичьих земель.

3. Видя недостатки барщины и оброка, помещики все чаще начинали применять наемный труд. Особенно широко он использовался в причерноморских степях, где помещики увеличивали товарное производство пшеницы. Своих крепостных им для этого не хватало, поэтому приходилось прибегать к найму со стороны. К тому же у некоторых помещиков там вообще не было крепостных. В этих степях, еще недавно присоединенных к России, можно было купить землю, но без крепостных. Крепостных можно было лишь купить «на вывод» из других губерний. Почему Чичикова называли «херсонским помещиком»? Потому что он якобы покупал души для заселения купленного под Херсоном имения. Но покупать «на вывод» и переселять в степи крестьян было, конечно, довольно сложно. Приходилось нанимать. И ко времени жатвы туда тянулись сотни тысяч крестьян с косами наниматься для уборки урожая.

Наем теперь был постоянным явлением и в других губерниях, причем часто приобретал уродливые полуфеодальные формы. Например, теперь зажиточные крестьяне уже сами не ходили на барщину, а нанимали бедных соседей. Широко практиковалась такая форма: помещик брал с крепостных оброк деньгами, а на эти деньги нанимал их же в качестве наемных рабочих. Эта, казалось бы, абсурдная форма все же создавала некоторую материальную заинтересованность крестьян.

Рост наемного труда тормозил недостаток наемных рабочих в условиях крепостничества. Поэтому и рождались такие смешанные формы найма.

4. Развитие товарно-денежных отношений подрывало монополию дворян на землю. Если прежде иметь землю в собственности могли только дво-

ряне, то теперь было разрешено землевладение не дворян. С 1801 г. была разрешена свободная торговля землей без крепостных. Земли разорвавшихся помещиков начали скупать представители других сословий. Но даже и теперь помещичья земля еще не стала товаром. Купец не мог купить имение у помещика – там были крепостные. И поэтому земля без крепостных в это время стоила намного дороже, чем с крепостными.

И все же в России возникли районы, где установилась капиталистическая организация сельского хозяйства, где почти не было помещичьих имений – Южное Поволжье и Юго-запад. Вместо помещичьих хозяйств здесь были крупные капиталистические фермы, специализированные овцеводческие, зерновые, свеклосахарные хозяйства, использующие наемный труд. Впрочем, значительная часть этих фермеров прибыла из-за границы – это были немцы, греки, болгары.

В таких явлениях, как рождение новой техники, рост товарности, наемный труд, помещичье землевладение – и выражался прогресс в сельском хозяйстве. Но их развитие тормозила феодально-крепостническая система, и поэтому прогрессивные явления получали уродливую полуфеодальную форму.

Таким образом, главные изменения в сельском хозяйстве, которые составляли содержание кризиса феодально-крепостнической системы, происходили в помещичьем хозяйстве. Можно ли считать помещика предпринимателем? Очевидно, в случае классического феодализма, когда феодал не вел своего хозяйства, а лишь брал оброк с крестьян, он не являлся предпринимателем. Но если он вел товарное хозяйство, например, занимался производством пшеницы на продажу, мы должны его признать предпринимателем. Он организовывал производство, определял севообороты, распределял рабочую силу, сбывал продукцию. И в этом случае он старался выйти за рамки крепостничества, применяя наемный труд и передовую агротехнику. Стараясь повысить доходность своего хозяйства, такие помещики заводили в имениях и промышленные предприятия. Итак, барщинное хозяйство – это крупное товарное производство, которое имело тенденцию превращаться в капиталистическое через «прусский путь» развития капитализма в сельском хозяйстве.

Зато оброчные имения способствовали развитию капитализма в промышленности. Помещик, отпуская крестьян на оброк, толкал их к найму на промышленные предприятия. Известно, что помещики приветствовали появление промышленных заведений по соседству с имением и даже предоставляли для этого землю в самом имении. Таким образом, если при барщине помещик сам выступал в качестве предпринимателя, то при оброке увеличивал рынок рабочей силы для других предпринимателей.

Крепостничество замораживало традиционную феодальную структуру общества: подавляющая часть населения составляли крестьяне, которые вели натуральное хозяйство, что крайне ограничивало рынок для промышленности.

Таким образом, все процессы, которые в это время происходили в сельском хозяйстве, сводились к прорывам крепостнической системы в рыночные отношения, в капиталистическое предпринимательство,

В этих условиях самая дальновидная часть дворянства начинает понимать, что крепостное право губительно для страны. Наиболее радикально выступили против крепостничества дворянские революционеры-декабристы. Но не только они. Читая журналы 30–40-х гг., получаешь впечатление, что необходимость ликвидации крепостного права была очевидна для всех – об этом все писали открыто.

Уже в первые годы XIX в. в письменных столах крупнейших сановников России лежали заготовленные проекты ликвидации крепостного права. Все ждали лишь сигнала со стороны царя, чтобы представить эти проекты на конкурс. Свой проект был даже у такого реакционера, как Аракчеев. Правда, Аракчеев составил свой проект не по собственной инициативе, а по предписанию императора.

11.2. Кризис крепостной промышленности

В промышленности противоречия феодально-крепостнической системы проявлялись сильнее, чем в сельском хозяйстве, потому что уже мануфактура, которая заняла господствующее положение в XVIII в., – это капиталистическая стадия производства, которая не соответствовала феодальным производственным отношениям.

А в первой половине XIX в. в России начинается промышленный переворот. Увеличивается импорт машин. Если в начале столетия в Россию ввозилось машин на 80 тыс. руб. в год, то в 50-х гг. – на 8 млн. Импорт машин за полстолетия увеличился в 100 раз. Но если машины ввозились, то, очевидно, они и использовались. Развивается и собственное машиностроение. В 1860 г. в одном только Петербурге действовало 15 машиностроительных предприятий.

Машины действовали, но не вытесняли ручного труда. Цепной реакции переворота не происходило. Промышленный переворот тормозила феодально-крепостническая система, и закончиться он мог только после ликвидации крепостного права.

В XVIIIв. наша промышленность приспособилась к условиям крепостничества и приобрела форму крепостной мануфактуры, что и обеспечило ее успешное развитие, но теперь, в первой половине XIX в., по той же причине приспособленности к крепостничеству она испытывает застой, депрессию. На Западе заканчивался промышленный переворот, продукция российской крепостной мануфактуры оказывалась намного дороже западных фабрик, и Россию вытесняют с мировых рынков.

Каким образом крепостничество тормозило промышленный переворот и развитие промышленности?

1. Производительность крепостного труда была намного ниже производительности наемного. По подсчетам статистиков того времени, наемный рабочий в разных отраслях промышленности давал в 2, 3 и в 4 раза больше продукции, чем крепостной. Это должно было стимулировать внедрение машин, потому что машина не только повышает производительность труда, но и подчиняет рабочего своему темпу. При машинном производстве скорость процесса определяет машина, а не рабочий.

Но крепостной труд делал невыгодным применение машин. Ставя машину, заменяющую сколько-то рабочих, заводчик не мог их уволить, потому что они были его собственностью. Поэтому машина не сокращала, а увеличивала производственные затраты, а следовательно, и стоимость продукции.

2. Крепостное право заставляло хозяина содержать (за счет производства) безработных, т. е. резервная армия труда была не за воротами предприятия, а на его содержании. Заработная плата крепостных рабочих состояла из двух частей: 1) денежная, «задельная», плата, которая выдавалась только работающим за выполненную работу; 2) «провиант», т. е. бесплатный паек, который выдавался всем членам семей рабочих, числившихся на предприятии, в том числе и семей безработных. Так, на казенных и посессионных заводах каждому взрослому полагалось в месяц по 2 пуда муки, ребенку или подростку – по 1 пуду.

А между тем число крепостных рабочих постепенно увеличивалось путем естественного прироста. На уральских горных заводах к середине XIX в. уже до трети рабочих оказались лишними, безработными, «пустыми хлебоедами», как называли их заводчики. Эти не занятые в производстве рабочие занимались своими промыслами и торговлей. Поэтому уральские заводы стали центрами сундучных, подносных и иных промыслов.

Некоторые заводчики пытались перевести лишних мастеровых в крестьяне, посадить на землю, но безуспешно: мастеровые (т. е. квалифицированные рабочие) считали свое положение выше положения крестьян и заявляли, что не умеют заниматься хлебопашеством. Когда заводчик Лазарев, хозяин четырех уральских заводов, в начале XIX в. попытался посадить лиш-

них мастеровых на землю, они подняли бунт, и попытку пришлось оставить. После этого было решено уговорить их это сделать добровольно. По заводам, при которых было несколько тысяч мастеровых, было объявлено, что согласившимся переселиться в деревню будет дана крупная денежная сумма, им помогут обзавестись хозяйством и на несколько лет освободят от повинностей. Уговаривали 10 лет. В результате нашелся один желающий переселиться в деревню, но лишь в качестве деревенского кузнеца.

В особенно тяжелом положении оказались посессионные предприятия. Согласно закону хозяин такого предприятия не имел права увольнять рабочих. В XIX в. владельцы посессионных мануфактур поднимают дружный вопль – просят их освободить от посессионных рабочих. Правительство идет навстречу – в 1840 г. специальным указом разрешает увольнять рабочих «в свободное состояние». В ближайшие годы в легкой промышленности посессионных предприятий уже не осталось. Они сохранились лишь в горной промышленности Урала.

3. Крепостничество тормозило развитие в той части промышленности, в которой крепостной труд не использовался. Оно повышало стоимость рабочей силы. Свободных рабочих не хватало. Основной контингент наемных составляли оброчные крестьяне, но они могли быть только сезонными неквалифицированными рабочими.

Крепостничество сужало внутренний рынок. Подавляющую массу населения составляли прикрепленные к земле крестьяне, которые вели натуральное хозяйство и почти не покупали промышленных изделий. Они сами ткали полотно и готовили из него одежду. Они мало покупали железных изделий: деревенские кузнецы перековывали сломанные изделия на новые.

Итак, крепостничество затормозило развитие российской промышленности. Европейские страны, где заканчивался промышленный переворот, обгоняют Россию, оставляя ее на одном из последних мест. Но в разных отраслях кризис феодально-крепостнической системы проявлялся в разной степени.

Горно-металлургическая промышленность. За период с 1800 по 1860 г. выплавка чугуна в России выросла с 10 до

18 млн пудов, т. е. на 80%. Если в XVIII в. российская металлургия занимала первое место в мире, то к началу XIX в. ее догнала Англия, а к 1860 г. Россия по выплавке чугуна занимала лишь 8-е место, выплавляя металла в 13 раз меньше, чем Англия. Основной причиной этого было господство крепостного труда.

Горные заводы Урала было невозможно обеспечить наемным трудом. Если текстильная промышленность располагалась в густонаселенных губерниях, где крестьяне нанимались к промышленникам, чтобы заплатить оброк,

то металлургия развивалась там, где была руда. 80% российской металлургии было сосредоточено на Урале, где земли было много, почти не было помещиков, и крестьян ничто не заставляло наниматься в рабочие. Да и не годились эти крестьяне для заводской работы. Работа в цехах металлургического завода требовала выучки с детских лет, и сезонные рабочие не могли выполнять эту работу. Поэтому в отрасли и сохранилось господство крепостного труда.

Вторая причина застоя – то, что отрасль находилась под особым контролем и покровительством государства. Здесь было много казенных заводов, а из частных преобладали посессионные, которые подчинялись государственному регулированию. От конкуренции с границей защищали высокие пошлины, которые были вдвое выше цен на металл. Если предприятие оказывалось нерентабельным, терпело убытки, государство поддерживало его субсидиями. Академик Безобразов, который занимался вопросами экономики горнозаводского хозяйства, считал это главным злом. «Систематическая правительственная поддержка несостоятельных заводов развратила этот промысел», – писал он.

Поэтому и состав уральских заводчиков был особым. Первых заводчиков, предприимчивых людей сменили их потомки, для которых заводы были лишь источником доходов, т. е. типичным феодальным владением. Анатолий Демидов, потомок первого частного горнозаводчика, родился в Италии, русского языка не знал, и секретарь переводил ему на французский донесения с заводов. Он считался покровителем искусств и гордился тем, что по его заказу Брюллов написал «Последний день Помпеи». Павел Строганов участвовал во Французской революции, причем был даже членом клуба якобинцев, среди которых был известен как Поль Очер (от принадлежащего ему Очерского завода). Потом он остепенился, но жил все-таки за границей и в Петербурге и хозяйством заводов не занимался. Поэтому управление заводов оказывалось в руках приказчиков. На заводах процветали воровство, взяточничество, приписки.

Но даже в этой крепостной отрасли начинался переход к капиталистической организации производства. XIX век в металлургии начался со спада. К 1815 г. производство сократилось на 20% по сравнению с уровнем начала столетия, а потом, к 30-м гг., восстановилось до этого уровня. Причиной было сокращение экспорта металла в два раза в связи с завершением промышленной революции в Англии. Англия теперь покупала меньше русского металла, а внутренний рынок не мог поглотить его возросшую массу, и цены на него упали. Пуд полосового железа, который к началу спада стоил 1 руб. 20 коп., теперь продавался за 50 коп.

С падением цен пришлось сокращать затраты, снижать себестоимость продукции. Возможным оказалось сократить затраты на заготовку угля и руды. Эти вспомогательные работы выполняли заводские крестьяне или

сельские работники, которые жили в основном за счет своих хозяйств, и им можно было сократить плату. А зарплату мастеровым, работавшим в цехах завода, сократить было нельзя: у них не было иных источников существования. Некоторые заводчики совсем перестали платить за вспомогательные работы, превращая их в обычную барщину. Другие при сокращении производства освобождали часть крестьян от работ, заменяя эти работы оброком. А за счет этого оброка погашались затраты на заготовку угля и руды остальными крестьянами.

Такие затраты было легче снижать заводчикам, у которых при заводах было много заводских крестьян, т. е. большие сельские вотчины. А в наилучшем положении оказывались те, у которых не было этих феодальных резервов производства, у которых и вспомогательные работы выполняли мастеровые. Таким образом, первая перестройка в XIX в. происходила еще на феодальной основе.

Совсем иной характер имела следующая перестройка – в 40–50-х гг. В это время металлургическое производство росло, и практически весь прирост за 60 лет с начала века происходил за эти 20 лет. В эти десятилетия резко увеличился спрос на металл: нарастали капиталистические явления в стране, строились пароходы и разнообразные машины. Чтобы использовать благоприятную конъюнктуру, надо было расширять производство. Но увеличивать численность крепостных горнорабочих было невозможно. Следовательно, надо было повысить производительность труда. А это можно было сделать двумя путями – совершенствуя технику и используя экономическое стимулирование.

В железоделательных цехах происходит переход к пудлингованию при переработке чугуна в железо. В Англии эта технология стала частью промышленного переворота, потому что при этом древесный уголь заменялся каменным, что существенно снижало стоимость продукции. Но на Урале каменного угля не было, а леса пока было достаточно. Пудлингование велось на том же древесном угле, и стоимость железа не понижалась, лишь увеличивалась производительность труда в железоделательных цехах.

А на вспомогательных работах в эти годы происходит переход к наемному труду. Нанимали тех же крепостных заводских крестьян, менялась лишь форма оплаты их труда. Обычно их переводили на оброк, который можно было отработать, нанимаясь на прежние работы, а можно было и заплатить деньгами. Феодальная рента при этом отделялась от капиталистического найма, а это порождало материальную заинтересованность работника в результатах своего труда. Стали широко практиковаться и подряды, причем в качестве подрядчиков выступали наиболее предприимчивые из тех же заводских крестьян.

Таким образом, перестройка 40–60-х гг. имела уже капиталистическое содержание: заводы перестраивались на капиталистический лад, насколько это допускали крепостнические отношения.

Хлопчатобумажная промышленность. Как известно, «самой капиталистической» в России того времени была хлопчатобумажная промышленность. Именно с этой отрасли и начался в стране промышленный переворот. Первая российская фабрика, Александровская казенная хлопкопрядильная мануфактура, начала действовать в первые годы XIX в., а к середине века переворот в хлопкопрядильном производстве был завершен. Производство хлопчатобумажных тканей с 1800 по 1860 г. выросло в 39 раз, а потребление хлопка – в 66 раз. Это несоответствие объяснялось тем, что больше половины тканей производилось не на фабриках и мануфактурах, продукция которых статистически учитывалась, а в крестьянских промыслах, причем крестьяне использовали преимущественно покупную дешевую фабричную пряжу. Если в начале века Россия импортировала половину потребляемых тканей, то уже в 30-х гг. доля импорта сократилась до 5%, т. е. внутренний рынок был уже насыщен отечественной продукцией.

Дело в том, что в хлопчатобумажной промышленности крепостной труд почти не применялся. Эта отрасль стала развиваться тогда, когда уже было запрещено основание новых посессионных мануфактур, поэтому купцы-промышленники могли использовать только наемный труд. А помещики хлопчатобумажных заведений не заводили: эта отрасль перерабатывала импортное сырье, а не сырье помещичьих имений, а к тому же она не работала на казну, поэтому никаких привилегий не давала. Наемный труд и работа на широкий народный рынок и ускорили развитие этой отрасли.

Совсем иначе развивалась старая **льняная промышленность**. В середине века Россия давала 64% всего льна, поступавшего на мировой рынок. Казалось бы, имея такое неограниченное количество дешевого сырья, льняная промышленность должна была развиваться особенно успешно. В действительности с 1800 по 1860 г. предприятия льняной промышленности увеличили выпуск тканей только на 50%. На душу населения они производили только 0,5 аршина тканей. Но больше половины продукции льняных мануфактур тоже шло на экспорт, а из оставшейся части значительную долю забирала казна: ткани нужны были для парусов, для белья солдат и матросов. Так что для рынка оставалось совсем немного тканей.

Между тем россияне ходили в основном в полотняной одежде. Дело в том, что в этой отрасли подавляющую массу продукции давали крестьянские промыслы и домашняя крестьянская промышленность, которые не поддавались статистическому учету.

Шерстяная промышленность к началу века была помещичьей отраслью с преобладанием крепостного труда, причем производила только армейское сукно, обслуживая казенные потребности. За 1800–1860 гг. производство шерстяных тканей выросло в 13 раз. Чем объяснялся такой рост помещичьей отрасли? Тем, что она перестала быть помещичьей. Когда тканей стали производить больше, чем требовалось для армии, пришлось менять ассортимент продукции. Армейское сукно не годилось для рынка. Рынок предъявлял спрос на дешевые и тонкие камвольные ткани. Но для этих тканей не годилась грубая шерсть российских овец. Для них была нужна импортная «гребенная» пряжа из шерсти мериносовых овец, причем эта пряжа производилась только на фабриках.

Для помещиков это было слишком сложно. Они продолжали изготавливать армейское сукно, а новые ткани на рынок стали выпускать купеческие предприятия в городах. Для купцов было легче заниматься импортом сырья, а потом они организовали мериносовое овцеводство на юге страны, стали строить фабрики по производству гребенной пряжи (первым стал выпускать такую пряжу Тучков на своей фабрике в 1845 г.). Таким образом, развитие капитализма в шерстяной промышленности происходило путем увеличения удельного веса купеческих предприятий.

Предприятия помещиков. Хотя В. И. Ленин называл уральских заводчиков «и помещиками, и заводчиками», предприятия помещиков отличались принципиально от горных заводов Урала. Для заводчиков главным были заводы, а земельные владения должны были обеспечивать заводы ресурсами. У помещиков мануфактуры были придатком к сельск им имениям, способом более рационально использовать ресурсы имений. Промышленное предпринимательство помещиков стало обычным явлением в первой половине XIX в., и в руках помещиков оказывались целые отрасли промышленности – свеклосахарная, стекольная, бумажная.

Свеклосахарная промышленность в России, так же, как во Франции и Германии, стала развиваться в результате континентальной блокады. Английский сахар из тростника перестал поступать на континент, и в континентальных странах научились готовить сахар из свеклы. Свеклосахарные заводы в России начали действовать в первом десятилетии XIX в., но до 30-х гг. это производство топталось на одном уровне – 1–2 тыс. пудов песка в год. Дело в том, что вначале заводы вместе с посевами сахарной свеклы основывались помещиками центральных губерний, в том числе даже Московской. Сахарная свекла здесь росла, но содержала очень мало сахара.

Бурный рост свеклосахарного производства начинается в 30-х гг., и в 50-х гг. 400 свеклосахарных заводов производили 1,5 млн пудов песка. Чем это было вызвано? Во-первых, перемещением сахарной промышленности на

Украину. В 1860 г. Украина дала 80% свекловичного сахара. Природные условия для выращивания сахарной свеклы здесь были гораздо лучше, а возможностей другими способами повысить доходность имений – меньше. Если помещики промышленного центра отпускали крестьян на оброк и брали дань с их промышленного заработка, то на Украине промышленных предприятий было мало, да и промыслы были развиты слабо. Правда, можно было выращивать пшеницу на продажу, но, как подсчитали помещики, площадь, засеянная свеклой, давала вдвое больший доход, чем площадь, засеянная пшеницей.

Во-вторых, развитие производства ускорил технический переворот в отрасли. Первые заводы были «огневыми»: свекловичный сок выжимался прессами с ручным или конным приводом и выпаривался на прямом огне в открытых котлах. В 40-х гг. начинается переход к «паровым» сахароварням – здесь сок выпаривался в закрытых аппаратах и действовали паровые гидравлические прессы.

Мощность парового завода превышала возможности среднего имения: он перерабатывал больше свеклы, и ее приходилось закупать у других помещиков. Зато и прибыль от реализации продукции превышала доходность имения. Теперь имение становилось придатком к заводу, а помещик – промышленником.

Поскольку отрасль была в руках помещиков, она находилась под покровительством государства. Пошлины на ввоз сахарного песка удваивали его цену. Поэтому и прибыль сахарозаводчиков была очень высокой – 50–60% на капитал. Накануне ликвидации крепостного права в России производилось сахара в пять раз больше, чем в Австро-Венгрии, в три раза больше, чем в Таможенном союзе [т. е. Германии].

Развитие помещичьего *стекольного производства* было вызвано тем, что нуждавшиеся в деньгах помещики стремились превратить в деньги находившийся в имениях лес. Продать его не всегда было можно, если рядом не было сплавной реки. Гораздо выгоднее было развивать топливоемкое стекольное производство. Основное сырье для него – речной песок – можно было найти почти везде.

И эта отрасль находилась в привилегированном положении. В первой половине XIX в. ввоз стекла в Россию был запрещен, а в дальнейшем он облагался очень высокой пошлиной. Норма прибыли в отрасли доходила до 50–60%.

В этой отрасли происходило сближение купцов и помещиков. Крупнейшие стекольные заводчики Мальцовы были из купцов, но для стекольного производства скупали имения с лесами, а затем получили дворянское звание. За полвека стекольное производство выросло в 6,2 раза.

Преимущественно помещичьей отраслью было и **бумажное производство**. Построить «бумажную мельницу» можно было только на реке с чистой водой, а подходящие места в центральных губерниях были, как правило, в собственности помещиков. Правда, закупать сырье – тряпичную массу – было сподручней купцам. Поэтому купец и помещик здесь чаще всего выступали в союзе: купец арендовал или землю для мануфактуры у помещика, или уже готовое предприятие с крепостными рабочими.

Если за первые 30 лет XIX в. производство бумаги в России выросло на 60%, то за следующие 30 лет – в 3,3 раза. Причиной было резкое увеличение спроса на бумагу. Если прежде потребителями были казенные канцелярии и дворянство, то теперь к ним добавились разночинцы и значительная часть горожан. Росло число типографий, появилось много журналов, газет, издательств.

Но помещики не могли воспользоваться в полной мере этой благоприятной конъюнктурой: крепостной труд не позволял увеличивать масштабы производства и к тому же тормозил технический прогресс. Благоприятной конъюнктурой воспользовались купцы. Расширяя производство, они вводили новую технику – в отрасли начался промышленный переворот. В 1850 г. из 158 бумажных предприятий «механическими», т. е. предприятиями фабричного типа, были только 29, но они производили уже половину всей бумаги. Увеличение производства в последние десятилетия перед ликвидацией крепостного права происходило за счет новых купеческих предприятий.

Бумажное производство отставало от ведущих капиталистических стран не столь значительно, как другие отрасли. В 50-х гг. в России производилось бумаги лишь на 30% меньше, чем во Франции. Россия была очень читающей и пишущей страной!

Высокая норма прибыли и связанные с ней успехи помещичьих отраслей обеспечивались не только покровительственной политикой государства, но и использованием крепостного труда и даровых для помещика ресурсов имения. А это значит, что в состав прибыли помещиков-предпринимателей входила и феодальная рента.

Кустарные промыслы. Еще один путь генезиса капитализма в промышленности России крепостного периода – рождение капиталистических предприятий на базе кустарных промыслов.

Мы рассматривали пока только «цензовую» промышленность, т. е. промышленность, которая была оформлена в доступные регистрации «заведения» и поэтому официально учитывалась. Но подавляющая часть промышленности крепостного периода оставалась на стадиях ремесла и промыслов, т. е. мелкого семейного производства. В России не было заведений по производству обуви, одежды, мебели, саней, телег и большинства товаров народ-

ного потребления. Ценовая промышленность представляла лишь верхушку айсберга, состоявшего из мелкого семейного производства.

Большинство ценовых отраслей не родилось на русской почве, а было «внедрено» в хозяйство России с заимствованием иностранной технологии, причем сразу в виде крупных «ценовых» предприятий. У нас не было стекольных, бумажных или сахарных промыслов. Такие отрасли, которые в Россию пришли извне и рождались сразу в виде «ценовых» предприятий, мы будем условно называть «привнесенными».

Но другие отрасли, которые мы будем называть «традиционными», существовали на Руси издавна в виде ремесла и промыслов. К их числу относились, например, кожевенное, мыловаренное, столярное производства, производство металлических изделий (например, замков и ножей).

Казалось бы, традиционные отрасли, которые базировались на отечественном сырье и накопленном веками опыте, имели больше возможностей для развития, чем привнесенные. Конечно, на базе мелкого семейного производства со временем выделялись относительно крупные предприятия ценового уровня, но этот процесс шел крайне медленно, и ко времени ликвидации крепостного права традиционные отрасли оставались преимущественно на уровне мелкого семейного производства. Почему?

Развитие привнесенных отраслей началось не с самого начала, а с предприятий, которые по своему уровню были уже капиталистическими, даже если и использовали крепостной труд. Здесь сразу начиналась конкуренция, ускорявшая развитие.

Традиционные же отрасли были консервативными, скованными определенными традициями. Приемы технологии передавались от отца к сыну. Рынок был уже насыщен, установилось равновесие между спросом и предложением.

До промышленного переворота, при ручной технике крупное предприятие не имело преимуществ перед мелким. На крупном предприятии добавлялись расходы на управление, на содержание помещения, на заготовку сырья и сбыт продукции, а производительность труда была такая же. Мелкое производство оказывалось более экономичным, более приспособленным к рынку. Перелом наступал только тогда, когда появлялась более совершенная техника, требовавшая больших капиталовложений.

И все же путем выделения капиталистических предприятий из кустарных промыслов рождался капитализм в кожевенной, мыловаренной, свечной и некоторых других отраслях. В 50-х гг. в «ведомостях» ценовой промышленности появляется много новых отраслей, которые прежде не учитывались, «Расторопный ярославский мужик» делал экипажи уже в XVIII в., но только теперь появились крупные экипажные заведения, которые стали включать в

«ведомости». Изготовлением конской упряжи со времен Киевской Руси занимались шорники, но только теперь появились шорные заведения. Возникли в это время также мебельные, пряничные и другие предприятия. Но они пока насчитывались единицами. Подавляющая часть продукции традиционных отраслей по-прежнему изготавливалась в ремесле и промыслах.

Государственное предпринимательство. Государственная, в основном военная, промышленность находилась под воздействием не только крепостничества, но и казенной административной регламентации. Казенные предприятия оставались вне сферы рыночной конкуренции и финансировались за счет государственного бюджета. От них не требовалось быть рентабельными.

Производство стрелкового оружия было сосредоточено на Тульском, Сестрорецком и Ижевском заводе, холодного («белого») – на Златоустовском. Артиллерийское вооружение и боеприпасы готовили Олонецкий и Луганский заводы и в небольшой степени – арсеналы. Общий объем продукции военных заводов за полвека не увеличился: в начале столетия ее производилось на 1,5 млн руб., в 50-х гг. – на 1,9 млн руб.

В то время существовала практика: в мирное время накапливались запасы оружия и боеприпасов, в военное – расходовалось накопленное. И когда военное ведомство считало, что запасов вооружения, накопленных за прежние годы, уже достаточно, оно сокращало военные заказы. Именно так было в 30–40-е гг., когда военные заводы работали в половину своей мощности. Но вооружение, изготовленное в прежние десятилетия, – это устаревшее вооружение. Именно поэтому наши ружья и пушки во время Крымской войны оказались хуже английских и французских и по скорострельности, и по дальности стрельбы.

Аналогичная картина наблюдалась и в развитии военного судостроения. Строившиеся суда были предназначены для замены выходящих из строя. Средний срок службы корабля составлял 12 лет. Накануне Крымской войны в составе Черноморского флота числилось 55 крупных судов, а за последние 12 лет было построено только 24.

В состав военной промышленности входило не только производство вооружения и военных кораблей, но и производство пороха, и казенные горные заводы, основной функцией которых было обеспечение металлом военного производства. Если в начале столетия продукция всей военной промышленности составляла 13,3% промышленной продукции страны, то к концу периода ее доля сократилась до 4,2% – в три раза.

Казенные предприятия были и в других отраслях промышленности. Первые машиностроительные заводы в России были государственными: Адмиралтейский, Ижорский Александровский механический и др. Первая же-

лезная дорога – Николаевская – также была построена государством, Доля казенной промышленности сократилась с 35% от всей промышленности в начале века до 23,5% в 1860 г. А если прибавить сюда посессионные предприятия, то окажется, что вне сферы рыночных отношений оставалась половина промышленности.

За период с 1800 по 1860 г. промышленное производство выросло с 53,8 до 363 млн руб., т. е. в 6,7 раза. При этом производство потребительских товаров увеличилось в 7,9 раза, а те отрасли, которые можно условно отнести к тяжелой промышленности (включая военную), увеличили производство лишь в 4,6 раза. Следует заметить, что именно в тяжелой промышленности господствующие позиции занимало государство.

11.3. Завершение первоначального накопления. Купцы и торгующие крестьяне

Развитие внутренней торговли в России сдерживало примитивное состояние транспорта. Основными его видами были речной (сплавом или бурлаками вверх по реке) и гужевой. Но реками товары можно было переправлять только летом, а сухим путем – зимой. Не только потому, что летом грунтовые дороги становились непроезжими, но и потому что крестьяне, которые занимались извозным промыслом, летом были заняты на полевых работах.

Скорость передвижения грузов была очень мала. Чтобы довести барку с кладью с низовьев Волги до Петербурга, требовалось две навигации. За первое лето суда доходили только до Рыбинска и там зимовали. Поэтому и оборот капитала был замедленным. Товары в дороге намного дорожали.

Но техническая революция на транспорте в России происходила быстрее, чем в промышленности. Если в Англии она заканчивалась транспортом, то в России начиналась с транспорта. Причиной было то, что перевозка грузов была в основном делом купечества, и поэтому транспорт был сферой наемного труда.

В 1813 г. на заводе Берда в Петербурге был построен первый пароход, а к 1860 г. только по Волге и ее притокам ходило 350 пароходов, и основная часть грузов перевозилась паровой тягой.

В 1837 г. начала действовать первая железная дорога – Царскосельская – между Петербургом и Царским Селом. Эта дорога была построена, в сущности, как увеселительный аттракцион для столичной публики, поэтому на паровозе был установлен органчик, игравший популярные мелодии. Но

дорогой заинтересовались и деловые люди, потому что, как писали газеты, выписанные из Англии паровозы «ходили при 18 градусах мороза, в бурю, в дождь и ужасную метель, и кроме пассажиров перевозимы были лошади, овцы, свиньи, строевой, дровяной лес и разные экипажи». До этого существовало представление, что в России железные дороги будут действовать только летом: зимой рельсы утонут в сугробах.

В 40-е гг. строится первая дорога хозяйственного назначения – Николаевская – между Петербургом и Москвой. К моменту ликвидации крепостного права в России действовало 1,5 тыс. км железных дорог (в Англии к этому времени было уже 15 тыс. км).

С развитием транспорта, а, следовательно, и экономических связей, во внутренней торговле России происходят качественные сдвиги.

1. Падает купеческая прибыль. Прежде купечество получало неэквивалентно высокие прибыли из-за слабости торговых связей и гигантской разницы цен в разных городах. Теперь торговые связи становятся все более стабильными, и разница цен постепенно уменьшается. К тому же в процессе имущественного расслоения деревни появляется мощный слой «торгующих крестьян», которые конкурируют с купцами, сбивая цены. И купеческая прибыль падает.

Неэквивалентно высокие прибыли были характерны для периода первоначального накопления, и падение прибыли свидетельствовало, что этот период заканчивался. Теперь для увеличения прибыли надо было включаться в производство. И в первой половине XIX в. купеческие капиталы переливаются в промышленность. В середине века свыше 90% купцов 1-й гильдии, т. е. богатейших купцов, владели промышленными предприятиями.

2. Падает роль ярмарок. В середине столетия через ярмарки проходило меньше 10% внутреннего товарооборота страны. Теперь купец через своих комиссионеров покупает товары на месте производства и доставляет потребителям, минуя ярмарку. Ведь при ярмарочной торговле прибыль делится между двумя купцами: тем, который доставил товар на ярмарку, и тем, который привез его с ярмарки на место потребления. Когда прибыль достигала 50–100% на капитал, ее можно было делить между двумя контрагентами, но когда она упала до 7–9%, это уже теряло смысл.

Правда, крупнейшие ярмарки – Нижегородская (бывшая Макарьевская) и Ирбитская – наращивают обороты. Но теперь это было место, в сущности, где заключались предварительные торговые сделки без товаров. «За одним обедом или чаем, – писал экономист Безобразов о Нижегородской ярмарке, – принимаются важнейшие решения, заключаются миллионные сделки, которых самое выполнение будет вовсе не на ярмарке».

Внешняя торговля по-своему отразила кризис феодально-крепостнической системы. В экспорте резко сократилась доля промышленных товаров (железа, парусины). Третью часть экспорта стал составлять хлеб. Россия господствовала на европейском хлебном рынке. Только в 50-х гг. с ней начинают конкурировать США. Пока в промышленности господствовала мануфактура, продукция, производимая в России дешевым крепостным трудом, легко завоевывала заграничные рынки. Но теперь эта продукция уже не могла конкурировать с фабричной продукцией Запада. А в составе импорта изменения были прогрессивными. Если в XVIII в. ввозились в основном потребительские товары, то теперь на первое место выдвинулся хлопок, на второе – машины, т. е. товары промышленного потребления. Это отражало начавшийся промышленный переворот.

В купеческом сословии в это время происходят серьезные изменения. Его численность сокращается. Если в середине XVIII в. купцы составляли 2,5% податного населения, то в 30-х гг. XIX в. – только 0,5% (и 6% горожан). Причин тому было несколько.

Еще в 1775 г. Екатерина II провела гильдейскую реформу: теперь купцы, которые не имели капитала в 500 руб., переводились в состав мещан, а мещане, имеющие такой капитал, переводились в состав купцов. В начале XIX в. этот капитал, необходимый для вступления в гильдию, был повышен до 8 тыс. руб. Соответственно увеличивалась плата за гильдейское свидетельство, т. е. налог с капитала (свидетельство надо было заново покупать каждый год). Если в 1775 г. за свидетельство надо было платить всего 5 руб., то в начале XIX в. – уже 500 руб.

Таким образом, если в XVIII в. купечество было сословием, купеческое звание передавалось по наследству и половина купцов существовала за счет ремесла или найма, то теперь звание купца, в сущности, покупалось. Это означало, что купечество превращалось из сословия в класс. Повышение налога с капитала «очистило купечество от людей, которые не были предпринимателями».

Произошло и другое изменение в отношении государства к купцам. Если в XVIII в. государство защищает монополию купцов в торговле, ограничивая торговлю крестьян, мещан и промышленников, то теперь происходит обратное. Уже в конце XVIII в. издается указ, чтобы «вновь гостиных домов не строить, и чтоб лавки, нужные для торгов, были в домах». Теперь получили право торговать мещане, крестьяне и промышленники.

Новой группой предпринимателей теперь стали торгующие крестьяне. Торгующие крестьяне – это официально признанная сословная группа, которая, как и купцы, занималась не только торговлей, но и промышленностью. Правительство давало им все больше прав. В 1804 г. была разрешена

мелочная торговля крестьян из лавок, в 1806 г. – и оптовая, а указом 1824 г. крестьянам дозволялось «производить торговлю и промышленность, купечеству предоставленные, но не иначе, как со взятием особых свидетельств». Так же, как купцы делились на три гильдии, торгующие крестьяне делились на три разряда. Каждый разряд давал права купца соответствующей гильдии.

Почему правительство теперь не защищает купцов? Потому что в первую очередь оно стояло на страже интересов помещиков, а помещики были заинтересованы в предпринимательстве крестьян: оброки с торгующих крестьян иногда доходили до нескольких тысяч рублей в год.

Как уже говорилось, торгующие крестьяне занимались и промышленным предпринимательством. В 1825 г. в селе Иванове графа Шереметьева действовало 125 хлопчатобумажных предприятий, и на некоторых было занято до полутора тысяч рабочих. Крепостные фабриканты этого села покупали землю с крепостными и имели до 600–700 собственных крепостных крестьян. Земли с крестьянами покупались на имя графа, и Шереметьев мог в любой момент отобрать их, но зачем ему было резать курицу, которая несет золотые яйца?

Село Иваново не было исключением. Фабрикант ситцев Тучков, табачный фабрикант Жуков начинали дело крепостными, как и текстильный фабрикант Савва Морозов.

Не случайно Рябушинские, Прохоровы, Морозовы и другие фабриканты из крепостных заняли господствующие позиции в промышленности: чтобы выбиться из крепостных, требовались исключительные способности и энергия.

11.4. Ликвидация крепостного права

Непосредственным толчком к ликвидации крепостного права стало поражение России в Крымской войне. Как уже сказано, во время обороны Севастополя наши ружья и пушки оказались хуже иностранных и по скорострельности, и по дальности стрельбы. У России был парусный флот – и его пришлось затопить у входа в севастопольскую гавань, потому что у французов и англичан был паровой флот. Поражение было следствием экономической отсталости, а ликвидировать экономическую отсталость было невозможно без ликвидации крепостного права.

В 1857 г. был создан Секретный комитет по крестьянским делам, который начал готовить реформу. Одновременно литовскому генерал-губернатору Назимову было поручено обсудить с дворянами Литвы вопрос об освобождении крестьян. Вернувшись в Петербург, Назимов сообщил, что

литовские дворяне не только не хотят освобождать крестьян, но даже просят увеличить число барщинных дней. Тогда в ответ литовским дворянам был направлен рескрипт императора. В рескрипте значилось, что царь доволен желанием дворян освободить крестьян и позволяет им образовать комитет для выработки проекта реформы. Одновременно рескрипт был отправлен и по другим губерниям: не пожелают ли помещики этих губерний того же, что и литовские. Но и там большинство помещиков оказалось против освобождения крестьян. Тогда и им было отвечено, как литовским: царь доволен их решением освободить крестьян и позволяет для этого образовать специальные комитеты. Так правительство очень деликатно заставило помещиков искать наиболее удобные для себя варианты освобождения крестьян.

И в 1858 г. повсеместно были открыты комитеты для выработки условий освобождения крестьян. В комитетах развернулась борьба между двумя лагерями помещиков – либералами, т. е. сторонниками освобождения крестьян, и крепостниками, противниками реформы.

Лагерь крепостников составили самые мелкие и самые крупные помещики. Мелкопоместные составляли 40% всех помещиков, но владели только тремя процентами крепостных. У каждого из них было всего по несколько семей крепостных, и он мог прокормиться за их счет, но после их освобождения он не мог организовать крупное капиталистическое хозяйство. Крупнейшие помещики, владельцы огромных вотчин, составляли 3% помещиков, но владели половиной крепостных. Тысячи крепостных обеспечивали им достаточный доход для роскошной жизни за границей или в столице даже при плохом хозяйствовании. Они не занимались и не хотели заниматься хозяйством.

Помещики «средней руки» составляли немногим больше половины всех помещиков и владели почти половиной крестьян. Они могли, а некоторые и хотели перевести хозяйства на капиталистические методы, и именно из представителей этой группы в основном состоял лагерь либералов. Но и между либералами были разногласия. Помещики нечерноземной полосы соглашались освободить крестьян с землей, но требовали очень большой выкуп. Помещики черноземной полосы были готовы довольствоваться не столь большим выкупом, но не хотели давать крестьянам землю. В результате был выработан компромиссный вариант, который наиболее устраивал все слои помещиков.

Процесс освобождения крестьян согласно «Положению» 19 февраля 1861 г. состоял из двух этапов. На первом крестьяне объявлялись лично свободными, но их земля оставалась собственностью помещиков, и за пользование своими наделами крестьяне должны были по-прежнему нести феодальные повинности. В этом новом состоянии они назывались уже не крепостными, а «временнообязанными». Затем начинался второй этап освобождения: крестьяне выкупали свою землю у помещиков.

Освобождая крестьян, помещики отрезали часть крестьянской земли в свою пользу. Органы по выработке реформы нашли, что оставить прежние наделы будет несправедливо: соотношение крестьянской и помещичьей земли в разных имениях было разным. Поэтому для каждой губернии были установлены «высшие» и «низшие» наделы, т. е. высшие и низшие нормы наделения крестьян землей, внутри которых вопрос должен был решаться соглашением крестьян с помещиком. Высшие наделы по разным губерниям колебались от 3 до 7 десятин на душу мужского пола, низшие – от 1 до 2 десятин. Если прежние наделы крестьян были больше высшей нормы, помещик должен был отрезать эти излишки в свою пользу, если меньше низшей, прирезать крестьянам недостающую землю.

Казалось бы, такое решение земельного вопроса вполне справедливо. Но только высшие наделы исходили из реальных потребностей крестьянского хозяйства. Эти потребности были выработаны целой армией разосланных по губерниям специалистов. А низшие наделы исходили из потребностей помещичьего хозяйства в земле, т. е. из того, сколько надо оставить земли у помещика, чтобы он мог развернуть крупное товарное хозяйство. Естественно, низшие наделы были часто ниже потребностей крестьянского хозяйства в земле.

В пользу помещиков была еще одна норма: у помещика должно было остаться не меньше 1/3 всей земли в поместье. Леса крестьянам отводить не полагалось. При условиях добровольного соглашения разрешалось выделять крестьянам «дарственные», или «четвертные» наделы, – в размере четверти высшего надела, но бесплатно, без временнообязанного состояния и выкупа.

Земли, которые помещики отрезали от крестьянских владений, стали называть «отрезками». В черноземных губерниях отрезки составили 26% до-реформенной крестьянской земли, в нечерноземных – 10%. Отобрав у крестьян часть земли, помещики обеспечили свои хозяйства даровой рабочей силой. Поскольку земли крестьянам теперь не хватало, они были вынуждены арендовать ее у помещика. А расплачиваться за аренду приходилось своим трудом, отрабатывать арендную плату в хозяйстве помещика. «Отрезки» породили «отработки».

Поскольку прежде вся земля в поместье считалась собственностью помещика, крестьяне должны были выкупить у него свои наделы. Но выкупная сумма, т. е. плата за землю, определялась не стоимостью земли, а капитализацией оброка из 6% годовых. Годовой оброк, а точнее, вся феодальная рента, принимался за 6% с капитала, который в качестве выкупа и должен был получить с крестьян помещик. Например, если годовой оброк с души составлял 12 руб., крестьянин должен был заплатить выкуп в 200 руб. В результате происходила капитализация оброка, потому что, будучи вложены в ценные бумаги с шестипроцентным доходом, эти деньги давали помещику такой же

доход, какой прежде он получал в виде оброка. Для помещика феодальная рента превращалась в процент с капитала.

Но причем здесь оброк? Ведь крестьяне выкупили землю! В том-то и дело, что практически они выкупили свои души, точнее, – свои рабочие руки. Выкупная сумма намного превышала рыночную стоимость земли.

Сразу всю выкупную сумму крестьяне внести не могли. Потребовалась помощь государства. Государство платило помещикам 80% выкупной суммы облигациями государственного займа, приносившими 6% годовых. Конечно, эти облигации можно было продать, получив выкуп деньгами. Остальные 20% должны были заплатить помещикам сами крестьяне. А затем они должны были погасить свой долг государству ежегодными выкупными платежами. Но с каждым годом долг увеличивался на 6%, поэтому платежи погашали прежде всего эти проценты. А поскольку эти 6% соответствовали прежним повинностям крестьян, то оказывалось, что выкупные платежи были больше феодальной ренты. С крестьян не снималась и обязанность платить подати государству. И сумма всех платежей часто превышала доходность крестьянского хозяйства.

Чтобы заплатить платежи, чтобы за недоимки не увели со двора корову, крестьянин был вынужден просить ссуду у помещика, а потом отработать эту ссуду в помещичьем хозяйстве. Таким образом, не только отрезки, но и выкупные платежи порождали отработки.

Крестьянская реформа была юридическим актом, обозначившим хронологическую границу между феодализмом и капитализмом в России. За этой реформой в 60-х гг. последовали другие, в результате которых Россия встала на путь буржуазного развития.

Л и т е р а т у р а

1. Конотопов М. В., Котова А. А., Сметанин С. И., Сметанина С. И. История отечественной текстильной промышленности. М., 1992.
2. Конотопов М. В., Сметанин С. И. История экономики России. М., 2001.
3. Ключевский В. О. Курс русской истории. Соч. Т. 5. М.,
4. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1952. Т. 1.
5. Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1959.
6. Рындзюнский И. Т. Утверждение капитализма в России. М., 1978.
7. Сметанин С. И., Конотопов М. В. Развитие промышленности в крепостной России. М., 2000.
8. Сметанин С. И., Конотопов М. В. История черной металлургии России. М., 2002.
9. Сметанин С. И. История предпринимательства в России. М., 2002.

12. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ

12.1. Община и расслоение крестьянства

Крестьянство – класс, а точнее, сословие феодального общества. Поэтому переход крестьянства к капитализму выражается в ликвидации его как класса, в разделении на два класса, соответствующих капиталистическому способу производства, – сельскую буржуазию, фермеров, или, как у нас их называли, кулаков, и сельский пролетариат – батраков. Этот процесс расслоения крестьянства рассмотрен В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России».

Казалось бы, подобное теоретическое построение не вполне верно. Действительно, расслоение крестьян – закономерный процесс для всех европейских стран. Но разорение крестьян в Западной Европе составляло одну из сторон первоначального накопления: разорившиеся крестьяне уходили в город, чтобы стать рабочими, они выталкивались из сферы сельского хозяйства.

Но в России этот процесс тормозила сельская община («мир», «общество»), которая привязывала разорившегося крестьянина к земле, а также сословный строй, при котором даже разорившейся крестьянин считался крестьянином. Поэтому применительно к России ленинская теория в определенной степени соответствовала действительности, потому что все же часть разорившихся крестьян вопреки общинно-сословным препонам превращалась в промышленных рабочих.

Русский крестьянин никогда не имел земли в собственности, она принадлежала всей общине. Для обработки земля делилась между членами общины по принципу уравнительного землепользования, по числу душ мужского пола в семье. «Мир» бдительно следил, чтобы все имели одинаковые наделы не только по количеству, но и по качеству земли. Поэтому каждое поле делилось на полоски, и каждый крестьянин по жребию получал свою долю. К тому же в соответствии с трехпольной системой вся пашня делилась на три части: одна засеивалась яровым хлебом, другая – озимым, третья оставалась под паром. Естественно, все были обязаны подчиняться этому традиционному севообороту. Агротехнический прогресс на надельной земле был невозможен. Община замораживала земледелие на примитивном традиционном уровне.

Земля – основное средство производства в земледелии. Но в общине самый богатый имел столько же земли, сколько и самый бедный, если у них были одинаковые семьи. Поэтому народники считали общину основой русского социализма: если земля делится поровну, то не может быть расслоения крестьян на бедняков и богачей, а тем более – капиталистических отношений.

Община действительно тормозила расслоение, но остановить его не могла, зато искажала процесс расслоения. Часть крестьян внутри общины беднела и разорялась. Но эти бедняки были не безземельными, а безлошадными. В. И. Ленин их называл «наемными рабочими с наделом». Земля у такого крестьянина была, но он не мог ее обрабатывать, если у него не было рабочего скота, поэтому основой его существования являлся заработок на стороне.

Следует заметить, что Ленин делает определенную политическую натяжку, причисляя к сельскому пролетариату и часть однолошадных крестьян: вспахать надел можно было и на одной лошади. Но важно было доказать, что сельский пролетариат был достаточно многочисленным, чтобы составить базу социалистической революции в деревне.

Сельский пролетарий, «батрак с наделом», не мог продать надел и переселиться в город, стать рабочим. Не мог продать надел, потому что земля принадлежала не ему, а общине. Не мог уйти, потому что община его не отпустит: он должен вносить свою долю налогов и выкупных платежей за землю, даже если он этой землей и не пользуется. Он может уйти в город лишь на время, на заработки, с тем, чтобы из заработанных денег внести свою долю платежей в казну.

Согласно расчетам В. И. Ленина сельский пролетариат составлял «не менее половины всего числа крестьянских дворов, что соответствует приблизительно 4/10 населения». Очевидно, семьи бедняков были сравнительно небольшими. Причиной было не столько то, что малая семья получала соответственно малый надел, но и недостаточная обеспеченность хозяйства рабочими руками. Крестьянская семья являлась трудовым коллективом, в котором каждому находилось дело, и если в этом коллективе не хватало людей, вести полноценное хозяйство было трудно.

Особенно мешали общинные порядки предпринимательству выделявшейся сельской буржуазии, кулаков, которые, по расчетам В. И. Ленина, составляли тогда 3/10 сельского населения, но только 1/5 дворов, т. е. кулацкие семьи были довольно крупными. Вести сколько-нибудь рациональное товарное хозяйство на общинном наделе было невозможно.

Невозможно было увеличить свои владения за счет бедняцких наделов, да в условиях принудительного трехполья и чересполосицы это и не имело смысла. И поэтому для предпринимательской деятельности кулаки искали другие сферы, вне сельского хозяйства – в торговле и промышленности.

Вспомним некрасовского кулака: «Науму паточный завод и дворик постоянный дают порядочный доход...».

Чтобы стать промышленником, крестьянину требовались незаурядные способности. И крупнейшие предприниматели России – Рябушинские, Морозовы, Гучковы – вышли из крестьянского сословия. Но из сельского хозяйства они уходили. Министр финансов Витте писал: «Горе той стране, которая... насаждала разного рода коллективное владение». И дальнейшее экономическое развитие России в значительной степени определялось противоречием между передовой промышленностью и архаичным сельским хозяйством.

Типичный пореформенный кулак – это сельский лавочник, владелец мелких промышленных заведений, в основном по переработке сельскохозяйственной продукции. Он скупает продукцию у односельчан и перепродает ее в городе. Он берет подряды на перевозку различных грузов, привлекая в качестве возчиков тоже своих односельчан.

Гораздо реже кулак выступает как фермер, т. е. подлинно сельскохозяйственный предприниматель, только действует он при этом не на общинном наделе, а на земле, купленной или арендованной на стороне, обычно у помещика. Только на этой земле, где он не зависит от общины и общинной чересполосицы, кулак может развернуть рациональное специализированное товарное хозяйство. Однако лишь единицы крестьян вступали на путь фермерства, и доля фермеров к началу XX в. составляла всего около 1% всех крестьян.

Как уже сказано, община не только задерживала расслоение крестьян, но и тормозила развитие сельского хозяйства. Община – это замороженные традиционные приемы трехпольного натурального земледелия, не оставлявшие места для хозяйственной предприимчивости. Традиционный ритуал сезонных работ, позволявший существовать «как все» и не требовавший проявления инициативы, для большинства крестьян был приемлем и дорог.

Предпринимательство было по сути враждебно общинной уравнительности, поэтому фермер для общины – это «кулак», «мирод».

К тому же «мир» для крестьянина был носителем вековой мудрости. Это ведь был действительно демократический институт, основанный на принципах равенства и справедливости. Западный сельский хозяин был преимущественно предпринимателем – индивидуалистом. Наш крестьянин был общинником, т. е. коллективистом по восприятию мира, воспитанным на общинных традициях. Поэтому социалистические идеи в том виде, в каком они до него доходили, были для него более приемлемыми, чем для земледельца Запада.

12.2. Переход помещиков к капитализму

Помещики, как и крестьяне, тоже были сословием феодального общества. Поэтому и среди помещиков после отмены крепостного права тоже происходило расслоение: часть помещиков разорялась, часть перестроила свои хозяйства на капиталистические рельсы.

После освобождения крестьян в руках помещиков осталась приблизительно четверть сельскохозяйственных угодий. Нужно учитывать, что помещик и дворянин в это время – не синонимы. Две трети дворян ко времени ликвидации крепостного права не имели земельных владений с крестьянами, т. е. не были помещиками, а жили за счет государственной службы, военной или гражданской, составляя основу государственного аппарата.

Источником существования значительной части помещичьих хозяйств в то время служили отработки. Чтобы перестроить барское хозяйство, основанное на феодальной ренте, т. е. на эксплуатации самостоятельных крестьянских хозяйств, в «коммерческое» капиталистическое предприятие, требовались время, знания и капиталы. Ведь хозяйство феодала – это не производственная структура, а устройство для взимания ренты, паразитической по своей сущности. Поэтому в новых условиях требовалась перестройка отношения помещиков к своему делу, превращение их в капиталистических предпринимателей. Для этого были нужны также определенные агротехнические знания, новая техника (на крестьянской сохе капиталистическое хозяйство не построишь), капиталы, достаточные кадры наемных рабочих. Необходимыми знаниями обладали те помещики, которые уже при крепостном праве перешли к товарному производству. Требуемые капиталы обеспечивала выкупная операция. С техникой было сложнее, но в крайнем случае можно было выписать машины из-за границы.

Но главным препятствием перехода к капиталистическому хозяйству был сам механизм крестьянской реформы с «отрезками» и выкупными платежами, который обеспечивал помещикам длительный переходный период для перестройки. Зачем было покупать машины и нанимать рабочих, если было можно получать даровой труд в форме отработок? Эта переходная форма ослабляла стимул к реорганизации хозяйства. С этим можно было не спешить.

Но во всех случаях отработки имели общую черту, отличающую их от капиталистического найма: крестьяне работали на земле помещика со своим рабочим скотом, своим инвентарем, а, следовательно, помещик еще не выступал как капиталист, не вкладывал капитал в производство. Помещичье хозяйство по-прежнему существовало за счет крестьянских хозяйств. А для

этого требовалось, как и при классических феодальных отношениях, чтобы крестьяне были достаточно самостоятельными. В отработках участвовали средние крестьяне. Бедняк не мог отрабатывать, потому что у него не было рабочего скота. Кулак арендовал землю помещика, но арендную плату вносил деньгами. Более того, отработки тормозили расслоение крестьянства. Когда крестьянин был на грани разорения (например, пала лошадь или не осталось зерна для посева), он мог взять у помещика ссуду под отработки и остаться в составе среднего крестьянства.

Помещикам отработки казались даровым трудом: не надо было платить заработную плату. А если рассматривать то, за что крестьянин отрабатывал, т. е. ссуду или арендную плату в качестве заработной платы, то оказывалось, что эта заработная плата намного ниже, чем при вольном найме, потому что отработки – кабальный труд; здесь свою волю диктовал помещик. Арендовать землю под отработки можно было только у «своего» помещика, просить ссуду – тоже. Приходилось соглашаться на его условия. Поэтому труд крестьян при отработках – труд кабальный, почти принудительный. Производительность такого труда не могла быть высокой. К тому же на поле помещика переносилась примитивная крестьянская техника. Примитивная техника и низкая производительность труда настолько понижали уровень хозяйства, а, следовательно, и его рентабельность, что это понижение съедало не только экономию на заработной плате, но и прибыль владельца.

Выгоды дарового труда оказались иллюзией. Отработочные помещичьи хозяйства приходили в упадок, и помещики разорялись. Помещики залезали в долги, закладывали имения в банк, а затем эти имения продавались с аукциона. Ситуация чеховского «Вишневого сада», когда это имение было продано с молотка и его купил бывший крепостной владелец Ермолай Лопухин, отражала типичные события того времени. Процесс нарастал. Если в 80-х гг. в среднем за год продавалось 160 помещичьих имений, то в 90-х гг. – свыше 2000. К 1905 г. в руки новых хозяев перешло уже около половины бывших помещичьих земель. Следует подчеркнуть, что здесь речь идет именно о помещичьих владениях. После отмены крепостного права в руках помещиков осталась приблизительно четверть сельскохозяйственных угодий. 6–7% угодий находилось в руках других частных собственников, третья часть – в общинной собственности крестьян, еще одна треть – в собственности государства.

Для помощи помещикам в 80-х гг. были основаны два банка: Дворянский земельный банк, который на льготных условиях давал помещикам ссуды под залог земли, и Крестьянский земельный банк, который принимал на комиссию земли помещиков для продажи крестьянам и благодаря своей монополии поддерживал высокий уровень цен.

Но разорялась и теряла землю лишь часть помещиков. Другая часть успешно перестраивала свои хозяйства в крупные капиталистические фермы. Вместо отработок они нанимали рабочих. А капиталистический наем диктовал необходимость применения новой капиталистической техники. Купить жатку было значительно выгоднее, чем нанимать десятки косарей. Эти помещики применяли научные достижения агротехники, машины, минеральные удобрения, разводили породистый скот.

12.3. Рост товарности земледелия

Рассмотрев, в чем выражался переход к капитализму двух главных классов феодального общества, крестьян и помещиков, мы должны обратиться к рассмотрению перехода к капитализму сельского хозяйства в целом.

Переход к капитализму в сельском хозяйстве – это переход от натурального к товарному производству. В отличие от промышленности капитализм в сельском хозяйстве не означает создания крупных предприятий с наемным трудом. Семейная ферма – это тоже капитализм, причем даже в наши дни в мировом сельском хозяйстве семейные фермы преобладают.

Правда, о росте товарности сельского хозяйства мы начали говорить с XVII в. И при крепостном праве сельскохозяйственная продукция не только насыщала внутренний рынок России, но и в больших количествах шла на экспорт. Но это была товарность все же «по-феодальному»: крестьянская семья сама потребляла продукцию своего хозяйства, и только часть этой продукции шла на продажу. И феодальная рента составляла лишь прибавочный продукт крестьянского хозяйства. Крестьянин мог экономить на своем потреблении, недоедать, но это не меняло дела: необходимый продукт потреблялся в натуральном виде, прибавочный шел на продажу.

Товарность «по-капиталистически» означала, что вся продукция предназначалась для продажи, а все необходимое для своего потребления покупалось на выручку от продажи продукции. Именно в этом и заключалось принципиальное отличие фермера от крестьянина: крестьянин вел натуральное хозяйство, рассчитанное на свое потребление, фермер же готовил продукцию для продажи.

Рост товарности вел к росту специализации сельского хозяйства. Натуральное хозяйство крестьянина было «многоотраслевым»: для своего потребления нужны и хлеб, и картошка, и молоко, и яйца. Но для продажи целесообразно готовить какой-то один вид продукции. А какую именно продукцию производить – это определялось экономическими и природными условиями.

В промышленных районах вокруг городов, особенно вокруг Москвы и Ярославля, начали концентрироваться молочное животноводство и огородничество, потому что в городах повысился спрос на свежие овощи и молочные продукты. Хлеба здесь крестьяне сеяли мало, предпочитая покупать его на выручку от продажи своих продуктов. Таким образом, рос рынок сбыта хлеба за счет деревни.

Псковская и Смоленская губернии специализировались на производстве льна, потому что природные условия этого района оптимально соответствовали требованиям этой культуры. Здесь своего хлеба тоже не хватало. На Украине, особенно в Киевской губернии, росли посевы сахарной свеклы с переработкой ее на сахар.

Рост товарности усиливал расслоение крестьян. Натуральные крестьянские хозяйства не конкурировали между собой. Но на рынке конкуренция была неизбежна. К тому же именно в этом случае кулаки выступали в качестве скупщиков.

Специализация стимулировала рост техники. В натуральном хозяйстве, где усилия и средства расплывались между несколькими отраслями, технический прогресс был практически невозможен. Но если это была одна отрасль, техника оправдывалась. Например, при специализированном молочном хозяйстве молочный сепаратор обеспечивал определенные преимущества.

Поэтому рост товарности вел к росту производительности труда и увеличению производства. Это проявлялось, в частности, в повышении урожайности. Если в первой половине XIX в. в России средняя урожайность зерновых составляла «сам-3,5» (урожайность в «самах» – соотношение посеянного и собранного зерна), то в 60–80 гг. – «сам-4», а в 90-х гг. – даже «сам-5». К концу столетия Россия получала по 3,3 млрд пуд. зерна в год, т. е. вдвое больше, чем в первые годы после реформы. Еще в большей степени выросли урожаи картофеля, льна и других технических культур.

12.4. Кустарные промыслы

После отмены крепостного права промышленный переворот в России вступил в решающую стадию. Тем не менее стали усиленно развиваться кустарные промыслы, кустарно-ремесленное производство. Дело в том, что расслоение крестьян в условиях общины давало рабочую силу не столько для крупной промышленности, сколько именно для промыслов. Община привязывала крестьянина к деревне. Он не мог переселиться в город и стать квалифицированным промышленным рабочим. В город он мог уйти только

на заработки, на время, бросив семью и дом. Он не знал, где он там будет жить, какую работу найдет. Он мог там стать только неквалифицированным сезонным рабочим. Поэтому крестьянину было удобнее найти заработок в своей деревне. Там, дома, он мог довольствоваться и меньшим заработком. Но работа дома, в деревне – кустарный промысел.

Народники называли кустарные промыслы народной промышленностью, противопоставляя их капитализму. В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» доказывал, что народники ошибались, что кустарные промыслы были той почвой, на которой рождались первые стадии капитализма.

С чего начинались капиталистические отношения в промышленности?

Первая стадия промышленности после ее отделения от земледелия, выделения из натурального хозяйства – ремесло. Ремесленник работает на заказ потребителя: портной, который работает на заказ, кузнец, который обслуживает жителей своей деревни. Капиталистических отношений здесь еще нет.

Следующая стадия: ремесло становится массовым, т. е. им занимается уже значительная часть местного населения. Это уже не ремесло, а кустарный промысел, хотя каждый кустарь, как и ремесленник, работает у себя дома один или с несколькими помощниками. Один ремесленник – это ремесленник, а двести таких же ремесленников в одном месте – промысел. Поэтому в названии промыслов обязательно указывается место: сапожные промыслы села Кимры, металлические промыслы села Павлова, сундучно-подносный промысел Нижнего Тагила.

С переходом производства на стадию промыслов неизбежно появляется скупщик, посредник между производителем и потребителем продукции. Сапожники села Кимры не могли работать по заказам соседей или даже продавать им изготовленные сапоги – соседи тоже были сапожниками. Они уже работали на широкий рынок. Ехать куда-то и продавать изготовленные несколько пар сапог – расходы на такую поездку не оправдаются. Поэтому они вынуждены продавать сапоги не потребителям, а скупщику, который занимается сбытом их продукции.

Но скупщик живет за счет торговой прибыли, т. е. эксплуатации труда кустарей. Правда, пока еще капитализма в промышленности нет: скупщик – представитель торгового капитала. Но со временем он превращается в промышленного капиталиста. Он начинает снабжать кустарей и сырьем, потому что на месте массового промысла сырья не хватает. Он продает кустарю сырье, а потом покупает у них изделия из этого сырья. Но в стоимость изделий, естественно, входит и стоимость сырья. А если стоимость сырья вычесть, остается заработная плата. И для упрощения расчетов скупщик начинает раздавать сырье, заказывая изделия из него, и платить кустарям заработную

плату. Так рождается первая стадия капитализма в промышленности – простая капиталистическая кооперация.

Дело кончалось тем, что рост фабричного производства убивал промыслы. Кустарная продукция не могла конкурировать с дешевыми фабричными изделиями. К концу столетия большинство кустарных промыслов прекратило существование.

12.5. Развитие капитализма в металлургии. Урал и Юг

Казалось бы, после отмены крепостного права, главного препятствия на пути развития промышленности, должен был начаться стремительный подъем крупной промышленности. Однако этого ускорения не наблюдалось. Отрасли, в которых прежде использовался крепостной труд, теперь переживали трудный переходный период – переход к наемному труду и капиталистическим методам хозяйствования. Для этих капиталистических методов нужна была новая техника, требовалось завершение промышленного переворота. Такая перестройка не могла сопровождаться быстрым ростом производства.

Эти трудности переходного периода наиболее отчетливо проявлялись в горнозаводской промышленности Урала, где ко времени ликвидации крепостного права выплавлялось до 80% российского металла.

Уральские рабочие встретили свое освобождение без энтузиазма. Были даже выступления горнорабочих против ликвидации крепостничества. «Эти люди, – писал академик Безобразов, – родившиеся и выросшие в понятиях, разобщенных со всякою свободою.., готовы и ныне идти на царскую службу, как называет горнозаводское население свой прежний обязательный труд». Дело в том, что прежде стабильные условия жизни горнорабочему были гарантированы, а будущее обеспечено. На каждого члена его семьи полагался «провиант», завод за него платил казенные подати. Он не боялся остаться без работы, потому что администрации было невыгодно его содержать, не получая его труда, да и потеря работы не грозила ему голодом и нищетой. С ликвидацией крепостного права прекращалась и выдача «провианта», и освобождение от уплаты податей. В новых условиях надо было вступать в конкуренцию на рынке труда, проявлять предприимчивость. Но у горнорабочих, писал тот же Безобразов, «не было привычки к самостоятельности, к попечению о себе самом, привычки совершенно чуждой уральскому рабочему народонаселению, испорченному крепостною и административною опекою» [2, с. 332].

Заработная плата при переходе к наемному труду немного повысилась, но прекращение выдачи провианта и повышение производительности труда привели к тому, что существенного увеличения затрат на оплату труда не произошло.

К тому же эти затраты позволяло понижать еще одно обстоятельство. При освобождении рабочие, как и крестьяне, получали землю, правда, не пахотную землю, а покосы и огороды. Точнее, за ними закреплялись те приусадебные хозяйства, которыми они пользовались при крепостном праве. Эти хозяйства привязывали их к прежнему заводу. Такой рабочий не решался бросить свое хозяйство, чтобы поехать на другой завод, где дают более высокую заработную плату, но где жить ему придется: в казарме или снимать угол. Он соглашался работать на «своем» заводе и за пониженную плату, потому что здесь он мог ее дополнить доходами от своей коровы, от своего огорода. Бывшие крепостные рабочие оставались экономически прикрепленными к прежним заводам, и хозяева заводов платили им низкую заработную плату. Заработная плата на Урале была вдвое ниже, чем на металлургических заводах Юга, о которых речь пойдет ниже. А низкая заработная плата понижала стимул к техническому совершенствованию: когда труд дешевый, не надо его экономить.

Второй причиной кризиса горнозаводской промышленности было сохранение административных методов хозяйствования. В крепостной промышленности рабочая сила не была товаром. Монополия на рабочую силу делала невозможным и свободное переливание капиталов. И рыночные отношения заменялись административными методами. Безобразов писал, что в условиях крепостничества не могло быть «коммерческого расчета, необходимого для денежного хозяйства». И теперь надо было переходить не только к наемному труду, но и к рыночным отношениям, «коммерческому расчету».

В особенно тяжелом положении оказались казенные заводы. Поскольку их хозяйство регламентировалось сверху, задачей заводской администрации было не совершенствование производства, а обоснование отчетов в расходах. На любой ремонт требовалось разрешение высших инстанций.

Выдвигались проекты перевести казенные заводы на «коммерческий расчет», т. е. приспособить их к рыночным отношениям. Это значило, что управляющие заводами должны были отвечать за убытки и участвовать в прибылях. Однако при сохранении административной регламентации такой перевод был невозможен. Безобразов писал, что перевод на коммерческий расчет казенного хозяйства «без уничтожения его сущности как казенного хозяйства... должно признать химерическим» [2, с. 365–366].

Административная регламентация тормозила развитие и частных заводов. Безобразов писал, что все они «рассматриваются как отрасль государ-

ственного хозяйства». Особенно резко он обрушивался на то, что в наше время назвали бы дотациями. Государство покрывало убытки частных заводов. Эта поддержка «несостоятельных заводов», по словам Безобразова, служила лишь «поощрением к продолжению бесхозяйственности».

Важным элементом административной системы были «обязательственные» отношения между рабочими и заводчиками. Дело в том, что после отмены крепостного права половина уральских рабочих оказалась без работы. Государство требовало обеспечивать жизнь этих людей. Сначала пытались посадить их на землю, превратить в крестьян. Но рабочие отказывались становиться крестьянами, да и лишней пашни около заводов не было. Вопрос о землеустройстве тянулся десятилетиями, а пока он не был решен, приходилось обеспечивать население работой при заводах. «Нигде в мире нет заводов, обязанных вести дело только ради того, чтобы прокормить рабочего, – писал уже в 1909 г. Фармаковский, один из крупнейших горнозаводских предпринимателей, – а на Урале почти все заводы именно так поставлены» [14, с. 135].

Третьим фактором, тормозившим развитие уральской металлургии, была окружная система. Как уже отмечалось, предприятием на Урале был не завод, а округ, т. е. группа заводов, связанных технологическим процессом. В составе округа были и добыча руды, и заготовка угля. В состав округа входила большая территория с населением. Раньше это давало преимущества: не надо было тратить деньги на покупку руды и угля, а труд заводских крестьян, живущих за счет своих хозяйств, был очень дешевым. Энергия уральских рек дробила производство: при одной плотине можно было построить маленький завод, но это была дешевая энергия.

Теперь преимущества обращались в недостатки. «Своя» рабочая сила была дешевой, но «своих» рабочих надо было обеспечивать работой, а это сковывало хозяйственную маневренность. Для проведения технической реконструкции требовался прилив новых капиталов. Однако владельцу нового капитала было невозможно построить завод, потому что все пригодные для этого места находились в составе старых округов, а купить старый завод, чтобы его модернизировать, было невозможно: надо было с заводом покупать и территорию округа, принимая на себя и обязательства по отношению к его населению.

В результате, как выразился современник, «уральские предприятия, если от них отнять земельные латифундии, представляются с современной промышленной точки зрения полукустарными заведениями».

Горнозаводская промышленность Урала, а в связи с этим и металлургия России в целом в первые годы после отмены крепостного права испытала спад, который сменился очень медленным ростом. Положение в металлур-

гии начинает меняться с появлением нового металлургического района на юге страны в 80-х гг. Юг быстро обгоняет Урал. Еще в 1885 г. Урал давал 70% российского чугуна, а в 1900 г. – только 28%.

Толчком к развитию металлургии Юга стало развертывание железнодорожного строительства. Для рельсов требовалась сталь, а Урал производил отличное железо. Если прежде главным продуктом черной металлургии было именно железо, то теперь – сталь. В сущности, именно в этом и заключался промышленный переворот в российской черной металлургии.

А когда в промышленности происходит такой технический переворот, технический прогресс выражается не в реконструкции старых предприятий, а в строительстве новых. Маленькие заводы на речных плотинах было невозможно перестроить на производство стали и проката. А заводы Юга с самого начала строились как сталеплавильные и рельсопрокатные.

К тому же заводы Юга рождались как акционерные предприятия. Преимущество акционерного капитала – его величина. По мере технического прогресса увеличивалась оптимальная величина предприятий. Наступал момент, когда капитал отдельного предпринимателя оказывался уже недостаточным, чтобы построить предприятие, соответствующее требованиям времени. А путем продажи акций можно было собрать большой капитал и построить такое предприятие. Но заводы Юга строились тогда, когда в мире акционерная форма уже доказала свои преимущества, поэтому они и рождались как акционерные.

А на Урале место было уже занято: округами владели частные заводчики. Там предприятие становилось акционерным лишь в результате банкротства. В этом случае банк или банки, должником которых стал округ, выпускали акции и собирали капитал, необходимый для реорганизации заводского хозяйства. Прежний заводчик, естественно, при этом терял свои права собственника. Но таким образом процесс акционирования на Урале шел медленно и не закончился к 1917 г.

Кроме того, большинство заводов Юга было построено на иностранные деньги. Это был франко-бельгийский капитал. Эти капиталы приходили извне, дополняя накопление капиталов в самой России, а с ними приходил опыт передовых стран, новая техника. В результате промышленность Юга стала передовой в техническом отношении. В среднем на домну Юга выплавлялось за год 3,26 млн пудов чугуна, тогда как в Англии – 2 млн пудов, а в Германии – 2,6 млн. В странах, откуда пришли капиталы, своя промышленность была построена раньше, а, следовательно, на более низком техническом уровне.

12.6. Текстильная промышленность

Хлопчатобумажное производство. В 60-х гг. Европа переживала хлопковый голод, вызванный гражданской войной в США. Цены на хлопок выросли вдвое. В России это стало стимулом к созданию своей сырьевой базы. Хлопковые фабриканты ехали в Среднюю Азию, скупали тысячи десятин земли, выписывали семена американского хлопка и налаживали плантации. К 1900 г. уже треть потребляемого промышленностью хлопка производилась в России.

В первые пореформенные десятилетия в хлопчатобумажной промышленности закончился промышленный переворот. В Англии это привело к массовому разорению ткачей-ремесленников. Нечто подобное происходило и в России. Уже в 60-х гг. ткацкие промыслы были придатком к фабрике: кустари получали фабричную пряжу и работали на фабриканта. Завершение переворота в ткацком производстве понижало цены фабричных тканей, но себестоимость кустарных тканей не понижалась. Кустарь зарабатывал все меньше и вынужден был прекращать дело.

К концу XIX в. Россия занимала четвертое место в мире по потреблению хлопка, а по темпам роста хлопчатобумажной промышленности опережала другие страны.

Льно-пеньковое производство росло по-прежнему медленно. Россия снабжала льном всю Европу. Здесь производилось более 70% льна, поступавшего на мировой рынок; 65% тканей в Западной Европе вырабатывалось из русского льна; 60–70% российского льна шло на экспорт. Однако из того льна, который оставался в стране, капиталистические фабрики и мануфактуры перерабатывали только 30–40%. Остальное волокно перерабатывалось в крестьянских избах.

В первые десятилетия после ликвидации крепостного права около 70% полотна на рынок давали кустари, да и накануне Первой мировой войны половина льняной промышленности оставалась на стадии кустарного производства и домашней промышленности. В этой отрасли домашнее и кустарное производство сохранялось так долго, потому что это производство было традиционным, являлось частью натурального крестьянского хозяйства. Поскольку крестьянское хозяйство оставалось натуральным, денег на покупки не хватало, а труд, особенно женский, не оценивался в деньгах. Поэтому полотно собственного производства представлялось дешевле самой дешевой фабричной ткани. И это не считалось даже работой: пряли на посиделках или рассказывая сказки детям и внукам. Была еще одна тонкость. Деньги от продажи льна были выручкой мужчины, хозяина. Деньги за пряжу, даже если

эта пряжа продавалась по цене льна, были выручкой женщины, на которую муж не мог претендовать. Это были ее деньги, деньги на одежду ей и детям, на убранство избы.

Если хлопчатобумажная ценовая промышленность с 1860 по 1900 г. увеличила производство в 14,2 раза, то льно-пенько-вая – только в 4,5 раза. Кроме указанных причин, замедляло рост льнопеньковой промышленности и то, что льняные ткани в это время вытеснялись хлопчато-бумажными.

На развитии **шерстяной промышленности** отразились трудности с сырьем. поголовье мериносовых овец стало сокращаться – с 15 млн в 1880 г. до 5 млн накануне Первой мировой войны. Дело в том, что причерноморские степи, где пасли мериносовых овец, теперь распахивались под пшеницу. Овцеводство перемещалось в Среднюю Азию, на Северный Кавказ, где сохранялось традиционное кочевое и полукочевое скотоводство, а там внедрить новую породу оказалось очень трудно. Пришлось шерсть импортировать.

Вторым фактором, который действовал на развитие шерстяной промышленности, стал повышенный спрос на камвольные ткани. Люди не хотели носить казенное мундирное сукно, тем более что камвольные ткани были тоньше и дешевле. Если в 60-х гг. они составляли 25–30% всех шерстяных тканей, то ко времени Первой мировой войны – 2/3 продукции шерстяной промышленности. А для камвольных тканей требовалась именно мериносовая шерсть.

Развитие отрасли тормозили и пережитки крепостничества, потому что в суконном производстве традиционно преобладали помещичьи мануфактуры.

Со второй половины 80-х гг. темпы роста отрасли повысились за счет Польши. В 1900 г. в Польше было изготовлено 40% шерстяных тканей империи, а в 1912 г. – 56%; камвольной пряжи там производилось 70%. Развитию шерстяной промышленности в Польше способствовало сокращение мериносового овцеводства в России и переключение на камвольные ткани. Польша была теснее связана с Западом, поэтому ей легче было наладить импорт мериносовой шерсти и ее переработку.

Вся текстильная промышленность России за период с 1860 по 1913 г. увеличила производство в 21,5 раза. Накануне войны текстиль составлял 40% всей промышленной продукции страны. По производству тканей Россия догнала передовые страны. В 1913 г. в Англии производилось 10 млрд аршин хлопчатобумажных тканей, а в России – 8,5 млрд. Но ведь Англия лидировала по этому производству в Европе!

12.7. Промышленный подъем 90-х годов XIX века

В 90-х годах в России происходил бурный промышленный подъем. За десятилетие промышленное производство выросло в 2,5 раза, в том числе выпуск продукции тяжелой промышленности – в 3,3 раза. Добыча каменного угля увеличилась в 2,7 раза, добыча нефти в 2,6 раза, причем по добыче нефти Россия вышла на 1-е место в мире. Выплавка металла выросла в 3,4 раза, в том числе на Юге – в 7 раз.

Россия лидировала по темпам промышленного роста. С 1860 по 1900 г. промышленное производство России выросло в 7 раз, США, которые по темпам занимали 2-е место после России – в 6,7 раза, Германии – в 5 раз. По развитию промышленности Россия догоняла передовые страны и к началу XX столетия вышла на 5-е место в мире.

Лидировала Россия и по концентрации производства. Здесь на крупных предприятиях с числом рабочих свыше 500 человек было занято около половины рабочих, и даже Германия по этому показателю отставала от России.

Чем объяснялись столь значительные успехи российской промышленности?

Россия была страной молодого капитализма. Она позже других стран перешла к индустриализации, поэтому большинство промышленных предприятий, действовавших к началу XX в., было построено в последние десятилетия. Это были новые заводы, оснащенные новой техникой, и в соответствии с требованиями времени это были крупные акционерные предприятия. В странах старого капитализма большинство предприятий было построено значительно раньше, поэтому их оборудование к началу XX в. уже морально устарело, и были они относительно мелкими.

В российскую промышленность хлынул иностранный капитал. Высокие пошлины препятствовали ввозу сюда иностранных товаров, но можно было ввезти капитал, построить здесь предприятие и продавать его продукцию, естественно, без пошлин. В 1890 г. иностранцам принадлежало около четверти всех акционерных капиталов в России, а в 1900 г. – 45%. Конечно, прибыли от этих капиталов уходили за границу, но построенные иностранцами заводы оставались на русской земле, становились органической частью русской промышленности.

Стимулировало подъем и определяло его особенности государственное железнодорожное строительство. В 90-х гг. была проложена Великая сибирская магистраль – от Урала до Тихого океана. Строило ее государство. По длине железных дорог к началу XX в. Россия заняла 2-е место в мире. Но строительство железных дорог вызывало развитие главных отраслей про-

мышленности, обеспечивая заказы на металл, уголь, паровозы, т. е. создавая рынок сбыта для тяжелой промышленности. В 90-х гг. железные дороги в среднем потребляли столько же металла, сколько его производили металлургические заводы России.

Но железные дороги увеличивали рынок не только тем, что сами поглощали промышленную продукцию. Они увеличивали рынок «вширь», территориально присоединяя к нему далекие окраины. До железных дорог хлопчатобумажные фабрики России не могли использовать среднеазиатский хлопок. Хлопок – дешевый и емкий товар. Перевозка этого сырья на лошадях из Средней Азии в район Москвы повышала бы его стоимость в несколько раз. Зерновое хозяйство Сибири до железных дорог могло быть только натуральным, потому что доставка зерна обозами в промышленные центры обходилась дороже, чем оно стоило. Вот стоимость такого ценного товара, как пушнина, от перевозки практически не увеличивалась. Только железные дороги превратили страну в единый рынок сельскохозяйственной продукции, завершив формирование всероссийского рынка.

12.8. Формирование буржуазной системы кредита

Как указывает Лященко, автор трехтомной экономической истории нашей страны, первый частный банк в России был учрежден только в 1864 г. Подобные утверждения повторялись и в других работах. Ричард Пайпс, профессор русской истории Гарвардского университета, писал, что «первые успешные коммерческие банки были основаны в России лишь в 1860-х гг., а до этого страна была вынуждена обходиться двумя банками, принадлежавшими государству. Капитализм без кредита есть логическая несообразность» [9, с. 237].

Эти утверждения не вполне соответствовали действительности. В крепостной России существовали не только казенные, но и частные банки, и лишь господствующие позиции в сфере кредита действительно занимало государство.

Первые государственные банки в России – Дворянский и Купеческий – были учреждены еще в середине XVIII в. В конце века они были преобразованы в Государственный заемный и Государственный коммерческий. Заемный, как и бывший Дворянский, давал помещикам ссуды под залог имений и крепостных. Для чего герой гоголевского романа Чичиков скупал мертвые души? Для того, чтобы заложить их в банк и получить крупную сумму денег. Коммерческий же банк должен был содействовать развитию промышленности и торговли.

Но получился конфуз: в 50-х гг. XIX в. сумма вкладов в Коммерческий банк достигла 200 млн рублей, а ссуды не превышали 25 млн: осторожное российское купечество не любило залезать в долги, да еще казенному банку. Не находя выгодного размещения капиталов, Коммерческий банк перевел их в Заемный, а тот использовал для ссуд помещикам. Но помещики закладывали и перезакладывали имения, а вернуть долги не могли. Оба банка пришлось закрыть: государственная банковская система обанкротилась.

В 1860 г. был учрежден единый Государственный банк. Сначала он не имел права самостоятельной денежной эмиссии. Кредитные билеты выпускались только по распоряжению правительства. Только в результате подъема 90-х гг., когда Государственный банк накопил большие запасы золота, ему было разрешено выпускать бумажные деньги, но только их количество не могло превышать золотой запас более чем вдвое.

Частный же банкирский промысел существовал уже в конце XVIII в. Примером могут служить банкирские дома Родоканаки, Рафаловича и Ефрусси в Одессе. Годовые обороты их составляли десятки миллионов рублей, они поддерживали связи с банками Лондона и Парижа, имели отделения за границей.

В то время преобладали банкирские дома, которые в отличие от банков были предприятиями более широкого профиля. Они могли, кроме собственно банковского дела, заниматься торговлей и промышленностью. Но главное – если деятельность частных банков строго регламентировалась законом, то законов о банкирских домах практически не было.

В Петербурге выполняли поручения царской семьи придворные банкиры. Последним из них был барон Штиглиц, который поддерживал связь с банками Амстердама, Лондона и Парижа, вкладывал капиталы в сахарную и текстильную промышленность. «Имя его пользуется такой же всемирной известностью, как имя Ротшильда», – утверждал «Вестник промышленности». При образовании Государственного банка он стал его первым управляющим.

А в 1864 г. в действительности был основан первый акционерный банк. В середине 70-х гг. в стране действовало 39 акционерных банков, причем их количество осталось прежним до конца столетия. И все же до конца XIX в. особенно активную роль в финансовой жизни играли не банки, а банкирские дома, деятельность которых значительно меньше контролировалась государством, чем деятельность акционерных банков. Банкирские дома были не ниже по своему положению, чем акционерные банки. Некоторые акционерные банки были учреждены именно банкирскими домами.

В качестве примера мы кратко рассмотрим деятельность банкирских домов Гинцбурга и Полякова. Гинцбурги разбогатели на питейных откупах. В 1859 г. они открыли банкирский дом в Петербурге и его отделение в Па-

риже. Одна из представительниц этого семейства была замужем за одним из Ротшильдов, другая – за германским банкиром Варбургом, третья – за родственником министра финансов Франции. Гинцбурги имели сахарные заводы и крупные земельные владения, в том числе в Крыму. Они стали учредителями ряда акционерных банков, которые, конечно, входили в сферу их влияния. В 70-х гг. они овладели Ленским золотопромышленным товариществом, к которому стали присоединять и другие компании по добыче золота. В 1892 г. банкирский дом Гинцбургов потерпел крах.

Лазарь Поляков сначала участвовал вместе с братом Самуилом в строительстве ряда железных дорог, разбогател на этом и в 1873 г. открыл банкирский дом в Москве. Этот дом стал основателем и центром управления группой банков, железных дорог, промышленных и торговых обществ. Он был председателем советов Петербургско-Московского, Московского международного и еще пяти банков, возглавлял Товарищество резиновой мануфактуры, Московское лесопромышленное товарищество и другие промышленные фирмы. По существу эти банкирские дома представляли не что иное, как финансовые группы. Банкирский дом Полякова обанкротился в период кризиса 1900–1903 гг.

Семейные банкирские дома прекращали существование на пороге XX столетия, причем это имело характер эпидемии. На смену частным предпринимателям теперь приходили акционерные общества.

12.9. Предприниматели нового типа

После отмены крепостного права состав буржуазии пополняется дворянами. Продажа помещичьих имений не всегда означала разорение помещиков. Развязавшись с требующим забот и нередко убыточным помещьем, бывший помещик вкладывал полученные деньги в ценные бумаги, акции. Некоторые дворяне основывают собственное дело. Среди дворян, получивших купеческие свидетельства, мы встречаем такие знатные фамилии, как князь Голицын или граф Бобринский: для основания собственного дела вступление в купеческую гильдию было необходимо.

Состав предпринимателей пополнялся за счет людей, связанных с государственным хозяйством, «знатоков» этого хозяйства – чиновников, государственных инженеров. Используя свои связи, они с минимальным капиталом включались в дела, которые пользовались покровительством государства, получали казенные кредиты, совершали спекулятивные сделки.

Примером может служить Дервиз. Небогатый чиновник стал одним из железнодорожных и банковских воротил. Николай Иванович Путилов, ин-

женер-кораблестроитель, основал несколько машиностроительных предприятий, работавших в основном на казну, в том числе Путиловский завод.

Переход крупных чиновников в правления акционерных обществ в это время становится обычным. Они помогали получать выгодные заказы, подряды и концессии.

Стремясь сохранить сословную структуру, втиснуть новые явления в рамки сословий, правительство проводит очередную гильдейскую реформу. Теперь вместо трех были оставлены только две гильдии. К первой относилась оптовая торговля, ко второй – розничная торговля и промышленность. Формально без гильдейского свидетельства человек не имел права заниматься предпринимательской деятельностью.

Но в прокрустово ложе гильдий не вмещались новые формы предпринимательства – акционерные компании и банки. Грюндерство (массовое учредительство акционерных компаний), железнодорожные концессии – все это проходило в стороне от купечества. Предприятия купцов сохраняли семейный характер. Морозовская фирма оставалась в руках Морозовых, Прохоровская принадлежала Прохоровым.

Несмотря на заигрывание верховной власти с купечеством, дворяне, да и интеллигенция относились к купцам с оттенком презрения. Погоня за богатством у нас всегда считалась чем-то низменным, противоположным духовным устремлениям. Особенностью нашей литературы было отражение «вины» образованного общества перед страдающим «народом», вины благополучных людей перед нищетой низов. Купцы, естественно, не включались в состав такого «народа».

Купцы чувствовали несоответствие своего социального статуса своему вкладу в развитие хозяйства страны и стремились компенсировать свою ущербность. Одни старались сблизиться с господствующим «благородным» сословием через чины и звания, через благотворительность. Другие старались добиться признания в области культуры, выступая меценатами, как Третьяков или Бахрушин. Третьи, напротив, вызывающе подчеркивали свое происхождение. Богатый купец Губонин «ходил в картузе и сапогах бутылками и надевал звезду на долгополый сюртук» [11, с. 11].

Купцы проходили весь путь развития предпринимательства с первых примитивных его форм. Мелкий предприниматель, коробейник, владелец ткацкой «светелки», постепенно увеличивая свое состояние, мог выдвинуться в состав крупной буржуазии. А теперь в предпринимательскую элиту шли другими путями – из чиновников и дворян, за счет казнокрадства и спекуляций. Они не начинали с низов, а сразу основывали дело в крупных масштабах.

Феодальные правительства, начиная с Кольбера во Франции и Петра I в России, обычно покровительствовали буржуазии, но старались втиснуть но-

вые буржуазные явления в старые феодальные формы. И российское правительство этого времени, которое оставалось, в сущности, феодальным, старалось законсервировать старые «купеческие» формы предпринимательства, не допустить развития новых форм – акционирования, биржевого дела, синдикатов. Но парадокс заключался в том, что именно в этих новых формах и происходило сращивание частного предпринимательства с государством, а носители старых форм отрекались от сотрудничества с правительством.

Фондовые биржи у нас были запрещены до конца XIX в. Только в 1900 г. был основан фондовый отдел Петербургской товарной биржи. А что касается товарных бирж, то до 1893 г. закон предписывал биржевые сделки не за наличные деньги «считать недействительными, а обличенных в подобных сделках подвергать наказаниям». Несмотря на это, к концу столетия в России действовало 24 биржи.

Поскольку были запрещены фондовые биржи, на которых продаются акции, закон не допускал и акционерных обществ. Законом до 1871 г. разрешались только именные акции, которые не могли быть объектом биржевой игры. Основание акционерной компании обставлялось целым рядом бюрократических запретов. Тем не менее ко времени ликвидации крепостного права в стране действовало свыше 80 акционерных компаний, а после этого начался массовый переход к акционерной форме предпринимательства. Законы, запрещавшие новые формы предпринимательства, не действовали.

Итак, после отмены крепостного права на решающие позиции в хозяйстве страны выдвигаются предприниматели нового типа, из государственных чиновников и дворян. Их выдвижение было обусловлено рождением новых форм предпринимательства и особой ролью государства в экономике. Традиционное купечество оттесняется на задний план.

Л и т е р а т у р а

1. *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России. Л., 1991.
2. *Безобразов В. П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже горных заводов. СПб., 1869.
3. *Берлин П. А.* Русская буржуазия в старое и новое время. М.-Л., 1925.
4. *Бовыкин В. И.* Формирование финансового капитала в России. М., 1984.
5. История отечественной текстильной промышленности. М., 1992.
6. *Конотопов М. В., Сметанин С. И.* История экономики России. М., 2001.
7. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1961.
8. *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1952. Т. 2.
9. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.

-
10. *Погребинский А. П.* Очерк истории финансов дореволюционной России. М., 1954.
 11. *Радаев В. В.* Два корня российского предпринимательства. М., 1995.
 12. *Рындзюнский П. Г.* Утверждение капитализма в России. М., 1978.
 13. *Сметанин С. И.* История предпринимательства в России. М., 2002.
 14. *Сметанин С. И., Конотопов М. В.* История черной металлургии России. М., 2002.
 15. *Струмилин С. Г.* История черной металлургии в СССР. М., 1967.

13. ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В XIX ВЕКЕ

Ретроспективный обзор литературных источников, исследующих вопросы таможенной и тарифной политики, позволяет сделать вывод, что расширительно таможенная политика означает регламентирование внешнеэкономической деятельности в рамках развития внутреннего рынка, выбора экономических приоритетов через совершенствование общественного разделения труда с учетом ориентации страны как на внутреннее социально-экономическое развитие, так и на международную хозяйственную деятельность.

В более узком смысле слова таможенная политика означает деятельность по обоснованию и выбору того или иного таможенного тарифа, соответствующего задачам нацеленности государства в течение конкретного периода на достижение поставленных целей.

С этой точки зрения тарифная политика выступает механизмом реализации таможенной политики, конкретным инструментом ее проведения.

Следует отметить, что таможенная политика практически неотделима от общей стратегией государства, т. е. от определения основных долгосрочных целей и социально-экономических задач, формирования курса действий и распределения ресурсов, служащих для достижения намеченных целей. Одновременно выступая составной частью и тактическим механизмом воплощения стратегических задач, таможенная и тарифная политика влияет на экономическую стратегию.

Для того чтобы прийти к убеждению, что таможенная политика государства действительно помогает реализовывать комплекс геополитических, внешнеэкономических и внутренних социально-экономических задач, т. е. по существу избранную стратегию, имеет смысл рассмотреть таможенную политику за достаточно продолжительный хронологический период. И XIX в. в этом смысле наиболее подходящий период в отечественной истории, когда после победы в Отечественной войне повысилась геополитическая роль России, расширились ее территория и внешнеэкономические связи, что, конечно же, придало новый импульс развитию таможенно-тарифных механизмов.

Во-первых, это был период перехода товарных отношений на новую стадию капиталистического развития страны. М. М. Сперанский, первый и по сути и по времени реформатор XIX в. обозначил экономическую роль го-

сударства, в том числе и таможенную политику в то время так: «...государственная экономия имеет два главные предмета:

- 1) приумножать вообще массу государственного богатства;
- 2) извлекать из нее доходы образом наименее отяготительным и распределять их на содержание управления без недостатку и излишества.

...В одном ведаются источники народного богатства в отношении к их приумножению.

...В другом ведаются доходы, из сих общих источников извлекаемые, распределяемые и охраняемые.

Сюда принадлежат подати, таможи, оброчные и откупные статьи и прочее*.

Во-вторых, индустриальная трансформация, происходившая в ведущих западных странах, и внешнеэкономические связи все глубже влияли на внутреннее экономическое положение в России.

Инновации, используемые в капиталистической промышленности, применение наемной рабочей силы позволили быстрее опередить крепостническую Россию не только в развитии сельского хозяйства, но и промышленности с ее крепостными мануфактурами. И впоследствии с течением всего XIX в. Россия неизменно запаздывала с использованием научно-технических достижений.

В-третьих, культурная и политическая косность России в сравнении со странами Запада бросалась в глаза, и особенно после Отечественной войны 1812 г., что на протяжении всего XIX в. требовало поиска мер, при помощи которых страна смогла бы осуществить значительный рывок в своем социально-экономическом развитии. И уже с начала века М. М. Сперанский ставил задачу изменить «коренные законы государства», «государственное устройство империи», «устройство судебных и правительственных учреждений в России», включая изменения в «государственной экономии», в «действительном устройстве управления в России» и т. д.**

Однако имелся ряд факторов, которые вынуждали правительство постоянно откладывать планы либеральных радикальных реформ.

Первым из них оставалась неподготовленность общества к радикальным преобразованиям. Вернее, к ним не было готово дворянство.

В последующий период XIX в. задачи преобразования также ставились***, но практически никогда не доводились до завершения. Это объяснялось тем,

* Сперанский М. М. Проекты и записки / под ред. С. Н. Валка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 102.

** Сперанский М. М. Указ. соч. С. 242–243.

*** В начале 20-х гг. XIX в. Н. М. Карамзин выступил автором «Записки о древней и новой России», идеи которой стали основанием нового курса правительства, оказывающего значительное влияние на формирование идеологии.

что, как нам представляется, в рамках задач государственной политики исследуемого периода формирование долгосрочной стратегии страны не стояло на повестке дня. Соответственно, и комплексный подход к решению долгосрочных задач также отсутствовал. Вместе с тем экономическая политика центральных органов, разрабатывающих тогда стратегию развития, имела долгосрочный характер в отношении отдельных сфер и хозяйственных отраслей. В частности, особенно ярко это можно проследить в целевых установках и в используемых методах управления по активизации отечественной текстильной промышленности, стимулирования железнодорожного строительства и сопряженных отраслей. В такой стратегии находилось место не только для реализации таможенной политики*, но и для обратного воздействия таможенной политики на развитие страны.

Можно утверждать, что в XIX в. Россия пережила три реформаторские волны.

Первая захватила период с 1801 по 1820-е г. «...Именно в этот период правящие силы государства впервые подошли к осознанию важности двух взаимосвязанных проблем: освобождения крестьянства и политического реформирования страны, связанного с трансформацией самодержавной власти»**.

Вторая волна реформ пришлась на вторую половину 50-х годов и продолжилась до середины 70-х годов. Ее главным результатом стала отмена крепостного права***.

Началом третьей волны реформ «можно считать экономические реформы С. Ю. Витте середины – конца 90-х гг. XIX века»****.

Особенность этих волн состояла в общественной направленности каждой из них.

Первая волна, на наш взгляд, ставила задачу решения государственно-политических проблем страны и решила ее только отчасти (из грандиозных проектов М. М. Сперанского была реализована только незначительная их часть: создан Государственный совет как законосовещательный орган империи; проведена министерская реформа, установившая единоначалие управленческой вертикали и образовательный ценз на занятие определенной должности и получение чинов); вторая волна реформ отчасти решила социально-экономические проблемы, отменив крепостное право; третья была сосредоточена на решении экономических проблем.

* Глазьев С. Ю., Львов Д. С., Фетисов Г. Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука, 1992. С. 64.

** Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 26.

*** Там же. С. 36.

**** Там же. С. 41.

Различались и методы проведения реформ. Если замысел реформ начала века, по существу, держался в глубокой тайне* (проекты и программа М. М. Сперанского полностью были обнародованы только в 1961 г.), то реформы середины века в известной мере обеспечивались поддержкой либеральной общественности, правящей бюрократии и только отчасти дворянством и крестьянством. Именно поэтому социально-экономический характер реформ второй волны был подкреплён реформами судебной и военной, а также городского самоуправления, но главное – созданием земств, сыгравших огромную роль в социально-экономическом развитии сельской России.

План реализации третьей волны реформ был комплексным и содержал четкие приоритеты (денежная реформа) и последовательность их проведения (поддержка активного сальдо бюджета; усиление косвенного налогообложения; государственная монополия продажи водки; форсированная индустриализация и т. п.; в целом – активизация государственного регулирования экономики). Правда, по замечанию академика Л. И. Абалкина, «в целом рост общественных производительных сил России (во времена С. Ю. Витте) оплачивался весьма высокой социальной ценой**». Экономическая политика С. Ю. Витте и его денежная реформа, как отмечал Л. И. Абалкин, «отрицательно сказались на положении трудящихся масс, особенно крестьянства. Дав возможность успешному развитию производительных сил России, она, по справедливому мнению П. Милюкова, была национальной, но не народной. Это отразилось в доходах бюджета их социальной несправедливостью, а в расходах – пренебрежением насущных народных запросов***».

Роль таможенной политики во все периоды реформаторских волн была весьма значительной, но отнюдь не однозначной. Если каждая из реформаторских волн сопровождалась тенденцией к либерализации, то таможенная политика под влиянием внутренних и внешних экономических факторов быстро возвращала все на протекционистские начала и с этой точки зрения оказывала регулирующее воздействие на общий социально-экономический характер проводимых реформ, выполняя в известном смысле защитную для экономики страны функцию.

Экономическое положение России к началу XIX в. было достаточно стабильным: ее население составляло почти четверть европейского, а размеры территории были несопоставимы ни с одной мировой державой. Однако имелось определенное отставание от западноевропейских стран по общему

* План Сперанского впервые был опубликован в сборнике Русского исторического общества (СПб., 1885. Т. 45).

** Абалкин Л. И. Экономические воззрения и государственная деятельность С. Ю. Витте. М.: ИЭ РАН, 1999. С. 34.

*** Там же. С. 32–33.

уровню экономического развития. Вместе с тем отрасли текстильной промышленности, такие как шерстяная, полотняная, хлопчатобумажная, шелковая, развивались достаточно динамично*.

В сельском же хозяйстве лишь 5% помещичьих хозяйств применяли в своей деятельности рациональные формы ведения сельскохозяйственного производства**. В мировом внешнеторговом обороте в 1801 г. доля России составляла 3,7%. По уровню душевого потребления и производства Россия также значительно отставала от европейских стран, например, от наиболее развитой Англии в 10 раз***.

Одна из важнейших причин экономического отставания России объяснялась сохранением крепостного права, а также уже прочно сложившимся к началу XIX в. сырьевым характером внешнеэкономических связей, низким уровнем и незначительными масштабами промышленного производства и т. п.

Это привело к осознанию необходимости правящими кругами преодоления этого разрыва путем разработки стратегической концепции развития страны. Стимулом развития в России такой концепции послужил пример европейских стран, в которых активные модернизационные изменения набрали силу еще в XVII–XVIII вв. Об этом свидетельствуют изменения социального состава населения, в частности, показатели увеличения доли городского населения, а также растущие темпы индустриализации в промышленных отраслях. В XVIII в. удельный вес городского населения составлял: в Англии – 30%, во Франции – 16%, в Голландии – 50%****.

Успехи в европейских странах модернизационного стратегического курса подтверждаются окончательной победой индустриальной хозяйственной системы, выразившейся в достижении объема промышленного производства, превосходящего размеры производства в аграрном секторе. Англия этого достигла к 1811 г., Франция – не ранее 1885 г., Германия – в 1865 г., США – в 1869 г.

В то время как ряд стран Европы охватила промышленная революция, в них наблюдался процесс замены ручного труда машинным, перехода от мануфактурного к фабричному производству, широкого использования сети железных дорог; в этих условиях сельское хозяйство, которое также инду-

* Котопов М. В. Котова А. А., Сметанин С. И. [и др.]. История отечественной текстильной промышленности. М., 1992.

** История российского государства. Учебное пособие для вузов / под ред. Ш. М. Мунчаева. М.: Юнити, 2001. С. 176.

*** Тимошина Т. М. Экономическая история России. М., 1998. С. 107.

**** Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. М.: Весь мир, 2007. Т. 3. Время мира. С. 309.

стриализировалось, становилось как бы второстепенной отраслью, уступая место промышленному развитию.

Однако в России положение существенно отличалось от европейского. Доля городского населения не превышала к началу XIX в. 4,1%*. Объем отечественного промышленного производства превзошел размеры производства в аграрном секторе только к середине 30-х годов XX в., а исходя из западных источников – лишь к 1960 г.**

Специфика экономического развития России в начале XIX в. и невозможность проведения в ней радикальных преобразований определялись, во-первых, ведущей ролью в экономике России сельского хозяйства, основанного на крепостном труде, из-за чего отечественная промышленность в своем становлении вынуждена была постоянно преодолевать упорное сопротивление консервативных дворянских кругов; во-вторых, чрезмерной абсолютизацией политической и экономической власти в руках правящих кругов, стремящихся к регулированию всех хозяйственных процессов, протекающих в экономике; в-третьих, геополитическим фактором, суть которого сводилась к запрещению внешней торговли с рядом европейских стран.

Подобная экономическая политика шла вразрез с интересами землевладельцев, поставлявших продукцию помещичьего хозяйства на европейский рынок, прежде всего в Англию***. Фактическое прекращение экспортной торговли нанесло значительный ущерб также и купечеству. Все это в 1801 г. ускорило приход к власти в стране нового правительства и, как следствие, отмену всех запретов, стеснявших торговлю в предыдущие годы.

До начала континентальной блокады относительная свобода внешней торговли оказывала в целом благотворное влияние на ход развития промышленности и торговли в стране. Товарность дворянских хозяйств была высокой – рынок беспрестанно поглощал традиционно поставляемые товары экспорта. Наблюдался рост товарооборота, что было достигнуто за счет увеличения хлебного экспорта, составлявшего 26,7% от общего его объема****. Однако в первое десятилетие XIX в. на экономическое положение России сильное влияние оказывали международные конфликты, порой переходившие в военные действия. А присоединившись к континентальной блокаде,

* Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX–XX вв. М.: Госполитиздат, 1950. С. 79.

** Ханин Г. И. Советский экономический рост: анализ западных оценок. Новосибирск: Экор, 1993. С. 106.

*** Россия вывозила в Англию в 1800 г. 53% от общего объема экспорта. Ввоз составлял 17,8%. См.: Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия. М.-Л., 1966. С. 24. Ф. Г. Вирст же считал, что Англия экспортировала 64% товаров, а импортировала 29% / Вирст Ф. Г. У/с. Табл. 20.

**** Злотников М. Ф. Указ. соч. С. 11.

Россия потеряла основного покупателя своих изделий – Англию, которая поглощала практически весь объем российского экспорта*.

Несомненно, что континентальная блокада оказывала неоднозначное воздействие на отечественную экономику. С одной стороны, она существенно подрывала основы крупного помещичьего хозяйства, лишая экспортеров зерна внешнего рынка, что привело к четырехкратному сокращению объемов зернового экспорта** и, как следствие, резкому падению цен на внутреннем рынке на все товары сельскохозяйственного производства. Снижение цен, безусловно, затрагивало интересы крестьян и вело к расстройству финансовой системы страны – курс российских ассигнаций падал.

В то же время нарушение или прекращение, хотя бы временное, экономических связей с развитыми индустриальными странами, поставлявшими на отечественный рынок высококачественные промышленные изделия, способствовало развитию ряда отраслей промышленности, особенно текстильной, создавая ей монопольное положение на внутреннем рынке. Однако даже в этих условиях в целом ввоз иностранных товаров значительно превосходил выпуск российской продукции.

Вопросы внешней торговли и таможенной политики играли основополагающую роль в проведении экономической политики в начале века. При помощи высоких таможенных пошлин правительство на протяжении длительного периода проводило фискальную политику, получая достаточно высокие доходы***.

Между тем тяжелое финансовое положение и отрицательный баланс внешней торговли, сложившийся к концу 10-х годов из-за высокой расходной части бюджета (значительная величина расходной части бюджета предназначалась на военные затраты) также стали причиной, побудившей правительство пересмотреть таможенную политику – правительству не всегда удавалось собрать намеченную сумму налогов из-за бедности населения, что конкретно выразилось в необходимости пересмотра таможенного тарифа.

Можно сказать, что самая ранняя попытка пересмотра действующего таможенного тарифа, утвержденного в 1797 г., была инициирована в 1801 г., когда был подготовлен проект нового таможенного тарифа, впоследствии отклоненный правительством по той причине, что ряд землевладельцев и предпринимателей не видели возможным проведение изменений в таможен-

* *Куприянова Л. В.* Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40–80-е гг. XIX века). М., 1994. С. 8.

** *Покровский В. И.* Сборник сведений истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1902. Т. 1. С. 3–4.

*** *Досушков Н. А.* Статистический сборник таможенного дохода России в период 1822–1890 гг. СПб., 1892.

ном законодательстве, так как эти изменения могли стать причиной сокращения объемов производства; тем не менее, правительство проявляло интерес к обновлению тарифа.

Меры, выработанные в дальнейшем с целью утверждения принципов таможенной политики, относятся к 1804 г.^{*}, когда правительство рассмотрело два варианта тарифной политики. Было признано необходимым преодолеть ее фискальную направленность, отдав предпочтение регулированию товарооборота в зависимости от потребностей в тех или иных товарах. В этот период в порядке исключения были снижены таможенные пошлины на ряд товаров и продуктов. Однако до практической реализации такой политики и ее дальнейшего продолжения дело не дошло – помешала международная обстановка, когда начавшиеся военные действия изменили направленность таможенной политики, поскольку возникла острая необходимость в дополнительных средствах.

Исторический опыт свидетельствует, что разработка экономической стратегии в первом десятилетии XIX века находилась в постоянном развитии и была направлена на разработку принципов, выработку и регулирование тарифов для решения на их основе самого широкого круга вопросов^{**}, но не была завершена не только по внешнеполитическим причинам.

Стратегия, разрабатываемая в тот период, определяла необходимость реализации ряда приоритетных целей: превосходящее развитие ряда отраслей народного хозяйства, достижение конкурентных преимуществ по сравнению с европейскими странами, решение проблемы повышения качества товаров, модернизация производства, создание условий для жесткого контроля над государственными расходами^{***}, а кроме того, опережающее развитие внешней и внутренней торговли. Способом для максимального достижения поставленных стратегических целей, и прежде всего экономического опережения, превалировал до октябрьской революции 1917 г., с точки зрения идеологов таможенной политики, протекционизм. Этих же установок придерживалась и таможенная политика, в которой выделялись два направления – фритредерство и протекционизм.

Протекционизм – это государственная политика, защищающая отечественную экономику от иностранной конкуренции, которая проводится путем установления ограничительных таможенных пошлин на ввозимые то-

^{*} Коммерческие вопросы. 1804. № 40. Автором записки « О разуме тарифа » является Н. П. Румянцев.

^{**} Лебедев Н. А., Рагулина Ю. В. Влияние идеологии и практики финансового контроля в России на обеспечение экономического роста: начало пути // Вестник АКСОР. 2015. № 2.

^{***} Шепелёв Л. В. Торгово-промышленные ведомства России в первой четверти XIX века // Английская набережная, 4. СПб.: Лики России, 2000. С. 165.

вары с целью сокращения их ввоза, либо квотирования импорта, введения валютных ограничений, развития экспорта товаров через снижение или возврат пошлин и иных мер.

С другой стороны, протекционизму в качестве альтернативы противостоит фритредерство, с его приоритетом широкой интеграции стран в планетарное экономическое сообщество, поддержки экспортных отраслей, что для нашей страны с ее богатыми природными ресурсами всегда было злободневным, как и важность рекуперации известных научно-технических достижений, преодоления имеющегося изоляционизма, либерализации внешнеэкономических связей и т. д.

Надо полагать, что протекционизм начала века выступал как политика прежде всего отечественной буржуазии. Важно отметить, что поддержка отечественной промышленности правительством способствовала заметному наращиванию значения промышленной буржуазии. Понятно, что подобная политика не была не только достаточно соразмеренной, но более того, эта политика, по существу, не учитывала основополагающие интересы аграрных товаропроизводителей, в своем большинстве вынужденных оставаться фритредерами, выступающими за свободу торговли, поскольку сельхозпродукция выступала важнейшим экспортным товаром.

В этой связи макроэкономическая невыгодность крепостного права становилась все более острой на фоне набиравшего силу капитализма и расширения внутреннего рынка. Как отмечалось, тупиковость ситуации обозначилась особенно ясно на фоне зримого отставания от европейских стран, которые уже к началу века достигли в экономическом развитии заметных рыночных успехов.

Не секрет, что в России основополагающей базой экономического развития выступал аграрный сектор, основная масса населения оставалась крестьянской, а доминирующей отраслью хозяйства – сельское производство с коротким периодом работ, малоплодородными почвами и низкой суммой положительных температур.

Макроэкономические интересы, проявляющиеся в стремлении буржуазии к отмене крепостного права, противоречили микроэкономическим интересам помещиков – земельных собственников, выступающих в своем большинстве за его статус-кво. Этот диссонанс в целом положительно отражался на экономическом положении страны, вызывая рост промышленного производства, с одной стороны, во многом благодаря преимуществам вольнонаемного труда, прежде всего его более высокой производительности. В тот период отечественная буржуазия еще не имела возможности оказывать влияние на принятие макроэкономических решений по той причине, что преобладал крепостной и посессионный труд, а капиталистические формы ведения хо-

зяйства еще недостаточно проявились не только в промышленности, но и в торговле.

К началу XIX в. российское хозяйство стало рыночно-крепостным. Этот аспект чрезвычайно важно подчеркнуть, поскольку, «развиваясь в рамках различных специфических социально-экономических систем, рыночные отношения становятся способом (или одним из способов) реализации отношений данной системы и обеспечения ее функционирования и воспроизводства. Чем больше основы рыночной и специфической систем соответствуют друг другу, тем полнее используется потенциал рыночных отношений и выше их роль в социально-экономическом и общественном развитии в целом»*. Именно расширение рыночных отношений способствовало применению передовых для того времени технических средств в различных отраслях экономики. Аграрный сектор также впитывал в себя известный прогресс. Указанные обстоятельства положили начало преобразованиям экономики.

Первая попытка разработки стратегического плана развития страны, как показывает анализ, была предпринята правительством в 1809 г.

С разработкой общего плана всеобщих государственных преобразований, суть которого состояла в попытке проведения глубокого конституционного реформирования основ общественно-политического устройства и постепенной последующей отмены крепостного права, правительство впервые продемонстрировало понимание общности этих вопросов.

Одной из центральных составных частей плана явилась разработка таможенной политики, носившей в тот период охранительно-протекционистский характер, что, по мнению известного историка А. В. Предтеченского, перед Отечественной войной 1812 г. стало «решающим фактором оживления российской промышленности»**.

Текущая таможенная политика предполагала возможность не только остановить прогрессирующее падение курса отечественных ассигнаций, но и заложить основы новой отечественной промышленности. Таможенная политика принимала все более протекционистский характер, причиной чему были и планы правительства экспортировать морем отечественные товары и восстановить экспорт зерна, что придаст стимул дальнейшему развитию земледелия.

Несомненно, геополитический фактор в начале XIX в. оказывал влияние на таможенную политику. Это, например, выражалось и в том, что правительство, с одной стороны, предоставляло таможенные льготы и самые широкие преференции в сфере внешнеэкономической деятельности тем стра-

* Смешанное общество: Российский вариант / ред. Л. В. Никифоров. М.: Наука, 1999. С. 63.

** Предтеченский А. В. Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 334.

нам, с которыми Россия в данный период в силу политических причин была тесно связана. С другой стороны, с враждебными государствами правительство объективно ограничивало внешнеэкономические связи.

С этой точки зрения на определение стратегии неблагоприятно повлияло, в частности, заключение в 1807 г. Тильзитского мира с Францией, по которому Россия должна была, во-первых, принимать самое деятельное участие в блокаде Англии, а во-вторых, прекратить с ней все внешнеэкономические связи. В дальнейшем же Франция не смогла в период континентальной блокады во внешнеэкономических связях с Россией заменить Англию. Неудивительно поэтому, что необходимость потребовала восстановления торгово-экономических отношений с Англией, в связи с чем последовало разрешение на ввоз товаров из английских колоний. Все это несколько сбалансировало внешнеэкономические связи и таможенную политику, что благоприятствовало дальнейшему развитию русской промышленности и дало возможность после войны в сжатые сроки восстановить разрушенное производство. Так, статистика свидетельствует, что в 1812 г. в Москве работали 136 фабрик, на которых трудились 37 тыс. человек; в 1814 г. насчитывалось уже 253 предприятия*.

Новые послевоенные задачи, стоящие перед страной, требовалось реализовать по ряду направлений, из которых основополагающим стало совершенствование структуры государственной власти путем создания Государственного совета. Его компетенции включали макроэкономическое регулирование, в том числе реализацию плана финансовых преобразований**, а также законодательную поддержку развитию важнейших народно-хозяйственных отраслей, развития транспортной инфраструктуры, регулирования хозяйственных отношений.

Не менее важным направлением стала интерполяция таможенной политики в стратегию общего развития страны. Это оказалось немаловажным, ибо недостаточность и противоречивость влияния на некоторые отрасли хозяйства, на тот или иной стратегический выбор позволил впоследствии проводить маневры, отвечающие экономическим интересам страны как в целом, так и в отдельные периоды. Это можно хорошо проиллюстрировать на примере деятельности Государственного совета. Так, одной из задач, которые должен был определять Государственный совет, было выделено таможенное регулирование, и прежде всего выработка таможенного тарифа по определенным группам товаров. Привлекались к решению подобных задач,

* Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг. СПб., 1816.

** Коркунов Н.М. Политические воззрения Сперанского до знакомства с Императором Александром // Вестник права. СПб., 1899. № 8. Октябрь. С. 4; Сборник Русского экономического общества. Т. 45. СПб., 1885.

как бы сейчас сказали, профильные министерства и ведомства, в том числе те, которые были вновь созданы в период реализации первой реформаторской волны.

Третье направление реализации поставленных задач включало учет преобладающих отраслей промышленности (горно-металлургической, текстильной) в соотношении к сельскому хозяйству.

Видение экономики страны как общей совокупности и неразрывности промышленных отраслей с сельским хозяйством, когда каждый отдельный компонент рассматривался в сочетании с другими, обеспечивалось проведением генеральной стратегической линии, реализовывавшейся во взаимозависимости внутренних и внешних факторов, влияющих на отраслевое развитие. Обратная связь проявлялась при этом в улучшении экономических показателей, оказывающих влияние на развитие отдельных отраслей. Это достижение было важным для общей стратегии развития и, в частности, для таможенной политики как ее важнейшей составляющей.

Однако такие установки в стратегии сделали возможным использование в тактических решениях мобильности, что равным образом при общем протекционистском течении политики государства санкционировало использование и фритредерских принципов.

В 1802 г. М. М. Сперанский писал: «Во всех государствах, идущих к просвещению, сверх силы законов и правительства, устанавливается... особый род силы, коей действие над умами вначале слабое, мало-помалу расширяясь, делается, наконец, главною стихиею политического бытия...»

Почтенная в своих действиях, когда действует к общему благу, ужасна в заблуждениях, когда направление ее противно общественным постановлениям. Во всех случаях она составляет важнейший предмет размышлений законодателей и воздействия правительства.

Сия сила есть сила общего мнения»*.

И к 1814 г. общественные настроения, которым М. М. Сперанский придавал огромное значение в деле общественного развития, привели к популяризации фритредерских идей.

Это позволило до середины XIX в. удерживать фритредерское направление таможенной политики. Правда, в отечественных условиях положение о важности общественных настроений, выдвинутое М. М. Сперанским, уже более двухсот лет остается более благим пожеланием, а не руководством к действию со стороны исполнительных и законодательных органов власти. Но тогда, двести лет назад, правительство, идя более навстречу пожеланиям стран – участников антинаполеоновской коалиции, а не общественному мне-

* Сперанский М. М. Указ. соч. С. 77.

нию внутри страны (следует отметить, что в этом случае пожелания совпали), либерализовало направление таможенной политики.

И уже в 1816 г., когда был принят фритредерский тариф, импортные изделия стремительно наводнили российский рынок, что пронзительно заморозило развитие русской промышленности. Наибольшие неприятности доставила отечественной экономике конкуренция с английской промышленностью.

В отправной период фритредерских изменений внешнеторговые условия экономическому развитию благоприятствовали, что определялось рядом причин, и прежде всего неурожаем в Европе, по причине которого значительно увеличился экспорт отечественного продовольствия, чем представился удобный для русского правительства случай оплатить импорт, резко возросший в Россию. Но данная ситуация долго не продержалась, спрос на отечественные сельхозпродукты снизился, и Англия, поддерживая интересы своих землевладельцев, свернула закупки зерна, после чего отечественные продукты не стали пользоваться спросом на внешних рынках. Валюта уходила за границу, а торговые коммерческие дома оказались в тот период, как концептуально определил С.Ю. Витте, «накануне катастрофы»*.

В итоге правительство отбросило фритредерство и вновь повернулось в сторону политики протекционизма.

Действительно, с принятием фритредерского тарифа 1819 г. и продолжающегося промышленного упадка в общественном сознании стал доминировать взгляд на необходимость освобождения от иностранной зависимости**.

Понимание правительственной позиции объясняется тем, что оно также видело необходимость вернуться к протекционизму, который все более и более был необходим стране, запаздывавшей в своем развитии, «дабы не впасть в еще большую зависимость»***. Ключевой же вопрос заключался в том, что задуманный переход вселил радужные перспективы на его реализацию через аккумуляцию государственных доходов, «большое влияние имевших»****.

Применительно к практике протекционистский тариф 1822 г. дал планируемые результаты преимущественно в центральных губерниях, где были повсеместно распространены мануфактурные промыслы. В совокупности, по мнению исследователей, итогом запретительного протекционизма оказался «упадок мануфактур, застой земледелия, стеснение внешней торговли, раз-

* *Витте С. Ю.* По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. СПб., 1912. С. 43.

** *Шапошников Н. Н.* История внешней торговой политики дореволюционной России // Экономика и политика внешней торговли / под ред. М. Н. Соболева. Л., 1928. С. 173.

*** *Рафалович А. Л.* Организация международной торговли. Л., 1924. С. 25.

**** Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 1. С. 323.

витие контрабанды»*. Но самое, пожалуй, главное – в исследуемый период протекционизм, так же как ранее фритредерство, не ограничивал крепостничество – главнейший тормоз на пути экономического развития страны.

С начала второй половины XIX в. одним из первых важных шагов в решении задачи индустриализации страны, стимулом масштабного железнодорожного строительства становится акцент на общую фритредерскую направленность экономического развития. Именно в этот период была определена основа для экономического рывка 70–80-х годов.

Потребность в ограничении дефицита импортных изделий, используемых в железнодорожном строительстве, снижении цен на них вызывало необходимость изменения стратегии, вновь в этом веке продиктовало переход к фритредерству от запретительно-протекционистской таможенной политики, который детально готовился с 1846 по 1850 г. и заключал продуманную оценку международного и внутреннего положения страны.

Дальнейшие меры были ориентированы на закрепление практических результатов таможенной политики в направлении прироста ввоза зарубежных товаров, роста таможенных поступлений в бюджет во второй половине 50-х годов. Результатом стало то, что во второй половине 50-х годов XIX в. импорт в Россию возрос на 58%, в то время как экспорт возрос не более чем на 37%. С позиций нашего времени, видно, что вывереннее было бы снизить экспортные пошлины, однако с точки зрения П.Б. Струве, финансовые соображения не дали правительству их отменить**. Наряду с этим, с точки зрения ряда исследователей, таможенный доход заметно не увеличился, скорее всего, по причине инфляции, вызванной в том числе и необходимостью формирования военного бюджета***.

Еще в начальный период подъем железнодорожного строительства вызвал потребность дальнейшей перестройки таможенной политики касательно импорту металлов, что благоприятствовало дальнейшему железнодорожному строительству, что позволило связать страну в общее хозяйственное целое и что в итоге способствовало расширению российского рынка.

С 20-х годов таможенный курс имел протекционистскую направленность. Но с окончанием Крымской войны экономическая обстановка изменилась. Торговый и платежный баланс постиг регресс вследствие заказов, размещенных за рубежом, и неуправляемого беспошлинного ввоза инфраструктурной составляющей для железнодорожного строительства.

* См.: Бутковский А. И. О запретительной системе и о новом тарифе. СПб., 1857. С. 27. И. В. Вернадский писал: «Протекционизм являлся тенью убегающего меркантилизма» (Министерство финансов в 1802–1903. Ч. I. С. V).

** Струве П. Б. Торговая политика России. СПб., 1913. С. 218.

*** Рейтерн М. Х. Таможенный доход. СПб., 1910. С. 120–123; Кулишер И. М. Очерки истории русской промышленности. Пг., 1922.

Более поздний, постреформенный период развития страны – это уже другой период, период новой экономической стратегии, социально-экономического подъема и экономических кризисов и отсутствия устойчивости в таможенной политике.

Отмена крепостного права, начавшаяся в центральных районах в феврале 1861 г. и продолжавшаяся до 1870 г. (с ее окончанием в Азербайджане и Армении), а также многоаспектное проведение ряда других реформ позволило войти в новый период развития страны, охарактеризованный готовностью правительства разработать направление обновленной стратегии экономического развития, наряду с тем и новое направление формирования таможенной политики.

Капиталистическая трансформация в целом способствовала прогрессивным экономическим изменениям экономики. С 80-х годов XIX в. ведущие отрасли народного хозяйства, непосредственно связанные с таможенной политикой, вошли в зону роста. Но определяющая роль в экономике страны закрепилась за сельским хозяйством: посевные площади увеличились, урожайность и сбор зерновых возросла.

Достигли высоких темпов процессы кооперации и концентрации капитала, что сопровождалось задатками формирования технологического производства. Развивался железнодорожный и водный транспорт, что, конечно же, способствовало росту промышленности и развитию рыночных отношений.

Итак, как мы видим, Россия выказывала стремление к созданию независимой отечественной системы капиталистической экономики, к расширению и освоению внушительного внутреннего рынка, к захвату рынков внешних.

В самом деле, реализация стратегии в новых условиях развития требовала промышленной индустриализации, создания новых отраслей, более эффективных способов государственного регулирования.

При определении экономической стратегии в области таможенной политики в период адаптации экономики к новым требованиям решались следующие задачи: значительно увеличить таможенный доход, усилить таможенное покровительство обрабатывающей промышленности, сформировать положительный внешнеторговый баланс. Итогом реализации таможенной политики с 1877 по 1890 г. можно назвать увеличение объема машиностроения на 27%, добычи нефти – на 49%, каменного угля – на 41%*; таможенный доход достиг 102,6 млн рублей золотом**, или 20,1%, в сумме доходов бюджета. Что важно, с принятием 10%-ной фискальной таможенной пошлины в 1880 г., взимаемой и с импортных, и с экспортных товаров, Россия достигла положительного сальдо государственного бюджета***.

* Яковлев А. Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955. С. 131.

** Министерство финансов в 1802–1902 гг. СПб., 1902. Ч. I. С. 632–634; Ч. II. С. 634–636.

*** Хромов П. А. Указ. соч. С. 453.

Можно утверждать, что политика таможенного покровительства полностью себя оправдала: увеличился таможенный доход, сформировался положительный внешнеторговый баланс.

Покровительственная таможенная политика, при помощи которой реализовывался принцип равного покровительства всех отраслей промышленности, позволила успешно осуществлять регулирование внешнеэкономических связей таможенными мерами, эластично защищать создаваемые отрасли промышленности и рынки сбыта. Таможенное покровительство стало выступать как стройная экономическая система.

Обобщенный анализ показывает, что торгово-таможенное законодательство обеспечивало получение значительных преимуществ от геополитического положения страны на промышленное развитие и развитие торговли, на преодоление изолированности и налаживание торговых транзитных путей. Вместе с тем международное положение России не всегда складывалось позитивно, не было постоянно устойчивым, что не сделало возможным разработку единого стратегического курса, которым могло бы следовать правительство в течение относительно продолжительного периода.

Л и т е р а т у р а

1. *Абалкин Л. И.* Экономические воззрения и государственная деятельность С. Ю. Витте. М.: ИЭ РАН, 1999.
2. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. М.: Весь мир, 2007. Т. 3. Время мира.
3. *Бутовский А. И.* О запретительной системе и о новом тарифе. СПб., 1857.
4. Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг. СПб., 1816.
5. *Витте С. Ю.* По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. СПб., 1912.
6. *Глазьев С. Ю., Львов Д. С., Фетисов Г. Г.* Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука, 1992.
7. *Досужков Н. А.* Статистический сборник таможенного дохода России в период 1822–1890 гг. СПб., 1892.
8. *Злотников М. Ф.* Континентальная блокада и Россия. М.-Л., 1966.
9. История российского государства. Учебное пособие для вузов / под ред. Ш. М. Мунчаева. М.: Юнити, 2001.
10. Коммерческие вопросы. 1804. № 40.
11. *Конотопов М. В. Котова А. А., Сметанин С. И.* [и др.]. История отечественной текстильной промышленности. М., 1992.
12. *Коркунов Н. М.* Политические воззрения Сперанского до знакомства с Императором Александром // Вестник права. СПб., 1899. № 8. Октябрь.
13. *Кулишер И.М.* Очерки истории русской промышленности. Пг., 1922.

14. *Куприянова Л. В.* Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40–80-е гг. XIX века). М., 1994.
15. *Лебедев Н. А., Рагулина Ю. В.* Влияние идеологии и практики финансового контроля в России на обеспечение экономического роста: начало пути // Вестник АКСОР. 2015. № 2.
16. Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. I; Ч. II.
17. *Покровский В. И.* Сборник сведений истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1902. Т. 1.
18. *Предтеченский А. В.* Из творческого наследия. СПб., 1999.
19. *Рафалович А. Л.* Организация международной торговли. Л., 1924.
20. *Рейтерн М. Х.* Таможенный доход. СПб., 1910.
21. *Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998.
22. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 45.
23. Смешанное общество: Российский вариант / ред. Л. В. Никифоров. М.: Наука, 1999. – 328 с.
24. *Сперанский М. М.* Проекты и записки / под ред. С. Н. Валка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
25. *Струве П. Б.* Торговая политика России. СПб., 1913.
26. *Тимошина Т. М.* Экономическая история России. М., 1998.
27. *Ханин Г. И.* Советский экономический рост: анализ западных оценок. Новосибирск: Экор, 1993.
28. *Хромов П. А.* Экономическое развитие России в XIX–XX вв. М.: Госполитиздат, 1950.
29. *Шапошников Н. Н.* История внешней торговой политики дореволюционной России // Экономика и политика внешней торговли / под ред. М. Н. Соболева. Л., 1928.
30. *Шепелёв Л. В.* Торгово-промышленные ведомства России в первой четверти XIX века // Английская набережная, 4. СПб.: Лики России, 2000.
31. *Яковлев А. Ф.* Экономические кризисы в России. М., 1955.

14. КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ В РОССИЙСКОЙ ПОРЕФОРМЕННОЙ ДЕРЕВНЕ

Исторический опыт развития мелкого промышленного производства вообще и кустарной промышленности в частности, еще несколько десятилетий назад представлявший исключительно академический интерес, в контексте современных цивилизационных трансформаций приобретает характер вполне практических коннотаций. Смещение вектора прогресса человечества в сторону интеллектуализации всех сфер общественной жизни и возрастания значения знания и информации регенерирует доминирующую роль субъекта, наделенного эксклюзивными умениями и навыками, чей труд несовместим с унифицированным и массовым производством, асимметричен малым экономическим формам. Вряд ли преувеличением будет отметить, что именно такие характеристики были в полной мере присущи экономической деятельности кустарей, которые были вынуждены быстро адаптироваться к меняющимся хозяйственным условиям.

Помимо общепланетарного тренда актуальность изучения опыта функционирования экономического сегмента, основанного на самоорганизации населения в современных российских условиях, становится особенно очевидной в связи с необходимостью формирования механизма рекрутирования в рыночную экономику широких масс, иницирующего их самостоятельную и хозяйственную активность.

И, наконец, в научном плане дальнейшее освоение истории кустарной промышленности позволяет расширить эмпирическое основание развития теории модернизации, дискуссионным аспектом которой остается проблема соотношения традиции и модерна в переходе общества к современности.

В качестве объекта настоящей статьи выбраны кустарные промыслы Московского региона, имевшего в силу естественных и исторических факторов уникальный социально-экономический облик и особенный характер процессов, происходивших в его хозяйственном строе.

Хронологически описываемый в статье сюжет ограничен первыми пореформенными десятилетиями (до начала 1890-х годов). Крестьянская реформа была принята в качестве отправного события в силу того, что освобождение крестьян дало толчок либерализации сельской экономики, обусловившей качественную трансформацию промышленной отрасли крестьянских хозяйств. В последующие за реформой три десятилетия достаточно отчетливо

намелись новые черты мелкой крестьянской промышленности, но еще не проявилось влияние политики государства и земств, активизировавшееся в последней четверти XIX столетия и существенно отразившееся на характере происходивших в данном сегменте аграрной экономики изменений.

Проблематика, связанная с развитием кустарной промышленности, в том числе Московского региона, не сформировалась в научное направление исследований российских историков. Однако было бы несправедливым не отметить работы, наметившие ее общий контур и направления освоения темы. Происходившие в кустарной отрасли крестьянских хозяйств изменения стали предметом внимания земской интеллигенции. Несмотря на то что трансформация кустарного производства региона становилась реальностью, в целом скрепы, удерживающие его в лоне традиционного строя, оставались в первый пореформенный период непреодолимыми. Большинство земских статистиков отмечали недифференцированность промышленных и земледельческих занятий сельского населения региона.

Кустарные «гнезда» с преобладающими промышленными занятиями в этот период являлись в большей мере редкостью, чем закономерностью. И даже в таких малопродуктивных промышленных губерниях, как Московская, где было бы всего естественнее искать подобного рода места концентрации крестьянской промышленности (промышленные кластеры), исследователи С. Харизоменов и В. Пургавин, глубоко изучавшие кустарные промыслы этой местности в конце XIX в., широкого распространения специальных поселений не обнаружили*.

Втягивание крестьянских хозяйств Московской губернии в товарно-денежные отношения обусловило рост хозяйственных рисков, повышающих возможность пролетаризации значительной массы кустарей, и детерминировало их стремление к поиску источников экономической стабильности. В представлении либерального народника В. П. Воронцова главным из них по-прежнему являлась традиционная отрасль крестьянской деятельности – земледелие, что проявлялось в усилении тяги кустарей к сельскому хозяйству и отмечалось в Московской губернии в конце 70-х – начале 80-х годов XIX в.

Центральное место в земской историографии, как и в общественном сознании, второй половины XIX в. занимала проблема освоения кустарной промышленности капиталом. Исследователь кустарной промышленности Московской губернии А.С. Орлов отмечал, что форму капиталистической работы на дому «к 1900 г. приняли многие промыслы, за 20 лет перед тем

* Пургавин В. Промыслы Владимирской губернии. Александровский уезд. М., 1882; *Он же*. Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда Владимирской губернии. М., 1884; Харизоменов С. Промыслы Владимирской губернии. Александровский уезд. М., 1882.

бывшие кустарными: домашняя же промышленность 1880 г. во многих отраслях сделалась через 20 лет фабрично-заводской»*.

Сюжет, связанный с общественным движением в поддержку кооперации кустарей и ремесленников, стал предметом изучения двухтомной монографии Г. П. Петрова**.

Советский историографический период характеризовался ослаблением исследовательского интереса к проблеме модернизации кустарно-ремесленной промышленности на основе товарных отношений, что в известной степени объяснялось концептуальной позицией большевиков, относивших кустарную промышленность к разряду рудиментов прошлого, подлежащих неизбежному искоренению. Один из видных представителей большевистской элиты, М. П. Томский, прямо заявлял на VIII съезде РКП(б): «Для нас ясно, что кустарное производство есть пережиток старины, пережиток вредный...»***.

Кустарная промышленность рассматривалась в трудах советских историков только в качестве одного из сюжетов аграрной проблематики. Немногие появившиеся в этот период работы, освещающие сюжеты, связанные с модернизацией мелкой промышленности, были обязаны постановке в отечественной исторической науке проблемы преодоления многоукладности экономики в условиях транзита к социализму. В контексте решения этой задачи ставились конкретные цели в монографии П. Г. Рындзюнского: восполнить пробел советской историографии в плане изучения степени капитализации крестьянских промыслов в пореформенной России****.

Историко-географическая работа К. Н. Тарновского стала показателем формирования нового качественного этапа в изучении кустарно-ремесленной проблематики. Исследователь, опираясь на значительный архивный материал, районировал территории плотного расселения кустарей, в том числе и в Московском регионе, которые характеризовались спецификой проявления общественного разделения труда, капитализации, кооперирования, результативности мер правительственного содействия*****.

Настоящая статья не претендует на окончательное преодоление имеющихся пробелов в изучении кустарной промышленности нечерноземной деревни. При ее подготовке авторы ставили конкретную задачу определения

* Орлов А. С. Кустарная промышленность Московской Губернии и содействие кустарям со стороны земства, разных учреждений и частных лиц. М., 1913. С. 10.

** Петров Г. П. Промысловая кооперация и кустарь. М., 1917. Т. 1–2.

*** Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1958. С. 82

**** Рындзюнский П. Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80 годы XIX в.). М.: Наука, 1966. С. 8.

***** Тарновский К. Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1995.

основных направлений развития кустарных промыслов региона, в силу особенностей хозяйственного строя, представляющих специфическую парадигму модернизации мелкой сельской промышленности.

Работа написана на основе комплекса источников земского происхождения: статистики, инструкторских описаний и т. д. Отдельные уточнения исторической картины качественной трансформации кустарных промыслов региона пореформенного периода удалось воссоздать благодаря привлечению материалов Центрального исторического архива, впервые введенных в научный оборот.

Промышленные занятия крестьян Московской губернии были опосредованы рядом социальных, политических и естественно-географических факторов. Утверждение о том, что развитие кустарных промыслов сельского населения нечерноземной деревни было обусловлено исключительно неплодородием почвы, страдает упрощением. На самом деле, корни кустарничества стоит искать как в традиции средневековых промыслов Волжско-Окского междуречья, обслуживавшего важные направления товарного транзита, так и процессами, которые в конечном итоге определили рост и величие Московской государственности. Став центром хозяйственной жизни страны, Московский край, как никакой другой, испытывал влияние развернувшейся в экономике страны модернизации, определившей основные направления эволюции, в том числе кустарной промышленности Подмосковья.

В сочетании с наличием непростых природных условий политические и социальные предпосылки создали необходимую питательную среду для промышленной деятельности сельского населения.

В отличие от других регионов Центрального Нечерноземья уже к середине XIX столетия промысловая деятельность наряду с сельским хозяйством составляла значительную часть бюджета крестьянских семей Московской губернии и охватывала практически все трудоспособное население деревни. В среднем на один крестьянский двор приходилось 1,68 работников, из них 1,53 занимались промыслами, а удельный вес всех кустарей среди трудоспособного населения составлял 87,5%*. В соседней, достаточно развитой в промышленном отношении Владимирской губернии кустари составляли 13,0% от общего и 14,5% от крестьянского населения**.

К середине XIX в. в московской деревне сформировалась, хотя и малочисленная, группа промышленников, полностью отказавшаяся от сельскохозяйственных занятий. В нее входили кустари, обладавшие особыми масте-

* Материалы для статистики России, собранные по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1858. С. 32.

** Памятная книжка Владимирской губернии на 1848 год. Владимир, 1848. С. 89. (Расчеты выполнены авторами.)

выми навыками, которые за свой труд получали достойное вознаграждение, или крестьяне, «отлучающиеся для промыслов в весьма далекие места»*.

Крупное фабричное производство, генезис которого в столичном регионе начался значительно раньше, чем в других нечерноземных губерниях, стало фактором, активно вторгавшимся в уклад промышленной отрасли крестьянских хозяйств. В Богородском уезде Подмосковья фабрики привлекали в 23 раза больше работников, чем кустарная промышленность, в Серпуховском – в 2 раза, в Можайском – в 2 раза, в Рузском – в 3 раза, в Волоколамском – в 2 раза, в Дмитровском – в 2 раза**. По словам самих сельских промышленников, например, «обучение ткачеству, особенно простых материй, которые по массе составляют главную часть здешних фабрикаций, особенно сельской, гораздо проще, нежели обучение ремеслам»***.

Фабрика, вторгаясь в привычный уклад жизни крестьян, деформировала эволюционный ход развития их хозяйств. В прежние времена, находя привычный заработок и пополнение денежных ресурсов в неземледельческих занятиях, сельские жители нечерноземного региона сформировали отлаженную систему преемственности навыков мелкой промышленной деятельности. Машинное производство, не требуя особого мастерства, привлекало в свои ряды значительную часть трудоспособного населения, прерывая сложившийся порядок передачи традиционных навыков. Молодежь из семейств кустарей, зная о сложности и трудности заработка в крестьянской промышленности, предпочитала работу на фабрике. Более высокая доходность работы на фабрике привлекала и тех, кто десятки лет жизни посвятил кустарному производству. В результате развития фабричной промышленности в Подмоскowie многие кустари отказывались от самостоятельной промысловой деятельности и переходили в разряд домашних фабричных рабочих или становились постоянными работниками крупных промышленных заведений****.

Специфические черты развития кустарного производства в значительной степени определял столичный характер региона, аккумулировавшего помимо культурного и большой экономический потенциал. Во-первых, работа в столице отличалась повсеместно значительными заработками, что иллюстрируют ниже приведенные данные:

* ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 4. Ед. хр. 151. Л. 105.

** Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1858. С. 40.

*** ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 3. Ед. хр. 117. Л. 21.

**** ЦИАМ. Ф. 188. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 18.

Таблица 1

**Годовые доходы крестьян Московской губернии
 по видам промысловой деятельности в середине XIX в.***

Категории промысловиков	Виды промысловой деятельности	Средний доход (руб.)	Максимальный доход (руб.)
Работники фабрик	–	30–50	80
	мастер, приказчик	40	70
	ткачи сукон	75	
	ткачи шелковых материй	70	
	ткачи х/б материи	50	
Надомники, работающие на фабрику	Ткачи шелковых материй	65	
	Ткачи х/б материй	35	50
Кустари	–	60	100
Ремесленники в городах	–	70	100
Ремесленники в сельской местности	–	50	85
Работники в городах	–	60	100
Управленцы, (управляющие, приказчики, старосты и т. д.)	–	60	115
Мелкие капиталисты	–	80	125

Во-вторых, Москва и ее окрестности превратились за многовековую историю хозяйственного развития в национальный центр крестьянской промышленности не только потому, что в целом условия Нечерноземья инициировали ее бурное развитие внутри региона, но и в силу привлекательности губернии для кустарей других районов страны. Сюда шли искать «богатого заработка» мастера даже тех территорий, в которых собственный потенциал потребительского рынка был далеко не исчерпан. Например, земский статистик из Твери, говоря о направлениях отхода кустарей из губернии, констатировал: «Всякому, кто сколько-нибудь знаком с условиями, в которых находится ремесленное производство в Москве и Петербурге, известно, что два раза в течение года из разных концов России притекает туда множество обывателей, бросающих соху и косу для портняжного, сапожного и всякого другого ремесла»**.

* ЦИАМ. Ф. 188. Оп. 4. Ед. хр. 301. Л. 4.

** Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Т. IV. Старицкий уезд. Тверь, 1890. С. 138.

Плотность кустарного населения, дополняемая активным притоком сторонних промышленников, создавала особую конкурентную среду, определяющую активность модернизационных процессов в крестьянской промышленности страны.

В-третьих, емкость столичного рынка способствовала формированию в кустарной промышленности Подмосковья большого сегмента, ориентированного на производства для горожан, что также ускорило переход кустарей к изготовлению нетрадиционных товаров и изменение организационных форм промысла. Условия, порождающие «кустарное перенаселение» региона уже в предреформенные годы, определили основные направления трансформации мелкой сельской промышленности в последующие несколько десятилетий и являлись причиной активного выталкивания за пределы Подмосковья значительной массы квалифицированных кустарных промышленников, «развивая в крестьянах понятия, деятельность и предприимчивость», что отмечали военные статистики Генштаба. «Жители Московской губернии, – писали они, – знают не один свой край, но чуть не всю Россию. Многие сами прошли ее вдоль и поперек, другие наслушались о ней от людей бывалых. Здешним жителям известны не только дела, касающиеся собственно их быта, но и движение торговой и мануфактурной промышленности. Они знают, что требуется в том или ином крае России. Такие люди, при местной невзгоде, не затруднятся идти даже за море, чтобы найти себе хлеб и деньги»*.

В процессе модернизации традиционного хозяйства крестьян Нечерноземья, протекавшей здесь особенно активно в силу интенсивности товарных отношений, кустарные промыслы, находившиеся целиком в их сфере, дифференцировались на структурные сегменты с разными социальными функциями и хозяйственным укладом.

Либерализация экономики, сопровождаемая активным внедрением крупного производства и капиталистического порядка, имела глубокие последствия в структуре и хозяйственном строе традиционных кустарных промыслов. Наметившиеся в предшествующие периоды процессы эволюционной протоиндустриализации кустарных занятий крестьян испытывали со второй половины XIX в. революционизирующее влияние общенациональной модернизации, формируемой «сверху». Сопровождающее революционную ломку традиционного общества население страны привело к кардинальной смене потребительского спроса, в том числе сельского населения. Крестьяне Московской губернии во второй половине XIX в. в большинстве своем отказались от лаптей, стали носить сапоги, картузы и т. д., из обихода ушли и другие предметы традиционного быта.

* Военно-историческое обозрение Российской империи. Московская губерния. СПб., 1853. Т. VI. Ч. III. С. 172.

Вот что по этому поводу писали земские исследователи середины XIX в.: «Что потребности крестьян Московской губернии действительно возросли сравнительно с тем, каковы они были прежде, на это указывает почти повсеместное введение чаепития, некоторое улучшение в устройстве жилищ, выражающееся в замене курных изб белыми с большим количеством окон; но в чем особенно выразилась разница между настоящим и прошлым, это в изменении одежды и обуви. Достаточно указать на то, что расход на кожаную обувь в настоящее время для крестьян считается необходимым, что деревенское франтовство требует теперь от молодых парней сапогов с галошами, стоящих 16–18 р.»*.

Расширение потребительского спроса, инициируемое урбанизацией, увеличило набор видов мелкого производства, которые кустари успешно осваивали. Так, например, традиционный медный промысел дал основание изготовлению оправ для очков; гранильное производство, «изстари» занимавшее крестьян, выросло в предприятия по выпуску оптических линз; женщины, занятые ранее кустарным льноткачеством, перешли на выпуск папиросных гильз и т. д.** Диверсификация мелкой промышленной деятельности кустарного производства в связи с преобразованием социально-экономического строя страны приобрела широкий размах наряду с пополнением выходцами из кустарной среды рядов рабочего класса.

Капитализация хозяйства привела в том числе к капитализации сырьевой базы экономики, что, безусловно, отразилось на состоянии и перспективах развития тех отраслей мелкой промышленности, которые функционировали на «даровом» природном сырье (глине и лесе).

Вот что сообщал корреспондент П. И. Миткевич-Далецкий из Подольского уезда Краснопахорской волости: «В нашей местности живут кустари: щеточники, крючочники, тележники, работающие приборы для сбруи. Для щеточников существуют еще кустари, приготовляющие дощечки для щеток и фанеры для оклейки щеток. Лица, и их довольно много, занимающиеся распилкой дерева на дощечки, приобретали самое дерево березу незаконным путем (порубкою в чужих лесах); но так как такое приобретение неверно, то и самое занятие у них было урывками»***.

Внедрение в повседневную жизнь новых средств транспорта также отразилось на промышленных занятиях сельского населения. В пореформенные десятилетия пришли в упадок целые отрасли кустарного производства,

* Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. М., 1882. Т. VII. Вып. III. Ч. I. С. 193.

** Статистический Ежегодник Московского губернского земства. 1888 г. (Приложение к докладу Управы). М., 1889. С. 13.

*** ЦИАМ. Ф. 192. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 2–2 об.

занимавшиеся ремонтом саней, экипажей, карет и, как ни парадоксально, изготовлением веревок из канатов, в основном служивших для упаковки дров, доставляемых гужевым транспортом в Москву. Корреспондент Звенигородского уезда, священник П. И. Розанов писал: «Местные крестьяне издавна занимаются кручением веревок и витьем канатов. С проведением железных дорог и уменьшением сплава дров и леса по Москва-реке этот промысел упал*».

Однако взаимоотношение крупного и мелкого кустарного производства, так же как и весь ход трансформации, не может быть описано элементарно посредством формулы замещения и вытеснения последнего из области промышленности. Крупный капитал использовал огромный резерв извлечения прибыли из так называемой организации «домашнего производства» кустарей. С другой стороны, благодаря выгоды ручного труда кустарей в технологических операциях, не требующих особой квалификации, но затратных по времени, на селе возникали целые отрасли мелкой промышленности, работавшие в тандеме с фабрикой. Появились отрасли кустарной промышленности, утилизовавшие отходы крупного производства: зольщики, терпужники, бусники и т. д.**

Включение кустарной промышленности в общенациональный модернизационный процесс изменило ее институциональный облик, описание которого в формате одной, даже самой выверенной теоретической системы или организации не представляется возможным. Попытка определить единое направление или вектор развития мелкой крестьянской промышленности Нечерноземья во второй половине XIX в. также обречена на неудачу.

Земские исследователи второй половины XIX в. хорошо понимали непродуктивность единого подхода к описанию кустарной промышленности в целом. Вот что по этому поводу писал один из них – В. Орлов: «На пространстве Московской губернии развито громадное число крестьянских промыслов, различных между собой и по техническим приемам, и по организации, и по экономическим условиям их существования»***.

Фактический материал представляет богатую палитру оттенков и красок общей картины трансформации кустарных промыслов сельского населения Подмосковья: по направлениям эволюции (развитие, упадок); фактическому результату происшедших изменений (концентрация, вытеснение, формирование функционального пространства мелкого производства); степени освоения нового содержания и специализации и т. д.

* ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 14. Ед. хр. 71. Л.31.

** Там же. Л. 35.

*** Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. М., 1883. Т. VII. Вып. III. Ч. II. С. 1.

Даже при анализе процессов в рамках некогда однородной традиционной отрасли промышленного труда становится очевидной дифференциация парадигм социального развития отдельных видов производств с последствиями, результирующимися в формировании принципиально отличных организаций с разным хозяйственным укладом и перспективой дальнейшего развития.

Также не представляется возможным организация материала по схеме «мелкое – крупное производство», к которой нередко прибегало и прибегает сегодня немало исследователей кустарной промышленности*. В структуре производства, функционировавшего в дофабричной форме и основанного в основном на ручном труде, прослеживаются по крайней мере три группы предприятий: деградирующее мелкое производство; мелкое производство, эволюционировавшее в собственное функциональное пространство, ограниченное общественной целесообразностью сохранения ручного труда, высокохудожественных умений мастеров-кустарей и наличием индивидуальных и мелкосерийных потребностей населения малосерийных потребностей населения; и, наконец, мелкое производство, имевшее потенциал эволюции в крупную мануфактуру и фабричную промышленность.

Имущественную и социальную дифференциацию кустарей достаточно скрупулезно в полемике с народниками описали Г. В. Плеханов и В. И. Ленин**. В конкретно историческом контексте этот сюжет хорошо показан в книгах П. Г. Рындзюнского***.

В отечественной историографии много сказано по поводу деструктивно-го влияния индустриализации на кустарные промыслы. Начиная с либеральных народников, этот аспект модернизации экономики второй половины XIX в. занимал внимание многих исследователей.

Совсем иначе обстоят дела с освещением третьей парадигмы развития мелкой промышленности в эпоху модернизации, а именно эволюционное смещение ее функционального поля в определенную, присущую именно мелкому производству экономическую «нишу».

* См., напр.: *Рыбников А. А. Мелкая промышленность России. Сельские ремесленно-кустарные промыслы до войны. М., 1923.*

** *Плеханов Г. В. Наши разногласия. Гл. 2. Капитализм в России // Избранные философские произведения Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956. С. 32; Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // ПСС. Т. 1. С. 209–312; Он же. Кустарная промышленность 1894/95 годов в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности // ПСС. Т. 2. С. 312–424; Он же. Развитие капитализма в России // ПСС. Т. 3.*

*** *Рындзюнский П. Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е годы XIX в.). М., 1996; Он же. Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М., 1978.*

Детальное описание земской статистикой позволяет представить масштабы этого сегмента и общую картину структурно-функциональной дифференциации кустарных промыслов Московской губернии 1880-х годов*.

Границы функционального пространства в новой индустриальной «архитектуре» экономики определялись общественной целесообразностью сохранения малосерийных, высокохудожественных потребностей населения, а также отраслей, где основную или значительную долю вновь создаваемой стоимости товара составляли индивидуальные умения мастеров ручного труда.

Уникальные производства с наивысшим (более 50%) удельным весом оплаты труда мастера в стоимости конечного продукта не имели определенной отраслевой принадлежности. Сфера приложения высококвалифицированного труда рукодельника-кустаря имела место во всех отраслях кустарной промышленности. Так, например, в металлообработке производствами, отличающимися высокой оплатой труда промышленников, являлись: изготовление кованных кроватей, замков, скобяного товара, металлической посуды, ламп и т. д.; в обработке дерева таковым являлось мебельное производство (изготовление рам для зеркал, сундуков, паркета, производство экипажей, деревянной посуды, баляс, чубуков, мундштуков, разных мелких деревянных изделий и т. д.), в целом гранильный промысел, щеточный, лаковых произведений из папье-маше, чулочный, кружевной и т. д.

На первый взгляд прямо противоречили высказанному положению данные по некоторым не требующим особых умений промыслам. Например, выше половины от стоимости конечного продукта составлял заработок кустарей в гончарном производстве (простой крестьянской посуды), изготовлении простого деревянного сельскохозяйственного инвентаря: сох, борон, граблей, метел и веников, выжигании угля, скорняжном промысле, занимавшихся утилизацией мелких обрезков и т. д. Однако такое положение противоречит сказанному лишь на первый взгляд. На самом деле, высокая доля оплаты труда обуславливалась тем обстоятельством, что затраты на сырье в этих производствах были минимальными или вовсе отсутствовали. Для ясности представления о формировании собственного функционального поля кустарной промышленности в индустриальную эпоху следует обратить внимание еще на одну деталь, связанную с характеристикой производств, обретавших место в экономической «нише» мелкого производства. Такие производства, как правило, утрачивали тенденцию к концентрации.

Так, средние показатели численности работающих на предприятиях с высокой оплатой труда мастеров в восьми производствах колебались от од-

* Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. М., 1883. Т. VII. Вып. III. Ч. I. С. 2–15.

ного до двух, в шести – от двух до трех, в четырех – от трех до четырех и только в одном производстве превышали пять человек.

Исследования Московской губернской земской управы, осуществленные под руководством А. Исаева в 1870-е годы, дают возможность детального анализа кустарных промыслов этой группы. Одним из них являлся мебельный промысел, охватывающий в середине 50-х годов XIX в. 87 селений. Мебельный район не был однородным и включал в себя несколько округов, специализировавшихся на определенном виде продукции. Округ корпусной мебели сосредотачивался вокруг села Лигачево Московского уезда Черкизовской волости и обнимал 32 селения. От деревни Брехово, лежащей на границе Московского и Звенигородского уездов, на запад к Воскресенску, тянулись 24 селения, население которых изготавливало белые стулья. За Воскресенском располагалось девять селений, производящих ломберные и гостинные столы. В одном селении, находящемся у Звенигорода, делали исключительно трюмо. Десять селений, не имеющих определенной специализации, были разбросаны по всему мебельному району*.

История столярного производства уходила корнями в глубокую древность. По крайней мере, первые упоминания о нем встречались в источниках XVI в.** Однако его облик до XIX в. существенно отличался от того, который предстал взору исследователей.

Начинался промысел как производство «простейших и наиболее употребительных предметов»: деревянной посуды, «грубые виды которой не что иное, как выдолбленные бруски дерева», кадок, корыт и т. д. Причем значительная часть продукции кустарей-«древделов» употреблялась или в пределах общества или в соседних крестьянских общинах. Даже в середине XIX в. в мебельной области присутствовали свидетельства давней истории деревообработки. Так, крестьяне с. Русовка Московского уезда изготавливали предметы традиционного деревенского быта***.

Важную роль в становлении на основе традиционной деревообработки мебельного промысла сыграл московский пожар 1812 г. В пожаре сгорело практически все, что могло гореть, в том числе деревянная мебель. Сразу после Отечественной войны цены на мебель удвоились и даже утроились, что побудило крестьян-столяров взяться за ее изготовление. Распространению мебельного промысла способствовало то обстоятельство, что еще до войны Петр Семенович Зенин, крестьянский мальчик, прошедший обучение по велению своего помещика, начал производство мелкой мебели. Около 1823 г.

* Промыслы Московской губернии. М., 1876. С. 16–17.

** ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 7. Ед. хр. 14. Л. 3.

*** ЦИАМ. Ф. 11. Оп. 12. ед. хр. 5. Л. 26.

Зенин начал самостоятельное дело в с. Лигачево. По мере взросления в мастерскую пришли четверо младших братьев Петра. Так была создана «семейная ассоциация братьев Зениных». Начав с незатейливых изделий (березовых стульев), Зенины после заключения договора с мебельным торговцем из Москвы, Болотовым, стали производить корпусную мебель. Торговец снабжал семейную мастерскую красным деревом и «моделками». Постепенно пришлось полностью отказаться от традиционного «дарового» материала – березы и перейти на использование покупной древесины – фанеры и красного дерева. По мере приобретения известности Зенины стали производить сложные виды продукции – гнутую мебель. К 1850-м годам в мастерской было подготовлено более 70 учеников, а после раздела братьев промысел стал быстро распространяться в округе.

История создания и становления мебельного промысла показывает, как на основе традиционного деревообрабатывающего производства возникла новая развивающаяся отрасль кустарной промышленности, функционирующая на основе уникальных мастеровых качеств кустарей.

Распространение мебельного промысла способствовало специализации мастеров по выпуску определенного вида продукции и появлению собственных мастеров, непревзойденных в производстве конкретного товара. Например, в с. Козино работал уникальный мастер Уточкин, искуснейший «кривевщик»*.

Место мебельного промысла в иерархии хозяйственных структур, выполнявшей определенную общественную функцию удовлетворения малосерийных, высокохудожественных потребностей жителей г. Москвы, определило его стабильную социальную перспективу.

Неоднородным было крупное производство, функционировавшее на основе кустарной промышленности. Часть крупного промышленного производства генерировалась из самой кустарной среды и несла в себе «родимые пятна» патриархальных отношений. Этот выходящий из недр традиционного общества индустриальный сегмент, как правило, полностью не прерывал связь, тесно скреплявшую все стороны крестьянского хозяйства, включая его основную отрасль – земледелие, и потому не актуализировал ригоризм социальных противоречий, порождаемых буржуазным порядком.

В ряду других отраслей кустарного производства, имевших тенденцию к концентрации, особый интерес представлял собой кожевенный промысел, структурированный таким образом, что одна его часть представляла исходный «материал» процесса рождения крупной промышленности, другая же являла собой результат логического завершения этого процесса.

* Промыслы Московской губернии. М., 1876. С. 8–14.

Традиционный кожевенный промысел крестьян Московской губернии получил особый импульс к развитию «в войну 1812 года, Венгерскую кампанию, Крымскую войну, во времена Польского восстания и войны с Турцией»*.

Центром кожевенного района было с. Ивашково, располагавшееся на границе Московской и Тверской губерний. На протяжении пореформенных десятилетий в промысле активизировался процесс имущественной дифференциации, и среди общей массы кожевников-ивашей земские корреспонденты выделяли три неравные в экономическом отношении группы: крупных, средних и мелких промышленников**.

По оценке земцев, структурная дифференциация выглядела следующим образом: «крупными торговцами называются люди, обладающие капиталом от 1000 до 50 000 рублей. На капитал в 50 000 рублей насчитывается в районе четыре торговца, в Ивашково один, в Манасеино один, в Корневском один и в Маркове один. На капитал от 10 до 15 тысяч имеются два прасола, в Ивашково и в Корневском. На капитал от 1000 до 5000 рублей ведут свои дела 5 ивашей, в Ивашково 3, в Дулепово один и в Корневском... Средние прасолы ездят по деревням, закупаая всякие шкуры, и отъезжают от дома на дальнее расстояние в губернии: Смоленскую, в Гжатск, в Вязьму, Сычевку, в Псковскую – в Порхов, Торопец, в Калужскую – в Медынь, Мещевск, Мосальск, во все уезды Тверской губернии и во все уезды Московской губернии. Эти прасолы обладают капиталом от 100 до 500 рублей... Остальные иваши представляют из себя мелких торговцев, девиз которых – пользоваться случаем, они собирают кошек, собак, щетину, рога, копыта, тряпки, кости, одним словом, все, что только попадет под руку и окажется по карману»***.

Соответственно имущественной дифференциации промысел структурировался по специализации на производство мелких и крупных кож. Наиболее капиталистские кожевники сосредоточились на переработке крупных, наиболее востребованных кож.

Кустари, перерабатывающие крупные кожи, как правило, представляли собой капиталистических предпринимателей, в то время как их односельчане, выделявшие мелкое кожевенное сырье, являлись типичными мелкими товаропроизводителями. Конечно, это совсем не означает, что группа производителей крупных кож была однородной, сказанное говорит лишь о том, что именно в этой группе кустарей генерировалась достаточно значительная прослойка представителей крупного, рожденного на собственной основе промышленного производства.

* Промыслы Московской губернии. М., 1882. Т. VII. Вып. 1. С. 101.

** Промыслы Московской губернии. М., 1882. Т. VII. Вып. 1. С. 114–115.

*** Там же. С. 117.

Для подтверждения сказанного, обратимся к данным о величине предприятий этой группы.

Собственно, мастерские предпринимателей составляли в этой группе почти 40%. На каждое такое предприятие приходилось в среднем по 13 наемных рабочих, в то время как мелкие кожевенные мастерские (34,3% общего числа) объединяли не более двух семейных рабочих и, как правило, выполняли подсобные операции (например, очистку кож от шерсти, мздры, сбор щетины и отходов) в технологическом процессе предпринимательских заведений.

В группе производителей мелких кож преобладали предприятия с числом рабочих от 2 до 6 человек. В половине заведений этой группы использовался наемный труд, но число привлекаемых рабочих со стороны не превышало двух человек*.

Кустари первой и второй групп отличались и по уровню культуры, и по бытовым условиям. Мастера по выделке крупных кож в значительном количестве имели каменные дома, были поголовно грамотными и даже являлись постоянными читателями различных газет и журналов: «Голос», «Новое время», «Русские ведомости», «Русский курьер», «Московский телеграф» и т. д.**

Другая сторона присутствия крупного производства в мелкой промышленности была полностью обусловлена форсированной капитализацией и индустриализацией экономики России. Проникновение промышленного капитала «извне» революционизировало содержание хозяйственного уклада кустарей, прерывало естественный путь его эволюции. Однако, как это было отмечено выше, влияние врывавшегося в традиционный хозяйственный строй экономического порядка было не всегда деструктивным. Было бы правильным сказать, что оно катализировало процессы, характерные для proto-индустриализации, и прежде всего формирование функциональной «ниши» мелкой промышленности, хотя, конечно, в общем, формирование индустри-

Таблица 2

Величина предприятий группы производителей крупных кож

Численность рабочих в кустарных производствах	Доля предприятий в общем объеме, в %
2	34,3%
3	11,4%
4–5	5,7%
6–7	11,4%
8	5,7%
16–20	2,9%
20–30	17,2%
30–40	11,4%
Общий объем	100%

* Промыслы Московской губернии. М., 1882. Т. VII. Вып. 1. С. 122.

* Промыслы Московской губернии. М., 1882. Т. VII. Вып. 1. С. 135.

** Там же. С. 117.

ализации сужало сферу экономического присутствия традиционных кустарных промыслов.

Так, например, ткачество, повсеместно представлявшее собой домашнюю форму организации крупной промышленности, в большей или меньшей степени было развито во всех 13 уездах Московской губернии и занимало почти 10% всего трудоспособного населения. Кустари-ткачи в 1870 г. выработали продукции на 20 млн рублей, что составляло четверть ценности тканей, произведенных в России, а полученная ими заработная плата покрыла половину всех платежей и повинностей, приходящихся на все податное население Московской губернии*.

Помимо уже указанных направлений трансформации кустарных промыслов еще одним последствием модернизации стала актуализация нового явления – дальнего отхода кустарей Московской губернии. Мелкие промышленники Подмосковья в большом количестве уходили на заработки в южные, юго-западные губернии страны, Приуралье, Сибирь, вновь освоенные территории Средней Азии. Причем отходничество московских кустарей отличалось от аналогичного явления, например, Владимирской губернии. Там промышленники в основном отлучались для работы в столицах и других близлежащих городах. Отход, как правило, не прерывал связи с традиционным хозяйством. Отличался и профессиональный состав кустарей. Если владимирцы в основном являлись представителями строительных специальностей, то отходники из кустарной промышленности Московской губернии были представлены мастерами практически всех специальностей.

Отходничество кустарей Московской губернии приобрело массовый характер. Если средний удельный вес промышленников, уходивших на заработки за пределы населенного пункта постоянного проживания, составлял 21,7%, то этот же показатель без учета женских промыслов, дававших практически нулевые его значения, достигал 38,4%. Семья, сохранявшая свой социальный статус института социального общества, препятствовала вовлечению в отходничество женщин, являвшихся центральной фигурой, поддерживающей ее незыблемыми устои.

Главным обстоятельством, толкавшим кустарей на новые места, являлась ломка традиционных хозяйственных устоев, заставлявшая их искать возможность привычного «комфортного» заработка. Например, корреспонденты Н. В. Дворяшин и А. С. Гнездов из Аксиньинской волости Звенигородского уезда так описывали причину массового отхода крестьян этой волости: «...хозяев кустарей прибывает, а спрос остается малым, и потому каждый стремится продать свои изделия, хотя с очень малой пользой, через что сами сбивают цены своих изделий»**.

* Промыслы Московской губернии. М., 1882. Т. VII. Вып. 1. С. 1.

** Статистический ежегодник по Московской губернии за 1889 г. М., 1889. С. 15.

Таблица 3

Распределение крестьян, занятых местными отхожими кустарными промыслами, по видам производств в 1880 г.*

Отрасли кустарной промышленности	Число кустарей, занятых в производстве		Удельный вес кустарей-отходников в общей массе кустарей в %
	На месте	В отходе	
I. Обработка железа	4882	4365	47,2
II. Обработка дерева	6511	4532	41,0
III. Обработка дерева	12 089	6427	34,7
IV. Обработка животного сырья	7974	5230	39,6
V. Производство пищевых продуктов и одежды	4925	10 293	67,6
VI. Женские промыслы	55 946	181	0,3
VII. Производство и отделка тканей	48 844	8096	14,2
VIII. Химические производства	158	53	25,1
И т о г о по всем промыслам:	141 329	39 180	21,7

Другой корреспондент, Ф. В. Шувалов, из Шарাপовской волости того же уезда пишет: «Прежде здесь занимались тканьем кушаков, а в селе – витьем веревок, но теперь этим стали заниматься очень немногие по неимению работы и по низкой цене, новых промыслов никаких не возникает. Молодые мужчины почти все живут на стороне в разных ремеслах и приходят домой лишь на праздники и на короткое время летом во время сенокоса, а пожилые занимаются домашними работами»**.

Таким образом, под действием модернизации в организме кустарных промыслов происходили изменения, ведущие к их трансформации в новое качество. Характеризуя структурно-функциональную дифференциацию, следует признать, что схематическое, хотя и основательно фундированное конкретным материалом, определение направлений социально-экономической трансформации кустарной промышленности неизбежно несет в себе определенную долю условности, так как действительный облик любой отрасли или вида производства кустарей был значительно богаче даже самой выверенной схемы. И тем не менее для описания таковых мы попытались организовать материал в таблицу, позволяющую представить общую картину

* Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VII. Вып. III. Ч. III. Приложение. М, 1883. (Расчеты выполнены авторами.)

** Там же. С. 14.

этого процесса. Открывшаяся благодаря земской статистике* картина состояния кустарных промыслов в 70–80-е годы свидетельствует о наметившихся глубоких качественных изменениях в их содержании и направлениях развития. К концу 1880-х годов чуть больше половины (56%) кустарных производств имели непосредственную связь с традиционными промышленными промыслами крестьян, в основе появления других лежали причины и условия, опосредованные модернизацией. Причем только 34,0% отраслей кустарного производства сохранили традиционный облик и хозяйственный уклад. Другие (22%) рукоделия, сохранявшие связь с традицией, поменяли специализацию, технологию и организационную форму. Как правило, один традиционный промысел, сохраняя в качестве одной из нескольких прежнюю специализацию, давал жизнь нескольким новым производствам. Но иногда, как в случае с игрушечным производством, в основе новой специализации лежало сразу несколько привычных для крестьян промышленных занятий.

Таблица 4

Структурно-функциональная дифференциация кустарной промышленности Московской губернии к концу 1880-х гг. (без отхожих промыслов)

Структурно-функциональные страты	Удельный вес к общему количеству занятых в кустарной промышленности, %
Крупное производство «извне»	60,6
Крупное производство, рожденное на собственной почве	6,9
Мелкое производство, имеющее тенденцию к концентрации	11,8
Мелкое производство в собственном функциональном пространстве	19,0
Мелкое деградирующее производство	1,7

Кардинальным образом модернизация отразилась на структурно-функциональном содержании кустарной промышленности. Представленная таблица говорит о том, что классическая схема развития кустарных промыслов в эпоху модернизации, подробно описанная в трудах В. И. Ленина, согласно

* Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VII. Вып. III. Ч. I. М., 1883; Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VII. Вып. III. Ч. II. М., 1883. (Расчеты сделаны на основании.); *Исаев А.* Промыслы Московской губернии. М., 1876; *Орлов В., Боголенов И.* Промыслы Московской губернии. М., 1879; Промыслы Московской губернии. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Женские промыслы Московской губернии / сост. М. Горбунова. Т. VII. Вып. II. М., 1882.

которой признавались обоснованными лишь две парадигмы социально-экономической трансформации кустарной промышленности: имущественная дифференциация и включение в домашнюю систему крупной промышленности, требует существенной корректировки.

В результате естественной эволюции крестьянской промышленности процесс дифференциации и рождения хозяйственных единиц, кардинально отличающихся социальным статусом от основной кустарной массы, не достиг сколько-нибудь ощутимых масштабов. Даже к концу 1880-х годов в мелких предпринимательских мастерских было занято около 7% кустарей. И это при том, что формирование всероссийского рынка и проникновение товарных отношений, прежде всего во вземземеделческие отрасли крестьянского хозяйства, должны были подстегнуть дифференциацию промысловиков.

Другое дело, что капитализация, привнесенная в кустарную промышленность «извне» в форме домашней системы крупного производства, объединила больше половины мелких промышленников. Кроме этого, форсированная индустриализация оказывала деформирующее действие на ход эволюции кустарной промышленности в целом. Часть кустарей уходила на «легкие» фабричные заработки, другая часть была вынуждена искать сферу приложения труда в производствах, не доступных или не выгодных для крупной промышленности, составлявших собственное функциональное пространство мелкой промышленности.

К концу 80-х годов XIX в. экономическая «ниша» мелкого промышленного производства уже начала формироваться. В производствах, находившихся вне функционального пространства крупных промышленных форм (прежде всего тех, в которых основная часть вновь создаваемой товарной стоимости составляли трудовые затраты кустарей).

Деформирующее влияние форсированной индустриализации и капитализации в 80-е годы XIX в. не приобрело тотального характера. В значительных масштабах (11,8%) сохранялось мелкое производство, продолжавшее естественный эволюционный путь развития, и только 1,9% промысловиков работали в традиционных отраслях кустарной промышленности, постепенно сужавших свою деятельность или находившихся на грани исчезновения. Соответственно структурной дифференциации выглядела и социально-экономическая организация кустарной промышленности Московской губернии. Более половины кустарей были заняты домашней работой на фабрику.

Закономерный ход эволюции мелкой промышленности включал в себя два пути концентрации производства. Содержание первого оставляли процессы кооперации мелкой собственности, существо второго – рожденные в результате экспроприации самостоятельных товаропроизводителей частнокапиталистические предприятия мануфактурного типа. Первое направле-

ние – кооперирование – объединяло в пореформенный период 12,5% московских кустарей, второе – 7,9%. Каждый из путей имел свои преимущества и границы функциональности. Например, кооперативная форма организации общественного хозяйства являлась оптимальной в условиях перехода от традиционного к индустриальному обществу и могла существовать лишь в условиях, когда субъективный фактор (сам человек) под воздействием механизации не утратил своего ведущего положения. Превалирующая роль собственника, объединяющего имущество, умения и навыки, получавшего выгоду от кооперации, имело институциональное значение в коллективных союзах. Поэтому индустриализация, постепенно превращающая работника в элемент конвейера, являлась как бы отрицанием такой организации и сужала границы ее экономической «ниши» до пределов, обусловленных необходимостью сохранения ручного труда, уникальных навыков или отраслей, где человеческий фактор оставался определяющим.

Таблица 5

**Социально-экономическая организация кустарной промышленности
Московской губернии к концу 1880-х годов**

Форма организации	Удельный вес занятых кустарей, %
Домашняя система крупной промышленности	60,6
Частнокапиталистические предприятия мелких предпринимателей	7,9
Мелкотоварное производство	19,0
Кооперативные объединения товаропроизводителей	12,5

Капиталистический уклад в промышленности так же, как кооперативный, имел черты ограниченности и несовершенства. Открывая простор личной инициативе предпринимателей, капиталистическая организация породила мощный импульс модернизации, позволяющий говорить о промышленном перевороте или революции. Вместе с тем капитализм навсегда утрачивал присущие традиционному обществу черты как коллективизм, сознательное отношение к труду и т. д., а приобретая доминирующее положение, оказывал деформирующее воздействие на традиционные формы общественного хозяйства.

Модернизация кустарно-ремесленной промышленности открывала широкий простор другому пути концентрации производства – на основе слияния мелкой собственности. Материалы земских исследований показывают сохранение кооперативных связей кустарей в отраслях, малопривлекательных для частнокапиталистической инициативы.

Проникновение товарных отношений в кустарно-ремесленную промышленность меняло ее облик, способствовало появлению организационных форм производства с различной степенью адекватности индустриальной цивилизации. Природе капиталистического уклада, стремившегося возместить утраченные в результате разрушения традиционного общества качества труда, было имманентно внедрение машин и крупномасштабного производства. В свою очередь, кооперативные союзы, сохраняя превалирующее значение человеческого фактора, играли роль переходной структуры и должны были в перспективе занять место, ограниченное общественной потребностью в малых экономических формах и сохранении ручного труда. Являясь переходной к индустриальному устройству хозяйства реалией, кооперация обладала целым рядом видовых черт, характерных прежнему экономическому порядку. Двойственное содержание, но не тождественность другим традиционным институтам.

Начиная с народников, объединявших в своих представлениях о самобытном «русском пути» развития общину и кооперацию, в отечественной историографии дискутировался вопрос о соотношении этих двух институтов в российском историческом процессе*. Думается, вопрос должен ставиться несколько шире: «Какие черты традиционного общества (в том числе присущие общине) унаследовала кооперация?»

Исходным моментом коллективных предприятий мелких товаропроизводителей являлась крестьянская семья – основной институт традиционного общества. Объединения самостоятельных хозяев на первоначальных ступенях кооперации как бы дополняли недостающие звенья семейного разделения труда. «Так как от 1/3 до 1/2 крестьянских семей имеют в своем составе 2 и более взрослых мужчин, а в семьях, состоящих из одного мужчины-работника, находятся взрослые женщины и подростки, – писал В. П. Воронцов, – то огромное большинство крестьян, занимающихся кустарным промыслом, имеют возможность вести последний не единолично, а артелью; и там, где доход от промысла играет достаточно видную роль в бюджете крестьянина, участие его семьи в промысловом заработке делается более или менее систематическим и организованным, что дает возможность мелкому промышленнику пользоваться преимуществами разделения труда». Примеров семейной кооперации в кустарных промыслах множество. Мелкотоварное производство, вышедшее из недр домашней промышленности, не могло миновать семейной ассоциации, как наиболее выгодной с точки зрения понижения издержек и дополняемой сторонними хозяйственными связями лишь в случаях крайней необходимости.

* См., напр.: Кабанов В. В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997.

Кровнородственные отношения в первых коллективных объединениях играли настолько заметную роль, что порой оставались определяющими даже тогда, когда размеры предприятия перерастали рамки одной отдельно взятой семьи. Показателен в этой связи пример с мастерской Самсоновых деревни Митино Черкизовской волости Московского уезда, объединявшей коллектив из шести взрослых родственников: двух дядей с племянниками. В течение не менее столетия (со второй половины XVIII в.), несмотря на семейные разделы, «все-таки оставались прямые потомки этих первоначальных столяров Самсоновых, и число их никогда не было меньше 4–5. Сознавая преимущества общего производства, они крепко держались друг за друга, стараясь всеми средствами устранять возникавшие несогласия. Считая возможным работать выгодно при таком числе членов, они никогда не принимали наемных рабочих и учеников...»*.

Необходимость замещения недостающего технологического звена в семейной кооперации, а в большинстве случаев замены семейного рабочего более квалифицированным трудом мастера, вели к сужению возможностей коллективов родственников и расширению сферы деятельности объединений самостоятельных товаропроизводителей. Процесс вытеснения патриархальной семьи из сферы товарного производства приобретал все более ясные очертания по мере того, как рынок и его законы оказывали доминирующее влияние на внутренний строй промысловых хозяйств.

Несмотря на эволюцию самой кооперации мелких товаропроизводителей, ее историческая связь с патриархальной семьей обусловила наличие в кооперативных объединениях «генетической памяти» традиционных черт, конкретно проявлявшихся в организационных принципах, нравственных нормах и хозяйственных устоях.

Специфика развития кустарной промышленности Подмосковья, обусловленная интенсивностью процесса модернизации, становится очевидной при сопоставлении ее социально-экономической структуры и направлений социальной мобильности 1879–1889-х годов с аналогичными показателями Нижегородской губернии. Основное, что явно следует из сравнения, – изменения мелкого кустарного производства Нижегородской губернии в первые послереформенные десятилетия носили выраженный эволюционный характер.

Включение кустарных промыслов Нижегородчины в формирующиеся национальные рыночные связи способствовало трансформации традиционного хозяйственного уклада кустарей, однако эта трансформация шла постепенно, обеспечивая преемственность организационных форм и институтов.

* Воронцов В. П. Артель в кустарном промысле. СПб., 1895. С. 5.

В новых экономических условиях только 5,7% кустарей были объединены в промыслы, уже испытывавшие деструктивные влияния индустриализации и капитализации. Значительная часть мелких сельских промышленников (73,5%) были вовлечены в отрасли кустарного производства с неопределившимся вектором социально-экономической трансформации*.

Таблица 6

**Социально-экономическая организация кустарного производства
Нижегородской губернии в 1870–1880 годы****

Формы организации	Удельный вес занятых кустарей, %
Патриархальные формы организации домашнего производства на заказ потребителя	22,3
Мелкотоварное производство	43,3
Кооперативная организация	34,3
Домашняя система капиталистической организации	0,1

К концу 1880-х годов в структуре крестьянской промышленности страны сохранился значительный сегмент нетронутых товарными отношениями патриархальных форм, организации (22,3%) домашнего производства и сельского ремесла, остатки которых в Подмоскovie были «размыты» еще до крестьянской реформы. Кустарная промышленность Волжского района не подверглась давлению капитала «извне». Мелкотоварное производство, не испытывавшее влияние жесткой конкуренции, сохраняло социальную стабильность. Удельный вес мелких товаропроизводителей в социальной структуре Нижегородчины превосходил этот показатель Подмоскovie на 24,3%. Эволюционный характер модернизации кустарной промышленности Нижегородской губернии проявился в значительно превосходящих (на 21,8%) размерах кооперативного направления концентрации.

Таким образом, очевидно, что даже в губерниях с тождественной специализацией общественного хозяйства процессы, происходившие в промышленной отрасли крестьянских хозяйств, обусловленные либерализацией экономики, отличались значительным своеобразием. Темпы, глубина и

* Егоров В. Г., Зозуля О. А., Моркунцов С. А. [и др.]. Кустарные промыслы Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX века. СПб., 2013. С. 132

** Расчеты сделаны на основании: Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Т. VI. СПб., 1880; Т. VII; Нижегородский сборник. Т. VIII. Н. Новгород, 1889; Т. IX. Н. Новгород, 1890; Мецкерский А. А., Моздалевский В. М. Свод материалов по кустарной промышленности в России. СПб., 1874. С. 77, 167, 210.

содержание модернизационных процессов в кустарной промышленности лишь отчасти определялись нечерноземным характером регионов. Значительно в большей степени новый облик мелкой сельской промышленности формировал уникальный набор факторов, выстраивающий его очертание в неповторимую палитру «тонов» и «оттенков», заметных только в детальном конкретно-историческом контексте.

Л и т е р а т у р а

1. *Рыбников А. А.* Мелкая промышленность России. Сельские ремесленно-кустарные промыслы до войны. М., 1923. – 137 с.
2. Военно-историческое обозрение Российской империи. Московская губерния. СПб., 1853. Т. VI. Ч. III.
3. *Воронцов В. П.* Артель в кустарном промысле. СПб., 1895. – 204 с.
4. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1958.
5. *Егоров В. Г., Зозуля О. А., Моркунцов С. А.* [и др.]. Кустарные промыслы Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX века. СПб., 2013. – 272 с.
6. *Исаев А.* Промыслы Московской губернии. М., 1876.
7. *Кабанов В. В.* Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997. – 155 с.
8. *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // ПСС. Т. 1. – 589 с.
9. *Ленин В. И.* Кустарная промышленность 1894/95 годов в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности // ПСС. Т. 2. – 678 с.
10. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России // ПСС. Т. 3. – 609 с.
11. Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1858.
12. *Мещерский А. А., Моздалевский В. М.* Свод материалов по кустарной промышленности в России. СПб., 1874. – 630 с.
13. Нижегородский сборник. Т. VIII. Н. Новгород, 1889.
14. Нижегородский сборник. Т. IX. Н. Новгород, 1890.
15. *Орлов А. С.* Кустарная промышленность Московской Губернии и содействие кустарям со стороны земства, разных учреждений и частных лиц. М., 1913. – 397 с.
16. *Орлов В., Боголепов И.* Промыслы Московской губернии. М., 1879.
17. Памятная книжка Владимирской губернии на 1848 год. Владимир, 1848. С. 89. (Расчеты выполнены авторами.)
18. *Петров Г. П.* Промысловая кооперация и кустарь. М., 1917. Т. 1–2.
19. *Плеханов Г. В.* Наши разногласия. Гл. 2. Капитализм в России // Избранные философские произведения Т. I. М.: Госполитиздат, 1956.
20. Промыслы Московской губернии. М., 1876.
21. Промыслы Московской губернии. М., 1882. Т. VII. Вып. 1.

22. Промыслы Московской губернии. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Женские промыслы Московской губернии / сост. М. Горбунова. Т. VII. Вып. II. М., 1882.

23. *Пругавин В.* Промыслы Владимирской губернии. Александровский уезд. М., 1882. – 184 с.

24. *Пругавин В.* Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда Владимирской губернии. М., 1884.

25. *Рындзюнский П. Г.* Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М., 1978. – 290 с.

26. *Рындзюнский П. Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80 годы XIX в.). М.: Наука, 1966. – 261 с.

27. *Рындзюнский П. Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е годы XIX в.). М., 1996. – 161 с.

28. Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Т. IV. Старицкий уезд. Тверь, 1890.

29. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. М., 1882. Т. VII. Вып. III. Ч. I.

30. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VII. Вып. III. Ч. III. Приложение. М., 1883.

31. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VII. Вып. III. Ч. I. М., 1883.

32. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VII. Вып. III. Ч. II. М., 1883.

33. Статистический Ежегодник Московского губернского земства. 1888 г. (Приложение к докладу Управы). М., 1889.

34. Статистический ежегодник по Московской губернии за 1889 г. М., 1889.

35. *Тарновский К. Н.* Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1995. – 318 с.

36. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Т. VI. СПб., 1880; Т. VII.

37. *Харизоменов С.* Промыслы Владимирской губернии. Александровский уезд. М., 1882.

38. ЦИАМ. Ф. 11. Оп. 12. ед. хр. 5. Л. 26.

39. ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 14. Ед. хр. 71. Л. 35.

40. ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 14. Ед. хр. 71. Л. 31.

41. ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 3. Ед. хр. 117. Л. 21.

42. ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 4. Ед. хр. 151. Л. 105.

43. ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 7. Ед. хр. 14. Л. 3.

44. ЦИАМ. Ф. 188. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 18.

45. ЦИАМ. Ф. 188. Оп. 4. Ед. хр. 301. Л. 4.

46. ЦИАМ. Ф. 192. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 2–2 об.

15. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII– ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКОВ

15.1. Либерализм и реформаторство

Девятнадцатое столетие в России началось дворцовым переворотом и царевубийством: в марте 1801 г. был убит Павел I. Первая четверть века завершилась восстанием декабристов. Об этой бурной эпохе и ее людях пойдет речь. Это было время больших надежд, великих побед и горьких разочарований. В итоге в России утвердилась николаевская реакция, тридцатилетнее господство которой в 1825–1855 гг. сыграло роковую роль в закреплении отсталости страны от Запада. Был упущен благоприятный шанс, данный России историей.

Восшествие на престол воспитанника философов Александра I породило иллюзии, что рабство вот-вот падет «по манию царя», что настало время подлинного приобщения к западному просвещению. мода на политическую экономию была одним из проявлений новой духовной атмосферы. Эта наука проникла в университеты и журналы, ее стали преподавать даже в царской семье. Политическим выражением новых веяний стала реформаторская деятельность М. М. Сперанского, которая, как и другие реформы, проводившиеся или намечавшиеся в этот период, объективно была направлена на развитие капитализма, следовательно, ущемляла крепостников. А их силы были еще очень велики. Сперанский был отставлен и сослан в 1812 г., а к государственной деятельности вернулся уже совсем другим человеком.

Отечественная война и победоносный поход в Европу породили движение декабристов и новые надежды на обновление России. В это время Н. С. Мордвинов, стареющий отставной адмирал, разрабатывал свои планы ускоренного промышленного развития России. Его сочинения, опубликованные в 10–20-х гг., занимают видное место в истории русской социально-экономической мысли.

Крепостничество и капитализм

В первой четверти XIX в. политическая экономия оставалась по преимуществу дворянской наукой. Она занимала умы образованных дворян, политические взгляды которых простирались от крепостнического монархизма

до активной революционности. Объясняется это тем, что обострились коренные вопросы общественного развития, а молодая наука политической экономии, казалось, обещала ответы на них. Россия была крестьянской страной с господством феодально-крепостнического уклада, но капиталистические отношения неуклонно развивались. Вопрос о соотношении обоих общественных укладов, об их судьбах приобретал постепенно актуальность. Надо иметь в виду, что в такой форме вопрос тогда никем не ставился и не мог ставиться: в разгар общественных процессов, люди неспособны осознавать их подлинный исторический смысл. Теперь же, с почти двухвековой дистанции, это представляется очевидным.

Экономический прогресс был связан с развитием новых форм хозяйства, по существу капиталистических или хотя бы имеющих черты этого нового строя. Феодально-крепостнические отношения приближались к кризису, и это было в той или иной мере видно всем, вплоть до отъявленных крепостников. Даже Аракчеев, чье имя стало синонимом реакции, и Канкрин, один из столпов царствования Николая I, сочиняли проекты смягчения крепостного права. Вопросы промышленного развития вышли на страницы журналов. О железных дорогах, паровых машинах и новых фабриках писал пушкинский «Современник».

По населению и военной мощи Россия была, безусловно, первой державой Европы. Победа над наполеоновской Францией утвердила этот статус на полвека. Численность населения России, составлявшая в 1800 г. 36 млн человек, к 1825 г. достигла 52 млн, а к 1850 г. – 69 млн. Росла промышленность: число промышленных рабочих за те же годы составляло соответственно 90, 211 и 502 тыс.

Эти цифры дают, конечно, лишь самое грубое представление о развитии русской промышленности. С одной стороны, «промышленные» рабочие, о которых здесь идет речь, наполовину были крестьянами. С другой – в кустарном производстве, игравшем значительную роль в экономике России, рабочая сила была представлена опять же крестьянами. Лишь немногие отрасли, особенно хлопчатобумажная, развивались в формах, приближавшихся к фабричному производству с применением простейших машин. В таких отраслях преобладал уже вольнонаемный труд. В старых же отраслях (горнодобывающая, металлургическая, шерстяная, стекольная) господствовали разные формы принудительного труда. По имеющимся оценкам, к концу первой четверти века вольнонаемные составляли всего лишь треть всех работников в промышленности, да и среди них большинство были оброчные крепостные крестьяне, отпущенные на заработки помещиками.

Существенные перемены происходили в сельском хозяйстве. Хотя огромная часть населения жила впроголодь, Россия выдвигалась на мировой

рынок как экспортер зерна. В первой четверти века хлеб составлял в среднем 20–25% стоимости русского экспорта. Вслед за зерном шли пенька и животное сало.

Значительно возросла и внутренняя торговля зерном. В южных и юго-западных губерниях помещики стали производить зерно и другие сельскохозяйственные продукты не столько для нужд собственного потребления, сколько для продажи, в том числе на экспорт. Стремясь увеличить денежные доходы, они отбирали у крестьян часть земли и усиливали барщину. В специфических условиях России даже рост товарооборота, означающий обычно капиталистическое развитие, усиливал крепостнические формы хозяйства.

В центральных, северных и северо-западных районах преобладала оброчная система, при которой крестьяне, занимаясь сельским хозяйством и промыслами, платили помещику денежный или натуральный оброк. Величина оброка не ограничивалась ни законом, ни договором, а в основном устанавливалась по произволу помещика. Крестьянин всеми средствами стремился скрыть размеры достающегося ему дохода, а часто и не стремился его умножить: все равно любой избыток отберет помещик. Мужика могли выручить трудности контроля или в какой-то мере «снисходительность» барина, не очень ревностного в учете.

Россия содержала в мирное время большую постоянную армию – в среднем не менее 500–600 тыс. человек. Вплоть до 70-х гг. существовала рекрутская система, при которой солдат практически полностью выбывал из экономической жизни, становился рабом государства. Стремлением увеличить численность таких государственных рабов были продиктованы и известные эксперименты с военными поселениями.

Финансовая система была архаичной. До трех четвертей всех налогов платили крестьяне и полукрестьянские слои. Почти все доходы государства поступали от подушной подати и акцизов – косвенных налогов на вино, соль, табак и некоторые другие предметы массового потребления. Государство время от времени покрывало свои расходы выпуском неразменных бумажных денег – ассигнаций.

В целом Россия оставалась экономически отсталой аграрной страной, причем отрыв от западноевропейских стран возрастал. В середине столетия Россия производила в 14 раз меньше чугуна, чем Англия, в 3 раза меньше, чем Франция. Общее количество бумагопрядильных веретен было в России в 20 раз меньше, чем в Англии, в 4 раза меньше, чем во Франции*.

Крайне низким был и культурный уровень населения. Подавляющая масса была безграмотна, для нее единственным источником просвещения

* См.: Блюмин И. Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. С. 7–8.

служила церковь. О том, что представляла собой по уровню культуры мелкопоместная дворянская среда, мы знаем из классической русской литературы, в частности из произведений Гоголя и Салтыкова-Щедрина. В этой среде царили невежество, грубость нравов, скопидомство. Да и среди высшего дворянства преобладали, используя выражение Пушкина, обезьяны просвещения – люди, усвоившие лишь чисто внешние элементы западной культуры.

Однако и в этих условиях проявила себя огромная жизненная сила великорусской нации, выдвинувшей декабристов. Они выделились из прогрессивной дворянской интеллигенции, к которой примыкали первые интеллигенты-разночинцы, такие, как Сперанский и лицейский учитель Пушкина Куницын. На этой социальной почве появились и первые ростки науки, которой мы здесь занимаемся, – политической экономии.

Университеты, учебники, журналы

В 1802 г. был восстановлен после почти векового перерыва старинный Дерптский (Тартуский) университет. В 1803 г. Академии наук был дан новый устав, которым политическая экономия (вместе с историей и статистикой) получила статус академической науки. В том же году восстановлен Виленский (Вильнюсский) университет, в который на кафедру политической экономии безуспешно пытались привлечь Сисмонди, знаменитого экономиста из Женевы. По новому университетскому уставу было основано несколько педагогических институтов, и в первую очередь в 1804 г. – Петербургский. (Это тот самый институт, где, по мнению княгини Тугоуховской из грибоедовского «Горя от ума», «упражняются в расколах и безверьи профессоры».) Позже он был назван Главным педагогическим институтом, в 1819 г. преобразован в Петербургский университет.

В 1804 г. основан Казанский университет, в 1805 г. – Харьковский. В 1811 г. учрежден Царскосельский лицей, прославленный именем Пушкина. Надо сказать, что в последующие десятилетия лицей был рассадником экономического образования, его закончили будущие видные специалисты в области государственных финансов. В 1820 г. основана Гимназия высших наук в Нежине, в которой учился Гоголь. К числу названных учебных заведений надо добавить несколько губернских гимназий, которые, подобно лицей, давали образование, считавшееся одновременно средним и высшим.

Во всех этих заведениях преподавалась политическая экономия. Таков был дух времени, когда оказалось, что без этой науки не может обойтись образованный человек. Для обучения потребовались профессора и учебники. Ни тех, ни других в России почти не было. Вакуум был срочно заполнен

подвернувшимися под руку иностранцами и переводными трудами, часто отнюдь не лучшего качества. Уже в 1802 г. вышел в переводе первый том главного труда Адама Смита о богатстве народов, а к 1806 г. издание было завершено. Хотя перевод был весьма несовершенным, а при желании мог рассматриваться как набор курьезов, выход книги Смита имел принципиальное значение для нашей науки. Расходы на издание были покрыты из особого фонда, ассигнованного государством на переводы классиков западной общественной мысли. Таким образом, издание Смита было составной частью системы просвещения русского читателя*.

В той или иной мере преподавание политической экономии опиралось на идеи Смита, получившие к этому времени на Западе всеобщее признание. В 1803 г. во Франции вышли в свет первые труды Сэя и Сисмонди, в которых оба выступали популяризаторами и проповедниками учения Смита. Эти книги были более доступны русскому читателю, поскольку французский язык был несравненно шире распространен в образованном обществе, чем английский. Некоторые немецкие профессора несли в Россию традиции камералистики – своеобразной смеси общественных наук, которая преподавалась в немецких университетах и была специально нацелена на подготовку чиновников. Однако в этот период сама немецкая камералистика быстро менялась под воздействием идей, проникавших в Германию из Англии и Франции.

Такое сочетание мы находим у *Христиана Августа Шлёцера*, который в 1801 г. впервые в России начал читать в Московском университете курс политической экономии, а в 1805–1806 гг. издал первый на русском языке учебник политической экономии в двух томах. Одновременно книга вышла в Риге на немецком языке, но следует полагать, что Шлёцер, по меньшей мере, редактировал русский перевод. Примечательно, что автор делает некоторые попытки увязать теорию с реальным положением дел в России.

Х. Шлёцер был не чужим для России человеком. Его отец, ученый-историк Август Людвиг Шлёцер, в течение ряда лет работал в России, изучал летописание, содействовал изданию «Истории» Татищева. В своей автобиографии Шлёцер-старший говорит: «Проклятье крепостному праву... С тех пор я никогда не мог без горечи думать об этом изобретении людей – извергов по имени и по делам»**.

Книга Шлёцера-младшего должна быть признана достижением русской экономической мысли. Впервые на русском языке был дан систематический свод экономических знаний. Впервые вводились во взаимоотновязанной форме основные категории политической экономии, такие как стоимость, капитал,

* См.: *Святловский В. В.* История экономических идей в России. Пг., 1923. Т. 1. С. 130.

** *Mohrmann H.* Studien über russisch-deutsche Begegnungen in der Wirtschaftswissenschaft (1750–1825). S. 33.

ссудный процент, прибыль, заработная плата и многие другие. В теории Шлёцер принял в основном Смитово толкование стоимости и доходов, которое было подхвачено и развито Сэем: стоимость определяется издержками производства и при нормальных условиях обеспечивает доходы капитала, труда и земли как главных факторов производства. Для некоторых важных категорий у Шлёцера или его переводчика еще не найдено устойчивых русских терминов. Например, меновая стоимость именуется «ва-лёр относительный» или «цена относительная», «цена в обмене». Чтобы отличить стоимость от цены и объяснить единство товара как потребительной и меновой стоимости, другие авторы того времени пользовались иногда словом «достоинство». Например: «Достоинство вещи в употреблении различается от достоинства вещи в мене. Первое означает полезность вещи; другое возможность, обладая оною вещью, доставить себе за нее другие»*.

Структура книги Шлёцера в главных чертах близка к структуре Смитова сочинения. В какой-то степени к Смиту восходит членение всего предмета политической экономии на два больших отдела. В первом трактуются объективные закономерности развития хозяйства как такового с отвлечением от деятельности государства. Во втором специально рассматриваются экономические функции государства и разрабатываются принципы экономической политики.

Шлёцер употребляет понятия «политическая экономия», «государственное хозяйство» и «наука о народном богатстве» практически как синонимы. Первый отдел этой науки на языке автора называется «метаполитическая часть государственного хозяйства». Построенное по аналогии с греческим термином «метафизика», это слово у него призвано подчеркнуть, что речь идет о хозяйственных явлениях, не связанных прямо с государством. Второй раздел он называет «собственная политическая экономия»; слово «политическая» возведено к его греческому корню, означавшему государство**.

Подобное разграничение предмета политической экономии сохраняет актуальность до наших дней. Мы и теперь рассматриваем экономическую науку как единство аналитической (позитивной) и нормативной функций. В соответствии с последней наука должна служить основой для принятия решений в области экономической политики на государственном уровне***.

* Нейман И. Исследование правил политической экономии по системе Адама Смита. СПб., 1817, С. 9.

** Шлёцер Х. Начальные основания государственного хозяйства или науки о богатстве. М., 1805. Ч. 1. С. 9–12.

*** См.: Федоренко Н. П. «Богатство народов» Адама Смита и вопрос об аналитических и нормативных функциях политической экономии // Адам Смит и современная политическая экономия / Под ред. Н. А. Цаголова. М., 1979.

Проблема учебников решалась также путем переводов с иностранных языков. В 1812 г. в Казани вышел русский перевод учебника, написанного профессором Геттингенского университета Г. Сарториусом, видным последователем и популяризатором Адама Смита в Германии. В первой четверти XIX в. Геттингенский университет играл важнейшую роль в русско-германских научных и культурных связях. Пушкин отразил этот факт, наградив Владимира Ленского «душою прямо геттингенской» и отметив, что из Германии он, в частности, привез «вольнолюбивые мечты». Сарториус был любимым профессором русских студентов, и, возможно, это повлияло на выбор учебника для перевода.

Переводчик, адъюнкт исторических наук и политической экономии Казанского университета Петр Кондырев (человек, вероятно, молодой) оказался на высоте поставленной перед ним задачи. Он не только хорошо перевел Сарториуса, но и снабдил книгу весьма дельными предисловием и приложениями. Формулируя основные расхождения последующих экономистов со Смитом, он выделяет пять таких областей: 1) о стоимости и ее мере (в отличие от Смита, «оное полагают то в редкости и пользе, то в нужде и пользе, то в мнении о вещах и т. д.»); 2) о степени применимости основного смитианского принципа свободы труда и капитала; 3) о способах согласования выгоды частной и общественной; 4) о производительном и непроизводительном труде; 5) о налогах*.

Русский ученый здесь метко схватил главные линии критики Смита и с незаурядной проницательностью выделил научные проблемы, которым было суждено большое будущее. К этому можно добавить, что Кондырев дал в приложении полную и грамотно составленную библиографию экономической литературы конца XVIII в. и начала XIX в.

Книга содержит еще одно крайне любопытное приложение – список подписчиков (вне Москвы и Петербурга), на основе которого, вероятно, был определен тираж. Выясняется, что Казанский университет заказал 50 экземпляров (несомненно, для использования в качестве учебника или учебного пособия), Астраханская губернская гимназия – 25, Симбирская гимназия – 10, ученики Нижегородской гимназии (поименно) – 7 и т. д. Несколько сот экземпляров заказали помещики, чиновники, высшие духовные лица. Но среди подписчиков мы встречаем немало купцов, мещан, низшего духовенства. Судя по этому списку, тираж был значителен. Восточными и северными пределами распространения книги были Якутск, Нерчинск, Верхнеудинск – места столь глухие, какие и представить себе трудно.

* *Сарториус Г.* Начальные основания народного богатства и государственного хозяйства, следуя теории Смита. Казань, 1812. С. VI.

В начале столетия в России появляются журналы, содержание и форма которых резко отличаются от изданий екатерининского времени. Среди них «Статистический журнал», который уже можно считать научным периодическим изданием. Расцвет переживает Вольное экономическое общество. Все это – признаки благотворной атмосферы общественного оживления.

Шторх и русские немцы

В свое время Вильгельм Рошер, один из основателей так называемой исторической школы в политэкономии, выдвинул идею, что в первой половине XIX в. существовала особая немецко-русская школа, к которой он, в частности, относил Шлё-цера, Шторха, Канкрин. По его мнению, это были экономисты, которые не только несли в Россию западную науку и черпали там материал, но под влиянием русского опыта отходили от позиций классической политэкономии и «в существенной степени подготавливали исторический метод в науке»*. Эта позиция не раз критиковалась как в советской, так и в германской литературе, особенно в ГДР. Рошер пытается объединить экономистов разных эпох и разных направлений, выдавая признак национальности за признак принадлежности к «школе».

Тем не менее остается проблема изучения трудов и деятельности ученых, работавших в России, но сохранявших в той или иной мере связи со своей родиной, каковой в силу исторических причин преимущественно была Германия. Ученые немецкого происхождения сыграли важную роль в формировании русской экономической науки. Отлучать их от русской науки было бы так же бессмысленно, как, скажем, считать случайными иностранцами в русском искусстве Растрелли или Кваренги. Они переносили на русскую почву навыки теоретического мышления, разрабатывали основные категории политической экономии. Как правило, эти ученые критически относились к крепостному праву, а некоторые резко выступали против него. Без влияния немецких профессоров невозможно понять важные стороны социально-экономических идей декабристов.

Жизненные ситуации складывались по-разному. Шторх и Канкрин всю жизнь прожили в России, активно работали в разных областях науки и управления государством. Среди специалистов были и такие, которые приезжали в Россию на короткое время и в своих работах как бы смотрели на нее со стороны. Поэтому правильно считать двух названных лиц крупными русскими экономистами. А, скажем, в жизни Людвиг Христиана Якоба пребывание в

* *Roscher W. Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland. Munchen, 1874. S. 791.*

России в качестве профессора нового Харьковского университета и советника в Петербурге было лишь эпизодом, хотя он и написал серьезную работу о крепостном праве, доказывая его экономическую нецелесообразность*.

Надо иметь в виду, что влияние ученых немецкого происхождения на русскую науку ограничивалось тем, что их труды обычно публиковались на немецком (или французском) языке и даже не всегда переводились на русский. Так, главному труду Шторха, написанному по-французски, пришлось 66 лет дожидаться издания на русском языке. Но, с другой стороны, это обстоятельство делало их труды доступными западноевропейским читателям и, по существу, впервые выводило русскую экономическую мысль на мировую арену. Особенно значительной была роль того же Шторха. Он чувствовал себя русским ученым, отзывался о России как о «своей стране» и говорил, что лишь необходимость заставила его писать на языке иностранном**. Отчасти Шторх имел в виду цензуру. Говоря о большом труде и времени, которые необходимы ученому, чтобы сделать важное экономическое наблюдение, он меланхолично восклицает: «... и когда оно окончено, то кто поручится, что ему дозволено будет обнародовать результаты этого наблюдения?***».

Андрей Карлович (Генрих, Анри) Шторх родился в 1766 г. в Риге, в немецкой мещанской семье, умер в 1835 г. в Петербурге тайным советником и академиком. У него рано обнаружили выдающиеся способности, юношей он был отправлен в Германию, где учился в Иенском университете. В 1787 г. он встретился с русским дипломатом Н. П. Румянцевым, сыном фельдмаршала и будущим известным коллекционером и меценатом. Румянцев пригласил его в Петербург, где он сначала преподавал историю и литературу в кадетском корпусе, а потом служил по ведомству иностранных дел. В то же время Шторх активно занимался литературной деятельностью и в 90-х гг. выпустил целую серию трудов по географии и истории России, рассчитанных в основном на иностранцев. В 1799 г. Шторх, уже составивший себе некоторое имя, был приглашен воспитателем к дочерям Павла I, а впоследствии обучал наукам великих князей Николая и Михаила, младших братьев Александра I. Служба при дворе ввела его в свет, дала чины и деньги, сделала русским дворянином. Возлагая надежды на третье сословие, всю жизнь оставаясь умеренным либералом, Шторх вместе с тем успешно приспособился к условиям

* См.: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. С. 317–325.

** См.: *Шторх Г.* Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. СПб., 1881. Т. 1. С. VI. Книга была переведена и прокомментирована И. В. Вернадским.

*** См.: *Шторх Г.* Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. СПб., 1881. Т. 1. С. VI. Книга была переведена и прокомментирована И. В. Вернадским. С. 10.

российского самодержавного государства. Этому способствовали и личные качества Шторха. Он оказался ловким царедворцем, умел поддерживать хорошие отношения с людьми разных взглядов. Довольно резко критикуя крепостное право, он тем не менее оставался на дружеской ноге с заведомыми крепостниками.

В 1804 г. Шторх был избран в Академию наук по разряду политической экономии. В течение ряда лет он выполнял обязанности вице-президента, фактически руководил работой академии. В мемуарах академии Шторх опубликовал свои первые работы по политической экономии, которые он объединил в обширном курсе, изданном в 1815 г. на французском языке. Эта книга принесла автору европейскую известность, стала предметом научных дискуссий. Она была переведена на немецкий язык, а также переиздана Ж.Б. Сэем в Париже. Шторх издал, опять-таки по-французски, еще один свой труд в области политэкономии – «Соображения о природе национального дохода». На протяжении всей своей деятельности он занимался также прикладными экономическими вопросами, особенно денежным обращением и внешней торговлей. Можно с полным основанием сказать, что он достойно представлял в Академии экономическую науку.

Шторх был экономистом «на уровне мировых стандартов». Его труды хорошо знал и использовал Карл Маркс. Цитаты из двух его главных сочинений и упоминания о его взглядах встречаются во всех четырех томах «Капитала». Они играют различную роль в Марксовом изложении экономических проблем.

В нескольких случаях цитаты из Шторха приводятся Марксом «нейтрально», как примеры из экономической литературы, иллюстрирующие Марксов анализ. Это особенно характерно для первого тома «Капитала»*. В других случаях идеи Шторха, хотя несовершенные и неприемлемые для Маркса, помогают ему выявлять реальные закономерности и дают дополнительный материал для критики других экономистов, в частности Сэя. Таковы, например, места из Шторха во втором и третьем томах «Капитала», из которых видно, что он считает невозможным разложить стоимость индивидуально-продукта и стоимость совокупного продукта нации на одни лишь доходы (заработную плату, прибыль и ренту), поскольку она должна включать еще затраченный и подлежащий возмещению постоянный капитал (стоимость средств производства). Однако сам Шторх правильного решения вопроса не дает**. Наконец, в третьих случаях Шторх необходим Марксу для разоблачения буржуазно-апологетических взглядов, в особенности утверждений о естественности положения, при котором тяжкий труд и нищета народных

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 185, 363 и др.

** См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 440; Т. 25. Ч. 2. С. 415–416.

масс, основной части нации, служит необходимым условием накопления «духовного богатства», наличия досуга у привилегированных классов для занятий «высшими» видами деятельности*.

Шторх был в основном последователем Адама Смита и принимал многие исходные положения классической школы. С этим была, в частности, связана его критика крепостного права. Но Шторх не развивает эти исходные положения, а приглушает или переосмысливает их, приспособлявая к интересам буржуазии и дворянства. Любопытно, что Шторх четко понимал и честно выразил мысль, что политэкономия является классовой наукой и затрагивает материальные интересы общественных групп. Он писал: «Мнения в политической экономии имеют то особенное несчастье, что они поддерживаются не только из тщеславия, самой всеобщей человеческой слабости, но и из личного не менее общего интереса, который невольно и без нашего ведома распространяет громадную власть на наш способ мышления». Отмечая отличие «экономических истин» от истин физических или математических, он говорил, что «первые затрагивают денежные интересы бесчисленного класса людей, которые часто из-за этого восстают против них и даже с внутренним убеждением своей правоты»**.

В объяснении стоимости Шторх отказывается от трудовой теории. Источником стоимости у него является полезность, поэтому стоимостью могут обладать (или стоимостью являться) любые блага, в том числе природные. Однако когда речь заходит о меновой стоимости товаров, то Шторх вынужден покинуть идею полезности и перейти на тривиальное (в духе Сэя) определение стоимости издержками производства. Вокруг этого уровня под влиянием спроса и предложения колеблются рыночные цены.

Свое понимание стоимости Шторх использует для развития идеи, которая представляет собой его главную претензию на вклад в экономическую теорию. Он попытался добавить к «теории богатства», занимающейся производством, распределением и накоплением материальных стоимостей, «теорию цивилизации» («просвещения» в русском переводе Вернадского), которая должна трактовать вопрос о нематериальных, духовных ценностях. В конечном счете эта концепция была направлена против теории производительного и непроизводительного труда Адама Смита. В отличие от других критиков Смита Шторх не пытался доказывать, что труд врача, священника, чиновника и т. д. в конечном счете тоже участвует в создании материальных стоимостей. Но он считал, что этот труд создает нематериальные стоимости, которые образуют неотъемлемый элемент цивилизации, а потому не менее

* Там же. Т. 23. С. 662; Т. 26. Ч. 1. С. 281 и др.

** Шторх Г. Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. Т. 1. С. 14–15.–

важны, чем материальные стоимости. Результатом труда государственных чиновников является такая специфическая стоимость, как безопасность. Прогрессивный элемент в этом своеобразном построении состоял в том, что под безопасностью Шторх понимал, в частности, личную свободу и гарантии частной собственности, а это возможно лишь при отсутствии крепостного права.

Соответственно под капиталом Шторх подразумевает всякую накопленную полезность. Например, рабочий обладает капиталом, состоящим из его природных способностей и приобретенной квалификации. Ясно, что это в корне противоположно трактовке капитала как общественного отношения между владельцами средств производства и владельцами рабочей силы. Русские экономисты 40-х гг., выступавшие против первых веяний социалистических идей, активно использовали теорию капитала Шторха.

Русский реформатор: Сперанский

Личность и деятельность Сперанского вызывают в памяти Тюрго – с поправкой на русское самодержавие и крепостное право. Министр Людовика XVI пытался в 70-х гг. XVIII в. провести радикальные реформы, которые направили бы Францию на путь ускоренного капиталистического развития. Он потерпел неудачу и после двух лет службы на посту министра финансов получил отставку. Деятельность Сперанского при Александре I была в конечном счете направлена на те же цели и вдохновлялась схожими идеями. Его тоже «съели» вельможи и придворные. Как Тюрго, Сперанский обладал острым умом и огромными способностями. Чернышевский назвал Сперанского русским реформатором и отмечал, что «преобразования были задуманы действительно громадные»*.

Михаил Михайлович Сперанский родился в 1772 г. в семье сельского священника Владимирской губернии и пробил себе путь вверх талантом и трудолюбием. Он учился во Владимирской духовной семинарии и как первый ученик был отправлен в Главную семинарию при Александро-Невской лавре в Петербурге. В 20-летнем возрасте он уже преподавал математику и красноречие студентам этой семинарии, позже преобразованной в духовную академию. Вскоре он становится одновременно личным секретарем князя А. Б. Куракина, а затем поступает по его протекции на государственную службу. Разумеется, это означало отказ от духовного звания и карьеры в церковной сфере – еще одна общая черта с Тюрго. За несколько лет Сперанский

* Чернышевский Н. Г. Русский реформатор // Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 7. С. 805.

сделал головокружительную карьеру, быстро переходя с одной ступеньки Табели о рангах на следующую. В 27 лет он уже статский советник. Вскоре получает потомственное дворянство и делается владельцем 2000 десятин земли с прикрепленными к ней крестьянами.

Ценой этого возвышения было звание, или прозвание, выскочки, которое преследовало Сперанского всю жизнь. Его ценили и успешно использовали прямые и высшие начальники, вплоть до императора, но ненавидели светская чернь и чиновная бюрократия.

Как короткий и трагический эпизод промелькнула в жизни Сперанского женитьба на юной англичанке, попавшей в Россию с матерью-гувернанткой, год счастливой семейной жизни, рождение дочери и смерть жены. Сперанский создал для себя своеобразный культ поклонения покойной, остался до конца дней вдовцом, зная только бесконечную работу.

Смена власти в 1801 г. открыла ему обширное поприще. Его деятельность в течение первого десятилетия царствования Александра I была проникнута либеральными веяниями эпохи. В записках, многие из которых так и не вышли за пределы его кабинета, Сперанский проектировал превращение России из архаичной и плохо управляемой монархии в современное государство с четкой системой управления, гарантиями личных прав, прочной экономической основой.

К российской действительности он относился весьма критически и позволял себе смелые высказывания. В одной из записок 1802 г. он говорит: «Итак, вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только по отношению ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов»*. В пору, когда русский литературный язык только формировался, Сперанский, несомненно, был выдающимся мастером слова.

Сперанский видел гибельность крепостного права для России и относился к нему в принципе отрицательно, но не предлагал отменять его в скором будущем. Он ставил ликвидацию крепостного права далеко не на первом месте в программе преобразований, считая, что «в государстве, где утверждена свобода политическая, гражданское рабство уменьшается само собой»**. Гражданским рабством Сперанский называл крепостное право, а под политической свободой подразумевал введение конституционного правления. Против этой точки зрения позже решительно выступили некоторые декабристы, особенно Николай Тургенев. Они справедливо считали, что

* Сперанский М. М. Проекты и записки. М.-Л., 1961. С. 43.

** Там же. С. 84.

без ликвидации крепостного права никакой политической свободы быть не может.

Экономические идеи Сперанского в той мере, в какой они находили выражение в его сочинениях и практической деятельности, были связаны с учением Смита и его последователей. Но концепцию невмешательства государства в хозяйственную деятельность он принимал далеко не полностью, считая, что в России государство по необходимости должно покровительствовать национальной промышленности. В важной записке 1803 г. «Об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» содержится специальный раздел «о государственной экономии», в которую он включает «разные способы к ободрению земледелия, к управлению мануфактур, коммерции, промыслов и заводов»*. Введенный Сперанским таможенный тариф 1810 г. носил четко выраженный протекционистский характер.

Около 1806 г. царь, разочаровавшись в своих прежних советниках, стал приближать к себе Сперанского. В 1808 г. он взял его с собой в Эрфурт на свидание с Наполеоном. Имеется мемуарная версия, что французский император однажды шутя предложил русскому царю обменять Сперанского на какое-нибудь из подвластных ему королевств. Если этого на самом деле и не было, то неплохо придумано: весьма вероятно, что проницательный Наполеон выделил блестяще умного Сперанского из царской челяди. Он стал наперсником царя, его постоянным собеседником, с которым Александр делился своими идеями. Сперанский этого периода изображен Л. Н. Толстым в «Войне и мире».

Сперанский с напряжением всех сил работал над двумя большими проектами: реформой государственного управления и преобразованием финансов. Он предлагал создать два важных органа: Государственную думу и Государственный совет. Дума должна была стать главным законодательным органом и состоять «из депутатов от всех свободных состояний» (сословий). Некоторым образом она походила бы на западноевропейские парламенты. В частности, без ее согласия нельзя было бы вводить новые налоги и повинности. Нет сомнения, что Сперанский надеялся в какой-то степени ограничить самодержавие. Государственный совет был задуман как совещательный орган при государе. Ничего удивительного, что Дума осталась на бумаге (и притом в большой тайне), а Государственный совет был создан в 1810 г. и просуществовал до конца монархии в 1917 г.

Сперанский выдвигал глубокие и прогрессивные для своего времени идеи в области финансов и денежного обращения. Он предлагал перестроить налоговую систему, ликвидировать ее устарелый, феодальный характер.

* Там же. С. 102.

Подушную подать он хотел заменить поземельным и подоходным налогами, причем считал оправданным обложение дворянства, не платившего в то время никаких налогов. Натуральные трудовые повинности крестьян (дорожную, гужевою и др.) он предлагал заменить умеренными денежными подачами, справедливо полагая, что принудительный труд низкопроизводителен и особенно ненавистен для тех, кого принуждают. Сперанский выдвигал предложение о прекращении выпуска ассигнаций и постепенном их погашении правительством. Денежное обращение должно было базироваться на серебряном рубле, причем металлические деньги предполагалось дополнить разменными банкнотами, которые выпускали бы специальные банки, соотносясь с реальными потребностями хозяйства.

Американский профессор Марк Раэфф, написавший капитальное исследование о Сперанском, очень высоко оценивает этот аспект его деятельности и считает, что финансовые идеи Сперанского опережали взгляды большинства западноевропейских экономистов той эпохи и шли в том же направлении, что предложения английских теоретиков и практиков финансов первой четверти XIX в. Раэфф пишет: «Предложения и аргументация, выдвинутые Сперанским для обоснования реформы денежной и финансовой системы России, были поворотным пунктом в истории управления русскими финансами и в мышлении по экономическим вопросам...»*.

В декабре 1809 г. Сперанский был назначен государственным секретарем и директором комиссии составления законов и стал чем-то вроде первого министра при Александре. Он получил возможность проводить свои идеи в жизнь и немедленно приступил к реформам. Был создан Государственный совет, проведена реорганизация министерств, введен временный налог на владельцев крепостных душ, серебряный рубль провозглашен основой денежного обращения, приостановлен выпуск ассигнаций. Сперанский ввел экзамены для чиновников определенных классов, добиваясь улучшения работы административного аппарата. Характерно, однако, что никаких реформ, касавшихся крепостного права, Сперанский проводить не пытался. Тем не менее его деятельность вызывала растущее недовольство дворянства, а также чиновничества и других влиятельных лиц. Над головой министра стали собираться грозовые тучи. Этому способствовала обстановка надвигающейся войны с Францией. Стали распространяться упорные слухи, что Сперанский предал Россию Наполеону, что его меры сознательно направлены во вред России. К царю поступали все новые доносы на его любимца. Александр, в чьем характере было немало вероломства и коварства, поверил или сделал вид, что поверил доносам, и решил пожертвовать Сперанским.

* *Raeff M. Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia, 1772–1839. The Hague, 1969. P. 88.*

Это было сделано в грубой и жестокой форме. В марте 1812 г. Сперанский был внезапно схвачен ночью и сослан в Нижний Новгород, где находился под надзором полиции. Ему не было предъявлено никаких обвинений, забыли даже издать указ о смещении его с занимаемых постов.

Когда местные власти, осуществлявшие надзор, сообщили в Петербург, что «г. Сперанский скрытым образом (?) бывает в трактирах и питейных домах, где всегда есть стечение простолюдинов и людей, слабых в воздержной жизни», министр полиции отвечал им, что «государь император... высочайше повелеть мне соизволил поручить вам и дальнейшее преследование всех поступков и движений г. Сперанского, стараясь сколько возможно проникнуть причину и предмет такового его уклонения между простолюдинов или черного народа...»*. По-видимому, царь вполне серьезно полагал, что Сперанский может мутить народ.

В сентябре 1812 г., не забывая об опальном министре в разгар войны, Александр *собственноручным* рескриптом (слово подчеркнуто в источнике. – А. А.) приказал «отправить сего вредного человека под караулом в Пермь с предписанием губернатору, от моего имени, иметь его под тесным присмотром и отвечать за все его шаги и поведение»**. Такова благодарность самодержца!

Народ имел очень смутное представление о деятельности Сперанского. Однако существуют документы, свидетельствующие, что грамотные руководители некоторых народных движений в период его опалы считали Сперанского потенциальным защитником простых людей. В 1821 г. было обнаружено властями неотправленное письмо руководителя волнений рабочих на Березовских золотых промыслах (Урал) Егора Дюрягина Сперанскому. Из письма видно, что Дюрягин считал опалу реформатора результатом «ненавистой неправды»***.

Дальнейшая жизнь Сперанского не представляет большого интереса. Через несколько лет он был отчасти «прощен» и в 1816 г. назначен пензенским губернатором, а затем сибирским генерал-губернатором, где проявил себя дальновидным администратором: он вообще не умел плохо работать. В 1821 г. Сперанский был возвращен в Петербург и до конца дней занимал высокие посты в чиновной иерархии. В 30-х гг. он неоднократно беседовал с Пушкиным, о чем поэт оставил любопытные записи.

В 1826 г. ему пришлось пережить большую личную трагедию: Николай I с садистским удовольствием заставил Сперанского играть центральную роль

* Корф М. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. С. 56.

** Там же. С. 67.

*** Этот факт сообщен мне профессором С. И. Сметаниным, занимавшимся историей уральской промышленности.

в суде над декабристами. А ведь декабристы наметали реформатора в члены революционного временного правительства, и среди них было несколько его друзей и добрых знакомых. Дочь Сперанского вспоминала, что в эти страшные дни она не раз видела слезы на глазах отца. Ему пришлось не просто голосовать за приговоры, как другим членам Верховного уголовного суда, но готовить юридическое «обоснование» процесса, распределять преступников по разрядам, формулировать вину подсудимых*.

Николай I простил Сперанскому и либеральные грехи его молодости, и двусмысленную роль в деле декабристов. В 1839 г., за несколько месяцев до смерти, Сперанский стал графом. До конца дней Сперанский был дельным чиновником, но с каждым десятилетием все меньше оставалось в нем от молодого реформатора и новатора. Сперанский был сломлен произволом и деспотизмом, которые он надеялся если не устранить, то ослабить своими реформами.

Несовместимость дельных, мыслящих и честных людей с бюрократическим аппаратом была характерной чертой России и, вероятно, дорого ей стоила. Отрыв власти от знания становился с каждым десятилетием все вреднее и опаснее. В нашей стране он принял чудовищные формы в 30–70-х гг. XX в. Не в этом ли одна из причин переживаемого нами кризиса?

В открытом письме Александру II А. И. Герцен писал: «Мы до того привыкли видеть судьбу России в руках неспособных стариков, получивших места вроде премии от общества застрахования жизни, за продолжительную крепость пищеварения, что нам кажется каким-нибудь чудачком, иностранцем, «чужим между своих» – лицо вроде Мордвинова; да разве он и, еще больше, Сперанский не затерялись бесполезно между седыми детьми, игравшими в звезды и ленты?»**.

Адмирал Мордвинов

Николай Семенович Мордвинов прожил долгую жизнь, пережив пятирх царей на престоле. Он родился в 1754 г., умер в 1845 г., оставаясь до последних дней, как и в молодости, погруженным в науки и дела. Мордвинов происходил из дворянского рода, который вел свое начало от мордовского вождя, взятого в XVI в. заложником в Россию. Отец его был послан при Петре I за границу учиться морскому делу и позже дослужился до адмира-

* См.: Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 2. С. 400–409.

** Герцен А. И. Письмо к императору Александру II // Собр. соч. Т. 13. С. 41. Здесь и далее цитируется издание в 30 томах (1954–1965 гг.). – Ред.

ла. Сам Мордвинов еще юношей был определен во флот и тоже прошел всю лестницу чинов вплоть до полного адмирала.

В молодости Мордвинов три года обучался в Англии, и на всю жизнь любовь к науке соединилась в нем с англофильством. Он считал наилучшей английскую систему государственной власти с двухпалатным парламентом, хлопотал о внедрении в России английских методов земледелия и сельскохозяйственных орудий. С молодых лет Мордвинов стал поклонником Адама Смита, позже был лично знаком и переписывался с философом и юристом Дж. Бентамом.

Подобно своему старшему современнику Суворову Мордвинов имел характер независимый и строптивый. При Екатерине он разошелся со своим непосредственным начальником, всесильным фаворитом Потемкиным и вышел в отставку, но был вскоре возвращен на службу и много сделал для создания русского флота на Черном море и освоения побережья. По доносу он был вызван при Павле в Петербург, некоторое время провел под арестом и был вновь отстранен от службы. Александр I сделал Мордвинава первым русским морским министром, но через несколько месяцев у того начались нелады с царем, и он снова стал частным лицом. В момент падения Сперанского в 1812 г. Мордвинов был председателем департамента экономии Государственного совета. Чтобы избавиться от него, на время ликвидировали сам департамент.

Всю жизнь Мордвинов слыл вольнодумцем, оппозиционером, к тому же человеком резким, неуживчивым, непокладистым. Ум и опыт Мордвинава, его авторитет и популярность заставляли Александра I и Николая I держать его на высоких постах в государственном аппарате и прислушиваться к его советам. Но оба брата недолюбливали упрямого старика, а их фавориты открыто и скрытно вредили ему. В 1827 г. фаворит Николая I Бенкендорф в докладе царю изображал Мордвинава главой опасной «партии русских патриотов»*. Мордвинов действительно был очень популярен в либеральных кругах, но, разумеется, никакой партии не возглавлял. В 1834 г. Мордвинов получил графский титул, однако его биограф приводит целый список случаев, когда он был обойден награждениями и обижен самодержавной властью**.

В течение десятилетий Мордвинов был в глазах всей мыслящей России воплощением честности, независимости, служения общественному долгу. Его «мнения» (служебные записки, в которых он излагал свои взгляды и вносил предложения) ходили в рукописных копиях вместе с «Горем от ума» и свободолюбивыми стихами Пушкина.

* Красный архив. 1929. № 6 (37). С. 144.

** *Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов. СПб., 1873. С. 567–568.*

Декабристы высоко ценили Мордвинова и намечали его в состав временного правительства в случае захвата власти. Н. И. Тургенев служил под его началом, был вхож в дом и дружен с ним. В их взглядах было много общего, но одно резко разделяло старого вельможу и молодого либерала: отношение к крепостному праву. Тургенев был фанатиком идеи освобождения крестьян, Мордвинов же мирился с крепостным правом и в самом крайнем случае считал возможным постепенный выкуп крестьянами своей личной свободы без земли и при очень высоких суммах выкупа. Он выражал надежду, что крепостное право отомрет постепенно, под влиянием сил экономического развития, без каких-либо решительных мер со стороны правительства.

В 1824–1825 гг. с Мордвиновым был близок один из вождей северных декабристов – поэт К. Ф. Рылеев. Покоренный обаянием мудрого и гуманного старца, Рылеев посвятил ему издание своих «Дум» и написал оду «Гражданское мужество», в которой прославил Мордвинова:

...Но нам ли унывать душой,
Пока еще в стране родной
Один из дивных исполинов
Екатерины славных дней
Средь сонма избранных мужей
В совете бодрствует Мордвинов?
...Уже полвека он Россию
Гражданским мужеством дивит:
Вотще коварство вкруг шипит –
Он наступил ему на выю.

После декабрьских дней 1825 г. Николай I назначил старого адмирала, как и Сперанского, членом Верховного уголовного суда, но тот оправдал слова Рылеева о гражданском мужестве и, один из всего состава суда, не подписал смертный приговор пяти «внезрядным» преступникам.

Имеются свидетельства, что Мордвинов интересовался и занимался экономическими вопросами еще в период своей военной службы. Это подтверждается тем, что уже в 1801 г. он представил Александру I проект Трудопоощрительного банка. В этом проекте обосновывается главная идея, которая одушевляла всю последующую деятельность Мордвинова: ускорение хозяйственного развития России. Проектируемый им банк похож на современные банки развития, которые на льготных условиях финансируют сооружение предприятий в развивающихся странах. Мордвинов предлагал создание государственного банка, средства которому должно было предоставлять правительство в виде ассигнаций. Он хотел наделить Трудопоощрительный

банк (характерно само название!) широкими полномочиями в экономике. Банк должен был служить проводником и рассадником новых методов производства, новой техники, машин. Предполагалось, что он будет постоянно связан с Академией наук и Вольным экономическим обществом. Его правление должно было иметь штат «механиков и других разных художников, коих употребляют для производства работ, посылая их в те места, где ради какого-нибудь заведения таковые люди нужны»*. Следуя смитовскому учению о производительном и непроизводительном труде, Мордвинов считает, что банк не должен финансировать объекты, которые «служат к кратковременному наслаждению или к ненужному украшению и роскоши некоторого числа людей»**. Свои ресурсы он должен направлять в улучшение земли, совершенствование земледелия и скотоводства, устройство фабрик, сооружение рудников и металлургических заводов, распространение рыбных промыслов и т. п.

Как с горечью констатировал позже сам Мордвинов, его проект, переданный царем министру финансов, был затем похоронен в дебрях петербургских канцелярий и никаких практических следствий не имел.

Другой смелый проект Мордвинов в 1816 г. опубликовал и довел тем самым до сведения широкой публики. Проект составил небольшую книжку, озаглавленную «Рассуждение о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков». Мордвинов проектировал на этот раз не государственный банк развития и не частные акционерные банки, получившие большое развитие в России во второй половине века, а своеобразные кооперативные банки, капитал которых образуется за счет относительно небольших взносов населения, причем за крепостных взносы делают их «дусевладельцы». Банки могут принимать вклады и предоставлять ссуды различных видов, способствуя тем самым хозяйственному развитию. Мордвинов предполагал, что со временем эти банки получают право эмиссии банкнот, которые они будут обеспечивать коммерческими векселями и свободно заменять на серебро. Таким способом, считал он, будет восстановлена устойчивая денежная система, что позволит отказаться от ассигнаций.

Это сочинение Мордвинова было замечено за границей и даже издано в переводе на итальянский язык. Итальянский ученый М. Джойя, с которым Мордвинов близко познакомился во время своего заграничного путешествия в 1819 г., опубликовал любопытную рецензию на книгу русского экономиста. Он целиком поддерживает и одобряет идею Мордвинова относительно значения банков для развития экономики России, приводя пример Англии, где аккумуляция частных капиталов банками позволила произвести

* Мордвинов Н. С. Избр. произв. М., 1945. С. 59.

** Там же. С. 52.

за последние десятилетия крупные капиталовложения, преобразившие лицо страны*.

Большие проекты Мордвинова остались на бумаге: ни правительство, ни общество не были готовы к их осуществлению. Но в некоторых областях кипучая деятельность неутомимого адмирала давала полезные результаты. Под его руководством процветало Вольное экономическое общество. Мордвинов был инициатором создания первого страхового общества в России. Он много сделал для распространения прививок против оспы.

Вопрос о протекционизме

Мордвинов был плоть от плоти русского дворянства. Но он принадлежал не только к самой образованной, но и к самой прогрессивной части этого класса. Будь он лет на сорок помоложе, он, возможно, принял бы участие в тайных обществах декабристов. Реформаторская программа Мордвинова, как и революционные идеи декабристов, была объективно направлена на ускоренное капиталистическое развитие России. При этом он надеялся, что русское дворянство сможет пойти по пути дворянства английского, которое успешно приспособилось к новому миру фабрик, банков и ценных бумаг и нашло в нем свое место. Ему казалось, что крепостное право не является препятствием для такого развития. Отсюда вытекало и коренное противоречие его экономических взглядов и реформаторской деятельности.

Важные вопросы экономического развития России и экономической политики ставит Мордвинов в связи с полемикой о таможенном тарифе в главной из своих опубликованных работ «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе». Первое издание вышло в 1815 г., при жизни автора она публиковалась еще дважды.

В центре внимания Мордвинова – проблема экономического отставания России от Запада, которая постоянно занимала русскую общественную мысль начиная с XVI в. Мордвинов ставит ее остро и современно. Он с некоторым удивлением констатирует, что, как ни ускоряется развитие России, а отставание не уменьшается: «Известно, сколь быстрое было шествие ее к цели своего усовершенствования, в достижении которого она несравненно стремительнее других народов проходила те стези, по коим и они к совершенству приближались; но однако далек еще от нее тот успех, коего достигли некоторые из европейских держав»**.

* Мордвинов Н. С. Избр. произв. С. 184–190.

** Там же. С. 85.

Мордвинов искал ответ на вопрос о способах скорейшей ликвидации этого отставания в западной экономической мысли, прежде всего у Адама Смита. Он принимал и развивал многие важные принципы его учения, как-то: свобода и обеспеченность частной собственности, благотворная роль конкуренции, необходимость и польза разделения труда и создания многоотраслевой экономики, всемерное вовлечение населения в сферу производительного труда, ограничение роскоши и труда непроизводительного, упор на накопление капитала как главный фактор экономического роста.

Однако Мордвинов, будучи большим реалистом и практиком, не мог безоглядно применять принципы смитианства к условиям России. Он с полным основанием считал, что промышленный рост России невозможен без государственного вмешательства и без ограничения ввоза иностранных промышленных товаров. Поэтому он выступал за высокие импортные пошлины на эти товары, особенно на предметы роскоши, из которых в значительной мере состоял русский импорт. Без этого России грозит опасность остаться чисто земледельческой страной, а такая страна никогда не может быть богатой. Можно сказать, что аргументация Мордвинова на четверть века предвосхитила выводы известного немецкого экономиста Фридриха Листа, который основательно занимался проблемой роста отставших в капиталистическом развитии стран. Лист писал, что нация, занимающаяся только сельским хозяйством, подобна человеку, который вынужден работать одной рукой.

Теоретические противники Мордвинова – сторонники свободы торговли – тоже пытались опираться на Смита. Они не были столь наивны, чтобы отстаивать исключительно земледельческое развитие России, но заявляли, что рост экономики, включая промышленность, можно обеспечить наилучшим образом при невмешательстве государства и низких импортных тарифах. Это даст возможность «естественным образом» развиваться отраслям, способным выдерживать иностранную конкуренцию. Эта идея могла быть привлекательной для людей разных взглядов, в частности ее поддерживали некоторые декабристы. Но объективно фритредерская идеология выражала интересы консервативного дворянства, которое хотело беспрепятственно сбывать хлеб, сало, пеньку в Англии и во Франции и относительно дешево покупать модные заморские товары. Помещики заводили в своих имениях кустарные мастерские, основанные на труде крепостных, и не были заинтересованы в развитии фабричной промышленности.

Позиция Мордвинова, хотя и ограниченная его взглядами по крепостному праву, была прогрессивной и дальновидной. Спустя несколько десятилетий Энгельс, рассматривая вопрос об экономическом развитии России, четко показал, что крупная промышленность не могла там вырасти

без государственного покровительства. Он писал: «Несомненно одно: если Россия действительно нуждалась в своей собственной крупной промышленности и решила иметь ее, то она не могла создать ее иначе, как посредством хотя бы *известной* степени протекционизма... В таком случае с этой точки зрения и вопрос о протекционизме становится только вопросом *степени*, а не принципа; самый же принцип был неизбежен»*.

Какими бы жаркими ни были дискуссии о свободе торговли и протекционизме в русской литературе 10-х и 20-х гг. XIX в., не этот вопрос стоял в центре общественной жизни. Таковым было крепостное право и его судьбы. Он закономерно занял центральное место в социально-экономической идеологии декабристов.

15.2. Идея декабристов. Пестель

Вследствии по делу декабристов, которое заняло всю первую половину 1826 г., каждому мятежнику давали особого рода анкету, в которой был, в частности, вопрос об источниках его «вольнодумческих и либеральных мыслей». Многие в ответ перечисляли имена давно умерших мыслителей, в числе которых неоднократно фигурирует Адам Смит. Дворянин Юлиан Люблинский, прошедший в приговоре по шестому разряду (пять лет каторги и поселение), отвечал, что он особенно старался «усовершенствовать себя в политической экономии и администрации», а среди авторов, которых он читал, называет Смита, Сэя и... почтенного академика Шторха**. Декабристы не могли еще, конечно, отличить Смита от его поздних буржуазных интерпретаторов.

Вожди и идеологи движения были людьми высокой культуры и замечательных нравственных принципов. Борясь за освобождение русского народа от самодержавия и крепостного права, они стремились опереться на передовую общественную мысль своего времени и недавнего прошлого.

Конечно, подлинный источник освободительных идей коренился в бедственном положении русского народа. Но русская жизнь еще не выработала к тому времени идеологии, которой революционеры могли бы руководствоваться. Большинству был известен Радищев, но их взоры в основном были обращены на Запад, где прогрессивная буржуазия уже накопила большой опыт теории и практики борьбы против феодализма. Наряду с французской

* Энгельс Ф. Письмо Н. Ф. Даниельсону, 22 сентября 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 399.

** Восстание декабристов. Материалы. М.-Л., 1926. Т. 5. С. 414.

просветительной философией смитианская политическая экономия была важным источником идей дворянских революционеров.

Декабристы отнюдь не были только учениками. Идеи западных философов и экономистов они стремились применить к конкретным условиям России. Их особенно занимал вопрос о способах ликвидации крепостного права и путях дальнейшего аграрного развития страны. Этот вопрос оставался центральным для русской общественной мысли на протяжении всего XIX в.

Декабристы и политическая экономия

Средний возраст участников заговора и восстания составлял 28 лет. Практически все они были дворянами и почти все офицерами – от прапорщика до генерал-майора. Те, кто был постарше, первые «либеральные» мысли могли усвоить еще за школьной партией, из книг и бесед в последние годы правления Сперанского, но настоящей школой для них стала война 1812 г., а завершили свое образование они в заграничных походах 1813– 1815 гг.

Война вызвала мощный подъем народного духа. Но крестьяне, служившие в солдатах и сражавшиеся в партизанах, оставались крепостными. Молодые офицеры, возвратившись на родину, с горечью отмечали, что рабство не было поколеблено, а вместе с ним в неприкосновенности оставались другие устои деспотизма. Один из участников первых преддекабристских обществ граф М. А. Дмитриев-Мамонов писал своему другу, видному декабристу (и автору экономических работ) генералу Михаилу Орлову: «...мы, освободители других, стонем под ненавистным игом»*. Люди, принадлежавшие к высшей аристократии, искренне стремились к единению с народом, чувствовали его боль. Любопытно, что оба – автор и адресат – были сыновьями фаворитов Екатерины II.

Н. И. Тургенев, о трудах которого речь пойдет в следующей главе, рассказывает: «Я вернулся на родину в конце 1816 г. Толчок, данный умам только что происшедшими событиями, или скорее возбуждение, ими произведенное, были очевидны. Именно с момента возвращения русских армий в свою страну либеральные идеи, как говорили тогда, начали распространяться в России. Кроме регулярных войск, большие массы народного ополчения также видели заграничные страны: эти ополченцы всех рангов, переходя границу, возвращались к своим очагам и рассказывали о том, что они видели в Европе. Сами события говорили громче, чем любой человеческий голос. Это была настоящая пропаганда»**.

* См.: *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 404.

** *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 1915. Т. 1. С. 59.

Образованные дворяне были единственной средой, в которой могла сложиться организованная оппозиция существующему строю. Офицеры, создававшие первые тайные общества, были настроены патриотически, но счастье родины они видели не только в ее военном величии, но и в освобождении народа. В 1816 г. в Петербурге возникло первое тайное общество – Союз спасения. Программа его включала введение конституции и уничтожение крепостного права. В 1818 г. был создан Союз благоденствия – более широкая и разветвленная организация, в цели которой входила как борьба за преобразования, так и просветительская деятельность. В начале 1821 г. Союз благоденствия был формально ликвидирован, однако вскоре на его месте возникли два тайных общества – Северное в Петербурге и Южное в армии, расквартированной на Украине. Смерть бездетного Александра I в ноябре 1825 г. и замешательство с престолонаследием в связи с отречением второго по возрасту брата Константина толкнули оба общества на активные, но несогласованные действия. Лишь небольшая часть солдат поддержала восстание. Народные массы, крестьянство были в стороне. 14 декабря 1825 г. (старого стиля) Николай I подавил выступление в Петербурге, через две недели потерпело поражение вооруженное восстание на Юге. В июле 1826 г. пятеро руководителей тайных обществ были повешены, более 120 человек сосланы на каторгу и поселение, заключены в крепости, разжалованы в солдаты.

Общее число лиц, привлеченных к следствию по делу декабристов, превышало 500. Репрессиям подверглось также несколько тысяч солдат, пошедших за мятежными офицерами.

После поражения декабристов Россия пережила десятилетия николаевской реакции. Но дело их не пропало. Дворянское поколение русских революционеров (декабристы и Герцен) проложило путь разночинскому, буржуазно-демократическому поколению, которое вышло на историческую арену на рубеже 50-х и 60-х гг. На этой основе в конце века развернулось революционное движение российского пролетариата.

Литературное наследство декабристов значительно по объему. Среди них были такие выдающиеся поэты и прозаики, как Рылеev и Бестужев-Марлинский. Многие декабристы были авторами социально-политических сочинений. Порой идеи, близкие декабризму в теоретической плане, встречаются в сочинениях либеральных профессоров, у которых учились иные декабристы, – Германа, Куницына и др. Некоторые участники восстания становились «литераторами» в ходе следствия, давая подробные ответы на вопросы следственного комитета или сочиняя письма на высочайшее имя. В целом произведения декабристов, содержащие социально-политические и экономические идеи, можно разделить на следующие группы:

1. Легально опубликованные до 1825 г. книги и статьи. Среди работ такого рода особенно выделяется «Опыт теории налогов» Николая Тургенева, единственное крупное декабристское сочинение, специально посвященное экономическим вопросам.

2. Нелегальные сочинения, предназначались только для членов тайных обществ, иногда только для руководителей. Важнейшими сочинениями такого рода являются программные документы – устав Союза благоденствия, «Русская правда» Пестеля и конституционный проект Никиты Муравьева.

3. Материалы, возникшие в ходе следствия. Замечательные памятники общественной мысли и литературы представляют, в частности, показания Пестеля и письма П. Г. Каховского Николаю I и следственному комитету.

4. Мемуары и различные записки декабристов, начиная с опубликованной за границей книги Тургенева «Россия и русские» и написанных в Сибири записок Лунина (30–40-е гг.).

Особое место в декабристской литературе занимает книга М. Ф. Орлова «О государственном кредите», опубликованная в 1833-м. Заступничество старшего брата, любимца Николая I, спасло Орлова от каторги и Сибири, и он доживал свой век в деревне и в Москве, находясь не у дел, под полицейским надзором. Несмотря на всю осторожность автора, цензура изъяла из его книги значительную часть текста, где Орлов излагал программу экономического развития России.

В предисловии к «Опыту теории налогов» Тургенев излагает с декабристских позиций вопрос о пользе изучения политической экономии. Подобно другим русским авторам того времени он считает, что в этой науке существовало три «системы»: меркантилистов, физиократов и Смита. Отвергая две первые системы, он, тем не менее, видит их полезность в том, что «занимающийся политической экономией, рассматривая систему меркантилистов, невольно привыкает ненавидеть всякое насилие, самовольство и в особенности методы делать людей счастливыми вопреки им самим. Проходя систему физиократов, он приучается любить правоту, свободу, уважать класс земледельцев, – столь достойный уважения сограждан и особенной попечительное™ правительства... Физиократы одним из главных правил представляли свободу совместничества (конкуренции. – А. А.) в промышленности народной: система их необходимо должна была пленить современников, утомленных игом меркантилизма»*.

Но все симпатии автора находятся на стороне системы, которую он называет «Смитовою, или критическою». Во-первых, разъясняет Тургенев, эта система научна, она основывается не на догмах, а на «исследованиях и со-

* Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. М., 1937. С. 5.

ображениях рассудка». Во-вторых, Смитова система одобряет то, что «естественно, непринужденно», и читателю скоро дают понять, что этого никак нельзя сказать о крепостном праве. В-третьих, она утверждает, что «все благое основывается на свободе», причем далее выясняется, что здесь имеется в виду как политическая, так и экономическая свобода. В другом месте Тургенев пишет: «Правила как политики вообще, так и народного хозяйства и финансов в особенности начертаны и утверждены бессмертным Адамом Смитом и его последователями»*.

Декабристы были дворянскими революционерами. Если бы их выступление завершилось удачей, то для страны неизбежно открылся бы путь ускоренного развития капитализма. Субъективно же декабристы представляли себе дело иначе. Как Смит, как французские просветители, они хотели не капитализма, а «разумного», «естественного» строя, который был бы благом для всего общества и главное – противостоял бы феодализму и крепостничеству.

Иной системы экономических идей, которая соответствовала бы принципам и целям декабристов, просто не существовало. Поэтому все они, если им приходилось высказываться по этому вопросу, объявляли себя смитианцами. Но они вовсе не были последователями Смита в том смысле, как, скажем, Давид Рикардо. Теоретические вопросы политической экономии (стоимость и ценообразование, доходы, капитал, воспроизводство общественного продукта) их мало интересовали. Эти проблемы представлялись им слишком абстрактными и далекими от русской действительности. И. Г. Блюмин правильно отмечает: «...его (Смита. – А. А.) учение о стоимости и зародыши теории прибавочной стоимости, его попытки проникнуть в физиологию буржуазного общества оставались незамеченными даже для самых передовых людей эпохи – для декабристов. В России отсутствовала почва для усвоения научной политической экономии: не было развитого капитализма»**. Теоретическое новаторство Рикардо почти вовсе не было замечено в России вплоть до 50–60-х гг. Николай Тургенев был, вероятно, первым русским человеком, прочитавшим книгу Рикардо «Начала политической экономии и налогового обложения», которая вышла в 1817 г. Однако, как он отмечает в своем дневнике, книга эта его не заинтересовала.

Проповедь экономической и политической свободы – вот что привлекало декабристов у Смита и что они могли плодотворно использовать в своей борьбе. Применительно к российской действительности это означало ликвидацию крепостного права, отмену сословных привилегий, равные экономи-

* Там же. С. 14.

** Блюмин И. Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. С. 58–59.

ческие и политические права для всех сословий, сокращение вмешательства государства в сферу хозяйства, справедливые налоги. Декабристы намечали устранение самодержавия и введение республики или конституционной монархии с народным представительством. Политическая экономия занимала их прежде всего как наука, которая в основу своих построений положила принцип свободы. В дневнике Н. И. Тургенева, который больше других занимался данными проблемами, мы находим несколько замечательных мыслей. В 1817 г. он пишет: «...обширная торговля не может быть без свободы. Свобода торговая ведет за собой свободу политическую, а без сей последней нет счастья прочного для народов»*. В записях следующего года читаем: «Политическая экономия интересна потому уже, что она родилась вместе с конституционною свободою народов Европы или что она неразлучна с сей свободою»**.

Идеологи декабризма изучали аграрные отношения в России и стремились подвести экономическую базу под главное свое программное требование – ликвидацию крепостного права. Все они исходили из того, что развитие капитализма в сельском хозяйстве закономерно и прогрессивно, но между ними были значительные разногласия по вопросу об условиях отмены рабства крестьян и о будущих формах хозяйства на земле.

Видные деятели Северного общества, в том числе Тургенев и Никита Муравьев, склонялись к личному освобождению крестьян без земли лишь с небольшим приусадебным наделом. Для этого взгляда были мотивы двоякого рода. Прежде всего Тургенев и Муравьев считали, что такое освобождение может стать реальным в ближайшее время, тогда как освобождение с землей вызовет упорное сопротивление помещиков и затянет дело. Но вместе с тем им, видимо, представлялось, что личная свобода крестьян и «свобода» их от земли создадут наиболее благоприятные условия для капиталистического развития сельского хозяйства. Многим декабристам-дворянам просто трудно было представить, как могут они отказаться от своих вековых прав на землю.

Южное общество стояло на более радикальных позициях. Аграрный проект Пестеля предусматривал обеспечение крестьян землей даже путем конфискации части ее у помещиков. Опасаясь концентрации земельной собственности у новых владельцев, Пестель допускал также существование общинной собственности на землю в своеобразной форме.

Все декабристы были согласны в том, что крепостное право и самодержавие сковывают развитие производительных сил России: ускоренное хо-

* Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816–1824 гг. Пг., 1921. Т. 3. С. 49.

** Там же. С. 117.

зыйственное развитие провозглашалось ими в качестве важнейшей цели экономической политики, после того как будут разбиты эти оковы. Но в конкретных вопросах между ними были различия во взглядах и разногласия. Тургенев был последовательным сторонником свободной торговли и считал, что никакими искусственными мерами стимулировать промышленность не следует. Пестель, признавая руководящий принцип экономической свободы и частной инициативы, все же стоял за таможенный протекционизм и государственное содействие развитию промышленности.

Пестель был признанным идейным и политическим руководителем Южного общества. Тургенев не играл такой роли на Севере, но имел большой авторитет в движении в целом. Товарищи считали их обоих самыми образованными и мыслящими людьми в тайных обществах. Для нашей темы важно, что Пестель и Тургенев были и самыми крупными социально-экономическими мыслителями среди декабристов.

Вопрос о взаимоотношениях этих двух замечательных личностей занимает видное место в литературе о движении декабристов. Сложилась традиция противопоставлять Пестеля как лидера радикального крыла Тургеневу как идеологу крыла умеренного. Это, в общем, справедливо. Но вместе с тем такое противопоставление грешит определенным упрощением, недостатком конкретного историзма в толковании характеров и идей того времени. Может быть, надо больше говорить о том, что эти два человека не только противостояли друг другу, но и взаимно дополняли друг друга, достоинства одного компенсировали недостатки другого. Говоря об «умеренности» Тургенева, нельзя забывать, что он был самым последовательным и упорным борцом против крепостного права и твердо высказывался за республику. С другой стороны, аграрный проект Пестеля радикален лишь в утопическом смысле, а его склонность к военной диктатуре как единственной форме революционной власти вызывала опасения у многих декабристов.

Пестель провел всю жизнь в армии и не имел того большого опыта работы в гражданской администрации, который накопил Тургенев. Пестель был в большей степени человеком действия, Тургенев – человеком мысли. Для первого руководство людьми было естественно и органично, второй сознательно и бессознательно уходил от такой деятельности. Могли бы они плодотворно работать вместе, если бы (представим себе такую возможность!) восстание завершилось победой? Трудно сказать.

Короткая жизнь Павла Пестеля

Отвечая в конце апреля или в мае 1826 г. на вопросы следственного комитета, узник Петропавловской крепости писал: «Имя и отчество мои суть: Павел Иванов сын Пестель.– Имею от роду 32 года, скоро минет 33». Ему минуло 33 года 24 июня (родился в 1793 г.), а 13 июля 1826 г. (по старому стилю) Пестель был повешен на кронверке крепости вместе с Рылеевым, Муравьевым-Апостолом, Каховским, Бестужевым-Рюминым.

Пестель писал в анкете: «Я принадлежу к лютеранскому исповеданию... До 12-ти лет возраста воспитывался я в доме у родителей, а в 1805 г. отправился с моим братом, что ныне полковник кавалергардского полка, в Гамбург, а оттуда в Дрезден, из коего в 1809 году возвратились в родительский дом... В 1810 г. был я определен в Пажеский корпус, откуда выпущен в конце 1811 года прапорщиком в лейб-гвардии Литовский, что ныне лейб-гвардии Московский, полк. О политических науках не имел я ни малейшего понятия до самого того времени, когда стал готовиться ко вступлению в Пажеский корпус, в коем их знание требовалось для поступления в верхний класс. Я им тогда учился у профессора и академика Германа, преподававшего в то время сии науки в Пажеском корпусе. По выходе из Пажеского корпуса занимался я наиболее военными и политическими науками и особенную склонность имел к политическим, а потом к военным... Зимой с 1816 на 1817 год слушал я курс политических наук у профессора и академика Германа в его квартире на Васильевском острове. Но мало у него тогда почерпнул новых познаний, потому что он почти то же читал в лекциях своих, что прежде я от него слышал в Пажеском корпусе. Форма преподавания была другая, но существо предметов то же самое... Я никакого лица не могу назвать, кому бы я мог именно приписать внушение мне первых вольнодумных и либеральных мыслей, и точного времени мне определить нельзя, когда они начали во мне возникать: ибо сие не вдруг сделалось, а мало-помалу и сначала самым для самого себя неприметным образом»*.

Здесь и далее Пестель не только сообщает автобиографические подробности, но рисует картину своего становления как мыслителя и революционера. Несколько десятков лет этот замечательный документ пылился в царских архивах, прежде чем стал доступен исследователям, а затем и читателям.

Пестель принадлежал к четвертому поколению семьи, основатель которой выехал из Германии и вступил на русскую службу. Семья обрусела, хотя и продолжала исповедовать лютеранскую веру. Отец Павла Пестеля, Иван Борисович, дослужился до высоких чинов и одно время был сибирским ге-

* Восстание декабристов. Материалы. М.-Л., 1927. Т. 4. С. 88–89.

нерал-губернатором, причем его управление вызывало немало нареканий – отчасти потому, что управлял он далекими необъятными землями из Петербурга. Однако по меркам русской аристократии Пестели не были ни богаты, ни знатны, и Ивану Борисовичу приходилось прилагать немало усилий, чтобы помочь карьере своих сыновей.

Среди изъятых у Пестеля при аресте бумаг было несколько сот писем его родителей, которые он бережно хранил. Из этих писем видно, что родители нежно любили своего первенца, и он отвечал им глубокой привязанностью. Разумеется, они были бесконечно далеки от его идей и взглядов и, поскольку слухи о тайных обществах просачивались в общество, благоразумно предостерегали сына от опасных увлечений. Но вместе с наставлениями насчет службы и протекции отец напоминал ему, что он русский, что другой родины у их семьи нет и быть не может*.

В Дрездене Пестель жил в семье родственников по матери и обучался у домашних учителей языкам и наукам. Он вернулся на родину шестнадцатилетним юношей. Хотя он сам этого не сознавал, вероятно, какие-то основы характера и мировоззрения складывались у него уже в эти годы. Необыкновенные способности рано обнаружились у Пестеля, и этот мотив потом повторялся во всех отзывах и воспоминаниях современников, даже его врагов и завистников.

Принятый сразу в старший класс Пажеского корпуса, привилегированного учебного заведения для дворян, Пестель скоро выделился среди воспитанников способностями и характером. Он числился в своем выпуске первым, его имя было выбито на мраморной доске, но после событий 1825 г. она была уничтожена. Однако в характеристике, которую дал Пестелю директор корпуса, уже говорилось, что он «имеет ум, в который легко вливаются вольнолюбивые внушения». В частности, он «замечен был в суждении о несправедливости крепостного состояния, желательности равенства всех людей»**. В либеральном 1811 г. этому доносу не дали ходу.

Быть первым – это, кажется, было написано ему на роду. Пестель героически вел себя в сражениях. Раненный при Бородино и награжденный за храбрость лично главнокомандующим Кутузовым, он после лечения вернулся в армию и проделал поход 1813–1814 гг. Пестель говорил и писал по-французски и по-немецки так же свободно, как по-русски. Два года, проведенных в Европе в период неслыханных по масштабам и историческому значению событий, много дали для формирования его ума и взглядов. Приблизительно с 1817 г. он уже становится одним из признанных руководителей тайных обществ, и дальше его роль и популярность продолжают расти. Первым чис-

* См.: Красный архив. 1920. Т. 3 (16). С. 170.

** Цит. по: *Лебедев Н. М.* Пестель – идеолог и руководитель декабристов. М., 1972. С. 68.

лится он и среди государственных преступников в приговоре Верховного уголовного суда.

С 1814 г. Пестель служил адъютантом генерала Витгенштейна и оставался в этой должности около семи лет, исправно получая очередные чины. Жизнь его проходила в эти годы большей частью вне столиц, так как штаб Витгенштейна находился сначала в Прибалтике, потом на Украине. Но каждое свое пребывание в Петербурге Пестель использовал для укрепления связей с руководителями движения в столице. Как только появлялся Пестель, происходили важные совещания, шли ожесточенные споры, принимались решения.

Когда в 1821 г. на территории современной Румынии началось греческое национальное восстание под руководством Александра Ипсиланти, Пестель был послан в Бессарабию для выяснения военно-политической ситуации на русских границах. К этому же времени относится известная встреча в Кишиневе вождя декабристов с Пушкиным, о которой последний оставил такую запись в дневнике: «Утро провел с Пестелем. – Умный человек во всем смысле этого слова... Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю»*... Если бы мы имели стенограмму этого разговора! Одна из записок Пестеля о греческих делах попала на глаза Александру I и произвела благоприятное впечатление. Царь знал о вольнодумстве Пестеля и всегда относился к нему с некоторым подозрением, но отдавал должное его талантам. В конце 1821 г. Пестель был произведен в полковники и назначен командиром Вятского пехотного полка, расквартированного в местечке Линцы Киевской губернии.

Он и здесь проявил себя первоклассным профессионалом. Приняв полк, имевший репутацию одного из худших в армии, Пестель за четыре года превратил его в образцовое воинское соединение. Для этого понадобились те же качества, которые отличали его в тайных обществах: суровая целеустремленность и требовательность, настойчивая и твердая сила. Строгий к себе, он не был снисходителен к чужим слабостям. Михаил Орлов отменил в своей дивизии телесные наказания солдат, Пестель применял их.

Таким образом, служебная карьера Пестеля была вполне успешна, хотя отцу Ивану Борисовичу хотелось бы большего, а многие военные, включая Витгенштейна и начальника штаба армии генерала Киселева, считали его пригодным для занятия любой, сколь угодно высокой должности в армии и государстве. Но служба была в последние годы лишь прикрытием подлинной революционной деятельности Пестеля.

* Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 7. С. 262.

Систематическое образование Пестеля ограничивалось годичным обучением в Пажеском корпусе. С необыкновенным упорством пополнял он свои знания, много читал по истории, философии, политике, военному делу. Обширная библиотека, собранная им в глухих Линцах, поражала всех, кто имел случай с ней познакомиться. Пестель, несомненно, знал труды Смита, Сэя, Сисмонди, Шторха, возможно, и некоторых других политэкономов. В его показаниях, которые цитировались выше, обращает на себя внимание двукратное упоминание имени «профессора и академика» Германа. Крупный для своего времени ученый-статистик Карл Федорович (Карл Теодор) Герман был одним из тех ученых немцев, которые несли в Россию экономическую науку в ее смитианско-либеральном варианте.

С К. Ф. Германом связана одна загадка истории русской экономической мысли, а также научной деятельности Пестеля. Уже после Октябрьской революции была найдена в архиве написанная рукой Пестеля и подписанная им рукопись на французском языке под заглавием «Практические начала политической экономии». Она была дважды (в 1925 и в 1951 гг.) опубликована как ранняя экономическая работа вождя декабристов, отражающая его взгляды в период 1817–1818 гг. Рукопись представляет собой своеобразный обзор основных проблем политической экономии, выдержанный в основном в смитианском духе. Она состоит из двух частей: «Земледелие» (занимает большой объем и более детально разработана) и «Фабрики». Вторая часть обрывается на главе «Просвещение», в которой, опять-таки в духе смитианских идей, речь идет о социальных проблемах воспитания, образования, религии и т. д. И. Г. Блюмин детально показывает, какие именно места в этой рукописи близки к «Богатству народов»*.

В 50-х гг. ряд отечественных исследователей почти одновременно высказали сомнение, что Пестель является автором этой рукописи. Теперь преобладает точка зрения, согласно которой рукопись представляет конспект лекций Германа, переписанный рукой Пестеля в качестве учебного материала. Аргументы в пользу такого мнения достаточно убедительны. Первое – основная позиция автора рукописи – умеренно либеральная и резко отличается от того, что говорил и писал Пестель в те годы, когда он уже сложился как революционер и республиканец. Второе – тон сочинения – повествовательный, наставнический, академический. Это опять-таки не согласуется со свойственным Пестелю стилем, характеризующимся трудными поисками мысли и формы ее точного выражения. Третье – по некоторым признакам работу, во всяком случае в ее основе, можно отнести к значительно более

* См.: Красный архив. 1925. № 6 (13); Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 2; а также: Блюмин И. Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. С. 201–205.

раннему периоду, может быть до 1812 г. Но в то время Пестель не мог написать ученый трактат.

Такова логика доказательства в капитальном труде М. В. Нечкиной*, а также в указанной статье Б. Е. Сыроечковского и в ряде других работ. В «Истории русской экономической мысли» весь этот вопрос подается Ф. М. Морозовым как решенный и не требующий обсуждения. К сожалению, при этом автор не анализирует саму работу «Практические начала политической экономии», которая представляет ценность независимо от того, кто ее автор.

Как показали некоторые исследователи, во многих отношениях рукопись представляет собой изложение труда более оригинального, чем сочинения Германа, а именно экономиста М. А. Балугьянского, украинца по национальности и австрийца по подданству, перешедшего на русскую службу. Это никак не бросает тень на Германа: работа носит учебный характер и, естественно, содержит общие для либералов-смитианцев положения. Например, близкий по содержанию и идейной позиции курс читал в Царскосельском лицее профессор А. П. Куницын, о чем мы можем судить по сохранившемуся в бумагах пушкинского однокурсника А. М. Горчакова тексту**.

Вернемся к биографии Павла Пестеля. Странный на первый взгляд факт: из пяти повешенных он был единственным, кто не участвовал лично в восстании. Он был арестован до этих событий по доносу предателя, капитана его полка Майбороды, и узнал о них уже в ходе допросов. Но царские следователи и судьи имели более чем достаточно материалов, чтобы убедиться, что полковник Пестель был вождем и идеологом всего движения и лишь случайность помешала ему принять участие в восстании.

Деятельность Пестеля в тайных обществах официальным языком, но сжато и выразительно охарактеризована в записке, которую представил следственный комитет Верховному уголовному суду для «определения силы вины» преступника:

«Он был в числе *основателей* первоначального тайного общества под названием *Союза спасения*... и писал устав для оною. В образованном потом *Союзе благоденствия* оставался коренным членом; завел в Тульчине управу и в собрании коренной Думы (в Петербурге) излагал мнение о выгодах и невыгодах монархического и республиканского правления. По его уверению, все присутствовавшие единогласно избрали правление республиканское. Мысль о сем роде правления Пестель перенес на Юг и сообщил тульчинским членам в виде решения коренной Думы, имевшей законодательную власть Союза... Когда объявлено было уничтожение Союза благоденствия (1821 г.), он решился продолжать оный с некоторыми переменами... Он написал устав для

* Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 115–118.

** См.: Красный архив. 1937. № 1.

республиканского правления под именем «Русской правды», объяснял оный в собраниях членов и согласил принять его. В 1822 г. в Киеве избран первым директором Южного общества... Поручил двум ротным командирам привлекать к себе лучших нижних чинов и стараться направить их к цели общества. Знал и одобрял действия С. Муравьева и Бестужева по привлечению бывших семеновских солдат и полагал на них надежду... Силою слова вливал в своих сообщников дух преобразования до такой степени, что никто из них не мог ему противоречить... Разделял решительное намерение Общества о начале мятежных действий в 1826 г. и уверял Северное общество через Трубецкого, что сам откроет таковые в армии. На совещаниях (1823 г.) в Киеве и Каменке предлагал членам и доказывал необходимость истребления государя и всех священных особ императорской фамилии, рассуждал о средстве исполнения сего ужасного злодеяния чрез партию решительных людей под названием *cohorte perdue*, а после (1824 г.) с *хладнокровием считал по пальцам самые жертвы императорской фамилии**.

На основании этой записки Пестель был включен в число «внезрядных» преступников и приговорен к смертной казни четвертованием. Затем суд, вняв «намеку» царя о нежелательности пролития крови, заменил его повешением. Наряду с умыслом цареубийства и подготовкой бунта в приговоре было особо отмечено, что Пестель «составлял планы, уставы, конституцию».

Среди декабристов Пестель был самым последовательным и упорным борцом. Его глубокая убежденность, трезвый и четкий ум, обширные знания, яркое красноречие имели сильное влияние на друзей и соратников. Уважали его все, хотя далеко не все любили, а некоторые опасались. Известно, что при фиктивном роспуске Союза благоденствия в 1821 г. одной из целей было избавиться от Пестеля как от человека крайних взглядов. Подозрения в стремлении к личной диктатуре преследовали его до самого конца. Характер Пестеля был не из легких, в нем было много жесткости, требовательности, нередко – резкости. Но мог ли благодушный и мягкий человек стать вождем революционного движения?

Его внешность биограф изображает так: «Пестель был невысокого роста, плотного сложения, с приятными чертами лица. Умный и серьезный взгляд черных, слегка выпуклых глаз, чистая линия высокого и крутого лба, красивой формы голова на плотной шее – все это производило впечатление спокойной и уверенной в себе силы»**. Пестель не был женат. Было это случайностью или сознательным поведением революционера, не желавшего давать судьбе заложников?

* Цит. по: Павлов-Сильванский Н. П. Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом. Ростов н/Д., 1907. С. 160–162. Курсив в источнике.

** Лебедев Н. М. Пестель – идеолог и руководитель декабристов. С. 60.

«Русская Правда»

Даже в сравнении с другими выдающимися произведениями русской социально-экономической мысли судьба Пестелевой «Русской Правды» необычна. Опасаясь ареста и не желая, чтобы рукопись попала в руки властей, Пестель в ноябре 1825 г. передал объемистую связку бумаг, зашитую верным денщиком в полотно с маскировочной надписью «Логарифмы», своему другу Николаю Крюкову. От него рукопись вскоре перешла к другим молодым офицерам, членам Южного общества. Возможно, они и не знали содержания «Русской правды», но авторитет Пестеля был так велик, что все они считали своим долгом любой ценой спасти рукопись.

После ареста Пестеля братья Бобрищевы-Пушкины зарыли зашитую еще и в клеенку рукопись в откосе придорожной канавы, где она пролежала около двух месяцев. С. Г. Волконский рассказывает, что накануне отправки арестованного Пестеля в Петербург тот нашел возможность перекинуться с ним несколькими словами. Пестель сказал: «Не беспокойтесь, ничего не открою, хотя бы меня в клочки разорвали, спасайте только «Русскую правду»*. Он еще надеялся, что его арест – случайность и ему удастся скрыть масштабы заговора и состав тайных обществ.

На следствии вопрос о «Русской Правде» очень скоро всплыл в показаниях нескольких арестованных. Поручик Николай Заикин пытался взять на себя вину за раскрывшееся дело с рукописью Пестеля и был послан под конвоем из Петербурга в Киевскую губернию для поиска бумаг. Но он не знал точно место, где они были зарыты, и в конце концов признался, что оно известно младшему брату Федору Заикину. Таинственная рукопись, которую жаждал заполучить следственный комитет, была найдена и отправлена в Петербург. Эти трагические события, сама их удушающая атмосфера с большой художественной силой переданы в книге Булата Окуджавы «Глоток свободы».

Вероятно, документ разочаровал следователей. В обширной черновой рукописи оказалось нелегко разобраться, и в дальнейшем следствии «Русская Правда» – казалось бы, сильнейшая улика – упоминается лишь эпизодически. После этого рукопись Пестеля пролежала неподвижно в архивах 80 лет и была частично опубликована лишь в 1906 г. Первая полная научная публикация «Русской Правды» осуществлена в 1958 г.

Полное название документа, каллиграфически выведенное на заглавном листе, гласит: «Русская Правда, или Заповедная государственная грамота ве-

* Цит. по: Нечкина М. В. «Русская Правда» и движение декабристов // Восстание декабристов. Документы. М., 1958. Т. 7. С. 74.

ликого народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для Временного верховного правления». Последние слова указывают на непосредственное назначение документа: это прежде всего наказ временному правительству, которое будет создано в результате переворота, программа его деятельности. Вместе с тем это проект будущего государственного устройства России, т. е. проект конституции. Мы встречаем в «Русской Правде» значительные куски текста, представляющие собой концентрированный социально-экономический анализ положения дел в России, а также за ее пределами. Они особенно интересны с точки зрения развития общественной мысли.

Работу над своим конституционным проектом Пестель начал в 1819–1820 гг., в разгар деятельности Союза благоденствия. Но название «Русская Правда», которое ассоциируется с древнейшим памятником русского законодательства времен киевского князя Ярослава Мудрого, было дано проекту лишь в 1824 г. «Русская Правда» была принята как основной программный документ Южным обществом. Руководители Северного общества во время встреч с Пестелем в начале 1824 г. не приняли полностью проект, но и не отвергли его. Было решено искать компромиссное решение, которое соединяло бы лучшие черты конституционных проектов Пестеля и Никиты Муравьева. Замыслу не суждено было осуществиться. В 1824–1825 гг. Пестель продолжал работать над текстом «Русской Правды», перерабатывая более раннюю редакцию. Существующий текст носит следы разновременной работы и потому содержит некоторые противоречия.

Но два центральных вопроса решены в «Русской Правде» однозначно: временное правительство должно ввести в России республиканский государственный строй и ликвидировать крепостное право. Будущее государственное устройство России после переходного революционного периода мыслилось следующим образом. Верховная законодательная власть передается Народному вечу – однопалатному парламенту, обновляемому по составу каждый год на одну пятую. Избирательное право (только для мужчин) не ограничивается имущественным цензом, что делало проект Пестеля более демократическим, чем конституционный проект Северного общества. Верховным органом исполнительной власти становится избираемая вечем Державная дума, своего рода директория из пяти членов, из которых один каждый год переизбирается. Наконец, проект Пестеля предусматривает создание верховной «блюстительной» власти – Верховного собора, который должен следить за соблюдением конституции и других законов. Под руководством Державной думы работают министерства и другие государственные учреждения.

Проект Пестеля несет на себе отпечаток идей Монтескье и других прогрессивных западных мыслителей, он учитывает политический опыт Соединенных Штатов и некоторых западноевропейских государств. Но это отнюдь не плод космополитического умозрения: Пестель кроил свое конституционное платье для России и с помощью множества важных деталей подгонял его на российский лад.

Принцип гражданского равенства людей проводится безусловно: «Весь российский народ составляет одно сословие гражданское, все нынешние сословия уничтожаются и сливаются в одно сословие гражданское...»* Конкретно о крепостном праве сказано: «Рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми»**.

Пестель и Южное общество твердо стояли за освобождение крестьян с земель, но конкретные формы такого освобождения они оставляли на усмотрение временного революционного правительства, а возможно, и на усмотрение Народного веча. Дворянские революционеры, как бы радикальны они ни были, не могли согласиться с идеей полной ликвидации помещичьего землевладения и экономических привилегий дворянства. Условия освобождения должны быть разработаны с участием самих дворян, причем в «Русской Правде» указаны три главных принципа, которыми надо руководствоваться: «1. Освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян дохода, ими от поместий своих получаемого. 2. Освобождение сие не должно произвести волнений и беспорядков в государстве, для чего и обязывается верховное правление беспощадную строгость употреблять против всяких нарушителей общественного спокойствия. 3. Освобождение сие должно крестьянам доставить лучшее положение противу теперешнего, а не мнимую свободу им даровать».

Как видим, автор хочет, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. К тому же, как он считает, с русским народом нельзя без строгости. С одной стороны, провозглашается замечательный принцип: крестьяне должны получить реальную свободу, т. е. возможность работать на своей земле. С другой – дворяне должны сохранить свои доходы. В нескольких местах «Русской Правды» говорится о выкупе крестьянами земли, а для дворовых – даже личной свободы. Дворовый человек может заплатить за свою свободу либо несколькими годами труда на барина, либо деньгами. Под это подводится даже некоторое экономическое основание: платить дворовые крепостные должны за «разные ремесла, коим господа людей своих обучали».

* Восстание декабристов. Документы. Т. 7. С. 213. Цитируется документ «Конституция – государственный завет», представляющий собой выжимку «Русской Правды». Пестель продиктовал его М. П. Бестужеву-Рюмину.

** Здесь и ниже цитируются различные места «Русской Правды» по указанному изданию.

По-видимому, взгляды Пестеля и других руководителей Южного общества эволюционировали в 1822–1825 гг. влево, в сторону более демократического решения вопроса об освобождении крестьян с землей и об ослаблении экономических позиций помещиков, но эти сдвиги не успели полностью отразиться в сохранившихся документах.

«Русская Правда» содержит несколько прямых ссылок на истины смитианской политической экономии и идеи экономической свободы. Например: «Из политической экономии известно, что те только изделия полезны, которые заводимы быть могут без всяких насильственных или принудительных мероприятий и которые, следовательно, собственным своим избытком себя поддерживать могут». Отсюда делается вывод, что вся промышленность должна работать на вольнонаемном труде, своими доходами естественным путем покрывать затраты и приносить прибыль.

Политической экономией «неоспоримо доказано», что ремесленные цехи, стесняющие частную инициативу и создающие препоны «свободному ходу и действию промышленности», приносят только вред национальной экономике. Цехи подлежат в новом государстве уничтожению, и вводится полная свобода предпринимательства.

Вообще, «свобода есть главная необходимость для народной промышленности». Что касается роли государства, то она сводится к распространению просвещения, всякого рода познаний и сведений, полезных для промышленности. Впрочем, как уже говорилось, Пестель не исключал использования таможенного тарифа для содействия развитию национальной промышленности.

Эти программные требования направлены на создание максимально благоприятных условий для развития капитализма. Оно отождествляется с «процветанием народного богатства». Подобного взгляда придерживалось большинство декабристов. У Пестеля он только более четко выражен и последовательно развит для условий России.

В чем Пестель пошел дальше своих единомышленников, так это в том, что он видел в известной мере и опасные тенденции развития капитализма. Он ощущал, что плодами революции может воспользоваться крупная буржуазия, которая скует для народа новые цепи. Так и произошло в некоторых странах Западной Европы. Вместо прежнего феодального деления общества на сословия возникает новое деление – на капиталистов и наемных работников. Если предоставить дело естественному ходу, то число «бедных и нищих» умножится до чрезвычайности, а богатые образуют новый господствующий класс.

Нельзя не привести примечательные слова из «Русской Правды», которые, кстати говоря, Пестель на память повторил с небольшими отступле-

ниями в своих показаниях следствию: «Отличительная черта нынешнего столетия ознаменовывается явную борьбою между народами и феодальной аристокрациею, во время коей начинает возникать аристокрация богатств, гораздо вреднейшая аристокрации феодальной, ибо сия последняя общим мнением всегда потрясена быть может и, следовательно, некоторым образом от общего мнения зависит, между тем как аристокрация богатств, владея богатствами, находит в них орудие для своих видов, против коих общее мнение совершенно бессильно и посредством коих она приводит весь народ, как уже сказано, в совершенную от себя зависимость. А потому обязано всякое благомыслящее правительство не только такового распределения народа не допускать, но даже и все меры принимать, дабы таковые сословия отдельным от массы народной составлением сами собою бы не устанавливались и не образовывались. А тем более обязано их уничтожать, ежели они где-нибудь существуют».

Таким образом, перед будущим республиканским правительством России ставится не только задача доведения до конца антифеодальной революции, но и принятие каких-то мер против отрицательных сторон капитализма. Какие именно меры рекомендовать, он не знал. Но Пестель мучительно думал о том, как противопоставить новому буржуазному варварству нечто социально справедливое и благотворное для человека.

Через 30–40 лет подобная проблема встала перед Герценом. Он знал об «антибуржуазных» исканиях Пестеля и высоко ценил за это вождя южных декабристов. Герцен отмечал, что даже среди декабристов Пестель был одинок, его не понимали, так как его взгляды «не опровергали только что усвоенные принципы политической экономии». Иначе говоря, политическая экономия выражала взгляды буржуазии, а Пестель пытался преодолеть их ограниченность. Несколько преувеличивая эти мотивы в деятельности Пестеля (ведь Герцен не мог читать ни «Русской Правды», ни показаний Пестеля на процессе!), Герцен писал, что Пестель «был социалистом прежде, чем появился социализм»*. При этом он имел в виду аграрный проект Пестеля, о котором мог узнать из книги Николая Тургенева «Россия и русские», из разговоров с М. Ф. Орловым и из каких-то других источников.

Аграрный проект

Аграрный проект, содержащийся в «Русской правде», представляет собой важнейший вклад Пестеля в русскую социально-экономическую мысль. Это плод глубоких размышлений и высокого гражданского чувства. Аграр-

* Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Собр. соч. Т. 7. С. 199–200.

ный проект логически вытекает из тех антикапиталистических мотивов во взглядах Пестеля, о которых только что была речь. Конечно, идеи Пестеля были утопичны. Но иными они и не могли объективно быть в его время. Несмотря на утопизм, а может быть, благодаря ему проект Пестеля представляет собой высокий взлет человеческой мысли.

Нет сомнения, что сам Пестель придавал аграрному проекту большое значение. Во время последних встреч весной 1824 г. руководителя Южного общества с лидерами северных декабристов, среди которых был Николай Тургенев, дискуссии о «разделении земель» заняли одно из центральных мест и, естественно, не привели ни к каким результатам. В кратком конспекте «Русской правды» («Конституция – государственный завет») это – единственная социально-политическая проблема, получившая более или менее подробное толкование.

В одном из замечательных «аналитических» фрагментов «Русской правды» Пестель противопоставляет два сложившихся взгляда на земельную собственность. Первый взгляд – стихийно социалистический – отражает глубоко укоренившееся в крестьянской общине представление. Вместе с тем это взгляд ранних западных утопических социалистов, чьи сочинения мог знать Пестель. «Первое мнение объясняется таким образом. Человек находится на земле. Только на земле может он жить, только от земли может он пропитание получать... Следовательно, земля есть общая собственность всего рода человеческого, а не частных лиц, а посему не может она быть разделена между несколькими только людьми за исключением прочих».

Таким образом, общественная собственность на землю представляет собой вроде бы, как выражается автор, «закон природы», или «право естественное и природное». Но, с другой стороны, «право собственности или обладания есть право священное и неприкосновенное», и нет основания исключать из этого принципа землю. Поэтому: «Второе мнение, напротив того, объясняет, что труды и работы суть источники собственности и что тот, который землю удобрил и оную способной сделал к производству разных произрастаний, должен на ту землю иметь право обладания. К сему суждению прибавляется еще и то соображение, что, дабы хлебопашество могло процветать, нужно много издержек, которые только тот сделать согласится, который в полной своей собственности землю иметь будет, и что неуверенность в сей собственности, сопряженная с частым переходом земли из рук в руки, никогда не допустит земледелие к усовершенствованию. Посему и должна вся земля быть собственностью нескольких людей, хотя бы сим правилом было большинство людей от обладания землей исключено».

Как видим, в пользу принципа частной собственности на землю приводятся преимущественно экономические соображения. Оба принципа, го-

ворит Пестель, совершенно справедливы, хотя и противоречат друг другу. Можно сказать, что в этом умозаключении он проявляет себя тонким диалектиком. Противоречие он предлагает разрешить в будущем государстве путем соединения, сочетания общественной и частной собственности на землю. Из каждой надо взять то лучшее с экономической и социальной точек зрения, что в ней заключено.

Аграрный проект Пестеля конкретно состоит в следующем. Вся земля, которой располагает данная волость (мельчайшая административная и общественная единица), делится на две примерно равные части. Одна половина земель принадлежит волостному обществу (любопытно, что во французских текстах Пестель и его друзья употребляли слово *commune*, что в переводе обычно означает общину). Пестель не говорит специально о существовании элементов общинного землепользования в русской деревне, но он, без сомнения, рассчитывает на укрепление коллективистских традиций крестьянства. Земля из общественного фонда предоставляется безвозмездно всем жителям, в том числе не желающим порывать связь с сельскохозяйственным трудом горожанам, на уравнительной основе во временное пользование. При недостатке земли предпочтение оказывается тем, кто беднее. Земля неотчуждаема и не может перейти в частную собственность.

Значительная часть общественного земельного фонда должна была, по-видимому, возникнуть за счет конфискации или выкупа помещичьих земель. Если судить на основании в какой-то степени загадочного фрагмента «Дележ земель», который не входит в основной текст «Русской правды», Пестель намечал ограничить дворянское землевладение пределом в 5 тыс. десятин. Поскольку крепостное право отменялось, хозяйство здесь могло вестись либо с помощью наемного труда, организованного на капиталистических началах, либо путем сдачи земли в аренду.

Предоставлением гарантированного минимума земли всем нуждающимся Пестель рассчитывал поставить непреодолимую преграду обезземеливанию и пауперизации крестьянства и даже городского населения. Фабричный рабочий или ремесленник должен иметь возможность в любой момент вернуться в свою волость и получить бесплатно надел для обработки и пропитания. Каждый гражданин обеспечивается минимумом средств существования. В. И. Семевский, который одним из первых анализировал проект Пестеля на основе ставших доступными документов, ищет корни его идей у Сисмонди и раннего французского утопического коммуниста Морелли*. Но несомненно и то, что их источником является в первую очередь русская действительность. Сказанное косвенно подтверждается замечанием Пестеля о том, что в России

* См.: Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. С. 627–629.

предлагаемое разделение земель легче произвести, чем в других странах, ибо у нас «понятия народные весьма к оному склонны».

От проектируемой системы землепользования Пестель ожидал социального оздоровления народа, развития гражданственности, коллективизма, взаимопомощи: «Посредством общественных земель возродится сильная связь между членами одной и той же волости. Получая необходимое для своего пропитания из одного и того же источника (общественных земель) и полагая свои надежды в случае несчастья и обеднелости на тот же самый предмет (общественные земли), сделаются они близки друг к другу, и в полной мере одно политическое семейство составлять будут». Независимость и материальная обеспеченность превратят каждого россиянина в настоящего гражданина своего отечества. Изложив эту сторону дела, Пестель восклицает: «Какую осанку должно таковое положение вещей российскому народу приобщить и какое почтение вселить к нему во всех других державах и государствах!» Россия, которая была военным пугалом для окружающих стран, станет для них образцом, предметом удивления и подражания.

Пестель не забывает и о том, что для организации земледелия на общественной земле, помимо участка, нужны орудия, семена, жилище, средства пропитания на первое время. С этой целью он предусматривает создание волостных банков, которые предоставят гражданину необходимый кредит. Об источниках средств банков ничего не говорится, возможно, имеются в виду ресурсы центрального правительства. Наконец, мыслится систему общественных гарантий увенчать страховым учреждением для обеспечения людей на случаи неурожая, пожара и иного стихийного бедствия.

Однако обеспечением всеобщего минимума не ограничиваются аграрные преобразования. Необходимо создать максимальные стимулы для улучшения земледелия и создания изобилия. И здесь на сцене появляется, так сказать, Адам Смит с его традиционными буржуазными добродетелями: трудолюбием, бережливостью, предприимчивостью. Источником «избытка» предстает вторая половина земли, находящаяся в частной собственности. Частные собственники – это прежде всего помещики, которые и после сокращения латифундий сохраняют значительные земельные массивы. Государственные и помещичьи крестьяне получают (можно сделать такой вывод) в собственность обрабатываемые ими наделы. Наконец, с полной свободой оборота земли возрастает земельная собственность купцов, мещан и прочих. Никаких пределов для концентрации земли на новой, капиталистической основе не ставится. Более того, предполагается, что крупное частное землевладение будет поощряться, так как оно явится источником накопления капиталов, направляемых на «устройство мануфактур, фабрик, заводов и всякого

рода изделий, на предприятие разных коммерческих оборотов и торговых действий...».

Сельское хозяйство на частной земле и промышленность целиком подпадают под действие экономических законов капитализма. Каждый собственник преследует свой интерес, и тем самым наилучшим образом обеспечиваются интересы общества. Но у Пестеля есть совершенно необычный, в высшей степени оригинальный мотив: гарантией подлинной свободы хозяйственной деятельности он считает наличие общественной земли, которая каждому дает возможность выбора, альтернативу. Нарушения свободы «отворачиваются в полной мере установлением общественных земель, которые, обеспечивая каждого в необходимости для его жития, освобождают его от зависимости и необходимости заниматься тем, чем бы он заниматься не хотел, а тем самым водворяют свободу промышленности на истинных и точных ее началах».

Свободу промышленности здесь надо понимать в самом широком смысле как свободу хозяйственной деятельности. Легко, скажем, продолжить мысль Пестеля таким образом: наемный рабочий будет иметь реальную свободу наниматься за данную оплату, потому что у него есть возможность уйти на землю, получив полагающийся ему участок и ссуду банка.

Теперь ясно, что аграрный проект Пестеля был направлен не только против феодализма, но и против некоторых зол капиталистического строя. Он надеялся, что в новом обществе можно будет использовать ресурсы роста производительных сил, открываемые капитализмом, и вместе с тем ограничить возможности эксплуатации трудящихся, предотвратить их превращение в пролетариев.

Сосуществование двух «миров», которое намечал Пестель, представляется утопичным. Частная земельная собственность, призванная создавать избыток и изобилие, неизбежно подорвала бы общественное землевладение. Этому способствовало бы и сохранение крупной помещичьей собственности, и господство частнокапиталистической стихии в промышленности и торговле. Наивно было рассчитывать, что помещики и буржуазия откажутся от своего влияния в пользу волостных «политических семейств». Утопизм аграрного проекта Пестеля раскрыт в ряде работ отечественных ученых*. Поэтому мы считаем более интересным остановиться в этой связи на одном социально-экономическом вопросе, значение которого трудно переоценить.

Можно сказать, что Пестель попытался дать свое решение проблемы сочетания и примирения принципа социальной справедливости, требующего

* См.: История русской экономической мысли. М., 1958. Т. 1. Ч. 2. С. 154–156; Нечкина М. В. «Русская Правда» и движение декабристов // Восстание декабристов. Документы. Т. 7. С. 47–48.

уравнительности и всеобщей минимальной обеспеченности, с принципом экономической эффективности, который требует максимального стимулирования трудовых усилий и хозяйственной деятельности вообще. Отсюда проистекает половинчатый, компромиссный характер проекта. Автор его мог полагать, что хозяйство на общественной (общинной) земле окажется низкопроизводительным. Участки этой земли передавались бы во временное пользование всем желающим, среди которых наверняка оказались бы люди неприспособленные и неумелые, лентяи и хищники, самые обыкновенные пьяницы. Он исходил из того, что общественное хозяйство будет, по существу, натуральным, способным обеспечить лишь минимальные потребности людей, обрабатывающих землю. С этим, по мысли автора, надо примириться ради высших социальных целей. Любой избыток должен производиться на частной земле, где хозяйство может вестись с применением или без применения наемной рабочей силы, но в любом случае на товарно-капиталистических путях. Это сфера, где производство работает на рынок, где происходит накопление капитала и осуществляются значительные капиталовложения. Естественно, что хозяйство там ведется профессионально и эффективно, чему способствует и политика государства. Ради экономической эффективности здесь тоже придется смириться со многими неприглядными сторонами капиталистического хозяйствования.

Эта проблема волновала и Герцена. Возлагая надежды на «социалистическую» природу русской крестьянской общины, он не мог не задумываться и о низкой производительности общинного хозяйства. И здесь, вероятно, надо отдать должное Пестелю: его утопия была смелее общинной утопии Герцена. Ибо Герцен отвечал на роковой вопрос, в сущности, так: лучше уравнительная бедность в общине, чем мерзость капитализма.

15.3. Николай Тургенев

Тогда в 1818 г. из печати вышел «Опыт теории налогов» Тургенева, его друг и единомышленник А. П. Куницын писал в рецензии, что теперь наконец экономическая наука начинает разрабатываться «природными россиянами». Действительно, книга Тургенева была первым научным исследованием по политической экономии, написанным русским человеком на русском языке. До этого мы имели дело либо с сочинениями иностранцев, либо с учебными пособиями, либо, наконец, со служебными записками.

Написанная совсем молодым человеком и в значительной части представляющая пересказ идей западных ученых, эта книга тем не менее свиде-

тельствовала, что молодая русская экономическая мысль начинает взрослеть. Книга Тургенева замечательна и тем, что он выступил в ней с резкой, хотя и прикрытой по цензурным соображениям критикой крепостного права.

Николай Иванович Тургенев был участником движения декабристов, более того, – на протяжении длительного времени одним из его руководителей и идеологов. Однако всю жизнь отрицал революционный характер движения и свою активную роль в нем.

Почти за два года до решающих событий он уехал из России. В день казни пятерых декабристов, 13(25) июля 1826 г., Тургенев в письме из Лондона братьям Сергею и Александру горько сетовал на признания заговорщиков, которые бросали на него сильную тень. Тургенев считал эти признания недоразумением, которое можно рассеять. Он просил Александра передать «куда следует» его просьбу, еще раз спросить Рылеева, настаивает ли тот на своем показании, что Тургенев соглашался на депортацию (изгнание) царя после переворота?* Но Рылееву уже поздно было задавать вопросы, да и мнение царских следователей и судей нельзя было изменить.

Тургенев в тот момент еще не знал, что в приговоре суда ему отведено место в группе 31 преступника первого разряда, осужденного на смертную казнь отсечением головы, что смертная казнь заменена ему, как и большинству этих декабристов, пожизненной каторгой. Среди преступников этого разряда было 28 офицеров и трое штатских: коллежские асессоры Пушкин и Кюхельбекер и он, действительный статский советник, т. е. генерал-майор штатской службы, Н.И. Тургенев. Приговор так изображает его роль среди мятежников: «По показаниям 24-х соучастников он был деятельным членом Тайного общества, участвовал в учреждении, восстановлении, совещаниях и распространении оною привлечением других; равно участвовал в умысле ввести республиканское правление; удалясь за границу, он по призыву правительства к оправданию не явился, чем и подтвердил сделанные на него показания»**.

В 20-х гг. в СССР вышли две книги о жизни Тургенева. Его деятельность и труды являются предметом нескольких диссертаций по экономическим и историческим наукам. Но сложная личность и необычная судьба человека, которому Пушкин посвятил строки «Евгения Онегина» и которого прекрасными словами проводил в последний путь Иван Сергеевич Тургенев, думается, заслуживают новых исследований и работ разных жанров. Декабристы составляли цвет дворянской интеллигенции, но Тургенев выделялся и среди этого круга. Он потенциально был крупным государственным деятелем, про-

* Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.-Л., 1936. С. 472.

** Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 2. С. 473.

грессивным реформистом. Пожалуй, министерское кресло больше подходило Тургеневу в пору расцвета его лет и таланта, чем, скажем, Сперанскому или Мордвинову. Однако и его способности тоже оказались не нужны правящей власти. Осужден Тургенев был, по существу, не за поступки, а за образ мыслей и стал, можно сказать, первым политическим эмигрантом, открыв длинный список людей, которые могли бы и хотели бы служить Отечеству, но были изгнаны.

Повесть о братьях Тургеневых

Так называется популярный исторический роман советского писателя А. К. Виноградова, опубликованный в 1932 г. Виноградов использовал в работе над романом огромный тургеневский архив, переданный в начале XX в. в Академию наук сыном Н. И. Тургенева, Петром Николаевичем (Пьером), жившим и умершим во Франции. Этот архив является подлинной сокровищницей русской культуры и хорошо знаком исследователям истории России, нашей общественной мысли и литературы.

Николай Иванович Тургенев родился в 1789 г. в Симбирске. Тургеневы принадлежали к старинному, но не слишком богатому дворянскому роду. Отец будущего декабриста, Иван Петрович Тургенев, был видным московским масоном, другом просветителя и вольнодумца Новикова, с которым разделил опалу в последние годы царствования Екатерины. Либерализм, любовь к просвещению и наукам всегда отличали семью Тургеневых.

При Павле I Тургенев-отец стал директором Московского университета. Поэтому детство и юность Н. И. Тургенева прошли в Москве. В семье Тургеневых было четверо братьев, и все они оставили след в истории русской культуры. Рано умерший старший брат Андрей был талантливым поэтом, надеждой юного русского романтизма. Александр Тургенев не стал ни ученым, ни писателем, но его изыскания по русской истории немаловажны, а его дневники и письма замечательны и как памятник эпохи, и как литературные произведения. Третьим был Николай. Младший, Сергей, любимец семьи, ничего не опубликовал, но его рукописи обнаруживают человека умного и прогрессивного, с широким кругозором. Дипломат и политик, он, подобно Грибоедову, был близок к декабристам, но непосредственно в движении не участвовал. Отца и братьев связывали теплая дружба и большая духовная близость. Семья Тургеневых являлась центром, вокруг которого собирались умные, просвещенные и либеральные люди.

С 1798 по 1806 г. Николай Тургенев учился в Московском университетском благородном пансионе, соединявшем в себе черты среднего и высшего

учебного заведения. В юности пробовал свои силы в поэзии, но скоро убедился в отсутствии таланта и впоследствии всю жизнь имел известную антипатию к изящной литературе, предпочитая политические и научные сочинения. В 1807–1809 гг. он служил в архиве коллегии иностранных дел и вольнослушателем посещал лекции в университете. Дневник, который Тургенев пунктуально вел с ранней юности, позволяет с уверенностью сказать, что в 18 лет его познания и круг интересов были необычайно широки. Ненависть к крепостному праву была одним из самых первых сознательных убеждений юноши.

Трехлетнее пребывание за границей, главным образом в Геттингенском университете (Германия), завершило блестящее образование Тургенева. В Геттингене он учился у профессора Сарториуса, который был способным интерпретатором Адама Смита. Тургенев стал пламенным почитателем и последователем великого шотландца и чрезвычайно увлекся политической экономией. В 1810 г. он написал первое свое экономическое сочинение «Рассуждение о банках», а в 1811 г. сделал набросок будущей книги «Опыт теории налогов».

Вторжение наполеоновских войск в Россию застало Тургенева в Петербурге на гражданской службе. После войны он служил за границей в качестве российского представителя в центральном межсоюзническом органе по управлению территориями, занятыми русскими, австрийскими и прусскими войсками. Несмотря на молодость, Тургенев показал себя в высшей степени дельным чиновником и удостоился внимания царя. До конца своих дней Александр I в какой-то мере благоволил к нему, но по службе не давал хода, зная о взглядах Тургенева и даже о его участии в тайном обществе.

Тургенев вернулся в Россию с проектами реформ и с решимостью бороться за свои антикрепостнические идеи. В этих целях он использовал свои служебные посты в Государственном совете и в министерстве финансов, где стремился при первой же возможности решать судебные и административные дела в пользу бесправных и забытых людей, особенно крепостных. В России тех лет на фоне невежественности и лени большинства чиновников способности, бескорыстие, энергия, деловая хватка Тургенева выглядели особенно поразительно. Он умел подчинять своему влиянию неповоротливых сановников, которые формально были его начальниками, а на деле оказывались исполнителями его воли. Но, разумеется, своей деятельностью он ничего не мог изменить в самой системе и от этого страдал, нередко впадал в уныние и пессимизм.

Тургенев какое-то время участвовал в литературном обществе «Арзамас», в котором верховодили его брат Александр и поэт Жуковский. Но убедившись в оторванности общества от политики и изрядном равнодушии к

крестьянскому вопросу, потерял к «Арзамасу» интерес. В 1818 г. Тургенев выпустил книгу «Опыт теории налогов», о которой через много лет писал: «В этой книге я обозначал в общих чертах благодетельные результаты изучения политических наук, и в особенности политической экономии. Я старался доказать, что как экономические и финансовые, так и политические теории истинны лишь постольку, поскольку они основаны на принципе свободы... Поэтому, оставаясь в пределах изложения теории налогов, я допускал много экскурсий в более широкие области политики. Подушная подать давала мне случай говорить о крепостном праве, и я не преминул воспользоваться этим случаем. Эти добавления имели в моих глазах гораздо больше значения, чем основной предмет моей работы. Клеймя ненавистное рабство, я делал это в достаточно понятных и сильных выражениях, и, по моему мнению, никогда еще на русском языке не было напечатано о крепостном праве ничего столь же ясного и определенного»*.

Это заявление автора отчасти снимает имеющийся в литературе спор о степени оригинальности «Опыта». В изложении вопроса о налогах Тургенев во многих местах близко следовал лекциям Сарториуса, ограничиваясь четкой систематизацией и необходимой обработкой материала. Однако, разумеется, ни о какой увязке проблемы налогов с крепостным правом у Сарториуса речь не идет. Для русской экономической науки имело большое значение и весьма умелое, наполненное живым материалом изложение вопроса о налогах. Поэтому едва ли правильно следующее мнение об «Опыте»: «Если... научное значение книги ничтожно, то общественное ее значение несомненно»**. Научное значение книги Тургенева, неотделимое от ее общественного содержания, следует по праву считать весьма существенным.

Книга, вышедшая в 1819 г. вторым изданием, еще более усилила авторитет Тургенева в кругах, где формировались будущие декабристы. В 1819 г. он вступил в Союз благоденствия и скоро стал в нем одним из виднейших членов. Деятельность Тургенева в тайном обществе была подчинена идее, ставшей главной целью его жизни, – уничтожению крепостного права.

Одновременно он продолжал борьбу за эту цель легальными средствами. Представил царю записку, в которой, учитывая личность адресата, изложил умеренную и поэтапную программу отмены «рабства», рассчитанную на многие годы. Принимал активное участие в деятельности общества, которое было создано группой либеральных вельмож, считавших необходимыми меры по освобождению крестьян. Пытался провести через Государственный совет закон о запрещении продажи крестьян без земли. Сделал попытку со-

* Тургенев Н. И. Россия и русские. Т. 1. С. 70.

** Шебунин А. Л. Н. И. Тургенев. М., 1925. С. 54.

здать журнал, который стал бы литературным центром антикрепостнической пропаганды. И повсюду его ждала неудача.

Революционные события в Западной Европе (в Испании, Италии, Греции), усиление аракчеевской реакции в России, безуспешность собственных акций все более убеждали Тургенева в том, что от самодержавия ждать реформ нельзя. Однако идея военного восстания, которая постепенно завоевывала все большую популярность среди будущих декабристов, особенно в Южном обществе, была органически чужда Тургеневу. Он всегда оставался либеральным политическим деятелем, реформатором, знатоком хозяйства и законов, а не военным заговорщиком. Как показывал на следствии декабрист Оболенский, Тургеневу предлагали в 1823 г. пост одного из директоров Северного общества, но он отказался. По другим показаниям, в 1824 г. Тургенев намечался в состав «временного правления» (правительства), которое предполагалось создать в случае успеха государственного переворота*. Когда весной 1824 г. Пестель приехал с юга в Петербург с проектом объединения обществ и со своими аграрными идеями, он прежде всего попытался (правда, безуспешно) склонить на свою сторону Тургенева.

В апреле 1824 г. Тургенев получил длительный отпуск вместе с чином действительного статского советника и солидной денежной наградой и выехал «для поправления здоровья» за границу. В Англии он занимался изучением политических и правовых учреждений страны. Его дневники и письма показывают, что в первые месяцы после декабрьского восстания он плохо понимал смысл и масштабы событий в России. Для него было неожиданно и большим потрясением, когда к нему явился секретарь русского посольства и объявил ему предписание правительства явиться в Петербург на суд. Сославшись на нездоровье и на то, что он представит свои объяснения в письменном виде, Тургенев отказался ехать.

Объяснения вызвали у Николая Ии членов следственного комитета ярость: Тургенев утверждал, что не участвовал ни в какой деятельности против правительства, тогда как в их глазах он был одним из самых опасных заговорщиков. Правительство безуспешно пыталось добиться у Лондона выдачи государственного преступника. Семья Тургеневых жестоко пострадала. Александр был вынужден оставить службу и забыть о карьере. Сергей подозревался в соучастии и был вызван из Италии, где находился на дипломатической службе, в Петербург. Правда, вызов был отменен, но он тоже потерял свой пост, а вскоре заболел душевным расстройством и в 1827 г. умер. Жуковский, который был воспитателем цесаревича (будущего Александра II),

* См.: *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. С. 492–494.

и другие влиятельные друзья пытались добиться у Николая I прощения Н. И. Тургеневу. Эти хлопоты продолжались шесть лет и окончились неудачей.

Оправдательные записки Тургенева, которые он писал царю, оставались неизвестными до начала XX в., но их основное содержание воспроизведено в книге «Россия и русские», вышедшей на французском языке в 1847 г. В России она была впервые опубликована (неполностью) лишь в 1906 г. Трактовка Тургеневым декабристского движения и его собственной роли в нем вызвала резкую критику со стороны участников тех событий. Тургенев изображал все движение как забавы взрослых шалунов» (так Пушкин назвал ранние петербургские сходки дворян-фрондеров), отрицал даже существование тайных обществ после 1821 г. и их роль в декабрьском восстании. Он требовал, чтобы к его собственной деятельности патриота, просветителя, реформатора подошли с меркой законов буржуазно-демократических государств Западной Европы. В условиях царской России это было по меньшей мере наивно. Его записки и главы книги воспринимаются скорее как искусные адвокатские речи, а не как зрелые политические выступления. Недаром рыцарь декабризма Сергей Волконский сетовал на то, что по воле случая за границей в момент восстания оказался Тургенев, а не Пестель, который тоже намеревался поехать по Европе: «Он был бы жив и был бы в глазах Европы иным историком нашему делу, чем Николай Тургенев...»*.

Возможно, что так. Но заслуги Н. И. Тургенева в русском освободительном движении нам несравненно важнее, чем его слабости. Мудро звучат его слова об исторических оценках подвига декабристов: «Если бы мы пожелали теперь проникнуть в тайны будущего и предугадать суждение русских потомков о драме, развернувшейся на глазах наших современников... то, не будучи пророком, можно сказать заранее, что это суждение почти не будет походить на то, которое было произнесено в наши дни. Перед потомством предстанет возвышенная цель, которою руководились участники этой драмы, бескорыстные усилия и самоотверженная преданность тех, кто стремился к этой цели. Если и скользнет какая-нибудь тень по этой картине, то она исчезнет перед величием предпринятого тогда дела, перед блеском принесенной жертвы; и через сто лет эшафот послужит пьедесталом для статуй мучеников»**.

* Волконский С. Г. Записки. СПб., 1902. С. 418.

** Тургенев Н. И. Россия и русские. Т. I. С. 302.

Политический изгнанник

В Ленинграде, в Пушкинском доме (Институте русской литературы Академии наук СССР), автор с душевным волнением рассматривал документ из архива Тургеневых. Рукопись по-французски, на пяти двойных листах, мелкий, сначала четкий, потом все менее разборчивый почерк Николая Ивановича Тургенева...

«27 февраля 1850 г. Мои дети не увидят и, вероятно, не узнают Россию. По всей видимости, они не научатся говорить по-русски. У них не будет случая, и, я думаю, они не будут искать его, чтобы узнать русских и, тем более, Россию...»

Так начинаются автобиографические записи, в которых Тургенев собирался рассказать своим детям о роде Тургеневых, о своем отце Иване Петровиче, о покойных братьях. Пронзительно грустные слова... Показательна дата: именно в это время режим Николая I казался особенно прочным, а сам он вечным на царском престоле. Это были годы, последовавшие за поражением революций 1848–1849 гг., в подавлении которых царизм сыграл роль европейского жандарма. Надежда когда-либо увидеть родину казалась Тургеневу призрачной.

Первые годы изгнания Тургенев провел в Англии. Революция 1830 г. дала ему возможность поселиться во Франции. Осенью 1831 г. он приехал в Париж и жил там до конца своих дней. Материальные средства, и отнюдь немалые, он имел за счет доходов от имений в России. В 1833 г. Тургенев женился на девушке из франко-итальянской семьи. У него было четверо детей. Семейная жизнь сложилась счастливо и внешне выглядела как жизнь состоятельного французского рантье. Политические взгляды Тургенева с годами становились все более умеренными. Он довольно легко примирился с победой реакции и воцарением Наполеона III.

Но «старый Тургенев», как называл его Герцен, сохранил главный идеал своей жизни – мечту об освобождении русских крестьян. Активно включившись после 1855 г., после смерти Николая I, в полемику об условиях отмены крепостного права, Тургенев оказался далеко не на левом фланге движения. Как и в молодости, он не возражал против освобождения крестьян без земли, рассчитывая на превращение крепостнического помещичьего хозяйства в капиталистическое, основанное на наемном труде. Тургенев выступал как против сохранения остатков феодальной зависимости в деревне, так и против пережитков общинного хозяйства. Превращение крестьянина в сельского пролетария, свободного от собственности, представлялось ему лучшим путем развития. Он стоял также за свободный оборот земли, свободу аренды

и найма. Пороки и противоречия капиталистического пути развития Тургенев недооценивал, а идеи социализма в любой форме были ему чужды.

Тургенев принял реформу 1861 г. с большим воодушевлением, хотя и критиковал ее с позиций либерально-буржуазного мировоззрения. Тургенев был патриархом борьбы за освобождение крестьян, и это признавали лучшие русские люди того времени. Герцен и Огарев писали ему 28 марта 1861 г.

«Милостивый государь Николай Иванович! Вы были одним из первых, начавших говорить об освобождении русского народа; вы недавно, растроганные, со слезами на глазах, – праздновали первый день этого освобождения. Позвольте же нам, питомцам вашего союза, сказать вам наше поздравление и с чувством братской или, лучше, сыновней любви – пожать вам руку и обнять вас горячо от всей полноты сердца. Тот же наш привет просим передать князю Волконскому. С живым умилением мы написали эти строки и подписываем наши имена с той глубокой, религиозной преданностью, которую мы во всю жизнь сохранили к старшим деятелям русской свободы. Александр Герцен. Николай Огарев»*. В годы, предшествующие крестьянской реформе, и в последующий период Тургенев сотрудничал в герценовском «Колоколе» и находился с ним и Огаревым в переписке.

В 1856 г. Александр II объявил Тургеневу помилование, возвращение дворянства и чинов и разрешение жить в России «где пожелает, но кроме столиц, под надзором»**. В следующем году Тургенев со старшим сыном приехал в Россию, которую не видел 33 года. После этого он приезжал на родину дважды, но на жительство не остался. Слишком многое отделяло его теперь от России. Какие бы иллюзии он ни питал насчет нового царя, он, конечно, видел, что природа царизма осталась неизменной. Для жандармов Тургенев был по-прежнему в высшей степени подозрительным человеком, может быть, более подозрительным, чем декабристы, вернувшиеся из Сибири: власти всегда считали его участником всеевропейского антимоноархического заговора. Всего несколько лет назад шеф жандармов А. Ф. Орлов (по иронии судьбы, родной брат близкого тургеневского друга, декабриста Михаила Орлова) просил министра внутренних дел принять самые решительные меры против тайного провоза в Россию экземпляров книги Тургенева «Россия и русские»***. В 1857 г. новый шеф жандармов спрашивал министра, не учредить ли за Тургеневым, приехавшим в Петербург, секретное наблюдение.

Не только упомянутую книгу, не только общение с Герценом и Огаревым могли припомнить жандармы Тургеневу. В доме Тургенева бывали и многие другие русские эмигранты и неблагонадежные, с точки зрения по-

* Герцен А. М. Собр. соч. Т. 27. Кн. 1. С. 143.

** Помилование Н. И. Тургенева // Щеголев П. Е. Декабристы. Очерки. Пг., 31920. С. 95.

*** Лемке М. А. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1908. С. 173.

лиции, люди. Он имел друзей среди деятелей польской эмиграции. Как замечает современный итальянский исследователь, Тургенев поддерживал связи «со всеми либеральными и демократическими кругами Западной Европы». Обширный материал об этих связях приводится в серьезной работе В. М. Тарасовой, по которой цитируются и данные строки*. В доме Тургеневых давали кров людям, которые с оружием в руках боролись за свободу родины, – итальянцам, полякам, испанцам.

Его собеседниками часто были французские социалисты разных направлений. Выслушав ревностного сен-симониста, предвещавшего социально-религиозную революцию, Тургенев «ответил ему, что все это хорошо, но что главный порок их секты и вообще французов есть невежество в политической экономии». В письме брату он делает не менее серьезное замечание: «На одном я стою, что, не основывая суждений на политической экономии, т. е. на материальности быта людей, нельзя здравыми доводами дойти до суждения о нравственном их состоянии»**.

Вопросов политической экономии Тургенев касался в своих опубликованных сочинениях лишь в связи с аграрной проблемой и крестьянской реформой в России. Но рукописное наследие Тургенева, еще мало изученное, содержит немало сочинений и заметок по экономическим вопросам и свидетельствует о глубоких занятиях ими. Тургенев был одним из старейших членов Общества политической экономии в Париже и активно участвовал в его собраниях.

Последним испытанием в жизни Тургенева была франко-прусская война 1871 г. и связанные с нею события. Ему было уже более 80 лет. Семья Тургеневых уехала в Англию, а в их доме под Парижем хозяйничали пруссаки. Бесценный архив едва не погиб: вернувшись из вынужденной эмиграции, хозяева нашли некоторые документы разбросанными в саду. Н. И. Тургенев умер осенью 1871 г.

Материалы тургеневского архива свидетельствуют о большой интенсивности интеллектуальной жизни изгнанника. Думается, там еще могут обнаружиться важные документы о многих западноевропейских деятелях XIX в., не говоря уже о русских делах и людях. Святое дело – сохранить тургеневский архив. Другая задача – дать этим документам жизнь.

Близким другом семьи Тургеневых был однофамилец и, возможно, дальний родственник Иван Сергеевич Тургенев, всемирно известный писатель. В статье-некрологе он дал мастерский портрет и анализ деятельности покой-

* Тарасова В. М. Н. И. Тургенев в Западной Европе в 30–50-х гг. XIX века и его общественно-политические связи // Марийский государственный педагогический институт им. Н. К. Крупской. Ученые записки. Йошкар-Ола, 1966. Т. 38. С. 46.

** Там же. С. 129, 130.

ного. В частности, он писал: «Конечно, ни один будущий русский историк, когда ему придется излагать постепенные фазисы нашего общественного развития в XIX столетии, не обойдет молчанием Николая Ивановича Тургенева»*.

Крестьянский вопрос у умеренных декабристов

Идея ликвидации крепостного права объединяла всех декабристов больше, чем какая-либо другая. Но об условиях, формах и времени этого освобождения шли бесконечные споры. Если Южное общество к концу своей деятельности имело более или менее единую позицию, выработанную Пестелем и сводившуюся к наделению крестьян землей для самостоятельного хозяйствования, то у Северного общества согласованная позиция отсутствовала.

Рылеев, вождь северных декабристов, можно считать, придерживался радикальных взглядов, признавая желательным наделение крестьян после освобождения не только огородной, но и полевой землей, которая переходила в их собственность. Однако Рылеев не был авторитетом в крестьянском вопросе и не занимался им специально, а такие авторитеты, как Николай Тургенев и Никита Муравьев, сомневались, колебались и противоречили себе.

Характерны колебания Муравьева, автора крупнейшего программного документа декабристов – проекта конституции. «Крепостное право и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся земли русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается», – говорится в этом проекте.

В первом проекте конституции, который исследователи относят к 1822 г., Муравьев предусматривал только личную свободу, земля же полностью должна остаться в собственности помещиков. Более того, переход лично свободных крестьян с земли одного помещика на землю другого обуславливался выплатой своему помещику вознаграждения «за временное прерывание в порядке получения доходов»**. Эти условия показались неприемлемыми для единомышленников Муравьева, других декабристов умеренного направления и исчезли во втором варианте конституции (1824 г.). Здесь Муравьев более четко и «щедро» оговаривает права собственности крестьян: за ними остаются дом с огородом, земледельческие орудия и скот. Наконец, в третьем варианте, который Муравьев воспроизвел по памяти уже в Петропавловской крепости, предусматривается предоставление крестьянам

* Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. М., 1967. Т. 14. С. 214.

** См.: Дружинин Н. М. Декабрист Н. Муравьев. М., 1933. С. 307, 322.

(и, можно понять, без выкупа) полевой земли до двух десятин на двор. Это было, однако, значительно меньше средних наделов, которыми фактически располагали крепостные крестьяне в центральных губерниях России. Таким образом, сохранение помещичьей собственности на землю оставалось фундаментальной идеей всех проектов Муравьева, имевших значительное влияние на северных декабристов.

Безземельное освобождение не случайно попало в первый проект его конституции. Эта идея не только теоретически воспринималась декабристами, но некоторые из них пытались практически осуществить ее. Хрестоматийный пример, обошедший все книги о декабристах, – это неудачная попытка И. Д. Якушкина освободить своих крестьян в Смоленской губернии без земли. К удивлению Якушкина, крестьянский мир отказался от его предложения. По его словам, крестьяне сказали ему: «Ну так, батюшка, оставайся все по-старому: мы ваши, а земля наша»*. Известно, что в народе безземельное освобождение прозвали волчьей свободой.

Колебания Тургенева были, пожалуй, несколько иного рода, чем у Муравьева. Он мыслил больше не категориями будущих конституций, а категориями практических реформ, возможных при самодержавии или при некотором его ограничении. Сказано: политика есть искусство возможного. Примерно таким принципом руководствовался Тургенев. Проекты освобождения крестьян начинают его занимать уже в 1814–1815 гг. В этот период у него еще нет ясной позиции, но он порой близок к мысли, что было бы справедливо разделить всю землю пополам между помещиками и крестьянами.

Но в последующие годы Тургенев склоняется к безземельному освобождению. Он считал отмену крепостного права практически возможной только при участии и содействии помещиков, которые должны были понять свою собственную выгоду: вольнонаемный труд производительнее принудительного и в конечном счете даст помещикам больше дохода. Что касается освобождения с землей, то он считал, что помещики на эту меру никогда не пойдут. В январе 1824 г. в дневнике Тургенева появляется запись о том, что, может быть, и желательно дать крестьянам землю, «но мне кажется, что свобода, как бы она ни была укутана в учреждения и условия невыгодные, – все свобода». Безземельный порядок освобождения все же «был бы сильным благодеянием для наших русских крестьян, коих качества нравственные и физические делают их столь способными пользоваться свободой при всех ограничениях. Они показали бы миру, что есть русский ум без цепей земельного и холопского рабства!»**.

* Якушкин И. Д. Записки. М., 1925. С. 36–37.

** Цит. по: Тарасов Е. И. Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Самара, 1923. С. 317.

Странная, надо сказать, логика: поскольку русские крестьяне – такой замечательный народ, они обойдутся и «ограниченным» освобождением!

Ход мыслей Тургенева можно себе представить таким образом. Он полагал, что после освобождения хозяйство на помещичьих землях будет вестись либо помещиками на основе вольнонаемного труда, либо крестьянами-арендаторами. В условиях «естественной свободы», которая будет введена, земельная собственность постепенно рассредоточится. Земли перейдут к богатым крестьянам, которые способны эффективно вести хозяйство. При последней встрече с Пестелем весной 1824 г. предметом разговора между ними был, по словам Пестеля, его проект разделения земель, который оказался, конечно, неприемлем для Тургенева. Декабрист Матвей Муравьев-Апостол рассказывает несколько подробнее: «Н. Тургенев не согласился на принятие плана конституции Пестеля – он никак не хотел допустить разделения земли, говоря, что, не мешая промышленности, земли неприметным образом сами собой разделятся. Мнение Н. Тургенева очень подействовало на всех членов Северной управы»*.

Слова «не мешая промышленности» надо, думается, понимать с учетом того, что в то время смысл этого термина еще не устоялся. Вернее всего, они значат: без ущерба для производительности сельскохозяйственного труда. Видимо, Тургенев уловил главное слабое место проекта Пестеля: риск потери эффективности. Характерно здесь и упоминание о влиятельности мнения Тургенева в Северном обществе.

В книге «Россия и русские», написанной в эмиграции, Тургенев по-прежнему стоит на точке зрения, что крепостное право – самая острая проблема для России. Теперь он считает возможным добиваться решения, подобного последнему варианту Муравьева: дать на двор по 3 десятины земли.

Проект Тургенева вызвал резкую критику декабристов, которые были еще живы и находились в Сибири. Николай Бестужев называет его в письме к Сергею Волконскому жалким. Интересная запись о беседе с Бестужевым сохранилась в мемуарах чиновника Б. В. Струве: «Бестужев сообщил мне о взгляде декабристов на крестьянский вопрос и о том, что они все признавали необходимость безусловного упразднения крепостного права. При этом он упомянул о полученном им от С. Г. Волконского для прочтения сочинения Н. И. Тургенева «LaRussieetlesRusses», которым он был очень недоволен, в особенности потому, что Тургенев не признавал общинного владения, вследствие чего и допускал освобождение без земли»**.

Сообщение об интересе старого Бестужева к общине остается на совести мемуариста. В период же активной деятельности декабристов практически

* Восстание декабристов. Материалы. М., 1950. Т. 9. С. 260.

** См.: Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977. С.558–559.

никто из них симпатии к этой форме землевладения и хозяйства не высказывал. Характерно замечание Сергея Трубецкого на полях проекта конституции Н. Муравьева: сохранение общины – «верный способ для стоячего положения земледелия. При общей собственности оно никогда преуспевать не может в совершенствовании»*.

Тургенев много занимался изучением аграрного вопроса в Западной Европе. Намечая безземельное или малоземельное освобождение, он (возможно, также и Муравьев) думал об английском опыте. В Англии и Шотландии крупные землевладельцы-дворяне сохранили в своих руках большие поместья и сдавали землю в аренду капиталистическим фермерам-арендаторам, которые вели хозяйство наемным трудом батраков. Но этот путь вряд ли мог быть пригоден для России.

Небольшие земельные наделы, которыми Тургенев и Муравьев надеялись наделить крестьян, не могли бы обеспечить самостоятельность крестьянского хозяйства, а явились бы источником дешевой рабочей силы для помещиков. Развитие сельского хозяйства пошло бы по капиталистическому пути, но оно неизбежно отягощалось бы крепостническими пережитками. Создалось бы то положение дел, которое глубоко охарактеризовал В. И. Ленин, имея в виду аграрный строй пореформенной России. Он писал, что крестьянский земельный надел является в этом случае «способом обеспечения помещика рабочими руками, и не только рабочими руками, но и инвентарем, который, как бы жалок он ни был, служит для обработки помещичьей земли.

Крайняя нищета массы крестьян, которые привязаны к своему наделу и не могут жить с него, крайняя примитивность земледельческой техники, крайняя неразвитость внутреннего рынка для промышленности, – таковы результаты этого положения вещей**.

Как и перед многими декабристами, перед Тургеневым вставал вопрос, что делать с собственными крестьянами. Лето 1818 г. он провел в своих деревнях в Симбирской губернии, которыми владел вместе с матерью и братьями, где и осуществил некоторые «реформы». Главной из них был перевод крестьян с барщины на оброк с передачей им для обработки всей земли, включая помещичью. Размер годового оброка был наперед согласован с сельским миром, который распределял его сам по дворам. Мера эта вполне соответствовала экономическим теориям, которые усвоил Тургенев. Он надеялся, что крестьяне будут заинтересованы в максимальной производительности своего «почти вольного» труда, поскольку весь избыток чистого дохода сверх фиксированного оброка будет оставаться в их распоряжении. Тем самым будут соблюдены интересы как помещика, так и крестьян. Тургенев

* Струве Б. В. Воспоминания о Сибири 1848–1854. СПб., 1889. С. 109–110

** Ленин В. И. Сущность «аграрного вопроса в России» // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 308.

согласился на установление умеренной суммы оброка, которая была меньше дохода, получаемого им раньше, при барщине.

Благие расчеты Тургенева не оправдались – впрочем, не по причине ложности принципов, а потому, что в последующие годы резко упали рыночные цены на хлеб, и крестьяне не имели возможности добыть достаточно денег для уплаты оброка. Дело кончилось тем, что через десять лет, когда Тургенев был уже в эмиграции, управляющий вынужден был вернуться к барщине. Личный опыт Тургенева показал, что в условиях общего упадка крепостнической системы изолированные меры, пусть и продиктованные лучшими намерениями, не могут устранить зло.

Каковы бы ни были слабости и ошибки Тургенева, в истории России и русской общественно-экономической мысли он останется как один из первых и последовательных борцов против крепостного права. Его страстная убежденность, неустанная пропаганда освобождения крестьян сыграли немалую роль в движении декабристов. Тургенев был подлинным патриотом России, жаждавшим ее процветания. Характерен диалог между ним и Карамзиным. На слова Карамзина: «Мне хочется только, чтобы Россия подоле стояла» – Тургенев смело возразил: «Да что прибыли в таком стоянии?»

В десятой главе «Евгения Онегина», сожженной автором и отчасти восстановленной по зашифрованным фрагментам, Пушкин изображает декабристов времен Союза благоденствия и в центр картины помещает Тургенева:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Хромотой на одну ногу Тургенев страдал с детства, и этот недостаток, видимо, доставлял ему неприятности. Обобщая отзывы и воспоминания современников, Е. И. Тарасов так характеризует Тургенева декабристской эпохи: «...человек небольшого роста, почти миниатюрный и к тому же хромой, Тургенев, однако, поражал всех величием духа, высоким подъемом настроения и своею властностью, сильным характером, невольно подчиняя всех, кто к нему приближался... Тургенев был склонен к унынию, к той, может быть, мрачной меланхолии, которою страдала его мать»*.

* Тарасов Е. И. Декабрист Николай Иванович Тургенев в александровскую эпоху. С. 433.

Мотивы уныния, порой отчаяния действительно присутствуют в дневниках и письмах Тургенева. Насколько это обусловлено психикой, индивидуальными особенностями характера, трудно судить. Но глубинной и часто упоминаемой причиной этих настроений служило тяжелое положение отечества и неверие в возможность улучшить его.

Налоги

Проблема налогов всегда занимала в политической экономии видное место. Ей много внимания уделял Адам Смит. Книга Рикардо так и озаглавлена: «Начала политической экономии и налогового обложения». К. Маркс дал формулу: «В налогах воплощено экономически выраженное существование государства»*.

В основу своего исследования Тургенев кладет известные принципы налогообложения, установленные Адамом Смитом и ставшие к тому времени классикой. Вот они: 1) налоги должны взиматься со всех граждан соразмерно их доходам; 2) размеры и условия выплаты налогов должны быть точно определены, известны плательщику и независимы от власти сборщика; 3) налоги должны взиматься в удобнейшее для плательщика время; 4) издержки взимания налогов должны быть минимальными.

Однако Тургенев не просто пересказывает Смита. Он заостряет эти принципы, приводит исторические примеры и довольно явно намекает на положение дел в России.

Когда он говорит, что первый принцип грубо нарушался в дореволюционной Франции, где духовенство и дворянство вовсе не платили налогов, а почти вся их тяжесть падала на нищих крестьян, читателю ясно, что в России это нарушение носит еще более вопиющий характер. Тургенев пишет также, что «правительство обязано стараться отклонять, сколь возможно, тяжесть налогов от простого народа». Необычайно смело звучали в России и такие слова: «Во многих государствах введение налога делается с согласия народных представителей. Там польза сего согласия ощутительна не только для народа, но и для самого правительства»**. Ни о каких народных представителях в России и речи не было, а введение налогов было произволом правительства.

Вообще теория налогов у Тургенева целиком подчинена его общим экономическим взглядам, которые носят либерально-буржуазный характер. Налоги неизбежны, пишет он, но они не должны стеснять экономическую

* Маркс К. Морализирующая критика и критицизирующая мораль // Маркс К, Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 308.

** См.: Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. С. 12.

свободу и не должны мешать накоплению капитала и увеличению массы производительного труда.

Тургенев стремится дать классификацию налогов, основанную на политико-экономических принципах. Он классифицирует налоги по источникам дохода от земли, капитала и труда, добавляя, что некоторые налоги охватывают все три источника. Обычное деление налогов на прямые (уплачиваемые непосредственно облагаемым лицом) и косвенные (включаемые в цену товара, оплачиваемую конечным потребителем) тоже используется им, но это деление получает более глубокое толкование.

Главной формой обложения дохода от земли, по мысли Тургенева, должен быть твердый, установленный на значительный срок налог, который не возрастал бы в строго прямой зависимости от увеличения дохода и тем самым стимулировал бы вложение новых капиталов и повышение продуктивности сельского хозяйства. Именно в подобной системе налогообложения он видел основной стимул быстрого роста сельскохозяйственной продукции в Англии.

По поводу налогов на доход от капитала (на прибыль) Тургенев говорит, что при высокой конъюнктуре («успевающем состоянии» страны) капиталисты могут включить его в цену товара. При низкой конъюнктуре налог вынуждены платить сами капиталисты, а это снижает их заинтересованность в расширении производства. Отрицательно влияют на предпринимательство также налоги, которыми облагается не доход, а «самый капитал» (пошлины, взимаемые при купле-продаже предприятий, при операциях с ценными бумагами, налоги на наследство и т. п.).

Тургенев высказывает пожелание, чтобы заработная плата наемных рабочих вовсе не облагалась налогом. Такой налог не ведет к снижению реальной заработной платы лишь при «успевающем состоянии», когда спрос на рабочую силу велик и рабочие могут добиться «включения» налога в денежную заработную плату. При иных условиях налог «будет угнетать сей несчастный класс», урывать из их жизненного минимума, способствовать физической гибели или эмиграции бедняков. По этим же причинам Тургенев – против обложения акцизами (косвенными налогами) предметов первой необходимости: если рабочие не могут возместить в заработной плате удорожание таких предметов, их ждут тяжкие лишения. Акцизы на предметы первой необходимости социально несправедливы, не соответствуют первому принципу А. Смита. Например, акциз на соль мало ощутим для богатого человека, но может быть весьма обременителен для бедняка.

В России в первой четверти XIX в. от двух третей до трех четвертей всех налогов платили крестьяне и полукрестьянские слои. Косвенные налоги обеспечивали более 40% всех государственных доходов. Главным объектом об-

ложения были спиртные напитки (в 1816 г. около трети всех доходов казны составили «питейные сборы»), за ними шла соль*. Вопрос о налогах в первую очередь касался судьбы крестьян и крепостного права.

Последняя глава книги Тургенева посвящена бумажным деньгам: доход государства от выпуска таких денег и их обесценения автор рассматривает как особого рода налог. Здесь же кратко рассматривается значение банков и выпуска ими кредитных денег (банкнот). Основная позиция автора по этим вопросам опять-таки близка позиции А. Смита: при умеренном и экономически рациональном поведении банков они и выпускаемые ими деньги полезны для народного хозяйства. Подчинение банков интересам государства и неумеренный выпуск банкнот, которые при этом становятся просто бумажными деньгами, могут иметь губительные последствия для страны. Здесь, однако, Тургенев делает необычную и политически важную оговорку. При определенных условиях бумажные деньги и инфляция (это понятие, разумеется, в то время отсутствовало) могут иметь благотворное действие.

«Франция во время революции много потерпела от своих бумажных денег, но чем вела она войну в продолжение нескольких лет? Чем содержала она бесчисленные полки, защищавшие отечество и делавшие завоевания? Большое участие имели в сем бумажные деньги, следственно, они способствовали к последовавшему возвышению сего государства.

Если мы взглянем на Северную Америку, другое много пострадавшее от бумажных денег государство, то увидим, что во время упадка ассигнаций американцы дрались за свободу и делали великие пожертвования в пользу нового отечества – рождающейся республики. Свобода была для них дороже кредита»**.

При желании можно видеть в этих словах намек на русские ассигнации, которые выпускались правительством вовсе не в интересах борьбы за свободу. Единственным достижением русского правительства в области бумажных денег Тургенев считал то, что к 1818 г. ему удалось стабилизировать курс ассигнаций на уровне примерно 1:4, т. е. четыре бумажных рубля за один серебряный.

Книга Тургенева отличается четкостью построения и ясностью изложения. Стандарты научного труда соблюдены в ней весьма строго. Вместе с тем это остро публицистическое произведение, исполненное гуманистического протеста против жестокой действительности царской России. Вспоминая реакцию знатных и влиятельных людей в Петербурге на появление его книги, Тургенев писал: «Всякий раз, свободно изливая свои чувства в интимном

* См. цифровые данные в книге: *Лященко П. Я. История народного хозяйства СССР*. М., 1952. Т. 1. С. 456.

** *Тургенев Н. И. Опыт теории налогов*. С. 170–171.

кругу, они не находили другой темы, кроме нападок на меня и мою книгу, видя, что правительство, то есть императорская власть, не двигается и не мечет своих громов, чтобы уничтожить дерзкого революционера». И далее: «Все удивлялись, что цензура допустила появление в печати подобного рода сочинения»*.

Эта «ошибка» была исправлена правительством после декабря 1825 г. Экземпляры книги Тургенева разыскивались и уничтожались. Переиздана она была лишь в советское время.

15.4. Академическая наука середины века. Вернадский

Золотая пора русских университетов в первые два десятилетия XIX столетия сменилась в николаевское царствование реакцией и застоем. Старые университеты владели жалкое существование. За все время до реформы 1861 г. был основан лишь один Киевский университет, но и о его судьбе в 40-х гг. читаем в дореволюционной энциклопедии: «В университете началась новая жизнь, но круто оборвалась под влиянием суровых мер 1848 г. Кафедры снова опустели, число студентов было ограничено»**.

Тем не менее во всех университетах, обычно на юридических факультетах, преподавались политическая экономия и статистика, социально-экономические вопросы фигурировали в некоторых других курсах. Профессоров политической экономии можно было пересчитать по пальцам, но они читали лекции и писали книги, которые так или иначе формировали мировоззрение поколения 60-х гг., когда в общественной жизни и в социально-экономической мысли России произошли огромные сдвиги.

Стандартный курс политической экономии, который преподавался в русских университетах, опирался на западную экономическую мысль, преимущественно на французскую школу Сэя. Некоторые профессора в угоду крепостническим и реакционным силам ослабляли либерально-буржуазный дух даже этого учения, сделавшего примирение классовых интересов своим знаменем. Английская наука, которая еще дышала смелыми и суровыми идеями Рикардо, была гораздо менее известна и популярна в России. Когда в 1860 г. Чернышевский опубликовал перевод «Оснований политической экономии» Джона Стюарта Милля и свои замечания к ним, он провел резкое различие между этой политической экономией и «искажением ее... нынешними французскими так называемыми экономистами по внушению трусости»***.

* Тургенев Н. И. Россия и русские. Т. 1. С. 71. 72.

** Брокгауз и Ефрон. Новый энциклопедический словарь. Пг., 1915. Т. 21. С. 772.

*** Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения. М., 1948. Т. 3. Ч. 1. С. 7.

Идеи западного социализма с трудом проникали в русские университеты. Но запретный плод сладок, и они получали распространение вне аудиторий, в студенческих и других кружках. Впрочем, известно, что в Петербургском университете профессор В. С. Порошин уже в 40-х гг. знакомил студентов с учением Фурье. Во второй половине 50-х гг. И. В. Вернадский мог уже довольно подробно, хотя и критически, излагать учения французских и английских социалистов-утопистов. В конце 40-х и в 50-х гг. в России становятся известны некоторые произведения Маркса и Энгельса.

В царствование Николая I университетская наука упорно сторонилась острых вопросов социально-экономического развития России. Кризис крепостничества был очевиден всем сколько-нибудь мыслящим людям, но говорить и писать об этом было нельзя. Поэтому предпочитали помалкивать. Для иных абстрактные рассуждения на темы политической экономии, не имевшие прямого отношения к условиям России, позволяли, ничем не рискуя, поддерживать свой ученый престиж.

Неудачный исход Крымской войны и смерть Николая I в 1855 г. открыли шлюзы для оживления общественной мысли. Начавшаяся вскоре подготовка крестьянской реформы вызвала невиданную в России дискуссию. Ведущая профессура (Вернадский, Бабст, Кавелин и др.) выступила в ней с антикрепостнических позиций, придерживаясь разных оттенков либерализма. Эта дискуссия подготовила также почву для более глубоких академических исследований в социально-экономической области.

От декабрьского восстания до крестьянской реформы

Царствование Николая I распадается на три четко выраженных этапа. Первый (1826–1830 гг.), хоть и отмечен жестоким приговором декабристам, характеризовался надеждами на какие-то реформы. Этот этап завершают революции 1830 г. в Западной Европе и трагическое польское восстание 1830–1831 гг. Второй этап (1830–1848 гг.) – между двумя европейскими революциями, «эпоха внутренней и внешней «стабилизации» николаевского деспотизма, жалких, половинчатых реформ и увядания надежд на решительные преобразования. Преобладающее влияние на царя в тот период имели люди типа шефа жандармов Бенкендорфа, изобретателя «официальной народности» Уварова и старого консерватора, министра финансов Канкрин. Третий этап (1848–1855 гг.) – эпоха реакции, внешнеполитических неудач, хозяйственного застоя. Власть попала в руки царедворцев, имена которых мало кто помнит, даже Уваров оказался слишком либеральным. В эти годы пошел на каторгу Достоевский, томился в солдатах Шевченко, отправились в

ссылку Тургенев и Салтыков (будущий Щедрин). Крымская война была проиграна, в стране усиливалось глухое брожение. Николай I, солдат на троне, умирая, сказал наследнику престола: «Сдаю тебе команду не в добром порядке».

В этих условиях реформы, прежде всего отмена крепостного права, были, можно сказать, навязаны Александру II реальной обстановкой.

Для проведения реформ понадобились и новые люди. Некоторые способные чиновники, которым при Николае I не давали хода, оказались теперь на высоких постах. Даже либеральный профессор Вернадский отправился из Москвы в Петербург служить.

Формы крепостного права несколько не смягчились за время царствования Николая, и сравнение русских крепостных с американскими черными рабами получало новые подтверждения. На протяжении многих лет император время от времени высказывался о желательности запретить продажу крестьян без земли, но так ничего и не сделал для ликвидации чудовищного порядка, при котором люди приравнялись к скоту.

Автор знаменитой книги «Россия в 1839 году» француз А. Кюстин рассказывает об эпизоде, когда пустые разговоры, которые вел царь, стали причиной кровопролития. Принимая депутацию крестьян, которые просили, чтобы казна выкупила их у помещиков, Николай I сказал: «Я не могу купить всю Россию, но придет, надеюсь, время, когда всякий крестьянин в империи станет свободным; если бы дело было только за мною, русские уже теперь пользовались бы независимостью...». Слова царя были доведены депутатами до крестьян в том смысле, что царь хочет дать им свободу, а господа этому сопротивляются. Крестьяне начали истреблять помещиков и жечь усадьбы. Как положено в таких случаях, были вызваны воинские команды. Дело кончилось массовой поркой и ссылкой в Сибирь*.

О состоянии экономики России в ту эпоху трудно говорить однозначно. Мы имеем здесь, можно сказать, классический случай конфликта между производительными силами и производственными отношениями. Россия вступила в полосу промышленного переворота. Бурно развивалась хлопчатобумажная промышленность, в которой ручной труд все более заменялся машинным. Прогресс отмечался в металлургической и железодельной промышленности. Началось железнодорожное строительство, и в 1851 г. была открыта дорога Москва–Петербург. На реках появились пароходы.

Но в этот же период промышленность в Западной Европе и Северной Америке сделала огромный скачок, и отставание России не уменьшилось, а возросло. Если в наполеоновских войнах начала XIX в. вооружение, снаряже-

* Николаевская эпоха. Воспоминания французского путешественника маркиза де Кюстина. М., 1910. С. 66.

ние, транспорт русской армии едва ли были хуже, чем у французов и других наций, то в Крымской войне экономическая и социальная отсталость России обнажилась в полной мере. В 30-х гг. Россия одновременно с Германией начала строительство железных дорог, но к концу царствования Николая I она имела менее одной тысячи километров линий, тогда как Германия – 6 тыс. В России практически не было акционерных обществ и банков, без которых крупное капиталистическое хозяйство не могло развиваться.

Прогресс производительных сил настоятельно требовал изменения общественного строя, в первую очередь – ликвидации крепостного права. Но в России, в отличие, скажем, от Франции XVIII в., не было сильной, организованной и просвещенной буржуазии, способной повести народ на штурм феодальных твердынь. Русское третье сословие, слабое экономически и реакционное политически, скорее оставалось резервом самодержавия и помещичьего дворянства, чем самостоятельным фактором в столкновении классовых сил. Самое большее, на что оно было способно, – выделить небольшую группу образованных либералов, сторонников реформ. В борьбе против крепостников буржуазные либералы объединились с дворянскими либералами, что создало достаточно весомую общественную силу, противостоящую реакционным кругам.

Либералы надеялись, что освобождение крестьян на относительно благоприятных для них условиях (с землей и с ограниченными повинностями по отношению к помещикам), во-первых, предотвратит назревающее крестьянское восстание, во-вторых, обеспечит возможности дальнейшего капиталистического развития. Во второй половине 50-х гг. голоса либералов разных оттенков громко раздавались с университетских кафедр и со страниц печати.

Но в эти же годы старое доброе слово «либерал» начало приобретать отрицательный оттенок: оно стало ассоциироваться с примиренчеством по отношению к злу, готовностью к беспринципным компромиссам, пресмыкательством перед властью. Против крепостного права, против самодержавия и – в силу логики истории – против либералов выступили *революционные демократы*, которые видели свою цель не в создании условий для буржуазного развития, а в подлинном освобождении народа. По мере того как выяснялась неспособность самодержавия провести действительно освободительную реформу, многие из революционных демократов стали допускать возможность того самого крестьянского восстания, которого так боялись либералы. Разделительная линия между либералами и революционными демократами становилась все более четкой.

Разумеется, профессорские кафедры были недоступны для революционных демократов. Тем не менее их влияние на студенчество в конце 50-х

и начале 60-х гг. усилилось. Этому способствовало постепенное изменение социального состава студентов. Среди них возросла доля разночинцев – образованных детей мелких чиновников и бедных дворян, купцов, мещан, духовных лиц и, в редких случаях, крестьян. В образе сына военного лекаря Евгения Базарова из романа «Отцы и дети» (1862 г.) И. С. Тургенев с большой художественной силой отразил этот новый социальный тип.

Политическая экономия по Бутовскому

В 1847 г. 30-летний петербургский чиновник Александр Бутовский издал в трех томах труд под громким заглавием «Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии». Это был первый полный курс новой науки, написанный русским на русском языке.

Как уже говорилось, судьба сочинения Бутовского была печальной: Владимир Милютин создал ему непоправимо плохую репутацию. В своей оценке книги Бутовского Милютин был, безусловно, прав. Но надо принять во внимание важнейший факт: Милютин был одним из первых русских социалистов и находился под сильным влиянием Фурье. Это определяло его отношение к буржуазной политической экономии вообще. Как он писал, вся общественная наука на Западе состоит «из двух главных школ, враждующих между собой, – школы экономистов и школы социалистов»*.

Бутовский был для Милютина слабым учеником школы Сэя – главы «школы экономистов». Милютин отвергал книгу Бутовского в принципе, вовсе не интересуясь вопросом, какое место она займет в поступательном развитии русской экономической мысли.

Между тем появление такой книги, как пухлый трехтомник Бутовского, было по-своему закономерным. Чтобы критиковать современную буржуазную политическую экономию, надо было ее прежде изложить. Именно это сделал Бутовский, без блеска, но грамотно и добросовестно.

В 40-х гг. Франция была главным источником идей для русской интеллигенции. Сказанное относится как к «школе экономистов», так и к «школе социалистов». Через много лет Салтыков-Щедрин, который был сверстником и другом Милютина, с горьким сарказмом вспоминал, что о русских делах им и говорить-то не хотелось: такая кругом царила подлость и немота. Публично высказываться о крепостном праве было невозможно из-за цензуры. Поэтому вся дискуссия Милютина с Бутовским шла в каком-то вакууме, в отвлечении от реальностей российской действительности.

* Милютин В. А. Избр. произв. С. 277.

Сочинение Бутовского делится на три части: «Производство богатств», «Обращение и распределение богатств», «Потребление богатств». В первой части он рассматривает три фактора производства – землю, капитал и труд, которые у него, как у Сэя, равноправно сотрудничают в создании богатства. При этом богатство рассматривается как в натуральной форме – масса потребительных стоимостей, так и в стоимостной форме – сумма стоимостей, выражающих затраты факторов производства. Тем самым читатель готовится к восприятию второй части труда, где дается анализ доходов – земельной ренты, процента и прибыли, а также заработной платы. Совершенно ясно, что никакого намека на эксплуатацию труда (рабочего класса) капиталистами и земельными собственниками здесь нет. Впрочем, Бутовский констатирует противоположность экономических интересов буржуазии и рабочего класса, высказывая, между прочим, без акцента мысль, которая была центральным элементом учения Рикардо: «...при данной рыночной цене произведений прибыль предпринимателя усиливается всякий раз, когда уменьшается *задельная плата*, и, напротив, она уменьшается по мере того, как *задельная плата* увеличивается»*.

Доход на капитал в виде ссудного процента вытекает из естественного права, а именно из частной собственности и из права использования этой собственности. Если Сэй еще рассматривал частную собственность как не нуждающийся в определении принцип общественной жизни, то Бутовский, зная об атаках социалистов на частную собственность, счел необходимым открыто выступить в ее защиту. Размер ссудного процента определяется спросом и предложением капитала, а также степенью риска при предоставлении капитала в ссуду.

Прибыль представляет собой оплату труда капиталиста по организации и руководству производством. Этот труд Бутовский довольно неуклюже называет «сообразительным», в отличие от труда «исполнительного», которым занимаются наемные рабочие. Конкуренция регулирует размеры прибыли, которая, вообще говоря, включает три элемента: «содержание предпринимателя и его семейства, непостоянство сбыта и риски, которым он подвергается...»**.

Просвещенный Бутовский был, естественно, сторонником развития капитализма в России. Но господство феодальных форм хозяйства и давление властей заставляли его, как считал И. Г. Блюмин, «молиться двум богам – капиталистическому и крепостническому»***. С одной стороны, он повторяет

* Бутовский А. И. Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии. СПб., 1847. Т. 2. С. 325.

** Там же. С. 334.

*** Блюмин И. Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. С. 77.

известную истину классической политэкономии, что свободный труд всегда производительнее подневольного, и объясняет помещикам, что барщина и принудительная работа на промыслах экономически невыгодна им самим. С другой стороны, он не сомневается в «законности» крепостного права и находит положительные стороны в жизни русских крестьян.

Хотя в России еще практически не было социалистов и западные социалистические учения были известны лишь ничтожному кругу интеллигентов, Бутовский, чутко воспринимавший дувшие с Запада ветры, уделил много места критике этих учений. Ругани в адрес «грубых коммунистов» и «увлекаемых несбыточными мечтами социалистов» посвящены заключительные страницы книги: это указывает на важность, которую придавал Бутовский борьбе с бродившим по Европе призраком. Критика социализма и коммунизма у Бутовского достаточно поверхностна. Приписав им вульгарную идею полного материального равенства, он затем обрушивается на нее, утверждая, во-первых, что неравенство вытекает из законов, установленных Творцом, во-вторых, что оно способствует экономической эффективности и безопасности общества и, в-третьих, что капитализм имеет тенденцию «смягчать слишком резкие оттенки» и создавать фактически достаточную степень материального равенства. В обществе, «где успешнее развились промышленность и образованность», т. е. при капитализме, «заметна фортуна наклонность уравнительная»*.

Бутовский не мог пройти мимо такого социального явления, как нищета значительной части рабочего населения в Англии и во Франции, так как об этом много писали в России в 30-х и 40-х гг. На русскую публику большое впечатление произвели труды Сисмонди и некоторых его последователей, которые связывали пауперизм с развитием капиталистической фабричной промышленности. Признавая талант Сисмонди, Бутовский резко выступил против его взглядов, доказывая, что эти явления не закономерное следствие капитализма, а лишь временные и несущественные отклонения от главной его тенденции. Для объяснения низкой заработной платы, пауперизма и культурной отсталости среди роста богатства и знаний он прибег к теории Мальтуса, о котором был очень высокого мнения. Вслед за Мальтусом он проповедовал рабочему классу лицемерные добродетели, призывая людей к воздержанию, поздним бракам, добровольному вдовству.

После выхода труда Бутовского Милютин опубликовал статьи, в которых подходил к этим вопросам с диаметрально противоположных позиций, критиковал Мальтуса и исследовал проблемы бедности. Милютин увидел в Бутовском идеологического противника и не оставил от его претенциозного

* Бутовский А. И. Опыт о народном богатстве, или О началах нитической экономии. Т. 3. С. 397–398.

сочинения камня на камне. После критики Милютина не могло быть и речи о переиздании книги, хотя более десяти лет она оставалась единственным полным курсом политической экономии в России.

Иван Вернадский

Иван Васильевич Вернадский происходил из небогатых дворян Черниговской губернии. Он родился в Киеве в 1821 г. Семье Вернадских было суждено сыграть выдающуюся роль в русской науке и культуре. Сын И. В. Вернадского, Владимир Иванович, стал одним из крупнейших деятелей естествознания XX в., а внук, Георгий Владимирович, был талантливым историком, но большую часть своих трудов создал в эмиграции и опубликовал за границей.

Приведем некоторые биографические данные о Вернадском-экономисте со слов его сына.

«Он был горяч и вспыльчив, особенно в молодости, но был человеком ясного ума, замечательно нежной, мягкой души; ему не доставало только силы и настойчивости в характере, и этот недостаток имел на него большое влияние. Он кончил Киевский университет и после недолгого учительства в начале 40-х гг. был послан за границу, где пробыл три года; возвратившись, он был профессором политической экономии и статистики сперва в Киевском университете, потом в Московском... В начале царствования Александра II он хотел более практической деятельности, перешел сюда (в Петербург. – А. А.), в Министерство внутренних дел сперва; но там ему не особенно нравилось, хотя он принимал кое-какое участие во многих реформах начала прошлого царствования*; тогда же он был профессором политической экономии и занимался изданием «Экономиста» и «Политического экономического указателя». Он был женат два раза; первая его жена умерла через несколько лет после женитьбы; она была, по рассказам, очень хорошая и умная женщина и на моего отца имела большое влияние. От нее у него остался один сын. Потом он женился на моей матери – Константинович... Отец и мать мои были киевляне. В обеих семьях были живы национальные украинские традиции... У нашей семьи (отца) никогда крепостных не было, и, когда в начале 1850-х гг. отец получил в приданое за своей первой женой имение, населенное крестьянами, он их тогда же освободил... В 1868 г., когда мне было не более 5 лет, мы должны были покинуть Петербург... С отцом от усиленной работы сделался удар, и он лишился возможности хорошо говорить (а он был, говорят, замечательным оратором), и доктора посоветовали ему ехать

* Это писалось во время царствования Александра III.

на юг. Он взял место директора конторы Государственного банка в Харькове... 1876 год. Переезд семьи в Петербург... В 1880–1881 году я имел интересный разговор с отцом. Он меня тогда удивил своими познаниями в области естествознания, главным образом земледелия, ботаники. Это было перед катастрофой 1881 года, выведшей его из жизни (новый удар. – А. А.)... Отец тихо скончался 26 февраля 1884 г.»*

Активная педагогическая, научная и публицистическая деятельность Вернадского продолжалась всего около 15 лет – с конца 40-х до начала 60-х гг. Тем не менее он успел много сделать. Он был одним из первых либеральных профессоров, безусловных противников крепостного права, сторонников буржуазных свобод в экономике и политике, знатоком и поклонником прогрессивных идей Запада. Вернадский имел большое влияние на студентов, и многие из них стремились впоследствии поддерживать независимость и честь русской науки. По главному вопросу, волновавшему и разделявшему в 50–60-х гг. мыслящих людей, – о путях развития русской деревни – Вернадский стоял на чисто буржуазных позициях. Он выступал как против помещичьего землевладения, так и крестьянской общины, поскольку и то и другое стесняло развитие капитализма. Исторически это была прогрессивная позиция.

В теории политической экономии Вернадский примыкал к английским классикам. Он высоко ценил труды Давида Рикардо и одним из первых пропагандировал его в России. Но по многим вопросам он склонялся скорее к школе Сэя, и Чернышевский небезосновательно обвинял его в пороках этой школы. По вопросам экономической политики Вернадскому были близки идеи английских фритредеров так называемой манчестерской школы – идеологов промышленной буржуазии.

В важнейшем вопросе о распределении в обществе вновь созданной стоимости он, в отличие от Бутовского, считал, что эту стоимость создает только труд, а капитал предъявляет претензию на часть этой стоимости по праву «владения». Земельную ренту он отказывался считать порождением земли или «трудоу» землевладельца, а выводил из «исключительного владения», особого рода монополии.

Мы видим здесь своеобразное изложение идей Смита и Рикардо о том, что доходы капитала и земли представляют собой, в сущности, вычеты в пользу частных собственников из стоимости продукта, созданного трудом. С данным положением логически связано понимание заработной платы как величины стоимости, необходимой для «органической поддержки деятелей, орудий труда (работников)»**. Употреблением понятия «органическая

* Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 9–35.

** Вернадский И. В. Проспект политической экономии. СПб., 1858. С. 37.

поддержка» он хотел отмежеваться от представления, что заработная плата определяется физическим минимумом средств существования. Она включает ряд других потребностей, в том числе затраты на образование работника.

Вернадский писал об экономических кризисах и обнищании рабочих в западных странах. Эти явления он довольно наивно выводил непосредственно из одного фактора – вытеснения живого труда трудом «неодушевленным», т. е. машинами и орудиями.

Любопытные идеи в трудах Вернадского попадаются сплошь и рядом. Например, говоря о развитии форм денег, он пророчески писал: «Высшее экономическое развитие предполагает принятие за деньги идеальной единицы кредита»*. Можно сказать, что он предугадал здесь важнейшую тенденцию развития денег при капитализме.

Надо признаться, что взгляды Вернадского приходится вышелушивать из текста, в котором немало противоречий и прямой путаницы. Манера Вернадского как писателя противоположна стилю Бутовского: он стремился к сжатой, тезисной форме изложения, но это далеко не всегда шло на пользу ясности мысли. Так, трудовая теория стоимости излагается у него столь нечетливо, что можно усомниться в приверженности автора ей.

Вернадского надо считать первым в России историком экономической мысли. Во всяком случае, по кругозору и компетентности он далеко превосходит всех, кто писал по этому предмету до него. В своей магистерской диссертации он осуществил исследование итальянской школы в политической экономии. В 1858 г. вышел его главный труд – «Очерк истории политической экономии». Хотя книга эта носит следы спешки и порой текст содержит простой перечень имен и сочинений, она не лишена интереса, а для своего времени представляла несомненное достижение.

Говорят, что страсть к классификаторству и систематизации характерна для ученых-французов. Маркс, например, отмечал эту особенность у Сэя. Вернадский отдал большую дань этой традиции – французской, если угодно.

Всю мировую экономическую науку, начиная с древних времен и кончая современностью, он хотел бы разделить на два больших направления, которые предлагал называть положительным и отрицательным. Принцип этого деления – понимание экономических законов и отношение к роли государства в народном хозяйстве. Первое направление считает, что экономическое развитие в решающей степени зависит от положительной, т. е. активной, деятельности государства. Второе рекомендует полагаться на естественные законы развития и отрицает вмешательство государства в экономическую жизнь или, во всяком случае, рекомендует ограничивать его узкими рамками. Сви-

* Там же. С. 41.

детельство известной обоснованности этого деления можно видеть в сегодняшней конфронтации неоклассического и кейн-сианского направлений в буржуазной политэкономии.

Вернадский включал в положительное направление меркантилизм, протекционизм и социализм, в отрицательное – физиократию и школу Адама Смита в различных ее разветвлениях. К последнему направлению он, разумеется, относил и себя. Возникшую в Германии историческую школу Вернадский помещал «на границах» между отрицательным и положительным направлением.

Отрицательное направление XIX в., или школа Смита, распадается у Вернадского на три большие ветви. Промышленная школа ведет свое начало от Сэя, включает множество французских и других экономистов и завершается Фредериком Бас-тия, который был любимцем Вернадского. Ей противостоит «спекулятивная», почти исключительно английская школа, которая, в свою очередь, делится на «фаталистов» (Мальтус и его последователи) и школу Рикардо, последним представителем которой он считает Джона Стюарта Милля, еще почти незнакомого русской публике. Удивительный эрудит, Вернадский знал книгу немца Г. Госсена (1854 г.), которая осталась практически неизвестной современникам, но впоследствии сыграла важную роль в формировании идей предельной полезности и всей западной экономической мысли конца XIX в. Не уловив новизны идей Госсена, Вернадский по формальным признакам отнес его к «абстрактным писателям» школы Рикардо. Чтобы собрать воедино разного рода «промежуточных и половинчатых» авторов, Вернадский выделил также «эклектическую школу», куда зачислил другого своего любимца, Шторха. Кстати сказать, перевод и составление комментариев к книге Шторха были практически единственной научной работой Вернадского в последние 20 лет его жизни.

Положительное направление оказалось представленным гораздо более скромно. К «протекционистам» попали такие разнородные писатели, как знаменитый Фридрих Лист, русский министр финансов Канкрин и американец Кэри, которого Чернышевский называл тупым мономаном высокого тарифа.

Несколько подрывая основы своей собственной классификации, а возможно, чувствуя ее недостатки, Вернадский противопоставлял всем вышеназванным школам обоих направлений «общественную школу». По существу, это мелкобуржуазные и социалистические критики капитализма. Появление этой школы Вернадский считал закономерным, поскольку ранее скрытые «темные стороны» выступили на передний план и стали «главным, жизненным вопросом общества»*. Ее основателем он считал Сисмонди, а в корот-

* Вернадский И. В. Очерк истории политической экономии. СПб., 1858. С. 208.

ком разделе собственно о социалистах говорил о Сен-Симоне, Фурье, Оуэне и Кабе.

Напрасно стали бы мы искать здесь сколько-нибудь серьезный анализ социалистических учений. Автор ограничивается несколькими «профессорскими» фразами о недостаточном знакомстве социалистов «с природой человека и с природой вещей». Но одно его соображение привлекает внимание. Говоря об объективных причинах распространения социалистических идей, Вернадский допускает, что «социализм есть необходимое явление, следующее за пауперизмом как сознанным убожеством целого класса народа; но поэтому естественно, что где нет последнего, там нет никакой опасности распространения первого»*. Здесь явно имеется в виду Россия и ее будущее. В противовес первым русским социалистам, которые искали спасение России от бедствий капиталистической цивилизации на путях коллективизма и общинности, Вернадский стоял за буржуазное развитие, но надеялся, что быстрый хозяйственный подъем позволит стране избежать западных болезней, которые уже три десятилетия вызывали страх и отвращение в России. В этом случае, говорил он, не будет почвы и для социализма с его опасными фантазиями.

В годы бурных, порой блестящих дискуссий по социально-экономическим вопросам Вернадский издавал журнал «Экономический указатель» (название его несколько раз менялось). За 1857–1861 гг. он выпустил более 250 номеров, а также несколько томов приложения под названием «Экономист». Вернадский был единоличным издателем, самостоятельно написал огромное количество статей и редактировал статьи других авторов, своих единомышленников. Он вел полемику на два фронта: с одной стороны, против крепостников и консерваторов, с другой – против «левых».

Оппонентом Вернадского в журнале «Современник», который стал в эти годы органом революционной демократии, был Чернышевский. В известном смысле можно утверждать, что Чернышевский своими статьями увековечил Вернадского, как десятью годами раньше Милютин увековечил Бутовского. Но это было бы не совсем справедливо по отношению к Вернадскому. Он был человеком и ученым несравненно большего масштаба, чем Бутовский. Не менее важно то, что дискуссия происходила в обстановке огромного общественного подъема, когда впервые широко и относительно свободно обсуждались кардинальные вопросы социально-экономического развития страны.

В центре дискуссии была проблема общинного владения землей и судеб русского крестьянства. Вернадский видел в общине только препятствие раз-

* Вернадский И. В. Очерк истории политической экономии. СПб., 1858. С. 221.

витию капитализма в сельском хозяйстве и промышленности, а без такого развития он не мыслил ни подъема экономики, ни роста народного благосостояния. Чернышевский видел в общине данный историей России шанс избежать капиталистического пути со всеми его губительными социальными последствиями и перейти к социализму.

Он развил и конкретизировал идею социалистического преобразования выделив в нем три ступени – общинное владение землей при индивидуальном производстве; общинное производство на общинной земле (очевидно, с распределением продукта по труду); общинное потребление на основе общинного производства – т. е. организацию всей жизни на социалистических началах.

Чернышевский ясно видел главную проблему, возникающую на пути социалистического преобразования общественных отношений: конфликт между социальной справедливостью и экономической эффективностью. Он писал: «...мы должны рассмотреть во всей строгости единственное кажущееся сильным возражение против общинного владения. Экономисты старой школы (в частности, Вернадский. – А. А.) полагают, что оно может препятствовать успехам сельского хозяйства. Это единственный пункт, который заслуживает разбора...»*.

Для опровержения данного аргумента Чернышевский использовал обширный материал по сельскому хозяйству Западной Европы, но все же считал нужным сделать важное допущение: «...если бы это неосновательное предубеждение и было обосновано, все-таки для большинства земледельцев выгоднее общинное владение, потому что при фермерском (капиталистическом. – А. А.) хозяйстве большинство земледельцев обращается в наемных работников, и потому хотя бы при фермерском хозяйстве масса производимых ценностей была значительнее, положение большинства земледельческого класса все-таки лучше при общинном хозяйстве»**.

Вернадский был не согласен ни с расчетами, ни с логикой своего оппонента и выступал с вескими возражениями. Стремясь найти новые аргументы, Чернышевский обратился к любопытным данным из книги Л. Тенгоборского, которого перевел Вернадский (см. об этом дальше). Приняв средний уровень урожайности зерновых в России в середине XIX в. за 100, Тенгоборский получил такой ряд: Пруссия – 110, Австрия – 130, Франция – 140. Приведя эти цифры, не свидетельствующие в пользу тезиса об огромном разрыве между средней урожайностью в России и Западной Европе, Чернышевский стремился подвести читателя к следующему выводу: если общинно-крепо-

* Чернышевский И. Г. Избранные экономические произведения. М., 1948. Т. 1. С. 317.

** Там же. С. 258–259.

стной строй обеспечивал такие сравнительно удовлетворительные результаты, то общинно-социалистический строй позволит России обогнать Европу*.

Было бы опрометчиво утверждать, что в споре с Чернышевским Вернадский был целиком прав: ситуация 50–60-х гг. прошлого века слишком далеко отстоит от нас. Но позиция и аргументация Вернадского заслуживают пристального внимания в свете современных проблем, когда в нашей стране взят курс на многообразие форм собственности в сельском хозяйстве, состязательность между нами в интересах эффективного решения продовольственной проблемы.

И. В. Вернадский выступал в печати не только как экономист и социолог, но и как политический писатель. В этом отношении интересна его небольшая книга «Политическое равновесие и Англия», вышедшая первым изданием во время Крымской войны (1854 г.) и переизданная в период войны 1877–1878 гг., когда Англия занимала антирусскую позицию. Во всеоружии своей эрудиции Вернадский разоблачает колониальную алчность и политическое вероломство Англии. К этому времени туманный Альбион в глазах русских все больше предстал коварным Альбионом. Характерно, что это не мешало автору относиться с уважением как к национальному характеру англичан, так и к политическому строю Англии, наиболее полно воплотившему в себе принципы буржуазной демократии.

Первая женщина-экономист

Мария Николаевна Вернадская, урожденная Шигаева, может с полным основанием считаться первой русской женщиной-экономистом. Вероятнее всего, она не стала бы экономистом, если бы не была женой И. В. Вернадского, который заинтересовал умную и хорошо образованную 20-летнюю женщину своей наукой и помогал ей в занятиях. Но главное не в этом. Даже беглое чтение ее статей показывает, что М. Н. Вернадская обладала самостоятельным подходом к общественным проблемам, своеобразной манерой письма и была талантливым популяризатором науки. Некоторые ее социально-экономические этюды находятся на грани науки и художественной литературы.

Вернадская родилась в 1831 г. в Петербурге, где служил ее отец. Девочкой рано лишилась матери и была воспитана гувернерами и домашними учителями: высшее образование для женщин было еще практически неизвестно в России. Она обладала замечательными способностями, много читала, хорошо знала французский и немецкий языки, а позже овладела и английским.

* Чернышевский И. Г. Избранные экономические произведения. М., 1948. Т. 1. С. 261–262.

Вернадский, который был десятью годами старше, встретил ее во время одного из своих приездов в Петербург. В апреле 1850 г. Иван Васильевич и Маша Шигаева обвенчались и вскоре поселились в Москве, где и прожили свои счастливейшие годы. Она стала помощником мужа не только как «хранительница очага», но и как советчик, собеседник, соавтор. Когда неугомонный и трудолюбивый Вернадский предпринял перевод с французского огромного труда Л. Тенгоборского «Производительные силы России», жена приняла участие в этой работе. Мария Николаевна сама сделала перевод двух английских книг по политической экономии, одна из которых была опубликована.

После переезда семьи в Петербург она стала работать вместе с мужем над изданием журналов, которым он отдавал так много сил. Статьи М. Н. Вернадской регулярно появлялись в этих журналах и, по-видимому, нравились читателям. Объем проделанной ею в 1857–1859 гг. работы вызывает изумление, особенно если учесть обязанности хозяйки дома и матери маленького сына, а также быстро ухудшавшееся здоровье. Помимо примерно двух десятков статей она опубликовала большое число кратких, но чрезвычайно дельных библиографических заметок о новых книгах и важнейших журнальных статьях. Выбор тем этих работ указывает на то, что происходившая в те годы подготовка отмены крепостного права была в центре ее внимания.

Способности Марии Николаевны Вернадской не смогли полностью раскрыться. Она умерла в 1860 г. на двадцать девятом году жизни. Ее опубликованные и оставшиеся в рукописи работы составили книгу, которую издал И. В. Вернадский. Сочинения М. Н. Вернадской никогда не переиздавались и давно забыты. Но ее деятельность не просто дополняет труды мужа. Это своеобразная страница в истории русской общественной мысли.

Наиболее значительная по объему работа М. Н. Вернадской – «Опыт популярного изложения основных начал политической экономии» (1860 г.). Она интересна прозрачно-ясной формой изложения, но по содержанию не выходит за пределы трудов ее мужа, который сам был, как мы знаем, интерпретатором идей школы Сэя и английских фритредеров. Работа эта оторвана от конкретных условий России, и лишь в общих истинах буржуазной политэкономии можно усмотреть антикрепостнические элементы: «Для того чтобы труд развивался в стране с успехом, должно, чтоб он был свободен от всяких стеснений: заработная плата, условия работы и т. п., все это дело работников, которым должна быть поэтому предоставлена полная свобода выбора и действий, и только та страна может быть действительно богата и тот народ может благоденствовать, у которого труд развивается, увеличивается, делится и подразделяется сообразно действительным нуждам – как можно более и как можно свободнее*». Под этим мог бы, конечно, подпи-

* Вернадская М. Л. Соч. СПб. 1862. С. 303–304.

саться еще Адам Смит, но ведь для России, где свободный (в буржуазном смысле) труд был редкостью, эта истина была крайне актуальна.

Некоторые статьи Вернадской имеют форму любопытных притч, содержащих определенную социально-экономическую мораль. Чтобы показать благотельную роль свободной конкуренции, автор рассказывает притчу о том, как багдадский халиф, желая своему народу добра, повелел мясникам и булочникам продавать населению съестные припасы по твердым низким ценам. Результат оказался плачевным: вскоре мясо и хлеб исчезли с рынка, стало сокращаться и производство. Мораль: надо предоставить установление цен рынку, и это будут, выражаясь современным языком, оптимальные цены, поскольку они будут обеспечивать устойчивое производство и поступление товаров потребителям.

Притча об острове Робинзона иллюстрирует невыгодность автаркии и целесообразность международного разделения труда и специализации производства. В сущности, в притче в шуточной форме обосновывается принцип сравнительных затрат (сравнительного преимущества), теперь вошедший во все учебники экономики, но тогда еще никем строго не сформулированный. Автор делает вывод, что «правильные торговые сношения одни только могут доставить стране действительное богатство и силу»*.

Свобода торговли занимает видное место в публицистике Вернадской. Ее литературная манера напоминает порой парадоксы Фредерика Бастиа, самого крайнего фритредера в школе Сэя. Возможно, она читала Бастиа и знала, скажем, его пародию на протекционистов, где он приписывает фабрикантам свечей прошение в палату депутатов с требованием запретить использование продукта такого «заграничного соперника», как... Солнце.

Серию своих статей Вернадская посвятила новому в то время вопросу о женском труде и положении женщин в обществе. Ее основной тезис: социальное освобождение и моральное раскрепощение женщины возможны только через труд, посредством полноценного участия в общественном производстве. Автор призывает, с одной стороны, женщин «средних классов» (только к ним она и обращается, о крестьянках и фабричных работницах нет речи) готовить себя к труду и заниматься трудом вне традиционных рамок семейного хозяйства. С другой стороны, она требует ликвидации «искусственных» преград, которые в России мешали женщинам заниматься множеством видов деятельности, монополизированных мужчинами. Свобода труда, свобода выбора профессии для женщин – вот ее девиз.

Статья «Дворяне люди» прямо связана с подготовкой крестьянской реформы. Она написана с блестящим литературным мастерством и с удивительным знанием дела. Автор констатирует, что в дискуссии о реформе

* Вернадская М. Я. Соч. С. 52.

вопрос о судьбе дворовых, т. е. крепостных крестьян, живших при доме помещика и обслуживавших его семью, не привлек особого внимания, а между тем таких крестьян насчитывается более миллиона. Если сидящие на земле крестьяне могут считаться вассалами помещика, то дворовые – в полном смысле слова рабы. Гневно восстает Вернадская против имевшей хождение среди крепостников идеи о том, что дворовые должны будут выкупать у помещиков свою личность. Автор считает, что эти крепостные ничем не обязаны своим хозяевам и должны быть освобождены без всяких условий. Если помещик хочет оставить их в услужении, то это возможно лишь на условиях соглашения между свободными людьми, а труд их должен оплачиваться как вольнонаемных работников.

Слабым местом статьи было то, что судьба бывших дворовых никак не связывалась с экономическим развитием страны. Даже не рассматривалась возможность их «переквалификации» и перехода в сферу капиталистического наемного труда. Но для этого была объективная причина: крайне слабое развитие капиталистических форм хозяйства в дореформенной России.

Едва ли кому-нибудь надо доказывать теперь, что женщины могут успешно заниматься профессией экономиста. Но для России 50-х годов прошлого века деятельность М. Н. Вернадской была выдающимся достижением.

15.5. Герцен и русский крестьянский социализм

Деятельность А. И. Герцена представляет собой важнейшее явление русской культуры. Писатель, философ, революционер, он был и крупным социально-экономическим мыслителем. Значение деятельности Герцена состоит в том, что он стал основоположником мощного общественного течения в России – народничества, особого рода русского крестьянского социализма.

Но этого мало. Органически сочетая в себе оба начала, глубоко русское и – в лучшем смысле этого когда-то опороченного слова – космополитическое, Герцен и теперь предстает перед нами как образец человека, писателя, политика. Герцен – самый замечательный эмигрант в печальной двухвековой истории русской политической эмиграции. Он показал, как может служить Отечеству и своему народу человек, изгнанный авторитарной властью.

Это был человек необычайного личного обаяния, жизнелюбия и яркости. Ф.М. Достоевский писал о его «страстной любви к жизни – к жизни, которую он так дорожил и высоко ценил и в которую так глубоко верил»*.

* Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 86.

Зрелая деятельность Герцена и главные его социально-экономические труды приходятся на период дискуссий и борьбы вокруг освобождения крестьян от крепостной зависимости. Поэтому здесь уместно сказать несколько слов о крестьянской реформе.

Реформа 1861 года

Отмена крепостного права была навязана царскому правительству и помещикам неумолимыми законами общественного развития и угрозой крестьянского восстания. После Крымской войны всем сколько-нибудь мыслящим деятелям правящего класса, в том числе самому Александру II, стало ясно, что лучше провести эту отмену сверху, чем дожидаться, когда мужики осуществят ее снизу, с топорами и «красным петухом».

Крестьянская реформа, объявленная манифестом от 19 февраля (3 марта) 1861 г., имела историческое значение. Она решительно содействовала капиталистическому развитию России. Вместе с тем, сохранив массу остатков крепостничества, реформа заложила «мину замедленного действия» под весь общественный порядок огромной страны. Хотя со времени реформы прошло свыше 140 лет и мы живем в мире, который стал совершенно иным, опыт ее подготовки и проведения остается на удивление актуальным.

Осуществление реформы на деле заняло годы, а некоторые ее последствия растянулись на десятилетия. Непосредственно реформа коснулась помещичьих крепостных крестьян, которых по ревизии (переписи) 1858 г. числилось 20,2 млн человек, или 39% всего населения, относимого к сословию крестьян*. Другой крупнейшей категорией были государственные, или казенные, крестьяне (16,5 млн, или 32%). К ним были близки удельные крестьяне, т. е. сидевшие на землях, принадлежавших лично членам царской фамилии (2 млн, или 4%)**.

Законами 1863–1866 гг. было урегулировано земельное устройство государственных и удельных крестьян путем предоставления им в собственность или в бессрочное пользование земли, которую они фактически обрабатывали. Земля предоставлялась им не бесплатно, а за определенные платежи, носившие характер выкупа.

Но важнейшее значение имело все же новое устройство крепостных. Перечислив его основные черты, мы наглядно увидим ограниченный характер реформы. Крестьяне получали личную свободу и формально не платили ни-

* В строго сословном русском обществе отнесение к сословию крестьян вовсе не означало фактического занятия сельскохозяйственным трудом. Дед автора, к примеру, числился крестьянином, хотя всю жизнь работал на писчебумажных фабриках.

** *Ляшенко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. 1. С. 595.

какого выкупа за свою личность. Но система оплаты крестьянами выделяемой им земли была построена таким образом, что фактически они платили, как отмечал еще дореволюционный автор, «не за землю только, но и за все выгоды крепостного права, т.е. главным образом за потерю права облагать крестьян произвольными оброками»*.

Некоторые оговорки и лазейки, выгодные для помещиков, дали им возможность отобрать у крестьян часть земли, которую те обрабатывали для себя до реформы. По 36 губерниям европейской России эти так называемые «отрезки» составили 5,3 млн десятин (5,8 млн га), или 18% всей крестьянской земли**. В некоторых губерниях размер отрезков доходил до 40–45%, что означало обезземеливание крестьян в больших масштабах.

В основу реформы был положен принцип, согласно которому вся земля в дворянских поместьях считалась собственностью помещиков. Поэтому были определены условия, на которых крестьяне получали свой надел. Законом был установлен размер барщины, которую должны были отрабатывать крестьяне в тех имениях, где до освобождения применялась барщина, и размеры денежного оброка для остальных крестьян. Не позже чем через три года барщина заменялась оброком. Крестьяне, привязанные этими отработками и выплатами к своим прежним феодальным владельцам, назывались *временнообязанными*. Вскоре выяснилось, что оброки забирают непомерно большую долю убогого денежного дохода крестьян, а в некоторых случаях даже превышают этот доход. Может быть, лучше всякой статистики наглядное представление о безрадостном положении временнообязанных дает замечательная поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Завершением реформы считалась *выкупная операция*. Либо по соглашению между крестьянами и помещиками, либо по воле последних крестьяне выкупали свою землю. Размер выкупа устанавливался путем капитализации оброка из расчета 6% годовых, иначе говоря, путем умножения годовой суммы оброка на 162/3. При этом до 80% суммы выкупа выплачивало помещикам государство, а остаток – крестьяне. Если операция проводилась по требованию помещика без согласия крестьян, он лишался этих 20%. Крестьяне становились должниками государства и погашали долг в течение 49 лет с выплатой относительно высокого процента – 6,5% годовых. К 1881 г. лишь 15% освобожденных крестьян оставались на положении временнообязанных, для остальных была совершена выкупная операция.

Эта операция обернулась тяжелым бременем для крестьян, которые, кроме того, должны были платить государству традиционный личный налог – подушную подать. Но вопреки надеждам правительства помещичье хо-

* Брокгауз и Ефрон. Новый энциклопедический словарь. Т. 23. С. 300

** Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. С. 590.

зайство не получило в результате реформы стимулов к развитию: выкупные суммы пошли на погашение старых долгов дворянства, расточительно расходовались помещиками.

Временнообязанные крестьяне оставались полукрепостными, неполноправными гражданами России. Но и переход в «свободные» собственники не уравнивал их в правах с так называемыми привилегированными сословиями. По приговору местных судов их можно было подвергать телесному наказанию.

Община была нужна самодержавно-дворянскому государству как гарант крестьянских платежей. Она принимала на себя и трудную обязанность разверстки земли между крестьянскими семьями. В остальном общинное самоуправление было одной видимостью. Сельский сход (общее собрание членов общины) избирал «исполнительную власть» – старосту, но подчинялся он не сходу, а местным государственным чиновникам.

Во многих губерниях осуществление реформы сопровождалось волнениями и выступлениями крестьян против помещиков и властей, а кое-где дело дошло до кровопролития. Скандальную известность получило массовое избиение в селе Бездна Казанской губернии.

В преддверии реформы и в ходе ее проведения в России складывалась революционная ситуация. Впервые стихийное народное движение нашло выражение и поддержку в деятельности революционных демократов в стране и за рубежом. Но царское правительство было достаточно сильно, чтобы справиться и с крестьянскими бунтами, и с неорганизованными и слабыми группами оппозиции. Оно пошло лишь на частные уступки либералам, которые опасались чрезмерно реакционного характера реформы.

Развитие социально-экономической мысли имеет свою логику. Хотя крепостное право и его последствия неизбежно оставались в центре внимания, дискуссии по этим вопросам породили волну научных исследований и публикаций по более широкому кругу проблем. Не только судьбы России, но и судьбы западной цивилизации обсуждались с невиданной ранее глубиной и остротой.

Неразвитость общественной мысли в России, отставание ее от Запада заставляли талантливых людей эпохи, как и в предшествующие десятилетия, заниматься просветительством. Великими просветителями были Герцен и Чернышевский, расцвет деятельности которых приходится приблизительно на десятилетие 1854–1863 гг. Это было революционно-демократическое просветительство, которое выступило со страстной проповедью обновления России путем свержения самодержавия и крепостничества.

Эпоха выдвинула шеренгу деятелей революционно-демократического движения. Достаточно назвать такие имена, как Н. П. Огарев, Н. А. Добро-

любов, Д. И. Писарев, П. Л. Лавров. Не забудем и того, что в этот период достигло высокого художественного уровня творчество великих писателей, которые составили славу русской литературы, – Тургенева, Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина. Общественные проблемы периода падения крепостного права нашли в их произведениях яркое выражение. Имя Герцена занимает почетное место в этом перечне талантов. Ведь сам Лев Толстой говорил, что он всегда преклонялся перед Герценом.

Искангер

На хорошо известном портрете **Александра Ивановича Герцена**, который сделан в 1836 г. его другом по вятской ссылке художником Витбергом, мы видим красивого молодого человека с умным и выразительным лицом, исполненным воли и энергии. Этот портрет, я думаю, прекрасно выражает высокие душевные качества Герцена, которые он сохранил до конца дней.

Жизнь А. И. Герцена подробнейшим образом описана и документирована им самим в «Былом и думам» – одной из самых замечательных автобиографических книг мировой литературы, во многих других его сочинениях, в огромной переписке. Это была жизнь, исполненная труда и борьбы, утрат и достижений. Много тяжелого пришлось перенести ему. Он знал моменты отчаяния и тоски, испытал мысли о самоубийстве. Но только самые близкие люди знали об этих минутах слабости. Он трудился и боролся до конца, буквально до последнего дня жизни. Герцен написал замечательные слова, которые полезно запомнить каждому человеку: «Монахи спасались от минут ропота молитвой. У нас нет молитвы: у нас есть *труд*. Труд – наша молитва»*.

Сделанное этим человеком, оставленное им людям, поистине необходимо. Он и его друзья воспитали целое поколение лучших русских людей. Без Герцена нельзя себе представить русское революционное движение, общественные науки, литературу.

Герцен родился в 1812 г. в Москве и грудным ребенком пережил ужасы французского нашествия и пожара Москвы. Он был сыном богатого помещика И. А. Яковлева и немки Луизы Гагг, с которой отец не состоял в законном браке. Фамилия была придумана отцом, который следовал традициям русских бар: давать незаконным, но любимым детям фамилии, выражающие родительскую любовь. Фамилия Герцен произведена от немецкого слова Herz – сердце.

В своих сочинениях Герцен много раз повторял, что его политические взгляды сложились под прямым влиянием декабрьского восстания и судьбы

* Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч. Т. 8. С. 12.

декабристов. Он и его друзья, и прежде всего прошедший рядом с ним весь жизненный путь Н. П. Огарев, рассматривали свою борьбу против самодержавия и крепостного права как прямое продолжение борьбы декабристов. Два мальчика в возрасте 15–16 лет дали друг другу на Воробьевых горах, откуда открывается панорама Москвы, клятву отдать жизнь за освобождение русского народа и остались верны этой клятве до последнего вздоха.

В 1829 г. Герцен поступил на физико-математическое отделение Московского университета, которое окончил в 1833 г. Вскоре он был арестован как участник революционного студенческого кружка и, проведя несколько месяцев в заключении, сослан сначала в Пермь, затем в Вятку и Владимир, где служил мелким губернским чиновником и находился под полицейским надзором. Прожив 1840–1841 гг. в Москве и Петербурге, он был вновь сослан в Новгород за высказанный в частном письме резкий отзыв о полиции. Перлюстрация писем была вполне обычным делом. В обязанности Герцена как губернского чиновника входили, между прочим, дела сосланных под надзор полиции, каким был он сам. Таковы были нелепости службы, которая со временем сделалась ему невыносимой. Наконец он добился отставки и смог поселиться в Москве – относительно спокойно, но отнюдь не чувствуя себя в безопасности от жандармов. В 1842–1847 гг. Герцен жил «московским баринном», но занимался отнюдь не балами и сплетнями, а интенсивным самообразованием и неустанным трудом.

Чтобы представить во всей полноте жизнь Герцена, надо читать «Былое и думы». Там несравненной герценовской прозой рассказывается история лучшего человека мрачной николаевской эпохи, счастливого влюбленного, мужа и отца семейства, несчастного отца умиравших в младенчестве детей, верного друга своих друзей и неукротимого противника многочисленных врагов. Через много лет, когда первые части книги вышли на Западе в переводах, один из рецензентов хвалил «стремительный, торопливый, гневный и пламенный стиль Герцена, делающий правдоподобным слух, что автор родился во время московского пожара»*.

В 1840 г. в «Отечественных записках» появилось имя Искандера, которое навсегда стало литературным псевдонимом Герцена (арабский вариант имени Александр). Еще в 30-х гг. Герцен испытал сильное влияние Сен-Симона и Фурье. Вся его дальнейшая деятельность была, по существу, развитием и попытками применения социалистических идей к условиям России. В 40-е гг. он, вместе с Виссарионом Белинским, становится во главе нарождавшейся русской революционной демократии. В этот период появляются беллетристические сочинения

* Герцен А. М. Собр. соч. Т. 11. С. 765.

Герцена («Кто виноват?», «Доктор Крупов», «Сорока-воровка»). В них он выступает с гневным протестом против крепостного права, стремится запечатлеть черты нового русского человека, утверждает право женщины на самостоятельную роль в обществе. Впрочем, романистом Герцен не стал: его одновременно влекли наука, публицистика, общественная деятельность. В эти же годы Герцен создает философские произведения, написанные с блестящим мастерством публициста и полемиста.

После долгих и унижительных хлопот Герцен получил разрешение на поездку за границу и в 1847 г. выехал с семьей во Францию. Больше ему не было суждено увидеть родину. Узнав о революционной деятельности Герцена на Западе, царское правительство приказало ему явиться в Россию. Герцен, естественно, отказался. В ответ на это он был лишен сенатом русского подданства. Позже он стал гражданином одного из кантонов Швейцарии.

Герцен и до отъезда за рубеж занимался политической экономией и касался экономических вопросов в своих сочинениях. Знакомство с нравами и порядками на Западе, революционные события 1848–1849 гг. заставили его гораздо пристальнее взглянуть в экономические основы буржуазного общества. Свои наблюдения и выводы он использовал для обоснования путей социально-экономического развития России.

Поражение революции во Франции, а затем и в других странах Европы, торжество реакционной буржуазии и формирование своего рода нового «священного союза» под эгидой Николая I – эти события Герцен воспринял как личную трагедию. Он увидел в них «закат Европы», упадок западной цивилизации, крах надежд на социалистическое развитие Запада. Разочаровавшись в европейском мещанском мире и не видя будущего за пролетариатом, Герцен обратился к русскому крестьянству и стал страстно ратовать за его освобождение от крепостного права и за некапиталистический, общинно-социалистический путь России. К этому вопросу мы еще вернемся.

В период 1849–1852 гг. на семью Герцена, которая жила в это время большей частью в Северной Италии, обрушились несчастья. В море при кораблекрушении погибли его мать и семилетний глухонемой сын. Развернулись события, которые сам Герцен назвал семейной драмой. Тесная духовная близость с женой исчезла, между ними стал третий – немецкий поэтэмигрант Гервег. Драма закончилась смертью Натальи Александровны Герцен в 1852 г.

Герцен чувствовал себя человеком, случайно уцелевшим в кораблекрушении: ни родины, ни семьи, ни дела, ни надежд. Но воля и темперамент бойца взяли верх. Герцен поселился с детьми в Лондоне, основал вольную русскую типографию и начал в обстановке глухой реакции и, как говорил Ленин, «рабьего молчания» в России прямую революционную пропаганду, обращенную к русскому народу. Герцен искал и нашел связи с русскими ре-

волюционерами-разночинцами, которые приняли у передовых дворян эстафету борьбы против самодержавия. В 1855 г. Герцен основал альманах «Полярная звезда», а в 1857 г., вместе с Огаревым, «Колокол» – первую русскую революционную газету. Оба эти издания получили широкое распространение в России. Литературным пером и печатной машиной лондонской типографии Герцен и Огарев вместе с немногими помощниками держали в тревоге и страхе петербургский двор, помещиков, полицию. Честные люди, нередко очень далекие от революции, считали своим долгом помогать лондонским изгнанникам. У них появилось немало тайных корреспондентов, разными способами пересылавших в Лондон материалы, которые разоблачали царизм и крепостников.

В период реформы 1861 г. «Колокол» решительно выступал за освобождение крестьян с землей, разоблачал маневры крепостников, звал крестьян к протесту. Во время польского восстания 1863 г. Герцен спас честь русской демократии, твердо выступив против русского царизма. Но это лишило «Колокол» значительной части читателей в России, которые не были готовы пойти за Герценом столь далеко и не разделяли его интернационалистской позиции. Издание было перенесено в Женеву. В 1867 г. вышел последний номер «Колокола».

Живя и работая в Лондоне, Герцен оказался в центре многих европейских революционных течений, в постоянном общении с деятелями не только русской, но и французской, немецкой, итальянской, польской, венгерской эмиграции. В своих сочинениях он создал яркие портреты и дал глубокие характеристики многих замечательных людей своего времени – Бакунина и декабриста Орлова, Роберта Оуэна и Прудона, Луи Блана и Кошута, Гарибальди и Мадзини. Ни один биограф и исследователь не может писать об этих людях, не обращаясь к наследию Герцена.

Наименее близкими были связи Герцена с немецкой эмиграцией. Он изощрял свое перо талантливого сатирика, изображая мелкие дразги, свойственные ей в тот период. Герцен не выделял из этой среды Маркса, Энгельса и их соратников и оказался не в состоянии понять и оценить историческое значение марксизма. Характеризуя связи Герцена с революционной эмиграцией, Г. В. Плеханов писал: «Только с Марксом и его кружком (с «марксидами», по его выражению) у него, как нарочно, были дурные отношения. Это произошло вследствие целого ряда печальнейших недоразумений. Точно какая-то злая судьба препятствовала сближению с основателем научного социализма того русского публициста, который сам всеми своими силами стремился поставить социализм на научную основу»*.

* Плеханов Г. В. Герцен-эмигрант // Соч. Т. 23. С. 443.

Недоразумения и печальные совпадения действительно были. Например, Карл Фогт, против которого Маркс выступил с гневным памфлетом, был близким другом Герцена. Маркс несколько односторонне представлял себе позицию Герцена по вопросу об исторических судьбах России и славянства, считая его сторонником «панславизма».

Но были и более глубокие основы расхождений между ними. Герцен не верил в революционность западноевропейского пролетариата. Маркс, в свою очередь, не мог согласиться, что будущее социализма непременно связано с крестьянской общиной.

С конца 50-х гг. жизнь Герцена была связана с Н. А. Тучковой-Огаревой, ставшей его гражданской женой. Это принесло ему не только счастье, но и тяжкие переживания. Наталья Алексеевна не могла сблизиться с детьми от первого брака. Ее и Герцена дети-близнецы умерли почти одновременно в трехлетнем возрасте.

После закрытия русской вольной типографии ничто не удерживало Герцена в Англии, и он уехал на континент. Проведя два десятилетия в эмиграции, он все более терял связи с Россией, с новой демократической молодежью. Жизнь поставила Герцена перед трудной задачей поиска новых форм деятельности и борьбы. Но эту задачу Герцену не суждено было решить.

Идейное завещание

1869 год. Герцен ездит по Европе, разрываясь между больными и растущими в отчуждении от отца детьми, отбиваясь от клеветы и угроз, ища себе пристанища. Но, как всегда, он энергичен, полон планов, идей, интереса к жизни. То в Ницце, то в Брюсселе, то в Париже он пишет статьи-письма, которые увидели свет лишь после его смерти под заглавием «К старому товарищу». Старый товарищ – это Михаил Бакунин, русский революционер, один из основоположников анархизма, весьма склонный к политическому авантюризму.

Написанные со всем блеском публицистики, яркие по форме и глубокие по мысли, эти письма представляют собой своего рода идейное и политическое завещание Искандера. Один из мемуаристов рассказывает, что при жизни и с согласия Герцена он вел переговоры с Н. А. Некрасовым о печатании писем в журнале «Отечественные записки». Мыслилось, что публикация будет подписана псевдонимом. Однако Некрасов отказался, опасаясь, что из-за своеобразия герценовского слога автор будет немедленно узнан под любыми псевдонимами и это поставит журнал под удар властей*.

* См.: Герцен А. М. Собр. соч. Т. 20. Кн. 2. С. 850.

Две главные идеи пронизывают это великое произведение. Первая – идея экономической закономерности, исторической неизбежности и вместе с тем обреченности капитализма в Западной Европе. Впервые Герцен рассматривает роль рабочего класса как могильщика капитализма и требует тщательной подготовки социалистической революции. Вторая идея – защита гуманистического идеала социализма – идеала высшей человечности и созидания лучшего общества с использованием всех достижений прежней цивилизации.

Можно сказать, что в письмах «К старому товарищу» Герцен ближе всего подходит к научному социализму и высказывает, по-своему и с огромной оригинальностью, ряд мыслей, близких марксизму. Многие в этом сочинении сохраняют свое значение и в наши дни, особенно в свете борьбы современных марксистов против «левого» ревизионизма, псевдорадикального авантюризма, антигуманизма.

В письмах можно найти немало афоризмов и удачных выражений, например такие: «Это глупо, но пора с глупостью считаться как с громадной силой», «Великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей», «Как будто слово не есть дело. Как будто время слова может пройти».

Но дело не в этих находках. Герцен высказывает вполне актуальную и ныне мысль, что общественные перевороты лишь тогда прогрессивны, когда они опираются на реальные экономические факторы. Объективно обусловленная закономерность развития общества заключается в том, что царство капитала и безусловное право собственности приходит на смену феодализму и аристократии, но само в себе заключает неизбежность собственного конца. Социализм становится из фразы делом не потому, что кто-то этого хочет, а потому, что «современная монополия», т. е. капиталистическая форма собственности на средства производства, экономически изживает себя. Пока этот процесс еще не продвинулся достаточно, попытки свергнуть буржуазный мир обречены на неудачу.

До тех пор, пока проповедники социализма обращаются к совести, вере, справедливости, не опираясь на экономический фундамент, социализм остается фантазией, утопией. Нет, «твердыню собственности и капитала надобно потрясти расчетом, двойной бухгалтерией, ясным балансом дебета и кредита»*. Это значит: надо показать людям, что социализм обеспечит более высокую общественную производительность труда и более высокий уровень жизни, чем капитализм.

Герцен мудро предостерегает социалистов и революционеров против увлечения одной лишь военно-политической стороной дела, против пренебрежения экономической программой борьбы и революции. В этом он видит

* См.: Герцен А. И. Собр. соч. Т. 20. Кн. 2. С. 581.

главный порок революционеров 1848 г. и высказывает уверенность, что подобной ошибки рабочие Запада больше не повторят. Учитывая особую важность экономики в обществе, Герцен писал, что «экономические промахи, не косвенно, как политические, а прямо и глубже ведут к разорению, к застою, к голодной смерти»*.

О прозорливости и честности Герцена свидетельствует тот факт, что, во многом расходясь с Марксом, он вместе с тем признавал и предвидел великое значение возглавляемого им Интернационала. Как отметил В. И. Ленин, этим Герцен достойно увенчал свою деятельность революционера. «...Разрывая с

Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, – к тому Интернационалу, который начал «собрать полки» пролетариата...»** («Собрать полки» – это выражение Герцена. – А. А.) Герцен высоко ценил первые успехи рабочего движения в Западной Европе, подчеркивал необходимость долгой и упорной организационной работы. Деятели вроде Бакунина на это не были способны. «Тот, кто не хочет ждать и работать, тот идет по старой колее пророков и прорицателей, иере-сиархов, фанатиков и цеховых революционеров... А всякое дело, совершающееся при пособии элементов безумных, мистических, фантастических, в последних выводах своих непременно будет иметь и безумные результаты рядом с дельными»***.

В полемике с «леваками» своего времени Герцен отстаивал созидательные функции социалистической революции. Браться за разрушение старого мира, не имея четкой программы и реальных возможностей для созидания мира нового, – дело безумное и преступное. Строить новое надо не на пустом месте, не на пепелище, а на фундаменте достигнутого старой цивилизацией. Герцен выступал против утопических и вредных мечтаний анархизма о немедленной ликвидации государства. Задача заключается не в том, чтобы отменить, «распустить» его, и в том, чтобы взять государство в свои руки и использовать в интересах народных масс.

Гневно обрушился Герцен на бакунистов, говоря, что «они ушли от народа дальше, чем его заклятые враги... Оттого-то они и полагают возможным начать экономический переворот *stabularasa*****, с выжиганья дотла всего исторического поля, не догадываясь, что поле это с своими колосьями и плелами составляет всю непосредственную почву народа...»*****.

* См. там же. С. 576.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 257.

*** Герцен А. М. Собр. соч. Т. 20. Кн. 2. С. 582.

**** Буквально – чистая доска (лат.), пустое место. – Ред.

***** Герцен А. М. Собр. соч. Т. 20. Кн. 2. С. 589.

Эта позиция всеобщего разрушения закономерно ведет к отрицанию науки, культуры, гуманности. Наконец, Герцен поставил еще один величайший вопрос социалистической революции – вопрос о позиции массы мелких собственников, особенно крестьянства. Он предвидел, что этот класс, жестоко страдающий от капитализма, тем не менее окажется его упорным защитником. Предостерегая от поспешных и насильственных мер по экспроприации мелких собственников, Герцен писал, что только время, терпение, факты могут в конце концов убедить крестьян-собственников «в невыгоде беспрерывно крошащихся и дробимых участков и в выгоде сводного (коллективного. – А. А.) хозяйства, общинных запасшек». Иначе, продолжал он с гневной иронией, придется «начать водворение нового порядка – нового освобождения... избиением!.. Не начать ли новую жизнь с сохранения социального корпуса жандармов?»*.

Здесь единственный раз Герцен возвращается к своей любимой идее – о спасительной силе общинного владения в России. Но он только упоминает об этом, не развивая мысль в многочисленных вариантах, как он делал раньше. Не означает ли это, что Герцен приблизился здесь к пониманию принципиальной общности судеб развития Европы и России, единства законов общественной эволюции? Трудно ответить на этот вопрос.

Письма «К старому товарищу» оказались последним крупным произведением Герцена. Через полгода после написания последнего, четвертого письма, в январе 1870 г., он неожиданно умер в Париже. Похоронен Герцен в Ницце. Автор не забудет теплый майский день, когда, поднявшись на невысокий холм, на котором находится кладбище, он увидел среди буйной зелени и ярких цветов статую Искандера в человеческий рост на его надгробии...

Огромное литературное наследие и архив Герцена оказались раздробленными на несколько частей, которые попали в разные страны. Лишь сравнительно недавно завершена концентрация этих материалов в подлинниках и копиях в России, где продолжается их публикация.

Община и социализм

Центральной проблемой жизни и творчества Герцена была историческая общность и различность судеб России и Западной Европы. Какие-то грани этой проблемы отразились в творчестве русских мыслителей XVIII и начала XIX в. Но она приобрела новый и острый смысл, когда, с одной стороны, в Западной Европе укрепился капитализм и народились социалистические идеи, а с другой – в России назрел кризис феодально-крепостнического строя

* Герцен А. М. Собр. соч. Т. 20. Кн. 2. С. 584–585.

и встал вопрос о «выборе пути». Герцен с особой яркостью и неповторимым своеобразием показал, что вокруг проблемы «Россия и Запад» группируется весь круг вопросов будущего развития России и русского народа.

Нельзя не согласиться со словами А. Володина: «Русские мыслители самых разных мировоззрений, но объединенные общим беспокойством о будущем своей страны, проявляют именно в это время предельную активность в осмыслении проблемы «Россия и Запад». Амплитуда решений – громадная. Достаточно только перечислить имена некоторых мыслителей, чтобы понять, насколько разнообразен их ряд: Чаадаев... Гоголь... Белинский... Хомяков... Достоевский... Салтыков-Щедрин... Тютчев... Чернышевский... Писарев... Чичерин... В этом ряду Герцен – одна из важнейших фигур»*.

Хорошо известен принцип: идеи мыслителей прошлого надо рассматривать в свете исторических условий их деятельности, искать в этих идеях не то, чего эти мыслители не дали и объективно не могли дать, а то, что было ново и смело для своего времени. Герценовский крестьянский социализм сложился в 50-х гг., когда человек, чьи помыслы были устремлены к России, не мог видеть в жизни этой страны тех общественных сил, которые развились через несколько десятилетий.

Теперь-то нам ясно, что капиталистическое развитие России в тогдашних конкретных условиях было неизбежно, закономерно и прогрессивно. Это был единственно возможный путь к социализму. Но было бы нелепо требовать, чтобы так смотрел на дело Герцен в эпоху, когда еще страшной реальностью было крепостное право, а рабочего класса в сколько-нибудь «европейском» смысле вовсе не существовало. Гуманист и народолюбец, Герцен искал для России какой-то третий путь, который позволил бы ей освободиться от крепостничества и вместе с тем избежать капитализма и господства буржуазии.

В идейных спорах 40-х гг. Герцен выступал как один из вождей западников, которые, в противовес славянофилам, отстаивали прогрессивность вхождения России в «европейский мир». В 50-е гг. Герцен вроде бы меняет фронт: он говорит об особом пути и особом предназначении России. Его публицистика как бы переключается с прославленными строками Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

* Володин А. В поисках пути в будущее. Лейтмотив идейного творчества А. И. Герцена // Коммунист. 1985. № 9. С. 71. Автор, несомненно, согласится с тем, что его список можно расширить.

Но в главном Герцен был далек от тютчевского «поэтического» славянофильства и еще дальше – от воспевания старины и отсталости, чем занимались официальные монархические славянофилы.

Он видел особое призвание России в том, чтобы соединить западные идеи социализма с народными основами русской крестьянской общины и показать миру возможность нового общественного строя без эксплуатации человека человеком. «Идея социальной революции – идея европейская. Из этого не следует, что именно западные народы более способны ее осуществить»*. Так писал Герцен в 1854 г.

Залогом русской социальной революции он считал крестьянскую общину, отсутствие развитой частной собственности крестьян на землю, традиции коллективизма, взаимопомощи, артельности в русском народе. Эти национальные особенности он видел и в рабочих, ремесленных артелях. Русских рабочих по психологическому складу он считал теми же крестьянами и полагал, что они принципиально отличны от западноевропейских. На стихийный общинный социализм (в других местах он употребляет понятие «коммунизм») возлагал Герцен свои надежды, противопоставляя его как крепостничеству, так и капитализму.

Община испокон веков существовала в русской деревне, однако до 40-х гг. XIX в. несколько загадочным образом почти не привлекала внимания ученых и писателей. Может быть, потому, что она была чем-то абсолютно органическим, очевидным и потому незаметным.

Своеобразная честь привлечь к общине внимание русских выпала прусскому социологу и этнографу Августу Гакстгаузену, который с благословения и с помощью царского правительства совершил в 1843 г. большое путешествие по России, итогом которого явился изданный в Германии трехтомный труд «Исследование внутреннего состояния, народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (1847–1852 гг.)**. Здесь-то Гакстгаузен и «открыл» общину, объявив ее в высшей степени благотворным учреждением, которое способствует сохранению «добрых» патриархальных отношений между крестьянами, помещиками и правительством. Впрочем, несмотря на сугубый монархизм автора, третий том труда Гакстгаузена, трактующий вопрос об общине, был все же допущен в Россию без права перевода на русский язык.

* Герцен А. М. Старый мир и Россия // Собр. соч. Т. 12. С. 168.

** Труд Гакстгаузена опубликован в России в 70-х годах XIX в. Вопрос об оригинальности его взглядов и степени влияния на него русских славянофилов дебатировался в литературе. См.: Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков. Гл. 4; Дружинин Н. М. Крестьянская община в оценке Гакстгаузена и его русских современников // Ежегодник германской истории. 1968. М., 1969.

Книга Гакстгаузена пришла в России ко времени, чем и объясняется ее необыкновенный общественный резонанс. Реакционные круги, вплоть до правых славянофилов, стремились использовать его «открытие» для увековечения «патриархальных» крепостнических отношений. Герцен и другие революционные демократы, критикуя монархизм и замаскированное крепостничество автора, хотели видеть, независимо от этого, в русской общине прообраз ячейки социализма. Во второй половине XIX в. сельская община оказалась в центре дискуссий по вопросам общественного развития России.

Общине были присущи элементы демократии, порой защищавшие крестьянскую массу как от произвола помещиков и правительства, так и от нарождавшихся кулаков-мироедов. Но в конкретных условиях перед реформенной и пореформенной России община могла стать и стала преимущественно учреждением, в котором воплотились не социалистические, а феодально-крепостнические отношения. Прогрессивным во второй половине века могло быть только капиталистическое развитие, а этому-то развитию община мешала, прикрепляя крестьянина к земле, препятствуя переливу рабочей силы в промыслы, увековечивая сословную замкнутость, косность, забитость крестьянских масс.

Герцен не мог не видеть многие проявления тенденций капиталистического развития России. Любопытно, что он иногда называл обуржуазивание дворянства, соединение феодальной эксплуатации крестьян с капиталистической «распространением начал политической экономии». Для Герцена политическая экономия его времени ассоциировалась с именами Мальтуса и Сэя и представлялась антигуманной наукой об обогащении немногих за счет многих, о способах эксплуатации труда капиталом.

Внедрение «принципов политической экономии» в России он считал гибельным для народа и надеялся, что ему будет противостоять община, поскольку «ее экономический принцип – полная противоположность... положению Мальтуса*: она предоставляет каждому без исключения место за своим сто-лом**». Жестокому, антигуманному капитализму Герцен стремился противопоставить патриархальную гуманность русского сельского «мира», где все бедны, но с голоду человек не умрет, если у соседей есть чем поделиться с ним.

Герцен бесчисленное число раз объяснял, что он понимает под русским социализмом. В одном из самых ярких мест он говорит: «Мы *русским социализмом* называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общин-

* Герцен имеет в виду печально знаменитое высказывание Мальтуса в первом издании его «Опыта о законе народонаселения» о лишних людях, для которых нет места «на великом жизненном пиру».

** Герцен А. М. Россия // Собр. соч. Т. 6. С. 200.

ного владения и общинного управления, – и идет вместе с работницей артелью навстречу той экономической *справедливости*, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука»*. В этой статье Герцен в нескольких ярких фразах показывает пути зарождения и формирования социалистических идей в России и место в этом процессе Чернышевского, который тогда был уже в Сибири, на каторге.

Из цитаты видно, что Герцен считал важнейшим «социалистическим» элементом общины отсутствие безусловной частной собственности на землю (постоянный передел земли в общине по размерам семьи). К сельской общине он присоединяет и промысловую артель. Наконец, он указывает, что принципы социализма подтверждаются наукой, но, конечно же, не буржуазной политической экономией его времени. Какую именно науку имел здесь в виду Герцен, мы не знаем. Теория, которая действительно стремилась соединить науку с социализмом, уже существовала, но Герцен не мог принять ее основных положений.

Николай Огарев

Дружба Герцена и Огарева может и должна служить высоким образцом для нашего юношества. Единство взглядов и убеждений, честность, готовность всегда быть рядом с другом в самые трудные минуты, большая человеческая теплота связывали этих двух прекрасных людей всю жизнь.

Огарев, революционер-практик, публицист и просветитель, не написал экономических трактатов, но в его статьях и письмах, отражающих глубокую эрудицию автора, мы находим примеры блестящего анализа хозяйственных явлений. Обдумывая в конце 50-х гг. проект тайного революционного общества в России, Огарев ставил перед ним как главную задачу уничтожение крепостного состояния. Но любопытно, что, подобно декабристам – учредителям Союза благоденствия, он намечал для тайного общества программу широкого просветительства и пропаганды и при этом особый упор делал на экономические знания. Изучению и, очевидно, использованию в целях тайного общества подлежали, например, такие вопросы: «Значение капиталов в России, их количество, ценность, оборот. Отношение к массам потребителей и производителей. Будущность капитала и труда в России при освобождении крепостных людей, преобразовании чиновничества и системы налогов. Отношение земельной собственности к капиталу. Отношение денежного капитала к иным движимым и недвижимым имуществам»**.

* Герцен А. М. Порядок торжествует! // Собр. соч. Т. 19. С. 193.

** Огарев Н. П. Русские вопросы. Статья третья. Крестьянская община // Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. Т. 1. С. 169.

Николай Платонович Огарев происходил из богатой дворянской семьи и получил в наследство имения с 4 тыс. душ крепостных. Преодолев юридические препоны и ненависть соседей-помещиков, Огарев освободил за небольшую выкупную сумму крестьян своего самого крупного имения в Рязанской губернии. В 1856 г. он уехал за границу и присоединился к Герцену, став совместно с ним издателем свободной русской печати в Лондоне. Огарев пережил своего друга и умер в эмиграции в 1877 г.

В произведениях Огарева учение Герцена о крестьянской общине как основе социалистического преобразования России получает дальнейшее развитие. До реформы 1861 г. он считал мирный эволюционный путь вполне возможным. Но реформа и подъем крестьянского движения в стране развеяли сохранявшиеся у него иллюзии и усилили революционное начало взглядов Огарева. Он перешел на позицию полной ликвидации помещичьего землевладения (а это могло быть осуществлено только революционным путем!) и превращения общинной собственности в единственную форму владения землей. В тех районах, где общинная система отсутствовала, Огарев намечал постепенное внедрение общинных начал путем ограничения права наследования земельных участков и других мер. Помещиков предлагалось уравнивать в правах с крестьянами, предоставив им пай в общине «по тяглому расчету», т. е. по численности семьи.

Как другие теоретики раннего социализма, Огарев не мог обойти вопрос об экономической эффективности общинного хозяйства. Он отказывался признавать логику тех «западников-прогрессистов» (вроде известного нам И. В. Вернадского), согласно которым относительно высокая производительность земледелия в Западной Европе исторически оправдывает ликвидацию общинной системы и утверждение капиталистического хозяйства. Приведем соответствующее место из его статьи, написанной в 1858 г.: «...Мы не должны забывать, что земледелие существует для человека, а не человек для земледелия, и что нам нечего прибегать к формам землевладения, истощившим Европу (т. е. капиталистическим. – А. А.), только для того, чтоб улучшить наше земледелие. Нам не приходится поставить как догмат: уничтожимте общинное начало, чтоб улучшить земледелие; нам надо поставить вопрос: каким образом при общинном начале улучшить земледелие? С этим вопросом мы действительно пойдем по пути развития нашей цивилизации». Выдвинутый Огаревым вопрос имеет историческое значение и в известном смысле не потерял своего значения и поныне: как реально использовать потенциал более высокой эффективности, заключенный в коллективном хозяйстве?

Вопросы экономической теории всегда интересовали Огарева. В. М. Штейн пишет: «Огарев был большим знатоком и любителем современной ему экономической литературы. Он с увлечением «охотился» подчас

за тем или иным сочинением, в котором надеялся найти новую мысль». Это было даже «своеобразное гурманство в области экономической теории»*.

В последние десятилетия, когда во всех областях экономики интенсивно внедряются математические методы исследований, внимание ученых привлекает творчество талантливого француза Огюстена Курно, чья работа, опубликованная еще в 1838 г., является одним из первых опытов. Огарев знал работы Курно и высказывался об его идеях чрезвычайно интересно. В 60-х гг. он ознакомился с философско-математической работой Курно и написал для себя краткие замечания о ней. Вероятно, под впечатлением этого чтения он просит Герцена в феврале 1865 г. привезти ему книгу Курно, в которой содержится «приложение математики к политической экономии». «Этого мне нельзя не знать», – отмечает Огарев**.

Известно высказывание К. Маркса о том, что наука тогда лишь достигает совершенства, когда ей удастся использовать математику. Замечательно, что в схожей форме Огарев высказал ту же мысль, имея в виду конкретно экономическую науку***. Отсюда понятен его интерес к Курно. Однако попытка Курно применить к экономическим явлениям методы дифференциального исчисления вызвала у Огарева возражения, о которых он сообщил Герцену в письме от 5 мая 1866 г. Применение этих методов допустимо тогда, когда функции являются непрерывными. Огарев считал подобное допущение для экономической сферы необоснованным. Непрерывность функций присуща природе, общественные же явления, выражаясь современным языком, по своему характеру дискретны. Огарев говорил, что в общественной жизни явления существуют «в законченных группах», в виде «целых величин». Оценивая идеи Курно, он писал, что «тут вводится формализм, который куда бы ни вышел, им можно все подтвердить, что хочется...»****.

Не беря на себя смелость судить, кто прав в этом споре – Курно или Огарев, тем не менее можем смело утверждать, что заочная дискуссия представляет удивительный факт в истории науки. Поставленный Огаревым вопрос сохраняет свое значение в экономической теории. Можно не сомневаться, что московским и петербургским профессорам его времени такие проблемы и не снились.

* Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков. С. 179.

** Литературное наследство. М., 1941. Т. 39–40. С. 402. Речь, безусловно, идет об упомянутой книге 1838 г., озаглавленной «Исследование математических принципов теории богатств».

*** За пять лет (1855–1860 гг.). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева. Лондон, 1861. С. 85–86.

**** Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. 2. С. 512.

16. ЭКОНОМИКА РОССИИ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА (1900–1917 ГГ.)

16.1. Особенности империализма в России

С конца XIX в., т. е. несколько позже, чем в передовых странах, российский капитализм начинает переходить на стадию империализма. Как и в других странах, империализм в России имел свои особенности. Исходя из этих особенностей его принято относить к типу «военно-феодального».

Феодального – потому что и в этот период в стране сохранялись существенные пережитки феодализма. Пожалуй, главным из этих пережитков было царское самодержавие, государственный строй типа восточной деспотии. Само слово «самодержавие» означало, что царь, император, не подчиняется никому, в том числе закону, а его воля является законом для подданных. Императору принадлежали верховные права в законодательстве, в управлении страной, верховное командование армией и флотом.

В России сохранялся свойственный феодализму сословный строй. Крестьянин, который уже не занимался сельским хозяйством, а являлся промышленным рабочим, юридически числился по-прежнему крестьянином, а разорившийся дворянин оставался дворянином.

Высшим, благородным сословием по-прежнему считалось дворянство. Экономика России была уже капиталистической, но капиталисты считались людьми второго сорта. Царское правительство выражало интересы именно дворянства, сословия бывших феодалов, и из дворян состояли органы государственной власти. Буржуазия, экономически господствовавшая в стране, политической власти не имела и находилась в оппозиции к правительству.

Эта оппозиционность буржуазии и архаизм государственного устройства России выражались в оппозиционности царизму русского общества. Среди образованных людей считалось нормой хорошего тона проявлять солидарность с революционерами, а солидарность с царизмом в его действиях против революционеров считалась дурным тоном.

К числу феодальных пережитков принято относить (и даже обычно в первую очередь) и помещичье землевладение. Но его удельный вес был значительно меньше, чем в Англии, где основная часть земли оставалась в собственности лендлордов, или в Германии, где основными землевладельца-

ми оставались юнкера. Однако империализм Англии или Германии мы не называем феодальным.

Российский империализм принято называть не просто феодальным, а военно-феодальным, потому что государство по-прежнему занимало господствующее положение в хозяйстве страны. Министр финансов С. Ю. Витте писал: «Изящные искусства, литература, наука, промышленность – все это у нас в России состоит на государственной службе, если не целиком, то в значительной своей части» [5, с. 61].

В отличие от стран Запада в России был большой государственный сектор хозяйства, в состав которого входили Российский государственный банк, 2/3 железных дорог, огромный земельный фонд, в том числе 60% лесов, военная промышленность и многие промышленные предприятия в других отраслях.

Конечно, казенное предпринимательство в определенной степени определялось военными задачами. Государственные деятели не были уверены, что российская буржуазия может обеспечить своевременное перевооружение армии и флота и поэтому предпочитали держать военную промышленность в руках государства. «Государству... может угрожать опасность остаться совсем без флота, – писал сенатор Нейдгарт, – и притом именно в то время, когда оно будет в нем особенно нуждаться» [18, с. 37].

Однако военная промышленность составляла лишь небольшую часть государственного хозяйства. Казенное предпринимательство, господствующие позиции государства в хозяйстве страны были характерной особенностью экономики России на протяжении всей истории. Поэтому правильней называть российский империализм не военно-феодальным, а государственно-феодальным.

Теперь главным инструментом государственного регулирования экономики стал Российский государственный банк, которому были подчинены все остальные банки не только в финансовом, но и в административном отношении, а через банки осуществлялся контроль и за всем хозяйством страны. Таким образом, от грубых административных методов хозяйственного регулирования при Петре I государство постепенно переходило к все более сложным методам регулирования через систему финансов.

Принято считать, что государству в начале XX в. принадлежало 2/3 железных дорог. Но это были лишь железные дороги, которые находились уже в полной собственности государства. Строительство остальных дорог сдавалось в концессии частным компаниям, финансировалось в значительной степени государством, и по истечении срока концессии эти дороги тоже переходили в распоряжение государства.

Часть промышленности оставалась собственностью государства. Государственные предприятия оставались вне сферы рыночных отношений. По-

скольку казенные заводы «не являлись коммерческими учреждениями», что подчеркивалось в официальных документах, цены на их продукцию, как и прежде, назначались сверху, по принципу «затратной экономики». Сначала определялась себестоимость, которая выводилась из суммы производственных затрат. Затем, согласно «Положению об управлению казенными заводами», к себестоимости добавлялось 15% на прибыль, а 10% этой прибыли шло на премии заводской администрации. Чем больше были затраты, тем выше оказывалась прибыль, увеличивая тем самым премии. В действительности казенные заводы были, как правило, убыточными. Вместо амортизации основных фондов на этих заводах стоимость ремонта добавлялась к первоначальной стоимости оборудования. В результате чем старше было оборудование, тем оно становилось дороже.

Однако позиции государства в промышленности не ограничивались государственным сектором. Инструментом государственного регулирования были и государственные заказы. Такие заказы давали почти все ведомства, начиная с Министерства путей сообщения и кончая Морским министерством. Так, все заводы, обслуживавшие железные дороги (рельсопрокатные, паровозостроительные, вагоностроительные), подчинялись государственно-му Комитету по распределению заказов.

Еще одним направлением государственного воздействия были казенные монополии и акцизы, которые в совокупности давали около половины государственного дохода. Сохранялась казенная питейная монополия, а это значит, что объем винокуренного производства и цены на его продукцию устанавливались государством. Действовали акцизы на сахар и табак, т. е. производство этих продуктов облагалось особым налогом, а потому находилось под контролем государства. Так, поскольку производство сахара оказалось в сфере государственных интересов, в 1895 г. была введена «сахарная нормировка»: государство устанавливало каждому предприятию норму производства сахара и проводило определенную политику в области цен.

Итак, одна часть промышленности находилась в собственности государства, другая часть в той или иной степени подлежала государственному регулированию. Но обе эти части оставались практически вне сферы рыночных отношений.

Государственное предпринимательство, вмешательство государства в хозяйственную жизнь, «казенно-парниковое воспитание промышленности» (по выражению В. О. Ключевского) ослабляли российскую буржуазию. Она привыкла надеяться не столько на собственные силы, сколько на помощь государства. Высокие покровительственные пошлины защищали ее от конкуренции с капиталистами других стран, казенные заказы были надежным источником доходов. Если предприятие оказывалось на грани банкротства,

его хозяева прежде всего обращались за помощью к правительству. Не имея опыта управления страной, буржуазия и в этом привыкла опираться на правительство. Естественно, что оппозиционность буржуазии в этих условиях была весьма слабой. Поэтому, оказавшись в феврале 1917 г. у власти, она растерялась и не смогла установить буржуазный государственный порядок.

Буржуазия не смогла освоить колонии, если считать колониями национальные окраины России, не сумела заполнить их рынки своими товарами, подавляя местное производство, как это делала, например, английская буржуазия. Русский капитализм успешно втягивал народы окраин в рыночные отношения, давал начальный толчок развитию капитализма у этих народов. А когда там рождался свой капитализм, окраина подчас начинала развиваться быстрее русских губерний. Так получилось с Закавказьем, которое из аграрной отсталой окраины превратилось в промышленный регион.

Западные окраины (Польша, Прибалтика, Финляндия) не только не стали колониями, но даже использовали Россию как источник сырья и рынок сбыта. Дело в том, что законами Российской империи национальным окраинам предоставлялись определенные льготы по сравнению с русскими губерниями.

16.2. Буржуазия и государство

Отношение буржуазии к государственному предпринимательству и административному воздействию на хозяйство страны было двойственным. С одной стороны, буржуазия была недовольна ограничением сферы своей деятельности и казенной регламентацией. В резолюции торгово-промышленного съезда 1913 г., представлявшего широкий круг предпринимателей, отмечалось, что «развитие частной предприимчивости парализуется все более и более расширяющимся казенным предпринимательством». «Правительство быстро идет к осуществлению государственного капитализма», – утверждал журнал «Промышленность и торговля» [10, с. 88]. Впрочем, государственное вмешательство в экономическую жизнь буржуазная пресса часто называла и по-другому – «системой государственного социализма».

Буржуазия отчетливо видела неэффективность казенного хозяйства. В буржуазных представительных органах выдвигались предложения приспособить казенное хозяйство к рыночным отношениям. Например, Совет съездов представителей промышленности и торговли предлагал казенные заводы преобразовать в экономически самостоятельные предприятия: выделить им из казны определенные капиталы, после чего прекратить финансирование, чтобы в дальнейшем они действовали по образцу частных.

С другой стороны, государственная хозяйственная деятельность была для предпринимателей источником дополнительного, а для многих – и основного дохода. Связи административной системы государства с частными интересами неизбежно порождали коррупцию и приносили ущерб народному хозяйству и самому государству. Если государство устанавливало цены, выводя целые отрасли из рыночной сферы, о чем уже говорилось, то нужно учитывать, что эти цены устанавливались соглашением государственных чиновников с промышленниками. И поскольку заинтересованной стороной были промышленники, прибыль которых зависела от уровня цен, а убытки государства не отражались на жалованье чиновников, результаты такого соглашения оказывались выгодными промышленникам, но не государству. Так, тесные связи между промышленниками и чиновниками породились железнодорожными заказами. Под давлением промышленников Комитет по распределению заказов устанавливал цены на рельсы намного выше, чем они были за границей, так что прибыль заводчиков составляла около 60% на капитал. Благодаря этому заводчики могли изготовленные сверх госзаказа рельсы продавать за границу по пониженным ценам, а также сбывать другие сорта металла по относительно низким ценам.

Этот же Комитет распределял заказы на паровозы и вагоны и устанавливал цены на эту продукцию. Но при этом он действовал по соглашению с Советом представителей паровозостроительных заводов. Более того, при распределении заказов использовался аппарат этого Совета, который практически являлся синдикатом. Эти две организации, Совет и Комитет, были слиты настолько, что трудно было определить, где кончается государство и начинается объединение частных предпринимателей.

Примером использования государственной регламентации в частных интересах может служить и упомянутая «сахарная нормировка». Государство действовало в контакте с Всероссийским обществом сахарозаводчиков (т. е. замаскированным синдикатом производителей сахара), и условия нормировки разрабатывались практически именно этим обществом. Нормировка позволяла ограничивать продажу сахара на внутреннем рынке и, соответственно, повышать цены. Так что, по заявлению депутатов Государственной Думы, «население, особенно бедное, наслаждалось сахаром больше через глаза, чем ртом» [10, с. 106]. В результате прибыль сахарозаводчиков доходила до 50% на капитал.

Высокие прибыли обеспечивали высокий акциз, так что и казна не оставалась в накладе. А излишек сахара, произведенный сверх нормы, заводчик мог по демпинговой цене продать за границу. В результате российский сахар в Лондоне стоил втрое дешевле, чем дома.

Но особенно тесные связи между государством и промышленной буржуазией наблюдались при производстве вооружения. Например, весь руководящий состав Морского министерства одновременно занимал высокооплачиваемые должности в кораблестроительных компаниях. Чтобы получить заказ на строительство линкора, общество «Руссуд» поручило разработку его проекта министерским инженерам, которые и должны были его принимать. Казна же от такого сотрудничества министерских деятелей с промышленными компаниями терпела огромные убытки. России пушки, снаряды, линкоры, ружья обходились вдвое дороже, чем другим государствам.

Казалось, так не могло быть, потому что государство имело собственные военные заводы. Но, давая заказ казенным предприятиям, чиновники ничего не получали. Поэтому, например, казенный Мотовилихинский артиллерийский завод постоянно работал с недогрузкой. Ему поручалась разработка новых артиллерийских систем, а массовые заказы на эти системы получал Путиловский завод. Очевидно, здесь сказывалось и то, что Путиловский завод входил в состав финансовой группы Русско-Азиатского банка, а между этим банком и главным артиллерийским управлением существовали тесные связи.

Феодальный характер российского империализма и особая роль государства в экономике выражались в слиянии буржуазии, дворянства и чиновников в единый слой предпринимателей.

Третью часть предпринимательской элиты, т. е. слоя крупнейших предпринимателей, составляли потомственные дворяне. Используя свои привилегии, они активно включались в предпринимательскую деятельность. Князь Волконский, Долгорукий, Щербатов стали директорами акционерных компаний. Престиж компании намного повышался, когда во главе ее стояли представители высшей знати. Половина дворянства теперь существовала на доходы с ценных бумаг. Стремительное сокращение помещичьего землевладения после ликвидации крепостного права, массовая продажа помещичьих имений далеко не всегда означали разорение помещиков. Избавившись от имени, требующего хозяйственных забот, помещики инвестировали вырученные деньги вместе с выкупом за освобождение крестьян в акции промышленных компаний.

Другую треть крупнейших предпринимателей составляли чиновники. Директора Государственного банка, Департамента торговли и мануфактур, Горного департамента и других высших государственных учреждений состояли в правлениях крупнейших компаний и коммерческих банков. С другой стороны, за достижения в хозяйственной деятельности и особенно за благотворительность государство награждало крупнейших предпринимателей чинами и званиями. Число чиновников высших классов втрое превышало

число должностей, которые они могли занимать. Доходов такие чиновные звания без должностей не давали, но повышали престиж и личное дворянство.

И только третью часть предпринимательской элиты составляли не дворяне и не чиновники. Если прежде слова «купец» и «предприниматель» были почти синонимами, то теперь они составляли меньше трети предпринимателей [5].

В Западной Европе буржуазия была лидером буржуазных революций. Она выдвигала демократические лозунги, вела за собой массы и в результате приходила к власти. В буржуазных революциях она выступала инициатором и руководителем. Русская буржуазия, конечно, была в оппозиции к царизму, поскольку была отстранена от управления страной. Царское правительство было правительством дворян. Однако оппозиционность буржуазии не могла быть серьезной, поскольку правительство для нее было источником экономических благ. Поэтому в революции 1905–1907 гг. она не играла руководящей роли. Она лишь поддерживала революцию, помогала материально подпольным революционным организациям. Буржуазные органы высказывались за конституцию, против произвола властей. В ходе политических забастовок 1905 г. промышленники по взаимному соглашению продолжали платить бастующим рабочим заработную плату.

Но поскольку буржуазия лишь поддерживала революцию, функции ее вождя приняли на себя левые партии, которые направляли рабочее движение уже не только против царизма, но и против самой буржуазии.

Буржуазии не удалось организовать достаточно сильную политическую партию. Партия прогрессистов («Прогрессивная партия»), во главе которой стоял П. П. Рябушинский, была слишком малочисленной и слабой. Часть предпринимателей тяготела к октябристам, но эта партия была скорее помещичьей, чем буржуазной. Кадеты тоже не вполне отражали интересы буржуазии: это была партия интеллигенции.

И в Государственной Думе буржуазия оказалась в меньшинстве. В первой Думе промышленники и торговцы составляли 5,8%. Принято считать, что в результате революции с образованием Думы буржуазия была допущена к власти, что с этого времени власть в стране принадлежала двум классам – помещикам и буржуазии. Факты этого не подтверждают.

Как и прежде, буржуазия проявляла активность преимущественно в сфере экономики и создавала не политические, а экономические организации. Пожалуй, главной из таких организаций, возникшей в результате революции 1905–1907 гг., стал Совет съездов представителей промышленности и торговли, который действительно состоял из людей, выдвинутых отраслевыми съездами буржуазии. В журнале этой организации «Промышленность и тор-

говля» была дана ее программа: «Из новой организации совершенно устранен политический элемент. Наш удел – ... вопросы скорейшего подъема производительных сил России, а не бесконечные политические споры» [3, с. 247].

После 1909 г. буржуазия снова начинает выступать против произвола правительства. В 1911 г. на совещании в доме П. П. Рябушинского было принято такое решение: «С забастовочной волной – протестом против расстрела ленских рабочих не только нельзя бороться, но, напротив, ее следует морально поддержать... Выступив с забастовками – протестом, рабочие исполнили свой гражданский долг, и такой же гражданский долг промышленников, чуждых реакции и стоящих за либеральные реформы, оказать известную поддержку рабочим. Поддержка эта должна выразиться в том, чтобы не делать вычетов за прогульное время» [7, с. 191].

Реакционная печать в это время противопоставляет «истинно русских» старых купцов нынешним. «Московские купчики удивительно обнаглели», – писал один из корреспондентов этой прессы.

16.3. Синдикаты. «Прогамет» и «Кровля»

Толчком, который ускорил образование монополий и переход к империализму в России, стал мировой экономический кризис 1900–1903 гг. Правда, в России он был не таким уж сильным. Обанкротилось более 4 тыс. предприятий, но общего спада не было. За годы кризиса промышленное производство выросло на 11%. Тяжелая промышленность (группа А) сократила выпуск продукции на 10%, зато легкая (группа Б) увеличила его на 22%. Спад тяжелой промышленности был вызван сокращением железнодорожных заказов.

Дело в том, что предшествовавший кризису подъем 90-х гг. стимулировали именно железнодорожные заказы, строительство Великой сибирской магистрали. Иногда акционерные компании создавались только для получения такого заказа, без расчета на продолжение производства, когда заказ будет выполнен. С завершением строительства магистрали казенные заказы резко сократились.

Дополнительным фактором стал дефицит капиталов. В период кризиса промышленники Запада стали оттягивать капиталы из России: дома эти капиталы были нужнее. Банки в России закрыли кредит, поставив промышленников в тяжелые условия сбыта. Машиностроительные заводы без кредита не могли покупать металл, металлургические – кокс и руду. Продукция лежала на складах, заводы останавливались не только потому, что не могли

продать продукцию, но и потому, что не могли купить сырье и топливо для продолжения производства.

Во время кризиса промышленники каждой отрасли стали собираться на съезды для выработки мер по преодолению кризиса. И среди многих рецептов такого преодоления с особой любовью обсуждался такой: надо объединить сбыт продукции, создать общие сбытовые организации, т. е. объединиться в синдикаты. Это даст возможность контролировать рынок, регулировать цены, не допуская, чтобы рынок был переполнен товарами, а цены упали, – тогда и кризиса не будет, и можно будет повысить цены.

Российские монополии и стали возникать в основном в форме синдикатов. Синдикат – низшая форма монополий, он объединяет не производство, а только сбыт продукции. Промышленники создают общую сбытовую организацию, чем ставят рынок под контроль.

Тому, что российские монополии возникали именно в форме синдикатов, способствовали покровительственные пошлины, которыми был защищен русский рынок. Цены на импортные товары здесь были повышенными, что позволяло повысить цены и на русские товары. В Англии, например, синдикаты не образовывались, потому что рынок Англии тогда был открытым. Если бы английские фабриканты объединились в синдикат и повысили цены, покупатели их продукции перешли бы на более дешевые импортные товары.

Образованию синдикатов способствовали и казенные заказы. Правительство устраивало конкурс и давало заказ той фирме, которая назначала самую низкую цену на свои изделия. Чтобы не сбивать друг другу цены, промышленники договаривались между собой, и конкурс становился фикцией.

Кроме того, синдикат образовывался легче, чем трест. Достаточно было промышленникам собраться и договориться: внутри синдиката они оставались хозяевами своих предприятий. А трест возникает в ходе длительной конкурентной борьбы, когда одна фирма разоряет своих соперников. И так, в 1902–1904 гг. родились наиболее известные синдикаты: «Продамет» (продажа металлов), «Продуголь», «Продвагон», «Кровля». А к 1909 г. синдикаты объединяли основную часть предприятий в ведущих отраслях промышленности.

Устройство и действия синдикатов мы рассмотрим на примере синдиката «Продамет», который объединял металлургические заводы Юга России. Синдикаты были запрещены законами, поэтому они создавались в замаскированной форме. «Продамет» формально считался торговым акционерным обществом по продаже металлов. Это значило, что его акции должны были продаваться на бирже и приносить дивиденды. Но они не продавались, а распределялись между металлургическими фирмами – основателями синдиката.

та, и дивидендов не давали. Выгодность участия в синдикате определялась не дивидендами, а возможностью сбывать продукцию по монопольным ценам. Синдикат старался захватить все заказы на металл и распределял эти заказы между своими членами. Поскольку заводы Юга находились в руках франко-бельгийского капитала, в «Продаме-те» господствовали иностранцы, и даже председателем синдиката был представитель французских банков.

Чтобы повысить цены на продукцию, создать дефицит, «Продамет» закрыл ряд металлургических заводов, входящих в его состав. Хозяевам закрытых заводов обеспечивалась нормальная прибыль, т. е. прибыль от продажи металлов делилась между всеми членами синдиката, в том числе и теми, чья продукция не продавалась.

Но здесь мы снова должны обратиться к конкуренции Юга и Урала. На Урале тоже возник синдикат, который назывался «Кровля», потому что он в основном объединял сбыт кровельного железа. Возникла «Кровля» позже, для защиты от наступления «Продамета». Однако просуществовала «Кровля» недолго и потерпела поражение в конкурентной борьбе.

Мы отмечали, что первоначально прямой конкуренции между Югом и Уралом не было, потому что они выпускали разную продукцию. Но закончилось строительство Сибирской магистрали, и заказы на рельсы сократились. Тогда заводы Юга стали переключаться на продукцию «народного спроса», которая составляла специализацию Урала, цены на эти сорта упали, и именно уральские заводы стали терпеть убытки. «Продамет», чтобы потеснить «Кровлю», продавал свои металлы на Урале на 20–25% дешевле, чем на месте его производства.

«Кровля» успешно действовала в 1906–1907 гг. Но в 1908 г. она выпустила только 47% российского кровельного железа, т. е. перестала быть монополией и превратилась в простую торговую контору.

Подобными «Продамету» были и другие синдикаты, например «Продуголь», который объединял угольщиков Донбасса. Этот синдикат также находился в руках франко-бельгийского капитала, причем даже правление синдиката находилось не в России, а в Париже.

16.4. Рождение трестов

Итак, среди российских монополий преобладали синдикаты, но рождались здесь и монополии высшего типа – тресты и концерны. Такие объединения возникли, например, на базе хлопчатобумажной промышленности – корпорации Рябушинского и Второва.

Почему в хлопчатобумажной промышленности сразу возникли монополии высшего типа? Потому что образованию синдикатов здесь препятствовал разрозненный сбыт. В металлургической или угольной промышленности, где было всего несколько оптовых покупателей – заказчиков (казна, машиностроительные заводы и т. п.) и фирм-производителей тоже были единицы, и договориться и создать общую сбытовую организацию было нетрудно. Однако создать торговую сеть по всей стране с отделениями в каждом городе было невозможно. Поэтому, объединяясь для сбыта продукции, текстильные фабриканты предпочитали стадию картеля: договаривались о ценах, но общей сбытовой организации не создавали.

В советской литературе Рябушинский фигурирует как крайний реакционер, который угрожал «костлявой рукой голода» задушить революцию. В действительности отношение Павла Павловича Рябушинского к революционной борьбе было несколько иным. Ведь хлопчатобумажные фабриканты, лидером которых он был, являлись наиболее оппозиционной царизму частью русской буржуазии. Хлопчатобумажная промышленность не работала на казну, а, следовательно, была в наименьшей степени зависима от власти. Она обслуживала широкий народный рынок, следовательно, была заинтересована, чтобы мужик имел деньги для покупки ситца. И преобладали в ее среде выходцы из тех же мужиков – Рябушинские, Морозовы, Гучковы. Именно поэтому Рябушинский возглавил буржуазную партию прогрессистов, именно поэтому он отчетливее других видел опасность со стороны крайне левых – опасность хаоса.

Рябушинские были из крестьян Калужской губернии. Уже в середине XIX в. они владели несколькими хлопчатобумажными фабриками, а затем создали крупное объединение – «Товарищество хлопчатобумажных мануфактур». В 1902 г. они основали банкирский дом, который позже стал называться Московским банком. Этот банк возглавил объединение Рябушинских, поэтому в прессе его называли «концерном Московского банка». Однако объединение промышленных фирм во главе с банком правильнее называть финансовой группой.

Что входило в ее состав? Дополнительно к собственно хлопчатобумажному производству Рябушинские организовали заготовку среднеазиатского хлопка и снабжение им московских фабрик. Затем они внедрились в льняную промышленность. Вместе с Третьяковым (из семьи основателя Третьяковской галереи) они учредили РАЛО – Русское акционерное общество по заготовке, обработке и торговле льном. Кроме того, в состав группы предприятий Рябушинских входили целлюлозные и бумажные фабрики, стекольные заводы, типография, где печаталась газета Рябушинских «Утро России». Экспедиции, организованные Рябушинскими, изучали богатства Камчатки.

Особенно развернулась экспансия Рябушинских в годы войны. Они организовали общество «Русский Север», которое объединяло целый комплекс отраслей по эксплуатации богатств Севера, организовали военную фирму «Военно-промышленное товарищество», начали строить автомобильный завод в Москве, вкладывать капиталы в нефтепромыслы Кавказа и металлургию Урала.

Объединение Второва началось с основания в 1913 г. «Товарищества для внутренней и вывозной торговли мануфактурными товарами». Товарищество объединяло фирмы, которые производили до 40% «московских» ситцев (т. е. ситцев определенного качества, центром производства которых была Москва).

В 1916 г. Второв учредил Московский промышленный банк, после чего экспансия группы выходит за пределы отрасли. В состав группы включаются «Донецко-Юрьевское общество» – одна из компаний металлургии Юга, завод «Электросталь», общества «Коксобензол» и «Русскокраска», Московский вагоностроительный завод, фабрика фотопринадлежностей, цементные и снарядные заводы.

Таким образом, накопив крупные капиталы в текстильном производстве, крупнейшие предприниматели отрасли учреждают банки, а через них направляют инвестиции в автомобильную, электротехническую и другие отрасли тяжелой промышленности. В это время в России начинается второй этап индустриализации: капиталы, накопленные в легкой промышленности, начинают использоваться для развития тяжелой индустрии. Мощность этого устремления была такова, что в годы мировой войны оно даже активизировалось, несмотря на сложности военного времени.

Рождение многоотраслевых корпораций на базе именно хлопчатобумажной промышленности было закономерным. В первой половине XIX в. это была единственная крупная отрасль промышленности, развивавшаяся по-капиталистически, без крепостных рабочих и крепостнических привилегий. Здесь накапливались не только капиталы, но и опыт буржуазного предпринимательства. После отмены крепостного права капиталисты других отраслей только учились хозяйствовать по-буржуазному. Денег не хватало, чем и был вызван приток иностранного капитала. Здесь же и того, и другого было в избытке. Заполнив своими товарами рынок, лидеры хлопчатобумажной промышленности стали инициаторами дальнейшей индустриализации России.

Особое положение сложилось в нефтяной промышленности. Тогда она была новой отраслью, появилась пока еще в немногих странах, и нефтяные монополии рождались сразу в форме международных трестов, которые делили между собой нефтяные рынки. Три таких монополии действовали в

нефтяной промышленности России: англо-голландский трест «Ройял Датч Шелл», «Товарищество Нобель» и «Русская генеральная нефтяная корпорация».

Нефть добывали кустарным способом в районе Баку издавна, но нефтепродукты использовались только для освещения. Появление двигателей внутреннего сгорания послужило толчком к дальнейшему развитию добычи и переработки нефти. В 70-х гг. XIX в. начинают бурить скважины местные капиталисты, среди которых выделялся Манташев, а в конце этого десятилетия родилась первая монополия «Товарищество братьев Нобель». В 1837 г. разорившийся шведский промышленник Нобель бежал в Россию, спасаясь от кредиторов. Здесь он поправил свои дела, наладив производство мин и взрывчатых веществ. Позже с одним из сыновей он вернулся домой, в Швецию. Именно этот сын, Альфред Нобель, учредил Нобелевские премии. Два его брата остались в России. Оценив значение и перспективы нового вида топлива, они и основали в 1879 г. «Товарищество Нобель».

Добывать нефть тогда в этом районе было нетрудно, но потребители нефти находились далеко, а перевозить ее традиционным способом, в бочках, было сложно и дорого. Нобели первые в России стали перевозить нефтепродукты в наливных судах, железнодорожных цистернах и даже прокладывать трубопроводы, что и обеспечило им преимущество перед конкурентами.

В 80-х гг. в нефтяную промышленность России вторгается парижский банкирский дом Ротшильдов, которые учредили здесь мощную фирму. Огромный капитал и международные связи Ротшильдов делали их серьезными конкурентами Нобелей. Третьим конкурентом стало объединение местных капиталистов во главе с Манташевым.

Положение резко меняется в 1912 г. Трест «Ройял Датч Шелл» купил у Ротшильдов их нефтепромыслы. Точнее, фирма

Ротшильдов вошла в состав треста, причем Ротшильды получили 20% акций «Ройял Датч Шелл». Теперь трест стал англо-голландско-французским.

В том же 1912 г. Русско-Азиатский и Международный коммерческий банки учредили в Лондоне общество «Русская генеральная нефтяная корпорация». Это был холдинг, которому были переданы скупленные банками пакеты местных нефтяных компаний, главной из которых была компания Манташева.

В результате действий топливных монополий в России в последние годы перед мировой войной начался топливный голод: стало не хватать угля и нефти, и цены на них резко повысились.

«Продутоль», чтобы повысить цены, ограничивал добычу угля. Цены на уголь выросли на 60%. Нефтяные тресты действовали еще успешнее. Доля России в мировой добыче нефти упала с 51% в 1901 г. до 16% в 1913 г., и те-

перь Россия уже не лидировала по добыче нефти. Цены на нефтепродукты на внутреннем рынке выросли в 3–4 раза. Естественно, топливный голод отражался на других отраслях хозяйства страны.

Принято говорить и о «металлическом голоде» в эти же годы как результате действий синдиката «Продамет». Однако факты этого не подтверждают. Самыми высокими темпами металлургия Юга увеличивала производство в 1911–1913 гг., т. е. именно в период «металлического голода». В это время цены на металл не повысились, а понизились в среднем на 20%. Синдикаты создавались не только для повышения цен. Они позволяли улучшить организацию производства и сбыта, сократить затраты и понизить себестоимость продукции. «Продамет» действительно закрыл ряд предприятий, но он закрывал технически отсталые заводы, концентрируя производство на перedовых.

16.5. Банки и финансовые группы

Главной особенностью банковской системы России было то, что во главе ее стоял Российский государственный банк. Он занимал первое место среди центральных эмиссионных банков мира, потому что его капитал составляли не средства частных лиц и предприятий, а казенный золотой фонд и средства государства. Это было важнейшей особенностью России, потому что главные банки других стран – Английский, Французский – были тогда акционерными. Этот банк был одним из главных инструментов государственного регулирования хозяйства. Контролируя все остальные банки страны, он мог оказывать решающее влияние на экономику. В 1914 г. активы Госбанка составляли 1,2 млрд рубл., совокупные активы трех крупнейших акционерных банков – 1,5 млрд, а всех акционерных банков – 6 млрд руб. Государственный банк кредитовал акционерные банки, опекая их, и его господство в финансовой системе было непререкаемым.

Госбанк был эмиссионным, причем до 1905 г. казенный золотой фонд был больше номинала кредитных билетов в обращении, т. е. бумажных денег выпускалось на меньшую сумму, чем стоил золотой запас.

Первые три места среди акционерных банков России накануне Первой мировой войны занимали Русско-Азиатский, Международный коммерческий (Петербургский международный) и Азовско-Донской. Эти банки были тесно связаны с иностранными банками: треть капитала акционерных банков России принадлежала иностранным банкам, в основном французским и немецким. Однако влияние было взаимным: русские банки также активно

вкладывали капиталы за границей, так что это было скорее переплетение, чем зависимость.

Кризис 1900–1903 гг. ускорил слияние банков с промышленностью. Выручая в трудное время акционерные компании, спасая их от банкротства, банк получал часть их акций, а иногда и весь контрольный пакет. Это, впрочем, не означало ущерба для компании, потому что теперь банк заботился о процветании «своей» фирмы.

К началу мировой войны в зависимости от каждого банка находились промышленные компании, причем нередко фирма находилась в зависимости от двух или нескольких банков. Например, как уже говорилось, «Русская генеральная нефтяная корпорация» была основана сразу двумя крупнейшими банками.

В России образование финансовых групп обычно закреплялось личными униями – банковские деятели становились во главе промышленных компаний. Так, глава Русско-Азиатского банка Путилов был одновременно председателем правления Путиловского завода, возглавлял Русскую генеральную нефтяную корпорацию, Общество военных заводов Барановского, общество «Лена Гольдфильс», а всего занимал 25 директорских постов.

Международный коммерческий банк был связан личными униями с 30 промышленными компаниями и пятью другими банками. В состав группы этого банка входили компании «Руссуд» (Русское судостроение), «Коломна», «Сормово». Каждая акционерная фирма России находилась в зависимости от одного или нескольких банков.

16.6. Аграрная реформа Столыпина

Революция 1905–1907 гг. стала толчком к дальнейшим буржуазным преобразованиям в России. Одним из важнейших преобразований стала аграрная реформа Столыпина. Этой реформой председатель Совета министров П. А. Столыпин стремился ускорить развитие сельского хозяйства России, направив его по фермерскому, буржуазному пути. Для этого надо было разрушить крестьянскую общину, которая сковывала предприимчивость крестьян и тормозила развитие сельского хозяйства. Указ 9 ноября 1906 г., который стал в 1910 г. после принятия Государственной Думой законом, разрешил крестьянам выходить из общины вместе с землей. Выделенные участки стали называть отрубам, а если крестьянин переносил туда свою усадьбу – хуторами.

Как крестьяне воспользовались разрешением выходить из общин? За 10 лет действия столыпинского указа, к 1916 г., в европейской России выш-

ли из общины и получили землю в собственность 2,5 млн крестьянских хозяйств, т. е. менее четверти всех крестьян. Большинство не только отказалось выходить из общины, но и защищало общину с оружием в руках: чиновников и землемеров, которые являлись в деревню выделять желающих, крестьяне нередко встречали кольями и вилами.

Русский крестьянин предпочитал иметь землю не в собственности, а в виде общинного надела, потому что это была гарантированная земля, которую нельзя было потерять даже при самом безалаберном хозяйствовании. А пока есть земля, остается надежда снова купить лошадь и стать «справным» хозяином, не хуже других. Поэтому в ходе реформы за сохранение общины выступало и большинство бедняков. Дорог большинству крестьян был и традиционный ритуал сезонных работ, который позволял каждому существовать «как все» и не только не требовал, но и не допускал предприимчивости, хозяйственной инициативы.

Община была для крестьян носителем вековой мудрости. Мирской сход решал дела демократическим путем, на принципах равенства и справедливости. Поэтому тот, кто против общины, считался врагом, «мироедом». Российские крестьяне, воспитанные общиной на этих принципах равенства и справедливости, приняли идеи социалистической революции, что и стало одной из причин ее победы.

Кто выходил из общины? Крайние полюса деревни – кулаки и беднота. Но не вся беднота. Выходили из общины те крестьяне, которые были уже не крестьянами, а наемными рабочими, но в соответствии с сословными порядками продолжали числиться крестьянами и платить за наделы налоги и выкупные платежи. Они выходили из общины, чтобы продать землю и укрепиться в своем новом положении городских рабочих.

Но в первую очередь выходили из общины кулаки. Они скупали участки выделявшихся бедняков, причем закон позволял объединять эти участки в одном месте, и на этой основе создавали крупные фермерские хозяйства. Но это значило, что до четверти бывшей общинной земли собиралось в руках кулаков-фермеров.

К тому же существенным дополнением столыпинского указа была помощь фермерам через Крестьянский банк. Во время революции, как известно, крестьяне жгли помещичьи усадьбы, многие помещики разорились, и теперь увеличилась продажа помещичьих земель через этот банк. Конечно, банк старался, как и прежде, поддерживать высокие цены на землю, но теперь он помогал и покупателям-фермерам. Земля продавалась в кредит, в рассрочку, да еще предоставлялся кредит для организации хозяйства на этой земле.

Второй составляющей столыпинской реформы было переселение крестьян в Сибирь. Это переселение не было принудительным. Правительство

вело агитацию за переселение, обеспечивало его, выделяя транспорт и проводя землеустроительные работы в новых районах.

Этой мерой старались убить сразу нескольких зайцев. Во-первых, таким образом отправляли подальше наиболее активную, беспокойную часть крестьян. «Дальше едешь – тише будешь», – говорили помещики. Во-вторых, так решалась проблема крестьянского малоземелья. Уезжали в Сибирь именно те крестьяне, которые наиболее нуждались в земле, причем перед отъездом они продавали землю соседям, так что и у тех становилось больше земли. В третьих, крестьянская колонизация позволяла осваивать новые, ранее пустовавшие земли. За первые три года действия реформы в Сибирь было перевезено более 2 млн переселенцев. Крестьяне охотно ехали на новые земли, потому что ходоки сообщали, что земли там много и земля хорошая. Потом поток переселенцев стал иссякать, а еще позже почти половина из них вернулась в родные места.

Дело в том, что в одиночку освоить участки целинной земли в новых, незнакомых климатических условиях было чрезвычайно трудно. В первую очередь, еще в дороге, нередко погибал скот, а без лошади на новом месте крестьянину делать было нечего.

Но те переселенцы, которые смогли преодолеть трудности, становились зажиточными. Следует учитывать, что переселялись в Сибирь наиболее инициативные крестьяне. Там они получали землю в собственность, причем гораздо большие наделы, чем имели на старом месте. А это стимулировало превращение их в фермеров.

Сибирь стала районом богатого крестьянства. Здесь преобладающими стали крупные фермерские хозяйства, дававшие большое количество товарной продукции. Если в европейской России с десятины посева собирали в среднем 45 пудов зерна, то в Сибири – 60–150 пудов. Конечно, сказывалось и то обстоятельство, что земля здесь была еще не истощена. Количество скота на хозяйство здесь тоже было намного больше, чем в европейской России. Сибирские фермеры быстро пришли к идее кооперации. Группы многокоровных хозяйств объединялись, строили на кооперативных началах маслобойные заводы (таких кооперативных заводов насчитывалось по Сибири до 1,5 тысяч) и на кооперативных началах сбывали масло. Сибирское маслоделие находилось под опекой английского капитала. Крупные английские фирмы снабжали сибирскую кооперацию кредитами и сепараторами. И сибирское масло шло на экспорт, в Англию.

Те же, кто не смог преодолеть трудностей, возвращались назад, где у них стояли заколоченные избы и уже не было земли, потому что они продали ее, уезжая в Сибирь. Эти возвращавшиеся из Сибири крестьяне нередко составляли зажигательный элемент новой волны крестьянских выступлений.

П. А. Столыпин говорил, что на капиталистическое переустройство России ему потребуется 20 лет. Однако в 1911 г. он был убит, не завершив начатые реформы. И все же только начатые им преобразования стимулировали развитие сельского хозяйства. Стали все шире применяться сельскохозяйственные машины, и в стране стало развиваться сельскохозяйственное машиностроение, до Столыпина делавшее лишь первые робкие шаги. Конечно, машины применялись лишь в помещичьих и кулацких хозяйствах, но и техника крестьянского хозяйства сделала некоторый шаг вперед. Перед войной в России было 8 млн сох и 9 млн плугов, т. е. именно в это время плуг начал побеждать соху.

Среднегодовой сбор зерна в России вырос со времени отмены крепостного права до начала Первой мировой войны в 2,5 раза и составлял в предвоенные годы 5 млрд пудов (80 млн т). В 1913 г. был рекордный урожай – 5,6 млрд пудов. Экспорт зерна с начала века до начала мировой войны вырос в 2 раза, продуктов животноводства – в 2,5 раза.

Считается, что по сельскохозяйственному производству в начале столетия лидировали США. Но в России больше, чем в США, производилось зерна, картофеля, льна, свеклы. Правда, по хлопку и производству продуктов животноводства мы уступали.

Несколько повысилась урожайность, хоть и оставалась довольно низкой. С гектара, как уже говорилось, собирали в среднем 55 пудов зерна (8,8 центнера). Если среднюю мировую урожайность в это время принять за 100%, то в России она составляла 75%, в США – 108%, во Франции – 123%. Наша урожайность была ниже мировой, но не столь уж значительно.

В результате столыпинской реформы повысилась товарность сельского хозяйства, причем 3/4 товарного хлеба давали кулаки и помещики, т. е. капиталисты-фермеры, а многомиллионное крестьянство – только одну четверть. Товарность крестьянских хозяйств была в среднем меньше 15%, кулацких – 34%, помещичьих – до 100%, а в среднем по России – около 30%.

16.7. Промышленный подъем

После кризиса 1900–1903 гг. наступил мировой промышленный подъем. Но в России этому подъему не дали развернуться Русско-японская война и буржуазная революция. Война загрузила эшелонами Сибирскую железную дорогу, объем хозяйственных грузов для перевозки резко сократился, и Сибирь экономически «отключилась» от европейской части страны. Забастовки и локауты во время революции вызвали сокращение промыш-

ленного производства. По ряду отраслей сокращение производства во время революции было значительней, чем во время кризиса.

С конца 1907 г. начался очередной мировой экономической кризис. Но кризис бывает после подъема, а поскольку подъема в России не было, то практически не было и кризиса. Так что из экономической истории России выпал целый период.

С 1909 по 1913 г. в стране происходил новый промышленный подъем. Рассмотрим основные обстоятельства, которые стимулировали этот подъем и определили его особенности.

Принято считать, что главным стимулом подъема были государственные заказы, связанные с гонкой вооружений накануне войны. Однако на производство вооружения в это время тратилось только 7% металлургической продукции, 20–22% металла шло на железнодорожные заказы, а 70–73% составляли «потребительские сорта», т. е. металл, который шел на производство товаров народного потребления. Следовательно, решающим фактором подъема были не военные заказы, а экономические успехи страны, в том числе рост народного потребления.

Столыпинская аграрная реформа ускорила развитие капитализма в сельском хозяйстве, а это увеличило спрос на сельскохозяйственные машины, удобрения, кровельное железо, ткани. Деревня продавала все больше сельскохозяйственной продукции и, соответственно, увеличивала покупку промышленных товаров.

В стране концентрировался капитал. Дело в том, что массовые инвестиции обычно происходят во время подъема, но не во время кризиса, войны или революции. Поэтому с начала столетия до 1909 г. капиталы больше накапливались, чем инвестировались. А 1909 г. наступило благоприятное время для инвестиций, и многие промышленные фирмы, основанные иностранцами, переходят в руки русских капиталистов. Доля иностранных капиталов в составе акционерного капитала России сократилась с 30 до 20%.

Эти главные обстоятельства обусловили и особенности подъема:

Россия продолжала лидировать по темпам роста промышленности. За период с 1885 по 1913 г. среднегодовые темпы роста промышленного производства России составили 5,7%, США – 5,2%, Германии – 5,2%, Англии – 2,1%. Занимая пятое место в мире по объему промышленного производства, Россия догоняла лидирующие страны.

Оставаясь страной «молодого капитализма», Россия лидировала по концентрации производства и занимала одно из ведущих мест по техническому уровню промышленности. На 100 промышленных рабочих в России приходилось 92 лошадиные силы энергетических двигателей, в Германии – 73, во Франции – 85.

За годы подъема тяжелая промышленность увеличила производство на 83%, легкая – на 35%. В России начался второй этап индустриализации: легкая промышленность уже насытила рынок своими товарами и началось перераспределение капиталов в пользу тяжелой промышленности. В результате ускоренных темпов роста тяжелой промышленности к началу войны она производила 43% всей промышленной продукции, что является близким к оптимальному соотношению групп «А» и «Б». Принято считать, что в России особенно отставало от передовых стран машиностроение, но по производству машин Россия занимала четвертое место в мире. По «объему народного имущества», т. е. по величине национального богатства, страна занимала 3-е место в мире, а по величине национального дохода – 4-е. Национальный доход России в 1913 г. составлял 16 млрд руб., США – 32 млрд руб., т. е. вдвое больше.

Следует сказать о состоянии ведущих отраслей промышленности накануне войны. По выплавке чугуна в 1913 г. Россия в 6,7 раза отставала от США, в 2,8 раза – от Германии и была приблизительно на уровне Франции. Но с 1890 по 1913 г. в России выплавка чугуна выросла в 5,1 раза, в США – в 3,3 раза, в Германии – в 4,1 раза. По производству тканей Россия практически догнала передовые страны. Накануне войны в Англии производилось 10,3 млрд аршин хлопчатобумажных тканей, в России – 8,5 млрд аршин – лишь немногим меньше.

Слабым местом российской экономики было примитивное крестьянское сельское хозяйство. В промышленности было занято 10% населения, но эти 10% давали 48% совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства. В 1912 г. было произведено сельскохозяйственной продукции на 6,1 млрд рублей, а промышленной лишь немногим меньше – на 5,6 млрд рублей. Это свидетельствовало не столько о решительном преобладании сельского хозяйства, сколько о его отсталости.

16.8. Экономика России в годы Первой мировой войны

К началу Первой мировой войны российская армия была вооружена хуже, чем противостоявшая ей германская. Российская пехотная дивизия имела в полтора раза меньше артиллерийских орудий, чем немецкая. Тяжелых орудий у России было 240, а у Германии – 3 тыс.

Предполагалось вести военные действия запасами оружия и боеприпасов, накопленными в мирное время. Так всегда делали прежде, и не только в России: в мирное время накапливали боеприпасы, а во время войны расходо-

вали. Но эта война оказалась несоизмеримой с прежними. Уже в начале войны накопленные запасы были использованы. А промышленность производила меньше оружия и боеприпасов, чем за это время потреблял фронт. Именно поэтому Первая мировая война потребовала перестройки всей промышленности под военные нужды. Это означало перевод части невоенных предприятий на производство вооружения, перевод всей промышленности на обслуживание в первую очередь потребностей войны и военного производства.

Поскольку главным потребителем промышленной продукции становилось государство, роль государства в экономике многократно возросла. Это выразилось в появлении государственных органов для координации действий промышленности, распределения сырья и топлива.

Российские промышленники отнюдь не сопротивлялись переводу своих предприятий на военное производство. Наоборот, как писал генерал Маниковский, отвечавший за снабжение армии, все предприятия, «от паровозостроительных заводов до шорных мастерских», храбро брались за изготовление пушек и снарядов. Чтобы получить заказ, надо было только иметь связи в правительственных учреждениях.

Дело в том, что военные заказы были очень выгодными. Даже по уменьшенным данным чистая прибыль металлообрабатывающих заводов в военные годы составляла 80% на капитал. Эти заказы оплачивались авансом: вместе с заказом фирма получала и деньги на его выполнение. Но основная часть денег, розданных казной для выполнения военных заказов, пропала впустую, потому что не только шорные мастерские, но и такие крупные машиностроительные заводы, как Коломенский или Краматорский, не смогли освоить сравнительно простое производство трехдюймовых гранат: военная техника требовала особой точности и специализации. Бесплодными оказались заграничные заказы. Перед войной союзники охотно вооружали Россию, но с начала войны новых заказов не принимали, а изготовленное по старым заказам оружие стали забирать для своих армий. «Если бы мы, – писал впоследствии Ллойд Джорж, – послали в Россию половину снарядов, израсходованных попусту в битвах на Западном фронте, и пятую часть орудий, из которых стреляли этими снарядами, то не только бы не было русского поражения, но немцы были бы отброшены на расстояние, по сравнению с которым захват нескольких окровавленных километров во Франции казался бы насмешкой».

Тогда Россия обратилась к Соединенным Штатам, не участвовавшим в войне. Здесь было сделано только артиллерийских заказов на 2 млрд золотых рублей. Через некоторое время выяснилось, что заводы, которые должны были выполнять эти заказы, еще не построены. Тогда в Америку отправи-

ли 2 тыс. русских специалистов, которые помогли наладить производство к 1917 г. В Россию заказанные пушки не попали.

России пришлось обеспечивать себя вооружением только за счет своей промышленности, причем на базе старых специализированных военных заводов. И все же военное производство, как принято считать, за годы войны выросло в 2,3 раза. Но по наиболее точным расчетам Л. Б. Кафенгауза, в 1916 г. стоимость выпущенной по военным заказам продукции была в 4,7 раза больше, чем в 1913 г. [8, с. 186]. К концу войны промышленность не только вполне удовлетворяла потребности фронта, но оружия было изготовлено столько, что его хватило и на Гражданскую войну.

Промышленное производство в целом также не испытывало спада. Несмотря на то, что 20% промышленности находилось на территории, оккупированной противником или оказавшейся в зоне военных действий, оставшаяся промышленность в 1916 г. выпустила на 9,5% продукции больше, чем в 1913 г. Особые успехи были достигнуты в машиностроении. С 1913 по 1916 г. машиностроительное производство выросло в 2,6 раза, в том числе выпуск металлорежущих станков увеличился в 2 раза. (Следует заметить, что тогда военные заводы не относили к машиностроительным.) Если к началу войны в России действовало три автомобильных завода, то во время войны началось строительство еще пяти. Производительность труда в промышленности за годы войны выросла на 70%, а это значит, что повышался технический уровень производства. Таким образом, факты не соответствуют традиционному представлению о том, что с начала войны в промышленности России началась разруха.

Мы отмечали, что в период войны в воюющих государствах возникли государственные органы по регулированию хозяйства. В России такими органами стали четыре особых совещания, образованных в 1915 г., – по обороне, по топливу, по перевозкам и по продовольствию. Эти постоянно действующие органы назывались совещаниями, поскольку они не были чисто государственными. В них сотрудничали и принимали решения чиновники и предприниматели. Здесь произошло полное слияние государственного аппарата и предпринимательских кругов.

Главным из них было Особое совещание по обороне, которое ведало военной промышленностью, распределяло военные заказы, а также координировало действия трех остальных Особых совещаний. Действовало оно довольно решительно. Оно, например, секвестировало ряд частных предприятий, в том числе Путиловский завод, самый крупный машиностроительный и военный завод в стране.

Но главным направлением его деятельности стало объединение заводов в группы для выполнения военных заказов. В центре такой группы ставил-

ся специализированный военный завод, а остальные присоединялись к нему для выполнения вспомогательных операций, не требовавших особой специализации. Например, большинство заводов Западного Урала было подчинено казенному Мотовилихинскому артиллерийскому заводу. Они отливали болванки для пушечных стволов, грубо обтачивали стаканы для снарядов, а вся тонкая работа проводилась в цехах артиллерийского завода. Такое кооперирование и позволило решить проблему обеспечения фронта вооружением. Действия остальных Особых совещаний были направлены на преодоление разрывов экономических связей, возникших при переводе экономики на военные рельсы.

Трудное положение сложилось на транспорте. С началом войны железные дороги оказались забиты военными грузами (эшелонами солдат, пушками, снарядами), так что для хозяйственных грузов не оставалось подвижного состава. Хозяйственная система страны раздробилась на изолированные районы. В городах севера начались продовольственные трудности, а на юге скапливались излишки хлеба. Заводы останавливались из-за недостатка топлива, а в Донбассе на станциях скапливались горы готового к отправке угля. Особенно перегружены были дороги к морским портам. Балтийское море было недоступно для России: там хозяйничали немцы. Закрыто было и Черное море: проливы были в руках немцев. Оставались Владивосток и Архангельск. Но к Владивостоку вела однокорейная дорога через всю Сибирь, а к Архангельску – узкокорейка. Порты были забиты грузами.

Особое совещание по перевозкам организовало строительство новых дорог и вторых путей. К 1916 г. дорога к Архангельску была переведена на широкую колею, и было открыто движение по новой железной дороге к Мурманску, что было очень важно, потому что Мурманск, в отличие от Архангельска, – незамерзающий порт. Кроме того, Особое совещание регулировало движение грузов по дорогам, определяя очередность перевозок. К концу войны пропускная способность железных дорог увеличилась в 1,5 раза. Транспортный голод был в основном преодолен.

Война вызвала сокращение сельскохозяйственного производства. В результате мобилизации не только крестьян, но и лошадей, почти полного прекращения производства сельскохозяйственных машин, а также в связи с тем, что западные окраины страны оказались в зоне военных действий, посевные площади сократились, и сбор продовольственного зерна уменьшился с 2,8 млрд пудов перед войной до 2,2 млрд пудов в 1917 г. Получать хлеба стали на 600 млн пудов меньше. Но до войны Россия в среднем за год вывозила 700 млн пудов, а теперь экспорт хлеба почти прекратился. Таким образом, хлеба в стране оставалось почти столько же, сколько и до войны. В 1917 г. в черноземных губерниях был избыток хлеба в 500 млн пудов. И все же про-

довольствия в городах промышленного центра и севера стало не хватать, потому что нарушился товарооборот между городом и деревней. Переведенная на военные рельсы промышленность резко сократила производство товаров для деревни, а продавать хлеб и оставлять деньги до лучших времен было нецелесообразно – началась инфляция. Поэтому теперь деревня меньше продавала хлеба.

Особое совещание по продовольствию закупало хлеб на юге страны, выменивало его на специально для этого выделенные промышленные товары, доставляло на север, установив нормированное распределение продовольствия в городах по карточкам.

Война вызвала и расстройство финансов. Она потребовала огромных расходов – около 50 млрд руб. Но обычные доходы государства во время войны всегда сокращаются, поэтому военные расходы покрывались за счет особых источников. Первым из этих источников были государственные займы, внешние и внутренние. Эти займы увеличили государственный долг России до 60 млрд руб. На уплату одних только процентов по долгу теперь надо было тратить ежегодно 3 млрд руб., т. е. столько, сколько перед войной составлял весь государственный бюджет, все государственные доходы.

Вторым источником покрытия военных расходов стали бумажно-денежная эмиссия, выпуск все большего количества бумажных денег. Но такая эмиссия всегда ведет к инфляции, поэтому стоимость бумажного рубля к Февральской революции упала до 27 довоенных коп., а к Октябрьской – до 7 коп.

Итак, в годы войны промышленность продолжала наращивать производство и даже испытывала прогрессивные структурные изменения, улучшалась работа транспорта, сельское хозяйство производило достаточное количество продовольствия. Очевидно, хозяйственной разрухи, которая часто выдвигается в качестве главной причины революции, не было. Только финансы были расстроены непомерными военными расходами, что ослабило влияние рыночных отношений.

Во время войны усилились административные методы управления хозяйством. Они оказались эффективными. Дело в том, что экстремальные ситуации, такие как состояние войны, требуют усиления государственного регулирования для мобилизации средств и сил. Административное централизованное управление хозяйством – система для экстремальных ситуаций.

Одним из условий октябрьского переворота была явная архаичность царизма и оппозиционность ему буржуазии, а также и всего русского общества. Русская буржуазия, не имевшая опыта управления страной, да к тому же связанная с государственным аппаратом хозяйственного регулирования, зависимая от этого аппарата, не смогла удержать власть, когда машина царизма

стала разваливаться. Общинные традиции русского крестьянства делали его более восприимчивым к социалистическим идеям по сравнению с земледельцами Запада. Короче говоря, элементы «азиатского способа производства», сохранявшиеся в России, стали одной из важных причин революционного переворота.

Л и т е р а т у р а

1. *Ананъич Б. В.* Банкирские дома в России. Л., 1991.
2. *Бакулев Г. Д.* Черная металлургия Юга России. М., 1953.
3. *Берлин Б. А.* Русская буржуазия в старое и новое время. М.-Л., 1925.
4. *Бовыкин В. И.* Формирование финансового капитала в России. М., 1984.
5. *Боханов А. Н.* Крупная буржуазия России. М., 1992.
6. *Верт Н.* История Советского государства. М., 1992.
7. История отечественной текстильной промышленности. М., 1992.
8. *Кафешауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России. М., 1994.
9. *Кузмичев А. Д., Шапкин И. Н.* Отечественное предпринимательство. Очерки истории. М., 1995.
10. *Лаверычев В. Я.* Государство и монополии в дореволюционной России. М., 1982.
11. *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. 1952. Т. 2.
12. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
13. *Петров Ю.* Предприниматели и российское общество в начале XX в. // Свободная мысль. 1992. № 17.
14. *Погребинский А. П.* Государственно-монополистический капитализм в России. М., 1959.
15. Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997.
16. *Сметанин С. И.* История предпринимательства в России. М., 2002.
17. *Сметанин С. И., Конотопов М. В.* История черной металлургии России. М., 2002.
18. *Шаццлло К.* Казенная промышленность царской России. // Свободная мысль, 1992. № 2.
19. *Яковлев Н.* 1 августа 1914 г. М., 1997.

17. КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Истории кооперативного движения посвящена обширная научная и популярная литература*. Собран огромный фактический и аналитический материал по различным аспектам этой темы. Однако в отечественном обществоведении до сих пор отсутствует сколько-нибудь ясное представление о месте и роли в социальной эволюции страны такого многогранного явления, как кооперация.

В XIX в. перед русской общественной мыслью выдвинулся вопрос, каким путем пойдет концентрация мелкой собственности: через ее объединение, как полагали народники, либо через капиталистическую экспроприацию и создание крупных частных предприятий – в согласии с учением марксистов.

Существование таких вариантов соответствовало ранней, доиндустриальной фазе модернизации, при «переходе от естественных производительных сил, когда преобладало индивидуальное аграрное и ремесленное производство, к общественным» – таким, использование которых предполагало кооперацию и разделение функций в процессе труда**. На ранней стадии этого процесса элементы нового взаимодействовали с эволюционирующими устоями аграрного общества. Переходный характер этого этапа исторического развития обусловил двойственность формировавшихся в это время институтов, в том числе кооперации, которая органично сочетала элементы традиционализма (артельность, коллективизм) и нового (ориентация на рынок, широкое использование товарно-денежных отношений, индивидуальное членство и др.)***.

Хорошо ориентируясь в российской действительности и сопротивляясь искусственной вестернизации, народники верили в самобытное развитие страны; их предостережения о неприемлемости насильственных реформ оказались пророческими. Проявив большую, чем марксисты, объективность в определении перспектив победы капитализма в мелкокрестьянской России, отдельные представители народничества вместе с тем настаивали на «артельном» и «общинном» направлении движения даже и тогда, когда со-

* Ильин Ю. А. Отечественная кооперация. Библиографический указатель литературы за 1925–1992 гг. Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета, 1994.

** Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. С. 7.

*** Лубков А. В. Война. Революция. Кооперация. М.: МГПУ, 1997. С. 3.

циально-экономическая обстановка в результате капитализации хозяйства уже исключала такую возможность. Народнические воззрения послужили главной питательной средой набравшего силу кооперативного движения, развивавшегося вне прямой связи с явлениями, происходившими в мелкотоварном производстве. Имея в виду лишь эту сторону исторического процесса, не дифференцируя общественно-политическое движение сторонников кооперации и собственно кооперативный уклад, большинство современных исследователей вслед за самими народниками исключительно положительно оценивает количественный и качественный рост кооперативных объединений в конце XIX – начале XX в. Особенно те из них, которые желают абсолютно «порочному» советскому опыту кооперативного строительства противопоставить дореволюционное «массовое, поистине народное и демократическое кооперативное движение». Принимая за подлинное кооперирование результаты усилий кооператоров-энтузиастов, действовавших либо самостоятельно, либо через земские учреждения, сторонники такого взгляда полагают, что капиталистические условия второй половины XIX в. способствовали проникновению этой хозяйственной организации в самую глубь крестьянской экономики, а это, если следовать их логике, способствовало формированию прочного кооперативного уклада. Но соответствует ли такой взгляд действительности конца XIX в.?

Не отрицая того факта, что образование кооперативных объединений в виде юридических лиц до революции 1905 г. имело характер насаждения «сверху», историки упускают из вида стихийные процессы, происходившие в мелкотоварном производстве. Между тем они влияли на собственную динамику кооперативного строительства. «До 1905 года кооперативное движение развивалось в значительной степени сверху, – говорится в «Истории и теории кооперации», – а после стало народным и развивалось снизу». «Как на Западе, так и в России, – отмечает Ким Чан Чжин, – на начальном этапе становления кооперации огромную роль сыграло активное участие в нем, во-первых, части интеллигенции, которая видела в кооперативном движении ключ к решению общественных проблем того времени, и, во-вторых, государства (особенно его помощь через земства и Государственный банк), которое созревало экономический потенциал кооперации»*.

* Бондаренко И. В., Куцетеров Р. М., Кочкарова З. Р. История и теория кооперации. Ставрополь. 1998. С. 122; Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905–1930). М., 1996. С. 14–15. Политика самодержавия по отношению к мелкой промышленности и ее кооперативным объединениям в начале XX в. освещена в ряде работ К. Н. Тарновского (Кустарная промышленность и царизм (1907–1914 гг.) // Вопросы истории. 1986. № 7; Организации мелкой промышленности в России в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 1981. № 8; Мелкая промышленность дореволюционной России. М., 1995).

Не отличая кооперацию как таковую от общественного движения ее сторонников, легко ошибиться в освещении хода событий. Например, вряд ли кому-либо пришло в голову установить точную дату рождения первого отечественного капиталистического предприятия. В работах же о кооперации определение точного места и даты ее возникновения предпринималось не раз. В качестве такой вехи, со ссылкой на немецких исследователей, называют и 1862 г. и 1865 г. Один автор указывает в этой связи на утверждение Устава ссудо-сберегательного товарищества в с. Рождественском Ветлужского уезда (Костромская губ.) 22 октября 1865 г., другой отдает предпочтение дате появления потребительского общества на Кыновском заводе на Урале в 1864 г., но также и Рижского и Ревельского обществ потребителей в 1865 г., третий, определяя дату рождения отечественной кооперации, выходит за рамки периода, связываемого обычно с началом форсированного внедрения капитализма, и отодвигает ее к 1813 г. (Рижское общество «Возобновленная дружба»)*.

Полагая, что «естественной и закономерной» почвой для появления и функционирования коллективов мелких товаропроизводителей являлись капиталистические отношения, исследователи не видят главной причины неудач в кооперативном строительстве. Описание активности общественных деятелей и успехов распространения коллективных объединений, рожденных их усилиями со второй половины XIX в., позволяет представить кооперацию как социально-экономическое явление, гармонично вписывающееся в систему буржуазных отношений. Однако в реальности, вопреки «наличию предпосылок» в виде буржуазных отношений, практические шаги насаждения кооперативов в 1860-е, первую половину 1870-х годов не оправдали надежд. Практически все объединения, созданные в этот период, развалились. Воспроизводя мнение современников событий, сегодняшние исследователи видят причины плачевных результатов «первого этапа» кооперативного строительства не в насильственном проникновении капитализма в экономику России, а в «отсутствии в различных слоях населения навыков общестественности и кооперативности», без чего кооперативное движение «не могло стать широким и прочным», в неудачном поиске «методов функционирования, присущих именно кооперативам, в отличие от частных предприятий». И уже совсем непонятна, если речь идет о форме организации производства, рожденной самой практикой хозяйствования, мысль о «медленном развитии кооперативности в среде членов кооператива, которые от кратковременного

* Бондаренко И. В., Куцетеров Р. М., Кочкарова З. Р. Указ. соч. С. 14; Фигуровская Н.К. Кооперация и социализм // Кооперация. Страницы истории (КСИ). М., 1991. Вып. 2. С. 4; Файн Л. Е. Отечественная кооперация. Иваново. 1994. С. 6; Макаренко А.П. Теория и история кооперативного движения. М., 1999. С. 47.

первичного участия в делах кооператива быстро переходили к апатии и безучастности»*. Лишь отчасти правомерна позиция другого автора, который считает, что низкие темпы роста товариществ и артелей до начала XX в. объяснялись «административно-правовой необеспеченностью с самого начала возникновения русской кооперации»**.

Многие недочеты в исследовании дооктябрьского кооперативного строительства связаны с недооценкой его объективных предпосылок и отсутствием дифференцированного подхода к разнородным реалиям, как правило, объединяемым единым понятием – «кооперация». Этим термином, начиная с самых ранних трудов по кооперативной тематике, одинаково определяли и возникавшие в среде мелких товаропроизводителей объединения, и общественное движение в поддержку артелей и товариществ, и организационные структуры, появившиеся в результате деятельности прогрессивной интеллигенции или государства – кооперативные культурно-просветительные учреждения и т. д. «С точки зрения социальной – кооперация *не была однородной*, – читаем, например, у В. В. Кабанова. – По меньшей мере три слоя бросаются в глаза: идеологи кооперации и руководители всероссийских кооперативных центров, кооперативный аппарат (центральный и местный), кооперированные массы, которые, в свою очередь, подразделялись на различные классы, социальные группы. Кооперация активно занималась *культурно-просветительской деятельностью*. В ее орбиту вовлекались издательское дело, музеи, народные дома, клубы. Кооператоры были серьезно озабочены постановкой народного образования... Кооперативные организации, наряду с земствами, стали немногочисленными проводниками культуры дореволюционной России. Культурно-просветительская функция кооперации – это еще одна грань... В этом качестве кооперация близка к многочисленным и разнообразным культурно-просветительским обществам... В 1917 году кооперация начинала активно заниматься политической деятельностью, выступив с собственной платформой, и это ее сближает с политической партией»***.

Как видим, здесь понятие кооперации распространено, помимо собственно хозяйственного уклада, на широкий спектр разнородных социальных сущностей: идеологию и ее носителей, организационные структуры кооперативных объединений, культурно-просветительные учреждения, а кроме того, политическую сферу, что придает последней характер политической партии. Следуя этой логике, одним понятием крупного фабричного производства пришлось бы объединить и фабрику, и съезды промышленников, политиче-

* Фигуровская Н.К. Указ. соч. С. 6–7.

** Ким Чан Чжин. Указ. соч. С. 102.

*** Кабанов В. В. Кооперация, революция, социализм. М.: Наука, 1996. С. 11.

ские партии крупного капитала, и кружки марксистов, строивших свои политические амбиции на развитии частнокапиталистического уклада, и т. д.

Теоретическое соединение разнородных исторических реалий не случайно, оно имеет глубокие корни, основанные на специфике отечественного кооперативного строительства, и восходит к самому первому историографическому опыту.

Реформа, отменившая крепостное право, открыла новые пути и сферы деятельности. В этом смысле кооперативные идеи могли обрести в России свою благодатную почву. Наличие в широких масштабах мелкого производства, все более втягивавшегося в товарные отношения, сулило кооперации большие перспективы. Ускоренная товаризация мелкого производства в пореформенный период стимулировала его укрупнение путем создания мануфактур и кооперативных объединений товаропроизводителей.

Наличие этих двух направлений модернизации мелкотоварного производства подтверждают данные земских исследований. В конце 1870-х годов в с. Коржемок и дер. Быков Майдан Арзамасского уезда (Нижегородская губ.) изготовлением саней для сбыта на местных базарах занимались 35 дворов. Имевшиеся три парильни для изготовления полозьев принадлежали как единоличному владельцу, так и коллективам собственников из 4–5 мастеров. В Сергачском уезде той же губернии санники с. Толбы использовали девять парилен, находившихся как в единоличной, так и коллективной собственности 2–3 хозяев*. Смолодегтярные заводы в северной части Кадниковского уезда (Вологодская губ.), известной под названием Троичины, строились или отдельными крестьянами, или сообща несколькими промышленниками и состояли из одной или нескольких печей**. В дер. Козловой и Чернецкой Александровского уезда (Владимирская губ.) из 13 стирен валяльщиков шесть являлись собственностью отдельных кустарей, а пять состояли во владении двух хозяев каждая, одна стирня – во владении пяти и одна – во владении шести хозяев. В с. Ивановском и дер. Рушиковой, Погосте и Лихарево Переяславского уезда из 11 мелких валяльных предприятий четыре кустаря работали в жилой избе, четыре имели по одной стирне и трое работали в стирне, являвшейся общей собственностью. Из общего числа Ставропольской губернии (2501 кустарь) 63,7% работали в одиночку, 21,4% – с участием членов семьи и наемных рабочих и 14,9% – артелями***.

* Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. 6. СПб., 1880. С. 837–840.

** Материалы для изучения кустарной промышленности и ручного труда в России. СПб., 1872. С. 4.

*** Промыслы Владимирской губернии. Вып. 2. М., 1882. С. 278–283; Там же. Вып. 5. М., 1884. С. 210–213; В. В. (Воронцов В. П.). Артель в кустарном промысле. СПб., 1895. С. 142.

Кооперативные предприятия имелись в мелкой промышленности уже во второй половине XVIII в., когда о капиталистической трансформации хозяйства страны еще не приходится говорить. Исследуя кузнечный промысел второй половины XIX в., В. П. Воронцов замечал, что «рядом встречаются как артельные, так и частные кузницы: первые преобладают в тех деревнях, где промысел существует с давнего времени; вторые – там, где он возник недавно»*.

Таким образом, искусственная привязка кооперации к капиталистическому хозяйственному строю не находит подтверждения. Мало того, естественное развитие концентрации хозяйств мелких товаропроизводителей, в котором капиталистическое и кооперативное направления составляли равноправные стороны единого процесса, было прервано форсированной капитализацией экономики, включавшей комплекс институциональных перемен, таких как перераспределение национального достояния, сосредоточенного в традиционных формах и отраслях экономики, в интересах ускоренной индустриализации; включение России, посредством преобразования финансовой системы, в мировой капиталистический рынок (реформа Витте), широкое привлечение иностранных инвестиций, развитие, кредиты: учреждений, развертывание товарообменных операций с помощью ускоренного роста средств коммуникации; замена основного капитала промышленного производства и повсеместное внедрение машин и механизмов, сокращение доли ручного труда.

К наиболее общим чертам перемен в экономике России не подходит термин «модернизация»: он не несет в себе социального содержания, тогда как речь идет именно об усиленном насаждении капитализма во второй половине XIX в. Преобразование социально-экономического строя представляло собой революционный процесс и вело к слому собственной эволюции традиционных устоев общества.

Из равноправной формы концентрации мелкого производства капитализм превращался в доминанту социально-экономического строя, определявшую общее направление развития хозяйства страны. По данным П. Г. Рындзюнского, не менее 56% кустарей в конце XIX в. превратились в наемных рабочих, эксплуатируемых крупным капиталом в самых примитивных варварских формах**.

Рост фабричного производства, стимулируемый финансовыми вливаниями правительства, сокращал экономическое пространство кустарной про-

* В. В. (Воронцов В. П.). Очерки кустарной промышленности России. СПб., 1886. С. 126, 116; Калачов Н. Артели в древнейшей и нынешней России. СПб., 1864; Отчеты по исследованию кустарной промышленности в России. Т. 3. СПб., 1895. С. 67.

** Рындзюнский П. Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е годы XIX в.) М., 1966. С. 27.

мышленности. Фабрика вытесняла кустаря из производств, посильных для его технических средств. Например, в Московской губернии к началу XX в. почти полностью исчезло кустарное миткалевое ткачество, в то время как в конце 1870-х годов 80% изготовленной ткани приходилось на крестьянские светелки и избы. В Можайском уезде уже к 1880-м годам количество мелких мастерских уменьшилось вдвое. В Дмитровском уезде количество мелких мастерских сократилось со 158 до 27. По оценке статистика А. В. Погожева, «мелкой промышленности из года в год становится все труднее бороться с механическими фабриками, работающими и дешевле, и быстрее ручных ткачей»*.

Наступление крупного машинного производства, не являвшегося результатом эволюции мелкой промышленности, опережало естественное движение кустарного производства к концентрации, лишало ее экономической целесообразности. Вытесняемые фабрикой, кустарные промыслы деградировали, их укрупнение лишалось смысла. Интересны в этой связи данные, привезенные М. И. Туган-Барановским**:

Число кузниц и рабочих в четырех важнейших центрах гвоздарного промысла в Тверском уезде (в с. Васильевском и Михайловском и дер. Орудово и Яковлево)

	1851 год	1880 год	1892 год
Число кузниц	157	96	69
Работников в них	1248	689	378
На 1 кузницу занятых	8	7	5

Приспосабливаясь к изменившимся условиям, инициатива кустарей устремилась в отрасли ручного труда, не требовавшие концентрации, а следовательно, безопасные с точки зрения конкуренции с крупным производством. Упадок ткачества во Владимирской губернии послужил причиной роста валяльного производства предметов крестьянского обихода. Наряду с исчезновением ряда отраслей кустарного производства в Московской губернии получил распространение патронный промысел (выделка гильз для папирос)***. Такое перемещение оказывалось для крестьянских промыслов скорее тупиком, нежели плацдармом для движения вперед.

* Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. 7. Вып. 3. М., 1903. С. 951; Там же. Т. 3. Вып. 6. С. 8; Там же. Вып. 7. С. 5; Там же. Санитарный отдел. Т. 3. Вып. 6. С. 72.

** Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1997. С. 456.

*** Там же. С. 468.

Подобные же процессы, хотя и в значительно замедленном в силу специфики отрасли темпе, происходили в аграрном секторе экономики. При этом социальный итог был один и тот же: имущественная дифференциация, предоставлявшая возможность укрупнения хозяйства лишь небольшому слою сельского населения, исключительно на буржуазной основе. Если, по замыслу авторов, реформы 1861 г., она призвана была наделить крестьян землей, сохранив за ними статус самостоятельного производителя, то последующая государственная экономическая политика, по оценке Н. Ф. Даниельсона, «была направлена в совершенно противоположную сторону»*. Отметив значительное смягчение аграрного кризиса в годы Первой мировой войны, Л. Н. Литошенко на основе данных переписи 1917 г. сделал вывод о том, что не менее 75% общего числа сельских хозяйств стояли «на грани самостоятельного существования»**. Говорить в этой связи о возможности «массового» кооперирования крестьян в дореволюционный период вряд ли корректно.

Капитализация хозяйства, обусловившая консервацию рудиментарных форм экономических отношений и массовое обнищание мелких товаропроизводителей, ослабляла объективную тенденцию появления кооперативных объединений. Наблюдался явный диссонанс роста кооперативного уклада и бурно развивавшегося общественного, идеологического движения в ее поддержку. Недостаток естественной питательной почвы замещался в отечественном кооперативном строительстве идеологизированностью и политизацией.

Вследствие сложившейся так исторической реальности отечественная историография, как правило, не дифференцирует кооперативное движение и собственно кооперацию, составлявшую существо самостоятельного экономического уклада, порожденного эволюцией мелкого производства.

Благодаря усилиям исследователей сложилось определенное конкретно-историческое представление об отечественном кооперативном движении. Оно включало, во-первых, кооперативную идеологию, отражавшую совокупность крестьянских представлений о Правде, Добре, Справедливости и теоретически не осознанных социалистических взглядов, представители которых зачастую отвергали свою приверженность социализму, но вместе с тем, по сути, рассматривали кооперацию как альтернативный капитализму путь развития, а сами кооперативные объединения – как средство борьбы с капиталистической эксплуатацией***. Во-вторых, общественно-политиче-

* Николай – он (Даниельсон Н. Ф.). Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893. С. 67.

** Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосиб., 2001. С. 106–107.

*** См., напр.: Домников С. Д. Кооперативный идеал в России начала XX века // КСИ. Вып. 4. М. 1994. С. 44–45.

ское движение в поддержку кооперации, в котором участвовали различные организации, периодически возникавшие и исчезающие; оно принимало вид неформальных акций и инициатив общественности, сочувствовавшей кооперативному строительству. В-третьих, организационные структуры кооперативных объединений (областные, губернские и общероссийские союзы, съезды и совещания), созданные по инициативе либо активистов кооперации, либо государства и, как правило, не являвшиеся прямым порождением хозяйственной необходимости для артелей и товариществ. И, наконец, в-четвертых, объединения мелких собственников, созданные усилиями энтузиастов-кооператоров, земств или государства.

Имея в виду всю эту совокупность, можно сказать, что кооперативное движение действительно получило большой размах к концу XIX в. и представляло собой заметную общественно-политическую силу. В. Ф. Тотомианц имел известные основания утверждать, что «ни одно другое общественное движение в России не может сравняться с кооперацией в смысле популярности и мощи»*. При этом к собственно кооперации как экономическому укладу эта оценка будет относиться с долей условности. Но трудно говорить о наличии в то время широко развитой кооперации в смысле подлинно народной организации общественного производства.

Тот факт, что расцвет общественно-политического движения сторонников кооперации совпал по времени со становлением капитализма, дал многим историкам основание считать кооперацию продуктом буржуазных отношений, а некоторые из них предприняли попытку определить те черты капитализации, которые способствовали росту артелей и товариществ в России. «Для развития кооперации необходима такая степень развития капитализма, – пишут авторы коллективной монографии о кооперации в 90-х годах XIX в., – когда проявляются определенные факторы. Рабочий класс становится численно значащей силой в стране, его связь с деревней и вообще с земледелием теряется, и он вынужден покупать на рынке все необходимые средства к жизни, попадая в зависимость к торговому посреднику, против всемогущества которого он вынужден искать защиту. Капитализм проникает в сельское хозяйство, превращает мелкие крестьянские хозяйства в товарные хозяйства, втягивает их в товарно-денежный оборот страны, превращает товарные операции из случайного явления в решающий фактор деятельности этих хозяйств. Это заставляет крестьянина искать защиты, как от ростовщика, так и от торговца товарами потребительского и хозяйственного (производственного) назначения. Усиливающийся под влиянием капитализма процесс разорения мелких производителей в городе и деревне толкает их на

* Тотомианц В. Ф. Кооперация в России. Прага, 1922. С. 20.

определенные коллективные усилия, могущие в какой-то мере повышать эффективность мелкого производства, его конкурентную способность в борьбе с крупным капиталом (объединение сырья и материалов, введение определенных технических усовершенствований и т. п.)»*.

В предложенной схеме сразу же бросается в глаза определение исторической роли кооперации в качестве пролетарского средства борьбы с капитализмом, что неизбежно отрывает кооперацию от естественной почвы – эволюционировавшего мелкотоварного производства, одной из форм концентрации которого она являлась, и все сводится к классовому противостоянию. Такая постановка вопроса не нова. Например, известный теоретик-кооператор К. А. Пажитнов высказывал мнение о необходимости считать профессиональные союзы одной из разновидностей кооперации**.

В предложенной схеме формирования рабочего класса не вызывает возражений суждение о возникновении в связи с этим одной из организаций, консолидирующих пролетариат, – потребительских обществ. Однако это не устраняет различий в социальном содержании и историческом предназначении кооперативных объединений мелких товаропроизводителей и пролетарских союзов потребителей, стремившихся избежать эксплуатации торгового капитала.

Действительно, потребительские союзы, не являясь следствием эволюции мелкотоварного уклада, возникали на ранних стадиях капитализма, когда эксплуатация пролетариата торговым капиталом была особенно значительной, и представляли собой одну из форм классовой борьбы, рабочего движения. А. В. Чаянов писал, что «рабочее движение выражается тремя конкретными формами – рабочей партией, профессиональным союзом и рабочей кооперацией»***.

В отношении кооперации в пореформенный период Н. К. Фигуровская отмечает позитивное влияние на «сознание русского общества» кооперативной литературы и, ссылаясь на авторитетного деятеля кооперации А. В. Меркулова, обращает внимание на его вывод: «Исторический опыт свидетельствует, что непременным условием развития кооперации являлась определенная чая среда, воспринявшая эти идеи, обширный контингент людей, реально заинтересованных в развитии кооперативных форм»****. Однако применение этого в принципе верного теоретического положения к оценке

* Бондаренко И. В., Куцетеров Р. М., Кочкарова З. Р. Указ. соч. С. 53; Файн Л. Е. Указ. соч. С. 7.

** Пажитнов К. А. Основы кооператизма. М., 1917. С. 17.

*** Чаянов А. В. Избранные произведения. М., 1989. С. 195.

**** Фигуровская Н. К. Указ. соч. С. 5. Заметим, что социальная среда для развития потребительской кооперации действительно расширялась по мере капитализации России.

конкретно-исторической действительности 1860-х годов вызывает сомнение. В том и состояла неблагоприятность условий после отмены крепостного права, что крестьянская реформа и дальнейшая экономическая политика не способствовали созданию социальной базы кооперации – средних слоев населения. Эту особенность российской действительности отмечал Н. А. Бердяев: «У нас почти нет того среднего и крепкого общественного слоя, – писал он, – который повсюду организует народную жизнь»*.

Очевидно, требует корректировки представление о такой связи между собой капиталистического и кооперативного укладов – двух социально-экономических укладов, взаимно обуславливавших развитие друг друга. Кабанов, например, полагал, что кооперация «еще более его (капитализм. – В. Е.) развивает, укрепляет и совершенствует, придает ему еще более рациональный и цивилизованный характер. Кооперация не нарушает законов капиталистического развития, наоборот, она следует им»**.

При всем влиянии на кооперацию господствующих в обществе отношений все же нет ни полного их совпадения, ни взаимостимулирующего воздействия капиталистического и кооперативного укладов. Черты традиционализма, основополагающие в кооперации, не соответствуют частнокапиталистическим основам хозяйствования, противоречат им. В условиях господства капитализма это ведет в отдельных случаях к совершенствованию артелей и товариществ, в других – к их ликвидации или трансформации в буржуазные предприятия. Два выдающихся теоретика кооперации, писавшие, что называется, с натуры, непосредственные участники кооперативного строительства в России, С. Н. Прокопович и Тотомианц, высказали ряд мыслей, которые во многом не согласуются со взглядами отдельных современных исследователей и не потеряли своего научного значения в наши дни. Во-первых, они оба критиковали точку зрения Туган-Барановского, связывавшего рождение кооперации с капитализмом. Во-вторых, возражение того и другого вызвало заключение Туган-Барановского об «искусственном характере» организаций кооператоров, якобы являвшихся результатом сознательной деятельности отдельных личностей***. Он имел в виду то кооперативное движение, которое действительно развертывалось по почину представителей интеллигенции. Но Прокопович отмечал, что опыт первых артелей и товариществ относится к периоду, предшествующему утверждению капитализма, и писал: «Ни одна из форм этого движения не вышла готовой из головы того или другого социалиста-мыслителя, но все они, напротив, сложились

* Бердяев Н. А. Судьба России // Соч. М.; Х., 2001. С. 333.

** Кабанов В. В. Указ. соч. С. 57.

*** Прокопович С. Н. История кооперации в России. М., 1903. С. 214; Тотомианц В. Ф. Основы кооперации. Берлин, 1923. С. 8.

в результате бесконечного количества практических попыток, большинство которых забраковывалось жизнью, немногие же жизнеспособные формы выживали, росли и развивались далее»*.

Объективной оценке уровня развития дореволюционной кооперации препятствовало также преувеличенное истолкование действительно происходившего во второй половине XIX в. вытеснения хозяйственных функций кооперативных объединений социально-политическими. Вследствие этого и в современной литературе кооперация рассматривается не как хозяйственное объединение, а как общественная организация. В принципе так оно и было в российском кооперативном движении, но здесь нельзя не видеть и противоречие с институциональной сущностью кооператорства. Вот как, например, оценивается существо кооперации в уже цитированных монографиях: «Добровольная, самодеятельная и самоуправляемая *общественная организация*, ставящая целью – содействие улучшению условий жизни и труда своих членов и осуществляющая наряду с общественно-массовой – *хозяйственную деятельность*»; «Кооперация, как общественное движение, резко отличалась от всех форм общественных организаций, которые знала до этого история»**.

Оценка реальных успехов кооперации, исходя из размаха и мощи общественного движения, создает иллюзорную историческую картину ее проникновения в самые толщи народной экономики, что не соответствовало действительности. Оторванность подвижников кооперативного дела от реальных условий российской действительности отмечали сами кооператоры. «Блуждая по совершенно неизвестной почве экономических условий труда в России (здесь и далее курсив наш. – В. Е.), вместе с тем, поражаемые бросающейся в глаза нищетою народа, – писал А. В. Яковлев, – люди, желающие помочь народу, естественно не могли почерпнуть чего-либо, вытекающего непосредственно из действительных условий жизни. Они должны были искать средства на аналогичной почве других стран, более разработанной и дающей готовые материалы»; «мы стали наполнять журналы описаниями успехов ассоциаций на Западе». По его же словам, «сколько ни появилось в литературе статей и даже отдельных сочинений, мы нигде не найдем указаний на необходимость изучить условия нашего экономического быта, нигде не найдем экономического исследования развивающегося самобытно артельного начала. Мы поверили на слово и сделали введение форм западноевропейской ассоциации в русскую жизнь целью своих стремлений»; «Вопрос об ассоциациях спутался до того, что в большинстве публики, черпающей свои познания из

* Прокопович С. Н. Кооперативные товарищества и их классификация. М., 1919. С. 26.

** Бондаренко И. В., Куцетеров Р. М., Кочкарова З. Р. Указ. соч. С. 65, 66; Фигуровская Н. К. Указ. соч. С. 11.

журнальных статей, сложился взгляд, что вопрос об ассоциациях есть вопрос скорее политический, чем экономический»*.

Нельзя сказать, что светила кооперативной мысли совершенно не замечали реально существовавшие объединения мелких товаропроизводителей, скорее наоборот**. Однако осмыслению их институционального качества препятствовало априорное понимание сути российской кооперации в свете европейского опыта: в Европе кооперация давно приобрела политическое значение и получила статус орудия борьбы с неизбежной пауперизацией.

Даже мелкие объединения собственников (не говоря о структурах, объединявших низовую сеть), созданные благодаря деятельности земств, интеллигенции и государства, не вполне отвечали социально-экономической сущности кооперации, не раскрывали ее характерных институциональных черт, не отражали объективных процессов, влиявших на ее рост, искажали ее облик, формируемый ходом эволюции. Артели и товарищества, хотя и составлявшие часть кооперативного движения, но не вызванные к жизни хозяйственными нуждами мелких товаропроизводителей, могут быть отнесены к собственно кооперации лишь с известным усилием. Тем более неверно, не видя самопроизвольного кооперативного строительства «снизу», считать насаждавшуюся кооперацию единственно показательной для суждения о процессе кооперирования в целом.

Показательна в этой связи начальная история кооперативного движения в Тверской губернии (первая половина 1870-х годов). Не без влияния Н.В. Верещангина, энтузиаста, приложившего колоссальные усилия к распространению кооперативных сыроварен, тверское земство приняло меры для распространения артелей и товариществ в других отраслях мелкой промышленности. В 1868 г. губернское земское собрание обратило внимание на бедственное положение крестьян из-за недорода. По мнению земцев, общие неблагоприятные для сельского хозяйства условия препятствовали улучшению положения крестьян. В помощь крестьянам решено было развивать кустарные промыслы и содействовать организации мелкой промышленности в артельной форме.

Начинация земцев были направлены в кузнечное дело. К тому времени только по Тверскому уезду насчитывалось 644 кузницы с 3880 работниками. Промысел был полностью освоен торговым капиталом. Вследствие эксплуатации скупщиками, забиравшими 20% доходов, мастера, несмотря на 16-часовой рабочий день, не могли выбраться из нищеты. В 1870 г. губернская управа ассигновала 1000 руб. «на принятие мер к усилению и раз-

* Яковлев А. В. Ассоциация и артель // КСИ. Т. 1. Кн. 2. 4. I. М., 2001. С. 478–479.

** См.: КСИ. Т. 1. Кн. 2. 4. 2. М., 2002. С. 192–198, 206.

витию местных промыслов на артельном начале»*, и открылась первая кооперативная кузница. Для покупки железа ей была выделена ссуда в 300 руб. Годовая деятельность кооператива принесла прибыль (прежде всего за счет перепродажи остатков железа на 23 коп. дороже за пуд, чем было куплено); это подтолкнуло распространение кооперативных принципов в кузнечном производстве. К концу 1871 г. артельных кузниц насчитывалось уже примерно 30. Ссуды кооперативам выдавались на 6 лет, годовая плата за пользование ими составляла 3%. Для сбыта гвоздей в г. Осташкове был создан общий склад под непосредственным надзором управы**.

Несмотря на все усилия, начинание не увенчалось успехом. Уже в 1874 г. управа отмечала печальное положение кооперативных кузниц и пришла к решению ликвидировать артельные гвоздарни из-за невозможности «соперничества с машинами». 1875 г. принес новые трудности, и все кооперативные кузницы были ликвидированы. Земство потеряло 4000 руб. (по 24 руб. на каждого артельщика). Такая же участь постигла и складочные артели в с. Васильевском и Орудове. Их долг составил 1082 руб.; его следовало взыскать с членов кооперативов, однако земство, учитывая их бедственное положение, сочло возможным «сложить с артели означенную недоимку». Главной причиной разорения являлось то, что кустари не чувствовали своей заинтересованности в делах кооператива и рассматривали благотворительную, по сути, деятельность земств как источник дохода. «Недобросовестные члены, обрадованные возможностью получать земские деньги, доставляли негодные гвозди, – отмечено в протоколе земского собрания. – Но и многих добросовестных мастеров соблазняла слабая браковка товара; и из них многие привозили дурные гвозди. Расчет артельщиков оказался неверен: если можно обмануть бдительность управы, то не так легко было обойти покупателей. Петербургские и московские торговцы совсем перестали закупать [гвозди] в артельном складе; наконец, один крупный тверской торговец, долго поддерживающий сношение с артелью, также отказался от нее. Предприятие неизбежно должно было рушиться». Интересно и то, что, образовавшись как производственные коллективы, кооперативы постепенно превращались в сырьевые товарищества. А впоследствии «артельщики нашли для себя более удобным даже сбыт выработанного гвоздя производить порознь и только представлять старосте вырученные деньги для уплаты за материал и отчисления следующей части в запасный капитал. Таким образом, связь артельщиков между собой ограничивалась закупкой железа и угля, во всем остальном

* Здесь и далее часть материала о деятельности Тверского земства взята из: *Исаев А.* Артели в России. Ярославль, 1881. С. 74–82.

** Подробнее см.: КСИ. Т. 1. Кн. 2. 4. 2. С. 249–251.

каждый действовал самостоятельно»*. Кооперативная сущность деятельности артелей к концу их существования была, собственно, утрачена. Формально продолжая действовать, кооперативы сохранялись лишь в силу совместно принятых на себя членами обязательств перед земством. Об опыте Тверского земства в кузнечном промысле Прокопович писал, «что гвоздарные артели не заключали в себе ничего кооперативного и представляли собой простые группы кустарей, связанных круговой друг за друга порукой по выданным земством ссудам»**.

Практически без инициативы «снизу» появились и приобрели широкий размах кооперативные учреждения мелкого кредита, о которых Туган-Барановский писал: «Наша же кооперация, в самой значительной ее части, именно кредитная кооперация, – почти целиком насаждена государством... быстрый рост наших кредитных товариществ должен быть почти всецело отнесен на счет деятельности чиновников»***. Основным капиталом кооперативных кредитных обществ складывался из ссуд Государственного банка, кредитов земств, частных лиц и учреждений и не объединял собственность тех, чье хозяйственное положение должны были облегчить эти организации. Кредитная кооперация представляла собой не продукт эволюции мелко-варных хозяйств, а один (причем важнейший) из способов капитализации экономики государством.

Это воздействие было направлено в противоположную, собственно кооперированию, сторону. Например, наличие разветвленной системы мелкого кредита облегчило деятельность скупщиков, что в свою очередь вело к лишению собственности мелких производителей. В январе 1917 г. правительство отпустило на нужды мелкого кредита 397 млн руб., из которых 358 млн – на «кооперацию». Собственные ресурсы кредитных обществ составляли лишь 17,9%****. Именно в результате государственной поддержки, тождества целей правительственной политики и кредитных учреждений, общей капиталистической направленности развития кооперативных кредитных организаций и экономики страны наблюдался бурный рост ссудных кооперативных объединений. К 1905 г. насчитывалось 1413 товариществ с 564 тыс. членов и балансом в 60 млн рублей. А к 1914 г. число товариществ возросло до 13 тыс. с 8 млн членов и балансом в 614 млн рублей*****. Многие авторы расценивают

* Цит. по: Исаев А. Указ. соч. С. 79; КСИ. Т. 1. Кн. 2. Ч. 2. С. 252; Сборник материалов для истории Тверского губернского земства. Т. 2. Б.м., 1884. С. 378.

** Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М., 1913. С. 76.

*** Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 1918. С. 372.

**** Лубков А. В. Указ. соч. С. 82.

***** Фроммет Б. Русский социализм и кооперация. Пг., 1919. С. 103.

этот факт, вопреки логике перемен, происходивших в XIX в., как показатель успешного кооперирования крестьян и кустарей, тогда как в действительности он свидетельствует только об активном росте капитализма, возникновении и совершенствовании его неотъемлемого инструментария.

Аналогичным образом поощрялось создание маслодельных артелей. Первоначальные неудачи на этом направлении кооперативного строительства в Европейской России* сменились успехом после усиленного государственного вмешательства в процесс образования кооперативных объединений Сибири. Рост кооперации в маслоделии Ким связывает с тем, что «центральная власть оказывала «содействие» кооперативам по преимуществу в той области и в тех регионах, где нужно было организовать выгодное государству производство или наладить экспорт продукции. Ярким примером этой политики послужило образование маслодельных артелей в Сибири и на Севере... В этом случае кооперативы функционировали как канал для осуществления государственной политики и вложения и оборота казенных средств»**.

Вследствие же капиталистических принципов построения маслодельных обществ произошло отмеченное Кабановым фактическое перерождение их союзного объединения, переход его на коммерческие основы. «Нередко местные союзы перерастали в крупные капиталистические предприятия с огромным размахом деятельности, – писал он, – таковым, например, был Сибирский союз маслодельных артелей, возникший в 1908 году. Он занимался переработкой и сбытом масла не только на внутреннем рынке, но и непосредственно на внешнем рынке. Благодаря этому крестьянство Сибири оказалось втянутым в мировой рынок»***.

Так же как и в других отраслях экономики, в сельском хозяйстве эти объединения, рожденные усилиями органов самоуправления, энтузиастов и государства, не являлись в полном смысле кооперативными. «Сельскохозяйственные общества не чистый вид кооперации, – признавал С. Л. Маслов. – Это скорее просто кружки (организации) или союзы для сельскохозяйственного самообразования. Цель их заключается в том, чтобы изучать лучшие способы хозяйства... Но наши сельскохозяйственные общества с такой чисто просветительской деятельностью обыкновенно соединяют также и хозяйственную, торговую. Они занимаются покупкой для своих членов пред-

* Имеется в виду неудачный опыт пяти губерний (Тверской, Новгородской, Петербургской, Ярославской и Вятской), где с 1866 по 1872 г. благодаря усилиям земств возникло 38 кооперативных сыроварен, переданных в частные руки в первой половине 1870-х годов.

** Ким Чан Чжин. Указ. соч. С. 117.

*** Кабанов В. В. Указ. соч. С. 28.

метов сельскохозяйственного обихода, занимаются иногда сбытом хлеба и т. д. Общества становятся уже хозяйственными кооперативами. Но главной их задачей все-таки предполагается распространение сельскохозяйственных знаний»*.

В оценке роста низовой кооперативной сети второй половины XIX в. исследователи допускают ошибки, касающиеся как качественных характеристик, так и количественных показателей кооперативного строительства. Официальная статистика, используемая исследователями, охватила лишь кооперативные объединения, прошедшие сложную процедуру официальной регистрации, что привело к одностороннему учету тех из них, которые создавались при содействии извне. В то же время в учет не попало значительное число стихийно возникших артелей и товариществ мелких собственников, не имевших интеллектуальных и организационных возможностей пройти непростую процедуру легитимизации и, как правило, не испытывавших хозяйственной потребности в обретении юридического статуса. Вплоть до Февраля 1917 г. административная власть «не только разрешала возникновение кооперативных товариществ, но и, проверяя целесообразность их учреждения и устанавливая для них уставы, подробно регулировала их внутреннее устройство и условия деятельности»**. При этом прохождение процедуры узаконения становилось более вероятным, если кооператив принимал так называемый образцовый устав, разработанный ведомствами***.

Некритическое отношение к количественным и качественным показателям искажает представление о реальном росте кооперативных тенденций. Согласно статистике, к 1902–1903 гг. промысловая (т. е. действовавшая в кустарной промышленности) кооперация совершенно отсутствовала****. Объяснение этого факта исследователи видят в том, что «в силу низкого уровня товарности кустарно-ремесленного производства (значительная часть ремесленников в городах работала на заказ, а в деревне занятие промыслом совмещалось с ведением сельского хозяйства) промысловая кооперация не получила широкого развития, как потребительская и кредитная»****. Между тем кустарная промышленность даже во времена, когда устои крепостничества были незыблемы, представляла собой оазис товарных отношений, развитие ее благодаря товарно-денежным отношениям, уже в первой половине XIX в. привело к появлению «доморощенной фабрики». В свою очередь Файн, не

* Маслов Сем. Земство и кооперация. М., 1914. С. 23.

** Ким Чан Чжин. Указ. соч. С. 99.

*** Сборник постановлений Временного правительства по кооперации. М., 1917. С. 111.

**** См., напр.: Файн Л. Е. Указ. соч. С. 8.

***** Николаев А. Этапы и противоречия в развитии промысловой кооперации страны в 20-е годы // КСИ. Вып. 1. М., 1991. С. 144.

учитывая существование многочисленных артелей и товариществ мелких промышленников, сложившихся в результате товаризации крестьянских промыслов со второй половины XVIII в., связывает возникновение кооперации кустарей и ремесленников в начале XX столетия с «влиянием капиталистической конкуренции»*. Если следовать приведенным положениям, окажется, что не существовавшие, в силу низкой товарности кустарного производства, объединения мелких промышленников появляются благодаря развитию капитализма в начале XX в., что совершенно не соответствует истине.

Для современников же было очевидно существование народного кооперативного строительства, зародившегося в недрах крестьянского хозяйства, далеко не охваченного официальными данными и обреченного вследствие воздействия капитализма на затухание. В 1905 г. вышла книга «Производительные товарищества как орудие для попыток разрешения социального вопроса». «Россия имеет весьма значительное количество таких обществ, – читаем в ней, – которые по своим принципам подходят к ассоциациям и отличаются от западноевропейских коопераций, к своей выгоде, тем, что они *естественно образовались и развиты самим народом, без всякого вмешательства со стороны* лиц с высшим образованием... Все самостоятельные попытки нашего народа в заведении производительных ассоциаций, однако, являются до сих пор в форме весьма примитивной, с уставом, совершенно не выработанным или основанным скорее на кооперативном инстинкте, чем на осмысленном понимании полезности самого дела». Авторы отмечали значительное количество «односторонних» ассоциаций, т. е. артелей, устроивших на общий счет лишь часть производительной операции. Таковы были в Московской, Владимирской губерниях артели в валяльном промысле, где кустари на общие средства нанимали особую избу для очистки шерсти (в этом помещении каждый член артели работал отдельно, за свой счет и страх). В Нижегородской и Московской губерниях гончары в складчину устраивали общие горны для обжигания горшков или кирпичей и изразцов. В шелковом производстве, у бархатников (Богородский уезд Московской губ.) кустари заводили общие светелки. Другие ассоциации не только нанимали помещения, но и закупали сырье и сбывали продукт за счет артели; здесь «налицо уже многие отличительные признаки западных производительных коопераций». Так делалось в дегтярном и смолокурном производстве: выкорчевывание пней и приобретение орудий производства за счет артели, совместный сбыт продукции (Пермская губ.); в гвоздарном производстве: общие кузницы, общая закупка материала и общий сбыт (Вятская губ.). К ним добавля-

* Файн Л. Е. Указ. соч. С.18.

лись передвижные артели – шерстобитов (в Тамбовской губ.), овчинников (в Подмоскowie), плотников и каменщиков (в Курской губ.)»*.

То обстоятельство, что в фокусе внимания историков оказываются организации, появившиеся «сверху», с деформированной сущностью, повлияло на оценку происходившего. Например, показателем прочности кооперативного объединения, органично вытекающим из внутреннего качества этой хозяйственной формы, является наряду с другими чертами устойчивостью коллективной собственности – условие гармонизации общественных и личных интересов. Однако в силу изменения социально-экономического строя не только потребительские общества, но и кооперативные объединения других отраслей усваивали ориентацию на пролетарские слои населения, что отражалось на их организационных принципах. Коллективная собственность постепенно размывалась вследствие уменьшения размера паевого капитала, снижения личных стимулов участников кооперативов из-за сокращения выплат на паи.

Пролетаризация внутреннего содержания артелей и товариществ вела к утрате кооперативным строительством его первоначальной сути, что не всегда учитывается в исследованиях. Файн утверждает: «На практике, по мере роста кооперативного движения, его демократизации, – шел процесс сокращения номинальных размеров паевых взносов, что отражало реализацию одного из кардинальных принципов движения – общедоступность, и становилось важным фактором дальнейшего вовлечения новых слоев населения»**.

Изучение истории кооперации, социально-экономических предпосылок кооперирования, характера, темпов и условий развития кооперативных форм общественного производства не должно смешиваться с общественным движением за кооперацию, да и по отдельным отраслям хозяйства кооперирование приобретало своеобразные и неповторимые особенности. Очевидны различия в уровне товарищизации двух, хотя и взаимосвязанных, видов крестьянского производства: аграрной сферы и кустарных промыслов, по-разному протекали в них разделение и обобществление труда, разной была степень приспособления к общим экономическим процессам. Кооперирование сельского хозяйства и мелкой промышленности, если рассматривать этот процесс не как общественное движение, а как экономическое явление, – это один из альтернативных капитализму путей концентрации мелкой собственности; он сохраняет особенности этих отраслей и требует дифференцированного рассмотрения. Неверно было бы переносить закономерности обобществления мелкотоварного уклада на такие организации,

* Производительные товарищества как орудия для попыток разрешения социального вопроса. СПб., 1906. С. 9–10.

** Файн Л. Е. Указ. соч. С. 85.

как союзы потребителей, которые развивались исключительно в русле закономерностей, свойственных общественным движениям. Вряд ли следует сводить в единое институциональное понятие и оценивать едиными критериями столь разные явления, отождествляемые лишь потому, что их организационные и политические надстройки участвовали в общественном кооперативном движении.

Напротив, те или иные искусственно «привитые» кооперативы, составлявшие часть общественно-политического движения, имели в качестве предпосылок образования и существования причины, лежавшие вне плоскости хозяйственных процессов. Их появление или ликвидация в большей степени зависели от политической конъюнктуры. Отсутствие ясного представления о природе кооперации, порожденной ростом мелкотоварного производства, с одной стороны, и кооперации, привнесенной благими намерениями интеллигенции, – с другой, вызывает неточности в освещении кооперативного строительства. Факт бурного роста кооперативов после революции 1905 года (более чем в семь раз) послужил, например, основанием для вывода о том, что практика «вступила в противоречие» с «одним из кардинальных положений кооперативной теории: вопреки тезису об эволюции как главном условии развития кооперации, она получила мощный толчок вперед, в результате революции 1905 года и кооперативная теория должна была вновь делать поправки»*. Более прав, очевидно, автор, который видит в скачкообразном росте численности кооперативов после 1905 г. не опровержение эволюционной теории кооперации, а показатель активизации общественного движения в силу желания интеллигенции выйти из «сложившегося после 1905 г. депрессивного состояния»**.

Действительно массовый характер и политическую направленность кооперативное движение, как и следовало ожидать, приобрело в пролетарских объединениях. Отсутствие же видимых перспектив превращения кооперативов мелких собственников в оплот грядущей революции со всей очевидностью сказалось, в частности, на настроении деятелей кооперации во время I кооперативного съезда 16–21 апреля 1908 г. Неслучайно в тезисах доклада В. Г. Громана говорилось: «В области промышленности самыми жизненными производительными кооперативами являются кооперативы, начатые силами и средствами профессиональных союзов или на средства потребительных и кредитных коопераций и союзов»***.

* Кабанов В. В. Указ. соч. С. 10, 56.

** Ким Чан Чжин. Указ. соч. С. 116.

*** Труды Первого Всероссийского съезда представителей кооперативных учреждений. М., 1908. С. 471.

Не нашла должного отражения в литературе (несмотря на собранный фактический материал) объективная оценка деятельности кооперативных организаций и структур, составлявших часть кооперативного движения и в еще большей степени, нежели низовое звено, оторванных от экономических корней, что придавало им характер общественных и политических образований. Об этом красноречиво свидетельствует «Записка к законодательному предположению о съездах представителей кооперативных учреждений», подготовленная Департаментом полиции к заседанию Совета Министров 20 мая 1916 г.

Вопреки устоявшейся в отечественной историографии чисто положительной оценке деятельности подобных кооперативных структур и организаций, они существовали наряду с собственно кооперацией и брали на себя функции, не свойственные хозяйственным учреждениям; их повседневные труды находились за пределами нужд низовых кооперативов и в большей степени приобретали политическую окраску. В записке Департамента полиции говорилось: «В настоящее время, после неудачи с созданием кооперативных комитетов, способ превращения кооперативного движения в политическое приобретает иную форму: теперь предлагается во главе движения выдвинуть самую кооперацию, хотя бы обрекая ее этим на репрессии, лишь бы кооперативы были вовлечены в политическое движение... Среди вновь возникших повсеместно кооперативных учреждений сгруппировались представители революционных и левых партий, которые верно отвлекают кооперативы от их прямых задач... Революционно и оппозиционно настроенные элементы стремятся использовать в агитационных целях новую в своем существе идею кооперации»*.

Во время Февральской революции политизация деятельности руководящих кооперативных образований достигла кульминации. «Если бы произвести цифровой учет, – писал видный кооператор В. А. Кильчевский, – какие организации принимали ближайшее участие в устранении этих старых властей, то кооперативные организации, наверное, заняли бы одно из первых, если не первое место»**. Исключительно политической проблематике были посвящены II Экстренный кооперативный съезд (11–14 сентября 1917 г.), обсуждавший вопрос о конституировании государственной власти, и III Чрезвычайный кооперативный съезд, занимавшийся выработкой позиции по отношению к выборам в Учредительное собрание***. По словам Тотомиянца, при Временном правительстве новоиспеченные социалисты превратили собрания и съезды кооператоров «в своего рода политические

* Отечественная история. 1992. № 4. С. 124–125.

** Кильчевский В. Кооперация и революция. М., 1917. С. 13.

*** Лубков А. В. Указ. соч. С. 148–149.

сборища, в угоду революционерам, часто совершенно чуждым кооперативному движению». При таких обстоятельствах делегированные кооперативами крестьяне, участники этих съездов, «чувствовали себя совершенно растерянными и спрашивали себя, не ошиблись ли они адресом»*.

О реальной степени влияния деятелей общественного кооперативного движения на членов артелей и товариществ позволяет судить тот факт, что в ноябре 1917 г. на выборах в Учредительное собрание они не были избраны ни в одном из округов. Не прошли такие выдающиеся персоны, как А. В. Чаянов, А. И. Анцыферов, Е. Д. Кускова, А. В. Меркулов. И это при том, что, по оценкам историков, вместе с членами семьи кооператоры низового звена составляли не менее половины населения страны**. Такую электорату могла бы позавидовать любая партия.

Особенности отечественного кооперативного строительства, недостаток естественной «питательной почвы» наложили отпечаток на кооперативную теорию и идеологию. Кооперативные идеи не рождались из анализа и обобщения практики, а как бы предвосхищали, опережали и стимулировали ее. По большей части кооператорская литература имела политический характер (несмотря на формальное декларирование нейтральности), страдала переоценкой зарубежного опыта и идей, не отвечавших российским реалиям***. Несмотря на обилие трудов по кооперативной тематике, создать стройную концепцию ее исторической роли так и не удалось. Внимание исследователей концентрировалось вокруг проблем кооперативного движения, социальных и политических аспектов его развития. Сферу их научного и практического интереса составляли явления, лежавшие «на поверхности» и не требовавшие особого экономического анализа.

При действительном отсутствии в марксистской литературе целостного учения о кооперации (мысль, которую настойчиво проводил Кабанов), вряд ли получится отыскать таковое и у самих кооператоров – теоретиков и практиков, их сочинения зачастую составлены из эклектических или полностью заимствованных из западной литературы идей. Попытки современных историков каким-то образом систематизировать взгляды дореволюционных авторов не дали существенных результатов****.

Имеющееся в отечественной историографии отражение исторического (досоветского) опыта кооперирования несет на себе характерный отпечаток,

* Цит. по: *Ким Чан Чжин*. Указ. соч. С. 155.

** *Лубков А. В.* Указ. соч. С. 159; *Отечественная история*. 1992. № 4. С. 117.

*** От большинства такого рода трудов, глубиной анализа выгодно отличаются произведения В. П. Воронцова, Прокоповича, Тотомианца, а также сочинения известного экономиста, менявшего свою политическую ориентацию, Туган-Барановского.

**** См., напр.: *Кабанов В. В.* Указ. соч. С. 49–58; *Ким Чан Чжин*. Указ. соч. С. 101–118.

наложенный активным вмешательством государства в хозяйственную жизнь страны, насаждением буржуазных отношений, а также давлением оппозиционных политических сил.

Неблагоприятные социально-экономические условия для становления отечественной кооперации, складывавшиеся с середины XIX в., хронологически совпали с общественной реакцией на капитализацию экономики и пролетаризацию масс, оформившейся в значительную социально-политическую силу – кооперативное движение; борьба за справедливое устройство общества получала псевдокооперативную идеологическую оболочку.

В результате того, что внешние потоки общественной активности сливались с народной тягой к кооперированию, в литературе по кооперативной проблематике, как дореволюционной, так и современной, сложилось устойчивое представление о тождестве разнородных по своей природе явлений. Под понятие кооперации исследователи подводят как форму обобществления хозяйств мелких товаропроизводителей, так и общественное движение кооператоров-идеологов с его собственными структурами, просветительские учреждения и низовые объединения «привитые» усилиями государственных чиновников, земств, энтузиастов. Без всяких оговорок к кооперации были причислены учреждения, рожденные все тем же курсом государственной экономической и социальной политики и лишь формально схожие с кооперативными предприятиями.

Ограниченные возможности действительного кооперирования, усеченные вследствие насаждения капитализма, с одной стороны, и, с другой стороны, буржуазно-либеральный характер получившего развитие общественного движения кооператоров создали противоречие, губительно отразившееся и на процессе исторического осмысления этих явлений. Имея в виду, в качестве основополагающих, формальные критерии роста кооперативного движения, многие авторы недооценивают сложность явления и рассматривают реальные результаты развития досоветской кооперации в рамках идеологических шаблонов, как прямолинейный прогресс буржуазных отношений.

Л и т е р а т у р а

1. Бердяев Н. А. Судьба России // Соч. М.; Х., 2001.
2. Бондаренко И. В., Куцетеров Р. М., Кочкарова З. Р. История и теория кооперации. Ставрополь. 1998. – 312 с.
3. В. В. (Воронцов В. П.). Артель в кустарном промысле. СПб., 1895. – 204 с.
4. В. В. (Воронцов В. П.). Очерки кустарной промышленности России. СПб., 1886. – 238 с.

5. Домников С. Д. Кооперативный идеал в России начала XX века // КСИ. Вып. 4. М., 1994.
6. Ильин Ю. А. Отечественная кооперация. Библиографический указатель литературы за 1925–1992 гг. Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета, 1994. – 471 с.
7. Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881.
8. Кабанов В. В. Кооперация, революция, социализм. М.: Наука, 1996. – 206 с.
9. Калачов Н. Артели в древнейшей и нынешней России. СПб., 1864.
10. Кильчевский В. Кооперация и революция. М., 1917.
11. Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905–1930). М., 1996. – 252 с.
12. КСИ. Т. 1. Кн. 2. 4. 2. М., 2002.
13. Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосиб., 2001. – 536 с.
14. Лубков А. В. Война. Революция. Кооперация. М.: МГПУ, 1997. – 261 с.
15. Макаренко А. П. Теория и история кооперативного движения. М., 1999.
16. Маслов Сем. Земство и кооперация. М., 1914.
17. Материалы для изучения кустарной промышленности и ручного труда в России. СПб., 1872.
18. Николаев А. Этапы и противоречия в развитии промысловой кооперации страны в 20-е годы // КСИ. Вып. 1. М., 1991.
19. Николай – он (Даниельсон Н. Ф.). Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893. С. 67.
20. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. – 246 с.
21. Отечественная история. 1992. № 4.
22. Отчеты по исследованию кустарной промышленности в России. Т. 3. СПб., 1895.
23. Пажитнов К. А. Основы кооператизма. М., 1917. – 177 с.
24. Производительные товарищества как орудия для попыток разрешения социального вопроса. СПб., 1906.
25. Прокопович С. Н. История кооперации в России. М., 1903.
26. Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М., 1913. – 460 с.
27. Прокопович С. Н. Кооперативные товарищества и их классификация. М., 1919.
28. Промыслы Владимирской губернии. Вып. 5. М., 1884.
29. Промыслы Владимирской губернии. Вып. 2. М., 1882.
30. Рындзюнский П. Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е годы XIX в.) М., 1966. – 260 с.
31. Сборник материалов для истории Тверского губернского земства. Т. 2. Б.м., 1884.
32. Сборник постановлений Временного правительства по кооперации. М., 1917.
33. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Вып. 7. М., 1903.

34. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Санитарный отдел. Т. 3. Вып. 6. М., 1903.
35. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. 3. Вып. 6. М., 1903.
36. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. 7. Вып. 3. М., 1903.
37. *Тарновский К. Н.* Организации мелкой промышленности в России в годы первой мировой войны.) // Вопросы истории. 1981. № 8.
38. *Тарновский К. Н.* Кустарная промышленность и царизм (1907–1914 гг.) // Вопросы истории. 1986. № 7.
39. *Тарновский К. Н.* Мелкая промышленность дореволюционной России. М., 1995. – 277 с.
40. *Тотомианц В. Ф.* Кооперация в России. Прага, 1922. – 174 с.
41. *Тотомианц В. Ф.* Основы кооперации. Берлин, 1923.
42. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. 6. СПб., 1880.
43. Труды Первого Всероссийского съезда представителей кооперативных учреждений. М., 1908.
44. *Туган-Барановский М. И.* Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1997. – 736 с.
45. *Туган-Барановский М. И.* Социальные основы кооперации. М., 1918.
46. *Файн Л. Е.* Отечественная кооперация. Иваново. 1994. – 276 с.
47. *Фигуровская Н. К.* Кооперация и социализм // Кооперация. Страницы истории (КСИ). М., 1991. Вып. 2.
48. *Фроммет Б.* Русский социализм и кооперация. Пг., 1919.
49. *Чаянов А. В.* Избранные произведения. М., 1989. – 368 с.
50. *Яковлев А. В.* Ассоциация и артель // КСИ. Т. 1. Кн. 2. 4. I. М., 2001.

18. РОССИЙСКИЕ МАСТЕРА: ИСТОРИЯ ПАСХАЛЬНОГО ЯЙЦА ОТ ФАБЕРЖЕ

Яйцо – символ первоисточника жизни. В дохристианские времена яйцу приписывали силу божества. В православной России, где Пасха считается великим праздником, стало традицией дарить художественно раскрашенные яйца, резные и ювелирные. Образцом ювелирных яиц являются пасхальные и декоративные яйца Дома Faberge, вернувшиеся после многих лет в Россию.

Фирма «Фаберже» основана в 1842 г. Густавом Фаберже. Начиная с Г. Фаберже весьма скромно – в Петербурге открыл ювелирную мастерскую, занимавшуюся поточным производством модных в то время браслетов, медальонов и брошей. Его сыновья Карл и Агафон сумели за короткое время расширить деятельность мастерской, она стала известна в стране и за рубежом. С 1870 г., возглавляемая его сыном, Карлом Фаберже, она преобразована в фирму с филиалами в Москве, Одессе, Киеве, Лондоне.

Карл Фаберже был талантливым организатором, обладал весьма хорошим вкусом, чутко улавливал веяния того времени. Карл придавал большое значение качеству материала и технологии его обработки. Для Фаберже золото никогда не было просто золотом – оно могло быть красным, белым или даже зеленым, а контрастные сочетания цветов могли давать самые неожиданные эффекты. Когда Фаберже использовал в своих творениях сверкающие драгоценные камни, они были важны для него не столько своей ценностью, сколько декоративными достоинствами.

Автором художественных замыслов и ювелирных проектов был Агафон, который в процессе разработки формы ювелирных украшений делал восковой макет будущего изделия, «восковку», и распределял на ней камни; после такой «примерки» модель уже изготавливалась в металле. В ювелирных украшениях, наряду с драгоценными камнями, такими как бриллианты, сапфиры, рубины и изумруды, использовались поделочные камни преимущественно уральских месторождений – малахит, лазурит, родонит и др. Изготовлением первых пасхальных яиц «с сюрпризом», которые прославили фирму «Фаберже», занимался талантливый ювелир Михаил Перхин. Эти яйца являются большой редкостью – известно всего 56 таких изделий.

Идея пасхального яйца как ювелирного изделия принадлежит императору Александру III, который заказал его в подарок в 1885 г.

Существует любопытная история о том, как появилась первая серия ювелирных шедевров. Убийство народовольцами императора Александра II стало причиной подавленного состояния его невестки – Марии Федоровны. Александр III, желая отвлечь ее от грустных мыслей и зная пристрастие своей жены к оригинальным золотым вещицам, заказал изготовить придворному ювелиру Карлу Фаберже пасхальный подарок, который мог бы утешить ее. После долгих раздумий ювелир создал удивительную золотую игрушку: куриное яйцо, внутри которого сидит маленький золотой цыпленок. Безделушка так понравилась царствующей чете, что императорский заказ стал традиционным. На каждую Пасху императрица получала новое яйцо с совершенно другим оригинальным сюрпризом. Николай II продолжил этот обычай, распространив его и на царствующую, и на вдовствующую императрицу.

Чтобы не повторяться, – ведь каждое яйцо должно было быть уникальным, – мастера постоянно искали новые решения: новые материалы, сюжеты, варьировали технику отделки. Над каждым яйцом трудились целый год, с трудом успевая закончить работу в срок, к пятнице Страстной недели следующего года: в этот день глава фирмы, удостоенный личного приема в Царском Селе, вручал его лично в руки императору.

Приведем краткое описание наиболее известных пасхальных яиц фирмы «Фаберже»:

«...на Пасху 1900 г. произвели на свет яйцо, сюжет которого – открытие Великого железнодорожного сибирского пути. Постамент выполнен из белого оникса и украшен тремя двух-главыми грифонами династии Романовых. Яйцо – из зеленой эмали, серебряный пояс по нему изображает карту Сибирского пути. Внутри яйца – миниатюрная (3 см длиной), из золота и платины, копия императорского поезда из локомотива и пяти вагонов. Крохотный движок внутри платинового паровозика с бриллиантовыми фарами позволял «отправить состав в путь». На этот шедевр ювелирного искусства и сейчас можно полюбоваться в Оружейной палате Московского Кремля.

На Пасху 1913 г. сюжетом стало 300-летие дома Романовых. В подставке – мощный гербовый орел из чеканного золота. По поверхности яйца – миниатюрные портреты самодержцев романовской династии. Внутри яйца – шар голубой стали, на обеих половинах этого шара изображены золотой инкрустацией карты Российского государства: при вступлении Романовых на престол с одной стороны шара и при царствовании Николая II».

Этот шедевр тоже находится в Оружейной палате.

За 75 лет своей деятельности фирма «Фаберже» изготовила, по разным подсчетам, от 150 до 200 тыс. ювелирных изделий. Их нет в музеях и запасниках России к началу 1930-х гг. уцелело около 2 тыс. работ, а к нашему вре-

мени – чуть больше одной тысячи. На Западе их намного больше: только в коллекции Арманда Хаммера их насчитывалось несколько тысяч.

Сочетающие в себе разнообразные художественные стили (барокко, классицизм, рококо, модерн), уникальные новаторские идеи в изготовлении конструкций яиц, применение полихромии (сочетание драгоценных и поделочных камней, различных металлов, лигатур, эмалевых покрытий), тщательную филигранную отделку, изделия фирмы «Фаберже» по праву считаются вершиной мирового ювелирного искусства.

Но все же пасхальные яйца составляют лишь малую часть всей продукции фирмы «Фаберже». Карл Фаберже был прежде всего золотых дел мастером, и изумительные творения, созданные в мастерских Фаберже, представляют собой примеры ювелирного искусства, доведенного до совершенства. Выполняя заказы Российского императорского и королевских дворов Европы, Фаберже и его мастера сумели создать более 150 000 ювелирных работ, простых и сложных, остроумных и удивительных, задуманных с непревзойденной изобретательностью и выполненных с величайшей тщательностью.

Попытки возродить знаменитую марку Fabergena протяжении 70 лет так и не имели успеха. После длительных поисков

Faberge удается найти компетентного и высококвалифицированного мастера в лице Дома VictorMayer, основанного в 1890 г. В 1989 г. эта компания получила звание единственного мастера-производителя Faberges правом именного клеймения.

Компания VictorMayer (г. Пфорцхайм, Германия) основана более ста лет назад гравировщиком Виктором Майером. Великолепные изделия Майера – декорированные эмалью портсигары, пудреницы, настольные колокольчики, комплекты для бюро, стаканы для водки и наборы для туалетного столика – высоко ценились еще в царской России. А в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже своими работами он составил достойную конкуренцию самому Карлу Фаберже. Принадлежащая сейчас внуку Виктора Майера, доктору Герберту Мор-Майеру, компания сохраняет лучшие традиции Faberge.

Современные изделия Faberge – это не воссоздание копий ранних работ Карла Фаберже, а оригинальные произведения. В 1990 г. мастера-ювелиры компании VictorMayer взяли за возрождение традиции Фаберже. С этого момента возобновилось производство ювелирных пасхальных яиц и миниатюрных кулонов, выполненных в форме яйца. Оригинальные творческие идеи и высокое мастерство – визитная карточка знаменитого ювелира Карла Фаберже – послужили источником вдохновения при разработке современных коллекций. Сегодня, как и раньше, темами, вдохновляющими художников-ювелиров при создании ювелирных яиц, являются крупнейшие

мировые события и выдающиеся люди, оставившие след в истории человечества.

Первое послереволюционное яйцо Faberge «Мир Горбачева» выполнено в честь присуждения М. Горбачеву Нобелевской премии мира.

Темой для очередной серии ювелирных яиц послужила симфония Антонио Вивальди из его цикла «Времена года».

Кульминацией творческих стремлений мастеров, вне всяких сомнений, стало музыкальное яйцо «Часы с индикатором лунных фаз», ставшее сенсацией на международной часовой и ювелирной выставке «Базель-2001». На его создание мастерам потребовалось 18 месяцев. Помимо времени часы с 8-дневным запасом хода показывают годовой зодиакальный цикл и лунный календарь. Музыкальный механизм часов играет 9 мелодий.

И теперь, через 84 года, изделия Faberge вернулись в Россию.

19. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

19.1. Н. Г. Чернышевский – мыслитель и человек

Чернышевский раньше был знаком каждому со школьных лет. Однако сквозь «хрестоматийный глянец», который на него навели в течение десятилетий, многим нелегко рассмотреть лицо простого и мудрого, часто ироничного и самоироничного человека. Чтение Чернышевского никак не может произвести такого впечатления, какое производят Пушкин, Толстой и даже Герцен. Тем важнее представляется задача показать современному человеку облик великого русского мыслителя, свободный от хрестоматийности.

Учитывая масштабы, универсальность, многожанровость литературы о Чернышевском, было бы несерьезно претендовать на открытие читателю чего-то нового в пределах этого небольшого очерка. Задача автора намного скромнее – показать существенные связи между личностью Чернышевского и его социально-экономическими взглядами.

Есть одно важное различие в деятельности А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, которое связано прежде всего с обстоятельствами. Герцен около четверти века провел в эмиграции и выступал в тот период, важнейший в его жизни и деятельности, в свободной печати. Чернышевский никогда не знал, что значит писать свободно, не опасаясь цензуры. Всегда ли это в полной мере учитывается при анализе его взглядов? Не уверен. С другой стороны, неточное знание методов русской цензуры приводит некоторых авторов к несколько странным утверждениям. Так, В. М. Корочкин, безусловно добросовестный исследователь, в ряде своих работ доказывает, что Чернышевский уже с середины 50-х гг. был знаком с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса, находился под их влиянием и постоянно ссыался на них, не называя при этом их по имени. Между тем сами имена Маркса и Энгельса никогда не были, как известно, запретными в русской печати, и сам же исследователь приводит многочисленные примеры цитирования и обсуждения их работ в те же годы, когда писал Чернышевский. По мнению Корочкина, Чернышевский обманывал цензуру, употребляя формулы вроде «новейшие мыслители», «новое направление»*. Но совершенно невозможно представить себе русского читате-

* См.: Корочкин В. М. Проникновение идей К. Маркса и Ф. Энгельса в экономическую литературу революционных демократов России. М., 1961. С. 41 и дальше. Имеется также де-

ля 50-х гг., который мог бы предположить, что речь здесь идет о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Тогда чего мог добиваться Чернышевский? Автору, несомненно, известны свидетельства товарищей Чернышевского по каторге, из которых видно, что к концу 60-х гг. он в какой-то степени знал важнейшие сочинения К. Маркса, но не рассматривал его как великого новатора в общественных науках*.

Думается, в вопросе о соотношении взглядов Н. Г. Чернышевского и марксизма, казалось бы рассмотренном многими исследователями, остается все же много неясного. Но очевидно, что мысль Чернышевского, при всех особенностях русской жизни и порождаемых ею проблем, развивалась в том же направлении, что и идеи основоположников марксизма. Творчество Чернышевского стало важным этапом русской мысли на пути к марксизму.

Не надо, однако, рассматривать Чернышевского только в качестве предшественника русского марксизма. Это тот односторонний, непомерно идеологизированный подход к русскому мыслителю и писателю, который настойчиво навязывался в последние десятилетия. Думается, что не в последнюю очередь этим обстоятельством объясняется падение интереса к трудам Чернышевского, особенно со стороны школьной и студенческой молодежи. Отрадно, что стали сейчас появляться работы, где личность и деятельность Чернышевского раскрываются свежо и неординарно.

Сама личность Чернышевского в сопоставлении с личностью Герцена воплощает новый, разночинский этап революционного движения. Он происходил из семьи священника, учился в семинарии и Петербургском университете, был гимназическим учителем и журналистом. Он был интеллигент в лучшем, благородном смысле этого слова.

Николай Гаврилович Чернышевский родился в 1828 г. в Саратове. Детство его прошло в небольшом деревянном доме над Волгой, который и поныне сохраняется как национальная святыня. Религия играла большую роль в семье и в воспитании мальчика. В 18–20 лет, пережив серьезный внутренний кризис, Чернышевский обращается к материализму и атеизму. Отец Николая Гавриловича, будучи человеком хорошо образованным, широко мыслящим и очень добрым, был первым учителем мальчика, у которого рано обнаружили необычайные способности. Юный Чернышевский поражал своими знаниями не только саратовских провинциалов (что могло бы показаться не так уж странно), но очень скоро выделился и в петербургской студенческой среде.

пониженная в ИНИОН АН СССР рукопись его работы, специально посвященной экономическим идеям Чернышевского (1978 г.).

* Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 325–326, 529.

Первым научным увлечением Чернышевского были лингвистика и русская литература, а первой политической школой – европейская революция 1848–1849 гг. и участие в кружке петрашевцев, вскоре разгромленном. К счастью, он сам на этот раз не пострадал. Между тем среди петрашевцев были и его ровесники.

Вспоминая свою юность, Чернышевский называл себя биб-лиофагом – пожирателем книг, каковым он, впрочем, оставался до конца дней. Круг его чтения в студенческие годы поражает масштабностью и широтой. Из социалистов на него сильнейшее впечатление произвел Фурье. Потребность в экономическом обосновании социализма скоро приводит его к необходимости изучать политическую экономию. Он читает Смита, Рикардо, Мальтуса, «Историю политической экономии» Бланки, некоторые отечественные сочинения. Чернышевский хорошо знал французский, немецкий и древние языки, в Петербурге он самостоятельно овладевает английским. Одновременно он упорно штудирует философов, наибольшее влияние на него оказал материализм Фейербаха. Интенсивное накопление знаний продолжалось в университетские годы и в годы учительства в Саратове (1851–1853 гг.).

Эти годы жизни отражены в дневниках Чернышевского. Многие изумляет в них читателя, но здесь хотелось бы отметить главный мотив его дневников – ощущение своего призвания. В мае 1846 г. семнадцатилетний юноша отмечает у себя «стремление к славе и соделанию блага человечеству». В декабре 1848 г. Чернышевский пишет, что не подорожит жизнью для торжества своих убеждений. В других случаях он видит себя не столько революционером действия, сколько революционером мысли, человеком, который всему «придает решительно новое направление... который один открывает столько, что нужны сотни талантов и гениев...»*.

В 1853 г. Чернышевский поселился в Петербурге и стал профессиональным литератором. Скоро он сделался деятельным сотрудником, а затем фактическим руководителем журнала «Современник», вокруг которого сплотились лучшие силы молодой демократической литературы и общественной мысли России. В «Современнике» он работал вместе с Н. А. Некрасовым и Н. А. Добролюбовым, с которыми его связывала тесная дружба.

Научная и литературная деятельность Чернышевского в Петербурге продолжалась всего около десяти лет. Первые годы его семью преследовала жестокая нужда, и ради заработка он брался за любую работу, не дававшую ему никакой радости. Впрочем, уже став редактором «Современника», Чернышевский и тогда вынужден был делать массу черной журналистской работы. Объем написанного им за эти годы невероятно велик. Среди статей и

* Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939. Т. 1. С. 562.

рецензий выделяются такие, как новаторская работа в области теории искусства «Эстетические отношения искусства к действительности», продолжающий традицию В. Г. Белинского труд «Очерки гоголевского периода русской литературы», книга о немецком просветителе Лессинге, социологический этюд «Критика философских предубеждений против общинного владения».

В. И. Ленин писал, что «Чернышевский – единственный действительно великий русский писатель, который сумел... остаться на уровне цельного философского материализма...»*. Из великих предшественников ближе всех Чернышевскому был Людвиг Фейербах, о чем он не раз писал сам. Вместе с тем Чернышевский был наследником лучших традиций французской материалистической философии – это особенно проявилось в его знаменитой теории разумного эгоизма, вызывавшей столько толкований и недоумений.

Речь у Чернышевского шла о том, чтобы опровергнуть религиозную и идеалистическую этику, которая господствовала в обществе и ослепляла людей. С некоторым вызовом он объявил здоровой основой этики разумный эгоизм, т. е. заботу человека о собственном благе, поскольку эта забота не нарушает блага других людей. Как считает Б. С. Рюриков, разумным эгоизмом «Чернышевский, в сущности, называл разумное сочетание личных интересов с общими»**.

Практически все работы Чернышевского по политической экономии написаны и опубликованы за короткий период 1857–1862 гг. Формально большинство из них представляет собой отзывы на русские и зарубежные экономические сочинения, однако эти глубокие и оригинальные труды Чернышевского имеют вполне самостоятельное значение. Центральное место в его наследии занимают труды, связанные со сделанным им переводом на русский язык книги известного британского ученого Дж. Ст. Милля «Принципы политической экономии». В замечаниях к главам Милля и в «Очерках из политической экономии (по Миллю)»***, опубликованных впервые в «Современнике» в 1860–1861 гг., Чернышевский изложил свои главные экономические идеи. Значение этого труда было велико и для русской политической экономии, и для русской революционной мысли. Вплоть до 90-х гг. он служил для демократической молодежи введением в политическую экономию. По Чернышевскому и Миллю изучали эту науку в студенческом кружке, к которому примыкал революционер-народник Александр Ульянов, старший

* Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 384.

** Рюриков Б. С. Н. Г. Чернышевский. Критико-биографический очерк. М., 1961. С. 83–84. В литературе высказывалось мнение, что Чернышевский воспользовался также радикально-буржуазными идеями утилитаризма Дж. Бентама и Дж. Ст. Милля (см.: Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 276 и др.).

*** История русской экономической мысли. М., 1960. Т. 2. Ч. 2. С. 349–350.

брат Ленина, осужденный и казненный по «делу 1 марта 1887 г.» (покушение на жизнь Александра III).

В замечаниях Чернышевского есть такие слова: «...принимая за истину главные результаты исследований великих английских основателей науки (Смита и Рикардо.– А. А.), мы не думаем, что их трудами исчерпана вся истина. Вообще говоря, у них очень удовлетворительно объяснены те стороны дела, которые исследованы ими внимательно; но они были все-таки не боги, а люди, и, заметив многое, многое оставили без внимания. Их труды нуждаются в пополнениях. Эти пополнения сделаны мыслителями, которых мы признаем своими прямыми учителями»*.

В подцензурном издании Чернышевский не мог сказать яснее. Речь идет о том, что он намерен был соединить научные основы учения классиков политической экономии с идеями социалистов.

Один из современников и сотрудников Чернышевского писал много позже, уже в начале XX в.: «Невольно приходит на ум мысль, сколько времени и сил потратил этот мыслитель, будучи принужден заниматься такими мелочами, как рецензии на плохие повестушки, в то время как в его голове успели созреть стройные политико-экономические и историко-философские системы, которых впоследствии он не успел развить во всей полноте и которые тем не менее вызвали удивление беспощадно строгого Карла Маркса»**.

Маркс неоднократно обращался к научному творчеству Чернышевского. В послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» (1873 г.) он отмечает достижения Чернышевского в критике буржуазной политической экономии и называет его «великий русский ученый и критик».

Главным противником, с которым Чернышевский вел борьбу, было крепостничество и самодержавие. Но он страстно верил, что после победы над этим врагом русский народ не пойдет по пути капиталистического развития, а станет на путь социализма. Подобно Герцену он возлагал надежды на крестьянскую общину и стихийно-социалистические основы народной жизни в России. В двух важнейших пунктах воззрения Чернышевского отличались от герценовских. Он был свободен от либеральных иллюзий Герцена и всегда твердо стоял на позициях крестьянской революции и революционного преобразования общины и всей социальной системы России***. Он не был в такой мере предан идее «русской исключительности» и считал реальным переход к социализму в странах Запада без посредства общины.

* Чернышевский И. Г. Избранные экономические произведения. М., 1949. Т. 3. Ч. 2. С. 227.

** Цит. по: Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. Т. 1. С. 166.

*** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 18.

В 1859–1861 гг., в период подъема демократического движения и обострения революционной ситуации, Чернышевский становится признанным идейным вождем революционеров. Искусно обходя цензуру, редактор «Современника» выступает в своих статьях за крестьянскую революцию, за создание в России революционной организации. Чернышевский участвует в создании и распространении прокламаций, в учреждении тайного общества «Земля и воля». Растет популярность Чернышевского среди демократической интеллигенции, но растет и ненависть его могущественных врагов. В июле 1862 г. Чернышевский был арестован и около двух лет провел в Петропавловской крепости до суда и под судом. Обвинение сфабриковали с помощью провокаторов.

Характерный документ представляет приговор сената, судившего Чернышевского. Изложив сомнительные и прямо подложные «доказательства» государственного преступления, авторы приговора раскрывают суть дела: «...Чернышевский, будучи литератором и одним из главных сотрудников журнала «Современник», своею литературною деятельностью имел большое влияние на молодых людей, в коих, со всею злою волею, посредством сочинений своих развивал материалистические в крайних пределах и социалистические идеи, которыми проникнуты сочинения его, и, указывая в ниспровержении законного правительства и существующего порядка средства к осуществлению вышеупомянутых идей, был особенно вредным агитатором...»*.

Таким образом, продираясь сквозь дебри канцелярщины, не так уж трудно установить, что Чернышевский был осужден за свои идеи, а не за какие-то действия.

Сенат приговорил Чернышевского к 14 годам каторги и вечной ссылке в Сибирь. Александр II утвердил приговор, сократив срок каторги до семи лет. Чернышевский был подвергнут унижительной и нелепой процедуре «гражданской казни» (эшафот, позорный столб, перелом шпаги над головой) и отправлен в Восточную Сибирь.

Кабинетный ученый, человек книжный, по внешности спокойный и мягкий, Чернышевский показал себя в неравном поединке с самодержавием мужественным бойцом. Отделенный от живых каменными стенами Петропавловки и бревенчатыми – сибирских острогов, тысячами верст бездорожья и бдительной охраной, Чернышевский продолжал революционную борьбу и литературную деятельность.

Он был изгят из жизни, в сущности, совсем молодым, 34-летним. Таким он и остался в памяти большинства мемуаристов. Мало кому довелось увидеть его после 1862 г. Н. В. Шелгунов, друг и сподвижник Чернышевского,

* Дело Чернышевского: Сборник документов. Саратов, 1968. С. 429–430.

оставил нам такой портрет: «Чернышевский наружным видом не мог производить особенного впечатления. Небольшого роста, совсем белокурый, с легким оттенком рыжеватости, худощавый, тонкий, нервный, но с приятными, умными, добрыми голубыми глазами. Чернышевский смотрел потупившись, говорил как бы с усмешкой, имел привычку прибавлять «с» – «да-с», «нет-с». Общий вид его был очень симпатичный, влекущий и располагающий... Чернышевский был очень застенчив и скромн в манерах. Львом он являлся только в своих статьях...»*. Остается добавить, что Чернышевский с юных лет был сильно близорук и всегда носил очки.

Крестный путь

Л. Ф. Пантелеев, член общества «Земля и воля», автор ценных воспоминаний о Чернышевском и 60-х гг., писал, что его жизнь – это крестный путь. Это древнее евангельское выражение, несущее в себе высокие понятия долга, самоотверженности, героизма, хорошо выражает личность и судьбу Чернышевского.

...Десять лет чудовищного труда, который буквально не оставлял ему времени на сон. Двадцать один год крепости, каторги, сибирской ссылки, ничем не отличающейся от тюрьмы. Шесть лет ссылки в Астрахани и Саратове под полицейским надзором без права на собственное литературное имя. Таковы вехи зрелой жизни Чернышевского.

А ведь это был общительный человек, любивший дружеский разговор, обмен мнениями, шутку и смех!

В тюрьме Александровского завода (Забайкалье) он вел с политическими каторжниками долгие разговоры о политике, философии, истории, политической экономии. Лишь ничтожная часть высказанных Чернышевским глубоких суждений по самым разным проблемам осталась в памяти собеседников. Молодой С.Г. Стахевич, наиболее подробно и квалифицированно записавший эти беседы, рассказывает, что обсуждались такие экономические проблемы: потребление мяса населением в России и в Западной Европе; влияние экономических кризисов на положение рабочих; бумажные деньги и движение цен и заработной платы при их обесценении; производительные товарищества (вроде описанных в романе «Что делать?») и их будущее; отличия фурьеризма и коммунизма; наконец, мнение Чернышевского об экономических трудах К. Маркса. Там говорилось о Фейербахе и его философии, о

* Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 236–237.

модной книге англичанина Бокля «История цивилизации в Англии», о том, что произошло бы в России, если бы добрый царь против воли дворянства отдал всю землю крестьянам... Последний вопрос дал повод Чернышевскому набросать целую социальную фантазию, но сказать в заключение: «Дальше не знаю; задача неопределенная, допускающая много разных решений...»*.

Тюремный университет, продолжающий традиции ссыльных декабристов и предвосхищающий судьбы социал-демократов...

В этой тюрьме у Чернышевского, по крайней мере, были слушатели и собеседники. В конце 1871 г. он был «освобожден» и сослан в чудовищно глухой и безлюдный Вилюйск, где он провел около двенадцати лет почти в полном одиночестве, во всяком случае интеллектуальном. По свидетельству сочувствующего ему военного чиновника, «ссылка эта может вполне считаться продолжением каторжных работ, т. е. увеличением каторжного срока на неопределенное время, уже без всякого суда»**. Чернышевский был помещен в «острожке-тюрьме», от которой не имел права удаляться более чем на пятьсот шагов. Опасаясь обыска и конфискации рукописей, узник уничтожал многое из того, что писал в Вилюйске.

Чернышевский завел друзей среди местных жителей – якутов, общался с немногими обывателями Вилюйска. Влияние его личности было таково, что (юмористическая нота в этой трагедии!) сменявшийся ежегодно в его охране жандарм возвращался в Иркутск (губернский город) каждый раз «заметно сообразительнее и развитее, нежели был до командировки в Вилюйск»***.

Лучшие люди России и Западной Европы боролись за освобождение Чернышевского. Герцен первым выступил с гневным обличением царизма за расправу над мыслителем. Он много сделал, чтобы привлечь к судьбе Чернышевского внимание передовых людей на Западе. К. Маркс и Ф. Энгельс проявляли большой интерес не только к идеям, но и к жизни и судьбе Чернышевского, о чем мы имеем, в частности, свидетельства русского революционера и друга Маркса Г. А. Лопатина. Лопатин предпринял героическую попытку освободить Чернышевского из заточения, однако она закончилась неудачей.

Только в 1883 г. Чернышевский получил разрешение жить в Астрахани. Здоровье его было подорвано, он страдал ревматизмом и болезнью желудка. Чтобы заработать на жизнь, он взялся за перевод многотомной «Всеобщей истории» Г. Вебера и, работая со своей обычной интенсивностью, перевел за четыре года одиннадцать с половиной больших томов. Он работал над био-

* Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. С. 317. Обратите внимание на характерный «математический» язык этой фантазии.

** Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. С. 361.

*** Там же. С. 352.

графией Добролюбова и замышлял много других трудов, в том числе предназначенную для народа книгу по политической экономии. Чернышевский продолжал самозабвенно трудиться до последнего дня жизни. Отвечая своему двоюродному брату и другу А. Н. Пыпину, который уговаривал его отдохнуть, он писал: «...изнурительно мне жить без работы...»*.

В Астрахани с Чернышевским беседовал корреспондент лондонской газеты «Дэйли ньюс». Замечательно следующее суждение автора воспоминаний: «Чернышевский далее объяснил, что настоящею причиной его заключения и ссылки был ряд статей политического и экономического содержания, напечатанных в журнале Некрасова «Современник», в числе их был разбор сочинения по политической экономии Джона Стюарта Милля»**. Итак, если корреспондент правильно изложил дело, сам Чернышевский считал главной причиной преследований именно свою научно-литературную деятельность, и притом в области политической экономии.

Н.Г. Чернышевский умер в октябре 1889 г. в своем родном Саратове, куда его перевели за несколько месяцев до смерти. В Астрахани и Саратове ссылку делила с ним жена Ольга Сократовна. Чернышевский женился на дочери саратовского врача в 1853 г., открыв невесте до свадьбы свои революционные убеждения и пророчески предупредив о том, что он может быть казнен или заключен в тюрьму. У Чернышевского было два сына. Младший, Михаил Николаевич, посвятил свою жизнь собиранию и публикации литературного наследия отца.

О личности Чернышевского сказано так много, что трудно найти какие-то особенные слова. Может быть, лучше привести высказывание секретаря Чернышевского в последние годы его жизни, в то время совсем юноши: «Нравственное качество души Чернышевского было испытано, не дай бог никому, великим испытанием и оказалось полновесным. Над развалинами беспощадно разбитого существования встает тихий, грустный, благородный образ мудрого и справедливого человека»***. Вслед за Белинским и Герценом Н. Г. Чернышевский выступил в русской науке и общественной жизни прежде всего как просветитель. В области политической экономии Чернышевский видел свою задачу в том, чтобы донести до русского читателя «в целостности», «без порчи» идеи Смита, Рикардо, Мальтуса, Милля. Он посвятил также специальную работу Тюрго.

В оценке классиков мысль Чернышевского, можно сказать, двигалась в том же направлении, что и мысль Маркса. Раскрывая важнейшие черты

* Там же. С. 453.

** *Стеклов Ю. М.* Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 597.

*** Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. С. 448.

классической политической экономии, он исходил из того, что это учение полностью соответствует интересам промышленных и торговых капиталистов, которые уже в основном одолели феодальное сословие, а отчасти взяли его представителей в союзники в борьбе с рабочими за распределение создаваемой трудом стоимости. Это были новые и важные для России мысли.

Но это была лишь часть учения Чернышевского. Он видел чисто буржуазный характер классической политической экономии и считал ее полезной в России лишь для борьбы с феодально-крепостническим строем. Чтобы экономически обосновать идеал будущего общества, он обращался к идеям социализма, который был тогда утопическим. При этом Чернышевский подверг классиков глубокому критическому анализу с новых, модифицированных социалистических позиций.

Наконец, он считал своей задачей воспрепятствовать распространению в России буржуазно-апологетических теорий и потому со свойственным ему политическим задором обрушился на западных и русских экономистов того направления, которое Маркс окрестил вульгарным.

Адам Смит для Чернышевского – большой авторитет. В своей крупнейшей (наряду с очерками по Миллю) экономической работе «Капитал и труд», представляющей собой развернутую рецензию на книгу И. Я. Горлова, он пишет: «Адам Смит... был основателем новой науки: показал отношение труда к ценности, участие капитала в производстве, норму вознаграждения за труд, важность разделения труда, и мало ли каких новых открытий не сделал он! На нескольких страницах не перечтешь и десятой части их». Отметив далее заслуги Рикардо и Мальтуса, автор саркастически спрашивает: «Но интересно было бы нам знать, какую новую мысль можно найти у кого бы то ни было из экономистов, славившихся после Мальтуса или Рикардо или процветающих ныне? Какое открытие в науке сделал Мишель Шевалье, или Бастиа, или Волровский, или Рошер, или Рау, или хотя бы даже сам Жан-Батист Сэ?»*.

Как видим, Чернышевский четко отделял вульгарных экономистов от классиков. Он указывал и на социальные причины этого «перерождения» классической науки: ее главной целью стала защита буржуазного общественного порядка.

Как относился Чернышевский к Миллю и почему он вложил огромный труд в перевод его сочинения? Не исключено, что здесь сыграли свою роль цензурные соображения. Милль был совершенно благонадежным с точки зрения цензуры, его книга и в Западной Европе, и в России считалась самым солидным изложением основ политической экономии. Но Милль был самым последовательным среди западноевропейских теоретиков продолжателем

* Чернышевский Н. Г. Капитал и труд // Избранные экономические произведения. М., 1948. Т. 2. С. 326.

Смита и Рикардо. Он видел ряд глубоких противоречий и пороков капитализма, с симпатией относился к умеренным, эволюционным социалистическим идеям.

Давая русскому читателю текст самого Милля, Чернышевский готовил почву для восприятия читателями своих собственных взглядов. В предисловии переводчика читаем: «Милль пишет как мыслитель, ищущий только истины, и читатель увидит, до какой степени различен дух науки, им излагаемой, от направления тех изделий, которые выдаются у нас за науку.

Но его система все-таки далеко не наша система. Мы переводим его книгу не потому, чтобы считали ее вполне удовлетворительною, а только потому, что в ней честно и верно изложена та сторона науки, которая развилась раньше других частей и служит основанием для дальнейших выводов.

Мы представим, по мере наших сил и знаний, эти выводы в дополнениях, которые будут следовать за каждым отделом теории, излагаемой Миллем»*. Ясно, что речь идет о выводах социалистических.

Один пример. Милль говорит, что труд сам по себе неизбежно содержит для человека неприятные, отрицательные стороны (позднее это было названо в английской науке как «антиполезность труда»). Чернышевский отчасти соглашается с автором, но далее подробно и как-то даже навязчиво объясняет читателям, что такое понятие о труде возникает лишь «при нынешнем состоянии общества», т. е. при эксплуатации человека человеком. «Есть теория» (читай: теория социалистов. – А. А.), согласно которой при устранении этой «внешней обстановки» труд может стать привлекательной деятельностью**.

Социалисты-утописты, особенно французские, не ставили своей задачей объективный научный анализ экономики современного им капиталистического общества. Чернышевский подходил к нему не только как критик, но и как глубокий аналитик, стремясь опереться на достижения предшествующей науки. Поэтому, вероятно, не совсем прав Плеханов, когда он пишет: «...для него, как и для всех других социалистов-утопистов, главная задача науки заключалась не в изучении объективного хода, развития *нынешнего* общества, а в исследовании того, каким должно быть *будущее* общество»***.

Если Чернышевский и остался социалистом-утопистом (иным социалистом он объективно и не мог быть), он сделал большой шаг вперед по сравнению со своими предшественниками.

* Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения. Т. 3. Ч. 1. С. 7–8.

** См. там же. С. 103.

*** Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский // Соч. Т. 6. С. 70.

Экономическая теория трудящихся

Теорией трудящихся Чернышевский называл «теорию, соответствующую потребностям Нового времени, в противоположность отсталой, но господствующей теории, которую будем называть теорией капиталистов». Основной принцип теории трудящихся (социализма) Чернышевский прямо увязывает с тезисом Смита, согласно которому стоимость создается исключительно трудом. Потому «правило здравого смысла» (подчеркнуто мной. – А. А.) предполагает следующее: «Произведение должно принадлежать тому, кто произвел его. Задача состоит только в том, чтобы открыть способы экономического устройства, при которых исполнялось бы это требование здравого смысла»*. Против социализма «последователи теории капитала» (так автор называет буржуазных экономистов) выдвигают «дикое» понятие о естественности и искусственности экономических учреждений. Но «естественность» капитализма есть лишь удобная форма прославления строя, который с более высокой, общечеловеческой точки зрения вовсе не является естественным. Столь же нелепо утверждение об «искусственности» социализма, который в действительности соответствует принципам справедливости и гуманности.

В этих рассуждениях воплощены как достоинства, так и недостатки теоретических взглядов Чернышевского. Мы встречаемся вновь с утопическим требованием «полного продукта труда» для рабочих и с такого же характера утверждением, что капитализм противоречит здравому смыслу, а социализм соответствует ему.

Сам Чернышевский считал, что он только подошел к созданию экономической теории трудящихся. Заканчивает он свои очерки по Миллю, обещанием завершить эту теорию. Мы можем только гадать, какой вид приобрела бы его система политико-экономических идей, если бы он мог работать над ней еще 10–15 лет.

В теории трудящихся Чернышевского можно выделить три стороны: критику крепостничества, критику капитализма, обоснование социализма. По своей классовой природе это идеология крестьянской демократии, заинтересованной прежде всего в уничтожении феодально-помещичьей земельной собственности и эксплуатации крестьян. Но в условиях России крестьянская демократия могла быть единственной общественной силой, способной бороться за интересы всех трудящихся против эксплуататорских классов и всех форм угнетения. И находившийся в зародыше русский городской пролетариат, и рабочий класс Запада могли быть союзниками крестьянства в ре-

* Чернышевский Н. Г. Капитал и труд // Избранные экономические произведения. Т. 2. С. 352.

волюции, которая была бы одновременно антикрепостнической и антикапиталистической.

При ближайшем рассмотрении идея полного продукта труда превращается у Чернышевского в систему *социалистического производства и распределения*. Поскольку будущее принадлежит крупному производству, необходимо внедрение принципа товарищества, какой-то высшей, социалистической формы кооперации и ассоциации. Наемные рабочие превращаются при этом в «хозяев-производителей», т. е. являются собственниками средств производства и его продукта. Они же коллективно устанавливают порядок распределения продукта или денежной выручки от его продажи.

Основу буржуазной политэкономии – теорию стоимости и распределения – Чернышевский стремился обратить на пользу социализма. Действие закона стоимости, считал Чернышевский, при капитализме сводится к тому, что труд делается товаром (чего не должно «по-человечески» быть), а меновая стоимость становится единственной целью производства. Подлинную важность в товаре имеет *внутренняя ценность* (своего рода общественная полезность), но она может стать регулятором производства и его пропорций лишь при социализме.

Перспективы капитализма с точки зрения судеб рабочего класса Чернышевский воспринимал лишь в самых крайних вариантах и склонялся к идеям «железного закона заработной платы» и рабочего фонда. Для него это было отнюдь не аргументом в защиту капитализма (мол, виновата природа, а не общественный строй), а, наоборот, доказательством его порочности и временности. Чернышевский, допуская справедливость теории рабочего фонда, как будто даже с некоторым злорадством спешил с ней согласиться в интересах более убедительного обоснования социализма.

Чернышевский был, так сказать, экономист милостью божьей. Проницательные и меткие замечания и брошенные как бы между прочим оригинальные мысли рассеяны по его сочинениям. Приведем лишь два примера. Он писал, что современное крупное и сложное производство по своему существу требует изменения отношения рабочего к своему труду, создания новых стимулов: «...тут уже нужно, чтобы вознаграждение за труд заключалось в самом продукте (и процессе? – А. А.) труда, а не в какой-нибудь плате, потому что никакая плата не будет тут достаточно вознаграждать за добросовестный труд, а различать добросовестный труд от недобросовестного становится все менее и менее возможным кому бы то ни было, кроме самого трудящегося»*.

Поставлена, можно сказать, важнейшая проблема организации труда в современном обществе. Действительно, опыт показывает, что ни высокая

* Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения. Т. 3. Ч. 1. С. 308.

заработная плата, ни госприемка не гарантируют добросовестный труд, для этого надо что-то еще – чувство ответственности за общее дело, за конечный результат производства. Как создать это чувство? Теперь ясно, что мы это плохо знаем или совсем не знаем.

Вызывают изумление мысли Чернышевского об оптимальном сочетании в процессе производства живого и овеществленного труда (работников и орудий), приводимые им условные числовые примеры, которые предвосхищают современный анализ методом производственных функций*. В ожидании суда в одиночной камере Чернышевский за четыре месяца написал роман, которому суждена была необычная судьба и долгая жизнь.

Приключения этого романа начались с того, что Некрасов, едуци из крепости на извозчике, потерял рукопись и пережил несколько часов отчаяния, пока она не была, к счастью, возвращена в редакцию «Современника» нашедшим ее случайным прохожим. Благополучно проведя роман через цензуру, Некрасов опубликовал его в 1863 г. без имени автора. Как говорит Плеханов, «с тех пор как завелись типографские станки в России и вплоть до нашего времени, ни одно печатное произведение не имело в России такого успеха, как «Что делать?». Извольте после этого указывать на тенденциозность автора, извольте повторять, что он не художник!»**.

Действительно, поразительный факт состоит в том, что в художественном отношении «Что делать?» – откровенно слабая вещь. Это, кстати, охотно признавал сам автор. Он при этом надеялся, что малость его литературного таланта искупается тем, что он «правильнее других» понимает некоторые вещи. В воспоминаниях Н. К. Крупской о В. И. Ленине есть такое примечательное наблюдение о его литературных вкусах: «Больше всего он любил Пушкина. Но не только форму ценил он. Например, он любил роман Чернышевского «Что делать?», несмотря на малохудожественную, наивную форму его»***. В. И. Ленин говорил о большом влиянии, которое оказал на него в юности роман «Что делать?».

Секрет невиданного литературного успеха и общественного резонанса романа Чернышевского заключался в том, что автор открыто, даже декларативно поставил в нем важнейшие вопросы, которые волновали молодую русскую интеллигенцию, студенчество. Примечателен и выбор заглавия: как жить, к чему стремиться, ради чего работать должен молодой мыслящий человек? По этому поводу А. М. Горький говорил, что русская литература была литературой вопросов. Напомним: роман молодого Герцена назывался «Кто виноват?».

* См. там же. С. 305–307.

** Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский // Соч. Т. 5. С. 115.

*** Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1984. Т. 1. С. 600.

Как это ни странно, «Что делать?» – роман о любви. Он построен по древней как мир схеме любовного треугольника – женщина и двое мужчин. Она любит сначала одного, а потом уходит к другому и счастлива с ним. Такой сюжет может показаться на первый взгляд весьма тривиальным. Но это далеко не так. «Что делать?» – роман о новых людях, о новых отношениях между ними, о новой нравственности. Это свободные и честные люди, женщина среди них – полноправная личность, которая сама сознательно выбирает свою судьбу и для которой жизнь – нечто несравненно более широкое, чем только личное счастье.

Могут сказать (и говорили), что прообразы героини романа, Веры Павловны, можно найти у Жорж Санд, а социалистические утопии Чернышевского навеяны Шарлем Фурье. Надо отметить, что оба этих автора были очень популярны в России в 40-х и 50-х гг. Влияние французской литературы и социалистических идей на Чернышевского неоспоримо. Но во-первых, то, что для французского общества было после 1848 г. во многом уже пройденным этапом, для русского общества представляло острейшую проблему. Во-вторых, произведение Чернышевского не является слепком творений Жорж Санд и Фурье; «Что делать» – глубоко оригинальный по своему существу роман.

Чернышевский попытался противопоставить капиталистическому предпринимательству, целью которого является умножение прибылей собственника, кооперативное производственное товарищество, свободный трудовой коллектив, где люди работают без капиталиста, на себя. Это швейная мастерская, организованная Верой Павловной. Швеи живут коммуной, они не только трудятся вместе, но вместе проводят досуг, учатся, развлекаются. Рационально организовано их жилье и питание. Труд в мастерской стал жизненной потребностью, естественной формой жизнедеятельности, радостью. В своем романе Чернышевский предстает перед нами и как экономист: показывает читателю финансовую сторону деятельности мастерской. Выясняется, что благодаря более высокой производительности труда, экономии на издержках и отсутствию капиталистов, заработная плата работниц вдвое выше, чем в обычных мастерских. Кроме того, рациональная организация потребления обеспечивает двойную экономию. В итоге «реальная заработная плата» этих счастливиц в четыре раза выше, чем при работе «на хозяев». Ведь это как раз то, о чем говорил Герцен: твердыню собственности и капитала трясут «расчетом, двойной бухгалтерией, ясным балансом дебета и кредита».

Подобно Фурье Чернышевский помещает свою коммуну в частнокапиталистическую среду. Но он уже видит, что не приходится рассчитывать на мирное преобразование общества путем массового распространения подобных трудовых ассоциаций. «Жаль, что нет возможности развиваться этим

швейным...» – говорит Вера Павловна*. Понятно, что этого не допустят ни конкуренты, ни власти. В варианте, не вошедшем в опубликованный текст по цензурным соображениям, есть прямой намек на вмешательство полиции.

Знаменитые «сны» Веры Павловны рисуют утопическую картину будущего общества. Частная собственность ликвидирована. Отчуждение человека от процесса и результатов его труда исчезло. Труд стал высокопроизводительным благодаря машинам. Сделаны важные шаги на пути достижения распределения по потребностям: обычное, среднее потребление, обеспечивающее жизнь, – бесплатно («нет расчетов»), но «за каждую особую вещь или прихоть – расчет»**.

Чернышевский предвидел не только изменение характера труда, но и возникновение новых, здоровых, подлинно человеческих форм отдыха, досуга, общения людей.

Да, это фантазия и утопия. Но это высокая и гуманная мечта о будущем, и такая мечта очень нужна человечеству.

Вместе с тем Чернышевский оставался трезвым реалистом, человеком, прочно стоящим обеими ногами на почве действительности. Он выступал против официальных и неофициальных славянофилов, пытавшихся доказать, что России «суждено» явить «старому миру» какие-то самобытные и прекрасные формы общественного развития. Здесь его оружием был сарказм: «... у славянофилов зрение такого особенного устройства, что на какую у нас дрянь ни посмотрят они, всякая наша дрянь оказывается превосходной и чрезвычайно пригодной для оживления умирающей Европы»***. Националистическое хвастовство было ему органически противно.

Своей деятельностью и трудами Чернышевский оказал большое влияние на русскую молодежь, на общественные науки и революционное движение. Русские социал-демократы справедливо считали себя наследниками его идей. Но мир Чернышевского несравненно шире этого наследства.

19.2. Народники первого призыва

В 1871 г. Герман Лопатин, а в 1875 г. Ипполит Мышкин пожертвовали свободой в безуспешных попытках добраться до Чернышевского и освободить его. В 1882 г., после убийства Александра II, революционная организация «Народная воля» вступила в переговоры с новым правитель-

* Чернышевский Н. Г. Что делать? Л., 1975. С. 334.

** Там же. С. 285.

*** Чернышевский Н. Г. О причинах падения Рима // Полн. собр. соч. М., 1950.

ством, требуя радикальных реформ в обмен на отказ от террора, и одним из ее требований было возвращение Чернышевского из ссылки. Переговоры не состоялись.

Эти революционеры были *народниками*. Они считали себя и были последователями Чернышевского. Вместе с тем многое в их идеологии восходило к русскому социализму Герцена.

В своем развитии народничество прошло два этапа. В 60-х и 70-х гг. главным в народничестве было *революционное* направление, объективно выражавшее интересы и идеологию *крестьянской демократии*. В.И. Ленин иногда называл это направление старым народничеством. В 80-х и особенно в 90-х гг. на передний план выдвинулось *либеральное* народничество. В этой главе мы рассмотрим социально-экономические идеи революционных народников и некоторые ведущие фигуры среди них. Многие идеи народников широко распространялись среди русской интеллигенции, в том числе далеко не революционной. Мы увидим на примере А. И. Чупрова и других профессоров, что без учета влияния народников трудно понять и развитие академической науки в последние десятилетия XIX в.

19.3. Быть ли в России капитализму?

Суд над Чернышевским и его товарищами был одним из симптомов окончания времени «реформ и либерализма», наступившего после смерти Николая I. Как писал не без иронии Достоевский, это было «то самое время, когда началось с такою неудержимою силою и с таким трогательно-наивным порывом возрождение нашего любезного отечества, и стремление всех доблестных сынов его к новым судьбам и надеждам»*.

Россия заново европеизировалась. Помимо отмены крепостного права были проведены следующие реформы: судебная (введены суд присяжных и адвокатура), военная (создана современная армия на основе всеобщей воинской обязанности), земская (организованы новые формы местного управления). Все эти реформы создавали благоприятные условия для буржуазного развития.

Но как ни значительны были реформы, они мало затронули широкие народные слои. Многомиллионное русское крестьянство оставалось самой нищей, темной и забитой частью населения всей Европы.

Польское восстание 1863–1864 гг. сильно испугало царя и помещиков, хотя оно, вопреки надеждам революционеров, не перекинулось на русские губернии и осталось движением по преимуществу национальным. Выстрел

* Достоевский Ф. М. Скверный анекдот // Собр. соч. Т. 4. С. 5.

Каракозова в Александра II в апреле 1866 г. послужил последним поводом для волны реакции.

Но в эти же годы поднялось и новое революционное движение, которое оказалось несравненно мощнее и опаснее для самодержавия, чем то, в котором участвовали дворяне-декабристы и Герцен. В России постепенно складывалась новая сила – революционеры-разночинцы, которые учились у Герцена и Чернышевского, но пошли дальше в борьбе против царизма. Эти революционеры были выходцами в первую очередь из среды университетской молодежи.

Уже в 1861–1862 гг. студенческие волнения в Петербурге и Москве показали, насколько силен дух протеста среди молодежи. В 70-х гг. молодежь отчаянно искала новые формы революционного служения народу. Одной из таких форм стало «хождение в народ». Молодые мужчины и женщины уезжали в деревни, чтобы просвещать и лечить крестьян, а вместе с тем вести среди них революционную агитацию. Далеко не всегда крестьяне принимали просветителей и агитаторов приветливо: сплошь и рядом доносили по начальству и помогали хватать их. «Хождение в народ» требовало от его участников мужества, самоотверженности, терпения, активной любви к невежественному народу.

В этих условиях и формировалось народничество, идеология и революционная практика которого сыграли большую роль в развитии общественного сознания в России вплоть до конца столетия. В начале XX в. из народничества вышла партия социалистов-революционеров (эсеров).

Еще в 1851 г. Герцен дал яркую формулу, которая в зародыше заключала всю сумму народнических идей: «Человек будущего в России – *мужик*, точно так же, как во Франции *работник*»*. Народники боролись против феодализма и самодержавия ради раскрепощения и наделения землей русского крестьянства. Однако они не хотели, чтобы в России произошло нечто подобное тому, что случилось во Франции в конце XVIII и в начале XIX в., – образование массы мелких независимых хозяйств с мощным зарядом индивидуализма и эгоизма. Народники исходили из того, что в национальном характере русского народа заложено другое начало – коллективистское. Они верили в жизнеспособность русской сельской общины и полагали, что она может стать ячейкой социализма. Народническую идеологию того времени В. И. Ленин называл «крестьянским социализмом». Он писал: *«Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда – вера в возможность крестьянской социалистической революции, – вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством»**.*

* Герцен А. И. Русский народ и социализм // Собр. соч. Т. 7. С. 326.

** Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 271.

В народничестве 60–70-х гг. имелись разные направления, отличавшиеся как по своим теоретическим взглядам, так и по методам революционной борьбы. Но всем этим направлениям были присущи общие черты, и на этих чертах мы заострим свое внимание.

Наиболее наблюдательные и мыслящие представители народничества глубоко осознавали, что в России развивается капитализм. Более того, им принадлежит честь первой научной и практической постановки вопроса о русском капитализме, о его формах и особенностях, о его значении для освободительной борьбы революционеров. Они видели и отразили в своих работах, что крестьянская община подрывается и уничтожается развитием капитализма в деревне, появлением кулаков, ростовщиков, торговцев.

Но народники отказывались признавать объективную закономерность такого развития, когда крупное производство, как в промышленности, так и в земледелии, в реальных условиях России того времени может развиваться только по капиталистическому пути. Главное, они не хотели капиталистического развития и были склонны выдавать желаемое за действительное. Игнорируя появление и развитие элементов капитализма, многие народники продолжали утверждать, что в России нет условий для него. Они считали эти явления инородными, неорганичными и преодолемыми на путях крестьянского социализма. Народники говорили, что Россия может и должна избежать «язвы пролетариата». Развитие промышленности они представляли себе в виде мелких предприятий, которые находились бы в «артельной» (своего рода кооперативной) собственности. В фабричном рабочем они видели того же мужика, носителя стихийно социалистической психологии, имеющей корни в общинном «мире».

Вера в стихийный социализм народа не мешала народникам считать его политически инертным и пассивным. Отсюда вытекало признание особой роли революционной интеллигенции, субъективного и личного фактора в общественном развитии. Эта концепция была связана со специфической обстановкой 70-х гг.: спад массового крестьянского движения сочетался с подъемом революционной энергии части интеллигенции и студенчества. «Субъективная социология» народников обосновывала активность, действие, оптимизм – в этом было ее положительное значение. Но важнейшим недостатком этой социологии был отказ от исследования объективных законов общественного развития, от поисков и развития подлинно революционного потенциала в народе, ведь этот потенциал таился в зарождающемся и растущем рабочем классе, который народники не хотели признавать.

Неудача «хождения в народ», усиление репрессий властей и революционный энтузиазм толкнули во второй половине 70-х гг. народническую организацию «Земля и воля» и ее преемницу «Народную волю» к индивидуальному

террору против деятелей режима. «Субъективная социология» сыграла здесь свою роль: преувеличивая роль личностей в революционном движении, народники преувеличивали и значение личностей в рядах своих противников.

Экономическая теория народников была полна противоречий: видя распад общинных форм народной жизни и труда, они, тем не менее, стремились на них опереться. В поисках некапиталистического пути развития для России они ориентировались на те общественные формы, которые продолжали существовать в действительности. Было бы неверно оценивать их взгляды только как утопичные, только как иллюзии. Такой позиции придерживались основоположники марксизма.

Могла ли Россия во второй половине XIX в., минуя капитализм, шагнуть в социализм? Могла ли пригодиться для этого сельская община? Абстрактно говоря, да. В 1882 г. Маркс и Энгельс писали: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»*. Одновременно они резко выступали против националистических и панславистских тенденций в народничестве, против идеализации патриархального быта крестьянства.

Основного условия для некапиталистического развития России – пролетарской революции на Западе – не было. Напротив, в Европе и в Америке вширь и вглубь шло развитие капитализма, который неудержимо втягивал в свою орбиту отсталую Россию. Капиталистическое развитие России стало неизбежным, исторически закономерным и прогрессивным.

Выступления народников в защиту общины и против развития промышленности все более оборачивались реакционной утопией. Революционное народничество в 80–90-х гг. уступало ведущее место народничеству либеральному, которое сближалось с реакционными течениями. Ведь славянофильские идеи «народа-богоносца» и «особого пути» России были вполне официальными. Недаром Н. К. Михайловский, откликаясь в 1872 г. на выход в свет русского издания «Капитала» и излагая основы народнического мировоззрения, отрекся от официального славянофильства и писал: «Мы служим России по мере наших сил и возможности, ограждая ее от тех злоупотреблений научной и философской мысли, свободы и экономического развития, которые не суть ни наука, ни свобода, ни экономическое развитие»**.

* Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» // Соч. Т. 19. С. 305.

** Народническая экономическая литература. Избранные произведения. М., 1958. С. 167.

Даже близкие к престолу люди усваивали народническо-славянофильскую терминологию и использовали ее в интересах правящего класса. В замечательной стихотворной сатире А. К. Толстого некий государственный муж (современники узнавали в нем министра внутренних дел П. А. Валуева) лицемерно «критикует» Америку за то, что «там собственность царит и капитал», и Британию, которая «строй жизни запятнала законностью». Еще бы: отечественное беззаконие лучше зарубежной законности. В бессмысленно высокопарных фразах министром далее рисуется «собственный» путь развития для России:

Нет, господа! России предстоит,
Соединив прошедшее с грядущим,
Создать, коль смею выразиться, вид,
Который называется присущим
Всем временам; и, став на свой гранит,
Имущим, так сказать, и неимущим
Открыть родник взаимного труда,
Надеюсь, вам понятно, господа?*

Революционная идеология народничества была достаточно радикальной. В прокламации «К молодому поколению» (1861 г.), которая считается одним из самых ранних документов народничества, автор, пропагандируя общину, призывает к самодержавию «выборной и ограниченной» и допускает физическое истребление дворянства.

Автор этой прокламации П. Г. Заичневский был арестован и многие годы провел в тюрьмах и ссылках. Преследование царскими властями Н. Г. Чернышевского и других «революционеров 1861 года» закономерно перешло в преследование народников.

Через двадцать лет исполнительный комитет партии «Народная воля», вступившей в смертельную схватку с царизмом, писал в программном документе: «По основным своим убеждениям мы – социалисты и народники... Ввиду придавленности народа, ввиду того, что правительство частными усмирениями может очень надолго сдерживать общее революционное движение, партия должна взять на себя почин самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее... Этим переворотом мы достигнем: во-первых, что развитие народа отныне будет идти самостоятельно, согласно его воле и наклонностям, во-вторых, того, что в нашей русской жизни будут признаны и поддержаны многие чисто социалистические принципы, общие нам и народу»**.

* Толстой А. К. Сон Попова // Собр. соч. Т. 1. С. 436.

** Народническая экономическая литература. С. 384–387.

Многие активные борцы погибли на виселице, в тюрьмах и на каторге. Но и сторонники мирной пропаганды, «умеренные» народники, часто подвергались преследованиям. Грани между легальной и нелегальной деятельностью были зыбкие, и царские власти часто определяли их по собственному произволу.

Среди руководителей и идеологов народничества, какого бы направления они ни придерживались, трудно найти человека, который не подвергался тем или иным преследованиям. Это касается и людей, которые наиболее глубоко выражали социально-экономические идеи народничества.

Народническая литература существовала в различных видах. Прежде всего, в России издавались нелегальным способом и распространялись прокламации, программные документы и другие материалы народнических организаций. Если в 50-х гг. вся русская революционная эмиграция, по существу, исчерпывалась Герценом и его сотрудниками, то в 70-х гг. в ее составе оказались сотни людей. Различные эмигрантские организации и группы публиковали журналы, газеты, брошюры и даже книги, которые в той или иной мере находили путь в Россию. В этих изданиях народники высказывались прямо, нередко даже сознательно заостряя вопросы политической борьбы.

Но в России существовала и значительная легальная народническая печать, которая вела повседневную изнурительную борьбу с цензурой. Именно в легальной печати получила наиболее полное развитие социально-экономическая теория народничества – теория «избежания» капитализма и опоры на стихийно-социалистические тенденции крестьянства.

С 1868 г. в руки народников и близких к ним деятелей перешел популярный журнал «Отечественные записки». Наряду с беллетристикой в нем печатались научно-публицистические статьи ведущих теоретиков народничества – Н. К. Михайловского, А. З. Елисеева, В. П. Воронцова и др. Власти постепенно «прижимали» журнал, а в 1884 г. запретили его, объявив в специальном правительственном сообщении, что в редакции было «значительное число лиц с преступными намерениями». Народнического направления придерживалась также газета «Неделя», в которой были опубликованы «Исторические письма» П. Л. Лаврова и выступал Н. К. Михайловский. Несмотря на то что «Неделя» эволюционировала вправо, власти несколько раз временно приостанавливали ее издание.

Н. К. Михайловский был в 70-х гг., а отчасти и позже властителем дум русской интеллигенции. Широкий кругозор в общественных науках, разносторонняя образованность, литературное мастерство позволяли ему выступать в качестве социолога, историка, литературного критика, в известной мере и экономиста. В дискуссии о «Капитале» Маркса Михайловский отстаивал его от нападок русских буржуазных критиков, хотя сам, разумеется, ни

в коей мере марксистом не был. В. И. Ленин высоко ценил его борьбу за интересы угнетенного крестьянства, его помощь революционному подполью. Михайловский, несмотря на свою осторожность и умеренность, неоднократно высылался из Петербурга за связи с революционными организациями и участие в манифестациях.

19.4. Бакунин, анархизм, нечаевщина

Однако еще в XIX в. А. И. Герцен порицал М. А. Бакунина за революционный авантюризм: в личном письме Герцен прямо сказал ему, что тот страдает «чесоткой революционной деятельности».

Михаил Александрович Бакунин – большая и сложная фигура в истории русского революционного движения и общественной мысли. Он принадлежит не только России, но в неменьшей мере также и Западной Европе, так как играл важную роль в формировании идей западноевропейского анархизма.

Идеи и деятельность Бакунина и теперь привлекают внимание на Западе. Достаточно назвать книгу ветерана французского рабочего и коммунистического движения Жака Дюкло «Бакунин и Маркс. Тень и свет» (Париж, 1974; Москва, 1975), в которой показана живучесть левацких идей Бакунина и их опасность для революционеров наших дней.

В 70-х гг. XIX в. когда русская молодежь отчаянно искала вдохновляющие революционные идеи, Бакунин с его проповедью немедленного действия, всеобщего отрицания и разрушения произвел на нее сильное впечатление и оказал большое влияние на народничество. Важную роль играла литературная форма его яростных прокламаций и репутация бесстрашного революционера и борца. Сравнивая Бакунина с более умеренными сторонниками постепенной, подготовительной пропагандистской работы среди крестьян, советский автор пишет: «Бакунизм более пленял ум и воображение молодежи, более отвечал ее революционным настроениям»*.

Жизнь Бакунина необыкновенна. Он родился в старой дворянской семье в 1814 г., окончил военное училище и короткое время служил офицером. Но жажда знаний и бунтарский дух, который был присущ ему на протяжении всей жизни, заставили его бросить службу, свели с молодыми писателями и мыслителями, обусловили его отъезд за границу. За связи с революционерами и отказ вернуться по требованию правительства в Россию он был в 1844 г. осужден на вечное изгнание и лишен всех прав. Революция 1848–1849 гг.

* История русской экономической мысли. Т. 2. Ч. 1. С. 447.

дала выход колоссальной энергии и бурному темпераменту Бакунина. Он участвовал в событиях в Париже, сражался на баррикадах в Праге и Дрездене. Дважды приговоренный к смерти саксонским и австрийским судом, он был выдан царским властям и около шести лет провел в страшных казематах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. Из тюрьмы он написал покаянное письмо Николаю I, которое по-разному оценивалось с политической и моральной точки зрения. В 1857 г. Бакунин был сослан в Восточную Сибирь, откуда бежал через Японию в Северную Америку. Конец его жизни прошел в Западной Европе. Бакунин испытывал к Марксу смешанные чувства большого уважения и острой неприязни. Вступив в возглавляемое Марксом Международное товарищество рабочих (I Интернационал), Бакунин попытался создать в нем собственную фракцию, которая не хотела вести упорной пропагандистской и мобилизационной работы среди рабочих, а склонялась к идеям анархизма и методам узкого революционного заговора. В 1872 г. он был исключен из Интернационала. Эти события послужили началом длительной борьбы между марксистским социализмом и анархизмом.

Годы не смирили Бакунина. В 1870 г. он пытался стать во главе восстания рабочих в Лионе, в 1874 г. присоединился к анархистскому заговору в Болонье. Бакунин умер в 1876 г. в Берне, где и похоронен.

Имя Бакунина связано со знаменитым и скандальным «делом Нечаева». Молодой анархист Сергей Нечаев создал в России тайную экстремистскую революционную организацию. Он проповедовал и практиковал вседозволенность средств борьбы, включая террор, запугивание, шантаж, обман, как по отношению к врагам, так и к членам своей организации. Апофеозом ее деятельности стало в 1869 г. коллективное убийство московского студента, которого Нечаев необоснованно заподозрил в отступничестве. Сам Нечаев успел скрыться за границу, а члены его организации предстали перед судом. Громкий процесс 1871 г. нанес молодому русскому революционному движению серьезный ущерб, поскольку власти постарались выставить революционеров на всеобщее обозрение как уголовников, людей, лишенных морали и человечности. Литературным памятником этой эпохи является роман Ф. М. Достоевского «Бесы».

Нечаев явился к Бакунину и сумел войти к нему в доверие, убедив старого революционера, что нечаевская организация в России руководствуется его идеями. Бакунин поддержал Нечаева своим немалым авторитетом. Характерно, что более проницательный и принципиальный Герцен отнесся к Нечаеву с недоверием.

В Женеве Бакунин и Нечаев совместно издали два номера журнала «Народная расправа». Особенно примечательной является статья «Главные основы будущего общественного строя». Имеется в виду строй, который

возникнет после успешного переворота и перехода власти в руки «нашего комитета», т. е. группы лиц, которые предоставят Нечаеву диктаторские полномочия. Принудительный физический труд для всех, строжайшая регламентация жизни каждого члена общества, подавление личности и отсутствие всякой частной жизни, строгие наказания за проступки – таково «обновление», обещаемое Нечаевым и Бакуниным.

Об этой программе Маркс и Энгельс писали: «Какой прекрасный образчик казарменного коммунизма! Все тут есть: общие столовые и общие спальни, оценщики и конторы, регламентирующие воспитание, производство, потребление, словом, всю общественную деятельность, и во главе всего, в качестве высшего руководителя, безымянный и никому не известный *«наш комитет»**.

Программы «казарменного коммунизма» появлялись не раз после этого. Попытки его осуществления на практике уродовали жизнь людей. Анархизм, отрицание всякой государственной власти на деле смыкаются с самой жестокой диктатурой.

Жизнь самого Нечаева закончилась в Петропавловской крепости после десятилетнего заключения: Швейцария выдала его как уголовного преступника царским властям. Осуждая вредные и опасные стороны деятельности Нечаева, нельзя вместе с тем не признать, что он был непримиримым и мужественным борцом против самодержавия. На ранних этапах революционного движения появление таких людей – явление вполне закономерное.

Идеи анархизма находили большой отклик среди народников, которые рассуждали примерно так: при уничтожении государства социалистические, коллективистские инстинкты русского народа получат полное развитие и приведут к созданию нового общества. Но, по меньшей мере, два вопроса оставались при этом без ответа. Во-первых, как совершить революцию, которая позволила бы ликвидировать существующее государство? Во-вторых, как защищать, не используя силу государства, плоды этой революции от свергнутых эксплуататоров?

У Бакунина русские революционеры могли прочесть, что революционной силой являются всегда готовые восстать крестьяне и деклассированные элементы в городах; что общество, организованное как свободная федерация земледельческих общин и фабрично-ремесленных артелей, к которым перейдет собственность на землю и другие средства производства, будет настолько прочным, что не будет нуждаться в защите. Этот тезис звучит далеко не убедительно.

* Маркс К., Энгельс Ф. Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих // Соч. Т. 18. С. 414.

Когда в 1879 г. «Земля и воля» раскололась на «Народную волю» и «Черный передел», чернопередельцы отчасти унаследовали анархистский идейный багаж. Но время, когда он играл важную роль в революционном движении, уже проходило. Как писал В. И. Ленин, анархизм «имел возможность в прошлом (70-е гг. XIX в.) развиваться необыкновенно пышно и обнаружить до конца свою неверность, свою непригодность как руководящей теории для революционного класса»*.

19.5. Ткачев и русский бланкизм

По «нечаевскому делу» среди 80 с лишним лиц судился молодой публицист, мелкопоместный дворянин по происхождению, помощник присяжного поверенного (адвоката) по своему официальному статусу Петр Никитич Ткачев. К этому времени он, с одной стороны, уже успел составить себе имя статьями левого направления, с другой, – побывать в заключении в нескольких петербургских тюрьмах по политическим делам. Сосланный в Псковскую губернию, он вскоре бежал за границу. Последние годы жизни Ткачева прошли в эмиграции, где его преследовала жестокая нужда. Он умер в 1885 г. в Париже 41 года от роду, проведя долгое время в психиатрической больнице. Известно, что к моменту смерти у него был шести-семи-летний сын от жены-француженки. Следы сына Ткачева теряются в начале XX в.** Жизнь и ранняя смерть П. Н. Ткачева представляют собой трагическую страницу еще не написанной истории русской эмиграции.

Ткачев одним из первых стал разрабатывать принципы организации революционной партии, впервые определил революцию как науку и как искусство, заложил основы учения о революционной ситуации. Некоторые его идеи вошли, можно сказать, в плоть и кровь русского революционного движения. Непосредственное влияние он оказал на «Народную волю» и ее деятельность в 1879–1881 гг.

Ткачева и его последователей иногда называют русскими бланкистами по имени французского революционера-заговорщика Огюста Бланки***, который неоднократно пытался с группой единомышленников свергнуть пра-

* Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 15.

** Шахматов В. М. П. Н. Ткачев. Этюды к творческому портрету. М., 1981. С. 43, 255–256. Эта оригинальная, я бы сказал, задорная книга использована в моем кратком очерке. В работе Шахматова, впрочем, совсем не рассматриваются экономические взгляды Ткачева, и авторитетом в этой области остается Н. К. Каратаев (см.: История русской экономической мысли. Т. 2. Ч. 1. С. 462–484). Имеется также ряд статей и неопубликованных диссертаций.

*** Биография Бланки вышла в серии «Жизнь замечательных людей». См.: Молчанов И. Я. Бланки. М., 1984.

вительство во Франции и долгие годы провел в тюрьме. В Париже Ткачев сблизился с французскими бланкистами и сотрудничал в их газете. Он разделял как силу и достоинства тактики Бланки, так и существенные ее пороки: игнорирование массовой базы движения, неясность позитивной программы революции.

Ткачев был убежден в наличии революционной ситуации в 70-х гг. в России. Он уговаривал русских революционеров «не опоздать» с мятежом, поскольку, по его мнению, быстрое развитие капитализма и распад общины укрепляют реакцию, ослабляют стихийно-социалистические силы в русском народе.

Захват власти Ткачев считал возможным и сравнительно легким делом. Самодержавие, считал он, не имеет корней в русском обществе, и его можно свалить одним решительным, хорошо подготовленным ударом. Непосредственное участие народа в революции он откладывал на будущее. В грядущем ему виделось социалистическое общество, но основой этого общества должна была быть все та же община, преобразованная в коммуну на основе утверждения общественной собственности и совместного труда. Кроме того, после захвата власти предполагались экспроприация и передача в пользование всего общества орудий производства, замена буржуазной конкуренции «принципом братской любви и солидарности», введение всеобщего общественного воспитания, уничтожение формы семьи, основанной на подчинении женщины, развитие общинного самоуправления при ослаблении функции центральной власти*.

Энгельс в ряде статей, написанных в 1874–1875 гг., подверг позиции Ткачева суровой критике, справедливость которой сохраняется и поныне. Он показал опасность и вред ткачевского авантюризма, отказа от упорной работы по привлечению широких масс трудящихся на сторону революции. В России, безусловно, зреет революционная ситуация, писал Энгельс, но именно поэтому нужны упорство, выдержка, терпеливая работа в народе, тогда как «преждевременная попытка восстания... снова загонит имущие классы в объятия правительства» и ухудшит шансы революции**.

В последние десятилетия деятельность и идеи П. Н. Ткачева вызывают особый интерес. В 20-х гг. XX в. некоторые советские ученые, в частности М. Н. Покровский, изображали его как первого русского марксиста. Основанием для этого служило то, что в период своей легальной литературной деятельности в России Ткачев усвоил некоторые идеи исторического материализма, особенно идею примата экономических отношений над идеологической, юридической и политической надстройкой.

* Эти мысли изложены, например, в программе ткачевского журнала «Набат». См.: Ткачев П. Л. Соч. М., 1976. Т. 2. С. 97.

** Энгельс Ф. Эмигрантская литература // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 548.

На Западе обостренный интерес к Ткачеву связан с изучением проблемы истоков большевизма и его революционной стратегии и тактики: ведь из идей и действий людей, которые казались чужаками-одиночками, выросло движение, изменившее в XX в. лицо мира. Упомянувшийся уже Б. М. Шахматов приводит целый список западных публикаций о Ткачеве за 50–70-е гг. нашего столетия, но едва ли этот список можно считать исчерпывающим. Книга американца А. Л. Уикса так и называется: «Первый большевик. Политическая биография Петра Ткачева»*.

Истоки крайних направлений русского социализма важны нам теперь, в свете трагического исторического опыта русского и советского народа. Вспомним Гражданскую войну в нашей стране с миллионами жертв и разрушением экономических, социальных и нравственных основ народной жизни, утрату только народившихся элементов демократии в обществе и в самой правящей партии. Отсюда берет истоки тоталитарный режим, принявший при Сталине чудовищные формы.

Речь не идет о том, чтобы в свете трагического прошлого предавать Ткачева проклятию. Но может быть, настало время по-новому посмотреть на его идеи?

19.6. Лавров – патриарх русского социализма

Самым большим влиянием в русской эмигрантской среде 70-х гг. пользовался Петр Лаврович Лавров. Ткачев начал сотрудничать с ним, но очень скоро они разошлись по идейным мотивам. Революционный авантюризм Ткачева оказался неприемлемым для Лаврова. В последующие годы дискуссия между «лавристами» и «ткачевистами» стала важной приметой эмигрантской жизни и литературы.

П. Л. Лавров почти полвека принимал участие в русском революционном движении, был другом и многолетним корреспондентом Маркса и Энгельса. Его идеи сыграли существенную роль в формировании народничества и послужили тем мостом, по которому в 80-х гг. некоторые революционные народники перешли к марксизму. В 1881 г. Плеханов, которого можно причислить к тем, кто совершал подобный переход, писал Лаврову: «С тех самых пор, как во мне начала пробуждаться «критическая мысль», Вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитавшими и развивавшими мой ум во всех отношениях»**.

* См. также: Шахматов Б. М. П. Н. Ткачев. Этюды к творческому портрету. С. 250–251.

** Письма Г. В. Плеханова П. Л. Лаврову // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 86.

П. Л. Лавров родился в 1823 г. в состоятельной дворянской семье. Он испытал идейный подъем 40-х гг., связанный с влиянием В. Г. Белинского, в 50-х гг. публиковал смелые стихи у А. И. Герцена. Но одновременно Лавров делал успешную военно-научную карьеру и в начале 60-х гг. стал полковником, профессором математики в Военной академии в Петербурге, сотрудничал в специальных изданиях, был их редактором. Степень его участия в революционных кружках того времени до конца не выяснена, но он лично был знаком с Чернышевским и многими другими людьми, которые оказались «политическими преступниками». После выстрела Каракозова полиция арестовала Лаврова в числе других подозрительных лиц. Хотя сколько-нибудь серьезных обвинений против него выдвинуть не удалось, он был уволен со службы и сослан в Вологодскую губернию, где написал «Исторические письма», составившие целую эпоху в русской социологии. В 1870 г. молодые революционеры организовали побег Лаврова за границу. Прожив там до 1900 г., он больше родину не увидел.

Известная мемуаристка Е. А. Штакеншнейдер, знавшая Лаврова как человека светского, умного и либерального, но плохо представлявшая себе его другую жизнь, другой круг интересов, с грустью пишет: «Так кончилась для него жизнь равноправного гражданина, профессора и всеми уважаемого человека на родине, человека, которого ожидала почетная, а может быть, и блестящая будущность»*.

При имени Лаврова-математика, ставшего революционером, на память приходят слова Клода Анри Сен-Симона, который, считая, что первыми противниками старого мира станут ученые, призывал: «Математики! Ведь вы находитесь во главе, начинайте!»**.

В 70-х гг. Лавров оказался в водовороте бурных европейских событий. Он вступил в I Интернационал, принял активное участие в Парижской коммуне и постепенно сделался центральной фигурой русской революционной эмиграции. В 1873 г. Лавров начал издавать журнал (позже – газету) «Вперед», который сыграл большую роль в объединении сил и определении позиции революционных народников как в эмиграции, так и в России. Уже в программе этого журнала Лавров занял четкую позицию против бакунизма и против бланкизма. Он писал: «На первое место мы ставим положение, что перестройка русского общества должна быть совершена не только с целью народного блага, не только для народа, но и *посредством* народа. Современный русский деятель должен, по нашему мнению, оставить за собой устарелое мнение, что народу могут быть навязаны революционные идеи, выработанные небольшой группой более развитого меньшинства, что социалисты-

* Голос минувшего. 1915. № 7–8. С. 108.

** Сен-Симон К. А. Избранные сочинения. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 119.

революционеры, свергнув удачным порывом центральное правительство, могут стать на его место и ввести законодательным путем новый строй, облагодетельствовав им неподготовленную массу. Мы не хотим новой насильственной власти на смену старой, каков бы ни был источник новой власти»*.

Но Лавров никогда не подменял революцию пропагандой. Когда его сторонники стали все более склоняться к «мирному сосуществованию» с царизмом, он нашел в себе мужество порвать с ними.

Как мыслитель и человек, Лавров был исключительно сложной и многосторонней личностью. По мнению советских исследователей, он является как бы переходной фигурой от революционного народничества к марксизму и рабочей социал-демократии. Лавров был из тех народников, которые смогли в 80-х гг. в той или иной степени признать утопичность и иллюзорность надежд на общину и на «социалистические инстинкты» русского крестьянства, заявить о реальности, закономерности и неизбежности развития капитализма в России. Гораздо решительнее и плодотворнее подобный поворот проделал Плеханов, но ведь он был на треть века моложе и меньше был связан грузом привычных представлений.

19.7. Либеральная профессура. Чупров

Ко второй половине XIX в. преподавание политической экономии и примыкающих к ней общественных наук в высших учебных заведениях России значительно расширилось. Объем научной и литературной продукции колоссально вырос. Попытка осветить эту литературу в одной главе могла бы свестись к перечислению десятков имен, во многих случаях забытых и незнакомых широкому читателю. Чтобы избежать этого, мы попытаемся выявить некоторые важнейшие закономерности и выделить наиболее характерные фигуры. Одной из таких фигур был А. И. Чупров – московский профессор, отразивший в своей деятельности многие черты эпохи 70–90-х гг.

Характерным в этот период было участие ученых в государственных делах, их воздействие на экономическую политику. Из университетских профессоров вышли влиятельные министры финансов 80-х и 90-х гг. Бунге и Вышнеградский. Другой министр, С. Ю. Витте, использовал профессиональную экспертизу при осуществлении денежной реформы, которая ввела в России золотой стандарт. Среди экспертов был профессор И. И. Кауфман, имя которого известно главным образом благодаря его глубокой и серьезной рецензии на первый том «Капитала» (1872 г.), вызвавшей отклик К. Маркса.

* Цит. по: Семенкова Т. Г. Экономические взгляды П. Л. Лаврова. М., 1980.

Конечно, среди профессоров было немало консерваторов, ретроградов и прямых реакционеров. Но в массе русская интеллигенция никогда не была реакционной, а университетская профессура воплощала собой цвет интеллигенции. В целом ее отличала либеральная идеология разных оттенков.

Прогрессивное содержание либерализма сохранялось постольку, поскольку он выступал за буржуазное развитие против все еще сильного феодализма, за политические свободы, за буржуазную демократию. Время от времени царские власти преследовали либералов, хотя их отличительной чертой всегда был отказ от революционных форм борьбы.

Вместе с тем характерными чертами либерализма были склонность к компромиссу с самодержавием, страх народной революции, борьба против революционных демократов и социалистов. Политическим воплощением либерализма стала созданная в 1905 г. партия конституционных демократов (кадетов), игравшая видную роль во Временном правительстве. Но, конечно, буржуазный либерализм революционной эпохи 1905–1917 гг. во многом отличался от либерализма последних десятилетий XIX в.

Позиция либеральной профессуры, имевшей большое влияние на студенчество, на печать, на общественное мнение, сыграла важную роль в утверждении марксизма в России. Вплоть до 1905 г. русская профессура относилась к марксизму терпимо, нередко сочувственно и увлеченно. Марксизм в той или иной форме можно найти во многих курсах политической экономии того времени. В 90-х гг. сформировалось целое направление так называемого легального марксизма, что отличало Россию от Западной Европы и США, где марксизм никогда не мог серьезно утвердиться в университетах, в официальной науке.

Причину данного специфического явления убедительно раскрыл В. И. Ленин: русская буржуазия, идеологами которой объективно были либеральные профессора, видела своего главного врага справа, в самодержавии и державшемся за крепостнические пережитки дворянстве, а не слева – в бедном и среднем крестьянстве, в нарождающемся рабочем классе*.

Передовые ученые своими трудами способствовали повышению международного престижа русской общественной науки. Если в середине столетия Запад мог ее просто игнорировать, то в конце столетия это сделать уже было невозможно. Характерно, что Маркс и Энгельс знали и ценили труды целой плеяды русских мыслителей второй половины столетия.

Речь произнесенная Бабстом в Казанском университете, содержала целую программу буржуазно-демократических преобразований. Он говорил: «Междоусобные войны, борьба политических партий, нашествия, мор, голод

* См.: Ленин В. И. Еще одно уничтожение социализма // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 33–34.

не могут иметь того губительного влияния на народное богатство, как деспотическое и произвольное правление»*.

В первой половине 1860 г. Бабст прочел в Московском университете цикл публичных лекций, изложив в популярной форме основные проблемы политической экономии. Эти лекции были пронизаны антикрепостническим, антифеодальным духом. Бабст, подобно великому Адаму Смиту, выступал против крайностей капиталистической эксплуатации. Он, например, заявлял: «Товариществам рабочих предстоит счастливая доля – вырвать рабочего из его зависимости от капитала и сделать его самостоятельным членом промышленности... Товариществам рабочих предстоит везде великое будущее»**.

Бабст был, возможно, первым русским профессором, который с кафедры излагал некоторые идеи Маркса. В мае 1860 г. русский эмигрант Н. И. Сазонов писал Марксу из Парижа в Лондон: «...если Вам приятно узнать, какое распространение Ваше учение находит в России, то я могу сообщить, что в начале этого года профессор... прочел в Москве публичный курс политической экономии, первая лекция которого представляла не что иное, как изложение Вашего последнего труда»***. По какой-то причине Сазонов не назвал имени профессора, но нет никаких сомнений, что речь идет о Бабсте. В своей первой лекции он изложил некоторые идеи исторического материализма, содержащиеся в предисловии к опубликованной в 1859 г. книге Маркса «К критике политической экономии».

К сожалению, довольно скоро блеск бабстовского таланта поблек, либерализм полинял, а острота его суждений притупилась. Увлечшись издательской и коммерческой деятельностью, Бабст в 60–70-х гг. мало занимался экономической теорией и предпочел укрыться от «проклятых» вопросов под крылом быстро набиравшей силу и популярной в России немецкой исторической школы. Бабст перевел и издал первую часть «Начал народного хозяйства» Вильгельма Рошера, одного из отцов германской исторической школы. Он сблизился с властью имущими, давал уроки наследнику престола. Свою профессорскую деятельность он закончил в 1874 г. и занял место управляющего частным банком.

Важное место в истории русской мысли второй половины XIX в. занимает другой ученик Грановского – Борис Николаевич Чичерин, автор многих политических, социологических и философских сочинений, имевших в свое время немалый общественный резонанс. Чичерин, родившийся в 1828 г.,

* Бабст И. К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. М., 1867. С. 26.

** Цит. по: Каратаев Г. К. Экономические науки в Московском университете (1755–1965). М., 1956. С. 105.

*** Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951. С. 31.

происходил из культурной дворянской семьи. Эта семья заметна в истории отечества. Георгий Васильевич Чичерин, один из ближайших соратников В. И. Ленина, народный комиссар иностранных дел в 1918–1930 гг., был его родным племянником.

Б. Н. Чичерин всю жизнь стремился найти общий язык с правительством и склонить его к умеренному либерализму. Однако здесь ему пришлось испытать одно разочарование за другим. В 60-х гг. Чичерин, работавший в Московском университете, был известен как талантливый молодой профессор государственного права. Но в 1868 г. ушел в отставку, протестуя против грубого вмешательства властей в дела университета. В начале 80-х гг. он занимал пост московского городского головы, однако был снят с него в 1883 г. по прямому указанию Александра III за «неуместную» речь на коронации царя.

В обширной и долгой деятельности Чичерина для нашей темы важны два момента. Во-первых, начиная с дискуссий 50-х гг., он последовательно выступал за капиталистическое развитие деревни (при сохранении дворянского землевладения!), против консервации общины. Во-вторых, он был в России одним из первых и наиболее влиятельных критиков марксизма, в частности экономического учения Маркса.

В 1878 г. Чичерин писал, что общинное владение «совместно только с крепостным состоянием земли и лица, а никак не с свободною гражданской жизнью, которая не может не действовать на него разрушительно»*. Солидаризируясь со сторонниками общины, он утверждал, что ее разрушение может привести к образованию сельского пролетариата. Но при этом он указывал, что община фактически держит в «пролетарском» состоянии всех крестьян, а ее ликвидация оставит, конечно, часть крестьян без земли, но зато «даст простор остальным».

Записка, поданная Чичериным в марте 1881 г. через бывшего московского профессора и правого государственного деятеля К. П. Победоносцева царю, содержит программу либерально-буржуазных реформ при сохранении самодержавия. Что же предлагал Чичерин? В политике – создание консультативного сословного «парламента» из представителей дворянства и земств. В экономике – «довершение освобождения русского крестьянина освобождением его от общины и круговой поруки, присвоением ему в собственность той земли, на которую он имеет неотъемлемое право... Только через это у крестьян могла бы развиться та самостоятельность, без которой невозможны никакие хозяйственные успехи...»**. Кто знает, как пошло бы дело, если бы царская бюрократия прислушалась к этому голосу?

* Герье В., Чичерин Б. Русский дилетантизм и общинное землевладение. М., 1878. С. 239.

** К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.; Пг., 1923. Т. 1. Полутом 1. С. 111.

Статья Б. Н. Чичерина «Немецкие социалисты: II. Карл Маркс» (1878 г.) дополняет его более раннюю статью о Лассале и представляет собой развернутую и резко отрицательную рецензию на первый том «Капитала». Переиздавая статью в 1902 г., Чичерин дополнил ее критикой второго и третьего томов, изданных Ф. Энгельсом.

Чичерин выступает против трудовой теории стоимости, заявляя, что она необоснованно исключает потребительские оценки полезности товаров как фактор формирования стоимости. Он категорически отрицает эксплуатацию труда капиталом, считая прибыль законным вознаграждением капиталиста за руководство предприятием и риск.

Аргументы, которые выдвигает Чичерин против социализма, традиционны: этот социально-экономический строй противоречит человеческой природе; он не имеет корней в историческом процессе развития общества; попытка его установления революционным путем должна вызвать «реакцию» и привести к утверждению худших социальных форм, чем капитализм. Свой анализ Чичерин резюмирует следующим образом: «Когда сравниваешь те бессмыслицы, которые лежат в основании учения Маркса, с тем значением, которое придается им в умах миллионов людей, можно прийти в некоторое изумление. Влияние Маркса в современном мире представляет, можно сказать, самый колоссальный пример человеческой глупости, какой встречается в истории мысли. Объясняется это тем, что, когда говорят страсти, разум молчит. И чем более нелепость облачается в туманные представления и прикрывается мнимой научной фразеологией, в которой никто не в состоянии раскрыть настоящего смысла, тем легче выдавать их за глубокие истины и с тем большею жадностью они воспринимаются умами, не привыкшими связывать понятия»*.

Но среди московских профессоров были и иные взгляды на марксизм. В 70-х гг. кафедру политической экономии, оставленную Бабстом, занял молодой Чупров, которому суждено было воспитать целые поколения экономистов. На лекции А. И. Чупрова ходили не только студенты-юристы (экономический факультет был создан в Московском университете лишь при советской власти), но и студенты других факультетов и даже других учебных заведений. Организатор первых марксистских кружков, впоследствии крупный деятель рабочего движения в Москве С. И. Мицкевич, в то время студент-медик, рассказывает, что он «посетил несколько лекций по политической экономии А. И. Чупрова, тогда самого популярного и самого либерального профессора на юридическом факультете»**.

* Чичерин Б. История политических учений. М., 1902. Ч. 5. С. 227.

** Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1956.

Может быть, еще популярнее были лекции профессора государственного права М. М. Ковалевского, который работал в Москве с 1877 по 1887 г. Ученый-энциклопедист, человек невероятной широты знаний, историк, экономист, юрист, этнограф, Ковалевский был кумиром студенческой молодежи. Он позволял себе смелые высказывания в адрес самодержавия, что вызывало восторг студентов.

Примечательна история его изгнания из университета. В Петербург шли многочисленные доносы на Ковалевского. В 1887 г. министр народного просвещения Делянов потребовал его увольнения, а когда московские университетские власти попытались возражать, ссылаясь на талантливость Ковалевского, они получили ответ, который стоит здесь процитировать: «Лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, однако, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающим образом»*. И Ковалевский был изгнан из Московского университета, что вызвало очередные студенческие беспорядки.

Заметной фигурой был И. И. Янжул, большой друг Чупрова и Ковалевского, член группы молодых либеральных профессоров. По своим взглядам он был близок к тем немецким экономистам 70–90-х гг., которые, развивая идеи исторической школы, склонялись к так называемому государственному социализму. Подобно таким ученым, как Brentano, Шеффле и Вагнер, Янжул возлагал надежды на государство и его социальную политику как на орудие смягчения классовых конфликтов и улучшения участи рабочего класса.

Янжул был одним из инициаторов создания в России государственной фабричной инспекции, призванной в какой-то мере защищать рабочих от ненасытной алчности капитала, который насаждал варварские формы эксплуатации. В 80-х гг. условия труда на русских фабриках были не лучше, а, вероятно, хуже, чем в Англии в самую мрачную пору промышленного переворота: рабочий день продолжался до 12–14 часов в сутки, заработная плата была нищенской, в массовом порядке применялся женский и детский труд, отсутствовали охрана труда и техника безопасности, в цехах царили грязь и духота. Янжул по собственной инициативе поступил работать фабричным инспектором по Московской губернии и в скором времени своими гуманными и смелыми поступками вызвал ненависть фабрикантов. Против него была организована травля в печати, ему угрожали физической расправой. Не поддержанный властями Янжул оставил свой пост**, так ничего и не добившись.

* Орлов В. И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934. С. 96.

** См. подробнее: Реуэль А. Л. Русская экономическая мысль 60–70-х годов XIX века и марксизм. М., 1956. С. 42–45.

Научные заслуги Янжула значительны. Он явился основателем современной финансовой науки в России. Он первым в России, а отчасти и на Западе проанализировал деятельность американских трестов 80–90-х гг. и написал о них содержательную работу. Материалы для этой книги Янжул собирал во время поездки в США в 1893 г., когда он посетил всемирную Чикагскую выставку, приуроченную к 400-летию открытия Америки. Наблюдения Янжула над Америкой и американцами, которые он изложил в нескольких статьях и в своих мемуарах, не скучно читать и сейчас, спустя почти сто лет.

19.8. Чупров-отец и Чупров-сын

Александр Иванович Чупров вышел из среды провинциального, близкого к народу и притом относительно образованного духовенства. Он родился в 1842 г. в городе Мосальске Калужской губернии, учился в семинарии и за блестящие успехи был послан в Петербургскую духовную академию. Но в Петербурге, куда юноша попал в бурное время реформ и дискуссий, он скоро убедился, что не создан для карьеры священника, и перешел на юридический факультет Московского университета. После окончания курса Чупров по рекомендации Бабста был послан за границу для совершенствования и подготовки к профессорскому званию. Он учился в Германии и слушал в нескольких университетах лекции корифеев исторической школы.

Летом 1873 г. группа молодых русских ученых, находившихся за границей, собралась в Гейдельберге. Агенты охраны изобразили в своих донесениях этот «съезд профессоров» как нечто вроде политического заговора. С тех пор Чупров, который вместе с Н. И. Зибером и несколькими другими лицами был участником встречи, оказался под подозрением у властей. Тем не менее осенью 1874 г. он начал чтение лекций в Московском университете, а через несколько лет стал ординарным (полным) профессором.

Человек большой энергии, эрудиции и трудолюбия, воспринимавший свою деятельность как общественный долг, Чупров был новатором и начинателем в нескольких областях.

Своим исследованием «Железнодорожное хозяйство», которое вышло в двух томах в 1875 и в 1878 гг., Чупров заложил основы новой научной дисциплины – экономики транспорта.

Чупров сыграл большую роль в развитии статистической науки и практики. Он вложил много энергии и сил в организацию земской статистики, которая за несколько десятилетий накопила и обобщила первоклассный материал о населении, доходах и потреблении, землевладении и земле-

пользовании, ремеслах и фабриках по губерниям и уездам России. На земскую статистику в большой мере опирался В. И. Ленин в своих экономических работах 90-х гг. В начальных строках первой из сохранившихся работ Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», написанной весной 1893 г., автор замечает, что «земская статистика дает громадный и детальнейший материал об экономическом положении крестьянства...»*.

Много сделал Чупров для улучшения преподавания политической экономики и статистики. Он ввел в практику семинары, на которых студенты могли свободно обсуждать вопросы, поставленные на лекциях профессором.

Чупров был честным русским интеллигентом, который принимал близко к сердцу бедствия народа и хорошо понимал стремления студенческой молодежи. Поэтому среди участников многих совместных акций, предпринятых прогрессивными профессорами в защиту студентов, мы находим имя Чупрова. В 1887 г. он входит в возглавляемую Тимирязевым делегацию, которая явилась к московскому генерал-губернатору с ходатайством за участников волнений, возникших после того, как один студент дал пощечину инспектору – агенту охраны. В 1894 г. Чупров подписывает петицию в защиту студентов, исключенных из университета за обструкцию, устроенную профессором за его верноподданническую речь.

Все это не прошло ему даром. О попытке министра Делянова изгнать Чупрова в 1895 г. из университета рассказывает Янжул. Министр принял Янжула и сказал ему, что «Александр Иванович... ведет себя неосторожно: говорит больше, чем надо, и с кем не следует»**. И будет, мол, лучше, если он сам добром уйдет из университета. На этот раз Янжул выручил своего друга, запугав начальство студенческими волнениями, которые может вызвать изгнание Чупрова. Но вскоре Чупров тяжело заболел сердцем, в 1899 г. вышел в отставку и уехал за границу. В этой полуэмиграции он прожил до самой смерти, которая настигла его в 1908 г. в Мюнхене. Похороны его в Москве, по сложившейся в России традиции, превратились в общественное событие, напугавшее власти. В них приняло участие несколько тысяч человек. Гроб вынесли из церкви профессора университета, а перед процессией, двинувшейся по улицам на кладбище, шел огромный хор из студентов и курсисток.

Последние годы своей жизни Чупров отдал борьбе в печати против аграрной реформы Столыпина, направленной на разрушение крестьянской общины и образование слоя крестьян-собственников. Любопытно, что по данному вопросу точно такой же была позиция Льва Толстого, который в

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 3.

** Янжул И. И. Воспоминания о пережитом и виденном. СПб., 1911. Вып. 2. С. 94.

1908 г. сказал в одной из частных бесед: «Это отвратительное преступление правительства – уничтожение общины»*.

Защита общины была в то время совершенно утопическим делом. Но она закономерно вытекала из идейных убеждений Чупрова. Его либерализм был всегда окрашен в народнические тона. Московский университет в конце XIX в. служил оплотом либерально-народнических идей, а главой этого направления был Чупров. Под его влиянием молодые претенденты на магистерскую и докторскую степень писали диссертации о достоинствах общинного землевладения и в этом духе воспитывали студентов. Чупров всячески пропагандировал развитие крестьянских промыслов на началах кооперации.

Чупров воспринимал Маркса как крупнейшего экономиста и социолога и в ряде вопросов следовал ему. Современники вспоминают, что при проверке знаний студентов Чупров без дальнейших разговоров ставил зачет, если студент обнаруживал знакомство с первым томом «Капитала», который вышел в русском переводе в 1872 г. Один из лучших некрологов Марксу в русской прессе принадлежит именно Чупрову (1883 г.).

В своих лекциях, особенно в ранний период преподавания, Чупров излагал трудовую теорию стоимости в основном по Марксу, а в теории распределения и доходов говорил о прибавочной стоимости. Но наибольшее сочувствие Чупрова и других народнических либералов вызывал весь освободительный, антиэксплуататорский дух учения Маркса. Они могли видеть в марксизме оружие как против все еще сильного феодализма, так и против растущего русского капитализма.

Но марксизм – социалистическая и революционная идеология рабочего класса – сильно менялся в понимании и изложении таких ученых, как Чупров. Они были склонны толковать марксизм как учение об освобождении трудящихся масс вообще. Они читали у Маркса об эксплуатации рабочего класса, но сами имели в виду русское крестьянство. Между тем положение крестьянства как общественного класса совершенно иное, и подход здесь должен быть принципиально другой.

В 1889–1891 гг. Чупров читал в Москве курс истории политической экономики, который благодаря своей сжатости и ясности изложения был весьма популярен и многократно переиздавался без изменений.

Одну главу курса Чупров посвящает социализму, в развитии которого выделяет ряд этапов и школ. Глава завершается изложением учения Марк-

* Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973. С. 151. Толстой приобрел чтением обширные знания в политической экономике и имел своеобразные экономические взгляды, отчасти носящие народнический характер. В романе «Анна Каренина» (1878 г.) раздумья Левина по социально-экономическим вопросам и его кооперативные эксперименты занимают видное место. Но об этом надо писать особо.

са, которое дается, однако, весьма лаконично. Ни слова о применимости его учения к России нет. Все симпатии Чупрова – на стороне немецкой исторической школы в лице ее позднего направления, которое он называет социально-этическим. Он приводит огромную цитату из программной речи Шмоллера, произнесенной при основании Союза социальной политики в Эйзенахе в 1872 г. Причины склонности Чупрова к социально-этическому направлению ясно видны из следующей фразы: «В учении об организации хозяйства социально-этическая школа занимает среднее положение между старою классической школой и социализмом»*. Именно этот средний путь, который на современном языке на Западе назвали бы смешанной экономикой, привлекает Чупрова. Ему нравится, что социально-этическое направление хочет соединить преимущества частного предпринимательства, для которого единственным мотивом является прибыль, с развитием государственного («общественного») сектора там, где это необходимо для общества, но не может быть обеспечено частным капиталом. К этим двум началам хозяйственной деятельности социально-этическая школа добавляет частную благотворительность.

Курс истории экономической мысли Чупрова несравненно лучше подобного курса Вернадского. Недаром же прошло тридцать лет! Но это не мешает книге Чупрова быть эклектичной и малосамостоятельной. Характерно, что Чупров ни словом не упоминает о русской экономической мысли.

Чупров был счастлив в своей семье прежде всего потому, что ему довелось увидеть расцвет карьеры своего блестяще талантливого сына, ученого-математика, статистика и экономиста. Александр Александрович Чупров родился в 1874 г. в Мосальске, как отец, а умер в 1926 г. в Женеве. Он окончил физико-математический факультет Московского университета и затем несколько лет провел в Германии, где много занимался общественными науками. Его магистерская диссертация в Страсбургском университете была посвящена крестьянской общине и ее проблемам.

Об идеологической позиции Чупрова-сына в начале XX в. советский автор, который знал его лично, пишет: «Он принял учение Маркса о закономерной смене экономических и социальных форм, о неизбежном крушении капитализма и смене его социализмом, о классовой борьбе. Но он не сделал из этого революционных выводов и чувствовал себя ближе к оппортунистическим течениям марксизма, чем к последовательному учению Маркса – Ленина. Учение ревизионистов до некоторой степени соответствовало либерализму окружавшей его среды и в первую очередь – либерализму его отца»**.

* Чупров А. И. История политической экономии. М., 1918. С. 217.

** Карпенко В. И. Жизнь и деятельность А. А. Чупрова // Ученые записки по статистике. М., 1957. Т. 3. С. 287.

Талант А. А. Чупрова развернулся в петербургский период его деятельности (1902–1917 гг.), когда он заведовал кафедрой статистики первого в России экономического факультета в Петербургском политехническом институте. Вышедшая в 1909 г. книга А. А. Чупрова «Очерки по теории статистики» явилась событием в науке и выдвинула его на роль главы русской статистической школы. Философские основы статистики, район больших чисел и теория вероятностей, характер массовых явлений, устойчивость статистических рядов – во всех этих важнейших областях Чупров сказал новое и важное слово.

О глубине математического мышления и вместе с тем о поразительной научной добросовестности, скромности и богатстве личности Чупрова свидетельствует недавно опубликованная его переписка с крупнейшим математиком А. А. Марковым. Переписка воскрешает великие традиции Ньютона или Эйлера, которые щедро делились идеями с коллегами и в их критических суждениях искали стимул к продолжению своего труда*.

Летом 1917 г. Чупров выехал для работы в Швецию и не вернулся в Россию. Но он продолжал интенсивно работать и поддерживал тесные контакты с учеными Советской России. Наряду с математической статистикой он занимался в этот период также демографией и статистикой народного хозяйства.

А. А. Чупров – классик мировой статистической науки. Автор цитированной статьи приводит целую серию высоких оценок его трудов советскими и западными учеными. Чупров был членом и почетным членом многих академий, включая Королевское статистическое общество в Англии.

Друг Чупрова, крупнейший физик А. Ф. Иоффе, писал в 1928 г.: «Поразительна была его стройная цепь умозаключений, вскрывающая самые глубины и в то же время ясная и понятная для неспециалистов. Увлечение, с которым А. А. Чупров говорил о своих проблемах, так захватывало, что вам казалось, что вопросы теоретической статистики – это главное и нельзя думать о другом, не разрешивши их. Вас захватывала эта мельница мысли. Я еще один только раз встретил подобного человека – Это был Эйнштейн с его вечно работающим творческим мозгом, постоянной лабораторией человеческой мысли».

* См.: О теории вероятностей и математической статистике (переписка А. А. Маркова и А. А. Чупрова). М., 1977.

19.9. Петербургские либералы

Теперь нам вновь предстоит вернуться почти на столетие назад. При Николае I Царскосельский лицей, в котором учился Пушкин, продолжал выпускать кадры для высшей бюрократии империи. В 1844 г. он был переведен из Царского Села в Петербург и назван Александровским. Преподавание общественных наук было в лицее по традиции на высоком уровне и побуждало юношей из лучших дворянских родов задумываться над судьбами России. Лицей окончили революционер Петрашевский и Салтыков (Щедрин). В одни годы с ними учились будущий академик Безобразов, управляющий Государственным банком Ламанский, министр финансов Рейтерн.

Эти люди в 40-х гг. увлекались Фурье и Сен-Симоном (Ламанский даже арестовывался по делу петрашевцев), в 50-х и 60-х гг. были активными деятелями реформ и «обновления России», в 70-х и 80-х гг. стали вельможами и государственными мужами, воплощавшими официальный, верноподданнический либерализм. Они активно выступали за буржуазное развитие

России, но хотели при этом сохранения дворянского землевладения на основе современных и рациональных методов хозяйствования в поместьях. Они отнюдь не страдали «общинным комплексом» и не волновались за судьбу общины.

Нельзя сказать, что Владимир Павлович Безобразов много сделал для развития экономической науки. Еще в дореволюционных биографических и энциклопедических словарях он характеризуется как слабый теоретик, не имевший собственного лица и позиции. Но в силу конкретных обстоятельств и личных качеств он оказался представителем и рупором петербургских либералов и числился таковым добрую четверть века. Ему принадлежат несколько добротных трудов по хозяйственному быту и огромное количество статей на самые разные темы. Довольно долгое время Безобразов преподавал политическую экономию и статистику в Александровском лицее.

И. И. Левин, автор исследования о банках в России, пишет о Безобразове так: «...он был инициатором, организатором, вдохновителем и центром образовавшегося экономического кружка. Он... устроитель знаменитых «экономических обедов», составивших эпоху в истории русских экономических течений, член президиума всех экономических обществ, неутомимый сотрудник специальных и общих журналов, член всех правительственных комиссий, видный чиновник-реформатор и в то же время талантливый ученый»*.

Кстати сказать, И. И. Левин и Дж. Ф. Нормано, книга которого о русской экономической мысли не раз упоминалась, – одно и то же лицо. В обеих сво-

* Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России. Пг., 1917. С. 87–90.

их книгах, разделенных тремя десятилетиями и событиями, которых в другое время хватило бы на три столетия, он много места уделяет сен-симонистскому характеру безобразовского кружка в 50–60-х гг. Возможно, тут важен кредитный контекст, в котором автор рассматривает события и идеи в России в этот период. Действительно, основатели парижского банка брата Перейры, экономисты-фритредеры Мишель Шевалье и Гюстав Молилари, с которыми, как показывает Левин (Нормано), кружок Безобразова находился в тесном контакте, были так называемыми практическими сенсимонистами. Это значит, что в учении Сен-Симона они почерпнули для своих практических нужд только собственно буржуазные идеи индустрии и кредита. Им была свойственна мистическая вера в силу кредита, который должен передать капитал, накапливаемый всеми слоями общества, в руки предпринимателей-капиталистов. В эпоху русского грюндерства, когда учреждались первые акционерные компании и частные банки, эти идеи оказались очень кстати. Безобразов и Ламанский (так же, как Вернадский, Бабст и даже Бутовский) были сильно увлечены предпринимательским ажиотажем, акциями, биржами, банками. Но деятельность и идеи петербургских либералов далеко не исчерпываются сказанным.

Любопытна история «экономических обедов», вокруг которых в свое время кипели страсти и творились легенды. В начале 60-х гг. Безобразов, Ламанский и еще несколько либералов задумали учредить в Петербурге политико-экономическое общество, вероятно, по примеру подобного общества во Франции. Однако где-то в верхах это намерение было расценено как преждевременное, а может быть, и излишнее. Несостоявшееся общество заменили ежемесячными обедами в одном из лучших ресторанов Петербурга с речами и дискуссиями. На «безобразовские обеды» допускался лишь узкий круг людей, и присутствие на них стало подобием почетного диплома. В обедах участвовали профессоры и литераторы, высокопоставленные чиновники и представители нарождающегося мира бизнеса. Министры финансов Рейтерн и Бунге были близки к этому кружку.

Либеральный кружок Безобразова имел немало врагов и критиков. Это были и консерваторы-крепостники, и славянофилы и «русофилы» разных сортов, и сторонники крайнего протекционизма во внешней торговле. Безобразовцев обвиняли в доктринерстве, в незнании России, в недостатке патриотизма. Профессор С. А. Венгеров, составитель биографического словаря, пишет о судьбе этого кружка: «С экономическими обедами считался всякий администратор, желавший класть в основу своей деятельности не одно только административное благоусмотрение. После смерти Владимира Павловича (в 1889 г. – *ред.*) нашлись, однако, «патриоты своего отечества», которые в живом общении администрации с наукою и общественным мнением, про-

исходившем на «безобразовских обедах», усмотрели нечто вредное, а самого инициатора причислили в врагам России»*.

Некоторые реформы, особенно в области финансов, направленные на преодоление остатков крепостничества, преобразование экономики и социальной структуры общества на капиталистических началах, осуществлялись не без влияния безобразовского кружка. Но сам Безобразов, внешне сохраняя «официальный оптимизм», тяжело переживал реакцию 80-х гг. Об этом свидетельствуют его дневниковые записи последних лет жизни. В любопытной записи, помеченной февралем 1886 г., он констатирует свою идейную близость с группой Чупрова и готовность сотрудничать с ней. Безобразов признает, что эта группа по своим взглядам прогрессивнее и демократичнее его самого, но с удовлетворением отмечает, что «они совершенно чужды (например, такие почтенные люди, как А. И. Чупров) революционным идеям, которые за ними подозревают...»**. В этом отношении Безобразов был, конечно, прав.

Подобная позиция позволяла ему сближаться с деятелями такого типа, как петербургский профессор Ю. Э. Янсон, либерал с народническим уклоном. Янсон делит с А. И. Чупровым честь быть одним из основателей русской статистической науки и инициатором практического развития статистики. Отчасти его трудами была подготовлена первая всероссийская перепись населения в 1897 г., до которой он, однако, не дожил. Видное место в истории русской общественной мысли занимает книга Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах» (1877 г.). Удручающая картина обнищания крестьянства и упадка крестьянского хозяйства, которую на огромном и неоспоримом материале показал Янсон, произвела в обществе сильное впечатление. Когда автор пожелал доложить итоги своего исследования на заседании в Петербургском университете, это сочли неудобным и взамен предложили сделать доклад на «невинную» тему – «О населении европейских государств».

Янсон и Безобразов играли видную роль в проведении всемирного статистического конгресса в Петербурге в 1872 г. Проведение международного форума статистиков в России служило подтверждением больших успехов, достигнутых русской наукой. Вместе с тем конгресс был использован официальными либералами, а отчасти и правительством для традиционного «втирания очков» иностранцам, пропаганды мнимого процветания России. Эта сторона дела послужила поводом для едких насмешек М. Е. Салтыкова (Щедрина).

* Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1891. Т. 2. С. 309.

** Русская старина. 1908. № 12. С. 542.

19.10. Киевская школа

Третьим по значению центром университетского образования после Москвы и Петербурга был Киев. Основанная Вернадским буржуазно-либеральная традиция преподавания и исследования политической экономики жила в университете Святого Владимира вплоть до начала XX в.

В тот период на Украине и в Южной России развитие производительных сил промышленности шло быстрыми темпами. Помещичье хозяйство успешно перестраивалось на капиталистический лад. В обстановке формирования и роста крепких крестьянских хозяйств процесс распада общины шел интенсивнее, чем в Центральной России. Киевские профессора чутко улавливали происходящие перемены, приспосабливали к ним свои социально-экономические взгляды и пытались в современном духе воспитывать молодые умы. В буржуазной историографии русской экономической мысли сложилась традиция выделять киевскую школу или киевское направление и хвалить это направление за полное неприятие марксизма и социализма. Действительно, имеется определенная преемственность взглядов киевской профессуры, начиная от И. В. Вернадского и кончая А. Д. Билимовичем, который работал в Киеве в начале XX в. и продолжал свою деятельность в эмиграции.

Столпом киевской школы был Николай Христианович Бунге, который много лет читал разные курсы общественных наук в Киевском университете, в том числе политическую экономию. В течение долгого времени он был ректором университета, а впоследствии стал министром финансов, председателем Комитета министров (пост в правительстве, существовавший до 1906 г.) и членом Академии наук, где унаследовал место, освободившееся после смерти В. П. Безобразова. От Бунге осталась целая серия книг по разным вопросам теории, экономической политики и народного хозяйства. Как министр финансов, Бунге начал осуществлять меры, послужившие основой реформ Витте и Столыпина.

Учеником Бунге был Д. И. Пихно, который занимал должность профессора в Киеве с 70-х гг. до начала XX в. В эти годы происходила эволюция его взглядов от либерализма до монархизма черносотенного толка. В 80-е гг. Пихно одним из первых в русской литературе занимался проблемой смены свободной конкуренции на Западе разными формами монополий. Он исследовал практически важные вопросы экономики железнодорожного транспорта, особенно тарифы на перевозки.

В экономической теории для киевской школы характерен эклектизм, заимствование разных методов исследований и идей с Запада, начиная от смитианства и кончая новейшими направлениями, появившимися в 70–80-х

гг. Но безоговорочно отрицательным было ее отношение к трудовой теории стоимости и теориям, которые связывали капиталистическую прибыль с эксплуатацией труда. Например, киевский профессор А. Я. Антонович в своем солидном учебнике критически отзывается о Рикардо и Дж. Ст. Милле, из учения которых вытекало, что капитал приносит прибыль благодаря эксплуатации наемного труда. «Источник дохода на капитал – производительность последнего», – афористически изрекает Антонович и при этом ссылается на Рошера, которого Маркс считал образцом буржуазной апологетики. Что касается экономического учения Маркса, получившего к 80-м гг. широкое признание, то профессор просто не упоминает о нем*.

Прославление позитивной роли рынка и конкуренции является обязательным элементом взглядов киевской школы. Скажем, Пихно в своем пособии дает целый список благодетельных последствий конкуренции. Вообще, киевские профессора воздерживаются от какой-либо серьезной критики капитализма, отходя от одной из важнейших традиций русской общественной мысли XIX в.

В вопросе об общине и крестьянском хозяйстве, который более всего волновал русскую общественную мысль, киевские профессора занимали антиобщинную позицию и выступали за свободное развитие капитализма в сельском хозяйстве. Они в разных видах тасовали хорошо известную мысль, которую усиленно выдвигал еще Вернадский в 50-х гг.: общинная собственность на землю и связанные с ней хозяйственные явления мешают росту производительных сил сельского хозяйства. Киевскую школу сильно занимали практические вопросы развития русского капитализма, и они стремились способствовать этому процессу как своей научной и педагогической деятельностью, так и работой в государственном аппарате.

При такой общей позиции любые формы социализма – марксистского, народнического и даже реформистского – были чужды киевской школе. Эти профессора стояли на традиционной позиции: капитализм – естественный, соответствующий человеческой природе, закономерно вырастающий из гущи экономической реальности строй; социализм и коммунизм – искусственное порождение ума людей, не знающих или не желающих знать человеческую природу.

Частная собственность представляется им необходимым условием экономического прогресса, который немислим без личной инициативы. Напротив, общественная собственность, которая имеет при капитализме «естественную сферу» (собственность государства на определенные виды средств производства) должна быть строго ограничена. В противном случае, пишет

* См.: Антонович А. Я. Курс политической экономии. Киев, 1886. С. 539–542.

Антонович, «общая собственность превращается в коммунизм, в систему, отрицающую всякую собственность и превращающую свободного производителя в раба, не имеющего никаких прав на результаты своего труда и легко превращающегося в паразита, в потребителя продуктов, созданных другими... Коммунизм как распространение общей собственности на чуждую ей сферу, представляет собой такое же нормальное явление, каковым было бы, например, употребление мер длины там, где употребляется только мера веса. Пуд никогда не может заменить собой аршина, как и наоборот. Точно так же общая собственность никогда не может заменить собой личной, та и другая имеют свое самобытное значение, и поглощение одной из них другою – ненормальное явление»*.

Эти мысли не лишены интереса в свете нынешних дискуссий о многообразии форм собственности в нашем обществе. По крайней мере одна из них заслуживает особого внимания: общественная собственность не должна распространяться, да еще насильственным путем, на чуждые ей сферы.

Советская историография экономической мысли почти полностью игнорировала киевскую школу и ее представителей, за исключением, может быть, Вернадского. Объяснялось это неприятием школой марксизма и социализма. Теперь становится ясно, что анализ и непредвзятая критика трудов киевской школы по политической экономии могли бы внести полезный вклад в историю отечественной экономической теории.

19.11. Новые веяния в экономической теории

Девятый номер литературного московского журнала «Вестник Европы» за 1878 г. открывается статьей Л. Слонимского «Забывтые экономисты Тюнен и Курно. К характеристике новейшей политической экономии». Немного странно видеть имена далеких от русской жизни экономистов-математиков на первой странице журнала, в котором в эти годы печатались Тургенев, Гончаров, Островский, А. К. Толстой... Но таковы были тогда русские толстые журналы. Воскрешение этих имен отражало интерес русской публики к новым идеям западноевропейской науки.

Правда, статья Слонимского несколько отставала от жизни. К этому времени уже появились труды ряда западных экономистов, по отношению к которым Тюнен и Курно, а также упоминавшийся выше Госсен были предшественниками. В начале 70-х гг. почти одновременно были опубликованы работы экономистов, считающихся создателями нового направления, –

* Антонович А. Я. Курс политической экономии. М., 1995.

К. Менгера, У. С. Джевонса, Л. Вальраса. Эти имена Слонимский, однако, не упоминает.

Новые течения в теории возникали на обломках классической (рикардианской) политической экономии. Их теперь принято объединять такими понятиями, как неоклассическое направление, субъективная школа, маржинализм. Каждое из этих понятий отражает определенный аспект новой на тот период времени экономической науки: первое – принципы саморегулируемости экономики, отсутствие «трения» в экономических моделях; второе – субъективно-психологический, внесоциальный подход к явлениям хозяйственной жизни; третье – применение метода малых приращений и функциональных зависимостей экономических переменных. Важной стороной новых веяний было внедрение в экономический анализ математических методов.

Неоклассическое направление уводило экономическую науку от острых социальных вопросов, утверждало приемлемость своих методов анализа для любого общественного устройства. С другой стороны, его развитие диктовалось объективными потребностями капиталистической экономики и было новой ступенью познания действительности. Речь шла о разработке закономерностей оптимального функционирования хозяйственных единиц при свободной конкуренции, условий равновесия экономических систем.

Новые течения в западной экономической науке не сразу были замечены в России. Причину здесь следует видеть в незрелости русского капитализма, в силу чего экономическая мысль не обращала внимания на это направление. А. И. Чупров в своем курсе истории политической экономии (1892 г.) об этих течениях даже не упоминает. Формализм и асоциальность западного неоклассического направления не могли привлечь русских ученых либерально-народнического толка.

Но в 80-х гг. уже нарождалось новое поколение русских экономистов, которое испытывало жадный интерес к «последнему слову» западной науки. В неоклассическом направлении их привлекала претензия на математическую точность, особую логичность. Вместе с тем на умы многих из этих ученых сильное воздействие оказывал марксизм. Результатом двустороннего влияния явились поиски примирения и сочетания неоклассических и марксистских идей в политической экономии.

Наиболее характерны в этом отношении труды М. И. Туган-Барановского, который на протяжении короткого периода в 90-х гг. считался одним из лидеров так называемого легального марксизма. Вероятно, было бы точнее назвать Туган-Барановского ученым буржуазно-демократического и буржуазно-либерального направления, испытавшим значительное влияние марксизма и отразившим его в своих работах.

В 1890 г. 25-летний М. И. Туган-Барановский опубликовал в либеральном журнале «Юридический вестник» весьма компетентную статью «Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности». Как известно, исторически точка зрения, согласно которой стоимость (ценность) товара проистекает из его полезности, противостояла трудовой теории стоимости. Теория предельной полезности представляла собой лишь логическое развитие этой точки зрения. Туган-Барановский, впитавший трудовую теорию стоимости, так сказать, с университетским материнским молоком и считавший себя в то время марксистом, попытался с помощью искусных числовых примеров доказать, что оба подхода вполне совместимы: «...мы постарались показать, что теория предельной полезности не только не составляет опровержения взглядов Рикардо или Карла Маркса, но что, наоборот, эта теория, правильно понятая, составляет неожиданное подтверждение учения о ценности названных экономистов»*.

Идея Туган-Барановского весьма импонировала русским экономистам. Сам автор развивал ее в 90-х гг., а несколько экономистов-математиков стремились строго доказать «теорему Туган-Барановского».

В теории распределения и доходов Туган-Барановский тоже стремился сохранить определенную связь с марксизмом. Он признавал нетрудовой эксплуататорский характер капиталистической прибыли и земельной ренты. Однако Марксу Туган-Барановский приписывал взгляд, согласно которому заработная плата наемных рабочих определяется якобы только физическим минимумом средств существования. Тем самым он отказывался от марксистской теории заработной платы в целом и конструировал собственную «социальную теорию распределения». Согласно этой теории заработная плата определяется в основном двумя факторами: производительностью труда и силой рабочего класса по отношению к капиталистам.

Значение этих факторов, конечно, нельзя отрицать. Но сами они проистекают и действуют, имея под собой более принципиальную основу, и этой основой является сложившийся исторически и социально уровень необходимых потребностей людей наемного труда. Эклектичная концепция Туган-Барановского, по существу, игнорировала факт монополии частной собственности капиталистов на средства производства и необходимость для рабочих продавать свою рабочую силу. Как в ряде других областей, теория распределения Туган-Барановского смыкалась с идеями ревизионизма в германской социал-демократии, появившегося в конце XIX в. и связанного в первую очередь с именем Э. Бернштейна.

В 90-х гг. Туган-Барановский осуществил два фундаментальных исследования в области истории и теории экономических кризисов и в области

* Юридический вестник. 1890. Окт. (Т. 6. Кн. 2). С. 228.

истории и состояния русской фабричной промышленности: «Русская фабрика в прошлом и настоящем». Объективно в условиях идейной борьбы того времени эти работы были направлены против народников, поскольку автор доказывал закономерность развития русского капитализма. Однако они имели большое научное значение и в других отношениях, а в известном смысле сохраняют его и поныне.

В своих экономических работах 90-х гг. В. И. Ленин многократно использует эти работы Туган-Барановского, что можно легко проследить по именному указателю к первым томам полного собрания сочинений. Он в ряде случаев отмечает недостатки в интерпретации автором теории реализации и кризисов Маркса, изложенной во втором и третьем томах «Капитала». Стремление к широкой ревизии марксизма и усиление чисто буржуазных элементов особенно четко выразились в статьях Туган-Барановского, опубликованных в 1899–1900 гг.

Полумарксистский характер книги Туган-Барановского о кризисах не помешал тому, что она была очень скоро замечена на Западе, переведена на иностранные языки.

Идея о том, что в основе периодических кризисов лежит разрыв между процессами сбережения (т. е. накопления денежного капитала) и инвестирования (капиталовложений), в зачаточной форме высказанная Туган-Барановским, получила впоследствии дальнейшее развитие в буржуазной политической экономии. Поэтому многочисленные курсы истории экономической мысли и труды по циклам и кризисам обычно воздают должное русскому экономисту.

Авторы «Истории русской экономической мысли», приводя список западных экономистов, на которых Туган-Барановский оказал влияние и которые признают его приоритет, довольно странным образом ставят это ему не столько в заслугу, сколько в вину*. Между тем влияние Туган-Барановского на мировую экономическую мысль представляет собой интересное явление и заслуживает внимания и исследования. К сожалению, научное наследие М. И. Туган-Барановского изучается у нас совершенно недостаточно, а о его жизни и деятельности имеется лишь одна старая брошюра. Правда, она написана талантливым Н. Д. Кондратьевым, автором теории длинных циклов конъюнктуры, которая в последние годы привлекает внимание во всем мире**.

Бурные научные дискуссии, которые шли в 90-х гг. по коренным вопросам экономической теории (стоимость и прибыль, деньги и кредит, рынки и кризисы), привлекали внимание русских авторов к разным направлениям

* Кондратьев Н. Д. Михаил Иванович Туган-Барановский. Пг., 1923.

**

западной науки. Высокий уровень преподавания математики и статистики в русских университетах подготовил почву для значительных работ экономико-математического направления.

Среди русских ученых этого направления ведущее место всеми авторами неизменно отводится Владимиру Карповичу Дмитриеву, первая работа которого по математическому истолкованию теории стоимости Рикардо опубликована в 1898 г. На Западе его теперь воспринимают как нового Курно: забытого пионера, предвосхитившего позднейшие достижения. Издатель английского перевода его книги, опубликованной впервые в России в 1904 г., называет ее классической и говорит, что «Дмитриев предвосхитил и сформулировал в строгой и недвусмысленной форме ряд положений и методов, которые являются существенным элементом современной экономической науки». О больших научных заслугах В. К. Дмитриева писали также видные советские ученые, особенно академик В. С. Немчинов.

Ныне очевидно, что И. Г. Блюмин, давший в 20-х гг. довольно подробный критический анализ некоторых идей Дмитриева, недооценил смелость и оригинальность его как ученого в целом*.

Действительно, Дмитриев, видимо, первым высказал основные идеи межотраслевого баланса (анализ «затраты – выпуск»), который получил теперь столь важное значение в экономической науке, статистике и народно-хозяйственной практике. Он начал исследование монополистической конкуренции, т. е. тех форм, которые приобретает конкуренция в условиях определяющей роли небольшого числа крупных производителей и продавцов на рынке данного товара. Дмитриев искал способы включения фактора полезности и потребительских оценок товаров в формирование стоимости. Все эти идеи русского экономиста оказались чрезвычайно плодотворными.

В. К. Дмитриев несколько лет служил акцизным чиновником и хорошо знал дело производства и сбыта алкогольных напитков. В 1911 г. опубликована его интересная работа «Критические исследования о потреблении алкоголя в России». Не входя здесь в подробности статистического анализа, отметим лишь важнейший вывод автора: главным фактором увеличения валового и душевого потребления алкоголя являются урбанизация и пролетаризация населения.

На рубеже XIX и XX вв. русская социально-экономическая мысль отличалась разнообразием научных и идеологических направлений, обилием интересных работ, серьезными достижениями в ряде областей. В 1903 г. в Петербургском политехническом институте был создан первый в России экономический факультет. Экономические науки преподавались и изуча-

* См.: Блюмин И. Г. Критика буржуазной политической экономии. М., 1962. Т. 1. С. 533–561.

лись там как основные предметы. Труды русских ученых-экономистов стали занимать в этот период заметное место в мировой науке.

Данная здесь краткая характеристика может служить лишь введением в изучение проблем, которые в течение долгого времени освещались в нашей литературе неполно и односторонне. Русская социально-экономическая мысль рубежа столетий представляет собой важную составную часть нашего национального культурного наследия. Она заслуживает пристального, непредвзятого и всестороннего анализа.

19.12. Сатира и социология. Салтыков-Щедрин. Игушка Головлев и грузие

В своих произведениях, написанных в 40–80-х гг. XIX в., М. Е. Салтыков-Щедрин создал огромное полотно общественной жизни России, отличающееся не только яркими красками, но и глубоким проникновением в социально-экономические процессы эпохи. В свое время Ф. Энгельс писал: «Бальзак... в «Человеческой комедии» дает нам самую замечательную реалистическую историю... французского общества, из которой я даже в смысле экономических деталей узнал больше (например, о перераспределении движимого и недвижимого имущества после революции), чем из книг всех специалистов – историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых»*. Эти слова в полной мере могут быть отнесены и к М. Е. Салтыкову, с поправкой на специфику жанра его произведений и с учетом того, что он много выступал не только как беллетрист, но и как публицист по социальным вопросам.

Из великих русских писателей второй половины XIX в. фигура Салтыкова в особенной мере привлекает внимание историка социально-экономической мысли. Он изобразил в своих многочисленных произведениях дореформенное помещичье хозяйство, его кризис и упадок, формирование и развитие новых капиталистических порядков и класса буржуазии. В его книгах запечатлены размышления не только о путях развития России, но и о закономерностях общественного развития вообще, о судьбах человеческой цивилизации.

Салтыков воспитывался на революционно-демократических идеях Герцена, Белинского, Чернышевского. Свою юношескую повесть он посвятил демократическому публицисту Владимиру Милютину, с которым был дружен.

* Энгельс Ф. Письмо Маргарет Гаркнесс, начало апреля 1888 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 36.

Получив образование в Царскосельском лицее, он начал государственную службу и литературную деятельность в Петербурге, но в 1849 г. был арестован и сослан в Вятку за публикацию повести, в которой власти усмотрели «революционную заразу». Семь лет службы мелким чиновником в Вятке, а позже несколько лет в других провинциальных городах, где он занимал довольно высокие административные посты, дали Салтыкову запас наблюдений, знание жизни разных слоев русского общества. В 60–80-х гг. Салтыков был отчасти близок к народникам, редактировал «Отечественные записки» и всей силой своего таланта боролся за несчастного русского мужика, против крепостников-помещиков, взяточников-чиновников, мироедов-капиталистов, пресмыкающихся перед властью либералов. По своим глубинным убеждениям Салтыков всегда был и остался социалистом, но не примыкал ни к какой школе и партии, в частности критически относился к общинным иллюзиям.

Салтыков как писатель был великим новатором в области литературных жанров и художественных средств. Среди его наиболее известных произведений – реалистически-гротескный роман «Господа Головлевы», рисующий распад дворянской семьи; «История одного города» – блестящая и горькая сатира на русскую жизнь, русское государство и его правителей; «Пошехонская старина» – оригинальный сплав романа, мемуаров и социологического исследования о крепостном праве; наконец, «Сказки» – своеобразные миниатюрные социально-экономические и политические памфлеты.

Как показал Салтыков, сатира имеет особые возможности анализа социально-экономической действительности, недоступные науке и публицистике. Она обращается к чувству юмора читателя и слушателя – этому замечательному человеческому свойству, которое помогает ему легко, незаметно, с удовольствием усваивать самые серьезные вещи. Сатира рельефно высвечивает явления общественной жизни, социальные типы и ситуации. Иной раз она дает исследователю гораздо больше жизненного материала для понимания нашей удивительной истории и суровой действительности, чем труды дипломированных социологов. Лучшие произведения отечественных сатириков восходят к традициям Салтыкова-Щедрина.

Сила искусства

Несколько страниц книжного текста занимает сказка «Соседи» (1885 г.). Кстати сказать, она впервые опубликована в издававшейся А. И. Чупровым газете «Русские ведомости», что тоже не случайно. На первый взгляд, это непритязательная народная притча. Человек, не склонный к размышлениям,

прочтет и пожмет, пожалуй, плечами. Но русский читатель сто лет назад находил в ней в высшей степени острые и злободневные вещи. В самом деле, речь там идет о природе экономического неравенства между людьми, о неустранимой пропасти между богатыми и бедными, о тупости и равнодушии правительства. Если угодно, это притча о капитале и труде, о накоплении капитала и обнищании трудящегося человека.

В сказке два героя – крестьяне Иван Богатый, олицетворяющий капитал, и Иван Бедный, представляющий труд. Неподражаемый юмор Щедрина виден уже в первых строках: «Оба были хорошие люди, а Иван Богатый – даже отличный. Как есть во всей форме филантроп. Сам ценностей не производил, но о распределении богатств очень благородно мыслил. «Это, говорит, с моей стороны лепта. Другой, говорит, и ценностей не производит, да мыслит неблагородно – это уже свинство. А я еще ничего». А Иван Бедный о распределении богатств совсемне мыслил (недосужно ему было), но, взамен того, производил ценности»*.

Как видим, у автора нет иллюзий относительно того, плодом чьего труда является капитал. Источник его – труд тех, кто лишен богатства. Щедрин высмеивает догму буржуазной политэкономии, что капитал и труд вносят равную «лепту» в общественное производство, а заодно так называемую совесть богачей и своеобразное «разделение труда» в эксплуататорском обществе.

Капитал обладает свойством самовозрастания: он «сам собой» увеличивается за счет присоединения прибыли или, по крайней мере, ссудного процента. Иван Богатый может разъезжать по заграницам, заниматься филантропией или болтовней, а деньги все равно текут к нему. Это вызывает у него восторженное изумление: «Вот ведь чудо такое!»

Обратная сторона этого чуда – невозможность для Ивана Бедного выбиться из нужды, хотя он трудолюбив и воздержан. «Это был коренной, задавленный русский мужик, который напрягал все усилия, чтобы осуществить все свое право на жизнь, но, по какому-то горькому недоразумению, осуществлял его лишь в самой недостаточной степени».

Филантроп Иван Богатый не оставляет надежды как-то помочь своему злосчастному собрату и теперь обращается к авторитету государственной власти. Он просит «уравнять» их с Иваном Бедным во всех податях и повинностях – «с него подвода – и с меня подвода, с его десятины грош – и с моей десятины грош». Ясное дело, от такого распределения тягот богач не обеднеет, а бедняк не выправится.

Устойчивость этого неравенства настолько удивила Ивана Богатого, что он стал «копать» социальный вопрос. «Попробовал было он поглубже коп-

* Здесь и далее цитируется издание: Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. М., 1965–1977. В дальнейшем ссылки на источник не даются.

нуть, но с первого же абзуга такие пугала из глубины повыскакали, что он сейчас же дал себе зарок – никогда ни до чего не докапываться».

Что это за пугала? Надо думать, здесь Салтыков переходит на обычный в его вечной борьбе с цензурой эзопов язык. Речь идет, вероятно, об опасных для буржуазии объективных выводах социальной науки.

Сказка кончается тем, что оба Ивана обращаются за объяснением к третьему Ивану – деревенскому мудрецу, прозванному тем не менее Простофилей. Мудрец дал им ответ, который сводится к тому, что таков естественный или, если угодно, божественный порядок вещей: богатый должен быть богат, а бедный беден, поскольку это предусмотрено каким-то неведомым «планом».

Вот и все. Какая скромность литературных средств и какая глубина содержания!

В сказке «Дурак» рассказывается о человеке, который слыл среди окружающих глупым, потому что не мог усвоить понятия частной собственности, не отличал своего от чужого. Кстати, этого дурака тоже зовут Иван. Отданный в учебное заведение, «большинство наук он совсем не понимал. Не понимал истории, юриспруденции, науки о накоплении и распределении богатств. Не потому, чтобы не хотел понимать, а воистину не понимал. И на все усовещивания учителей и наставников отвечал одно: «Не может этого быть!» Только тогда настоящим образом узнали, что он несомненный и круглый дурак».

О чем здесь речь? Думается, о том, что для чистого ума и сердца порядки «цивилизованного» классового общества и отражающие эти порядки науки представляются вовсе не естественными и нормальными, а, напротив, невозможными, невероятными и непонятными.

Таким путем можно пересказывать и толковать многие сказки и другие сатирические произведения Салтыкова, но едва ли это нужно. Лучше прочитать оригинал.

Творчество Салтыкова-Щедрина давно привлекало историков и аналитиков русской общественной мысли. Первые работы появились еще в XIX в. Марксисты использовали идеи Салтыкова для объяснения русской действительности, для обоснования своих позиций по вопросам развития капитализма и формирования пролетариата. Такую работу предпринял талантливый литературный критик-марксист М. С. Ольминский, который после Октябрьской революции стал редактором первого полного издания сочинений Салтыкова*.

Примечательно, что самому Ольминскому Салтыков в свое время помог избавиться от народнических иллюзий и своим творчеством способствовал его переходу на позиции революционного марксизма. Ольминский расска-

* Цит. по: Левита Р. Я. Общественно-экономические взгляды М. Е. Салтыкова-Щедрина. Калуга, 1961. С. 8 и др.

зывает, как, сидя в царской тюрьме в 1897 г., он детально изучал Салтыкова и начал работу по составлению «Щедринского словаря» – огромного систематизированного свода высказываний писателя, художественных образов, событий и фактов, фигурирующих в его произведениях. Этот уникальный труд, без которого теперь немислимо щедриноведение, был издан после смерти автора. Один из редакторов «Словаря», М. М. Эссен, сама участвовавшая в революционном движении с 90-х гг., рассказывает в предисловии: «Когда складывалось наше мировоззрение по вопросам о своеобразии путей развития России, о роли общины, роли критически мыслящей личности, оценке методов борьбы народничества, мы, марксисты, находили подкрепление не у Михайловского, не у эпигонов народничества, скатывающихся к либерализму, а у Щедрина. Его ненависть к так называемому культурному обществу, к либералам, презрение к компромиссу, беспощадное разоблачение всяких иллюзий о гармонии интересов, высмеивание им мечтаний Карася-идеалиста – все это было нам близко и понятно! Со сказками Щедрина мы ходили в рабочие кружки, иллюстрируя ими учение Маркса о непримиримости классовых противоречий, о классовой борьбе»*. Многозначительное свидетельство из первых рук!

Чтение словаря Ольминского, конечно, не заменяет чтения Салтыкова, но также весьма полезно. К примеру, мы задались целью узнать, что писал Салтыков о русской буржуазии. Тут же находим, пользуясь словарем, что в «Убежище Монрепо» (1878–1879 гг.) автор относил к буржуазии кабатчиков, процентщиков, железнодорожников**, банковских дельцов и прочих казнокрадов и мироедов, которые в короткий срок опутали всю страну. Далее двумя цитатами характеризуются наиболее типичные черты русской буржуазии. Во-первых, это «ублюдки крепостного права», которые стараются восстановить его в новой форме – «менее разбойничьей, но, несомненно, более воровской». Во-вторых, это не тот (очевидно, западный) буржуа, который завоевывает положение в обществе трудолюбием и профессионализмом (хотя, ядовито замечает Салтыков, «не безучастия кровопивства»). Русский буржуа отличается праздностью, невежеством, пристрастием к водке***.

Но этого мало. Мы можем узнать о русской буржуазии еще массу интересного, находя ее под различными псевдонимами и собственными именами. Чаще всего Салтыков употребляет для русского буржуа псевдоним «чумазый», подчеркивая этим дикость, некультурность, примитивность этого

* *Ольминский М. С. Щедринский словарь. М., 1937. С. 5.*

** Капиталистов, получавших от правительства концессии на строительство железных дорог и создававших для этих целей акционерные компании. Это было «классическим» способом быстрого обогащения.

*** *Ольминский М. С. Щедринский словарь. С. 126.*

класса. В одном из своих последних и социологически наиболее глубоких сочинений «Мелочи жизни» (1886–1887 гг.) Салтыков, в частности, говорит: «...русский чумазый перенял от своего западного собрата его алчность и жалкую страсть к внешним отличиям, но не усвоил себе ни его подготовки, ни трудолюбия».

В нескольких сочинениях Салтыкова встречается Дерунов, в молодости трактирщик и скупщик, а теперь «опора и столп». Он не только держит в своих руках уезд и имеет большое влияние в губернии, но едет в Петербург и хлопочет о железнодорожной концессии. А началось богатство Дерунова с того времени, когда он обокрал купца, умершего у него на постоялом дворе. Перед нами живой человек с множеством сочных подробностей и вместе с тем тип русского капиталиста с его прошлым, настоящим и, пожалуй, даже будущим: мы можем себе представить, как будет развиваться этот «чумазый капиталист» и какое место займет в русском обществе.

Возможно, коллективный портрет русской буржуазии, созданный Салтыковым, несколько односторонен. Она дала и талантливых организаторов производства, и меценатов, и даже революционеров. Но сказанное не отрицает массовость явления, не отменяет обобщенных черт класса, и в этом сила и ценность художественного и социального открытия Салтыкова.

Буржуазия в России к концу XIX в. была относительно молодым классом. Она не имела ни опыта хорошо организованной, квалифицированной, закамуфлированной эксплуатации рабочего класса и бедного крестьянства, ни опыта политической организации для борьбы на два фронта – против дворянства и против рабочего класса.

На Западе буржуазия смогла в значительной мере «спрятаться» от угнетенных классов за спиной наемных управляющих акционерных обществ и банков, за благопристойным фасадом парламентской демократии и многопартийности. В России ничего этого не было или было в гораздо меньшей степени. Для рабочих и крестьян «буржуй» персонифицировался в совершенно реальном, хорошо знакомом и ненавистном образе выжимающего пот из трудящихся владельца предприятия, кулака-мироеда, жулика-торговца, ростовщика. Буржуазия воспринималась как прямая наследница прежних эксплуататоров, находящаяся под защитой и опекой самодержавия с его армией чиновников, полицейских, военных.

Эта ситуация, со стереоскопической реальностью и едким юмором изображенная Салтыковым-Щедриным, во многом объясняет характер классовой борьбы и русских революций начала XX в.

В «Истории одного города» фигурирует градоначальник Бо-родавкин, который насильственными средствами насаждает среди глуповцев, жителей города Глупова, цивилизацию. Как сообщает автор, в его понимании цивили-

лизация – это «наука о том, koliko каждому Российской Империи доблестному сыну отечества быть твердым в бедствиях надлежит».

Руководствуясь этим принципом, Бородавкин ведет против населения войны «за просвещение» и на этом пути сжигает, истребляет, разоряет все. Подобные войны возникают, например, из-за отказа жителей города и округа разводить на своих полях горчицу и персидскую ромашку (средство от постельных клопов). Когда же градоначальнику удается сломить строптивость, то возникают новые проблемы: «...глуповцы насеяли горчицы и персидской ромашки столько, что цена на эти продукты упала до невероятности. Последовал экономический кризис, и не было ни Молилари, ни Безобразова, чтоб объяснить, что это-то и есть настоящее процветание. Не только драгоценных металлов и мехов не получали обыватели в обмен за свои продукты, но не на что было купить даже хлеба».

Потребление на душу населения упало наполовину, потом на три четверти, к тому же задерживались дани. «Только тогда Бородавкин спохватился и понял, что шел слишком быстрыми шагами и совсем не туда, куда идти следует. Начав собирать дани, он с удивлением и негодованием увидел, что дворы пусты и что если встречались кой-где куры, то и те были тощие от бескормицы. Но, по обыкновению, он обсудил этот факт не прямо, а с своей собственной оригинальной точки зрения, то есть увидел в нем бунт, произведенный на сей раз уже не невежеством, а излишеством просвещения.

– Вольный дух завели! разжирели! – кричал он без памяти, – на французов поглядываετε!*

И вот начался новый ряд походов, – походов уже против просвещения».

Мы видим здесь многие характерные черты сатиры Салтыкова. Со свирепым юмором (по выражению его новейшего биографа С. А. Макашина) изображены смешанная с лицемерием тупость и жестокость царской администрации, «экономический волюнтаризм» с его губительными последствиями, а заодно низкопоклонство и лживость либерально-буржуазной экономической науки.

«История одного города» – сатира на всю русскую жизнь, на все классы и слои русского общества. С горечью и гневом пишет автор и об отсталости, политической и гражданской незрелости народа, о его вековом страхе перед властью, покорности и многотерпении. Книга Салтыкова имела огромный успех, но вызвала и многочисленные нападки, причем не только справа, но и слева. Даже близкие к нему люди считали, что он изобразил русский народ односто-

* Эти события отнесены к концу XVIII в. Однако, как неоднократно писал сам Салтыков, его сатира имеет своим адресом не столько историю России, сколько национальную жизнь в целом и современное ему общество. По этой причине в ней не фигурирует крепостное право, без которого историческая сатира едва ли была бы возможна.

ронне, оглушил и принизил его. Они были неправы: именно действенной, активной любовью к народу продиктована эта необыкновенная книга. Ведь говорил же Чернышевский устами героя романа «Пролог» Волгина: «Жалкая нация, жалкая нация! – Нация рабов, – снизу доверху, все сплошь рабы...»*. В. И. Ленин называл эти упреки словами настоящей любви к родине.

В «Истории одного города» появляется важный мотив, который затем не раз повторяется у Салтыкова, – сближение, смыкание коммунизма и социализма в их утопических и грубоуравнительных вариантах со стремлением самодержавно-бюрократической власти к всеобщей регламентации, уравниванию граждан в бесправии и убожестве. В конце книги выступает градоначальник Угрюм-Бурчеев, чья деятельность и воплощает такое смыкание. «В то время не было достоверно известно ни о коммунистах, ни о социалистах, ни о так называемых уравнителях вообще. Тем не менее нивелляторство существовало, и притом в самых обширных размерах... Казалось, что ежели человека, ради сравнения с сверстниками, лишают жизни, то хотя лично для него, быть может, особого благополучия от сего не произойдет, но для сохранения общественной гармонии это полезно, и даже необходимо».

Своего рода антиутопия, которую далее немногими мощными мазками художественной кисти пишет Салтыков, предвосхищает многое и в литературе, и в истории. Здесь есть всеобщая регламентация, милитаризация и слежка, принудительный аскетизм и систематическое промывание мозгов, единообразие во всем, начиная одеждой и кончая мыслями, насилие над природой и бредовые планы ее «преобразования». И многое другое.

«В этом фантастическом мире нет ни страстей, ни увлечений, ни привязанностей. Все живут каждую минуту вместе, и всякий чувствует себя одиноким. Жизнь ни на мгновение не отвлекается от исполнения бесчисленного множества дурацких обязанностей, из которых каждая рассчитана заранее и над каждым человеком тяготеет как рок. Женщины имеют право рожать детей только зимой, потому что нарушение этого правила может воспрепятствовать успешному ходу летних работ. Союзы между молодыми людьми устраиваются не иначе как сообразно росту и телосложению, так как это удовлетворяет требованиям правильного и красивого фронта. Нивелляторство, упрощенное до определенной дачи черного хлеба, – вот сущность этой кантонистской фантазии... »

Здесь можно усмотреть и пародию на левацкие извращения фурыеризма, и намек на военные поселения Аракчеева во времена Александра I, но нельзя не усмотреть также предостережения великого гуманиста относительно тупиков цивилизации.

* Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 13. С. 197.

В начале 1873 г. Н. Ф. Даниельсон, русский корреспондент К. Маркса, посылает ему только что вышедшую книгу Салтыкова-Щедрина «Дневник провинциала в Петербурге» и пишет: «Я посылаю Вам сатиры единственного уцелевшего умного представителя литературного кружка Добролюбова – Щедрина. Его типы сразу же становятся такими же популярными, как типы Островского и т. д. Никто не умеет лучше его подмечать пошлые стороны нашей общественной жизни и высмеивать их с большим остроумием»*. Даниельсон упоминает далее о том, что в книге Салтыкова фигурируют такие хорошо известные Марксу события, как нечаевское дело, международный статистический конгресс в Петербурге и др., и говорит о мастерском изображении писателем новых социальных типов русской жизни – «умеренных либералов» и железнодорожных предпринимателей.

После смерти Маркса Даниельсон продолжал активную переписку с Ф. Энгельсом и в начале 1887 г. писал ему: «Посылаю Вам «23 сказки» нашего сатирика Щедрина, где освещаются некоторые «проклятые» социальные вопросы. Я уверен, что многие из этих сказок доставят Вам большое удовольствие...»**.

Даниельсон прекрасно знал вкусы и интересы обоих своих корреспондентов и хорошо понимал, какое значение имеют произведения Салтыкова для анализа социально-экономических процессов в России. И он не ошибся. Имеется целый ряд свидетельств, что Маркс и Энгельс высоко ценили великого сатирика. Друг и родственник Маркса П. Лафарг и русский революционер Г. А. Лопатин по личным воспоминаниям единодушно называют любимыми русскими писателями Маркса Пушкина, Гоголя и Щедрина. В библиотеке Маркса было несколько книг Салтыкова-Щедрина с читательскими пометками владельца. И это несмотря на то, что чтение Щедрина, язык которого изобилует идиомами, новообразованиями, народными выражениями, было для Маркса, несомненно, нелегким делом.

В свою очередь Салтыков интересовался Марксом, его трудами и деятельностью. Будучи редактором «Отечественных записок», он поместил в 1877 г. статьи Зибера и Михайловского о «Капитале». По цензурным соображениям не прошла в журнале статья, в которой рассказывалось о I Интернационале исвязанных с ним работах Маркса***. Салтыков в своих очерках издевался над почти мистическим страхом невежественной русской полиции перед «интернационалкой»**** и над происками ее агентов в России.

* Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. С. 92.

** Там же. С. 130.

*** Макашин С. М. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы. М., 1984. С. 371.

**** Поскольку во французском языке слово «_____» женского рода, в русской печати того времени за I Интернационалом утвердилось это «прозвище» с его своеобразными оттенками.

Несмотря на наличие большой литературы, вопрос о взаимных научно-литературных отношениях Салтыкова с Марксом и Энгельсом едва ли выяснен до конца.

Во всяком случае, имеющиеся факты лишней раз подтверждают глубокое понимание Салтыковым социально-экономических проблем, его роль как создателя своеобразного нового литературного жанра – сатирической художественной социологии, имеющей революционно-демократическое содержание.

Вернемся к «Дневнику провинциала». Это своеобразный роман-обозрение, изображающий нравы Петербурга начала 70-х гг. Кое-что в этом сочинении довольно быстро устарело и становится понятным современному читателю лишь благодаря обширным комментариям. Но многое в «Дневнике провинциала» сохранило свою ценность и сто лет спустя. В лучших главах этой книги царствует подлинная стихия смеха. Это мир гротеска и фантазмагии, где реальность неразличимо сливается с безудержной выдумкой.

Таковы эпизоды, связанные с международным статистическим конгрессом, который проходил в Петербурге летом 1872 г. Среди действующих лиц у Салтыкова фигурируют отцы – основатели статистической науки Адольф Кетле и Эрнст Энгель, французский экономист Эмиль Левассер, английский статистик Уильям Фарр и др. Впрочем, сатира Салтыкова направлена, разумеется, не против этих почтенных ученых, а против российских безобразий, вылезших наружу в связи с конгрессом. Он лишь использует свое почти профессиональное понимание проблем, обсуждавшихся на конгрессе, чтобы создать поразительную по богатству ассоциаций комическую картину, в которой действуют и иностранные статистики, и литературные герои из сочинений Тургенева и Гончарова (этот прием он использовал систематически), и собственные щедринские персонажи.

Главным для Салтыкова было очевидное противоречие между конгрессом и жалким состоянием общественной жизни в России. К чему нам успехи статистической науки, если в стране царят отсталость, нищета, невежество, пьянство? В таком ключе за месяц до конгресса в «Отечественных записках» была опубликована серьезная статья. Другой мотив, который сатирически разрабатывал Салтыков в «Дневнике провинциала», это – страх властей перед разоблачительной силой статистики. Ведь еще Чернышевский говорил, что «люди, весь успех которых зависит от таинственности, не любят статистики»*.

Салтыков усовершенствовал жанр сатирического романа-обозрения в «Современной идиллии», завершенной в начале 80-х гг. и отражающей по-

* Чернышевский Н. Г. Франция при Людовике-Наполеоне // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 410.

литическую реакцию этих лет. Два интеллигента-обывателя, напуганные всезнанием и всевластием полиции, которая может их, как они считают, в любой момент «притянуть» за либерализм и политическую болтовню, ищут спасения в сближении с уголовными и полицейскими элементами, которые оказываются плотно переплетенными между собой. С героями происходят всевозможные трагикомические приключения в Петербурге и провинции, что дает автору возможность нарисовать богатейшую сатирическую картину русской жизни, в том числе социально-экономической. Приведем два примера.

Салтыков откликается на хождение в народ и на трагический разрыв между молодыми энтузиастами и темным крестьянством. Некий купец объявляет приз в 25 рублей за каждого пойманного «сицилиста» (народное произношение чужеземного и непонятого слова «социалист»). Ему наловили целую кучу: всякий друг друга ловил. Купец никому не заплатил, объявив, что «сицилисты» – ненастоящие.

Полицейские чины сочиняют чудовищный устав благопристойного поведения обывателей. Один из пунктов гласит: «Ибо только то отечество процветает, которое, давая труду исход и направление, в то же время оплодотворяет его соответствующим капиталом, а в случае отсутствия такового – кредитом, с обязанностью взятое своевременно с надлежащими процентами уплатить. Что вполне подтверждается и беседами, произведенными на экономических обедах».

Здесь пародируется проникновение экономической фразеологии в официально-политическую сферу, тривиальность догм об «оплодотворении» труда капиталом и кредитные иллюзии пос-лереформенной эпохи, а заодно задеваются безобразовские обеды, к которым демократ Салтыков испытывал, естественно, сильнейшую антипатию.

Роман «Господа Головлевы» – вероятно, самое читаемое произведение Салтыкова. Главный герой романа – богатый помещик и отставной чиновник высокого ранга Порфирий Владимирович Головлев, с детства прозванный Иудушкой за лживость, лицемерие, коварство и склонность к предательству. Другие его черты – скопидомство, бессмысленная жадность – роднят его с гоголевским Плюшкиным из «Мертвых душ». Иудушку отличают чудовищное словоблудие и пустословие, что позволяет Салтыкову использовать весь набор сатирических средств изображения, которыми он мастерски владел. Иудушка Головлев – один из самых полнокровных отрицательных образов мировой литературы.

Первые главы романа, рисующие дворянское гнездо крепостных времен, в значительной степени автобиографичны. В матери Порфирия (Иудушки) и его братьев угадывается властная и хозяйственная барыня – мать само-

го писателя, которую он через несколько лет изобразил в своем последнем большом произведении «Пошехонская старина». В последние десятилетия крепостного права она с большой энергией и умением умножает семейную собственность. При этом она использует в своих интересах оскудение многих помещиков и действует, в сущности, уже не столько старыми, феодально-крепостническими методами, сколько новыми – капиталистическими: скупает по дешевке имения и крепостные души разорившихся, залезших в долги помещиков. Но Головлева-мать – плоть от плоти крепостной эпохи. Когда настала «эмансипация», она, уже пожилая женщина, не смогла приспособиться к новым условиям. С этого начался упадок семьи и семейного хозяйства. Сыновья, которым она передала хозяйство, каждый по-своему способствовали дальнейшему его распаду.

Иудушка, уже при жизни матери и других родственников ограбивший всех и унаследовавший все головлевское имение после их смерти, оказывается еще худшим хозяином. Он не способен понять ни время, ни жизнь, ни людей. Его агрономические и финансовые занятия, которым он отдается со страстью, оборачиваются совершенной фикцией. Выжимая из крестьянина или наемного работника копейку, он теряет по причине своей бесхозяйственности рубль.

Увлеченный магией сложных процентов, он часами просиживает над фантастическим расчетом: сколько было бы теперь у него денег, если бы мать не забрала себе подаренные ему при рождении дедушкой сто рублей, а положила бы деньги на его имя в ломбард. Другой день его занимает расчет: сколько деревьев на десятине принадлежащего ему соснового леса, да сколько их всего, да почему можно продать каждое дерево (ствол отдельно, сучья и верхушки отдельно), да какая это будет куча денег... Потом он принимается высчитывать, сколько денег можно получить от штрафов, если поставить в лесу и в поле охрану и ловить крестьян – порубщиков и потравщиков. «Все растущее и прозябающее на его земле, сеяное и несеяное, обращается в деньги, и притом со штрафами... Громадные колонны цифр испещряют бумагу, сперва рубли, потом десятки, сотни, тысячи... Иудушка до того устает за работой, и главное, так волнуется ею, что весь в поту встает из-за стола и ложится отдохнуть на диван. Но взбунтовавшееся воображение и тут не укрощает своей деятельности, а только избирает другую, более легкую тему».

Подлинная стихия Иудушки – ростовщичество. «Он знает, что мужик всегда нуждается, всегда ищет занять и всегда отдает без обмана, с лихвой». Но, разоряя мужика ростовщическими ссудами, Головлев нищает сам, потому что в его хозяйстве все разворовывается, гниет, пропадает. Он постепенно теряет человеческий облик, спивается, впадает в полусумасшествие.

В другом месте Салтыков писал прямо, что русское дворянство пришло «к сознанию жизненной пустоты и невозможности куда-нибудь приткнуться, где-нибудь сыграть деятельную роль». Вспомнив скандальную фразу Мальтуса, так полюбившуюся русским писателям, Салтыков замечает, что для дворянства «уже нет места на жизненном пире».

Тема упадка дворянства занимала многих писателей конца XIX и начала XX в. Но, пожалуй, «Господа Головле-вы» остаются самым замечательным художественным произведением, изображающим этот процесс. Это в немалой мере обусловлено глубиной социально-экономического анализа, свойственной Салтыкову-Щедрину.

19.13. Его смоленский корреспондент*

Бывают такие совпадения: когда я начал работу над этим фрагментом о друге, родственнике и единомышленнике Салтыкова, в последнем тогда номере журнала «Новый мир» появился блестящий очерк Юрия Черниченко, обозревающий нашу «деревенскую» литературу***. Автор начинает с Энгельгардта и кончает им. Но какое отношение может иметь писатель, экономист и агроном, живший столетие тому назад, к советскому сельскому хозяйству, продовольственной проблеме и литературе, трактующей эти острейшие проблемы?

Александр Николаевич Энгельгардт – в некотором роде родоначальник того жанра, который получил распространение в последние десятилетия и в котором работают современные талантливые публицисты, в числе которых и Ю. Черниченко. Речь идет об очерке-исследовании о социально-экономических проблемах деревни и сельского хозяйства, нередко критическом и полемическом. «Деревенщиком» Энгельгардт оказался не совсем по своей воле. Сосланный в начале 70-х гг. за неблагонадежность из Петербурга в свою деревню в Смоленской губернии, профессор-химик углубился в изучение агрономии и сельского хозяйства, а заодно и жизни крестьян. По просьбе Салтыкова он начал с 1872 г. писать в «Отечественные записки» статьи-письма, которые имели большой успех. Редактор не мог нарадоваться своей счастливой находке, хлопотал «в сферах» о том, чтобы вытащить Энгельгардта из глуши. Энгельгардт безвыездно прожил в ссылке свыше десяти лет, потом получил разрешение бывать в Петербурге, но постоянно жил в деревне до самой смерти в 1893 г.

* Раздел впервые опубликован А. В. Аникиным в 80-е гг. прошлого века.

** См.: Черниченко Ю. Очерк об очерке // Новый мир. 1985. № 1.

Ю. Черниченко справедливо пишет о безукоризненной честности и гражданской смелости Энгельгардта, его огромном профессионализме и писательском мастерстве. Это был выдающийся человек, русский интеллигент в лучшем смысле слова.

Маркс читал и конспектировал Энгельгардта, а Ленин многократно использовал его сочинения при анализе социальных проблем русского сельского хозяйства и в полемике с народниками.

Сам Энгельгардт был близок к народническим взглядам. Но его практический опыт и честность не позволяли ему идеализировать мужика и общину. Он знал о мирской взаимопомощи, об артельном начале в крестьянской жизни, но он же с суровой прямоотой написал горькие слова: «У крестьян крайне развиты индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации. Зависть, недоверие друг к другу, подкапывание одного под другого, унижение слабого перед сильным, поклонение богатству – все это сильно развито в крестьянской среде, каждый гордится быть щукой и пожрать карася»*. Кстати, это щедринский образ. Подобные вольные и невольные отсылки к произведениям Салтыкова-Щедрина мы встречаем у Энгельгардта не раз.

Прочитав первое письмо Энгельгардта, строгий заказчик и редактор сообщает автору: «Давно я не читал ничего с таким наслаждением», а через несколько месяцев пишет: «Ваши «Письма из деревни» всех очаровывают». Он же предлагает Энгельгардту писать книгу и не ленится составить подробнейший расчет тиража и доходов: Энгельгардт был небогат и, имея жену и троих детей, живших в Петербурге, постоянно нуждался в деньгах. Но книга вышла лишь в 1882 г.

Конечно, теперь, через столетие с лишним, это не такое захватывающее чтение. Но литературное мастерство Энгельгардта волшебным образом оживляет его простые рассказы о хлебе и скоте, тяжком труде и голоде, мужиках и помещиках. От рисуемых им картин иной раз прошибает слеза, иной – трудно удержаться от смеха.

Значение писем Энгельгардта «Из деревни» в истории русской социально-экономической мысли определяется тем, что он убедительно показал в них два основных фактора пореформенной аграрной системы: наличие огромных крепостнических пережитков и неудержимое развитие капиталистических отношений. Независимо от субъективных чувств и стремлений автора изображенная им картина восстает против иллюзий народников насчет устойчивости общины и самостоятельного мелкого хозяйства. Как мы видели, такова же была по своей сущности позиция Салтыкова.

Враждебность к остаткам крепостного права переплетается у Энгельгардта с отвращением к бюрократической регламентации, которой власти

* Энгельгардт А. Л. Из деревни. 12 писем 1872–1887. М., 1960. С. 415.

опутали и душили мужика после реформы. Самоуправство чиновников как бы пришло на смену бесконтрольной власти помещиков. В статье «От какого наследства мы отказываемся?», написанной в 1897 г., В. И. Ленин дает глубокую оценку Энгельгардта как практика и великолепного наблюдателя и пересказывает несколько примеров такой тупой и вредной регламентации. Кабинетные «ученые» из земств, вмешиваясь в хозяйство практически опытных крестьян и игнорируя погодные и прочие условия, не разрешали им, например, сеять рожь ранее определенной даты. Опять мы слышим саркастические ноты Щедрина, когда Энгельгардт передает мнение тех, кто хотел бы из городов и уютных кабинетов руководить сельским хозяйством: «Мужик глуп, сам собою устроиться не может. Если никто о нем не позаботится, он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю испортит и сам весь перемерет»*.

Энгельгардт, опираясь на факты, со страстной убежденностью выступал против помещичьего землевладения и помещичьего хозяйства. «Помещичье хозяйство в настоящее время ведется так плохо, даже хуже, с меньшим толком и пониманием дела, чем в крепостное время, когда были хорошие старосты-хозяева, – что оно только потому кое-как и держится, что цены на труд баснословно низки»**. Несмотря на дешевизну наемного труда, помещичьи хозяйства хиреют и прозябают, а помещики ведут себя как собака на сене: владея лучшими землями, не используют их рационально. Аренда этих земель в разумных формах тоже не получает распространения: масса крестьян слишком бедна, чтобы платить арендную плату и вести хозяйство на арендованной земле.

Энгельгардт приходит к закономерному выводу о том, что подъем сельского хозяйства возможен только в том случае, если земля перейдет в собственность крестьян. Он не мог в легальной печати писать откровенно о том, что выступает за прямую и безвозмездную передачу помещичьей земли крестьянам, за радикальную аграрную реформу, а вынужден был обволакивать смелые выводы более или менее туманными выражениями насчет необходимости принципиального изменения существующих поземельных отношений. Отметим, что Салтыков несколько раз вынужден был предупредить своего корреспондента о суровости цензуры и необходимости соблюдать осторожность.

Энгельгардт хорошо видел преимущества крупного хозяйства перед мелким: возможность использования машин, удобрений, правильных севооборотов, рационального разделения труда и специализации. Он мечтал не о капиталистических фермах, а о крестьянских артелях, о коллективных хо-

* Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 356, 525.

** Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем 1872–1887. С. 38.

зайствах на общей земле. Условия возникновения такой собственности Энгельгардт не исследовал, но был твердо уверен, что лишь в том случае, когда земля находится в общем пользовании и обрабатывается сообща, может быть решена главная социально-экономическая проблема – оптимального сочетания личного интереса работника и общего интереса коллектива.

Но этот социалистический идеал приводил Энгельгардта к народникам. Народнический уклон заставляет Энгельгардта на словах преуменьшать капиталистическую тенденцию в русском сельском хозяйстве, хотя приводимые им самим факты подтверждают ее. Утверждая в теории, что русские крестьяне никогда не превратятся в батраков, сельских наемных рабочих, Энгельгардт своей собственной хозяйственной практикой опровергал это утверждение. Он неусыпными трудами создал в своем имении хозяйство, в котором работали батраки, хозяйство, основанное на чисто капиталистических началах. И ни на каких других началах оно не могло быть основано.

Деятельность Энгельгардта в сельском хозяйстве развернулась в период, когда русская молодежь «пошла в народ». Он сочувствовал и помогал этому движению, хотя ко многим молодым людям, которые пытались без подготовки и выдержки браться за крестьянскую работу, относился несколько иронически. Для таких горожан у него было прозвище «тонконогие». Зато к тем, кто выдерживал тяжелый крестьянский труд и, подобно самому Энгельгардту, оказывался способен жить и работать среди крестьян и наравне с ними, относился с уважением. Таким он выдавал особые аттестаты, которые высоко ценились среди молодых народников. За период 1877–1884 гг. у него работало в общей сложности свыше 80 человек, но лишь 14 получили такие аттестаты.

Молодые энтузиасты создавали коммуны и селились на землях, примыкающих к хозяйству Энгельгардта. Он оказывал им всевозможную помощь. Однако коммуны эти распадались, просуществовав не более нескольких лет. Практика вновь и вновь показывала, что социально-экономическая реальность сильнее красивых утопий, что в условиях этой реальности расти могут только капиталистические хозяйства.

Как агроном-практик Энгельгардт много сделал для улучшения земледелия в нечерноземной полосе. Он изучал рациональные направления и формы специализации хозяйства в этих климатических и почвенных условиях. Особенно важной была многолетняя и упорная работа Энгельгардта по внесению минеральных удобрений, которые до этого были практически неизвестны в России. Он проводил практические опыты в этой области и излагал их результаты и свои предложения в научных и популярных публикациях. Энгельгардт работал в сотрудничестве с несколькими крупнейшими русскими учеными того времени, почвоведом и агрономами, пользовался их

консультациями и делился своими выводами. Его труды и усилия наталкивались на огромные трудности: нехватку средств, материалов и помощников, невежество крестьян, равнодушие чиновников. Лишь за два года до смерти Энгельгардт получил некоторую поддержку Министерства земледелия.

Интересна судьба хозяйства Энгельгардта. После его смерти оно было куплено благодаря усилиям его учеников и друзей, министерством земледелия и превращено в Энгельгардтовскую сельскохозяйственную станцию, занимавшуюся агрономическими опытами и внедрением достижений агротехники в практику. После революции станция была реорганизована и расширена.

19.14. Позднее народничество

Самодельные бомбы, которые убили 1 марта 1881 г. Александра II, обрекли на смерть и революционное народничество. Хотя разные группы народолюбцев и их преемников продолжали действовать, неэффективность террора и действий одиночек как способа борьбы с самодержавием была убедительно доказана. После этого центр тяжести народнического движения сдвигается вправо. Либеральные народники 80–90-х гг. отказываются от революционной борьбы. Они видят опасность в наступающем капитализме, главную надежду – в русском мужике и сельской общине. Народничество в этот период дало выдающихся мыслителей и публицистов. Помимо Н. К. Михайловского, о котором говорилось выше, это В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, С. Н. Южаков, С. Н. Кривенко. Их сочинения, как правило, острополюемичны. В них сохраняется дух протеста против самодержавия и крепостнических пережитков. Но дух этот испаряется с каждым десятилетием. Некоторые народники уже считают возможным мириться со многими мрачными сторонами существующего порядка и даже возлагают на него определенные надежды как на защитника «народного производства» от капитализма.

Такие идеологи народничества, как Михайловский и Даниельсон, были знатоками Маркса и иной раз стремились подкрепить свои концепции ссылками на марксизм, который они сознательно или бессознательно приспособляли к своим целям.

Развитие марксистских идей «вширь» характерно для 80–90-х гг. В этом процессе важную роль сыграли труды первого пропагандиста марксизма в России Н. И. Зибера. Несколько позже появляется легальный марксизм – буржуазно-либеральное течение, принимавшее до известной степени научную, аналитическую сторону марксизма (М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве).

Однако еще раньше, в начале 80-х гг., на арену политической борьбы и научных дискуссий выступили Г. В. Плеханов и другие первые революционные марксисты. В начале 90-х гг. развернулась деятельность молодого В. И. Ульянова, будущего Ленина. К концу столетия он стал признанным лидером русских марксистов, социал-демократов.

Дискуссии между представителями различных направлений велись на высоком научном и литературном уровне. Они не только были в центре общественной жизни и мысли в России, но и привлекали внимание на Западе. Центральным для всех участников был вопрос о судьбах социально-экономического развития России как страны, отставшей от наиболее передовых капиталистических стран.

19.15. Россия на исходе столетия. Идейная борьба

Для России конца XIX в. характерным было экономическое неравенство в огромных размерах. Например, по оценкам на 1905 г., 30 тыс. крупных землевладельцев имели примерно столько же земли, сколько 10,5 млн бедных крестьянских хозяйств*. Всему миру были известны роскошь и расточительство русской аристократии и нуворишей из буржуазии. В то же время десятки миллионов людей постоянно жили на грани голода, в условиях неопишуемой нужды, невежества и забитости.

С углублением капиталистических отношений доля работающих по найму в городе и деревне неуклонно росла. Четко обнажился классовый антагонизм между буржуазией и пролетариатом. Шло расслоение мелких собственников, в процессе которого, с одной стороны, выделялся класс буржуазии, с другой – класс лишенных всякой собственности пролетариев.

Капиталистическая русская промышленность делала первые шаги, но эти шаги были достаточно уверенными. В промышленном развитии значительную роль играл иностранный капитал. Страна покрылась довольно густой сетью железных дорог. Уходил в прошлое самодовлеющий, замкнутый характер сельского хозяйства. Все большая доля продукции производилась на рынок, в том числе для экспорта.

Иной вопрос: насколько быстрым, эффективным и всесторонним было развитие капитализма? Отвечая на него, Ленин говорил: смотря с чем сравнивать. По сравнению с дореформенным временем страна за три-четыре десятилетия сделала громадный скачок. Но Россия не могла в полной мере усвоить и применить те достижения техники, организации и культуры, ко-

* См.: *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1952. Т. 2. С. 82.

торами располагал западный капитализм. По этой причине развитие капитализма в России было относительно медленным. «И оно не может не быть медленным, – писал Ленин, – ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые «страдают и от капитализма, и от недостаточного развития капитализма»*.

Царское правительство в 80–90-х гг. проводило политику стимулирования роста промышленности и осуществляло ради этого некоторые реформы. В начале 80-х гг. по инициативе министра финансов Н. Х. Бунге были снижены выкупные платежи и отменены некоторые налоги на крестьян, создан принадлежавший государству Крестьянский поземельный банк. Эти меры преследовали цель несколько ослабить крестьянскую кабалу, способствовать укреплению хозяйств зажиточных крестьян. При Бунге были осуществлены также два крупных поворота в экономической политике: государство взяло в свои руки подавляющую часть нового железнодорожного строительства и выкупило ряд построенных линий у частного капитала. Россия стала на путь четко выраженного внешнеэкономического протекционизма в интересах стимулирования национальной промышленности. Поворот к протекционизму был достаточно резким: если в 70-х гг. средний уровень пошлинного обложения импорта составлял 14%, то в 90-х гг. он достиг 33%**.

В этот период были сделаны некоторые попытки «европеизировать» русский капитализм путем принятия законов, регламентирующих условия труда на предприятиях. Мы упоминали об этом, рассказывая о деятельности И. И. Янжула.

90-е гг. XIX столетия и начало 1900-х гг. явились периодом деятельности Сергея Юльевича Витте, который стоял у руководства экономической политикой в стране, возглавляя последовательно железнодорожное ведомство, Министерство финансов и правительство в целом. Авторитетный специалист по истории народного хозяйства СССР П. И. Лященко говорит о Витте как о крупнейшем государственном деятеле и царском министре за последние полстолетия существования монархии***.

При Витте была введена государственная винная монополия, давшая значительный прирост бюджетных доходов; построена трансконтинентальная железная дорога на Дальний Восток; осуществлена денежная реформа путем введения золотого стандарта. В экономику страны стали вкладываться крупные иностранные капиталы. Витте начал готовить аграрную реформу на

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 601. Внутренняя цитата – фраза К. Маркса.

** Подсчитано по: Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX–XX вв. 1800–1917. М., 1950. С. 484–486.

*** См.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. С. 184.

базе принципов, которые проводил впоследствии в жизнь П. А. Столыпин: ликвидации общины и развития товарно-капиталистического крестьянского хозяйства*.

Реформаторская деятельность Витте наталкивалась на отсталость и косность русской буржуазии, на пассивное и активное сопротивление со стороны аристократии и высшего чиновничества. Монархи Александр III и, пожалуй, в еще большей мере Николай II находились под преобладающим влиянием этих кругов. Автор либеральной статьи о Витте в «Новом энциклопедическом словаре» (10-е гг. XX в.) меланхолично замечает: «Витте являлся реформатором в такой среде и такой обстановке, которые совсем не были приспособлены для реформ»**.

Самодержавие и классовое господство дворянства мешали развитию капитализма как прогрессивного социально-экономического строя. Это в немалой мере определяло те отсталые, азиатские формы, которые принимал русский капитализм. Специфика внутреннего положения России в конце XIX – начале XX в. состояла в том, что здесь сплелись противоречия между буржуазией и пролетариатом с противоречиями между феодально-монархической системой и широкими народными массами.

Революция 1905–1907 гг. показала, насколько глубоко эти противоречия. Она завершилась, можно сказать, «вничью». Левые силы не смогли свергнуть самодержавие, крестьяне не получили помещичью землю. Но царизм вынужден был пойти на серьезные уступки. Были гарантированы основные гражданские свободы, легализованы политические партии, создан парламент. Столыпинская реформа открыла путь становлению самостоятельных крестьянских хозяйств. Вплоть до начала Первой мировой войны продолжался интенсивный промышленный подъем. Русская культура и искусство начала XX столетия стали заметным явлением в мире.

Научные дискуссии заполняли страницы многочисленных журналов – как «долгожителей», вроде «Русской мысли», «Русского богатства», «Вестника Европы», «Недели», так и многих других, имевших по разным причинам короткий век. Дискуссии вторгались и в академическую литературу – толстые книги, университетские публикации. Ареной невиданно острых обсуждений стало Вольное экономическое общество.

Экономические проблемы, всегда занимавшие видное место в публицистике, в этот период решительно выдвинулись на передний план. В центре дискуссий главным был вопрос о судьбах капитализма в России и положении общественных классов.

* См.: Василевский Е. Г. Идеиная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. М., 1960. С. 23–31.

** Брокгауз и Ефрон. Новый энциклопедический словарь. Т. 10. С. 847.

Разделительные линии в спорах не всегда четко просматривались. Революционные марксисты имели крайне ограниченный доступ в легальную печать. В силу этого, имея общие позиции в борьбе с народничеством, они были поставлены перед необходимостью временного союза с легальными марксистами. В печати широко выступали представители различных направлений буржуазной идеологии, которая быстро развивалась в России. К ней в 90-х гг. перешли и легальные марксисты. Либеральное народничество представляло собой также обширное течение, в рамках которого порой уживались весьма различные взгляды. Тем не менее разногласия среди народнических идеологов отступали на задний план, когда речь шла о главном.

Народничество оставалось важнейшим течением общественной мысли, хотя его позиции одновременно размывались с двух сторон – со стороны марксизма и со стороны буржуазной идеологии. Живучесть народничества объяснялась классовой структурой русского общества: преобладанием крестьянства и его расслоением. Крестьянство было мелкобуржуазным классом, и народническая идеология отражала его двойственное и противоречивое положение. Оно противостояло помещикам, сосредоточившим в своих руках колоссальные земельные владения. Но одновременно растущий капитализм подкапывал самую основу жизни крестьянина – собственника и труженика.

Соответственно народничество имело две стороны – прогрессивную, демократическую в борьбе с дворянством и реакционную и утопическую в безнадежном противоборстве с быстро растущим капитализмом, в тщетных попытках остановить его. Либеральные народники 80-х и 90-х гг. полностью отказались от надежд на крестьянскую революцию, от служения ее целям. Стремясь воспрепятствовать капиталистическому развитию, либеральные народники обращали свои взоры к правительству – к тому самому, с которым, как иронически выразился Ленин, их отдаленные предки (революционные народники) вели непримиримую борьбу.

Мелкобуржуазная сущность либерального народничества в значительной мере определяла его идеологию и проявлялась в следующем.

Во-первых, народники утверждали, что капитализм для России представляет регресс и ведет ее к упадку. Отсюда их призывы остановить или задержать его развитие.

Во-вторых, они считали русский экономический строй принципиально отличным от западноевропейского, указывая на его общинно-артельные основы и преуменьшая масштабы расслоения крестьянства.

В-третьих, народники отрицали объективные законы общественного развития и считали, что сознательные действия относительно узких групп могут изменить само направление этого развития.

Лидеры народничества с негодованием открещивались от обвинений в том, что они являются идеологами мелкой буржуазии. Они утверждали, что их позиция – это борьба за всех трудящихся, против капитала и капитализма. Нет сомнения, что субъективно, будучи честными людьми, народники именно так и оценивали свою роль, свою деятельность. Это делало их идеологию привлекательной для мыслящей России, для интеллигенции и даже для значительной части рабочего класса.

Против марксистов народники использовали отравленное оружие – обвинение в буржуазности, в стремлении «насадить» в России капитализм и «выварить мужика в фабричном котле», в пренебрежении к социалистическим традициям народа. В силу этого споры с ними приобретали большую остроту, порой – ожесточенность.

До 80-х гг. народничество считалось единственной серьезной оппозиционной силой в стране, которая притягивала все лучшее, прогрессивное, революционное. Русский марксизм и его политическая организация – социал-демократия естественным образом отталкивались от народничества и привлекали из его среды наиболее революционных представителей. Большинство первых русских марксистов и социал-демократов, в том числе Г. В. Плеханов, вышли из народников.

19.16. Николай-он и В. В.

Литература 80–90-х гг. изобилует псевдонимами. Николай Францевич Даниельсон писал под литературным именем *Николай-он*, Василий Павлович Воронцов подписывался *В. В.* Их обоих можно считать значительными представителями экономической теории народничества, хотя они расходились во взглядах и иной раз спорили.

Заслуги этих людей перед русской общественной мыслью и революционным движением велики. Мы никогда не поставим под сомнение их субъективную честность и демократизм, стремление найти для России путь к социализму. Другое дело, что *объективно* их социализм не мог найти опоры в реальной структуре русского общества. К началу XX в. марксисты оттеснили их с арены идейной борьбы.

Даниельсон и Воронцов выступили со своими первыми публицистическими статьями на рубеже 70-х и 80-х гг. Оба они констатировали тяжелое состояние экономики страны, в частности сельского хозяйства, обнищание и одичание крестьянства. «Народное хозяйство достигло такого состояния, что дальнейшее ухудшение может вести только к вырождению»*, – писал в

* Цит. по: Народническая экономическая литература. С. 486.

1880 г. Даниельсон. Но такое состояние они считали не следствием сохранения остатков крепостничества и господства самодержавия, а результатом развития капитализма. Притом это развитие они приписывали не столько действию стихийных и объективных сил, сколько политике государства, которое, по их мнению, искусственно насаждало в России вредоносный капитализм. Такая позиция особенно характерна для Воронцова.

Соответственно выход из создавшегося положения они видели в приостановке развития капитализма и в государственной помощи «народному производству». Этот тип хозяйства Воронцов противопоставлял любому крупному производству и включал в него мелкое крестьянское и кустарно-ремесленное производство. Он считал, что в этих сферах еще преобладает традиционный дух общины и артели, и требовал любой ценой сохранить эту национальную ценность.

Сколько-нибудь подробных биографий Даниельсона и Воронцова в литературе не существует. Энциклопедии и биографические словари пересказывают один и тот же минимум данных. Между тем эти выдающиеся люди находились в течение полувека в тесном общении с множеством деятелей русской и зарубежной культуры.

Они были типичными русскими интеллигентами своего времени, людьми скромными и неброскими. В жизни их немало общего. Оба участвовали в молодости в революционном движении и сочувствовали ему в зрелые годы, были на подозрении у властей и терпели от них неприятности. Но к началу 80-х гг. их революционные настроения притупились, а идеи стали в основном приемлемыми правительству. Даниельсон и Воронцов отдавали много сил научной работе и литературной деятельности, но прожить этим не могли и вынуждены были служить: Даниельсон в банке, а Воронцов в железнодорожной компании и в других учреждениях.

Николай Францевич Даниельсон родился в 1844 г. в русско-немецкой буржуазной семье, учился в коммерческом училище и слушал лекции в Петербургском университете. Начиная с 1868 г. он посвящает себя переводу и публикации в России трудов Маркса и Энгельса, обеспечивает своих великих друзей материалами о России. В собственных опубликованных сочинениях Даниельсон широко использовал труды основоположников марксизма, а также их письма к нему. Один из современников, близко знавших Даниельсона, относил его к числу людей, которые «занимаются наукой, не связывая с ней добывание средств к существованию, а работая в ее области ради самой науки»*.

Перевод «Капитала» представляет собой подлинный подвиг. Неустрашимый революционер Лопатин, который начал перевод первого тома, и друг

* Цит. по: Конюшая Р. П. Карл Маркс и революционная Россия М., 1975. С. 142.

всей его жизни скромный банковский служащий Даниельсон, завершивший это великое дело и осуществивший перевод второго и третьего томов, заложили основы русской марксистской социально-экономической терминологии. Переводы Даниельсона до сегодняшнего дня не потеряли своей значимости. Правда, столь компетентный судья, как Плеханов, в 1895 г. в письме к Энгельсу дал резко отрицательный отзыв о переводе Даниельсона, используя известный итальянский каламбур (переводчик – предатель)*. Но сказанное, вероятно, следует отнести за счет острого раздражения, испытываемого в этот период Плехановым по поводу последних выступлений Даниельсона, которые давали основания считать, что они льют воду на мельницу самодержавия.

Собственные сочинения Даниельсона немногочисленны, но весьма существенны для экономической идеологии народничества. В опубликованной в 1880 г. большой статье «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» были заложены исходные позиции экономической концепции либерального народничества. В 1893 г. Даниельсон значительно расширил свою статью и издал ее в виде книги под тем же заглавием. В 90-х гг. он активно выступал в периодической печати. Большое научное значение имеют письма Даниельсона Марксу и Энгельсу за период 1868–1895 гг. После 1908 г. имя Даниельсона исчезло со страниц печати. Он умер в 1918 г. в Петрограде, где прошла вся его жизнь. Г. А. Лопатин, которому тоже оставалось жить несколько месяцев, откликнулся на смерть друга письмом в газету «Петроградский голос», в котором рассказал об истории перевода первого тома «Капитала» и показал благородную роль Даниельсона в этой работе**.

В книге 1893 г. Даниельсон выразил в весьма определенной форме важнейшую идею народников 90-х гг., вокруг которой бушевали дискуссии: о невозможности развития капитализма в России вследствие недостатка внутреннего рынка в бедной крестьянской стране и недоступности для страны внешних рынков, завоеванных западными державами. Сделав это «утешительное» заключение, Даниельсон возвращался к общине: «...общинное землевладение есть одно из основных материальных условий производства, на котором может быть построено здание будущего общественного хозяйства»***. Вред утопических идей Даниельсона состоял в том, что «общественное хозяйство», ставшее для него социалистическим идеалом, он надеялся построить в царской самодержавной России. Этим и было обусловлено неприязненное отношение Плеханова к сочинениям Даниельсона 90-х гг.

* Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. С. 343.

** Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 54. См. также: Мисьякевич Л., Чепуренко А. «Капитал» К. Маркса на русском языке // Коммунист. 1982. № 15.

*** Цит. по: Народническая экономическая литература. С. 571.

Идея закупорки производительных сил от безысходного кризиса, автоматического краха капитализма под действием чисто экономических сил была вообще чрезвычайно распространена среди поздних народников. Они применяли ее не только к России, но и к западным странам. В почти карикатурной форме ее выражал, например, С. Н. Южаков, ведущий экономист народнического журнала «Русское богатство», который издавал Н. К. Михайловский. В 1893 г. он писал, что «час ликвидации американского капитализма недалек. Пожирая земледелие, он пожирает себя самого, так как сокращает внутренний рынок без надежды обрести значительные рынки внешние». Переходя к России, он утверждал, что «по составу нашего населения, по складу нашей культуры мы могли бы избрать иной путь»*.

Либеральные народники проявляли интерес к идеям швейцарского экономиста первой половины XIX в. Сисмонди. Он был горячим сторонником мелкого производства, выступал с протестом против крупного капиталистического предпринимательства. Это сближало Сисмонди с русскими народниками при всех различиях ситуации в Западной Европе начала столетия и России конца столетия.

Василий Павлович Воронцов родился в 1847 г. в семье офицера и мелкопоместного дворянина. Он окончил медико-хирургическую академию в Петербурге и недолго служил земским врачом в провинции. В молодые годы участвовал в революционных кружках и студенческих волнениях, был дважды арестован. С 1875 г. Воронцов поселился в Петербурге, отказался от профессии врача и занялся научной и литературной работой в социально-экономической области. В 1880 г. он «привлекался к дознанию» за хранение запрещенных книг**.

Всероссийскую известность Воронцову принесла книга «Судьбы капитализма в России» (1882 г.), в которой были собраны и объединены его статьи двух-трех предшествующих лет. Эта книга, видимо, сильно заинтересовала Маркса, поскольку на его экземпляре имеется множество пометок и подчеркиваний карандашами разных цветов. Другие работы Воронцова имелись в библиотеке Энгельса. Среди них выделяется книга «Наши направления» (1893 г.), содержащая, в частности, острую и искусную полемику с русскими марксистами. Любопытно, что Николая-она Воронцов считал «несомненным марксистом» и противопоставлял его толкование идей Маркса тому, как это делают нео- или псевдомарксисты, к которым он, вероятно, относил Плеханова***.

* Южаков С. Вопросы экономического развития России // Русское богатство. 1893. № 11. С. 226, 227.

** Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. М., 1929. Т. 2. Вып. 1. С. 230.

*** [Воронцов В. П.] Наши направления. СПб., 1893. С. 137.

Воронцов был серьезным исследователем и блестящим полемистом. Можно сказать, что для ранних русских марксистов это был достойный противник. Американский ученый, автор содержательной работы о народничестве, следующим образом оценивает его роль: «Воронцов взял на себя задачу создать теорию, которая дала бы ответы, соответствующие чаяниям интеллигента, и выводы, которые укрепили бы его веру в его идеалы. В результате абстрактная теория восторжествовала» над массой фактического материала, который затоплял петербургский интеллектуальный мир. Это был умственный подвиг высшего класса, и в следующие два десятилетия он служил главной линией обороны народнической веры».

Воронцов утверждал, что все происходящее в России – не капитализм, а «игра в капитализм». Отождествляя помещиков с капиталистами, он доказывал, что распад помещичьего хозяйства означает... провал капитализма. Рост кулачества и ростовщичества он объявлял уродством и извращением, не имеющим под собой реальных социально-экономических основ. Развитие капиталистической промышленности, по его мнению, происходило только по прихоти правительства, а городской пролетариат не имел в России будущего. Ненависть к «трактирной цивилизации», как называл Воронцов капитализм, заставляла его закрывать глаза на реальную картину и тенденции развития экономики и социальной структуры России.

Марксизм Воронцов объявлял чисто западным учением и охотно, даже с каким-то удовольствием утверждал, что для немцев и прочих европейцев оно вполне научно и уместно, но для русских не подходит. Русских марксистов он обвинял в слепом и механическом приложении идей учителя к принципиально иным условиям России и в том, что они выступают за капитализм и буржуазию, против крестьянства. Как писал Воронцов, «они повторяют старую буржуазную историко-экономическую теорию, лишь прикрасив ее гипотезой о молочных реках в кисельных берегах в отдаленном будущем (имеется в виду социалистическая революция. – *Ред.*), требуя за эту прикрасу экспроприации крестьянства и порабощения труда в настоящем и ближайшем будущем России».

Таков Воронцов. Он догматичен и порой недобросовестен в полемике. Он сознательно или бессознательно искажает позиции марксистов: ведь для них речь никак не может идти о том, хотеть или не хотеть капитализма, стремиться или не стремиться к экспроприации крестьянства. Эти процессы объективны, они идут помимо чьей-либо воли. Воронцов и народники правы, что капиталистическое развитие несет народным массам, в частности крестьянству, тяжкие бедствия. Но предотвратить эти бедствия можно не утопическими призывами «сойти с пути», а решительной борьбой против капитализма и вступившего с ним в союз самодержавия. Плеханов, а несколь-

ко позже Ленин считали идейную борьбу с народничеством воронцовского толка важнейшей задачей русских марксистов. И они с успехом вели такую борьбу.

Русская крестьянская демократия нашла в Воронцове талантливый выразитель своих идей. Он боролся против помещичьего землевладения, за передачу всей земли тем, кто на ней работает, – мужикам. На этом Воронцов стоял до конца. В 1917 г. в период между Февральской и Октябрьской революциями он выпустил небольшую книжку под заглавием «Земля – для всего народа». В этой работе он ратует за немедленную национализацию земли, полную ликвидацию помещичьего землевладения и раздел земли между крестьянами. Понимая необходимость развития в сельском хозяйстве крупного производства и теперь уже не полагаясь на почти исчезнувшую общину, Воронцов предлагал на базе бывших помещичьих, но хорошо работающих хозяйств организовать сеть общественных (очевидно, государственных. – *Ред.*) ферм. Работая на этих фермах, крестьяне постепенно убеждались бы в преимуществах коллективного труда и крупного производства. Таким путем сделан был бы, по его мнению, «подготовительный шаг к распространению общественного хозяйства на крестьянские земли»*.

Это была последняя работа Воронцова. Как Даниельсон и Лопатин, он умер в голодном Петрограде в 1918 г.

Гигантская страна с подавляющей массой крестьянского населения и с мыслящей передовой интеллигенцией, какой была Россия во второй половине XIX в., должна была породить народнический тип идеологии. Было бы странно, если бы этого не произошло. Не случайно идеология подобного типа появляется в наше время в странах, положение которых имеет схожие черты с Россией того времени.

19.17. Н. Я. Данилевский: «Россия и Европа»

Выдающийся русский ученый-энциклопедист **Николай Яковлевич Данилевский** (1822–1885), опиравшийся в своих исследованиях на глубокие знания экономики, философии, истории, социологии, биологии, этнографии, в 1864–1868 гг. написал свой главный труд «Россия и Европа (Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому)», который был опубликован в 1869 г. сначала в выпусках петербургского журнала «Заря» – частями, а в 1871 г. был издан отдельной книгой.

* [Воронцов В. П.] Наши направления. С. 137.

В 1836 г. Н. Я. Данилевский поступил в Царскосельский лицей, который окончил в 1842 г. По окончании лицея он поступает в Петербургский университет, где получает историко-философское, филологическое и юридическое образования, а также проходит полный курс естественного отделения физико-математического факультета, получив в итоге учебы ученую степень кандидата ботаники. Таковы истоки энциклопедических знаний Н. Я. Данилевского, владевшего европейскими языками и знакомого с достижениями в разных областях мировой науки. В 1848 г. Данилевский был принят членом-корреспондентом Императорского Вольного экономического общества России. В 1849 г. Н. Я. Данилевский был осужден по делу «петрашевцев», фактически за пропаганду экономического учения Ш. Фурье, и провел 100 дней в Петропавловской крепости, но за недоказанностью других более тяжелых обвинений был освобожден по приказу царя Николая I и сослан в Вологду, позднее переведен служить в Самару. Многократное участие в научных экспедициях в северных и южных районах России с целью исследования рыбных и звериных промыслов, состояния сельского хозяйства и лесоводства с последующей разработкой юридических нормативных актов явилось одним из подтверждений его патриотизма на деле. Деятельность Данилевского позволила современникам называть его «солью русской земли». Работа руководителем научных экспедиций, директором Никитского ботанического сада в Крыму раскрыло новые грани практического приложения его знаний в области биологии.

О масштабах знаний и интересов ученого-энциклопедиста свидетельствует его труд «Дарвинизм. Критическое исследование» (в 2-х т.), а также множество статей по вопросам политики и экономики, биологии и философии истории. Еще одним свидетельством разносторонности и профессиональной глубины знаний Н.Я. Данилевского явились его экономические работы; статья же «О низком курсе наших денег и новых источниках государственных доходов» стала признанным политико-экономическим произведением, а содержащиеся в ней выводы послужили основанием для принятия руководством российской финансовой системы практических решений по регулированию денежного обращения в стране.

Разделяя взгляды русских писателей, публицистов и общественных деятелей славянофильской ориентации, среди которых такие имена, как А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, К. С. Аксаков, Д. А. Валуев, академики М. П. Погодин, В. И. Ламанский, а также представителей неославянофильского идейного течения – Ф. М. Достоевского, Н. Н. Страхова, К. Н. Леонтьева, А. А. Григорьева, в то же время Н. Я. Данилевский вводит проблематику славянства в строго научное русло. Сама тематика отдельных глав его фундаментального труда «Россия и Европа» говорит о прозорливости Данилев-

ского, затрагивавшего самые острые вопросы своего времени, не потерявшие актуальность и в начале XXI в.: «Почему Европа враждебна России» (гл. II), «Европа ли Россия» (гл. III), «Цивилизация европейская тождественна ли с общечеловеческою?» (гл. IV), «Культурно-исторические типы и некоторые законы их движения или развития» (гл. V), «Гниет ли Запад?» (гл. VII), «Европейничанье – болезнь русской жизни» (гл. IX), «Восточный вопрос» (гл. XII), «Всеславянский союз» (гл. XV), «Славянский культурно-исторический тип» (гл. XVII).

Сравнивая допетровскую эпоху, период правления Петра I и период XVIII–XIX вв., Данилевский замечает глубокие различия в уровнях взаимодействий России и остальной части Европейского континента, в характере взаимного участия России и европейских стран во всех сферах общественной жизни друг друга. Геополитическое положение России, военная и экономическая мощь преопределили ее огромное влияние на все стороны жизни европейских держав, которые в противостоянии Российской империи со второй половины XIX в. стали демонстрировать свое превосходство в управлении и технике, что проявилось в ряде военных конфликтов.

Характеризуя историческую эволюцию цивилизаций, их динамику – зарождение, рост, цветение, увядание – Н. Я. Данилевский опирался на реалии ранних периодов истории человечества. Анализируя особенности культурно-исторических типов социумов, Данилевский тем самым вводит сравнительный метод в исследование всемирной истории человечества на основе классификации признаков цивилизации, выделяя такие из них, как религиозный, культурный, политический и общественно-экономический. Самым устойчивым цивилизационным признаком социума Данилевский считал духовно-культурные идеалы народа, его традиции, обычаи, психологию. Что касается материальной сферы – естественных наук, технологий, то в этой области, по его мнению, вполне закономерен широкий международный обмен достижениями. Но и в области экономики необходимо соблюдать, как считал Данилевский, достойные народа нравственные принципы: «После иссякновения нравственного принципа жизни – народы сметаются внешними бурями» (с. 90).

Н. Я. Данилевский указывает на культурно-исторические типы, или са-мобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке:

«1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилоно-финикийский, халдейский, или древне-семитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или арабийский и 10) германо-романский, или европейский. К ним можно еще, пожалуй, причислить два американских типа – мексиканский и перуанский...» (с. 74). Анализируя эволюцию этих цивилизаций, Данилевский устанавливает «не-

которые законы их движения или развития» и на этом фоне выявляет основные черты славянского культурно-исторического типа, включающего Россию, которая на основе своей национальной государственности составляет ядро славянской цивилизации. Речь идет о России как крупнейшем участнике европейских событий, от военных конфликтов до образования союзов с ведущими западноевропейскими странами. Что касается культурной, религиозной и политической составляющих, то традиционно на первый план выдвигалась специфика исторического развития и формирования устойчивых особенностей традиций, бытовых и общественных условий жизни русского и европейских народов. Несомненна заслуга Данилевского в обосновании геополитических тенденций как особой сферы научного анализа. Размышления Н. Я. Данилевского о проявлениях враждебности по отношению к России (славянству) со стороны отдельных европейских государств отнюдь не преследовали цели разжечь противостояние народов, а констатировали реальные факты, что должно было бы подвигнуть к их преодолению. Выдвигая на первый план национально-государственные интересы России во взаимоотношениях с Западной Европой, Н. Я. Данилевский подчеркивает, что европейские страны так же поступают с Россией, проявляя периодически открытую враждебность по отношению к ней.

Цивилизационный подход Данилевского к всемирной истории предполагает не однонаправленное линейное восхождение к прогрессу, а многогранное развитие культурно-исторических типов, в эволюции которых наблюдается и наличие характерных устойчивых национальных черт, и исключительность развития. В то время, когда К. Маркс и Ф. Энгельс разрабатывали и обосновывали теорию общественно-экономических формаций, или способов производства, Н. Я. Данилевский развивает иной, цивилизационный подход к всемирной истории человечества, выделяя культурно-исторические типы народов и особенности циклической эволюции каждого из них. Неравномерность становления цивилизаций в различных частях мира, исследованная Данилевским, позволила не только представить всемирную историю человечества с особых научно-методологических позиций, но и прогнозировать будущие сценарии общественного развития. Таковы, например, идеи славянского единства, великой роли России в мировом развитии, предвидение опасности духовного распада, когда «наступает разочарование и народы впадают в апатию отчаяния» (с. 90). Таким образом, цивилизационный подход к экономической истории не противоречит формационному подходу К. Маркса, а предлагает учесть в понимании «смысла истории» (Н. Бердяев) разнообразие вариантов развития социумов и, следовательно, является дополнением к целому ряду методологических приемов анализа исторического процесса. Общетеоретические выводы, претендующие порой

на роль «вечных истин», страдают известным недостатком – они не учитывают множества разнообразных факторов реальной исторической действительности, обуславливающих разного рода отклонения от выявленных тенденций и закономерностей, а иногда и вынуждающих пересмотреть прежние представления.

Несомненен приоритет Н. Я. Данилевского в постановке проблемы стадий в эволюции отдельных цивилизаций. Эти и многие другие вопросы, поставленные и решенные (иногда лишь частично) Н. Я. Данилевским, нашли затем повторную постановку, нередко без ссылок на него как предшественника, у О. Шпенглера, А. Тойнби и Л. Гумилева. И надо отдать должное П. Сорокину, который достаточно ясно охарактеризовал значение главного труда Н. Я. Данилевского для понимания всемирной истории человечества. Опираясь на глубокий анализ развития цивилизаций в предшествующие исторические эпохи, Данилевский отвергает линейность общественного прогресса, которая заведомо предлагает одностороннюю идеализацию ценностных ориентиров европейского типа и отдает предпочтение духовным началам своеобразных культурно-исторических типов, предопределяющих специфику организации и материальной базы социумов. Таким образом, Н. Я. Данилевский внес фундаментальный вклад в создание теории цивилизаций и разработку цивилизационного подхода к всемирной истории человечества.

Теоретические выводы Н. Я. Данилевского были построены на сравнительных оценках развития культурно-исторических типов. Это относится и к выводу Данилевского о некотором исчерпании возможностей Европы двигаться по пути прогресса – к идее, которая через полвека была изложена в книге «Закат Европы» немецкого философа Освальда Шпенглера, опиравшегося на типологизацию культур и цивилизационно-циклический подход в исследовании всемирно-исторического процесса, теоретико-методологические подходы, основы которых были впервые разработаны Н. Я. Данилевским. Как понимание истории Европы невозможно без оценки ее положения и взаимодействия со всей системой мирохозяйственных связей, так и развитие России не просто связано с Европой, а на различных исторических рубежах достигает высокого уровня интеграционного взаимовлияния и взаимозависимости в силу территориальной близости и политической, экономической и культурной ориентации, берущей свое начало от допетровской и петровской эпох. Сравнивая исторические пути становления и развития российской и европейской цивилизаций, Данилевский констатирует: «Ни истинная искренность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой» (с. 49). Было бы наивно утверждать, что интеллектуальная элита России XIX в. не понимала значения прогрессивных сторон европейской цивилизации или грубо отвергала их. Дело обстояло гораздо сложнее, ибо по своим

масштабам, по своей истории, общественному менталитету, включающему православные духовные традиции, по тем урокам взаимоотношений с западными странами, нередко сопровождавшимся военным противостоянием национально-государственных интересов, практически невозможно просто отождествить Россию с западноевропейскими странами. По этому поводу Данилевский занимал четкую позицию: «Нельзя не сознаться, что Россия слишком велика и могущественна, чтобы быть только одной из великих европейских держав...» (с. 339).

В контексте экономической истории Европы особый интерес представляют три проблемы из широкого круга вопросов труда Данилевского: данная им характеристика германо-романской (западноевропейской) цивилизации, специфика славянской (восточноевропейской) цивилизации, включая Россию, и оценка взаимоотношений этих двух самостоятельных культурно-исторических типов – цивилизаций.

Н. Я. Данилевский был в дружбе с Ф. М. Достоевским. Оба они обвинялись по делу петрашевцев. Ознакомившись с главами книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», Ф. М. Достоевский высоко отозвался и о содержании, и о ее научном характере: «Да, ведь это будущая настольная книга всех русских надолго, и как много способствует тому язык и ясность ее, несмотря на строго научный прием...». Высокая оценка Ф. М. Достоевского, предсказавшего «колоссальную будущность» книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», обусловлена также и совпадением взглядов великого писателя и выдающегося мыслителя.

Н. Я. Данилевский доказательно опроверг позиции западных теоретиков и историков, рассматривавших всемирно-исторический процесс под углом зрения европейской цивилизации, т. е. с позиций евроцентризма – и периодизацию истории, и характер общественного прогресса. Так, К. Маркс рассматривал «азиатский способ производства» как своего рода отклонение от магистрально западноевропейской последовательности смены общественно-экономических формаций. Согласно Данилевскому каждая цивилизация участвует в сложном и противоречивом общественном развитии, демонстрируя свою или устойчивость, или неустойчивость, вплоть до исчезновения с исторической сцены. Одной из глубоких причин того, что прогноз К. Маркса относительно социалистическо-коммунистического будущего человечества не оправдался, являлось рассмотрение одновариантного (евроцентристского) развития человечества и игнорированием многообразия культурно-исторических типов – цивилизаций, особенностей их эволюции, на которые обращал внимание Н. Я. Данилевский. Более того, под влиянием материально-технических, природно-климатических, геополитических, институциональных, интеграционных изменений могут происходить и прогресс, и

деградация цивилизаций. Данилевский отвергает претензии Европы на роль образца, к которому идут все народы мира в силу достигнутого ею развитого уровня «цивизованности». Однако, по его мнению, устойчивые различия в духовной культуре цивилизаций в то же время предполагают возможность взаимодействия, взаимного обмена и использования на практике в сфере материально-производственной, включая науку и технологии. Свои доказательства многообразия и, следовательно, многовариантности общественного устройства народов Данилевский строит на основе систематизации факторов, влияющих на формирование систем ценностей и предпочтении народов, – от географических до традиционно-бытовых и психологических.

Понятие о развитии общества невозможно без сопряжения со всеми другими сферами развития человеческого общества как условия его самоорганизации. В этой связи представляет интерес введение Данилевским понятия «саморазвитие цивилизаций» (с. 137). В известной мере можно говорить об элементах «синергетического» подхода к развитию культурно-исторических типов, включая взаимодействие подсистем, осуществление их согласования и сопряжения в условиях неравновесности и переход в устойчивое состояние посредством самоорганизации. Иными словами, то направление исследования открытых систем, которое касалось различных областей естествознания, затем стало методологией познания эволюции общественных структур.

Исходной идеей в концепции органической теории Н. Я. Данилевского, принципы которой исповедовали не только славянофилы, но и некоторые западники, явилось единство развития природы и общества, включая сам процесс познания, духовный мир. Но эта обобщенная характеристика не отражает всего широкого спектра и оттенков воззрений Данилевского на ход мировой истории цивилизаций и места России в историческом процессе.

Касаюсь эволюционной базы понимания Данилевским естественно-исторического развития, есть основание полагать, что основные идеи эволюционного развития были заложены гораздо раньше, чем, например, у Веблена, который лишь в 1898 г. опубликовал труд «Почему экономика не эволюционная наука?». Поэтому важно, конечно, иметь в виду, что Данилевский опирался, конечно, на представления целого ряда мыслителей – и современников, и представителей более ранних эпох. Но почему труд его называется «Россия и Европа», хотя он очень много внимания уделяет Востоку в своей работе? Потому что Европа уже к этому времени была действительно и либеральна в достаточной степени, и динамична. Восток дремал в это время. И естественно, влияние Европы в таком состоянии на ее окружение, и, в частности, на своего соседа – Россию, было значительным. Отсюда дискуссии западников и славянофилов, вне которых Данилевский не мог остаться. Что касается моделирования эволюционных форм, характери-

стика естественно-социальной формы развития включает представления о том, что общество не может видоизменять собственную природу до определенного предела, т. е. элементы устойчивости, так сказать, генетического развития. Все элементы каких-то мутаций или отбора связаны, безусловно, с пониманием, которое идет и от общефилософских представлений о развитии общества, и даже от христианства, и, естественно, от исследований биосоциума и биологических факторов. Конечно, Данилевский не мог остаться в стороне от многих других аспектов, развитых философской наукой не только в России, но и на Западе. Например, от Канта идут представления о возможности всемирного правительства. Естественна реакция Данилевского на эти положения. Таким образом, можно отметить, что сегодня еще за пределами научного анализа остался эволюционизм XIX в. в России как особое научное направление, которое, безусловно, требует своего самостоятельного исследования, потому что и философская школа конца XIX – начала XX в. в России всемирного значения также была втянута в этот анализ. Экономическая наука, как и любая другая общественная наука, и национальна, и интернациональна. В тех ли случаях, когда Данилевский обращается к теории эволюции Дарвина, или когда противопоставляет ей «морфологический принцип», во всех его суждениях отсутствует однобокая категоричность и остаются открытыми позиции для дискуссий и иных воззрений. Так, касается ли он теории Гоббса, Смита или Дарвина, он отмечает, что «все они односторонни и носят на себе тот же характер преувеличения, как преувеличена общая их основа в английском характере. Как бы то ни было, для нас важно то, что печать национальности, которую они запечатлены, лежит вне всякого сомнения» (с. 117). В главе VI «Отношение народного к общечеловеческому» автор выступает как против упрощенного понимания соотношения национального и общечивилизационного «как в научной теории, так и в общественной практике» (с. 97), так и против примитивного толкования этих категорий, в том числе и при ответе на вопрос, «возможна ли национальная наука» (с. 109). В ответе на этот вопрос автор структурирует саму проблему соотношения национального и общечеловеческого и приходит к следующему выводу: «наиболее национальный характер имеют (или, по крайней мере, должны бы иметь для успешности своего развития) науки общественные, так как тут и самый объект науки становится национальным» (с. 134); и отмечает доктринерство политической экономии, ошибочно полагавшей, что «всякое господствующее в ней учение есть общее для всех царств и народов...» (с. 134). Еще раз хотелось бы отметить тонкое замечание Данилевского о «печати национального». Не менее важное значение имеют его выводы об исторической обусловленности теорий общественного развития.

Несмотря на то, что труд Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» имеет подзаголовок «Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому», автор затрагивает и наиболее дискуссионные в тот период проблемы экономического развития России. Вот один из примеров понимания Н. Я. Данилевским необходимости следования в экономической политике России национальным интересам. «Изменив народным формам быта, мы лишились, далее, самобытности в промышленности. У нас идут жаркие споры о свободе торговли и о покровительстве промышленности. Всеми своими убеждениями я придерживаюсь этого последнего учения; потому что самобытность политическая, культурная, промышленная составляет тот идеал, к которому должен стремиться каждый исторический народ; а где недостижима самобытность, там по крайней мере должно охранять независимость» (с. 231). Эти выводы Н. Я. Данилевского (а позднее аналогичных взглядов придерживались Д. И. Менделеев и С. Ю. Витте) не утратили своей актуальности и сегодня.

Отстаивая необходимость проведения национальной политики в интересах России, Данилевский отмечает, с одной стороны, различия европейской и российской цивилизации, а с другой – самобытность, богатство и самодостаточность российской духовной культуры. Что касается духовной сферы, то в этой области славянскому культурно-историческому типу и его ядру – России, как он считал, нечего «европейничать», не надо приклоняться перед Западной Европой «и всякое старание связать историческую жизнь России внутреннею органическою связью с жизнью Европы постоянно вело лишь к пожертвованию самыми существенными интересами России».

Подчеркивая значение союза славянских народов как условия не только сохранения самобытного культурно-исторического типа, но и как фактора всемирного характера, Данилевский отмечал: «Всеславянский союз имел бы своим результатом не всемирное владычество, а равный и справедливый раздел власти и влияния между теми народами или группами народов, которые в настоящем периоде всемирной истории могут считаться активными ее деятелями: Европой, Славянством и Америкой, которые сами находятся в различных возрастах развития» (с. 360). Поэтому на вопрос «Россия – это Европа?» более справедливым будет диалектически противоречивый ответ: и да и нет. Соседство России и Западной Европы исторически обрекало их на тесное взаимодействие, но их интересы не совпадали, ибо в России европейские державы видели огромные территории и естественные богатства, которые предопределяли устремления европейских политиков. И боязнь России, и враждебность по отношению к ней со стороны европейских государств являлись историческим фактом.

Конечно, не все проблемы Н. Я. Данилевским были развернуты во всей полноте, многие вопросы и в XIX в., и в последующие периоды оставались

дискуссионными, да и историческая практика опровергала отдельные теоретические выводы. Однако неоспорим факт, что эти важнейшие научные проблемы впервые со всей отчетливостью были выдвинуты русским ученым, вслед за которым и отечественные и зарубежные исследователи развивали аналогичные взгляды и стремились внести свою лепту в их развитие. Читатель XXI в. вполне очевидно может считать дискуссионными многие выводы Данилевского, относящиеся к оценке истории и к перспективам мироустройства. Но фундаментальные постановки, да и драгоценные россыпи идей, представленных в его трудах, еще долго будут подпитывать общественные науки и находить новых последователей.

Оценивая творческий вклад Н. Я. Данилевского в науку, можно отметить такие результаты: развитие цивилизационного подхода к истории, обоснование необходимости синтетического, многофакторного подхода к анализу развития общественных систем и их исторической специфики в различных регионах мира, характеристика особенностей славянского и западноевропейского культурно-исторических типов (цивилизаций) и их взаимодействия и взаимовлияния, обоснование цикличности развития культурно-исторических типов (цивилизаций). Представленный Данилевским впервые в мировой науке цивилизационный метод исследования истории человечества в полном объеме может быть применим ко всем областям общественной жизни народов, в том числе и экономической, и культурной, и этнографической, что впоследствии и подтвердилось в трудах экономистов, философов, социологов, историков мирового уровня.

Л и т е р а т у р а

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. СПб., 1995.

19.18. Г. В. Плеханов – основоположник русского марксизма

Семидесятые годы XIX столетия ознаменовались серьезными событиями. В России после отмены крепостного права широкий размах получило народничество. В Западной Европе набирает силу марксизм и в значительной мере начинает оказывать влияние на развитие революционного движения в России. Одним из выдающихся теоретиков и пропагандистов марксизма был **Георгий Валентинович Плеханов** (1856–1918).

Г. В. Плеханов родился в д. Гудаловке Тамбовской губернии в семье мелкого помещика. Мать Плеханова, Мария Федоровна (внучатая племянница В. Г. Белинского), была весьма образованной женщиной и оказала на сына большое влияние. Он рос весьма одаренным и трудолюбивым ребенком и уже в раннем возрасте увлеченно занимался французским языком, математикой, литературой и музыкой. После окончания Воронежской военной гимназии в 1873 г. Плеханов поступил в Константиновское юнкерское училище в Петербурге, а через год, разочаровавшись в военной карьере, сдал экзамены в Петербургский горный институт. Уже в студенческие годы он вступил на путь революционного движения и стал впоследствии профессиональным революционером. Из-за связи с народниками Плеханов не сумел завершить образование в Горном институте. Его захлестнула активная революционная деятельность. В 1876 г. он участвует в первой в России политической демонстрации рабочих и студентов у Казанского собора, где выступил с речью против самодержавия в защиту идей Н. Г. Чернышевского. С этого момента Плеханов становится пропагандистом-народником*.

Участвуя в «хождении в народ», Плеханов отправляется в казачьи станицы на Дон, надеясь поднять крестьян на революцию против самодержавия и осуществить немедленный переход к социализму. Однако крестьяне недоверчиво отнеслись к такого рода проповедям. Неудача «хождения в народ» не сразу подорвала его народнические иллюзии. В конце 1876 г. он участвует в создании народнической организации «Земля и воля» и становится одним из ее руководителей. Через эту организацию делается попытка создания постоянных поселений своих сторонников в деревне, с надеждой войти в доверие к крестьянству и поднять его на революцию. Но и эта цель не увенчалась успехом. В 1879 г. произошел раскол «Земли и воли» на две организации «Черный передел» и «Народная воля». Плеханов возглавил организацию «Черный передел», сторонники которой, занимаясь мирной пропагандой, проповедовали передел всей земли, включая и помещичью, между крестьянами и выступали против представителей «Народной воли», которые ратовали за политическую борьбу с царским самодержавием методом индивидуального террора. Ошибочные взгляды Плеханова и его сторонников на крестьянскую общину как на источник социалистических преобразований

* Народники принципиально отвергали ведущую роль пролетариата в революционном преобразовании общества и не понимали задач предстоящей революции. Главной революционной силой России они считали крестьянство, которое неправильно рассматривали как единое целое, не видя в нем классового расслоения. Среди народников был распространен взгляд о так называемой русской самобытности, об особом общественном пути развития России, не похожем на капиталистический путь Западной Европы, о том, что Россия, будто бы минуя капитализм, через крестьянскую общину, непосредственно придет к социализму. Народники отрицали политическую борьбу.

становились особенно вредными в новых исторических условиях, когда в России стал развиваться капитализм и появился промышленный пролетариат. Народники не оценили и не поняли этих новых условий, считая капитализм в России как «случайное явление».

В начале 1880 г. Плеханов подвергается преследованиям полиции и поэтому вынужден эмигрировать. В Швейцарии он начинает знакомиться с работами Маркса и Энгельса; оставаясь еще на позициях народников, пытается использовать некоторые положения марксизма для обоснования народничества. По мере дальнейшего изучения теоретических основ марксизма, истории западноевропейского рабочего движения коренным образом меняются народнические взгляды Плеханова. В это время он знакомится с лидерами социал-демократии Западной Европы, устанавливает связь с Энгельсом. Глубокое изучение марксистской теории помогло ему понять сущность экономического и политического развития России, разобраться в ошибках первых русских революционеров. В 1882 г. Плеханов переводит на русский язык и издает «Манифест Коммунистической партии». В это же время он окончательно порывает с народничеством и становится на путь пропаганды марксизма. 25 сентября 1883 г. вместе с бывшими чернопередельцами Плеханов выступил спрограммным заявлением о необходимости организации особой партии русского рабочего класса. Такой организацией в Женеве стала группа «Освобождение труда», в состав которой вошли: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич и В. Н. Игнатов. Идейным вдохновителем и руководителем группы был Г. В. Плеханов.

Своей основной задачей группа «Освобождение труда» ставила распространение марксизма в России. Выступая в русской заграничной печати с критикой в адрес народников, Плеханов и его группа показали несостоятельность народнической идеологии как теоретической базы для развития социалистического движения в России. Сила, сущность и историческое значение первых литературных работ Плеханова заключались прежде всего в новом для России понимании исторического процесса, которое в них изложено. Благодаря этому развивающееся революционное движение в России обрело адекватную теоретическую базу, а именно вооружалось великой теорией марксизма, которая, по словам Плеханова, является своего рода динамитом, взрывающим старые общественные отношения.

В 1883 г. Плеханов выпустил брошюру «Социализм и политическая борьба», которую посвятил вопросу о политических задачах русских социалистов. Эпиграфом к своей брошюре он взял известные слова К. Маркса: «Всякая классовая борьба есть борьба политическая». Тем самым Плеханов давал понять народникам, что борьба против самодержавия будет плодотворной

и победоносной политической борьбой только в том случае, если она будет борьбой классовой, а не борьбой интеллигентов-заговорщиков*.

Подвергая серьезной критике идеологию народников и народолюбцев, Плеханов отмечает, что их практическая деятельность находится в непримиримом противоречии с их теоретическими взглядами. Нужен полный пересмотр этих взглядов, а он невозможен без выяснения причинной связи между экономическими отношениями и политическим строем общества.

Анализируя экономические отношения России того времени, Плеханов показал несостоятельность и нелепость взглядов, согласно которым общественное развитие России рассматривалось сквозь «призму русской самобытности и прирожденных коммунистических наклонностей русского народа». Он утверждал, что, вопреки этим взглядам, Россия уже прочно вступила на путь капиталистического развития, что с каждой новой фабрикой, с каждым новым наемным рабочим эта очевидность капитализма все более подтверждается. Плеханов требовал от русских революционеров понять ход исторического развития страны и встать во главе его.

На примерах из истории человеческого общества он показывает, что всегда и везде, где процесс экономического развития вызывал расчленение общества на классы, противоречие интересов этих классов неизбежно приводило их к борьбе за политическое господство. Эта борьба возникала не только между различными слоями господствующих классов, но также между этими классами, с одной стороны, и народом – с другой, если только последний был поставлен в условия, хоть немного благоприятные для его умственного развития. «„Всегда и везде политическая власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства класс совершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития» [4, т. I, с. 76].

Точно так же и в современном обществе пролетариат ведет политическую борьбу с буржуазией потому, что политический строй общества является далеко не безразличным условием для его существования и развития, так же как и для других классов общества. История показывает, что осуществить свои идеалы тот или иной класс может лишь при условии своего политического господства. Поэтому те учения, которые отрицают необходимость политической борьбы для рабочего класса, не могут быть научными, ибо они игнорируют предметные уроки истории.

* С обоснованием важнейшей проблемы научного социализма – слияния политической борьбы с классовой – начинается новая точка отсчета, когда русская пролетарская демократия обретает почву для своего непрерывного развития. С этого времени никакие изменения в политической, экономической, общественной жизни России не в состоянии нарушить преемственность русского социалистического движения: оно строго следует и претворяет в жизнь идеи марксизма.

Специфика пролетариата как революционного класса, подчеркивает Плеханов, имеет решающее значение для судеб русской освободительной борьбы. Во-первых, пролетариат не просто угнетенный, обездоленный класс, лишенный средств производства. Он еще и самый революционный класс современного общества, связанный с наиболее передовой формой производства. Все промежуточные классы уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же именно ею и создается, организуется, просвещается. Во-вторых, подчеркивает Плеханов, «пролетариат не нуждается в материальном богатстве, чтобы развиться до понимания условий своего освобождения. Его нищета, – обусловленная *не бедностью и дикостью общества, а недостатками общественной организации*, – такая нищета не только не затрудняет, но облегчает понимание этих условий» [4, т. I, с. 90].

Плеханов подробно останавливается на важном марксистском положении о том, что только сам пролетариат может разрешать социальный вопрос путем революции и захвата в свои руки политической власти. Диктатура пролетариата призвана не только сломить сопротивление эксплуататорских классов общества, но и устранить анархию капиталистического производства, а также сознательно организовать общественно-экономическую жизнь на основе социалистических принципов хозяйствования. Но рабочий класс, говорит Плеханов, еще полностью не поднялся до решения своей великой исторической задачи, еще полностью не осознал своей исторической освободительной миссии. Разъяснять все это пролетариату обязаны социалисты, и Плеханов требует от них вести работу по созданию революционной рабочей партии в России. Поддержка Плехановым идеи необходимости создания, укрепления и развития революционной партии пролетариата относится к его наиболее ценным идеям.

В брошюре «Социализм и политическая борьба» Плеханов разъяснял марксистское положение о том, что сила рабочего класса заключается в его сплоченности и организованности и во многом зависит от его политического сознания. «Именно эти элементы его силы, – пишет Плеханов, – и подлежат воздействию нашей социалистической интеллигенции. Она должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России. Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы в первый же период конституционной жизни России, наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой» [4, т. I, с. 108]. Плеханов призывал марксистов усилить работу в среде российского рабочего класса путем организации устной и печатной пропаганды и создания рабочих социалистических кружков.

Говоря о необходимости подготовки пролетариата к будущей революции, Плеханов подчеркивает огромное значение для развития пролетарского движения научного социализма как учения, имеющего глубокую революционную сущность, как учения, постоянно развивающегося.

По мнению Плеханова, основоположники марксизма Маркс и Энгельс установили только принципиальные положения научного социализма. За этим должна последовать детальная разработка многих относящихся к нему вопросов. Подчеркивая всеобщий характер применения основных положений научного социализма, Плеханов отмечает, что марксизм не исключает «из своего поля зрения экономических особенностей той или иной страны» [4, т. I, с. 72].

Например, в предисловии к русскому переводу «Манифеста коммунистической партии» Маркс и Энгельс отмечали особенности русского экономического развития, которое может дать своеобразное решение вопроса о социальной революции. По их мнению, русская община может перейти в высшую форму землевладения и при известных обстоятельствах послужить исходным пунктом коммунистического развития. Эти обстоятельства тесно связаны с ходом революционного движения в Европе и России. Для чего необходимо, чтобы русская революция вызвала пролетарскую революцию на Западе и слилась с нею.

Социальная революция – это, согласно Плеханову, длительный исторический процесс, который связан с развитием производительных сил и преобразованием экономического базиса производства. Она, следовательно, возможна там, где возникли производительные силы, обладающие тенденцией к росту, где существует и крепнет сознательное движение пролетарских масс. «Только там, где исторические обстоятельства вырабатывают новый экономический базис для переустройства общества в интересах ... низшего класса, только тогда, когда класс этот начинает сознательно относиться к коренным причинам своего рабства и к существенным условиям своего освобождения, – только там и только тогда, – подчеркивает Плеханов, – можно, не впадая в маниловщину, «ждать» новой социальной революции» [4, т. II, с. 238–239]. Пока этих условий нет в наличии, революционный переворот не приобретает социалистического характера, даже если революционному меньшинству удастся захватить орудия правительственной власти.

Социальная революция, таким образом, связывается Плехановым с определенными историческими условиями экономического и социального развития; она возможна там, где вместе с капиталистическим производством развивается промышленный пролетариат. Плеханов уверен, что Россия уже ступила на этот путь. Правда, «главный поток русского капитализма пока еще невелик; еще не много таких мест в России, где отношения нанимателя

к работнику совершенно соответствовали бы общераспространенному представлению об отношениях труда к капиталу в капиталистическом обществе, но в этот поток со всех сторон направляется такое множество мелких и крупных ручейков, ручьев и речек, что общая масса направляющейся к нему воды огромна и быстрый, сильный рост потока не подлежит сомнению» [4, т. II, с. 271].

Своей брошюрой «Социализм и политическая борьба» Плеханов стремился показать глубокую жизненность идей марксизма. Результаты анализа русского революционного движения позволили Плеханову обосновать важнейшее положение Маркса о том, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Социализм и политическая борьба неотделимы, они тесно связаны между собой. Путь к социализму лежит через политическую борьбу рабочего класса, через завоевание пролетариатом политической власти.

Наряду с глубоким анализом русского революционного движения, Плеханов исследовал происходящие в России экономические процессы, тогда еще мало изученные. Результатом этих исследований явилась книга «Наши разногласия», выпущенная им в 1884 г. По сути дела, в этой своей книге Плеханов впервые дает марксистский анализ экономической жизни России.

Плеханов опровергал взгляды народников, которые утверждали, что капитализм в России – «случайное» явление, не имеющее условий для развития, и вообще считали его упадком, регрессом. Движение России по капиталистическому пути есть непреложный факт, отрицать который бессмысленно и реакционно, – страна уже ступила «на след естественного своего развития». Однако это движение, доказывает Плеханов, не предопределено фатально, оно может быть более мучительным или менее мучительным для народа «в зависимости от комбинации всех общественных и международных отношений данной страны». Причем пролетариат, в котором сосредотачиваются все революционные интересы современного общества, в состоянии решающим образом повлиять на эту комбинацию.

Задача революционеров, говорил Плеханов, заключается в том, чтобы использовать развитие капитализма в интересах революции. Капитализм порождает могучую революционную силу – пролетариат, и революционерам следует опереться на эту силу в борьбе с самодержавием и капитализмом.

Плеханов показал, как глубоко ошибаются народники, отрицая передовую роль рабочего класса в революции и считая главной революционной силой крестьянство, руководимое интеллигенцией.

Плеханов доказывает, что не крестьянам, а рабочим принадлежит революционная роль. При этом он исходил из следующего: крестьяне ведут индивидуальное хозяйство и разобщены, они трудновосприимчивы к социалистическому учению, слабо поддаются организации. Другое дело пролетариат.

Он напрямую связан с крупным фабрично-заводским производством, постоянно растет количественно, восприимчив к идеям социализма и наиболее способен к организации и самоорганизации.

Участвуя в 1889 г. в конгрессе II Интернационала, Плеханов в своем известном выступлении отметил: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может!» [4. т. IV, с. 54]. Он уверенно заявил, что в предстоящей революционной борьбе русский рабочий класс должен вести самостоятельную политическую линию. И именно промышленные рабочие должны сыграть решающую роль в политическом развитии крестьянства. Выдвигая в качестве первоочередной задачу политического просвещения рабочего класса, Плеханов пытается отыскать более действенные способы влияния революционных идей на крестьянство и видит главным действующим лицом в решении этого вопроса сознательного рабочего, а не социалистическую интеллигенцию. «Ни по привычкам мысли, ни по способности к физическому труду наша революционная интеллигенция не имеет ничего общего с крестьянством. Промышленный рабочий и в этом случае составляет середину между крестьянином и «студентом». Он должен, поэтому, послужить связующим звеном между ними» [4. т. II, с. 251]. При этом Плеханов очень четко определяет позиции интеллигенции по отношению к рабочему классу и крестьянству. Она должна начать свое революционное слияние с народом не с крестьянства, а с рабочего класса и по мере развития и укрепления рабочего движения осуществлять систематическую революционную работу с крестьянством.

В своей работе «Наши разногласия» Плеханов писал, что программа марксистов в России «не жертвует деревней в интересах города, не игнорирует крестьянства ради промышленных рабочих. Она ставит своей задачей организацию социально-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения» [4. т. II, с. 367].

Вместе с тем Плеханов изначально недооценивал революционные возможности крестьянства, что впоследствии вылилось в ошибочную, меньшевистскую трактовку вопроса о крестьянстве и об отношении к крестьянству социал-демократии. Он делает глубоко ошибочный вывод о том, что крестьянство является опорой самодержавия и не может играть какой-либо серьезной роли в революционном движении.

С крестьянским вопросом был тесно связан другой важнейший вопрос: отношение рабочего класса к буржуазии. Взгляды Плеханова на этот вопрос за несколько лет претерпели существенное изменение. Накануне буржуазно-демократической революции 1905 г. он выдвигает на первый план в борьбе против самодержавия рабочий класс, указывая при этом на посильную

роль буржуазии. «Нужно, однако, – пишет Плеханов, – еще раз заметить, что в своей борьбе с самодержавием рабочий класс будет, по всей вероятности, не один, хотя, разумеется, только он один способен придать ей решительный оборот. Само положение дел необходимо будет толкать *на посильную для нее борьбу* всю нашу буржуазию» [4, т. I, с. 414–415].

В период революции 1905 г. он скатывается на позиции тактического оппортунизма на основе признания буржуазии важнейшей движущей силой исторического процесса в России. При этом Плеханов заявляет, что народные массы не созрели для революции и отказывается от признания гегемонии пролетариата. Тактический оппортунизм оказал непосредственное влияние на теоретические взгляды Плеханова. В решении важнейших вопросов развития революционного движения он отходил от теории научного социализма.

В 1884 и в 1887 гг. Плехановым были подготовлены два проекта программ русских социал-демократов. Первый проект программы отражал народнические идеи и содержал ряд ошибочных положений, касающихся признания индивидуального террора, культа личности в истории и др. Во втором проекте были учтены эти ошибки и определена основная цель русских социал-демократов: полное освобождение труда от гнета капитала путем перехода всех средств и предметов производства в общественную собственность, а это будет возможно лишь в результате коммунистической революции. Отдельные положения этого проекта были впоследствии использованы В. И. Лениным при разработке программы социал-демократической рабочей партии.

Оценивая в целом историческое значение первых произведений Плеханова, следует отметить, что он творчески применил марксизм к анализу экономических отношений пореформенной России, выявил назревшие потребности русского революционного движения и политические задачи рабочего класса, обнажил реакционное существо так называемых «социалистических» взглядов народников, не имеющих ничего общего с научным социализмом.

В 1894 г., в связи с усилением влияния анархистов и синдикалистов в некоторых странах Западной Европы, Плеханов выпускает специальную брошюру «Анархизм и социализм». В ней он подвергает резкой критике позицию анархистов по отношению к государству. Однако Плеханов до конца не разобрался в этом вопросе и допустил ряд оппортунистических ошибок. Основной недостаток плехановского анализа государства заключается в его ложном утверждении, что государство в классово-антагонистических формациях – это не только организация, закрепляющая господство того или иного класса, но и организация сотрудничества классов. В образовании государства, по его мнению, играют роль не только классовые противоречия, но и общность классов в борьбе с природными условиями. Тезис о сотруд-

ничестве классов, между которыми в действительности существуют антагонистические противоречия, был совершенно ошибочным, поскольку именно необходимость подавления одного класса другим и приводит к созданию в обществе государства.

В 1895 г. в России вышла в свет знаменитая книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», напечатанная под псевдонимом Бельтов. Теоретического значения этого в первую очередь философского произведения переоценить очень сложно. На этой книге воспитались многие поколения революционеров, и сегодня она может служить источником для изучения марксистского мировоззрения. В ней Плеханов стремился отстоять, обосновать и популяризировать все, что было внесено Марксом и Энгельсом нового в философию. По его мнению, с появлением материалистической философии Маркса произошла подлинная революция, самая великая революция, какую только знает история человеческой мысли.

Особое внимание в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов обращал на сущность исторического материализма и раскрывал его подлинное содержание, что было в те годы насущной необходимостью, так как буржуазные противники марксизма и на Западе и в России пытались низвести исторический материализм до уровня вульгарного «экономического» материализма, подменив его всякого рода антинаучными теориями – расизмом, мальтузианством, теорией «факторов», географическими теориями и др., или вообще замалчивали открытие Марксом материалистического понимания истории.

В борьбе с противниками марксистской философии Плеханов проводил непримиримую линию. Ссылаясь на Маркса, он подчеркивал нерасторжимую связь между материализмом и коммунизмом. «Материализм, – указывал Плеханов, – лег в основу социализма и коммунизма» [4, т. III, с. 217]. Указывая на необходимость борьбы против современного идеализма, он писал: «Буржуазия боится материализма, как революционного учения, так хорошо приспособленного для срывания с глаз пролетариата тех теологических повязок, с помощью которых его усыпители хотели бы остановить его духовное развитие» [4, т. III, с. 220].

В ходе борьбы с идеализмом Плеханов анализировал и разъяснял учение марксизма о познании, об объективных законах мира, о материи, времени, пространстве. Давая обоснование материализму, он ссылаясь в подтверждение этого на данные различных наук. Критикуя позицию идеализма в решении важнейших вопросов бытия и сознания, Плеханов отмечал, что в настоящее время идеализму противостоит материализм, обогащенный приобретением диалектического метода и знаниями, почерпнутыми из общественных и естественных наук. При этом он высказывает положение о вну-

тренней связи диалектики и теории познания, а также тезис о том, что наши понятия диалектичны вследствие того, что они отражают диалектику вещей. «Если наши понятия, – писал Плеханов, – представляют собою *«отражения»* процессов, совершающихся в природе, то они *не могут быть лишены диалектического элемента...* Кто признает существование в природе диалектических процессов, *тот вынужден признавать «субъективную диалектику»* [4, т. II, с. 673]. Он неоднократно подчеркивал, что *« в основе нашей диалектики лежит материалистическое понимание природы. Она на нем держится; она упала бы, если бы суждено было пасть марксизму. И наоборот. Без диалектики неполна, одностороння, скажем больше: невозможна материалистическая теория познания»* [4, т. III, с. 83].

Главной заслугой Плеханова в борьбе с идейными противниками марксизма в области теории познания является обоснование объективности человеческого познания. Он справедливо отмечал, что вне нашего сознания существуют объективные законы развития общества и природы. Человеческие знания являются результатом действия этих объективных законов, а значит, объективны по своему содержанию. Исследуя этот закономерный процесс дальше, он приходит к выводу о том, что силы разума в познании окружающего мира не ограничены.

В борьбе с ревизионизмом Плеханов отстаивает диалектику как научный метод познания и исследования марксизма. Этот вывод не потерял своей актуальности и для нашего времени. Метод диалектического анализа и сегодня является плодотворным во всех областях общественных знаний.

В своих произведениях «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и «Очерки по истории материализма» Плеханов разрабатывал и конкретизировал вопросы философии марксизма, особенно теорию исторического материализма. При этом он уделил самое пристальное внимание важнейшим вопросам исторического материализма, имеющим прямое отношение к экономическим наукам, таким как закономерность развития производительных сил и производственных отношений, взаимодействие базиса и надстройки, роль народных масс и личности в истории; роль идеологий и др. Плеханов многое сделал для обоснования и развития основных положений исторического материализма, подчеркивая его методологическое значение для различных общественных наук, в том числе и экономики.

С точки зрения исторического материализма Плеханов талантливо излагает сущность строения и развития общества. Глубокий анализ большого конкретного исторического материала позволил ему обосновать вывод Маркса и Энгельса о том, что коренной основой общественного развития являются производительные силы и материальная деятельность людей. В результате своей деятельности люди производят материальные блага, необходимые для

удовлетворения разнообразных потребностей. Но чтобы производить, люди взаимодействуют друг с другом, вступая в определенные производственные отношения. Совокупность этих отношений составляет базис общественной жизни.

В борьбе с идеализмом Плеханов отверг утверждения о том, что якобы «усилия разума» играют решающую роль в развитии производительных сил, средств производства, в процессе создания и применения орудий труда. Он показал, что сама способность производить орудия развивается в процессе воздействия на природу, в процессе добывания средств существования. Действуя на природу, человек изменяет свою собственную природу. «Он развивает все свои способности, а между ними и способность к «деланию орудий». Но в каждое данное время мера этой способности определяется мерой уже достигнутого развития производительных сил» [4, т. I, с. 615].

Установленную Марксом неразрывность взаимоотношений производительных сил и производственных отношений, их единство и противоречие Плеханов называет коренной причиной социального движения. Диалектику их развития он ясно видит в том, что производительные силы являются содержанием общественного развития, а производственные отношения – формой.

Прогресс общественной жизни с точки зрения марксизма определяется постоянным развитием материальных производительных сил, которое ведет к изменению производственных отношений. Содержание, перерастая форму, вступает с ней в противоречие. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями является объективным экономическим законом развития любого классового общества и обуславливает собой неизбежность классовой борьбы и революции. На примере буржуазного общества Плеханов наглядно показывает антагонистическую сущность противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения, которое неизбежно приводит к социальной революции.

В «Очерках по истории материализма» Плеханов писал, что взаимное влияние производительных сил и производственных отношений является причиной социального развития, имеющего свою логику и независимые от естественной среды законы.

Значительный вклад Плеханов внес в исследование вопроса о взаимоотношении базиса и надстройки. Он глубоко проанализировал совершающийся общественный процесс, подчеркнув всю сложность взаимодействия его сторон. Плеханов указывает, что «хотя данное состояние производительных сил служит причиной, вызывающей данные производственные, и в частности имущественные, отношения, но, раз возникли эти последние, как след-

ствии указанной причины, они начинают влиять на эту причину со своей стороны. Таким образом, получается взаимодействие между производительными силами и общественной экономией. А так как на экономической основе вырастает целая надстройка общественных отношений, чувств и понятий, причем эта надстройка тоже сначала способствует, а потом препятствует экономическому развитию, то между надстройкой и основой тоже возникает взаимодействие, заключающее в себе полную разгадку всех тех явлений, которые *на первый взгляд* кажутся противоречащими основному положению исторического материализма» [4, т. III, с. 166].

Плеханов указывает на сложный характер структуры надстройки. В эту структуру входит, во-первых, «политический фактор», во-вторых, такие формы общественного сознания, как мораль, право, искусство и наука, идеологический и психологический уровни общественного сознания. В сложном взаимодействии базиса и надстройки исключительное значение приобретает политическая надстройка. Последняя представляет собой активный рычаг, с помощью которого происходит изменение базиса и надстройки. Марксизм отвергает автоматическое действие экономики. Политический фактор, обусловленный социальной структурой общества, оказывает обратное воздействие на базис. Исторический материализм Маркса и Энгельса, писал Плеханов, объясняющий политические учреждения социальным строем, а социальный строй общественной экономикой, окончательно выяснил взаимное отношение экономического и политического «моментов» общественного развития. Маркс и Энгельс прекрасно понимали огромное историческое значение политического момента. Именно по этой причине они сами деятельно занимались политикой. В этой связи Плеханов подчеркивал, что марксизм придает большое значение политической деятельности пролетариата, его политической борьбе за коренное изменение буржуазного общества. В вопросе об отношении базиса и надстройки Плеханов решительно выступил против упрощенного подхода к пониманию их взаимодействия. В своих выступлениях против народников, ревизионистов и буржуазных философов он подчеркивал сложный и противоречивый процесс взаимодействия базиса и надстройки, что, несомненно, составляет теоретическую заслугу Плеханова.

В произведении «Основные вопросы марксизма» Плеханов попытался изобразить основные линии общественного процесса в виде схемы. «Если бы мы, – пишет он, – захотели кратко выразить взгляд Маркса – Энгельса на отношение знаменитого теперь «*основания*» к не менее знаменитой «*надстройке*», то у нас получилось бы вот что:

- 1) *состояние производительных сил;*
- 2) *обусловленные им экономические отношения;*

3) *социально-политический строй*, выросший на данной экономической «основе»;

4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем *психика общественного человека*;

5) *различные идеологии*, отражающие в себе свойства этой психики» [4, т. III, с. 179–180].

Эта плехановская формула общественного развития имела своей целью конкретизировать известное положение Маркса в предисловии к «К критике политической экономии». Она, как и всякая подобная схема, не могла отразить всего действительного богатства и разносторонности взаимоотношения важнейших компонентов общества. Но она в общем правильно отметила в абстрактной форме соотношение экономической, социально-политической, идеологической и психологической структур в обществе. Конечно, в ней были свои недостатки. Это относится главным образом к вопросу об отношении идеологии ко всем компонентам общественного процесса, а также к проблеме соотношения психологии и идеологии.

Но эта схема так или иначе легла в основу разработки проблем исторического материализма в последующее время с теми или иными поправками и изменениями.

Применяя принципы исторического материализма к анализу русского исторического прошлого и современной ему русской действительности, Плеханов подверг аргументированной критике дворянско-буржуазную идеалистическую теорию «самобытности» русского исторического процесса, господствующую в тот период в русской общественной мысли. Анализируя экономику пореформенной России, Плеханов доказывал, что Россия в своем историческом развитии шла и идет по тому же пути, по которому шли и другие европейские страны, т.е. от феодализма к капитализму, что теория русской самобытности становится синонимом застоя и реакции. Плеханов внес ценный вклад в марксистскую науку в вопросах о роли личности в истории, о соотношении экономики и идеологии, о взаимоотношении различных форм общественного сознания. В работе «К вопросу о личности в истории» Плеханов обогащает марксистскую аргументацию, делает шаг вперед в разработке одной из центральных проблем исторического материализма – о роли производителей материальных благ, народных масс и личности в истории, особенно рабочего класса в классовой борьбе. Прогресс общества, утверждал Плеханов, определяется не пожеланиями и идеями личностей, хотя бы и самых выдающихся, а развитием материальных условий жизни общества, изменениями в способах общественного производства. Не отрицая роли крупных личностей в ходе общественного развития, а, наоборот, подчеркивая эту

роль, Плеханов отмечал, что она тем значительнее, чем больше выдающиеся личности связаны с массами, чем лучше они выражают интересы и чаяния масс, чем дальше и глубже видят они, чем лучше они познают объективные исторические закономерности. Народные массы, доказывал Плеханов, представляют собой решающую силу в истории, народ – творец истории. Никакими софизмами, писал он, нельзя вычеркнуть из истории тот факт, что решающая роль в борьбе западноевропейских стран за свое политическое освобождение принадлежала народу, и только народу. Точно так же, утверждал Плеханов, и в грядущем социалистическом преобразовании России решающая роль будет принадлежать трудовому народу.

Работы Плеханова, направленные против немецких и французских оппортунистов, против берштейнцев и мильеранис-тов, против анархистов, против реакционных буржуазных философских взглядов, имевших распространение в Англии и во Франции, в Германии и Италии, создали ему широкую известность среди социал-демократов европейских стран в 90-х гг. прошлого века и в первые годы XX в. Он был лично знаком и вел активную переписку с Жюлем Гедом и Жоресом, с Лабриолой и Лафаргом, с Вильгельмом Либкнехтом и Бебелем, с Каутским и Элеонорой Маркс, с Мерингом и Розой Люксембург, с Кларой Цеткин и Д. Благоевым и многими другими деятелями международного рабочего движения. Несомненной заслугой Г. В. Плеханова является укрепление интернациональных связей русских и западных социал-демократов.

После второго съезда партии начинаются колебания и отходы Г. В. Плеханова от революционного марксизма, его переход на позиции оппортунизма в вопросах тактики, что приводит его на оборонческую позицию во время Первой мировой войны, к отрицательному отношению к Великой Октябрьской социалистической революции.

Нельзя не сказать несколько слов об отношении В. И. Ленина Г. В. Плеханову, который ценил его ум, громадные знания, борьбу за марксистскую философию. После 1914 г., когда Плеханов занял оборонческую позицию, В. И. Ленин резко изменил свое отношение к нему. Однако и в эти годы он не переставал высоко оценивать работы Плеханова первого периода его деятельности, в особенности его философские труды. В 1921 г., характеризуя в целом работы Плеханова по философии марксизма, В. И. Ленин писал, что нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать – именно изучать – все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма.

Плеханов был первым марксистом, который взялся за научную разработку истории русской общественной мысли, собрав и систематизировав по этому вопросу огромный материал.

Его трехтомная работа «История русской общественной мысли» явилась первым сводным обобщающим трудом на эту тему. Она охватывает историю общественной мысли с древнейших времен до конца XVIII в. и написана с марксистских позиций. Плеханов дал в работе глубокий анализ социально-экономических, философских и политических взглядов Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена. Он показал, что вся история русской революционной мысли – это попытки найти такую программу действия, которая обеспечила бы революционерам сочувствие и поддержку со стороны народных масс. Плеханов устанавливал связь между русским марксизмом, российской социал-демократией и ее предшественниками – революционерами 60–70 гг. Плеханов сделал первую попытку систематизировать изложения истории революционного народничества 70-х гг. и начала поворота русского революционного движения к марксизму, а также начала русской социал-демократии 80–90 гг.

В своих произведениях Плеханов ярко и убедительно раскрывал органическое единство философской, социологической и экономической теории Маркса, тесную взаимосвязь основных положений марксизма и характеризовал марксизм как целостное, стройное революционное мировоззрение пролетариата.

Не умаляя значения результатов теоретических исследований Плеханова по проблемам истории и философии марксизма, следует отметить, что ему не удалось дать исчерпывающего ответа на все вопросы научного социализма. Плеханов и его соратники, как истинные последователи Маркса, первыми в России постигли историческое значение революционного движения, первыми указали на пролетариат как на силу, способную свергнуть самодержавие, первыми в России обосновали необходимость слияния политической борьбы с классовой.

Однако они не смогли превзойти ограниченный исторический этап, на котором находилось русское рабочее революционное движение в 80-х гг. XIX в.

Сложность задач, стоящих перед Плехановым, не следует преуменьшать: речь шла не просто о признании марксизма как теоретической доктрины, а о применении марксистской теории к анализу русской действительности, к проблемам зарождавшегося русского революционного движения. Часть этих задач осталась за пределами теоретических обобщений Плеханова, многие были рассмотрены в постановочном плане. Но главное, он сумел заронить семена марксизма на русскую почву, заложить тот теоретический фундамент, на котором можно было строить научный социализм.

Сегодня идеология марксизма завоевала себе мировое признание. Большая заслуга в этом первого пропагандиста идеи марксизма в России – Георгия

Валентиновича Плеханова. Его произведения не потеряли своей актуальности и в настоящее время и представляют большой интерес для современного читателя.

Л и т е р а т у р а

1. Аникин А. В. Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990.
2. Большая советская энциклопедия. М., 1940. Т. 45.
3. Пантин И. К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973.
4. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I–V. М., 1956–1958;
5. Плеханов Г. В. Искусство и литература. М., 1948.
6. Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении: статьи 1885–1903 гг. / Сост. И. Н. Курбатова, В. А. Уланов. Л., 1989.
7. Философский словарь / Под ред. М. М. Розенталя. М., 1975.
8. Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов. М., 1973.

19.19. Экономические взгляды М. И. Туган-Барановского

Известный русский экономист *М. И. Туган-Барановский (1865–1919)* большое внимание уделяет проблемам экономического и социально-политического развития России. Этой проблеме посвящена его работа «Социализм как положительное учение» (1918).

В отличие от представителей народничества Туган-Барановский считал, что Россия уже встала на путь развития капитализма и весь вопрос заключается в том, что несет капитализм – гибель или «с ним загорается заря надежды». В традициях русской социально-экономической мысли он критикует капиталистическую систему хозяйства, отмечая, что при данном строе большинство населения обречено постоянно служить средством для увеличения благосостояния других общественных классов, несравненно менее многочисленных. Поэтому неизбежен переход к социалистическому обществу. Цель социализма, как отмечает Туган-Барановский, устроить жизнь на началах свободы, правды и справедливости.

Туган-Барановский считал, что в основе социализма, как учения о справедливом обществе, должна лежать этическая идея, сформулированная И. Кантом – идея о равноценности человеческой личности как цели в себе. Он пишет: «„люди равны по своим правам на жизнь и счастье, они равны по тому уважению к каким мы должны относиться к интересам их всех, –

они равны по бесконечной ценности, которой обладает личность каждого из них»*. При социализме, по его мнению, развитие каждой отдельной личности становится главной общественной целью.

Большое внимание Туган-Барановский уделяет анализу типов социализма, выделяя государственный, коммунальный и синдикальный социализм, считая при этом, что именно государственный социализм придает общественному производству пропорциональность и планомерность и дает возможность быстрого роста общественного богатства**.

Рассматривая эти вопросы, Туган-Барановский показал, что правильно понятая теория предельной полезности не только не опровергает трудовую теорию стоимости Д. Рикардо и К. Маркса, но и представляет собой неожиданное подтверждение учения о стоимости данных экономистов. Как и большинство русских экономистов, Туган-Барановский не ограничился односторонним противопоставлением полезности и затрат как двух основных факторов ценности. Полагая, что теория Рикардо подчеркивает объективные факторы ценности, а теория Менгера – субъективные, он пытается доказать, что теория Рикардо не исключает, а лишь дополняет теорию предельной полезности.

Логика рассуждений Туган-Барановского такова: «Предельная полезность – полезность последних единиц каждого рода продуктов – изменяется в зависимости от размеров производства. Мы можем понижать или повышать предельную полезность путем расширения или сокращения производства. Напротив, трудовая стоимость единицы продукта есть нечто объективно данное, не зависящее от нашей воли. Отсюда следует, что при сопоставлении хозяйственного плана определяющим моментом должна быть трудовая стоимость, а определяемым – предельная полезность. Если трудовая стоимость продуктов различна, но польза, получаемая в последнюю единицу времени, одинакова, то следует вывод, что полезность последних единиц свободно

* Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. М.: Республика, 1994. С. 203.

** Государственным социализмом, по мнению Туган-Барановского, может быть назван такой строй социализма, при котором хозяйственной единицей являлось бы все государство.

Под синдикальным социализмом Туган-Барановский понимает такую форму социалистического строя, при которой средства производства принадлежат не всему государству, как целому, но отдельным группам рабочих, работающих при помощи этих средств производства. При этом каждая из этих групп рабочих является автономной и самоуправляющейся производительной единицей. Однако при этом типе социализма роль государства остается весьма значительной, так как только государство может согласовывать действия различных рабочих ассоциаций. При коммунальном же социализме государство совершенно исчезает или его роль сводится к незначительным функциям. Самым замечательным представителем коммунального социализма Туган-Барановский считал Ш. Фурье.

воспроизводимых продуктов каждого рода – их предельная полезность – должна быть обратно пропорциональна относительному количеству этих продуктов в единицу рабочего времени. Иначе говоря, должна быть прямо пропорциональна трудовой стоимости тех же продуктов»*. И значит, по мнению Туган-Барановского, обе теории находятся в полной гармонии. Теория предельной полезности выясняет субъективные, трудовая теория стоимости – объективные факторы хозяйственной ценности.

Именно Туган-Барановский обосновал положение, что предельная полезность свободно воспроизводимых хозяйственных благ пропорциональна их трудовым стоимостям. Данное положение называют в экономической литературе теоремой Туган-Барановского.

В работе «Социализм как положительное учение» М. И. Туган-Барановский подчеркнул, что для построения хозяйственного плана социалистического общества будет вычерчивать кривые полезности по каждому продукту и кривые их трудовой стоимости и в точке их пересечения будет отыскиваться оптимальная цена на все виды продуктов.

Рассматривая государственный социализм, Туган-Барановский отмечает, что хотя последний и обеспечивает планомерность, пропорциональность развития и приоритет общественных потребностей, но он сохраняет элементы принуждения и противоречит идее полного и свободного развития человеческой личности. И потому, согласно убеждению Туган-Барановского, хотя создание общественного богатства и обладает «значительной положительной ценностью», но оно не может идти за счет принижения человеческой личности. Не может считаться общественным благом низведение трудящегося человека до простого винтика огромного государственного механизма, до «простого подчиненного орудия общественного целого». Поэтому Туган-Барановский предлагает дополнить систему государственного социализма элементами коммунального и синдикального социализма.

Туган-Барановский считал, что в наибольшей степени соответствует идеалу свободного развития человека такая форма организации труда как кооперация, поскольку она строится на взаимном согласии членов при свободе вступления и выхода из кооперативной организации. В последствии, по его мнению, общество должно окончательно превратиться в добровольный союз свободных людей – стать насквозь свободным кооперативом.

Следует обратить внимание, что социальным идеалом Туган-Барановского является не социальное равенство, а социальная свобода. Общество совершенно свободных людей – вот, по его мнению, конечная цель общественного прогресса. В приближении к социалистическому идеалу и заключается

* Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. Пг., 1917. С. 50.

весь исторический прогресс человечества. Это положение явно имеет много общего с идеей Маркса, рассматривающего будущее общество как союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общую силу.

Что касается вклада Туган-Барановского в современную экономическую науку, то он в значительной мере сводится к созданию современной инвестиционной теории циклов. Его работа «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь» (1894) оказала значительное влияние на развитие данного направления экономической науки.

В этой работе, полемизируя с «народниками», Туган-Барановский доказывает, что капитализм в своем развитии сам себе создает рынок и в этом отношении не имеет ограничения для роста и развития. Хотя и отмечает, что существующая организация народного хозяйства и прежде всего господство свободной конкуренции, чрезвычайно затрудняет процесс расширения производства и накопления национального богатства.

Туган-Барановский критикует не только теорию недопотребления, как причину кризисов перепроизводства, но и теории, объясняющие кризисы нарушениями в сфере денежного и кредитного обращения*.

В своей теории Туган-Барановский взял за основу идею К. Маркса о связи промышленных колебаний с периодическим обновлением основного капитала и заложил основы тенденции – превратить теорию кризисов перепроизводства в теорию экономических колебаний. Отмечая, что годы усиленного создания основного капитала являются годами общего оживления промышленности, Туган-Барановский пишет: «Расширение производства в каждой отрасли усиливает спрос на товары, производимые в других отраслях: толчок к усиленному производству передается от одной отрасли к другой, и потому расширение производства всегда действует заразительно и имеет тенденцию охватывать все народное хозяйство. В период создания нового основного капитала возрастает спрос решительно на все товары»**.

Но вот расширение основного капитала закончилось (фабрики построены, железные дороги проведены). Спрос на средства производства, сократился и их перепроизводство становится неизбежным. В силу зависимости всех отраслей промышленности друг от друга частичное перепроизводство становится общим – цены всех товаров падают и наступает застой.

С полным основанием можно сказать, что Туган-Барановский первым сформулировал основной закон инвестиционной теории циклов: фазы про-

* Туган-Барановский убежден в том, что если производство организовать планомерно, то как бы ни было низко потребление, предложение товаров не могло бы превысить спрос.

** Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы. СПб., 1914. С. 292.

мышленного цикла определяются законами инвестирования. Нарушение же ритма экономической активности, приводящее к кризису, вытекает, по мнению Туган-Барановского, из-за отсутствия параллелизма на рынках разных сфер в период экономического подъема, несовпадения между сбережениями и инвестициями из-за диспропорциональности в движении цен на капитальные блага и потребительские товары.

Основная идея Туган-Барановского состоит в том, что в основе общего товарного перепроизводства лежит частичное перепроизводство, непропорциональное распределение «народного труда». Таким образом первое представляет собой своеобразное выражение второго.

Исследовал Туган-Барановский и роль ссудного капитала в процессе циклических колебаний экономики. Он отмечал, что повышение ссудного процента является верным признаком того, что свободного ссудного капитала в стране слишком мало для нужд промышленности и делая отсюда вывод, что непосредственной причиной кризисов является не избыток ссудного капитала, не находящего себе применения, а его недостаток. Как видим, у Туган-Барановского обнаруживаются многие элементы современной инвестиционной теории циклов.

19.20. Экономические взгляды А. Б. Чаянова

Представляют интерес взгляды и такого крупного русского экономиста, как **А. В. Чаянов (1888–1937)**. Основной круг его научных интересов – изучение процессов, происходящих в российской экономике, специфики социально-экономических отношений в отечественном сельском хозяйстве. Главным предметом исследований ученого было семейно-трудовое крестьянское хозяйство.

А. В. Чаянов доказал неприменимость выводов классической экономической теории к крестьянскому хозяйству, для которого была характерна некапиталистическая мотивация. Обширные исследования позволили Чаянову сделать вывод о том, что крестьянское хозяйство отличается от фермерского самым мотивом производства: фермер руководствуется критерием прибыльности, а крестьянское хозяйство – организационно-производственным планом, представляющим совокупность денежного бюджета, трудового баланса во времени и по различным отраслям и видам деятельности, оборота денежных средств и продуктов. Он отметил, что крестьянскую семью интересует не рентабельность производства, а рост валового дохода, обеспечение равномерной занятости для всех членов семьи.

Чаянов сформулировал положение об исключительной выживаемости сельского хозяйства, которое долгое время способно выдерживать такое понижение цен и повышение издержек, которое полностью уничтожает прибыль и часть заработной платы, что является гибельным для предпринимателей, пользующихся наемным трудом. И именно потому, что крестьянское хозяйство не гонится за прибылью, а заботится о поддержании существования самого земледельца и его семьи.

Конкретизируя тезис о потребительской природе крестьянских хозяйств, Чаянов использовал теорию предельной полезности. Он утверждал, что в крестьянском хозяйстве существует определенный «естественный предел» увеличения продукции, который наступает в момент, когда тягость предельной затраты труда будет равняться субъективной оценке предельной полезности получаемой суммы. С определенными оговорками можно сказать, что затрата собственных сил идет до того предела, при котором крестьянское хозяйство получает все необходимое для существования своей семьи.

С теорией крестьянского хозяйства связана у Чаянова и теория кооперации. По его мнению, предпосылок для развития фермерских хозяйств американского типа в России нет, несмотря на то, что крупное сельскохозяйственное производство имеет относительное преимущество по сравнению с мелким. Поэтому оптимальным для нашей страны было бы сочетание отдельных крестьянских хозяйств с крупными хозяйствами кооперативного типа.

Чаянов считал, что кооперация способна соединить различные виды и формы деятельности, формируемых по вертикали «от поля к рынку». При этом за семейным производством остается процесс выращивания растений и животных. Все остальные операции, в том числе переработка продукции, ее транспортировка, реализация, кредитование, научное обслуживание будут осуществляться кооперативными организациями. Развитие кооперативов, которые вступают в непосредственные контакты, минуя капиталистически организованные предприятия, ослабляет последних. Таким образом, каждая новая форма кооперации (потребительская, производственная, кредитная – через организации сберкасс кооперации) осуществляет подрыв какого-нибудь вида капиталистической эксплуатации, заменяя его «товарищеским» методом удовлетворения потребностей.

19.21. Экономические взгляды Н. Д. Кондратьева

Аграрным проблемам, в частности теории кооперации, отдал дань и такой известный русский экономист как **Н. Д. Кондратьев (1892–1938)**. Кондратьев разделял взгляды партии эсеров, основанных на общинных трудовых воззрениях, взгляде на землю как на общее достояние всех трудящихся. Представители этой партии (В. М. Чернов, П. П. Маслов, С. С. Зак и др.) настаивали на социализации земли, т.е. изъятии ее из частной собственности отдельных лиц и передаче в общественное владение и распоряжение демократически организованных общин на началах уравнительного использования*.

Кондратьев также выступал за перевод всех земель в положение общенародного достояния, в трудовое пользование народа. Но Кондратьев, как и Чайанов, считал, что трудовые хозяйства сами по себе, в силу их натурального хозяйства, не нацелены на экономическую перспективу, на развитие во имя интересов государства. Преодоление же экономической ограниченности этих форм Кондратьев видел на путях кооперации. Кооперация, по его мнению, имеет два плюса:

- 1) отсутствие акцента на прибыль;
- 2) возможность обеспечить значительную производительность труда.

И именно ему принадлежит обоснование основных принципов кооперирования – добровольность и последовательная смена форм кооперации от низших к высшим на основе экономической целесообразности.

Однако мировую известность принесла Н. Д. Кондратьеву не теория кооперации, а разработанная им теория больших циклов конъюнктуры, известная как теория длинных волн Кондратьева. Изложение данной теории содержалось в статье «Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны», написанной им в 1922 г. Интерес Кондратьева к теории конъюнктуры, к проблеме долговременных колебаний был вызван стремлением выяснить тенденции развития народного хозяйства. Эта проблема соответствовала его научным интересам, поскольку именно Кондратьев создал и возглавлял до 1928 г. Конъюнктурный институт.

Кондратьев провел обработку временных рядов важнейших экономических показателей (товарные цены, процент на капитал, заработная плата, оборот внешней торговли и других) для четырех стран (Англии, Германии, США, Франции) за период примерно 140 лет. В результате обработки данных, им была выявлена тенденция, показывающая существование больших

* Здесь мы в очередной раз встречаемся со взглядом на русскую общину как непосредственно отправной пункт движения общества к социализму.

периодических циклов, продолжительностью от 48 до 55 лет. Эти циклы включали в себя фазу подъема и фазу спада. Эти фазы можно представить следующим образом:

1810–1817
1870–1875
1914–1920
1844–1850
1890–1896

Внимание к проблемам циклического развития экономики, дань которым отдал и Туган-Барановский, и Кондратьев, не в последнюю очередь было связано с теорией циклического развития, основы которой были заложены К. Марксом. Не случайно Кондратьев ищет корни длинных циклов в процессах, аналогичных тем, которые, согласно марксистской теории, порождают периодические колебания капиталистической экономики каждые 7–11 лет (так называемые циклы Жюглара)*.

Кондратьев полагает, что продолжительность длинного цикла определяется средним сроком жизни производственных и инфраструктурных сооружений (примерно 50 лет), которые являются одним из основных элементов капитальных благ общества. При этом обновление «основных капитальных благ» происходит не плавно, а толчками, а научно-технические изобретения и нововведения играют при этом решающую роль.

В динамике экономических циклов Кондратьевым были выделены некоторые закономерности. Так, «повышательная» фаза большого цикла (фаза подъема) наступает, по его мнению, при следующих условиях:

- высокая интенсивность сбережений;
- относительное обилие предложения и дешевизна ссудного капитала;
- аккумуляция его в распоряжении мощных финансовых и предпринимательских центров;
- низкий уровень товарных цен, который стимулирует сбережения и долгосрочное помещение капитала.

Если эти условия имеют место, то, рано или поздно, наступает момент, когда значительное инвестирование его в крупные сооружения, вызывающие радикальные изменения условий производства, становится достаточно рентабельным. Начинается полоса относительно грандиозного нового строительства, когда находят свое широкое применение накопившиеся

* В соответствии с данной теорией материальной основой периодичности кризисов является обновление активной части основного капитала (оборудования), средний срок жизни которого и составляет 7–11 лет.

технические изобретения, когда создаются новые производительные силы. Иначе говоря, интенсивное накопление капитала является не только предпосылкой вступления экономики в фазу длительного подъема, но и условием развития этой фазы.

Импульсом же для перехода в «понижительную» фазу (фазу спада) является недостаток ссудного капитала, ведущий к повышению ссудного процента, и, в конечном счете, к свертыванию хозяйственной активности и падению цен*. При этом депрессивное состояние хозяйственной жизни толкает к поиску новых путей удешевления производства, именно технических изобретений. Однако эти изобретения будут использованы уже в следующей «повышательной» волне, когда обилие свободного денежного капитала и его дешевизна сделают вновь рентабельными радикальные изменения в производстве.

При этом Кондратьев подчеркивает, что свободный денежный капитал и низкий процент являются необходимым, но не достаточным условием перехода к «повышательной» фазе цикла. Не само по себе накопление денежного капитала выводит экономику из депрессии, а приведение им в действие научно-технического потенциала общества.

Теория «длинных волн» Н. Д. Кондратьева породила обширную литературу по данному вопросу, дав импульс разработке различных концепций долгосрочных экономических колебаний. Дискуссии ведутся относительно причин больших циклов, однако мало кто отрицает, что «длинные волны» связаны с процессами структурной перестройки экономики**.

Экономические взгляды представителя российского марксизма – В. И. Ульянова (Ленина) – в значительной мере были представлены в лекции «Теории монополии и монополистического ценообразования». Что касается модели социализма, то в ленинской концепции получила развитие модель государственного социализма, в которой все граждане превращаются в служащих по найму у государства, становясь рабочими одного всенародного государственного «синдиката». Не случайно сопровождающий эту модель неизбежный принцип насилия (на эту опасность указывали и М. И. Туган-Барановской, и М. И. Бакунин***) в России после победы большевиков все расширяется и, наконец, от средства подавления противников революции становится средством чисто хозяйственных проблем.

* В этом вопросе Кондратьев разделяет позицию Туган-Барановского.

** См.: *Меньшиков С. М., Клименко Л. А.* Длинные волны в экономике. М., 1989.

*** В полемике с Марксом Бакунин выступал против создания нового государства (государства диктатуры пролетариата), указывая, что это привело бы к созданию новой правящей элиты, которая вновь бы начала «эксплуатировать и поработать массы под предлогом общего счастья и спасения государства».

Законченным выражением этих взглядов стала экономическая программа одного из лидеров партии большевиков Л. Троцкого, изложенная им на девятом съезде ВКП(б) в 1920 г. и получившая название концепции милитаризации труда. Ее основная идея – создание системы принудительного труда, казарменной организации общества. Производство организовывалось по военному образцу, где вопрос трудовой дисциплины решался по законам военного времени, а высшие государственные органы принимают решения по всем хозяйственным и политическим вопросам. И хотя эта модель хозяйственного развития была отвергнута в связи с переходом от политики «военного коммунизма» к нэпу*, основные ее черты были воспроизведены в 30-е гг., когда была создана командно-административная система управления народным хозяйством.

Но, как это не парадоксальным покажется на первый взгляд, реальная модель социализма, имевшая место в Советском Союзе на протяжении более чем семидесяти лет, своими теоретическими корнями уходит не только к работам Маркса, но имеет более глубокую основу – двухвековые традиции русской социально-экономической мысли, которая, в свою очередь, связана с особым психологическим типом личности, присущем русскому народу. Это ярко выраженное стремление устроить жизнь на началах правды и справедливости. Не случайно в русской экономической литературе так много внимания уделяется проблемам будущего устройства общества (где несущими конструкциями как раз и являются идея общинности и государственности)** и так мало теорий, имеющих дело с определением принципов и механизмов функционирования общества данного. В ней нет разработанных теорий общего и частичного равновесия экономической системы, теорий, посвященных анализу вклада данного фактора в рост общественного богатства, факторов динамического развития экономики. Но, в то же время, сильной стороной русской экономической мысли является ее этическая направленность, акцент на проблемах обеспечения роста благосостояния, рассматриваемого с позиций совершенствования распределения.

* Переходом в достаточной степени вынужденным, поскольку оказалось, что к 1921 г. большевики лишились поддержки большинства населения и вынуждены были констатировать, что непосредственный переход к чисто социалистическим (в их понимании) формам организации хозяйства представляется невозможным.

** Эти идеи имеют корни в интересах множества людей, нуждающихся в солидарности окружающих, гарантированной поддержке со стороны общества.

20. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ВЕДУЩИХ ДЕРЖАВ МИРА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОКОВ

Экономическая реальность, сложившаяся к началу XX столетия, явилась необратимым фактором трансформации системы международных отношений и институтов, обеспечивающих относительную стабильность и предотвращение мировых военно-политических катаклизмов. Даже созданный в 1900 г. международный трибунал в Гааге, ставший символом «цивилизованного» разрешения конфликтов, не смог остановить катастрофы, обусловленной нарастанием экономических противоречий.

Мировая экономическая конкуренция, преодолевая социальные, идеологические, династические и культурные предпочтения, выдвинулась в ряд важнейших условий, фундирующих международный военно-политический кризис, вылившийся в величайшую драму начала прошлого столетия.

Вопреки утверждающемуся в современной российской историографии положению о том, что Россия была втянута вразрез с собственными интересами в «чужую игру» против Германии, с которой, особенно начиная с Франко-прусской войны, наблюдалось политическое сближение, подкрепленное «единством» культурного основания*, в российском предвоенном официальном и общественном мнении вполне осознавалась опасность или даже альтернативность росту отечественного промышленного производства экономической экспансии германского индустриального гиганта. В российских деловых кругах широко транслировалось крылатое выражение министра торговли В. И. Тимирязева: «Мы не можем позволить, чтобы русская промышленность была полностью сокрушена германской индустрией»**.

Возрастающая мощь Германии в конечном счете дестабилизировала сложившуюся расстановку сил мирового экономического пространства. Учитывая прямую зависимость эффективности оборота «экономического» капитала от емкости рынков, включение в борьбу за их обладание нового, быстро развивающегося «игрока», неизбежно обуславливало эскалацию напряженности международных отношений.

В отличие от все более укрепляющейся в канун «великой трагедии» уверенности европейского истеблишмента в неизбежности столкновения «ведущих экономик» актуальным оставался вопрос о возможности и составе со-

* Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2002. С. 5–18.

** Нотович Ф.Я. Империалистические противоречия накануне Первой мировой войны // Исторические записки. 1947. № 23. С. 226.

юзов как акторов будущей войны. Имея в виду традиционные политические и экономические противоречия России и Великобритании, династические российско-германские, британо-германские связи, последствия боснийского и итало-турецкого кризисов, исход его решения был далеко не очевидным.

«В предвоенные годы, – пишет Макс Хейстингс, – европейские симпатии и антипатии не отличались незыблемостью, то и дело меняясь, перетасовываясь и перестраиваясь. Французы вступали в новое столетие с мыслью о возможном вторжении Англии, и в 1905 году Британия на самом деле вынашивала подобные планы. Какое-то время существовала вероятность, что Россия выйдет из Антанты и присоединится к Тройственному союзу»*.

Новелла мировой экономической эволюции заключалась во вступлении планетарной цивилизации в очередной виток научно-технического прогресса, сопровождавшийся ростом массового производства, требующего новых рынков и источников сырья; появлении в системе международных хозяйственных связей нового, быстро растущего лидера – Германии, и, наконец, в обострении классовых противоречий и росте рабочего движения, одним из способов противостояния которому могла быть война, вызывающая волну патриотизма. В 1910 г. произошли баррикадные выступления в Берлине, развернулось широкое революционное движение во Франции. Для всеобщей стачки объединились углекопы и железнодорожники Англии. Воздвигались баррикады в Турине, Милане, Флоренции. Рабочие захватили власть в Фабиане (Италия), жестокой классовой борьбой был охвачен штат Колорадо (США), мощный революционный подъем всколыхнул Россию**.

Осознание экономических успехов собственной страны позволило «железному канцлеру» Отто фон Бисмарку в речи 6 февраля 1888 г. в рейхстаге заявить: «Мы больше не просим о любви ни Францию, ни Россию. Мы не просим ни о чем одолжении. Мы, немцы, боимся на этой земле Господа Бога, и никого более!» А уже в 1912 г. расстановка точек экономического соперничества позволила Вильгельму II утверждать: «Германские народы (Австрия, Германия) будут вести неминуемую войну против славян (русских) и их латинских (галльских) помощников, при этом англосаксы будут на стороне славян. Причины: жалкая зависть, боязнь обретаемого нами могущества»***.

Росту экономического могущества Германии во второй половине XIX в. способствовало сразу несколько обстоятельств, обусловленных победным завершением Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Военные успехи явились

* Хейстингс М. Первая мировая война. Катастрофа 1914 года. М., 2014. С. 34.

** Зуев Ф. Международные отношения накануне и в годы Первой мировой войны. М., 1956. С. 57.

*** Уткин А. И. Указ. соч. С. 25, 29.

политическим основанием объединения Германии в давно конструируемую в немецком общественном сознании империю, окормляемую патриотизмом «германского рыцарства». В результате сокрушения давнего соперника Германия получила 5 млрд золотых франков контрибуции и богатые французские провинции Эльзас и Лотарингию*. Темпы, которыми развивалась немецкая экономика, превосходили темпы роста экономик других ведущих держав.

Производство основных видов промышленной продукции с 1887 по 1911 г.**

	Добыто угля, млн т		
	1887 г.	1911 г.	Увел., %
Англия	160,0	276,2	72,6
Франция	19,9	39,8	97,5
Соединенные Штаты Америки	103,1	450,2	336,6
Германия	73,7	234,5	218,1

	Добыто чугуна, тыс. т		
	1887 г.	1911 г.	Увел., %
Англия	7681	10 033	30,6
Франция	1568	4411	281,5
Соединенные Штаты Америки	6520	29 028	368,5
Германия	4024	15 574	387,0

	Добыто стали, тыс. т		
	1887 г.	1910 г.	Увел., %
Англия	2403	6107	154,0
Франция	428	3390	692,9
Соединенные Штаты Америки	2604	26512	910,8
Германия	954	13699	1375,0

Быстро развивающаяся экономика требовала включения в ее орбиту нового хозяйственного пространства. «Если мы не приобретем вскоре новых земель, – писал Альбрехт Вирт в своей работе «Народное могущество и мировая война в истории», – мы неизбежно придем к страшной катастрофе. Все

* Баиов А. К. Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры. Таллин; Ревель. Б.и., 1927. С. 6.

** Там же. С. 9–10.

равно, будет ли это в Бразилии, в Сибири, Анатолии или Южной Африке, лишь бы мы могли веселиться и наслаждаться свободой и дать возможность нашим детям пользоваться в изобилии воздухом и светом в хороших условиях. Сегодня, как и две тысячи лет тому назад, когда варвары, кимвры и тевтоны, стучали в ворота Рима, раздается тот же крик, то в виде тоски и грусти по родине, то как хвастовская угроза, уже уверенная в будущем, крик все громче и все полнее: “Земель, новых земель!”*.

Если противоречия между великими державами, возникающими в результате освоения немецким капиталом Африканского континента, удалось купировать благодаря организованной сторонником сохранения стабильности международных отношений О. Бисмарком, Берлинской конференции (1884–1885 гг.), то территории, глубоко освоенные британцами и французами, стали камнем преткновения, преодолеть который мирными средствами не представлялось возможным.

Стратегия «Drang nach Osten», овладевшая политическим классом Германии, предполагала два направления движения: на юго-восток, через Балканы, Малую Азию и Месопотамию, к Индийскому и Дальневосточному регионам, и другое: на восток, в Россию.

Обоснование растущей враждебности к славянам (русским) немецкие идеологи искали в проблеме «восточных территорий традиционного немецкого влияния». «Большие территории, которые прежде были под германским влиянием, ныне снова подчиняются славянской власти, – говорилось в одном из популярных немецких изданий, – и кажутся навсегда потерянными нами. Нынешние русские балтийские провинции были прежде процветающими очагами германской культуры. Германские элементы находятся в Австрии, нашей союзнице, находятся под жестокой угрозой; Германия стала открыта постоянному мирному вторжению славянских рабочих. Многие поляки прочно укоренились в сердце Вестфалии. Только слабые меры предпринимаются, чтобы остановить этот поток славянства. Но остановить его требуют не только обязательства перед нашими предками, но и интересы нашего самосохранения, интересы европейской цивилизации. До сих пор неясно, сможем ли мы остановить этот поток мирными средствами. Возможно, вопрос германского или славянского превосходства будет решен мечом»**.

Но эпицентр противоречий, возникающих в связи с экономической интервенцией Германии, приходился на первое направление – «движения на восток».

* Вирт А. Народное могущество и мировая война в истории. 1901. С. 227; Цели войны Германии согласно немецким источникам. Париж, 1917. С. 11.

** Уткин А. И. Указ. соч. С. 27–28.

Развитие германского флота, сопровождавшееся организацией в различных уголках Мирового океана угольных станций, утверждением на морских путях и «мягким» проникновением в колониальные владения Франции и Англии, прямо затрагивало их интересы. Антагонизм вызывало усиливающееся экономическое присутствие Германии на Балканах, в Малой Азии и Месопотамии, где британский и французский капитал создал промышленные предприятия и активно инвестировался в местное производство.

Особый ущерб экономическая экспансия Германии наносила интересам Великобритании, которая в качестве «владычицы морей» стремилась препятствовать ее освоению южного океана и «ближней дороги» в Китай.

По мнению министра внутренних дел (1905–1906 гг.), лидера правой группы Государственного совета (1906–1915 гг.) П. Н. Дурново, экономические противоречия между Германией и Англией стали центральными в предстоящей мировой катастрофе. «Действительно, с одной стороны, островное государство, – писал он в записке, которые современники считали пророческой, – мировое значение которого зиждется на владычестве над морями, мировой торговле и бесчисленным колониях. С другой стороны – мощная континентальная держава, ограниченная территория которой недостаточна для возросшего населения. Поэтому она прямо и открыто заявила, что будущее ее на морях, со сказочной быстротой развила огромную мировую торговлю, построила, для ее охраны, грозный военный флот и знаменитой маркой *Made in Germany* создала смертельную опасность промышленно-экономическому благосостоянию соперницы»*.

Существенный урон интересам Великобритании был нанесен проникновением Германии на Ближний Восток. Еще в 1882 г. (в последнее десятилетие канцлерства О. Бисмарка) в Турцию была послана миссия, позднее руководимая фон дер Гольцем. С тех пор этот регион стал основным в политико-экономической экспансии Германии**. Инициировали расширение германского присутствия на Ближнем Востоке круги, близкие к *Deutsche Bank*, стремившиеся получить свою часть разваливающегося «пирога» Османской империи.

Сближение с Германией отвечало и интересам значительной части официальной Порты, которая видела в столкновении великих держав за доминирование залог сохранения убывающего суверенитета и была воодушевлена дипломатической Цусимой России в Боснийском кризисе 1908–1909 гг.

* Дурново П. Н. Будущая англо-германская война превратится в вооруженное столкновение между двумя группами держав // Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи. М., 2014. С. 58.

** Силин А. С. Германо-турецкие отношения накануне Первой мировой войны. М., 1966. С. 1.

По свидетельству посла России в Турции И. А. Зиновьева, «Германия использовала исход Боснийского кризиса для укрепления позиций на Босфоре»*.

Ориентация младотурецкой элиты на Германию объяснялась еще и тем, что последняя, не рассчитывая на серьезные территориальные приобретения, в случае немедленного раздела Османской империи придерживалась принципа территориального status quo Турции.

Проитальянская позиция Германии в Триполитанской войне, поражение армии, инструкторованной немецкими специалистами в Балканских войнах, свержение летом 1912 г. власти младотурецкого правительства несколько осложнили, но не обратили вспять поступательное освоение германским капиталом турецкого рынка. Отражая общий тренд общественного сознания, в Германии появились публикации с красноречивым названием, как, например, книга инженера Пресселя «Культурное видоизменение Анатолии с помощью германского труда»**.

О степени напряженности, с которой пришлось столкнуться немцам в проникновении на рынки Турции, говорят данные об освоении финансовой системы Порты англо-французскими предпринимательскими структурами. Несмотря на усилия Deutsche Bank, наращивающего инвестиции, англо-французское засилье на оттоманском финансовом рынке было очевидным. Даже Оттоманский имперский банк полностью принадлежал финансовым институтам Англии и Франции. Важность этого факта тем более значительна, что именно этому банку принадлежало право эмиссии и другие прерогативы Государственного банка Турции***.

В 1854–1862 гг. были заключены соглашения на первые турецкие государственные займы. Воспользовавшись банкротством побежденной в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. страны, Англия и Франция установили полный контроль за ее финансовой системой. Для управления государственным долгом (уменьшенным в 1881 и 1903 гг. наполовину) была создана администрация оттоманского долга, ставшая государством в государстве. Администрация создала по стране 720 агентур.

С 80-х годов XIX в. администрация стала активно вмешиваться и в экономику «должника». В 1881 г. было создано Управление табаководством, которое контролировало все производство табачной отрасли. В 1911 г. был учрежден консорциум для постройки оттоманских портов, в который вошли: фирма Крезо, Батиньольское общество сооружений, Оттоманский банк и

* Силин А. С. Указ. соч. С. 4.

** Миллер А. Ф. Турция и Германия в годы Первой мировой войны. М., 1944. С. 4.

*** Миллер А. Ф. Указ. соч. С. 6.

др. Консорциум получил концессии на строительство портов Самсун, Трапезунд, Инеболи, Гераклия, Яффа, Триполи, Кайфа.

Доля европейских держав в оттоманском долге к 1914 г.*

Франция	60,3%	ок. 2, 5 млрд фр.
Германия	21,35%	850 млн фр.
Англия	14,25%	600 млн фр.
Италия	3%	120 млн фр.

Объем капиталовложений европейских держав в строительство турецких портов в 1914 г.**

Франция	53 942 000 фр.
Англия	10 000 000 фр.
Германия	16 000 000 фр.

Важную отрасль приложения французского капитала составляла добывающая промышленность. На рудниках Турции практически безраздельно господствовали французы. Наиболее крупными предприятиями в этом сегменте экономики являлись: общество Гераклен, добывающее уголь на берегу Черного моря, и общество рудников Баля-Карайдин, извлекающее серебристый свинец и лигнит в богатейших месторождениях Айдинского вилайета. В целом французские инвестиции в добывающую отрасль Турции составляли 3,5 млрд франков, т. е. 60% всех иностранных капиталов***.

Таким образом, французский капитал в канун Первой мировой войны «инфильтровал весь хозяйственный организм Азиатской Турции: железные дороги, порты, рудники, коммерческие компании и даже муниципальные предприятия». Французские имущества в Азиатской Турции оценивались в 354 милл. фр. (торг. фирмы – 30 милл. фр., недвижимые имущества – 54 милл. фр., жел. дор. – 202 милл. фр., портовые сооружения – 20 милл. фр., местные банки – 8 милл. фр., копи и промышленные предприятия – 40 милл. фр.)****.

Присутствие Англии в турецкой экономике носило избирательный характер. Накануне мировой войны Великобритания сохраняла доминирующее положение во внешней торговле Турции.

* Раздел Азиатской Турции. По секретным документам б. Министерства иностранных дел. М., 1924. С. 9.

** Раздел Азиатской Турции. С. 12.

*** Там же. С. 13.

**** Раздел Азиатской Турции. С. 13.

Если прямые инвестиции Германии в экономику Порты наращивались постепенно, избегая прямых столкновений с англо-французским капиталом, то полученная в 1903 г. концессия на строительство Багдадской железной дороги была «нацелена в самое сердце британских интересов: Индию»*. В ходе реализации проекта Багдадской железной дороги «от Берлина до Багдада» планировалось использовать Константинополь «как место перехода из Европы в Азию». Паром должен был принимать железнодорожные пассажирские и грузовые вагоны на европейском берегу Босфора на станции Сиркенджа и доставлять в пункт Хайдарпашана на азиатском берегу. Далее железная дорога должна была двигаться через всю Турцию на юг, до портов Газа в Восточном Средиземноморье, Акаба на Красном море и Басра в Персидском заливе. Дополнительная линия железной дороги должна была связать Багдад с персидскими нефтяными месторождениями.

Переговоры, шедшие в течение почти двух лет, закончились в марте 1903 г. подписанием соглашения, по которому Анатолийская железнодорожная компания (ответвление Deutsche Bank) обеспечивала Турции заем в 43 200 000 марок и взамен получала право отстроить дорогу от Эрегли до Мосула и Багдада, с линиями на Кесарию – Сивас, Диарбекир и к Мерсине и Александретте. Выгодные условия, на которых Германии была предоставлена концессия, возбудили живое внимание в английских финансовых кругах. В палате общин статс-секретарю по иностранным делам Бальфуру был предложен запрос, в какой мере английское правительство намерено принять участие в сооружении Багдадской дороги. Признавая исключительно важное значение новой линии, соединяющей Европу с Персидским заливом и с Индией, Бальфур в своей ответной декларации высказался за интернационализацию предприятия и сообщил, что на этот счет уже идут переговоры с германским правительством. Франция в это время уже вела переговоры с Англией о заключении с ней союза и, естественно, старалась привести линию своего политического поведения в соответствие с английской. В Брюсселе 23 октября 1903 г. между представителями французских и германских финансовых групп было подписано соглашение. Однако ратификация его не состоялась.

Осенью того же 1903 г. лондонский кабинет, только что добившийся крупного политического успеха, каким являлось для него соглашение с Россией, решил начать активные действия против Германии. В палате общин новый статс-секретарь по иностранным делам сэр Эдуард Грей повторил заявление, сделанное его предшественником, маркизом Лансдоуном. Всякое стремление изменить положение в районе Персидского залива было бы

* Миллер А. Ф. Указ. соч. С. 5.

признано Англией поводом для войны. Направленная в 1903 г. против России, теперь эта угроза имела в виду Германию. В ноябре, во время пребывания Вильгельма II в Лондоне, сэр Эдуард Грей, снесясь предварительно с парижским и петербургским кабинетами, предложил Германии согласиться на интернационализацию Багдадской дороги; Германия отклонила это предложение и лихорадочно усилила свою деятельность в Азиатской Турции. Она не только добилась в июне 1908 г. подписания соглашения с турецким правительством о продолжении багдадского пути до Мардина, с веткой на Алеппо (этим она фактически вторглась в зону французского, а отчасти и английского влияния), но и распространила свою заинтересованность на путь к мусульманским святым местам (Геджасскую дорогу). Это усиление активности Германии способствовало сближению между Россией и Англией. Обе эти державы в 1908 г. после «ревельского свидания» решили выступить совместно в Константинополе.

В финансовой конкуренции за предоставление Турции краткосрочного займа победила Германия, вследствие этого ее позиции в получении железнодорожной концессии стали преобладающими.

Турецкий министр финансов Джавид-бей, ездивший в Париж и Лондон, «по дороге» заехал в Берлин. В октябре-ноябре 1910 г. между Deutsche Bank и Джавидом начались окончательные переговоры о заключении займа, и одновременно германской печатью был поднят вопрос о допущении Турции в Тройственный союз.

«Сооружение Багдадской железной дороги, – писал германский публицист Альберт Норден, – должно было до чрезвычайности обострить отношения Германии с великими державами, ведь Багдадская железная дорога перерезала жизненно важный путь английского империализма, который вел его к азиатским владениям и сферам влияния. Утверждение Германии у Дарданелл и на Черном море ухудшало вместе с тем ее отношения с Россией, и без того в достаточной степени напряженные вследствие поддержки, которую Германия оказывала антирусской политике Габсбургов на Балканах. К тому же в Лондоне и кое-где еще не могли не слышать торжествующих криков пангерманцев и считавших себя умеренными немецких шовинистов, которым казалось, что вся Передняя Азия уже принадлежит немцам»*.

Британские и французские предприниматели, так же как и немецкие, участвовали в реализации проекта Багдадской железной дороги. В его руководство, наряду с одиннадцатью немцами, входило восемь французских директоров. «Но Великобритания, – по мнению Мартина Гилберта, – не могла смириться с самой мыслью о контролируемой немцами транспортной

* Норден А. Уроки германской истории. М., 1948. С. 14–15.

артерии протяженностью почти 3000 километров, пересекающей Европу, Анатолию и доходящей до арабских провинций Османской империи: ее существование представлялось британцам угрозой империи и ее интересам в Персидском заливе и Индийском океане»*.

Помимо деструкции британских интересов, наносимых Багдадской железной дорогой в связи с «разгерметизацией» стратегического пути к Индии, ее строительство прямо угрожало интересам Англии на нефтяных месторождениях Месопотамии.

В конце XIX в. немецкие и английские геологи и путешественники обнаружили мощную нефтяную зону, простирающуюся от Мосуда на юго-востоке до Бендер-Абасса, т. е. до Персидского залива. Важнейшими нефтяными участками являлись Гайара, Керкук, Мендели, Каср-и-Ширин и Майдан-и-Нафтун.

Эта зона, расположенная, таким образом, на территории Турции и Персии, тотчас стала объектом домогательства концессионеров. Первые победы были одержаны англичанами в Персии, нефтяными богатствами которой овладела известная Англо-персидская компания.

Гораздо труднее оказалось получить нефтяные концессии в Северной Месопотамии.

Начиная с XX в. стремления англичан в овладении месторождениями Месопотамии столкнулись с активностью немецкого капитала. Последнему удалось не только начать работы по прокладке Багдадского пути, но и получить крайне важную для нее нефтяную концессию, распространявшуюся на Багдадский и Мосульский районы (12 сентября 1904 г.).

С целью предотвращения широкомасштабной конкуренции предполагалось создать общество Turkish Petroleum, в котором $\frac{3}{4}$ акций должно было принадлежать англичанам, а $\frac{1}{4}$ – немцам. Однако планам не было суждено сбыться**.

В начале 1914 г. Великобритания в поиске нефтяных ресурсов, прежде всего для обеспечения топливом своего флота, перехватила инициативу у немцев, заключив соглашение «о преобладающей доле в персидских нефтяных разработках, на которые была нацелена Германия при постройке Багдадской железной дороги, что еще в большей степени обострило англо-германские отношения»***.

К началу Первой мировой войны Германии удалось добиться ведущего положения в железнодорожном сообщении Турции.

* Гилберт М. Первая мировая война. М., 2002. С. 30.

** Раздел Азиатской Турции. С. 24.

*** Гилберт М. Указ. соч. С. 35.

**Участие отдельных держав в контроле над железными дорогами
Азиатской Турции* (1914 г.)**

Турецкое правительство	31%
Германия	36,8%
Франция	21%
Англия	10,55
Бельгия	0,75

При этом, например, в Сирии Франция владела 55,5% железных дорог, в Анатолии контролировала железную дорогу Смирна – Кессаба, проходящую по плодородной долине Гермуса и смыкающуюся с Багдадской железной дорогой. Накануне войны Франция вынашивала планы «обширного железнодорожного строительства главным образом в восточной Анатолии»**.

Учитывая опасность национальным интересам, обусловленную активизацией европейских держав в железнодорожном строительстве на Ближнем Востоке, остроту противоречий Англии и Германии и затруднительное положение первой в связи с бурской войной, Россия также заявила о своих претензиях на железнодорожное строительство на территориях, входящих в круг ее сферы внешнеэкономических отношений.

В Петербурге предприняли ряд последовательных попыток проникнуть в южную часть Месопотамии. С этой целью в Тегеране были начаты переговоры о передаче в русские руки Бендер-Аббаса и вместе с тем возбуждено ходатайство о концессии на постройку железной дороги от Тегерана к побережью Персидского залива. Испуганное ростом иностранной предприимчивости в Малой Азии, русское правительство также потребовало от турецкого султана ограничения права железнодорожного строительства в полосе, непосредственно примыкающей к кавказской границе. В этой зоне железные дороги могли строиться только Россией и Турцией. (В Петербурге считались с возможностью постройки в ближайшее время железной дороги: Карс – Эрзерум, Эрзерум – Трапезунд.) Соглашение было заключено в марте 1900 г. и вполне отвечало желаниям российского правительства.

К началу Первой мировой войны противоречия великих держав на Ближнем Востоке были затянуты в тугой узел. Непримируемость каждой из соперничающих сторон была обусловлена величиной понесенных затрат: капиталовложения Франции в Турции составляли 2 млрд 240 млн франков, Германии – 1 млрд 280 млн франков, Англии – 750 млн франков. По турец-

* Раздел Азиатской Турции. С. 11.

** Там же. С. 12.

ким данным, удельный вес французских финансовых институтов в банках Порты составлял 59%, германских – 22%, английских 6,8%*.

«Франция является как бы банкиром Турции, – сообщал незадолго до войны морской агент России в Стамбуле, – потому-то во главе турецких финансов и поставлен составитель бюджета Турции француз Лоран»**.

Окрепшие позиции Германии в Турции стали материальной основой ее дипломатического успеха, увенчавшегося 2 августа 1914 г. подписанием немецко-турецкого союзного договора, направленного прежде всего против России и подкрепленного присутствием у берегов Порты военных кораблей «Гебен» и «Бреслау».

Не располагая возможностью монопольного присутствия в Иране, Великобритания предпринимала усилия для формирования комплиментарной коалиции с Германией для экономического освоения этой страны. Важнейшим предметом вожделения интернационального капитала являлось железнодорожное строительство. Именно железнодорожные транспортные артерии позволяли инвестировать с максимальной прибылью и обеспечить геополитические преимущества владения стратегическими коммуникациями.

В сентябре 1885 г. посол Англии в Берлине Эдуард Маллет направил канцлеру меморандум, в котором содержался план создания «международной компании персидских железных дорог» под финансовым руководством барона Рейтера. «Мы не хотим, – писал Маллет, – чтобы Россия или Франция принимали участие в реализации плана». О. Бисмарк заметил на полях документа: «Почему бы нет?»*** С момента описываемых событий экономические отношения Германии и Великобритании в Иране приобрели устойчивый тренд, порождающий непримиримые противоречия.

Депутат Бунзен в выступлении в рейхстаге 15 декабря 1885 г. заявил, что задача германской миссии в Тегеране заключается в том, чтобы подвергнуть глубокому исследованию экономическое положение Ирана и «путем точной информации способствовать развитию отношений германской промышленности и германской торговли с соответствующими областями Центральной Азии»****.

Наряду с увеличением германского экспорта товаров в последнее предвоенное пятилетие в Иране стали строиться промышленные предприятия,

* Саркисян Е. К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы Первой мировой войны. Ер., 1962. С. 21.

** Там же.

*** Истягин Л. Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М., 1979. С. 18.

**** Там же. С. 19.

принадлежащие немецким фабрикантам. В 1909–1910 гг. была введена в строй ниточная фабрика Кизвини (1500 веретен). В 1912 г. в Берлине возникла компания по импорту восточных товаров «Теппихгезельшафт А. Г.» с филиалами в Стамбуле, Тебризе, Султанабаде, Хамадане, Кермане, Мешхеде и Ширазе. Компания не ограничилась скупкой ковров, а организовала собственное ковровое производство. В Тебризе компания построила шерстоткацкую и шерстокрасильную фабрики. Успешная деятельность «Теппихгезельшафт» привела к вытеснению с иранского рынка английской фирмы «Циглер энд Ко». Ценой больших усилий российскому консульству удалось предотвратить строительство немецким ковровым обществом в 1913 г. фабрики в Тебризе.

В 1914 г. немцами была предпринята неудачная попытка завладеть угольными шахтами в иранском Азербайджане, находящимися в полосе отчуждения русской железной дороги Джульфа – Тебриз.

По сведениям русского консульства в Тебризе на освоение территории, входящей в сферу экономических интересов России, немецкие предприятия получали «секретные дотации правительства»*. Если Россия и Англия для получения преференций были вынуждены обильно сопровождать свои экономические претензии государственными займами (к началу Первой мировой войны первая потратила на эти цели 164 млн руб., вторая – 10 млн фунтов стерлингов)**, то Германия инвестировала прежде всего в поддержку коммерческих предприятий в Иране. Общая сумма такого рода затрат составила к началу войны 12–15 млн марок***. Кроме того, немецкое продвижение в хозяйство Ирана имело не столько экономический, сколько политический смысл – создание геополитического плацдарма для продвижения на Восток.

К 1912 г. Германия оставила позади другие европейские страны, кроме Англии, в освоении экономического пространства Балкан. Особую сферу немецких интересов составляли Болгария, Румыния и европейские владения Оттоманской империи.

«Чтобы укрепить эти позиции, Берлин придерживался в балканской политике принципа статус-кво. Германию устраивала сложившаяся ситуация на балканском рынке, обеспечивавшая ее интересы. Экономическое превосходство германского империализма должно было, по замыслам немецкого правительства, способствовать установлению и политической гегемонии Германии на Балканах»****.

* Петягин Л. Г. Указ. соч. С. 182, 184.

** Там же. С. 180–181.

*** Там же. С. 187.

**** Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 15.

Экономической гегемонии Германии на Балканах препятствовал прежде всего французский финансовый капитал. В Болгарии и Румынии Франция занимала одно из ведущих мест в числе кредиторов, а в Сербии доминировала в финансовой системе страны – контролировала три ведущих банка: Французско-сербский банк, Экспортный банк и Белградский коммерческий банк. Ежегодно Сербия выплачивала Франции в качестве процентов на кредиты более четверти государственного бюджета.

Франции принадлежала ведущая роль в прямых инвестициях в экономику Сербии. В стране функционировали Сербско-французское общество промышленных предприятий, Французско-сербское общество угольной и цементной промышленности*.

Свое доминирование в балканских финансах Франция активно использовала с целью политического давления на страны региона. Так, весной 1912 г. специальный посланник Р. Пуанкаре М. Палеолог предпринял попытку склонить Болгарию к участию в Балканском блоке, пообещав председателю совета министров Болгарии И. Гершову заем в 200 млн франков. Во время встречи с И. Гершовым М. Палеолог заявил, что Франция дает кредиты «только тем государствам, которые практически идут тем же путем, что и она»**.

Английское проникновение в экономику Балкан происходило прежде всего путем овладения подавляющим сегментом внешнеторгового оборота стран региона.

Финансовый инструмент, несмотря на собственное, далекое от благополучного положение, пыталась использовать Россия для укрепления своих позиций на Балканах. После того как Болгария объявила 8 октября 1908 г. о своей независимости и отказалась платить Турции компенсации за проходившую по ее территории Восточнорумелистскую железную дорогу, Турция, в свою очередь, угрожая войной, сосредоточила на болгарской границе войска. С целью примирения Турции и Болгарии Россия организовала трехстороннюю финансовую операцию. В Петербурге 6 апреля 1909 г. было заключено финансовое соглашение с Болгарией и Турцией. Тройственное соглашение значительно облегчило финансовое положение Болгарии и Турции. В соответствии с соглашением Россия отказывалась от 500 млн франков, уплачиваемых Портой в качестве контрибуции после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В свою очередь, Турция отказывалась от получения с Болгарии компенсации за Восточнорумелийскую железную дорогу, перечислив задолженность Болгарии в размере 125 млн. франков на счет России. Послед-

* Там же. С. 27.

** Галкин И. С. Образование Балканского союза 1912 г. и политика европейских держав // Вестник МГУ. Серия общественных наук. 1956. Вып. 4. С. 25, 38–39.

няя сокращала размер платежей с Болгарии до 22 млн франков и устанавливала льготные условия рассрочки*.

Вместе с тем следует отметить, что Россия не уделяла сколько-нибудь серьезного внимания внешнеэкономической политике на Балканах, больше полагаясь на «славянское единство» и неприязнь к туркам. Когда поверенный в делах Цетинье С. А. Лермонтов сообщил в Петербург о готовности Черногории предоставить России концессии на строительство железной дороги от Антивару к Никшичу, а также на сооружение морского порта в Антивару и на разработку полезных ископаемых, С. Ю. Витте отклонил предложение. В резолюции на докладную министра иностранных дел графа В. Н. Ламсдорфа 18 января 1901 г. он написал: «Я нахожу, что у нас не найдется серьезных предпринимателей для этих дел. У нас и самих есть много неразработанных богатств»**.

Однако под давлением буржуазии российское правительство было вынуждено поменять свою экономическую политику на Балканах. Между Россией и Сербией 15 февраля 1907 г. был подписан новый торговый договор на основе принципа наибольшего благоприятствования». В 1908 г. министр торговли и промышленности И. П. Шипов поддержал ходатайство общества судостроителей, механических и литейных заводов г. Николаева на участие в торгах в Сербии и Болгарии на поставку в эти страны речных судов, землечерпалок и строительство мостов через Дунай. С 1908 г. начался процесс перезаключения торгового договора с Черногорией, который завершился его подписанием в 1909 г.

Для активизации торгово-экономических связей в 1909 г. было принято решение о создании Славянского банка, а в апреле того же года по инициативе Всероссийского славянского съезда были предприняты шаги по учреждению Русско-болгарского банка.

Немецкое движение на Восток шло вразрез с устремлениями российской предпринимательской инициативы. По мере укрепления отечественной промышленности Россия начала формировать собственный центр экономического влияния, в странах и регионах, где конкуренция с Западом не приобретала антагонистический характер: в Северном Китае, Афганистане, Северном Иране, Корее. Созданный Русско-китайский банк инвестировал восточное внешнеэкономическое направление России.***

Даже несравнимые по уровню амбиций с другими развитыми странами попытки российского капитала продвинуть собственные интересы за пределы империи встречали сопротивление Германии, активизация внешнеэконо-

* Писарев Ю. А. Указ. соч. С. 46.

** Там же. С. 48.

*** Уткин А. И. Указ. соч. С. 32.

мической деятельности которой «трагически» совпала с внешнеэкономическими направлениями России.

Важнейшим с точки зрения обеспечения экономических приоритетов России являлся вопрос о черноморских проливах, «через которые проходило 37% российского экспорта»*. Напутствуя генерала Лемана фон Сандерса командовать Константинопольским гарнизоном в 1913 г., кайзер Вильгельм II приказывал: «Сколотите мне новую крепкую армию, которая будет подчиняться моим приказам», а в феврале 1914 г. военная разведка России передала правительству секретный немецкий меморандум, согласно которому Германия планировала завладеть Дарданеллами «и закрепить за кайзеровскими офицерами командование артиллерийскими батареями на проливах»**.

При этом проблема проливов, являвшихся главной артерией экспорта хлеба, для аграрной России была жизненно важной. За период с 1906 по 1910 г. вывоз зерновых из портов Черного моря составил 4691 тыс. т, в то время как порты Азовского моря отгрузили 2825 тыс. т, Балтийского – всего 1081 тыс. т, «т. е. более 80% экспортировались через порты Черного и Азовского морей»***.

Западные державы были заинтересованы в установлении режима использования проливов, не учитывающего интересы прибрежных государств. В своих притязаниях на доминирование в контроле над черноморскими артериями Турция опиралась на поддержку европейских держав, и прежде всего Германию. Вместе с тем «лондонский кабинет как в устных заявлениях, так и в меморандумах признавал особую заинтересованность России в Проливах и выражал готовность содействовать решению вопроса об их статусе»****.

Однако несмотря на заинтересованность России в изменении условий Берлинского трактата (запрещающего свободный проход военных кораблей России через Проливы), ее особая позиция не была зафиксирована в российско-английском соглашении 1907 г. Осенью 1907 г. при личной встрече короля Британии Эдуарда VII и российского монарха в Ревеле, английский монарх, по словам члена Государственного совета А. А. Половцева, «Обещал нашему императору а) добиться открытия для нашего флота свободного прохода через Дарданеллы, б) устроить приобретение для нашего флота угольной станции в Тихом океане, в) повлиять на английских банкиров в смысле доставления нам денег, потребных для построения Амурской дороги»*****.

* Хейстингс М. Указ. соч. С. 38–39.

** Там же. С. 39.

*** Лунева Ю. В. Черноморские проливы в международных отношениях России и европейских держав накануне Первой мировой войны // Забытая война и преданные герои. М., 2011. С. 65.

**** Там же. С. 67.

***** Лунева Ю. В. Указ. соч. С. 68.

Российской дипломатии не удалось использовать озабоченность Британии укреплением на Балканах позиций Германии, и особенно Австрии, в связи с боснийским кризисом 1907–1908 гг. с целью реализации своих позиций по проливам, так же, как впрочем, новых условий, открывающихся в связи с Итало-турецкой войной 1911–1912 гг.

Однако Итало-турецкая война окончательно артикулировала «англо-германское и французское противоборство за политическое и экономическое влияние в Турции, противоречия Италии, Австро-Венгрии и России на Балканах»*.

Об интересах России после этих событий в августе 1912 г. определенно высказался российский военно-морской агент в Лондоне Н.Г. Рейн:

- «а) Ослабление и ухудшение Турции до распада.
- б) Взаимное связывание других балканских государств.
- в) Всемерное ослабление Австрии нарочитой ссорой с Италией, Албанией, Сербией и т. д.
- г) Улучшение отношений Антанты с Италией, Грецией и принуждение других к дружбе.
- д) Владение Дарданеллами и Эгейским морем. Передовой опорный пункт – Крит.
- е) Поощрение русской морской торговли, особенно черноморской. Рынки – Турция (и Малая Азия), Греция, Красное море, Северная Африка.
- ж) В случае владения Эгейским морем содержание флота, равного 1,5 флотам Австрии и Греции. В планы Австрии входило: «поглотить Сербию; владея Салониками, командовать Эгейским морем и всей торговлей (из Черного моря тоже); натравить болгар на Константинополь и Россию и, подогревая шовинизм болгар, ссорить оба государства»**.

После поражения Турции в Балканских войнах 1912–1913 гг. в официальном Санкт-Петербурге обсуждались «планы решительных действий в зоне Проливов»***. Однако, воспользовавшись сложным положением Турции, Германия разместила на берегах Босфора осенью 1913 г. «военную миссию во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом». Озабоченность по поводу немецких позиций на проливах привела официальный Санкт-Петербург к намерению «перейти к всемерному сплочению Тройственного соглашения»****.

С 1888 г. основным источником финансирования российской индустриализации стал французский капитал. Сумма российских займов и инвестиций

* Яхимович З. П. Итало-турецкая война 1911–1912 гг. М., 1967. С. 132.

** Айрапетян М. Э., Могилевич А. А. На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М., 1940. С. 98.

*** Лунева Ю. В. Указ. соч. С. 76.

**** Там же. С. 79, 80.

из Франции достигла значительных размеров и составила 25 млрд франков золотом. Благодаря французскому займу 1906 г. России удалось преодолеть трудности, связанные с поражением в войне с Японией*.

Французский капитал не только активно инвестировался в российский государственный долг, но и в финансирование индустриализации страны. При участии банка «Креду мобилъе» был учрежден Азовско-Донской коммерческий банк с капиталом в 3 млн руб. В мае 1875 г. Французское горнопромышленное общество начало разработку Донецкого бассейна. Акционерное общество железоделателей и сталелитейного завода Гуми-Банкова в Домброве было учреждено в Париже в 1877 г. В 1879 г. открыл свою деятельность на территории России банк «Лионский кредит», а в 1881 г. начало функционировать Общество Криворожских железных руд, в 1884 г. – Общество камских железо- и сталелитейных заводов и Общество для разработки каменной соли и натуральной соды в Южной России. В 1885 г. французская финансовая группа Ротшильда инициировала создание общества «Русский стандарт», а на основе приобретенного Батумского нефтяного и торгового общества учредила Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество с первоначальным капиталом до 6 млн руб.**

Парижская биржа приобрела перед войной значение основного фондового рынка России. Именно котировки российских ценных бумаг на бирже в Париже определяли капитализацию многих банков и промышленных предприятий. Накануне мировой войны на Парижской бирже торговались 140 русских ценных бумаг на сумму 8547,86 млн руб.

«Париж стал центром для многочисленных русских ценностей, – говорилось в «Русском биржевом ежегоднике» за 1914–1915 гг. – Можно даже сказать, что переговоры об образовании многих русских акционерных промышленных предприятий прежде всего велись в Париже. Многочисленные предприятия, которые формально носят немецкий, бельгийский или английский штампель, были подготовлены и созданы в Париже. Тот, кто внимательно следит за ежедневной жизнью петербургской биржи в последние годы, знает, каким магическим словом для биржевых деятелей является «Париж», стоит лишь распространиться слуху, что такую-то и такую-то бумагу предполагается, хотя бы и в отдаленном будущем, ввести в котировку на парижской бирже, как курс ее немедленно и сильно поднимается»***.

В результате российско-английского соглашения с каждым годом рос приток капитала из Великобритании. В январе 1912 г. в Петербурге встреча-

* Звавич А. И. Обострение противоречий между империалистическими державами накануне Первой мировой войны. М., 1962. С. 12.

** Бovyкин В. И. Из истории возникновения Первой мировой войны. М., 1961. С. 58.

*** Там же. С. 61.

ли парламентскую делегацию Англии. В приеме участвовали российско-британские деловые круги. Газета «Звезда» по случаю этого события писала: «Мы знаем, что представители русской буржуазии, заинтересованные в привлечении иностранных капиталов в Россию, заинтересованные в дешевом английском кредите, в высшей степени заинтересованы в братском единении с богатым энергичным иностранцем. И им, действительно, есть отчего ликовать. Знатные иностранцы, приехавшие к нам, в борьбе и погоне за все новыми и новыми рынками с явным вожделением смотрят на «обновленную» Россию, как на огромнейшую колонию, куда можно будет сбывать бесчисленные товары английского производства. Услуга за услугу: вам нужен капитал – извольте; нам нужны рынки – пожалуйте их нам»*.

Выпуск займов в Англии обходился русскому бизнесу значительно дешевле, чем во Франции или Германии. Великобритания ежегодно ссужала России от нескольких десятков до ста с лишним миллионов рублей.

Около половины английских кредитов (48%) направлялось на строительство железных дорог. (1908–1914 гг.: Армавир –Туапсе, Троицкая, Юго-Восточная, Черноморско-Кубанская, Финляндская, Кахетинская и др.).

В 1908–1914 гг. на Лондонском финансовом рынке было реализовано 15 займов российских городов.

Приток британских инвестиций особенно усилился в 1908–1914 гг. Этот период характеризуется масштабными промышленными инвестициями, по уровню которых Англия опередила Германию и Бельгию и составила конкуренцию Франции.

Из четырех монополистических групп российской нефтяной промышленности две («Шелл» и Нефтепромышленная финансовая корпорация) полностью контролировались англичанами.

Английский бизнес контролировал большую часть медной промышленности России, более десятка золотодобывающих предприятий. Совокупная доля Франции и Великобритании в иностранных инвестициях в России в 1914 г. составляла 54,6%, в то время как на Германию приходилось менее пятой части всех российских инвестиций.

Наряду с политическим противостоянием Тройственному союзу (Германия, Австрия, Италия, 1882 г.) глубокая инкорпорированность французского капитала в экономику России стала материальным основанием франко-русского союза 23 декабря 1893 г. (4 января 1894 г.), обязывающего стороны помогать друг другу в случае нападения стран – членов Тройственного союза**.

* *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908-1914 гг.). М., 1962. С. 14.

** Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 гг. М., 1962. С. 277–280.

Узнайте стоимость написания на заказ студенческих и аспирантских работ

<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>
 Русские займы, размещенные в России (в тыс. ф. ст.)

Вид займов	Годы									
	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	Первая половина 1914	Всего
Государственные	11 660	–	–	5285	–	–	–	–	–	16 945
Железнодорожные	–	–	1113	4856	1135	1866	1365	5111	2880	18 326
Городские	–	–	1653	985	1843	480	4732	3109	2060	14 862
Всего	11 660	–	2766	1 1126	2978	2346	6097	8220	4940	50 133

Английские инвестиции в России (в тыс. ф. ст.)**

Отрасли вложения	Годы						
	1908	1909	1910	1911	1912	1913	Первая половина 1914
Горнодобывающая промышленность (без нефти)	913,9	52,5	212,5	217,5	–	447,4	–
Нефтяная промышленность	–	186,2	1272,2	261,5	2179,2	287,5	470,6
Предприятия по изысканию богатств недр	–	–	–	446,3	418,6	–	1070
Банки	–	–	–	1300	1444	–	1551,3
Земля и недвижимость	–	–	292,5	–	–	–	–
Торговля	–	20	–	–	–	–	61,5
Пищевая промышленность	–	–	–	–	75	–	–
Всего	913,9	258,7	1777,2	2225,3	4116,8	734,9	3153,4

* Там же. С. 21.

** *Игнатъев А. В.* Указ. соч. С. 27.

Неоправдавшиеся надежды Великобритании занять положение «стороннего наблюдателя» столкновения экономических интересов европейских держав закономерно направляли вектор ее внешнеполитической ориентации в сторону России и Франции. Однако на пути сближения (особенно с Россией) лежал преградой исторический опыт противостояния в Восточной войне 1853–1856 гг., английской военной помощи Турции в 1877–1878 гг., негативной роли Англии в Берлинском конгрессе, содействие англичан поражению России в войне с Японией 1904–1905 гг. Вплоть до начала XX столетия не были урегулированы экономические франко-британские отношения в Египте и Марокко. И только в 1904 г. Франция и Англия подписали Entente Cordiale («сердечное согласие»), снимающее эти противоречия и явившееся реальным шагом на пути создания Антанты, союза Англии, Франции и России*.

В 1907 г. Великобритания подписала соглашение, направленное на преодоление затяжных англо-российских противоречий о сферах влияния в Персии и Афганистане.

Две «старые» державы Европы, Великобритания и Франция, предпринимали отчаянные меры мирной борьбы с немецкой гегемонией в нарождающейся международной экономической архитектуре. В Англии внимательно изучался опыт «германского восхождения»; для внедрения новейших технологических разработок привлекались лучшие ученые умы; устраивались научно-технические выставки и съезды. Однако отставание в темпах развития ведущих европейских держав от Германии было столь ощутимым, что вернуть прежние экономические позиции, используя эти меры, не представлялось возможным. Конечно, оставался неоднократно используемый в историческом прошлом вариант введения бойкота. Однако средствами и необходимым временем для организации бойкота, так же как создания таможенного объединения с колониями, европейские страны не располагали.

Справедливости ради следует заметить, что роль мирового капиталистического интернационала в развязывании мирового конфликта не следует сводить исключительно к инициированию противоречий. Вследствие своей природы капитал (особенно финансовый, оторванный от национальных материальных активов), как правило, лишен нравственных ограничений и чужд всякого рода «препятствиям», в том числе государственным границам, суверенитетам и национальным правовым системам. «Крупн и Виккерс, – писал М. П. Павлович (Мих. Вельтман), – конкурируют друг с другом, все же входят в один и тот же международный синдикат военных заводчиков, английская и германская военная индустрия образуют совместно один трест,

* Гилберт М. Указ. соч. С. 26.

поделивший всю Европу на эксплуатационные участки, более того, некоторые немецкие металлурги с своим «патриотизмом» доходят до того, что содействуют усилению военной мощи Франции, открывая в этой стране промышленные предприятия вроде «Hauts Fourneaux de Caen», основанных Тиссеном; все эти «патриоты своего отечества», члены одного и того же международного интернационала смерти и разрушения, совместными усилиями толкают народы к новым и новым вооружениям и связанным с последними непосильными расходами, и в результате положение настолько запутывается, что сами пушечные короли начинают помышлять о том, как бы разрубить созданный ими же Гордиев узел традиционным способом, именно – ударом меча и страшной силой выкованных на их фабриках орудий разрешить все противоречия, созданные естественной эволюцией капитализма и неизбежно сопутствующего ему милитаризма»*.

Английские деловые круги, в принципе чуждые военному разрешению экономического соперничества, все более склонялись к неизбежности военного столкновения. Хотя справедливости ради следует заметить, что стремление добиться собственных экономических преференций, оставаясь «над назревающей» войной, Великобританию не оставляло вплоть до ее начала. В частности, 13 августа 1913 г. Англия и Германия тайно договорились «о создании потенциальных сфер влияния в португальских владениях в Африке», а соглашением 20 октября 1913 г. (заключенным спустя два дня после австрийского ультиматума Сербии) устанавливался англо-германский контроль над Анголой и Мозамбиком**.

Сферу особых интересов мировых держав составлял Китай. Некогда могущественная империя к середине XIX в. представляла собой раздираемую противоречиями страну. Западные державы благодаря силовому нажиму или займам, подкупу чиновников создали на территории Китая обширные зоны своего исключительного доминирования.

Русский дипломат Н. П. Игнатьев сумел склонить власти Китая к заключению в 1860 г. договора, согласно которому за Россией закреплялись все земли по левому берегу Амура и территория между рекой Уссури и Тихим океаном.

Иностранцы хозяйничали, пользуясь правами экстерриториальности, уплачивая чисто символическую пошлину. Десятки портов Китая открылись для торговой экспансии западных стран.

Против попрания национальных интересов выступили ихэтуани («отряды справедливости и гармонии»). Выступление вылилось в широкое вос-

* Павлович М. П. (Мих. Вельтман). Основы империалистической политики и мировая война. Милитаризм, маринизм и война 1914–1918 гг. М., 1918. С. 32.

** Гилберт М. Указ. соч. С. 36.

стание (1898–1891 г.), получившее название «боксерского». Восстание было утоплено в крови вооруженной интервенцией Британии, России, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии, США и Японии.

Россию привлекала в разделе Китая возможность приобретения незамерзающего порта для Сибирской железнодорожной магистрали, сооружение которой началось в 1891 г. Такой порт можно было приобрести только в Корее или на Тихоокеанском побережье Китая. С этой целью в 1896 г. был подписан тайный российско-китайский договор. Согласно договору, Россия получала право на строительство Китайско-Восточной железной дороги, целый ряд торговых льгот, аренду Порт-Артура и Даляня на 25 лет. Одновременно России разрешалась эксплуатация угольных месторождений на территории, входящей в круг российских интересов.

В ответ на враждебные действия губернатора Цицикара Шоу Шаня в 1900 г. мобилизованные российские поселенцы и регулярные войска завладели Амуром, и штурмом был взят Айгунь. Инцидент стал поводом для широкомасштабной войны, в результате которой были заняты китайские города Сансин, Ашэхэ, Хайлар, Цицикар, Хуланьчен, Мэр Гэнь, Гирин, Мукден, Хунчунь, перевал на Малом Хингане и установлен контроль над всей КВЖД. Русские войска 1 августа 1900 г., вместе с немцами и англичанами, вошли в Пекин. Столица Китая была поделена на зоны оккупации: восточная – российская, южная – англо-американская, северная – японская.

После неудачной попытки сбросить иностранное иго китайских патриотов Россия ввела войска в Маньчжурию. «Укоренение» России в Маньчжурии и продвижение на Корейский полуостров встретили сопротивление Японии, считавшей этот регион зоной своих исключительных интересов. Русско-японские противоречия привели к развязыванию войны. Канцлер Германии Булов говорил о причинах войны так: «Граф Остен-Сакен, старый опытный дипломат, не без основания еще осенью 1903 г. сравнивал в разговоре со мной трения между Россией и Японией с началом мексиканской авантюры. Русско-японская и мексиканско-французская войны имеют сходство в том, что обе начались из-за нечистых биржевых спекуляций. Они имеют сходство и в том, что эти инсценированные биржевыми дельцами военные предприятия драпировались патриотическими фразами как дальновидные политические начинания»*. Один из свидетелей этих событий И. В. Кулаев прямо указал на виновников трагедии: «Виновником Русско-японской войны, если не прямым, то косвенным, часто называют Безобразова, весьма известное в Петербурге лицо. Этот энергичный деятель получил в Корее, в бассейне реки Ялу, большую лесную концессию, для эксплуатации каковой составил

* *Виллмотт Г. П.* Первая мировая война. М., 2011. С. 29.

товарищество, в которое вошли крупные и важные столичные персоны. Эти господа и были против каких-либо уступок Японии – особенно в корейском вопросе – и довели Россию до войны».

Поражение в Русско-японской войне нанесло тяжелейший урон экономическим интересам России и окончательно поставило российскую внешнюю политику в зависимость от англо-французских займов.

Таким образом, контуры экономических противоречий и интересов европейских держав, отчетливо проявившиеся к концу первого десятилетия XX столетия, создали материальную основу военно-политических союзов участников Первой мировой войны. Эскалация англо-франко-российских и австро-германо-турецких экономических противоречий в предвоенное пятилетие приобрела необратимый характер. Принадлежность к Тройственному союзу или Антанте совсем не означала полного забвения противоречий внутри самих блоков. Однако в отличие от последних разрешение межблокового конфликта экономических интересов, носившего антагонистический характер, могло произойти только со сменой гегемона, определявшего «правила игры» на мировых рынках. Весь XIX в. таковой являлась Великобритания, в непримиримую борьбу за статус которой вступил новый индустриальный гигант – Германия.

Л и т е р а т у р а

1. Айрапетян М. Э., Могилевич А. А. На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М., 1940. – 293 с.
2. Баиов А. К. Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры. Таллин; Ревель. Б.и., 1927.
3. Бовыкин В. И. Из истории возникновения Первой мировой войны. М., 1961. – 208 с.
4. Виллмотт Г. П. Первая мировая война. М., 2011. – 335 с.
5. Вирт А. Народное могущество и мировая война в истории. 1901.
6. Галкин И. С. Образование Балканского союза 1912 г. и политика европейских держав // Вестник МГУ. Серия общественных наук. 1956. Вып. 4.
7. Гилберт М. Первая мировая война. М., 2002.
8. Дурново П. Н. Будущая англо-германская война превратится в вооруженное столкновение между двумя группами держав // Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи. М., 2014.
9. Заввич А. И. Обострение противоречий между империалистическими державами накануне Первой мировой войны. М., 1962. – 144 с.
10. Зуев Ф. Международные отношения накануне и в годы Первой мировой войны. М., 1956. – 185 с.

11. *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914 гг.). М., 1962.
12. *Истягин Л. Г.* Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М., 1979. – 221 с.
13. *Лулева Ю. В.* Черноморские проливы в международных отношениях России и европейских держав накануне Первой мировой войны // Забытая война и преданные герои. М., 2011. – 256 с.
14. *Миллер А. Ф.* Турция и Германия в годы Первой мировой войны. М., 1944. – 28 с.
15. *Норден А.* Уроки германской истории. М., 1948. – 296 с.
16. *Нотович Ф. Я.* Империалистические противоречия накануне Первой мировой войны // Исторические записки. 1947. № 23.
17. *Павлович М. П. (Мих. Вельтман).* Основы империалистической политики и мировая война. Милитаризм, маринизм и война 1914–1918 гг. М., 1918. – 128 с.
18. *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. – 289 с.
19. Раздел Азиатской Турции. По секретным документам б. Министерства иностранных дел. М., 1924.
20. *Саркисян Е. К.* Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы Первой мировой войны. Ер., 1962.
21. Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 гг. М., 1962.
22. *Силин А. С.* Германо-турецкие отношения накануне Первой мировой войны. М., 1966. – 23 с.
23. *Уткин А. И.* Первая мировая война. М., 2002. – 336 с.
24. *Хейстингс М.* Первая мировая война. Катастрофа 1914 года. М., 2014. – 604 с.
25. Цели войны Германии согласно немецким источникам. Париж, 1917.
26. *Яхимович З. П.* Итало-турецкая война 1911–1912 гг. М., 1967.

21. БОРЬБА ВЕДУЩИХ ЭКОНОМИК МИРА ЗА РЫНКИ СБЫТА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Важнейшим фактором перераспределения мировых рынков сбыта и сырья накануне Первой мировой войны стал быстро растущий экономический потенциал Германии, промышленность которой остро нуждалась в их расширении. Уже в 1912 г. обороты германской внешней торговли уступали только великобританским, а вывоз вышел на уровень Англии. При этом только 3% экспортируемой из Германии продукции направлялось в собственные колонии, остальная же ее часть шла на уже освоенные рынки и в колониальные владения других стран. В Австралийский союз, в Алжир, Канаду, Британскую Индию, Турцию Германия вывозила во много раз больше товаров, чем в собственные – Самоа, Новую Гвинею, Камерун и Киао-Чао*. Мало того, в чужие колонии немцы вывозили значительно больше, чем собственно метрополии. Так, тоннаж германского флота, который осуществлял торговые поставки, с Сиамом равнялся 376 тыс. т, в то время как торговый трафик Франции в этот регион обеспечивался 25 кораблями водоизмещением не более 9 тыс. т**. Собственные колониальные приобретения Германии «были скорее символами власти, чем значимым подспорьем в достижении экономического развития и процветания»***.

Замечательно, что только четверть экспорта Германии шла на поставки в колониальные окраины, а $\frac{3}{4}$ вывозимых товаров поступало на европейские рынки. При этом главным потребителем немецкого товара являлась Англия. Так, в 1907 г. в Великобританию была ввезена седьмая часть экспортного товара Германии.

Экспорт Германии в Англию неуклонно увеличивался, а обратный поток промышленной продукции уменьшался даже в номенклатуре товаров, обеспечивающих нужды индустрии, о чем свидетельствуют данные взаимного обмена черными металлами.

Другим значительным рынком немецкого экспорта стал рынок Австро-Венгрии (717 млн марок). Приблизительно в одинаковой пропорции (на 400–450 млн марок) потребляли немецкие товары Франция, Бельгия, Голландия, Швейцария и Россия****.

* Баиов А. К. Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры. Таллин; Ревель. Б.и., 1927. С. 10–11.

** Там же. С. 11.

*** Гилберт М. Первая мировая война. М., 2002. С. 30.

**** Баиов А.К. Указ. соч. С. 12.

**Вывоз германских черных металлов
в Англию (тыс. марок)***

Годы	Стоимость экспортированного металла
1899	4298
1900	7886
1901	27 783
1902	49 361

**Вывоз английских черных
металлов в Германию (тыс. марок)**

Годы	Стоимость экспортированного металла
1899	35 837
1900	54 904
1901	15 760
1902	7220

Оценивая общее положение мирового рынка, профессор М. И. Туган-Барановский заметил: «Англии не удалось удержать прежней гегемонии – она лишилась – и навсегда – своего положения на мировом рынке»*. Освоение европейского рынка немецким капиталом совпадало с овладевающими обществом и надеждами на величие Германии. Вот что по этому поводу говорилось в популярном издании начала XX в.: «Несмотря на все значение, приписываемое нашим колониям, и наше решение не упускать ничего из виду для их развития, мы остаемся при убеждении, и при том еще на долгое время, что расширение наших границ в Европе имеет несравненно больше значения для будущего нации, чем все колонии мира»**.

Перед войной российский промышленный экспорт не превышал 70 млн рублей и составлял не более одного процента всего промышленного производства***. Нарождающаяся отечественная промышленность осваивала прежде всего собственный рынок. Правда, благодаря введенной графом С. Ю. Витте тарифной системе начиная с 1890 г. национальная текстильная промышленность росла темпами, позволявшими экспортировать ее продукцию в Персию и Китай в объемах, превышающих британские. И все же главным предметом экспорта России являлась сельхозпродукция. Российская империя поставляла на мировой рынок более 100 тыс. т зерна (1913 г.), что составляло 226 кг на каждого европейца. Экспорт сельскохозяйственной продукции носил некоммерческий характер и преследовал цель приобретения валютных средств для индустриализации. Так, например, российский сахар в Англии стоил дешевле, чем собственно в России, а хлеба Россия, ис-

* Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. С. 274.

** Туган-Барановский М. И. Основы политической экономики. СПб., 1909. С. 17.

*** Германия в начале 20-го столетия. 1900. С. 115–116; Цели войны Германии согласно немецким источникам. Париж. 1917.

**** Баиов А. К. Указ. соч. С. 15.

пытающаяся периодически проблемы со снабжением населения, вывозила больше, чем благополучная Канада.

Благодаря обеспечению золотым стандартом, внешнеторговый оборот России с 1890 по 1914 г. утроился и достиг 3 млрд рублей*. Рост внешней торговли России не свидетельствовал о сколько-нибудь значительном развитии ее промышленного потенциала. Слабая российская промышленность была ориентирована прежде всего на внутренний рынок, в то время как последний стал объектом конкуренции ведущих экономик мира.

До середины XIX в. его освоение шло приблизительно равномерно Англией, Германией и Францией. Но начало следующего века знаменовалось агрессивной немецкой экспансией.

Удельный вес Англии и Германии в российском импорте**

Период	Доля в общем импорте России (%)	
	Англия	Германия
1846–1848	29,2	15,7
1898–1902	18,6	4,6
1903–1907	14,8	37,2
1908–1912	13,4	41,6
январь 1913 – июнь 1914	12,8	48,9
январь–июнь 1914	13,3	49,6

По отдельным видам промышленной продукции немецкий импорт являлся определяющим. Замечательно, что из Германии импортировались в том числе товары, производимые отечественной промышленностью.

Таким образом, осуществление индустриализации и дальнейшее продвижение в направлении промышленного развития России настоятельно требовало по крайней мере ослабления немецкого прессинга на собственный рынок. Эта задача была тем более очевидной, что агрессивное продвижение экономических интересов Германии стало возможным благодаря поддержке государства вплоть до субсидирования предпринимательских проектов или их льготного кредитования***.

Германия целенаправленно вытесняла Россию с европейских рынков, в частности, в период, предшествующий великой войне, российская сельско-

* Уткин А. И. Первая мировая война. М., 2002. С. 21.

** Там же. С. 31.

*** Истягин Л. Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М., 1979. С. 46.

хозяйственная продукция была замещена немецкой на рынках Норвегии, Швеции, Дании. Ввоз ржи из России в Норвегию уменьшился с 188,9 тыс. т в 1901–1905 гг. до 4 тыс. т в 1912 г., а ввоз из Германии, соответственно, увеличился с 33,4 тыс. т до 114,3 тыс. т. Такая же тенденция была характерна по внешнеторговому обороту сельхозпродукции Швеции и Дании*.

Доля германского ввоза в Россию по отдельным группам товаров (1914 г.)**

Предметы галантерей и одежда	73%
Машиностроение	65%
Продукты металлургии и обработка металлов	63,7%
Керамические материалы и изделия	63,7%
Материалы и продукты химического производства	60,6%
Животные продукты и изделия	56%
Лесной товар и корзинные изделия	40,6%
Топливо, асфальт, смолы и продукты их обработки	35,75%
Прядильные материалы и изделия из них	32%

Импорт ржи в Швецию (%)

Годы	Экспорт из России	Экспорт из Германии
1901–1905	47,4	59,4
1906–1910	12,8	41,7
1911–1912	12,5	60,3

Политический контекст в экономических взаимоотношениях России и Германии проявился, в том числе в содержании торгового договора 1904 г., предусматривающего практически непреодолимые таможенные пошлины на российский хлеб, ввозимый на немецкий рынок. При подготовке в Германии нового торгового договора с Россией взамен прежнего 1894 г., срок действия которого истек, юнкерское лобби смогло продать таможенные тарифы (25 декабря 1902 г.), значительно увеличившие пошлины на ввоз сельскохозяйственной продукции. В свою очередь, Россия в начале 1903 г. также пересмотрела таможенные тарифные ставки. Величину новых тарифов

* Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 368.

** Вопросы внешней торговой политики России в русской современной печати. Пг., 1916. С. 38.

определяли надбавки на ввоз от 10% до 50%, используемые для пополнения бюджета в связи с расходами, последовавшими после «боксерского» восстания в Китае. Специальный тариф (до 20%) применялся на ввоз товаров германского происхождения, доставляемых через западную сухопутную границу. «В настоящее время этот тариф, – говорилось в докладе министра финансов России, – по опубликованию во всеобщее сведение будет служить средством предупредить германское правительство о том, что фабрично-заводской промышленности Германии в случае неуступчивости при переговорах грозит такой же ущерб, какой она наметила для нашей вывозной торговли, установлением оборонительных ставок на зерновые хлеба и другие продукты»*. Срок действия вновь подписанной конвенции был установлен до декабря 1917 г.

После заключения соглашения (1907 г.) Россия и Англия предпринимали меры активизации торгового сотрудничества. Так, в конце 1908 г. была учреждена Русско-английская торговая палата. Одновременно в Великобритании было основано Русское отделение Лондонской торговой палаты.

В 1909 г. в Русско-английскую торговую палату входило 433 члена, в том числе 27 крупнейших торгово-промышленных предприятий и 98 средних компаний. К началу Первой мировой войны число членов палаты удвоилось.

Торговый оборот с Англией в предвоенные годы рос, хотя и значительно меньшими темпами, чем российско-германский.

Торговля России с Англией в 1908–1913 гг. (в млн руб.) **

	Годы					
	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Вывоз в Англию	220,5	288,9	315,5	337	327,8	267,8
Ввоз в Англию	120,3	127,9	153,8	155,1	142,4	173,0
Положительный баланс	100,2	161,0	161,7	181,9	185,4	94,8

За счет экспортных поставок из Англии удалось решить многие проблемы модернизации российской армии. С 1896 по 1914 г. все востребованные армией пулеметы поставлялись английской фирмой «Виккерс». Кроме того, компания наладила производство пулеметов Максима в России. Британская фирма «Джон Брауни и К^о» сотрудничала с морским министерством в постройке линейных кораблей.

* Покровский С. А. Указ. соч.

** Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1914 год. Пг., 1916. Ч. I. С. 4.

Вместе с тем активизирующаяся перед войной торговля с Англией значительно отставала от российско-германского торгового оборота. За тот же период, с 1908 по 1913 г. российский экспорт в Германию вырос на 62,5%, а немецкий импорт на 90%. При этом отрицательное сальдо российско-германской торговли быстро увеличивалось, достигнув в 1913 г. 198,6 млн рублей*. «Капиталисты Англии не сумели нанести поражение германскому конкуренту на русском рынке»**. Следует заметить, что $\frac{3}{4}$ внешнеторгового оборота России обеспечивались морским транспортом, при этом 40% его принадлежало Англии***.

Можно с уверенностью утверждать, что борьба за российский рынок наряду с другими противоречиями стала причиной неразрешимого мирными средствами конфликта будущих акторов великой войны. И, безусловно, антагонизм интересов нарождающейся российской промышленности и немецкого капитала в этом сегменте мирового экономического пространства являлся определяющим.

Объектом нарастающей борьбы ведущих экономик мира стал рынок разваливающейся Османской империи.

В первой половине XIX в. Турция представляла собой страну с натуральным хозяйством и активным внешнеторговым балансом. Значительную часть турецкого вывоза в Европу составляли продукты туземной промышленности: ткани, сукно, пряжа и т. д. После Крымской войны и принятия Турцией в «европейский концерт держав» ситуация качественно изменилась. На рынки Порты хлынули англо-французские капиталы и товары. К 1911 г. собственный турецкий вывоз составлял только 36% внешнеторгового оборота. Не выдержав конкуренцию с товарами из Англии и Франции, прекратили существование целые отрасли промышленности Турции. Пришли в упадок ткацкие промыслы Скутари, Тырново и Алеппо, суконная и шелковая промышленность Ангоры и т. д.****

Доминирующее положение на рынке Турции занимала Великобритания.

Однако в начале XX в. на ведущее положение Англии стали посягать Германия и Австрия. Несмотря на масштабное проникновение австро-германского капитала, первенствующее место на турецком рынке прочно занимала Великобритания. Численность английских торгово-промышленных предприятий в Турции не превышала трех десятков. Однако сами предприятия

* Обзор внешней торговли России... С. 4.

** Игнатьев А. В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914 гг.). М., 1962. С. 50.

*** Там же. С. 53.

**** Раздел Азиатской Турции. По секретным документам б. Министерства иностранных дел. М., 1924. С. 6–7.

носили характер трестов, контролирующих целые отрасли экономики. Среди ведущих британских компаний особое место занимали: Восточная ковровая, объединявшая всю ковровую промышленность Анатолии, Фиговый трест (1912 г.) (The Smyrna Fig Packers Ltd.) в Смирне, монополизировавший вывоз фиг из Турции; Аптечный трест (Droguerie Centrale), контролирующий значительный сегмент рынка медикаментов; фирма I. W. Whittal Go, занимавшаяся поставкой в Порту зерна; общество доков (Societe Imperiale Ottomane cointressees des Docks, Arsenaux et Constructions Navales), обеспечивающее поставку докового оборудования и конструкций, и др.

Удельный вес держав мира во внешнеторговом обороте Турции*

Страны	Общая торговля с Турцией в 1913/1914 гг.		Торговля Смирны в 1906 г.	
	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт
Англия	20,0%	21,4%	32,3%	54,7%
Франция	8,8%	20,1%	9,6%	6,8%
Россия	8,5%	3,8%	2,7%	1,2%
Италия	6,5%	4,3%	9,9%	2,0%
В с е г о	40 809 680 ф.ст.	21 436 120 ф.ст.	3 448 516 ф.ст.	5 603 188 ф.ст.

В турецкой торговле Россия принимала малое участие. Накануне войны в турецком ввозе она занимала 5-е место (3 516 620 ф. ст. в 1913/14 гг.), в вывозе – даже 8-е место (831 040 ф. ст.).

Лишь накануне войны в русских правительственных и финансовых кругах возник план активной борьбы против австро-германского экономического влияния в Турции и на Балканах. Была снаряжена специальная экспедиция для обследования Ближнего Востока**; проектировалось создать в Константинополе Русско-турецкий банк, аналогичный учрежденному в Салониках. Однако при отсутствии свободных капиталов и значительных экономических интересов России в Турции все эти планы не увенчались положительными результатами.

Приблизительно такое же место, как и Россия, занимала в хозяйственной жизни Турции Италия. Ее доля в османском долге была ничтожна (5%), ни одна железная дорога Анатолии не принадлежала ей; наконец, итальянский

* Там же. С. 14.

** Результатом ее работ явился труд: «Ближний Восток, как рынок сбыта русских товаров», изданный под редакцией В. И. Лисенко, Министерством торговли и промышленности (СПб., 1913).

капитал не участвовал ни в одном из крупных международных предприятий. Несмотря на исключительные удобства морской связи с портами Анатолии, итальянцы играли весьма скромную роль и в турецкой торговле. В общеоттоманском ввозе они занимали (в 1913/14 гг.) лишь 6-е место, в вывозе – 7-е, т. е. шли почти рядом с Россией*.

Отношения немецкого и французского капиталов приобрели острый характер в Сирии и Киликии (Аданский вилайет). Сирийское направление, являвшееся своего рода центром, связывающим Европу, Азию и Африку, имело стратегическое значение, обеспечивающее контроль за путями, соединяющими великие державы с их восточными колониями. В этой связи Франция поощряла активное проникновение на рынок Сирии. К 1914 г. 32% ввоза на сирийский рынок обеспечивалось французским капиталом (Англия – 9,7%)**. Однако строительство Багдадской железной дороги ставило под сомнение приоритетное место Франции в этом стратегически важном регионе. Еще большую озабоченность вызывало проникновение Германии в Киликию. Предметом немецко-французского противоборства стало хлопководство вилайета.

Первые обратили внимание на киликийское хлопководство немцы. В 1903 г. они учредили германо-левантинское хлопковое общество (Deutsche Levantinische Baumwollgesellschaft), которое в короткий срок монополизировало весь вывоз хлопка и приступило к оборудованию нескольких больших хлопкоочистительных заводов.

В то же время французская текстильная отрасль испытывала хронический хлопковый голод. Мировое производство этого сырья было сосредоточено в Соединенных Штатах Америки (70%), в Британских Индии (15%) и Египте (5%). Французские текстильные предприятия ввозили из этих стран 92,6% сырца. На долю собственных колоний Франции приходилось до войны 7,4% ввоза хлопка. Киликия теоретически могла бы покрыть всю нужду Франции в этом продукте. Однако до мировой войны ей не удалось сколько-нибудь прочно экономически утвердиться в Киликии.

Нацеленность немецкой Багдадской железной дороги противоречила намерениям Великобритании монополизировать зерно и нефть региона, располагавшегося между Тигром и Евфратом. Высокое плодородие почвы Месопотамии, проистекающее, как и земледельческих районов Египта, из отложений речного ила, обеспечивало ее важнейшее место в снабжении зерном всей Передней Азии, в экспорте в Аравию, Индию и другие страны. Почвенные условия Месопотамии также были исключительно благоприятны для производства хлопка.

* Раздел Азиатской Турции. С. 16–17.

** Раздел Азиатской Турции. С. 19.

Еще более крупным представлялось значение Месопотамии как связующего территориального звена, основную водную магистраль которого образовывали течение великих рек Тигра и Евфрата, судоходных до Багдада. Из последнего, по течению реки Диалы, пересекающей малодоступные хребты Загроша, открывался путь на Иранское плоскогорье. С древнейших времен именно по этому пути происходили культурные, политические и торговые сношения между Ираном и Месопотамией. Благодаря этому обстоятельству открытие Суэцкого канала не только не нанесло ущерба торговле Багдада и Бассоры, но, наоборот, значительно увеличило ее, приведя в оживленную связь с европейско-американской морской торговлей.

Коммерческие обороты Багдада росли с необычайной быстротой: за 13 предвоенных лет экспорт и импорт Багдада увеличился в 2,5 раза*.

Экономическое утверждение англичан в Месопотамии происходило по течению великих рек. В 1861 г. Линч образовал компанию пароходства по Тигру и Евфрату, и с тех пор англичане фактически монополизировали все речное судоходство. Целый ряд англо-турецких соглашений (важнейшие в 1913 г.) расширили права компании Линча, распространив сферу деятельности ее по Шат-эль-Арабу. Так как все коммерческое сношение по Персидскому заливу также было монополизировано англичанами, то они оказались хозяевами всей внешней торговли Месопотамии. В 1912 г. 90% всех морских судов, посетивших Персидский залив, ходило под британским флагом. Лишь стремительное проникновение Германии поколебало эту давнишнюю гегемонию Англии. Ее тоннаж в Персидском заливе начал падать, что же касается до компании Линча, то она принуждена была заключить с Deutsch Bank соглашение (1912 г.) об образовании совместного Общества речного транспорта на Востоке (Societe des transports fluviaux en Orient), акции которого были поровну поделены между ними.

Несмотря на это, Англия вплоть до мировой войны сохраняла первенствующее место во внешней торговле Месопотамии, как это показывают данные торговых оборотов Багдада за 1909–1913 гг.**

	Экспорт		Импорт	
	1909	1913	1909	1913
Великобритания	33,4%	32,6%	55,8%	45,1%
Соединенные Штаты Америки	17,7%	18,4%	0,01%	0,3%
Франция	15,3%	19,4%	5,6%	2,8%
Германия	3,7%	6,2%	1,7%	5%
Другие страны	29,9%	23,4%	36,8%	46,2%

* Раздел Азиатской Турции. С. 22.

** Раздел Азиатской Турции. С. 25.

Как видим из приведенных данных, Англия сохранила первое место и в экспорте и в импорте, хотя ее участие в месопотамской торговле за четыре довоенных года неуклонно падало.

Проводниками английских торговых и финансовых интересов являлись Восточный банк (Eastern Bank Ltd.), имеющий свой филиал в Багдаде, а также шесть торговых фирм в том же городе (из общего числа восьми иностранных фирм).

Гораздо более медленным темпом происходило экономическое внедрение России в турецкую Армению – область, издавна избранную ею в качестве своей доли наследства «большого человека». От центра страны – Эрзерума – до русской границы, вплоть до войны, отсутствовала даже хорошая шоссе-ная дорога. Эрзерум не был соединен телеграфом с Карсом. Отделение Оттоманского банка в Эрзеруме не принимало переводов на Россию, и, наконец, почтовая контора не принимала на Россию ни денежной, ни заказной корреспонденции, так же как и посылок.

При таких условиях наладить сколько-нибудь значительные торговые связи с Арменией почти не представлялось возможным. Все же накануне войны торговля России с турецкой Арменией обнаружила некоторый прогресс. В 1911 г. в Ванский вилайет было ввезено товаров на 1,144 тыс. рублей, из которых на долю России приходилось около 30%.

Во все вилайеты турецкой Армении в 1911 г. было ввезено из России всего 695 пудов товаров против 639 пудов 1910 г., причем ценность ввоза, хотя и незначительно, но понизилась. Главными продуктами русского ввоза были: сахар, спирт, железо и керосин; вывоза – скот, хлопок, невыделанные кожи*.

Как бы то ни было, вопрос о развитии торговых связей с Арменией был поставлен русскими промышленниками. Крупный купец Д. И. Давидов следующим образом высказался в записке, представленной съезду представителей промышленности и торговли: «Россия, находясь в столь близком соседстве с Турцией, сильно отстала в сбыте своих товаров по сравнению с европейцами, которые, несмотря на несколько тысяч верст, отделяющих их от Эрзерумского вилайета, торгуют ежегодно, только в пределах названного вилайета, не менее, чем на 20 млн рублей. Турецкая Армения легко могла бы стать русским рынком, если бы такие учреждения, как совет съездов и министерство торговли обратили на нее должное внимание»**.

В конкуренцию мировых держав за рынки была вовлечена экономика Ирана. Каджарской династии, утвердившейся на шахском престоле, не удалось улучшить материальное положение населения. Для укрепления собственной власти шахский режим пошел на расширение доступа в Персию

* Раздел Азиатской Турции. С. 27.

** Там же.

иностранный торговый капитал. Преференциями власти воспользовались прежде всего англичане. В 40–70-х годах XIX столетия с большинством европейских держав были заключены соглашения, открывающие внутренний иранский рынок иностранным товарам. В июне 1873 г. был подписан германо-иранский договор «О дружбе, торговле и навигации», являвшийся вплоть до Первой мировой войны политико-правовой основой отношений двух стран. Помимо режима наибольшего благоприятствования договор предусматривал деятельность на территории Ирана трех немецких консульств: в Тегеране, Тебризе и Бендер-Бушире, и гарантий безопасности, в случае народных волнений, немецким коммерсантам.

Умело используя англо-русские противоречия в Средней Азии, Германия стремилась получить от обеих соперничавших сторон уступок в продвижении собственных интересов.

В Иране, как и в других регионах мира, господствующее положение Англии на рынках было поставлено под сомнение напором немецкого капитала. Вплоть до начала XX в. Великобритания рассчитывала скоординировать свои усилия по контролю иранского рынка с Германией, противопоставив объединенные усилия укреплению позиций России.

Используя позицию шаха, утверждавшего, что «русские более опасны, чем англичане, потому, что они менее ненавидимы мусульманами», английскому барону Рейтеру удалось получить концессию, дающую право контролировать практически всю экономическую деятельность на территории страны*. Русское правительство опротестовало перед шахом концессию Рейтера как дающую односторонние преимущества Великобритании.

Будучи канцлером, О. Бисмарк препятствовал попыткам противопоставить немецкие интересы российским. Однако со сменой кабинета министров торговая политика в Иране стала носить значительно более агрессивный характер. Доля Ирана в 1897–1902 гг. в торговле Германии со Средним Востоком составляла в экспорте 4/5 и в вывозе 3/4**.

С целью оградить национальные интересы от английского и германского торгового капитала Россия закрыла транзит иностранных товаров через Батуми (ранее открытый для активизации экономической жизни Закавказья), заставив двигаться немецкие и английские товары по длинному пути: Трапезунд – Эрзерум – Тебриз.

В 1883 г. германский вывоз сократился почти на 60% по сравнению с 1882 г. За 15 лет (1882–1896 гг.) германский экспорт лишь четыре раза (в 1884, 1888, 1889, 1895 гг.) превышал уровень 1882 г., последнего перед закрытием батумского транзита. Импорт в 1883–1884 гг. упал практически до нуля.

* Истягин Л. Г. Указ. соч. С. 13.

** Истягин Л. Г. Указ. соч. С. 23.

До 1889 г. он оставался в 3 раза меньшим, чем в 1882 г., но начиная с 1889 г. сделал скачок вверх и в 90-е годы при значительных колебаниях в отдельные годы сохранился на уровне 200%, а в 1895 г. достиг рекордного уровня – 337,9%.

Немецкий импорт в Иран несколько превышал экспорт. В целом торговля с Германией являлась убыточной для Ирана, и только российский вывоз превышал ввоз, чем обеспечивал приток в страну валютных ресурсов*.

Закрытие батумского транзита вызвало в Германии волну недовольства «неправильной торговой политикой, которую приводят руководящие деятели России»**. Немецкий вывоз из Ирана не был разнообразным и включал сушеные фрукты, мех, шерсть, кожи, естественные красители, дерево, гуммиарабик. В то же время ввоз, напротив, отличался дробностью и разнообразием. Немецкие коммерсанты постепенно нащупывали реперные точки освоения иранского рынка. Особое место в ряду немецкого экспорта в Иран составляли изделия быстро растущей текстильной и шелковой промышленности. Текстильные фирмы Эльберсфельда и Бармена заняли внушительное место на рынке Ирана.

В этом сегменте торговых отношений интересы Германии сталкивались с коммерческой инициативой французского Лиона и российских текстильщиков Москвы и Иваново. В 1896 г. русский консул докладывал в Санкт-Петербург: «В ряду европейских сукон, первое место по распространенности занимают немецкие, затем английские и австрийские. Русские сукна превосходят доброкачеством немецкие и австрийские, но стоят дороже»***.

Австрийский ввоз в Иран сахара наносил ущерб традиционным поставкам этого продукта Францией из Марселя и Россией из Одессы. В 1885–1886 гг., когда в Трапезунде появился сахар с одесского завода Бродского, австро-германские агенты распространили слух, будто блеск русского сахара – это следствие подмешивания в его состав толченого стекла.

В 1890 г. в Иране открылся русский Учетно-ссудный банк, а годом раньше барон Рейтер учредил Шахиншахский банк.

С принятием в Германии решения о строительстве Багдадской железной дороги ее товарный натиск на рынки Ирана резко возрос. За пять предшествующих концессии лет общий товарооборот Германии с Ираном резко возрос (увеличился на 83%). Германский экспорт за это время утроился, а импорт вырос всего на 28%. Однако к концу XIX в. Германии и Австрии не удалось добиться лидирующих позиций в торговле Ирана (15%), в которой

* Там же.

** Там же.

*** *Истягин Л. Г.* Указ. соч. С. 25.

45% приходилось на Россию, 20% на Англию*. Вместе с тем поставка продукции химической, текстильной и шелковой промышленности, машин, галантереи, парфюмерии и швейных изделий через Трапезунд наращивалась с каждым годом.

Проникновение Германии на иранские рынки приобрело новое качество с появлением нового субъекта торговых отношений: Торгового дома Роберта Венкхауза из Бремена. О возросшем внимании немецкого государства к иранским рынкам, в связи со строительством Багдадской железной дороги, говорит тот факт, что становление компании Венкхауза происходило форсированно благодаря государственной финансовой поддержке. Начав с торговли раковин, окрепнув, Торговый дом Венкхауза стал инициатором и агентом компании «Гамбург–Америка–Линие», связавшей Германию с портами Персидского залива.

С начала XX в. по последний предвоенный год (1913) немецкий экспорт в Иран вырос в 4 раза и достиг стоимостного выражения в 4 млн 607 тыс. марок, а импорт – в 7 раз и оценивался в 7 млн 683 тыс. марок**. Обойдя свою союзницу Австро-Венгрию, Германия вышла на третью позицию (после России и Англии) в товарообороте Ирана. В 1913/14 гг. на Россию приходилось 55% от всего иранского импорта, 66% экспорта, удельный вес Англии, соответственно, составлял 28% и 11%***.

В 1903 г. Иран вступил во Всемирный почтовый союз. С тех пор товарная экспансия Германии в Иран через почтовое сообщение стала предметом озабоченности российского правительства. С 1904 по 1914 г. посылка почтовых грузов (транзитом через Россию) увеличилась на 52%****. В сентябре 1913 г. царское правительство заявило о прекращении с 1 января 1914 г. почтового транзита через два пункта – Джульфа и Ашхабад.

Первой мировой войне предшествовала острая конкурентная борьба на балканских рынках. Объем торговли Германии с Болгарией за десять предвоенных лет возрос в 19 раз, с Турцией – в 17 раз, на Германию приходилось в 1912–1914 гг. 60% экспорта и 40% импорта Румынии. В Сербии Германия стремилась вытеснить с рынков свою союзницу Австро-Венгрию*****. К 1913 г. Германия и Австро-Венгрия обеспечивали около двух третей болгарского ввоза и более трех пятых болгарского вывоза. Первый крупный иностранный банк был основан в Болгарии немецкими финансистами*****.

* Там же. С. 39–41.

** *Истягин Л. Г.* Указ. соч. С. 169.

*** Там же. С. 173.

**** Там же. С. 176.

***** *Писарев А. Ю.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1986. С. 15.

***** *Галкин И. С.* Балканские страны в 1870–1914 гг. М., 1950. С. 17.

Конкуренцию германскому торговому капиталу на Балканах, пользуясь доминированием в финансовой сфере, составляли коммерсанты Франции. В частности, французский бизнес стремился монополизировать продажу оружия в Сербию. С 1908 по 1911 г. французская компания «Шнейдер-Крезю» поставила в Сербию оружия и боеприпасов на сумму 45 млн франков.

Министр иностранных дел С. Д. Сазонов о политике Франции на Балканах докладывал императору Николаю II в 1912 г.: «Во Франции осложнения на Балканах вызывают двоякого рода опасения, которыми и определяется отношение нашей союзницы к настоящим событиям. Во-первых, ей внушает беспокойство мысль, что балканские события могут так или иначе вызвать вмешательство наиболее заинтересованных держав, т. е. России и Австрии, а это, в свою очередь, может втянуть в войну Францию. Во-вторых, поместив в разные предприятия на Балканском полуострове значительные капиталы, французы не могут смотреть на разгорающуюся там смуту, от которой они терпят материальные убытки»*.

В начале XX в. рынки Балкан усиленно осваивались Великобританией. Накануне Первой мировой войны Англия, занимая 1-е место, обеспечивала 35,3% ввоза товаров на Балканы.

Россия значительно уступала в конкуренции за балканские рынки. В начале XX столетия по экспорту своих товаров в Болгарию занимала лишь 7–8-е место, а в Сербию и Румынию 5–6-е место. Российский экспорт в балканские страны в основном состоял из сельскохозяйственных товаров, импорт с Балкан также состоял из сельхозпродукции, в которой, собственно, российский рынок мало нуждался: например, Сербия экспортировала в Россию чернослив, Болгария – табак. Импорт в Россию из балканских стран не превышал 1–3% общего ввоза.

В начале XX в. в российский экспорт на Балканы, в ограниченных размерах, были включены продукты нефтепереработки, резиновые изделия, текстиль. Однако эти товары встречали серьезную конкуренцию со стороны ввозимых из западных стран, а российские нефтепродукты конкурировали с румынскими**.

Одним из факторов неконкурентоспособности российского экспорта являлась дороговизна транспортных расходов на доставку товара, обеспечиваемую давно устаревшими и нерентабельными дунайскими пароходствами «Князя Юрия Гагарина и К°» и Общества российско-дунайского пароходства. Транспортировка этими пароходствами обходилась дороже на 1–2 франка за каждую тонну, чем перевозка товара австрийскими, венгерскими и румынскими пароходами. В 1902 г. было установлено прямое железнодорожное со-

* Красный архив. 1923. Т. 3. С. 25–26.

** Писарев Ю. А. Указ. соч. С. 47.

общение России с Сербией. Однако провоз товара через территорию других стран облагался значительными пошлинами.

В самый канун войны российское правительство предпринимало отчаянные попытки активизировать торговые сношения с балканскими странами. В мае 1911 г. в Одессе по инициативе правительства Общество российско-дунайского пароходства организовало совещание болгарской и российской палат по улучшению торговых отношений. В этом же году в Петербурге было проведено особое совещание для обсуждения вопроса о мерах по развитию торговли с Балканскими странами. Было принято решение: «1) понизить железнодорожные тарифы и пароходные фрахты на ряд товаров; 2) улучшить условия морских перевозок; 3) установить прямое железнодорожное сообщение с Турцией; 4) упростить таможенные формальности и расширить таможенные льготы; 5) направить на Балканы и в Малую Азию экспедицию для обследования местных рынков и установления с ними связей. В состав экспедиции были включены представители нефтяной, горной, мукомольной, сахарной и лесной промышленности, а также представители двух крупнейших банков: Русского для внешней торговли банка и Азиатско-Донского банка»*.

Весной 1912 г. было создано юго-западное отделение Российской экспортной палаты для расширения торговых связей России с Балканами.

«На Восток, – заявил в своей речи председатель палаты М. В. Довнар-Запольский, – мы можем прийти не только со своими бумажными тканями, мы можем привезти не только суконные изделия и т. п., но туда пойдут наши машины, особенно сельскохозяйственные... туда пойдет нефть, железо, уголь. Мы должны развивать, культивировать Восток, не допуская на нем иностранных конкурентов»**.

Многие фабриканты проявляли инициативу по проникновению на балканский рынок. Так, фирма нефтяных магнатов братьев Нобель оборудовала в болгарских городах Систово, Варна и Бургас резервуары нефти, в Сербии четыре московских монополии, в том числе Торгово-промышленный дом Саввы Морозова, создали свои постоянные представительства. Вслед за ними на Балканы потянулись компания «Треугольник», начавшая сбывать свою резиновую продукцию, акционерное общество банкиров братьев Маврокордато.

Большие усилия для сохранения присутствия на рынках Балканских стран были предприняты Австро-Венгрией. В 1904 г. по инициативе Министерства торговли Австрии было учреждено Общество поощрения торговли с Востоком. Широкие масштабы на Балканах приобрело австрийское и венгерское коммивояжерство «странствующих приказчиков», которые пре-

* Писарев Ю. А. Указ. соч. С. 52.

** Там же. С. 50.

доставляли местным торговым компаниям и частным торговцам кредит и консультации при оформлении коммерческих операций*. Благодаря австро-германской победе в экономическом соревновании с другими странами к весне 1913 г. в болгарской политике возобладала тенденция, ведущая ее к объединению со странами Тройственного союза**.

Инициатива немецких коммерсантов не обошла и Американский континент. Несмотря на политику США, форматированную в соответствии с «доктриной Монро», перед Первой мировой войной торговый капитал Германии активно проникал в страны Латинской Америки, прежде всего в Аргентину и Бразилию***.

Доминирование на мировых рынках позволило Германии артикулировать свои претензии на мировое господство, озвученные словами Танненберга: «Весьма трудно определить точную цифру, но я возьму целое германской торговли (товарооборота. – *Авт.*), равняющееся торговле Германии, увеличенной на половину торговли Голландии, Бельгии, Швейцарии и Австрии и допущу, что другая половина представляет торговлю этих стран с Германией. Мы достигаем, таким образом, итога оборотов в 24 миллиарда, цифра изумительная по своему значению. Мы побиваем таким образом Англию на три миллиарда.

Одной этой цифры достаточно, чтобы указать немецкому народу его место в мире. Таким образом, нам приходится первое место, как всемирному государству, так и во всемирном господстве»****.

Борьба за мировые рынки для Германии к началу второго десятилетия XX в. носила судьбоносное значение. Характеризуя зависимость Германии от внешнеторговых рынков, Роза Люксембург писала: «Мы едим хлеб из русской ржи и пшеницы, мясо венгерского, русского и датского скота; рис, который мы потребляем, приходит к нам из Ост-Индии и Сев. Америки, а табак – из Голландской Индии и Бразилии; мы получаем какао из Западной Африки; перец из Индии; свиное сало из Соед. Штатов; чай из Китая; фрукты из Италии, Испании, Соед. Штатов; кофе из Бразилии, Центральной Африки и Голландской Индии; мясной экстракт из Уругвая; яйца из России, Венгрии и Болгарии; сигары с острова Кубы; карманные часы из Швейцарии; шипучие вина из Франции; воловьш шкуры из аргентины; пух и перья из Китая; шелк из Италии и Франции; лен и кожи из России; хлопок из Соед. Штатов, Индии и Египта; тонкую шерсть из Англии, джут из Индии... определенные

* Писарев Ю. А. Указ. соч. С. 52.

** Звавич А. И. Обострение противоречий между империалистическими державами накануне Первой мировой войны. М., 1962. С. 77.

*** Строганов А. И. Новейшая история Латинской Америки. М., 1995. С. 10.

**** Цели войны Германии согласно немецким источникам. Париж. 1917. С. 33–34.

сорта каменного угля из Англии; ...селитру из Чили; строительный лес из России» и т. д.*

Л и т е р а т у р а

1. *Баиов А. К.* Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры. Таллин; Ревель. Б.и., 1927.
2. Ближний Восток, как рынок сбыта русских товаров / под ред. В. И. Лисенко. СПб., 1913.
3. Вопросы внешней торговой политики России в русской современной печати. Пг., 1916.
4. *Галкин И. С.* Балканские страны в 1870–1914 гг. М., 1950. – 39 с.
5. Германия в начале 20-го столетия. 1900.
6. *Гилберт М.* Первая мировая война. М., 2002.
7. *Звавич А. И.* Обострение противоречий между империалистическими державами накануне Первой мировой войны. М., 1962. – 144 с.
8. *Зуев Ф.* Международные отношения накануне и в годы Первой мировой войны. М., 1956. – 185 с.
9. *Игнатъев А. В.* Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914 гг.). М., 1962.
10. *Истягин Л. Г.* Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М., 1979. – 221 с.
11. Красный архив. 1923. Т. 3.
12. *Люксембург Р.* Введение в политическую экономию. М., 1931. – 328 с.
13. *Миллер А. Ф.* Турция и Германия в годы Первой мировой войны. М., 1944. – 28 с.
14. Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1914 год. Ч. I. Пг., 1916.
15. *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. – 289 с.
16. *Покровский С. А.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.
17. Раздел Азиатской Турции. По секретным документам б. Министерства иностранных дел. М., 1924.
18. *Строганов А. И.* Новейшая история Латинской Америки. М., 1995. – 415 с.
19. *Тузан-Барановский М. И.* Основы политической экономики. СПб. 1909. – 771 с.
20. *Уткин А. И.* Первая мировая война. М., 2002. – 336 с.
21. *Хальгартен Г.* Империализм до 1914 года. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. – 700 с.
22. Цели войны Германии согласно немецким источникам. Париж, 1917.

* *Люксембург Р.* Введение в политическую экономию. М., 1931. С. 13–14.

22. ЭКОНОМИКА АНГЛИИ МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

22.1. Депрессия

Казалось бы, Англия должна была выиграть от результатов Первой мировой войны: она была одной из стран-победительниц. Ее главный конкурент, Германия, был разгромлен и на какое-то время выбыл из строя. К Англии перешла часть германских колоний. Но выигранная война ухудшила положение английской экономики. В ходе войны Англия потеряла 70% своего торгового флота. Связи с колониями ослабли: между метрополией и колониями лежали океаны, где караулили немецкие субмарины.

Значительная часть германских репараций приходилась на долю Англии, но ее государственный долг за время войны вырос в 12 раз – с 700 млн до 8 млрд фунтов стерлингов, и на его погашение уходило до 40% государственного бюджета. Фунт стерлингов обесценивался. До войны Англия была главным кредитором США. Теперь роли переменялись: США стали главным кредитором Англии. Финансовый центр мира переместился из Лондона в Нью-Йорк, и теперь уже не фунт стерлингов, а доллар стал мировой валютой.

Весь период между мировыми войнами английская промышленность испытывала хроническую депрессию с массовой безработицей и недогрузкой производственных мощностей. Англии приходилось хуже, чем другим странам, потому что главную роль в ее хозяйстве играли традиционные, «старые» отрасли – угольная, металлургическая, текстильная, а эти отрасли теперь в мировых масштабах оттеснялись «новыми». Мир переходил от паровых машин к двигателям внутреннего сгорания, а эти двигатели требовали жидкое топливо. Масса черного металла требовалась для строительства железных дорог, для массивных паровых двигателей; новая же техника требовала больше цветных сплавов: самолет – это не паровоз. Сбыт английских текстильных товаров за границу уменьшился, потому что даже английские колонии во время войны завели свою текстильную промышленность, а, кроме того, английские ткани в Азии вытеснялись японскими, более дешевыми.

Правда, во время войны в Англии стали развиваться «новые» отрасли: химическая, автомобильная, электротехническая, авиационная, но удельный вес этих новых отраслей был пока невысок, и они не могли стать основой нового промышленного подъема. Их доля не достигала и 10% общего объема

промышленной продукции. По их развитию Англия уже не была мировым лидером. В отличие от старых, ориентированных в основном на экспорт, продукция новых отраслей сбывалась преимущественно внутри страны. А старые за весь период между войнами так и не смогли восстановить довоенный уровень производства.

В связи с этим изменилось и географическое размещение промышленности. Естественно, угольная и металлургическая промышленности располагались там, где был уголь и железная руда. Текстильная промышленность тоже зависела от угольных месторождений, поскольку использовала в основном паровые двигатели. Кроме того, она перерабатывала импортное сырье, и ее продукция была предназначена в основном для экспорта, поэтому она развивалась поблизости от морских портов. Естественно, и судостроение развивалось в портовых городах. Поэтому старая промышленность не размещалась равномерно по территории Англии, а располагалась «гнездами» в определенных районах.

А поскольку в это время происходил переход от паровой энергии к электрической, не было необходимости строить новые предприятия вблизи месторождений каменного угля. К тому же на новых местах и земля была значительно дешевле. Поэтому новые отрасли развивались за пределами традиционных промышленных районов.

А старые районы приходят в упадок, становятся «районами депрессии»: угольный район Уэллса, где даже в период подъема 20-х гг. безработица оставалась на уровне 37%, текстильные районы Ланкашира, судостроительный район Клайда и др.

Происходило и еще одно изменение. Поскольку английские товары вытеснялись с мировых рынков дешевой продукцией Японии, США и других стран и даже в колониях развивалась своя промышленность, английские промышленники старались выигрывать на качестве своей продукции. Английская промышленность выпускала дорогостоящие изделия, требующие труда высшей квалификации: дорогие ткани, обувь, машины, автомобили. К Англии теперь переходит в какой-то степени специализация французской промышленности – производство предметов роскоши, товаров для богатей.

Мировой промышленный подъем 20-х гг. в Англии проявлялся очень слабо. Она была единственной из индустриальных стран, где к середине 20-х гг. довоенный уровень промышленного производства еще не был восстановлен. Он был достигнут лишь в 1929 г., когда промышленное производство составило 100,5% по отношению к уровню 1913 г. Но старые отрасли и в этом году не достигли довоенного уровня. Добыча угля была меньше довоенной на 17%. Выплавка чугуна – вдвое меньше, чем до войны. По промышленности в целом довоенный уровень был восстановлен за счет новых отраслей.

Доля Англии в мировом промышленном производстве упала с 14% в 1913 г. до 10% в 1929 г.

Но в 1929 г. начался экономический кризис. Промышленное производство Англии упало на 32%. Это было меньше, чем в других странах. Сокращение производства по капиталистическому миру в целом составило 44%, а в США оно сократилось вдвое. В Англии сокращение было меньше, потому что кризису не предшествовал бурный промышленный подъем.

После кризиса экономический цикл снова перешел в фазу подъема, но этот подъем был уже связан с гонкой вооружений накануне Второй мировой войны. В 1938 г. промышленное производство Англии лишь на 17% превысило уровень 1913 г. Для сравнения: в США промышленное производство к этому времени выросло на 43% сравнительно с довоенным, в Германии – на 49%.

До Первой мировой войны Англия отставала от других стран по концентрации производства и образованию монополий. Однако в военные годы, когда выгодные государственные заказы получали крупнейшие фирмы, а также в годы межвоенных кризисов и депрессии, когда слабые фирмы неуклонно разорялись, процесс монополизации промышленности Англии усилился.

В металлургии господствующее положение заняла «Инглиш Стил Корпорейшн», в химической промышленности – «Империал Кемикл Индастриз». Этот химический концерн возник как транснациональная корпорация: его предприятия находились в Канаде, Австралии и даже в США.

В нефтяной промышленности сложились две монополии: англо-голландский трест «Ройял Датч Шелл» и «Бритиш Петролеум». Англо-голландской была и крупнейшая монополия пищевой промышленности мира – концерн «Юнилевер», который охватывал 400 компаний в разных странах. Концерн в основном перерабатывал сырье из Африки – кокосовые и земляные орехи и плоды других масличных культур. Больше половины занятых в концерне занималось добычей и первичной обработкой сырья на местах. На предприятиях концерна это сырье перерабатывалось на мыло, маргарин и другие продукты. Конечно, сохраняла ведущее положение и основанная до войны военно-металлургическая корпорация «Виккерс».

Уже из этого краткого перечня вырисовываются особенности английских монополий – их колониальный и международный характер. Две из перечисленных корпораций даже по названию были международными, а три перерабатывали колониальное сырье: ведь нефтяные монополии возникли значительно раньше, чем в Англии нашли «свою» нефть. Именно колониальные и транснациональные корпорации «Ройял Датч Шелл» и «Юнилевер» сохраняют ведущее положение в мировой экономике до наших дней.

К началу Первой мировой войны сельское хозяйство Англии свелось преимущественно к пригородному, а до 60% потребляемого продовольствия импортировалось. При этом если в самой Англии производилась половина продуктов животноводства, то здесь собиралась лишь пятая часть потребляемой пшеницы.

Но во время войны, когда Германия топила суда, которые шли с продовольствием в Англию, в стране возник продовольственный дефицит и начался рост сельскохозяйственного производства. Сбор зерна увеличился на 32%, картофеля – на 59%. Правда, производство мяса сократилось на 30%, потому что 3,75 млн акров пастбищ было распаханано под зерновые. И все же собственного продовольствия не хватало. «Если страна вступила в войну, будучи обеспеченной продовольствием из собственных источников, достаточным для 125 дней из 365, – писал Т. Миддлтон, – то в год подписания перемирия она собрала урожай, достаточный для снабжения продовольствием в течение 155 дней из 365».

После войны снова увеличился приток дешевых привозных продуктов, и цены упали вдвое. Если в 1920 г. квартал пшеницы стоил 80 шиллингов, то в 1923 г. – 42 шиллинга. 2 млн га пашни снова были заброшены.

Накануне Второй мировой войны, опасаясь повторения продовольственных трудностей, английское правительство начинает субсидировать сельское хозяйство, устанавливает гарантированные цены на основные продукты. Однако эти субсидии составляли только 8% стоимости сельскохозяйственной продукции, и к началу войны в стране производилось только 30% потребляемого продовольствия.

В годы Второй мировой войны ситуация повторилась. Посевная площадь выросла с 12 млн акров в 1939 г. до 18 млн в 1945 г. Вдвое увеличились сборы картофеля. Но даже после этого доля внутреннего производства потребляемого продовольствия выросла только с 30 до 40%.

Охватившая английское хозяйство депрессия не могла не отразиться на политической жизни Англии. На первый план выдвинулась партия лейбористов, и если прежде власть делили тори и виги, консерваторы и либералы, то теперь двумя ведущими партиями стали консерваторы и лейбористы. Лейбористы оттеснили либералов на задний план.

Этому способствовал избирательный закон 1918 г., по которому избирательное право получили все мужчины, достигшие 21 года, и женщины с 30 лет. Количество избирателей выросло с 8 до 21 млн. В этом же году в партии лейбористов вводится индивидуальное членство. Прежде допускалось лишь коллективное: лейбористами были только члены тред-юнионов и социалистических организаций. Вступая в профсоюз, человек автоматически становился членом партии. А теперь можно было вступать в партию и нечле-

нам профсоюза. Состав партии пополнился профессиональными политическими деятелями.

Либеральная партия складывалась в период «классического» капитализма, и ее главными программными требованиями были требования свободы торговли и предпринимательства, т. е. требования буржуазии того времени, когда Англия господствовала в мировой экономике. Но в новых условиях свобода торговли потеряла прежнюю актуальность. Нужно было возвращаться к протекционизму. На смену свободному предпринимательству пришло господство монополий, и партия консерваторов теперь представляла интересы не столько лендлордов, сколько монополистической буржуазии.

А среди низов населения, за счет которых увеличилось число избирателей, была отчетливой тяга к социалистическим лозунгам, провозглашенным в программе лейбористов – требование национализации угольной промышленности, железных дорог, электростанций. В 1924 г. было сформировано первое лейбористское правительство, в 1929 г. – второе.

22.2. Протекционизм и империя

Внешняя торговля для английской экономики имела более важное значение, чем для хозяйства других стран. Когда Англия была «фабрикой мира», она из всех стран получала сырье и продовольствие и во все страны вывозила промышленные товары. Глава экономического исследовательского отдела Лиги Наций Лавдэй писал в 1930 г., что «не процветание, а само существование Англии зависит от продажи ею своих товаров за границей». Промышленность была ориентирована на экспорт, весь хлопок, почти вся шерсть и около 60% продовольствия импортировались.

Эта зависимость от внешней торговли сохранилась и после войны. Но доля Англии в мировой торговле падает. Если мировой экспорт к 1929 г. уже на четверть превысил уровень 1913 г., то английский оставался на 13% ниже довоенного. Доля Англии в мировом экспорте сократилась с 14% в 1913 г. до 11% в 1929 г.

Во время войны, когда связи с колониями ослабли, там стала развиваться своя промышленность, и теперь они не столь нуждались в английских промышленных товарах. С азиатских рынков Англию вытеснял дешевый японский текстиль. Главным конкурентом Британии на мировых рынках стали США, укрепившие свои позиции в годы войны. Особенно успешно Соединенные Штаты вытесняли Англию из Южной Америки. Если до войны страны Южной Америки получали 28% своего импорта из Англии и 16% из США,

то в 1928 г. доля Англии упала до 19%, а доля США выросла до 29%. Да и старый европейский конкурент, Германия, благодаря планам Дауэса и Юнга восстановил свои позиции. В 1929 г. ее экспорт достиг довоенного уровня. Поэтому английские промышленники требовали «коренного пересмотра и даже отмены плана Дауэса».

Дополнительным ударом по экспорту стало восстановление золотого стандарта фунта стерлингов. Во время войны в Англии, как и в других странах, началась инфляция. Масса бумажных денег в обращении выросла с 33 млн фунтов стерлингов в 1914 г. до 350 млн в 1920 г. Цены на товары за это время выросли более чем вдвое. Фунт стерлингов теперь стоил 68% довоенного. Чтобы укрепить престиж упавшего фунта, в 1925 г. был восстановлен довоенный золотой стандарт, и теперь фунт, как и до войны, стоил 4,68 доллара.

Это не сделало фунт снова главной мировой валютой, но английские товары на мировых рынках подорожали в среднем на 12%. Как отмечал экономист Кейнс, в 1924 г. английский уголь в Бразилии стоил на 49 центов дешевле американского, а в 1925 г. – на 63 цента дороже. В 1931 г. пришлось отказаться от золотого стандарта и допустить девальвацию фунта стерлингов на треть.

Итак, Англию все более теснили на мировых рынках, и традиционная фритредерская политика теперь себя уже не оправдывала. Пришлось вернуться к протекционизму. Но теперь это был протекционизм нового типа: он охватывал страны Британской империи.

Возврат к протекционизму был делом консерваторов. Либералы традиционно защищали принципы свободной торговли, а лейбористы были против протекционизма, потому что он вел к повышению цен на внутреннем рынке.

Правда, началось все с попыток вернуться к «обычному» протекционизму. В 1921 г. были введены импортные пошлины в 33,5% на товары, производимые «ключевыми отраслями» английской промышленности, в основном на продукцию некоторых новых отраслей, производивших товары для внутреннего рынка. Было оговорено, что и другие отрасли могут ходатайствовать о введении аналогичных пошлин.

В 1932 г. была введена 10%-ная пошлина на все ввозимые товары, причем в некоторых случаях она могла быть повышена до 100% от стоимости товара.

Но это было не главное направление нового протекционизма. В 1929 г. газетный магнат лорд Бивербрук начал кампанию за возведение вокруг стран Британской империи «мощной тарифной стены, ограждающей ее от всего остального мира». Эта идея была реализована в 1932 г. на конференции стран империи в Оттаве. Эти страны, которые теперь назывались Бри-

танским содружеством наций, вводили «преференции» – предпочтительные, пониженные тарифы при торговле внутри Содружества, и в первую очередь при торговле с Англией, а при торговле с остальным миром пошлины, наоборот, повышались. Был образован замкнутый таможенный союз. Пошлины на английские товары здесь были на треть ниже, чем на товары других стран, а 80% товаров, ввозимых в Англию из стран Содружества, освобождались от пошлин. Пошлины на товары стран, не входивших в состав Содружества, повышались в разной степени. Например, в Египте на японские хлопчатобумажные ткани была установлена пошлина в 40% от цены этих тканей.

Следует оговориться, что преференции стали вводиться значительно раньше. Оттавская конференция лишь закрепила и усилила сложившуюся к этому времени практику.

Соединенные Штаты, которые в это время проводят интенсивную политику завоевания мировых рынков, выражали недовольство преференциями. Теперь они, а не Англия, выступали за свободную торговлю. Но английское правительство в лице Бальфура отвечало, что «внутриимперские торговые отношения должны рассматриваться как исключительно внутренний вопрос, не подлежащий рассмотрению в дипломатических переговорах или обсуждениях с любой иностранной державой».

В результате этих мер в 1938 г. имперский рынок поглощал половину английского экспорта, а 40% экспорта стран империи направлялось в Англию.

Следует заметить, что к этому времени английские доминионы были самостоятельными государствами, и с Англией их связывали лишь договорные отношения. Распад Британской империи на этом этапе проявлялся именно в превращении империи в Британское содружество наций, и поэтому преференции следует считать крупным достижением английской дипломатии.

Еще более крупным достижением английской внешней политики стал «стерлинговый блок», образованный в 1931 г. Этот блок объединял Англию с ее колониальной империей, Голландию, Скандинавские страны, Португалию, Грецию. Эти страны договорились при торговле между собой расплачиваться фунтами стерлингов, тогда как остальной мир уже торговал на доллары. В Лондоне хранились и валютные резервы этих стран. Таким образом, этим странам было легче торговать между собой, чем с остальным миром. А поскольку самой сильной экономически из этих стран оставалась Англия, то она и получала основные преимущества от этой торговли. Стерлинговый блок позволил фунту стерлингов обслуживать до половины мирового товарооборота.

В 30-е гг. в индустриальных странах повышалась роль государства в экономике и налаживалось государственное регулирование хозяйства. В Англии эта тенденция проявлялась сравнительно слабо. Одной из особенностей вме-

шательства государства в экономическую жизнь здесь была организация смешанных государственно-капиталистических компаний, т. е. компаний с участием государственного капитала и действующих под государственным контролем. Такую смешанную форму получило производство и распределение электроэнергии, радиовещание («Би-би-си») и некоторые другие отрасли. Это было частичное выполнение программы лейбористов. Государство стало участником и нефтяного треста «Ройял Датч Шелл».

22.3. Военная экономика

С приближением войны стали увеличиваться военные расходы. С 1935 по 1939 г. военный бюджет Англии вырос в 4,5 раза – с 137 до 626 млн фунтов стерлингов. Это означало увеличение государственных заказов промышленникам, иными словами, увеличение доли государства в промышленности. Во время войны государство взяло в свои руки распределение сырья, топлива, энергии и обеспечивало всем этим в первую очередь крупнейшие компании, которые выполняли государственные заказы. Более того, государство ликвидировало некоторые мелкие фирмы или подчинило их крупным для помощи в выполнении военных заказов. Во время войны государство становится главным заказчиком и потребителем промышленной продукции, и, естественно, роль государства в экономике намного возрастает. Создается система государственных органов по руководству хозяйственной жизнью.

Естественно, решающую роль в этих государственных органах играли лидеры монополистической буржуазии. Министром военного производства стал глава «Британской металлургической корпорации» Литтлтон, главой Химического управления – представитель «Империл Кемикл Индастриз». Правительственные контролеры, которые курировали важнейшие отрасли промышленности, как правило, были представителями крупнейших фирм этих отраслей и даже продолжали получать жалованье в этих фирмах.

Готовясь к войне, Англия в основном развивала авиационную и судостроительную промышленность. Сухопутная война не предполагалась. Англия опять хотела отсидеться на своем острове и лишь отражать возможные германские десанты.

Первые месяцы после объявления войны Англия практически не вела военных действий против Германии. Член английского правительства Л. Эмери писал в своих мемуарах: «В то время, когда немцы уничтожали злополучную польскую армию, наш единственный вклад в эту битву состоял в том, что мы посылали свои бомбардировщики сбрасывать листовки над Германией,

в которых говорилось немцам, что они плохо поступают, ведя войну». Лишь через несколько месяцев во Францию стали прибывать первые английские экспедиционные части. Но и после этого продолжалась «странная война»: англо-французские войска бездействовали, укрывшись за сталью и бетоном. Как отмечал современник, в это время от дорожно-транспортных происшествий в Англии гибло гораздо больше людей, чем от военных действий.

В мае 1940 г. Германия начала мощное наступление через Бельгию и Голландию. Путь на Париж был открыт. Вместо участия в битве за Францию Англия вывела свои войска. Гитлер приостановил наступление только для того, чтобы дать англичанам возможность эвакуировать экспедиционный корпус через Дюнкерк. Теперь у Англии больше не было союзников в Европе.

Тем временем строились новые заводы для производства самолетов, артиллерийских орудий, боеприпасов. Капиталовложения в промышленность за годы войны составили около 1 млрд фунтов стерлингов. По законам военного времени рабочие были прикреплены к предприятиям. Была проведена мобилизация всего трудоспособного населения для работы в промышленности. Рабочие кадры пополнялись в значительной степени за счет женщин.

Чтобы увеличить ресурсы для расширения военного производства, в начале 1941 г. был принят закон о «промышленных ядрах», согласно которому производство невоенной продукции концентрировалось на немногих крупнейших предприятиях. 3,5 тыс. предприятий были закрыты, а 2,6 млн рабочих и 4 млн кв. м производственных площадей были переключены на военное производство.

Несмотря на рост военной промышленности, базовые отрасли этой промышленности – металлургическая и угольная – за годы войны сократили производство. Резко сократился импорт сырья и продовольствия. Экспортная торговля практически прекратилась.

И все же разрушительное действие войны на британскую экономику было сравнительно слабым. Здесь не было германской оккупации: в решающий момент основные вооруженные силы Германии были заняты войной против СССР. Ущерб выражался лишь в германских бомбардировках и резком сокращении внешнеэкономических связей.

23. ЭКОНОМИКА ФРАНЦИИ МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

23.1. Последствия войны

Особенности экономического развития Франции в межвоенный период в значительной степени определялись результатами Первой мировой войны. Как отмечал бывший французский премьер-министр Ж. Кайо, война нарушила специализацию европейских стран на производстве определенной продукции. Она ослабила торговлю между ними, и теперь каждая страна готовила для себя и те товары, которые прежде импортировались. «Каждая из этих стран производит все», – писал Кайо.

При достигнутой перед войной специализации товары производились там, где были наиболее благоприятные условия для их производства. Теперь товары, которые производились в менее благоприятных условиях, конечно, были дороже, т. е. произошло общее удорожание производства. Конечно, это касалось не только Франции.

В результате войны Франция перестала быть страной, специализировавшейся на легкой промышленности, на производстве предметов роскоши, модных товаров. Военные потребности стимулировали развитие тяжелой промышленности, особенно новых отраслей – автомобильной, авиационной, химической. Доля легкой промышленности сокращалась.

Ускорению развития тяжелой промышленности способствовало и возвращение Лотарингии. С ее присоединением по добыче железной руды Франция выдвинулась на первое место в Европе.

Значительную часть репараций с Германии Франция получала каменным углем. Этот дешевый уголь, конечно, также способствовал развитию металлургии, а дешевый металл ускорял развитие машиностроения.

Способствовало промышленному росту Франции и обновление основного капитала как следствие военных разрушений. Тогда это было скорее исключением, чем правилом: поскольку бомбардировочная авиация только еще рождалась, на территории Англии, например, не было еще существенных разрушений. Хозяйство разрушалось только в зонах военных действий. Но в восточных районах Франции бои шли, и хозяйство здесь было разрушено основательно.

В результате мировой войны Франция перестала быть «мировым ростовщиком». После Октябрьской революции она потеряла в России половину вывезенных за границу капиталов: советское правительство отказалось признавать прежние долги и возвращать сделанные во Франции займы, а капиталы, вложенные в угольную и металлургическую промышленность России, были потеряны с национализацией этой промышленности.

Но главный ущерб заключался не в этом. Война потребовала огромных расходов, которые покрывались за счет займов, и государственный долг Франции достиг непомерной величины. В 1921 г. в докладе по бюджету в Сенате было зафиксировано «более 300 млрд долгов». Правда, на долю Франции приходилось 52% германских репараций, что составляло 85 млрд франков, но это не покрывало долга, а к тому же сумма репараций в дальнейшем была сокращена.

Военные расходы покрывались и за счет эмиссии. Сумма денег в обращении к 1920 г. выросла по сравнению с довоенным периодом в 7 раз, цены повысились в 5 раз. В 6 раз подешевели ценные бумаги, что привело к массовому разорению мелких рантье. Франк обесценивался.

И дело не только в том, что Франция стала меньше вывозить капиталы: увеличилась доля вывоза их не в ростовщической форме (займы), а в производительной. Это было связано, в частности, с тем, что больше капиталов стало экспортироваться в колонии. Если перед войной в колонии из Франции направлялось только 10% товаров и капиталов, то в конце 30-х гг. – 30%. Франция только теперь по-настоящему приступила к освоению колониальных богатств. Но колониям не дают займы. Капитал, вывезенный в колонии, вкладывается в их хозяйство.

Итак, еще одним последствием войны стала потеря Францией роли мирового банкира.

23.2. Промышленность и банки

В результате войны промышленное производство Франции сократилось на 40%. Промышленный подъем 20-х гг. здесь продолжался до лета 1930 г. Темпы роста промышленности Франции в 20-х гг. были выше, чем в других странах. К концу подъема производство выросло на 40% по сравнению с уровнем 1913 г. Подъем происходил в основном за счет новых отраслей, которые в это время стали набирать силу, а также за счет металлургии, увеличившей производство в 5 раз благодаря присоединению Лотарингии. Легкая же промышленность топталась на месте. Например, текстильная промышленность в 1930 г. произвела продукции на 30% меньше, чем в 1913-м.

Мировой экономический кризис наступил во Франции позже, чем в других странах, – не в 1929-м, а только во второй половине 1930 г. Промышленность Франции еще продолжала наращивать производство, когда в других странах уже начался спад. В период кризиса промышленность сократила выпуск продукции на треть, сельскохозяйственное производство упало на 40%. Начавшись позже, чем в других странах, кончился кризис во Франции тоже позже – только в 1936 г.

После кризиса новый подъем не наступил. Кризис сменился депрессией, затем слабым промышленным оживлением, связанным уже с подготовкой к Второй мировой войне. Если до кризиса французская промышленность росла быстрее, чем в других странах, то теперь она снова отстает от них. И накануне Второй мировой войны промышленное производство Франции оказалось на том же уровне, что и накануне Первой мировой войны: в 1938 г. было получено столько же продукции, что и в 1913 г. Максимальный уровень промышленного производства, достигнутый в 1929 г., так и не был восстановлен. Доля Франции в мировом промышленном производстве, составлявшая в 1913 г. 7%, в 1937 г. упала до 4%.

Одной из главных причин, тормозивших развитие промышленности Франции, было преобладание мелких предприятий и, как следствие, низкий технический уровень. В 1931 г. доля предприятий с механическим двигателем составляла всего 27%. Три четверти предприятий оставались на уровне ремесла и мануфактуры. 40% промышленных рабочих накануне Второй мировой войны было занято в ремесленных мастерских с ручным трудом и числом работников до десяти человек. Например, в швейной промышленности Франции, игравшей значительную роль в этой стране, преобладали «одиночки», т. е. производственные единицы, состоявшие всего из одного человека, без подмастерьев и учеников.

Тяжелая индустрия Франции развивалась сравнительно высокими темпами, но преодолеть отставание от традиционных отраслей в период между войнами она еще не смогла. Легкая промышленность все еще преобладала. В текстильной, обувной и пищевой отраслях было занято больше половины промышленных рабочих.

К тому же промышленные монополии были заинтересованы в сохранении мелких предприятий. Низкий уровень техники и низкая производительность труда в мелких заведениях имели следствием высокую стоимость продукции. Высокие цены позволяли владельцам таких заведений сводить концы с концами, а владельцам индустриальных предприятий обеспечивали сверхприбыли.

Тормозил развитие промышленности и дефицит ресурсов. Возвращение рудников Лотарингии усилило зависимость Франции от импорта угля.

Третью часть потребляемого угля Франция получала из-за границы. И все же значительную часть добываемой железной руды приходилось экспортировать.

Добыча медной руды обеспечивала производство лишь 600 т меди, тогда как импорт меди превышал 100 тыс. т. Так же обстояло и с рудами других цветных металлов.

Период между войнами – это период, когда уголь вытеснялся нефтью: двигатели внутреннего сгорания в отличие от паровых двигателей требовали жидкого топлива. Но своей нефти во Франции не было. Все нефтепродукты импортировались.

Все это не имело значения для легкой промышленности. Но теперь недостаток ресурсов стал тормозить развитие тяжелой промышленности, выдвигание ее на первый план в экономике Франции.

Промышленные монополии здесь, как и в других странах, господствовали в тяжелой промышленности. Концерн «Комите де Форж» объединял 250 металлургических компаний. Трест «Кюль-ман» выпускал 80% химической продукции страны. В автомобильной промышленности господствовали компании «Рено», «Пежо» и «Ситроен». Строго говоря, их нельзя назвать монополиями, поскольку монополизировать производство и господствовать на рынке могла бы только одна компания.

Отставая по темпам роста промышленности, Франция сохраняет ведущее место по концентрации банковского капитала. В 1933 г. золотой запас центральных банков европейских государств составлял 6932 млн долл., в том числе во Франции – 3213 млн, в Англии – 925 млн, в Германии – 58 млн. Почти половина золотого запаса Европы принадлежала Франции.

Среди частных банков господствующее положение сохраняли с довоенных времен четыре банка: «Креди Лионне», «Со-сьете Женераль», «Креди Индустриэль» и «Контуар д'Эсконт». Но теперь на первый план выдвинулись и новые банки: «БНКЭ» и «Креди коммерсьяль де Франс». Эти шесть банков держали в своих руках в 1937 г. 60% депозитов.

По инициативе государства в это время учреждаются полугосударственные банки, призванные содействовать развитию хозяйства. Наиболее известные из них – «Креди Агриколь» для кредитования сельского хозяйства и «Креди насьональ» для кредитования мелких и средних предприятий промышленности и торговли.

23.3. Застой сельского хозяйства

К началу Второй мировой войны Франция еще оставалась наполовину аграрной страной: в сельском хозяйстве было занято 37% самодеятельного населения, а в промышленности – только 25%. Сельское хозяйство находилось в состоянии застоя. В 1938 г. сельскохозяйственное производство лишь на 10% превышало уровень 1913 г. Часть земель была заброшена. На 19% сократилась численность людей, занятых в сельском хозяйстве. Производительность труда, т. е. количество продукции на занятого работника во Франции, была вдвое ниже, чем в Англии.

Главной причиной застоя была традиционная парцеллярность земледелия, преобладание мелких крестьянских хозяйств. Правда, теперь эта парцеллярность постепенно изживалась. Мелкие хозяйства разорялись. Если в 1892 г. числилось 5,6 млн хозяйств, то в 1929 г. – только 3,9 млн, т. е. на 30% меньше.

Если в 1892 г. мелких хозяйств с площадью земли до 1 га насчитывалось 2,2 млн, и они составляли 39% от числа всех хозяйств, то к 1929 г. их число сократилось до 900 тыс., а их доля – до 24%. И, наоборот, число хозяйств с площадью свыше 10 га увеличилось с 852 до 1080 тыс., и теперь они составляли 29% от числа всех хозяйств. Но даже и теперь до 70% всех хозяйств составляли владения с земельной площадью меньше 10 га.

С 1906 по 1931 г. число сельских хозяев сократилось на 9,8%, а наемных рабочих – на 24,4%. При этом особенно значительно число наемных рабочих уменьшилось в районах крупного механизированного хозяйства, где преобладал наемный труд. Это отражало технический прогресс в земледелии.

Положительные сдвиги наблюдались и в структуре сельского хозяйства. Среднегодовой сбор пшеницы к 1932–1936 гг. уменьшился по сравнению с довоенным уровнем на 3,7%, причем ее урожайность повысилась с 13,2 ц с га до 15,9 ц, тогда как в Англии средняя урожайность пшеницы составляла 23 ц, а в Германии – 21 ц. Зато производство вина за это время выросло на 34,4%, столового винограда и персиков – в три с лишним раза. Интенсификация сельского хозяйства выражалась в увеличении доли культур, для которых во Франции были наиболее благоприятные условия.

Сократилось овцеводство в связи с переходом от трехполья к многопольным севооборотам и исчезновением пара, на котором обычно и паслись овцы. Производство шерсти с 1900 по 1938 г. уменьшилось на 60%. Зато увеличилось поголовье свиней и крупного рогатого скота.

Эти прогрессивные изменения в аграрном секторе не только отражали, но и ускоряли разорение мелких крестьянских хозяйств, которые не могли перестроиться на путь интенсивного земледелия.

Цены сельскохозяйственной продукции были выше, чем в соседних государствах. Например, пшеница стоила здесь вдвое дороже, чем в Англии. Но для мелких хозяйств эти высокие цены в лучшем случае лишь покрывали издержки производства. Разорение крестьян усилилось в период кризиса 30-х гг., когда цена пшеницы упала вдвое, а вина – в 2,5 раза.

До Первой мировой войны следствием парцеллярности сельского хозяйства был замедленный рост населения. Эта тенденция сохранилась и в период между войнами. Население Франции увеличилось с 38,8 млн человек в 1918 г. до 41,9 млн в 1935 г., а к 1938 г. сократилось до 41 млн. Если в 1913 г. французы составляли 2,3% мирового населения, то в 1938 г. – 2%. Накануне Второй мировой войны во Франции смертность была выше рождаемости. Замедленный рост населения сужал внутренний рынок Франции, особенно рынок труда, увеличивал расходы на содержание стариков.

Застой экономики отражался и на внешней торговле Франции. Если принять объем довоенного внешнеторгового оборота за 100%, то к 1929 г. он увеличился до 121%, а в 1938 г. составил 95%. Таким образом, за период с кануна Первой до кануна Второй мировой войны внешняя торговля Франции даже несколько сократилась. Доля Франции в мировой торговле опустилась с 7,7% в 1913 г. до 5% в 1937 г.

Баланс внешней торговли был дефицитным: Франция покупала больше чужих товаров, чем продавала своих, причем эта дефицитность увеличивалась. В переводе на франки 1912 г. дефицит вырос с 1,3 млрд в 1912 г. до 2,5 млрд в 1936–1938 гг. К 1938 г. дефицит составлял 50% экспорта.

В составе импорта увеличивались доли угля и нефти и, как это ни странно, – фруктов и вина. Правда, вино и фрукты привозили в основном из Алжира. В составе экспорта сократилась доля предметов роскоши, тканей, гончарных и стекольных изделий, т. е. продукции легкой промышленности. Увеличился экспорт металлов, машин, продукции химической промышленности. Увеличение импорта нефти и угля и экспорта продукции тяжелой промышленности отражало структурные изменения во французской экономике.

23.4. Государственный долг, рантие, франк

В период между войнами в индустриальных странах усиливалась роль государства в экономике, начинался переход к государственному регулированию хозяйства. Во Франции это выражалось в непомерном увеличении государственного бюджета. С 1913 по 1939 г. государственные расходы

выросли втрое. Если в 1911 г. они составляли 14% национального дохода, то в 1936 г. – 40%.

Такой рост расходов уже не покрывался обычными доходами государства, и увеличивался бюджетный дефицит. В 1936 г. государственные расходы составили 77 млрд франков, а доходы – только 48 млрд. В 1938 г. доходы тоже покрывали только 60% расходной части бюджета.

Дефицитность бюджета вела к росту государственного долга, а это, в свою очередь, увеличивало расходную часть бюджета. В 1938 г. расходы по государственному долгу составили 45% всех государственных расходов.

Увеличивался слой рантье. Ценные бумаги во Франции стали главным источником доходов. По расчетам Ш. Беттельхейма, в 1924 г. сумма ценных бумаг стоила дороже, чем все недвижимое имущество, а больше половины ценных бумаг составляли облигации государственных займов.

Естественным следствием всего этого была неустойчивость франка. К 1926 г. цены во Франции выросли в 7 раз по сравнению с уровнем 1913 г. В 1928 г. был восстановлен золотой паритет франка. Его золотое содержание было установлено на уровне 20% от довоенного, тогда как покупательная способность франка составляла лишь 16% довоенной. Инфляция продолжалась: в 1936 г. была проведена девальвация, а в 1937 г. пришлось отказаться от золотого стандарта. В 1938 г. франк был привязан к фунту стерлингов: он теперь составлял 179-ю часть фунта.

Дальнейшее усиление роли государства в экономике было связано с приходом к власти правительства Народного фронта в 1936 г. В отличие от Германии здесь было достигнуто единство действий социалистов и коммунистов, и силами Народного фронта была подавлена попытка фашистского переворота.

Правительство Народного фронта провело ряд законов, улучшавших положение не только рабочих, но и мелких предпринимателей, а также сделало первые шаги по национализации. Французский банк был поставлен под государственный контроль, частично национализирована военная промышленность, было создано Национальное общество железных дорог с преобладанием государственного капитала.

23.5. Период оккупации

В период германской оккупации Франция формально оставалась самостоятельным государством, но правительство Петэна полностью зависело от германских властей. Это правительство, опасаясь гнева народа, вы-

брало своей резиденцией курортный город Виши, подальше от индустриальных и политических центров страны.

Французская экономика стала придатком германской военной машины. Резко увеличился «экспорт» товаров в Германию, главным образом сырья и продовольствия, который являлся, в сущности, просто грабежом. Франция выплатила Германии 85 млрд франков контрибуции, а расходы на содержание оккупационной армии составляли 400 млн франков в день. С учетом падения стоимости франка государственные расходы с 1938 по 1943 г. выросли в 2,5 раза. По расчетам ГЛ. Беттельхейма, за период оккупации Франция потеряла 1448 млрд франков.

Резко возросла инфляция. В 1944 г. в обращении находилось в 3,8 раза больше денег, чем в 1939 г., и даже официальные цены за это время выросли в 3 раза. Цены на черном рынке были вдвое выше официальных.

Падало производство. В 1944 г. промышленность произвела только 40% продукции от уровня 1938 г. На 40% сократилось сельскохозяйственное производство. Сбор пшеницы уменьшился по сравнению с довоенным на треть, картофеля – в три раза. К тому же до войны значительная часть продовольствия поступала во Францию из Северной Африки, в основном из Алжира, а в 1942 г. Северная Африка была занята союзными войсками, и связь с ней оборвалась. Во Франции начался голод.

Итак, можно выделить две главные особенности экономики Франции между мировыми войнами. Одной из особенностей было сохранившееся с прежних времен преобладание мелких заведений в промышленности и торговле и крестьянских хозяйств в аграрном секторе. Другой особенностью был высокий удельный вес банковского капитала и значительный слой рантье, держателей ценных бумаг, – наследие ростовщического характера французского капитализма.

24. ЭКОНОМИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

24.1. Последствия Первой мировой войны

Первая мировая война обошлась Германии дороже, чем другим капиталистическим странам. Здесь промышленное производство сократилось вдвое, победители отобрали у нее все колонии, обратно к Франции отошли Эльзас и Лотарингия. По некоторым подсчетам, национальное богатство Германии в результате этих потерь уменьшилось вдвое. Но особенно тяжелым последствием было то, что страны-победители наложили на Германию *репарации, т. е. суммы военного ущерба*, которые должна была возместить Германия, размером в 132 млрд золотых марок. За короткий срок разоренная войной Германия выплатить эту сумму была не в состоянии. В обеспечение репарационных сумм победители вывозили из Германии все, что представляло ценность, а в 1923 г. франко-бельгийские войска оккупировали Рурскую область, которая давала 90% угля и 50% металла Германии, чтобы беспрепятственно вывозить ее продукцию.

В 1924 г. на помощь пришли США. Они предложили «**План Дауэса**». Заключался этот план в следующем: США (и в небольшой степени Англия) дают Германии займы для восстановления промышленности, доходы промышленности идут на уплату репараций Англии и Франции, а получив репарации, Англия и Франция возвращают США свои военные долги.

По плану Дауэса Германия получила около 30 млрд золотых марок. Выплатила она за время действия этого плана в счет репараций 8 млрд марок. Под этим «золотым дождем» германская промышленность стала восстанавливаться и расти.

В 1929 г. план Дауэса был заменен «**Планом Юнга**». Новый план представлял еще большую уступку Германии. Сумма репараций значительно сокращалась, и выплачивать их Германия должна была сравнительно небольшими ежегодными платежами до 1988 г. Однако теперь даже такой вариант был уже нереален: начинался мировой экономический кризис – тут уж не до репараций! Поэтому в 1932 г. план Юнга, а вместе с тем и репарации вообще были отменены.

Всего Германия выплатила в счет репараций около 20 млрд марок. Основная тяжесть репараций пришлась на первые годы, когда промышлен-

ность Германии была наполовину разрушена, капиталов не было, а победители настойчиво добивались платежей. Сначала из Германии уплыло последнее золото, а затем в счет репараций стали вывозить уголь, коров, паровозы. И в соответствии с этим падала марка. В стране наступила невиданная инфляция. Следует подчеркнуть, что вывозились товары, которые противостояли бумажно-денежной массе, марка не была обеспечена золотом.

Инфляция разорила массу мелкой буржуазии, рантье, людей, у которых за годы войны и в результате спекуляций скопились денежные накопления. В этом смысле мелкая буржуазия пострадала больше рабочих, у которых и накоплений не было. Правда, рост заработной платы отставал от роста цен, поэтому на время инфляции материальное положение рабочих, конечно, ухудшилось.

Но промышленная буржуазия, корпорации от инфляции выиграли. Они платили зарплату почти ничего не стоящими бумажками, ими же платили налоги государству и возвращали долги банкам. Расплатившись с банками, промышленные корпорации становились от них независимыми, и финансовые группы распадались. Поэтому *нельзя говорить, что от инфляции выиграла вся буржуазия, – банки тоже пострадали. А собственный капитал промышленных корпораций не пострадал:* он заключался не в деньгах, а в реальных ценностях – оборудовании, корпусах фабрик, запасах сырья и продукции. Пользуясь инфляцией, можно было продавать свою продукцию за границей по сниженным ценам, но за валюту, и получать высокие прибыли.

После принятия Плана Дауэса происходит дальнейшее **укрепление монополий**. Путем слияний рождаются новые тресты и концерны. В 1920 г. возникает **«Стальной трест»**. Это была целая промышленная держава со своими шахтами, электростанциями, машиностроительными и судостроительными заводами. В этом отношении «Стальной трест» был похож на «Концерн Круппа». Как мы видим, такая **многоотраслевая структура с расчетом на самообслуживание** была вообще характерна для Германии того времени. В 1925 г. в результате слияния химических компаний рождается знаменитый химический трест **«Фар-бениндустри»**.

Итак, в 20-х гг. немецкая промышленность восстанавливается и развивается дальше. Но к 1929 г. промышленное производство Германии выросло только на 8% сравнительно с довоенным уровнем. **Рост производства здесь удерживался узостью внутреннего рынка:** ведь германское население обнищало в период инфляции и все еще продолжало платить репарации. Потенциальные покупатели потеряли свои сбережения. А следствием узости внутреннего рынка была особенно большая недогрузка производственных мощностей и безработица. Производственные мощности в период подъема были загружены только на 70%, а безработных было 4 млн.

Естественно, что кризис 1929–1933 гг. проявился в Германии в особенно острой форме. Промышленное производство сократилось более чем на 40%, а 70% производственных мощностей стояли в бездействии. Больше половины рабочих оказались безработными.

В годы кризиса **обострились социальные противоречия.**

Антикризисные меры, которые здесь принимались, как и в других странах, имели антирабочую направленность. Здесь законом сокращается зарплата, ликвидируются пособия по безработице; в трудовых лагерях, куда собирали безработных, был установлен жесткий военный режим.

В стране складывается революционная ситуация. Как всегда бывает в подобных случаях, происходит поляризация политических сил: теряют позиции умеренные партии, усиливаются крайние. На одном полюсе усиливаются фашисты, на другом – социалисты-коммунисты.

Поскольку умеренные буржуазные партии теряли голоса, монополистическая буржуазия искала новую силу, на которую можно было опереться, и нашла ее в лице партии Гитлера. В отличие от Франции в Германии не сложился союз социалистов и коммунистов. Сталин объявил социалистов «социал-фашистами», и о необходимости борьбы с ними говорилось не меньше, чем о борьбе с подлинным фашизмом. А к словам руководителя единственного государства, где коммунисты стояли у власти, нельзя было не прислушаться. Ряды левых были расколоты. Это стало одной из причин победы Гитлера в 1933 г.

24.2. Экономика Германии при нацизме

Что такое германский фашизм? Фашизм в Германии, как и в других странах, родился как мелкобуржуазное политическое движение, политическое движение людей не очень богатых, не очень образованных и в силу экономического развития теряющих устойчивое положение в обществе и, естественно, недовольных этим. Штурмовые отряды фашистской партии состояли преимущественно из представителей мелкой буржуазии. Лозунги, которые провозглашал Гитлер, были мелкобуржуазными. Он обещал ликвидировать капиталистические монополии, защитить разоряемых ремесленников и мелких торговцев, организовать для них дешевый кредит. И шовинистическая пропаганда была обращена тоже к мелкой буржуазии, которая больше других слоев общества пострадала от результатов Первой мировой войны, от репараций и инфляции. *Массовое разорение этой части населения Германии активизировало ее, это и сделало партию Гитлера достаточно*

сильной. Пошла за Гитлером и часть рабочих – ведь его партия называлась национал-социалистической рабочей партией. Конечно, в первую очередь это были те, кто потерял работу.

Но, придя к власти, Гитлер отбросил прежнюю программу и стал проводить такую политику, которая была нужна не мелкой, а монополистической буржуазии. В 1934 г. Гитлер устраивает **«ночь длинных ножей»**: его сторонники уничтожают руководителей штурмовых отрядов во главе с Рэмом, ближайшим до этого времени сподвижником Гитлера, а заодно и массу рядовых штурмовиков. Национал-социалисты уничтожали собственные боевые отряды. Подоплека этого события была такова. Представители мелкой буржуазии, объединенные штурмовые отряды, принимая слова Гитлера за чистую монету, начали действия против монополий. Рэм, их руководитель, хотел использовать это движение, чтобы влить штурмовиков в армию и стать главнокомандующим. Но Гитлер за поддержку на пути к власти обещал руководителям монополий их неприкосновенность, а генералитету обещал оставить армию монополией юнкеров. Во исполнение этих обещаний и была проведена «ночь длинных ножей».

Поэтому фашизм после прихода к власти изменил свою социальную сущность. Он стал особой формой государственно-монополистического капитализма, государственного управления хозяйством, доведенного до крайней степени.

Все хозяйство страны было подчинено органам государственного управления, в которых решающую роль играли лидеры монополистической буржуазии. Во главе был поставлен **Генеральный совет хозяйства**, решающее слово в котором принадлежало «пушечному королю» Круппу и «электротехническому королю» Сименсу. *Генеральному совету были подчинены «хозяйственные группы», возглавлявшие главные отрасли хозяйства (промышленность, торговля, кредит), а тем, в свою очередь, «отраслевые группы» (химическая, авиационная и другие отрасли промышленности).*

Резко расширился государственный сектор хозяйства. Крупнейшей корпорацией в стране стал **государственный концерн Геринга**, который сначала увеличился за счет конфискованного имущества евреев и других репрессированных, а затем в его состав включались предприятия, которые захватывала Германия на оккупированных территориях. С самого начала фашистское государство приступило к **регулированию цен**, нарушив тем рыночные отношения. Был установлен низкий уровень цен на товары народного потребления. В результате эти товары исчезли с полок магазинов, и теперь их можно было купить только на черном рынке по гораздо более высоким ценам. Пришлось вводить карточки на продовольствие.

Под контроль государства было поставлено и сельское хозяйство. Сельскохозяйственная продукция учитывалась и должна была сдаваться государству по установленным ценам. Хозяйства грессбауэров и юнкеров, т. е. крупные капиталистические хозяйства, были объявлены «наследственными дворами»: в соответствии со средневековым принципом майората они передавались по наследству только старшему сыну. Остальные сыновья должны были служить государству и завоевывать себе «жизненное пространство».

Таким образом, **все хозяйство Германии было переведено в централизованную систему, которой по линии государства управляли лидеры монополистической буржуазии.** Установив контроль над хозяйством, гитлеровское государство начинает **экономическую подготовку к войне.** В 1936 г. был принят 2-й четырехлетний план, основной задачей которого было обеспечение экономической независимости Германии от импорта и ускоренное развитие тех отраслей, которые составляют базу военной промышленности. Особое внимание уделялось производству «эрзацев» – синтетических материалов и заменителей: синтетического бензина, синтетического каучука и т. п. **Была поставлена цель производить в Германии все необходимое для ведения войны,** но в этой стране не было каучуковых плантаций и нефтяных месторождений, поэтому натуральные ресурсы приходилось заменять синтетическими. В 1940 г. был принят 3-й четырехлетний план, задача которого была более узкой – развить военное производство и военно-промышленный потенциал. *Планирование фашистской Германии не было индикативным – преобладали административные методы управления. Впрочем, в экстремальных условиях, условиях подготовки к войне и войны, такие методы оказались достаточно эффективными.*

Во-первых, *военное производство развивалось за счет невоенных отраслей.* Предприятия, не попавшие в категорию важных для ведения войны, подлежали ликвидации. В результате военная продукция составила 80% всей промышленной продукции страны, а недостающая продукция доставлялась из оккупированных стран.

Во-вторых, *из оккупированных стран доставлялись и ресурсы для военного производства.* Из них поступали половина потребляемого металла, четверть каменного угля и подавляющая часть нефтепродуктов. Германия использовала и трудовые ресурсы оккупированных стран: к концу войны на ее территории работало около 10 млн иностранных рабочих, труд которых, конечно, оплачивался очень низко.

В-третьих, *развитию промышленности способствовали специфические фашистские источники ее финансирования, захват собственности демократических организаций* (только в Рабочем банке было захвачено 5 млрд марок), конфискация собственности неарийцев, ограбление оккупирован-

ных стран. В составе германской армии были специальные экономические части, которые занимались сбором и отправкой в Германию разнообразных ценностей – от запасов зерна до художественных коллекций.

Наконец, в-четвертых, *развитию промышленности способствовало резкое сокращение расходов на заработную плату*. Гитлер выполнил обещание дать работу безработным, но зарплата была ниже обычной – лишь немногим выше пособия по безработице. Это позволяло промышленникам впоследствии «выравнивать» зарплату, понижая зарплату остальным рабочим. Была введена трудовая повинность для молодежи, т. е. принудительный бесплатный труд, в котором должны были участвовать все молодые немцы. Был введен принудительный бесплатный труд для заключенных концлагерей.

Таким образом, **в организации военного хозяйства преобладали принудительные, внеэкономические методы**. Эта специфическая военная экономика стала разрушаться лишь по мере того, как начали выходить из-под контроля оккупированные страны и территории.

25. ЭКОНОМИКА США МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Период 1914–1990 гг. еще недавно было принято называть периодом общего кризиса капитализма. Но термин «общий кризис капитализма» не соответствует реальностям нашего времени, и от него придется отказаться.

Может быть, следует говорить о периоде «развитого» империализма (поскольку мы перед этим говорили о переходе к империализму)? Один из признаков империализма – колониальные империи. Они прекратили свое существование после Второй мировой войны. Вторым признаком – **монополии**. Но современные корпорации, как мы дальше узнаем, не являются монополиями в прежнем смысле этого слова. Они уже не монополизуют производство какого-то товара, да в условиях интеграции и мирового рынка это и невозможно. Следовательно, **нынешнюю экономическую систему уже нельзя назвать империализмом**.

Эта система не соответствует даже традиционным определениям капитализма. *Появился новый фактор, который стал определяющим в развитии современного хозяйства: государство стало управлять ходом этого развития, планировать его. Капитал, овеществленный в средствах производства, в машинах, перестал играть решающую роль в экономике, обеспечивая господство его владельцам. Уже не владельцы капитала, не акционеры решают судьбу хозяйства, а менеджеры, управляющие. Главную роль стали играть не машины, а «мягкий товар» – мозги.* В прежнем виде частная собственность на средства производства сохранилась лишь у фермеров и владельцев мелких торговых промышленных заведений. **Собственность же корпораций с миллионами акционеров, где роль главных акционеров играют банки (а у них – свои акционеры), вряд ли можно назвать частной. Тем более не является частной государственная собственность, охватывающая до половины и больше экономического потенциала страны.**

Мы не будем давать названия этому новому состоянию хозяйства, отметим только, что хозяйство современного «капиталистического» мира не вполне соответствует классическому определению капитализма.

25.1. Промышленный подъем 20-х гг. и кризис 1929–1933 гг.

Первая мировая война, подорвав хозяйства европейских стран, выдвинула США на роль лидера капиталистического мира. Воюющим странам были нужны разнообразные товары, которые уже не производила их промышленность, переведенная на военные рельсы. Эти товары можно было купить у единственной большой индустриальной невоюющей страны – у США. **За годы войны экспорт американских товаров вырос в 1,5 раза.** Правда, промышленное производство увеличилось значительно меньше – всего только на 20%.

Война требовала огромных затрат. Занять необходимые деньги можно было у США. В результате за годы войны США превратились из должника европейских стран в их кредитора.

Благоприятные условия сохранились для США и в послевоенные годы. Разоренная Европа нуждалась в продовольствии, промышленных товарах, в оборудовании для восстановления своей промышленности.

Население США в 1920 г. составляло 6% населения Земли, но здесь производилась почти половина мировой промышленной продукции, в том числе 85% автомобилей, 66% нефтепродуктов, больше половины чугуна и стали. Такой взлет кружил головы американским политикам.

«Нам предстоит серьезно финансировать мир, – говорил президент Вильсон, – а дающий деньги должен понимать мир и руководить им».

В 1920–1921 гг. американская экономика пережила небольшой спад, после которого начался промышленный подъем 20-х гг., получивший название эпохи «просперити» (процветания). Особенно высокими темпами в эти годы развивалась автомобильная промышленность, которая давала работу и другим отраслям, потому что для автомобилей были нужны металл, резина, бензин. Именно на это время приходилась всеобщая «автомобилизация» населения, когда автомобиль становился почти обязательной принадлежностью каждой семьи.

В связи с этим средние слои населения Америки переселяются в пригородные дома. **Пригородный дом и автомобиль становятся стандартом американского образа жизни.**

Однако этот подъем имел и существенные недостатки. Во-первых, за девять лет подъема, с 1921 по 1929 г., производство выросло всего только на 26%. Во-вторых, и это главное, в период подъема сохранялись недогрузка производственных мощностей и массовая безработица, т. е. такие явления, которые прежде были показателями кризиса. Недогрузка производственных мощностей составляла 19%, а безработных было около 2 млн чел.

Действительно, высокими темпами в годы подъема росли так называемые новые отрасли – автомобильная, авиационная, резиновая, алюминиевая, радиоэлектронная промышленность, старые же отрасли – металлургическая, угольная, текстильная – испытывали застои. Именно в этих отраслях наблюдались и недогрузка производственных мощностей, и безработица. Связано это было с техническим прогрессом. Каменный уголь как вид топлива уходил в прошлое вместе с паровыми двигателями. Двигатели внутреннего сгорания требовали жидкого топлива, много черного металла требовалось для массивных паровых двигателей, для строительства железных дорог, а новая техника требовала больше цветных сплавов. Сокращался рынок сбыта для текстильной промышленности, потому что именно эта промышленность в колониях и слаборазвитых странах стала развиваться в первую очередь. Короче говоря, после Первой мировой войны усилилась неравномерность развития различных отраслей промышленности.

В 1929 г. начался самый сильный в истории капитализма мировой экономический кризис. Начался он в США, и промышленное производство здесь сократилось вдвое. Число безработных увеличилось до 17 млн чел. Тысячи семей безработных выбрасывались на улицу. На окраинах городов выросли «**гуверовские городки**» (по имени президента), которые состояли из лачуг, построенных из старых ящиков (теперь бы их назвали «бидонвиллями»). Молодые безработные уходили из семей, чтобы найти работу в других местах, но не находили. Вдоль железнодорожных линий, под мостами, они устраивали лагеря и вели организованную лагерную жизнь. Они привыкли к этой вольной бродячей жизни и теперь уже не особенно искали оседлого места. У тех, кто остался на работе, заработная плата снизилась на 35–50%.

Доходы фермеров в связи с падением цен на сельскохозяйственные продукты уменьшились вдвое. Цены на эти продукты упали больше, чем на промышленные товары: в промышленности монополии принимали меры против падения цен. Пятая часть американских фермеров разорилась. Они бросили свои земли и пошли в города, пополняя армию безработных.

Правительство, чтобы остановить падение цен на сельскохозяйственные продукты, организовало их скупку и уничтожение. Были уничтожены миллионы тонн зерна, кофе, сахара, риса. Было подсчитано, что из-за дешевизны пшеницы ее выгоднее использовать в качестве топлива, чем топливные брикеты. И некоторые школы, и правительственные учреждения стали отапливать пшеницей. Поскольку запасов хлопка из урожаев прошлых лет было достаточно, чтобы полностью удовлетворить мировой спрос, посевы хлопка были перепаханы. Было переработано на удобрения 6 млн свиней.

В годы кризиса обанкротилось 40% банков Америки. Вкладчики, чтобы сохранить свои деньги, стали спешно забирать из банков вклады. Есте-

ственно, это ускорило банкротства. Чтобы остановить этот процесс, президент США объявил банки закрытыми. Последовало распоряжение сдать все золото, которое было у людей, в банки. За утайку золота полагалось наказание – 10 лет тюрьмы. Была проведена девальвация доллара: его золотое содержание было понижено на 40%.

25.2. «Новый курс» Рузвельта

Кризис был такой катастрофой, что экономисты стали говорить о конце капитализма, о том, что в прежнем виде капиталистическая экономика не может продолжать существование. В это время рождаются новые экономические теории – рецепты спасения и перестройки хозяйства. Пожалуй, наиболее важной из них стала теория английского экономиста Дж. М. Кейнса. Его учение и послужило теоретической основой того, что мы называем государственно-монополистическим капитализмом.

Нам необходимо уточнить это понятие. Нередко определяли государственно-монополистический капитализм так: это слияние монополий с государством, т. е. такое положение, когда монополии контролируют, держат в своих руках государственную власть.

Очевидно, сущность государственно-монополистического капитализма заключается в другом. Государство начинает регулировать хозяйственное развитие, управлять им, организует программирование экономики, т. е. приобретает функции, которых прежде капиталистическое государство не имело. Поэтому правильнее говорить не о государственно-монополистическом капитализме, а о государственном регулировании экономики. Почему происходит переход к государственному регулированию? Потому что оно позволяет избежать кризисов.

Как это происходило в США? Новый президент США Франклин Д. Рузвельт провозгласил систему мер оздоровления экономики – так называемый «новый курс».

При правительстве была создана NIRA (National Industrial Recovery Administration) – «Национальная администрация по восстановлению промышленности». Во главе ее встал «мозговой трест» – совет из крупнейших экономистов и промышленников. NIRA и стала осуществлять государственное регулирование хозяйства.

Промышленность была разделена на 17 отраслевых групп. Во главе каждой группы был поставлен свой орган, и для каждой группы были введены свои правила – «кодексы честной конкуренции». «Кодексы» устанавливали

объем производства, цены и т. д., т. е. ставили производство в определенные рамки в соответствии с емкостью рынка сбыта, т. е. с расчетом не производить продукции больше, чем может поглотить рынок.

Другим направлением курса Рузвельта была организация больших государственных работ, на которые было ассигновано свыше 3 млрд долл., – строительство новых дорог, аэродромов, школ, больниц и других сооружений, в основном в сфере инфраструктуры. Для организации этих работ было построено 2,5 тыс. палаточных лагерей, куда и собирали безработных.

Эти работы уменьшали безработицу и увеличивали рынок сбыта, потому что бывшие безработные теперь получали зарплату и покупали товары, да и для самих работ приобретались с рынка стройматериалы, строительные механизмы и многое другое. Таким образом, **эти работы поглощали товары с рынка, не производя товаров, и это рассасывало кризис.**

Соответствующие меры были приняты и в сельском хозяйстве. Государство стало скупать земли у фермеров, оставляя эту купленную землю как пустошь, без использования; стало выплачивать премии за сокращение поголовья скота, за сокращение продукции, т. е. старалось сократить объем сельскохозяйственного производства, привести его в соответствие с возможностями сбыта.

Такое государственное регулирование было необычным для старого капитализма и воспринималось как нечто некапиталистическое. Писатель **Герберт Уэллс писал: «Мне кажется, что в Соединенных Штатах речь идет о глубокой реорганизации, о создании планового, т. е. социалистического, хозяйства».** Так думал, однако, не только Уэллс. Поскольку меры Рузвельта ограничивали свободу предпринимательства, Верховный суд США признал политику Рузвельта противоречащей конституции, и в 1934 г. большинство мероприятий «нового курса» было запрещено.

После окончания кризиса подъем был довольно слабым. В 1937 г. начался новый кризис. Промышленное производство упало на 36%, число безработных выросло до 10,5 млн. Выход из этого кризиса был связан уже с началом Второй мировой войны.

26. ЭКОНОМИКА ЯПОНИИ МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

26.1. Военный подъем и послевоенные трудности

В Первой мировой войне Япония приняла участие на стороне Антанты. У нее не было особых противоречий с Германией, но на стороне Антанты действовать было выгоднее: у Германии на Дальнем Востоке не было вооруженных сил, но были колониальные владения, которые можно было захватить. Если же Япония выступила бы против Антанты, ей пришлось бы воевать против России.

Япония вступила в войну, ссылаясь на свой союзнический долг перед Англией. Договор с Англией у нее действительно был, но не обязывал Японию воевать на стороне Англии. Английское правительство, понимая, что участие Японии в войне ведет к захвату германских колоний, пыталось отговорить Японию, но безуспешно.

Так и получилось. **Участие Японии в войне было номинальным, но соседние германские владения – концессию в Шандуне, а также Марианские, Каролинские и Маршалловы острова на Тихом океане – она успешно захватила.**

Этим выгоды от войны не исчерпывались. Европейские державы в годы войны перестали везти свои товары на азиатские рынки, и **Япония стала спешно осваивать эти рынки.** Экспорт из Японии вырос в три раза, а промышленное производство – в пять раз. Экспорт обеспечил приток золота в бедную Японию, и *золотой запас Японии в годы войны вырос почти в семь раз.*

Но все закончилось с концом военной конъюнктуры. Европейские товары вернулись на азиатские рынки, и экспорт Японии сократился на 40%, а из-за этого на 20% упало промышленное производство. От этого кризиса 1920–1921 гг. Япония не могла оправиться много лет. Лишь в 1925 г. производство восстановило уровень докризисного 1919 г., но в 1926–1927 гг. Японию охватил «промежуточный» кризис, которого не было в других странах. Четверть производственных мощностей застыла в бездействии, обанкротился ряд банков и торговых домов. Уже этот кризис стал первым толчком к **милитаризации экономики.** Он привел к власти реакционное правительство

генерала Танака, и в 1927 г. появился «Меморандум Танака» – стратегический план установления мирового господства. Этим планом намечалось захватить сначала Китай и советский Дальний Восток, затем всю Азию, Европу и разгромом США завершить покорение мира.

Через год после «промежуточного» кризиса в 1929 г. начался новый, мировой. Производство снова упало на 40%, начались крахи банков и промышленных компаний.

Таким образом, *весь период от конца Первой мировой войны до 30-х гг. Япония непрерывно переживала кризисы и депрессии. Ее экономика была слишком слабой для нормального развития в мирных условиях. Внутренний рынок был крайне узким из-за низкой, нищенской заработной платы и мелких крестьянских хозяйств, а на внешнем рынке японские товары из-за низкого уровня производительных сил были неконкурентоспособны. Они имели репутацию «дешевых, но дрянных».*

В сельском хозяйстве сохранялись те же отношения, что и до Первой мировой войны. Больше половины земли находилось в собственности помещиков, которые сами хозяйством не занимались, а сдавали землю в аренду. В основном это были «отсутствующие помещики», которые даже и жили не в деревне, а в городе, и связь которых с землей выражалась лишь в получении арендной платы. Арендная плата составляла 50–60% урожая. Средний размер крестьянских хозяйств был меньше одного гектара. По-прежнему в сельском хозяйстве господствовала мотыга; 80% крестьян не имело рабочего скота.

26.2. Милитаризация хозяйства накануне и в период Второй мировой войны (1932–1945 гг.)

Выход из экономического кризиса японское правительство видело в милитаризации и агрессии. В 1931 г. японские войска захватом Маньчжурии начинают «необъявленную» войну против Китая, а в 1937 г. «необъявленная» война перерастает в открытую, объявленную. Уже в 1932 г. военные расходы составили треть государственного бюджета, а в 1938 г. выросли до 70%. В 1938 г. был принят Закон «О всеобщей мобилизации нации», который предоставил правительству неограниченное право контроля над хозяйством страны.

Милитаризация досрочно вывела японскую промышленность из кризиса. К 1936 г. промышленное производство возросло на 70% по сравнению с уровнем 1929 г., в том числе выпуск продукции тяжелой промышленно-

сти – в 2,6 раза. В эти годы *тяжелая промышленность обгоняет легкую* и дает больше половины общего количества промышленной продукции.

Но в 30-х гг. высокими темпами росла и легкая промышленность. Дело в том, что Япония почти лишена стратегического сырья – железной руды, нефти и т. п. Это сырье приходилось покупать за границей. Но, чтобы покупать, надо иметь деньги, валюту, а чтобы иметь деньги, надо экспортировать свои товары. *Экспортировать Япония могла лишь продукцию легкой промышленности, в основном текстиль.* Чтобы увеличить экспорт текстиля, надо было отвоевать рынки у других стран, а для этого – продать дешевле. И Япония стала практиковать социальный демпинг. *Демпинг – продажа товаров за границей по пониженным ценам, чтобы потеснить конкурентов, а социальный – потому что дешевизна японских товаров обеспечивалась дешевизной труда.* В Японии увеличивается норма эксплуатации рабочих с использованием полуфеодалных методов и государственного принуждения, вырабатываются действительно очень дешевые ткани, и, экспортируя их, Япония вытесняет с восточных рынков Англию. По производству искусственного шелка в 30-х гг. Япония даже выходит на 1-е место в мире.

Экономическая экспансия в «страны Южных морей» (Юго-Восточную Азию) заключалась не только в усилении экспорта. Япония начала эксплуатировать источники стратегического сырья: завела каучуковые плантации, начала добычу нефти и медной руды.

В 30-х гг. в Японии был установлен **фашистский режим**. Как и в Германии, в экономике он означал **крайнее усиление государственного регулирования хозяйства**. Часть мелких и средних предприятий была ликвидирована, а остальные объединены в «контрольные ассоциации», которые действовали под контролем государственных органов. Государство распределяло через эти органы рабочую силу, ресурсы, кредиты. Рабочие были прикреплены к предприятиям, лишены выходных дней, а продолжительность рабочего дня иногда увеличивалась до 15 часов.

Усиление государственного регулирования означало усиление дзайбацу, потому что их верхушка заняла руководящее положение в «контрольных ассоциациях». **В это время особенно укрепляется «большая четверка» дзайбацу: «Мицуи», «Мицубиси», «Сумимото», «Ясуд».** Только нужно учесть, что теперь дзайбацу стали не просто компаниями. Они переросли в финансовые группы особой структуры. Во главе каждой группы стоял холдинг-компания («мотикабу кайся»), основная часть акций которого принадлежала семье главы группы. Отсюда исходили все распоряжения входящим в состав группы банкам, торговым, транспортным и промышленным компаниям.

В декабре 1941 г. внезапным нападением на американскую базу в Перл-Харборе и уничтожением основных сил американского тихоокеанско-

го флота Япония включилась во Вторую мировую войну. До весны 1942 г. японские вооруженные силы захватили страны Юго-Восточной Азии, с которыми до этого осуществлялось «мирное сосуществование».

Впрочем, на этом успехи и закончились. Поражение Японии в войне было предопределено экономическими факторами. Несмотря на крайнюю степень милитаризации экономики, военно-промышленный потенциал Японии был низким. Это определялось отсутствием большинства видов стратегического сырья и в общем-то слабым развитием тяжелой промышленности. Достаточно сказать, что станкостроение Японии покрывало только четверть потребностей страны. Тотальная милитаризация могла обеспечить первый стремительный натиск вооруженных сил, а затем началось падение. Промышленное производство стало сокращаться с 1943 г. *Чтобы остановить падение военного производства, началось «самопоедание» промышленности: ткацкие станки и другое оборудование легкой промышленности отправляли для переплавки на сталь. С недостатком военной техники было связано и появление камикадзе – летчиков и моряков-смертников: люди стоили дешевле машин.*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

1. КАРЛ МАРКС — ВЕЛИКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ И ПРОРОК	5
1.1. Жизненный путь ученого	7
1.2. Эта загадочная, неуловимая стоимость	12
1.3. Теория капитала: классовый подход к анатомии рыночной системы экономики	17
АНГЛИЯ. «КОЛОНИАЛЬНЫЙ» ИМПЕРИАЛИЗМ	23
2.1. Британская империя	23
2.2. Потеря промышленного лидерства	25
2.3. Фритредерство и протекционизм	29
2.4. Социальные реформы	30
2.5. Военная экономика Великобритании	32
3. ГЕРМАНИЯ. ЮНКЕРСКИЙ БУРЖУАЗНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ	35
3.1. Юнкера и буржуазия	35
3.2. Успехи промышленности. Монополии. Социалисты	36
3.3. Сельское хозяйство. «Сплочение» юнкеров и буржуазии	39
3.4. Колониальные захваты	40
3.5. Подготовка к войне	42
3.6. Военная экономика	43
4. ФРАНЦИЯ. РОСТОВЩИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ	45
4.1. Отставание промышленности	45
4.2. Парцеллярное крестьянство	47
4.3. Банки и экспорт капитала	48
4.4. Колонии	49
4.5. Монархисты, республиканцы, социалисты	50
4.6. Франция в мировой войне	52
5. ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРИАЛИЗМА США	54
6. ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРИАЛИЗМА ЯПОНИИ	58
7. ИМПЕРИАЛИЗМ И СОВРЕМЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО	60
8. ЭКОНОМИКА ИНДИИ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД	65
8.1. Завоевание Индии	65
8.2. Заминдари и райятвари	66
8.3. Источник сырья и рынок сбыта	68
8.4. Развитие промышленности	69
8.5. Борьба за независимость. Сатьяграха	72
9. ЭКОНОМИКА ЦИНСКОГО КИТАЯ	77
9.1. Манчжурское завоевание	77
9.2. Сельское хозяйство и город	79

9.3. Манчжурья и китайские чиновники	82
9.4. Конфуцианство и тайные общества	83
9.5. Политика изоляции и опиумные войны.	85
9.6. Начало промышленного переворота.	88
9.7. От «самоусиления» – к Синьхайской революции	89
10. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.	92
10.1. Австрийская экономическая школа	92
Теория предельной полезности как теория ценообразования	92
Теория издержек производства.	100
Теория процента Бем-Баверка.	103
10.2. Экономические взгляды А. Маршалла	106
11. КРИЗИС ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)	113
11.1. Кризис феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве	113
11.2. Кризис крепостной промышленности	117
11.3. Завершение первоначального накопления. Купцы и торгующие крестьяне	128
11.4. Ликвидация крепостного права	131
12. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ	135
12.1. Община и расслоение крестьянства	135
12.2. Переход помещиков к капитализму	138
12.3. Рост товарности земледелия	140
12.4. Кустарные промыслы	141
12.5. Развитие капитализма в металлургии. Урал и Юг	143
12.6. Текстильная промышленность	147
12.7. Промышленный подъем 90-х годов XIX века	149
12.8. Формирование буржуазной системы кредита.	150
12.9. Предприниматели нового типа.	152
13. ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В XIX ВЕКЕ.	156
14. КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ В РОССИЙСКОЙ ПОРЕФОРМЕННОЙ ДЕРЕВНЕ	173
15. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКОВ	198
15.1. Либерализм и реформаторство.	198
Крепостничество и капитализм.	198
Университеты, учебники, журналы	201
Шторх и русские немцы.	205
Русский реформатор: Сперанский	209
Адмирал Мордвинов	214
Вопрос о протекционизме	218
15.2. Идеи декабристов. Пестель	220
Декабристы и политическая экономия	221

Короткая жизнь Павла Пестеля	227
«Русская Правда»	233
Аграрный проект	237
15.3. Николай Тургенев	242
Повесть о братьях Тургеневых	244
Политический изгнанник	249
Крестьянский вопрос у умеренных декабристов	252
Налоги	257
15.4. Академическая наука середины века. Вернадский	260
От декабрьского восстания до крестьянской реформы	261
Политическая экономия по Бутовскому	264
Иван Вернадский	267
Первая женщина-экономист	273
15.5. Герцен и русский крестьянский социализм	276
Реформа 1861 года	277
Искандер	280
Идейное завещание	284
Община и социализм	287
Николай Огарев	291
16. ЭКОНОМИКА РОССИИ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА (1900–1917 гг.)	294
16.1. Особенности империализма в России	294
16.2. Буржуазия и государство	297
16.3. Синдикаты. «Продамет» и «Кровля»	301
16.4. Рождение трестов	303
16.5. Банки и финансовые группы	307
16.6. Аграрная реформа Столыпина	308
16.7. Промышленный подъем	311
16.8. Экономика России в годы Первой мировой войны	313
17. КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ	319
18. РОССИЙСКИЕ МАСТЕРА: ИСТОРИЯ ПАСХАЛЬНОГО ЯЙЦА ОТ ФАБЕРЖЕ	344
19. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	348
19.1. Н. Г. Чернышевский – мыслитель и человек	348
Крестный путь	354
Экономическая теория трудящихся	359
19.2. Народники первого призыва	363
19.3. Быть ли в России капитализму?	364
19.4. Бакунин, анархизм, нечаевщина	370
19.5. Ткачев и русский бланкизм	373
19.6. Лавров – патриарх русского социализма	375

19.7. Либеральная профессура. Чупров	377
19.8. Чупров-отец и Чупров-сын	383
19.9. Петербургские либералы	388
19.10. Киевская школа.	391
19.11. Новые веяния в экономической теории.	393
19.12. Сатира и социология. Салтыков-Щедрин. Иудушка Головлевы и другие	398
Сила искусства.	399
19.13. Его смоленский корреспондент	410
19.14. Позднее народничество	414
19.15. Россия на исходе столетия. Идеиная борьба	415
19.16. Николай-он и В. В.	419
19.17. Н. Я. Данилевский: «Россия и Европа»	424
19.18. Г. В. Плеханов – основоположник русского марксизма.	433
19.19. Экономические взгляды М. И. Туган-Барановского	449
19.20. Экономические взгляды А. Б. Чаянова.	453
19.21. Экономические взгляды Н. Д. Кондратьева	455
20. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ВЕДУЩИХ ДЕРЖАВ МИРА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОКОВ	459
21. БОРЬБА ВЕДУЩИХ ЭКОНОМИК МИРА ЗА РЫНКИ СБЫТА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.	484
22. ЭКОНОМИКА АНГЛИИ МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ	501
22.1. Депрессия	501
22.2. Протекционизм и империя	505
22.3. Военная экономика	508
23. ЭКОНОМИКА ФРАНЦИИ МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ	510
23.1. Последствия войны	510
23.2. Промышленность и банки	511
23.3. Застой сельского хозяйства	514
23.4. Государственный долг, рантие, франк.	515
23.5. Период оккупации	516
24. ЭКОНОМИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ	518
24.1. Последствия Первой мировой войны.	518
24.2. Экономика Германии при нацизме	520
25. ЭКОНОМИКА США МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ	524
25.1. Промышленный подъем 20-х гг. и кризис 1929–1933 гг.	525
25.2. «Новый курс» Рузвельта	527
26. ЭКОНОМИКА ЯПОНИИ МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ.	529
26.1. Военный подъем и послевоенные трудности	529
26.2. Милитаризация хозяйства накануне и в период Второй мировой войны (1932–1945 гг.)	530

НАПИСАНИЕ на ЗАКАЗ:

1. Дипломы, курсовые, рефераты...
2. Диссертации и научные работы.

Тематика любая: ИСТОРИЯ, экономика, техника, право, менеджмент, финансы, биология...

УЧЕБНИКИ, ДИПЛОМЫ, ДИССЕРТАЦИИ:
полные тексты в электронной библиотеке
www.учебники.информ2000.рф.

питализм.
оализма
дущих
войны

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru
Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99
www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

в Киеве:

«Книжный бум», книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8.
Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Barona iela 45/47. Тел. 67315727, info@merion.lv

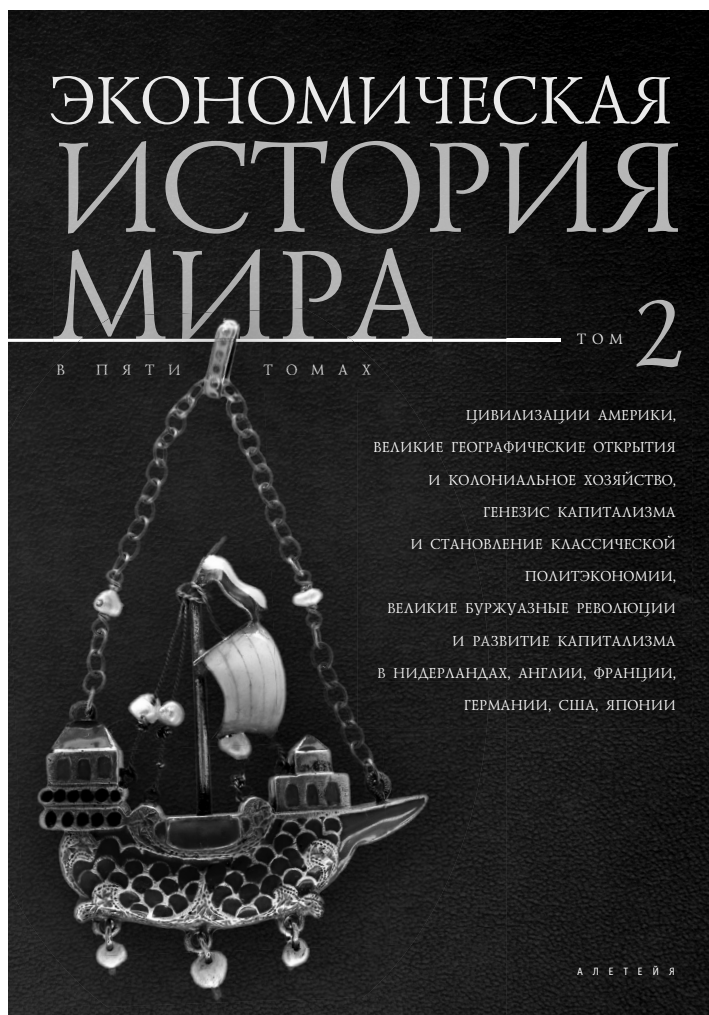
Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 70x100¹/₁₆. Усл. печ. л. 32,88. Печать офсетная.

Заказ №

Узнайте стоимость написания на заказ студенческих и аспирантских работ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/учебники.shtml>